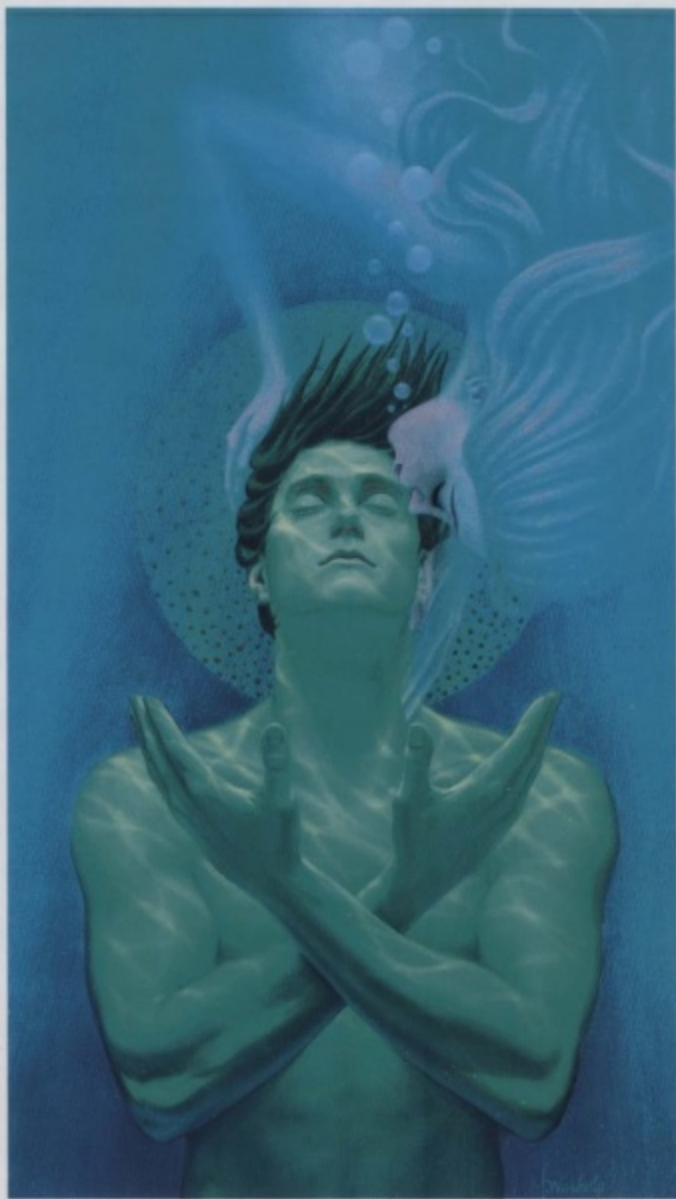

СТРАНЖЕР В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

Безусловно один из самых влиятельных романов мировой литературы.
The Guardian

STRANGER IN A STRANGE LAND

ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

18+

Лучшая книга во всем многогранном наследии почтенного классика.

Даже по прошествии полувека этот роман все так же шокирует, и будоражит воображение, и пробирает до мурашек.

Washington Post

ROBERT A. HEINLEIN

БОЛЬШОЙ
РОМАН

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН

ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
X 15

Robert A. Heinlein
STRANGER IN A STRANGE LAND
Copyright © 1961 by Robert A. Heinlein
All rights reserved

Перевод с английского
Михаила Пчелинцева, Александры Питчер

Оформление обложки Вадима Пожидаева

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

- © М. Пчелинцев, перевод на русский язык, наследники, 2018
- © А. Питчер, перевод на русский язык, примечания, 2017
- © Б. Жужунава, перевод стихов, наследник, 2018
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство ИНОСТРАНКА®

ISBN 978-5-389-13571-0

Содержание

<i>Вирджиния Хайнлайн. Предисловие</i>	8
Часть I. Его порочное происхождение	11
Часть II. Его несуразное наследство	119
Часть III. Его эксцентричное воспитание	363
Часть IV. Его скандальная карьера	507
Часть V. Его счастливая участь	589
Примечания. <i>М. Пчелинцев, А. Питчер</i>	685

*Роберту Корногу
Фредерику Брауну
Филлипу Хозе Фармеру*

В этом романе все люди, боги и планеты — вымышлены.
Любое совпадение имен — прискорбное недоразумение.

Р. Э. Х.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если вам покажется, что книга стала толще, а слов в ней больше, чем в ранее опубликованных изданиях «Чужака в стране чужой», то вы правы. Это издание — полный текст рукописи, в том виде, в котором Роберт Хайнлайн задумал и написал свой роман.

Текст предыдущих изданий насчитывает чуть больше 160 тысяч слов, а в этой книге примерно 220 тысяч слов. Рукописная страница Роберта обычно вмещала 250–300 слов, в зависимости от количества диалогов. Таким образом, если в среднем на странице 275 слов, то восьмисотстраничная рукопись содержит 220 тысяч слов или немного больше.

При первой публикации в 1961 году роман настолько отличался от тех, к которым привыкли тогдашние читатели, особенно любители научной фантастики, что редакторы настоятельно рекомендовали урезать текст и изъять из него некоторые сцены, выглядевшие оскорбительными для широкого круга читателей.

В ноябрьском номере журнала *Astounding Science Fiction* за 1948 год было напечатано письмо в редакцию, содержавшее список названий произведений, которые следует опубликовать через год. В списке упоминался и рассказ, который должен был написать Роберт Хайнлайн — «Бездна».

После долгой беседы с редактором журнала Джоном В. Кэмпбеллом-мл. было принято решение, что за год авторы успеют написать все рассказы под предложенными названиями и что

специальный выпуск журнала будет издан в ноябре 1949 года. Роберт, как и прочие авторы, пообещал написать рассказ, соответствующий предложенному названию. Специальный выпуск журнала впоследствии стал известен как «Путешествие во времени».

Теперь Роберту оставалось только придумать сюжет, подходящий для названия.

Мы с ним устроили мозговой штурм. После многих отверженных сюжетов я предложила написать рассказ о ребенке, воспитанном инопланетянами. Роберт сказал, что в рассказ этот сюжет не уложится, и пометил его отдельно, на будущее. Вечером он заперся в кабинете, делая записи, а потом их отложил.

Под названием «Бездна» был опубликован совсем другой рассказ.

Записи и заметки Роберта несколько лет лежали в папке, а потом он начал писать книгу, которую впоследствии назвали «Чужак в стране чужой». Поначалу работа не ладилась, и он ее снова отложил. К рукописи он возвращался несколько раз, но окончил ее только в 1960 году — в том виде, в котором она сейчас попала вам в руки.

В 1960 году «Чужак в стране чужой» напугал издателей — роман слишком отличался от привычных книг. Во избежание возможных убытков Роберта попросили сократить рукопись на 70 тысяч слов, оставив 150 тысяч слов текста, а также внести и некоторые другие изменения. После этого издатель решил рискнуть и опубликовать роман.

Сократить на четверть длинный, сложный роман — дело очень трудное, почти невозможное. Однако спустя несколько месяцев Роберту это удалось. Окончательный текст рукописи насчитывал 160 087 слов, и Роберт решил, что дальнейшие сокращения нежелательны. Урезанную рукопись приняли.

В таком виде роман и печатали последующие 28 лет.

В 1976 году Конгресс США принял новый Закон об авторском праве, где говорилось, между прочим, что в случае смерти автора право на публикацию переходит к его наследникам,

причем все предыдущие контракты, заключенные от имени автора, утрачивают силу. Роберт скончался в 1988 году, и на следующий год право на публикацию «Чужака в стране чужой» можно было возобновить.

В отличие от прочих авторов, Роберт хранил свои рукописи — в том виде, в котором они первоначально отправлялись в редакцию, — в архивах библиотеки Калифорнийского университета в Санта-Крузе. Я запросила копию рукописи, по-слову сверила текст с опубликованным романом и пришла к выводу, что сокращать книгу не стоило.

Я отправила копию рукописи Элинор Вуд, литературному агенту Роберта. Она согласилась, что полный текст лучше. Мы связались с издателем и отправили ему экземпляр нового — старого — несокращенного романа.

К этому времени никто в издательстве не помнил, что для публикации книга была существенно сокращена: руководство издательства давно сменилось. Новый/старый текст романа приняли с удивлением и восторгом.

Было решено опубликовать роман без сокращений, поскольку оригинальная версия всем понравилась больше.

Теперь и вы можете ознакомиться с первоначальной версией романа «Чужак в стране чужой», в том виде, в котором его создал Роберт Энсон Хайнлайн.

Имена главных героев очень важны для понимания и развития сюжета. Избраны они неспроста. Джубал означает «отец всех», Майкл — «Кто как бог?». Значение остальных имен вы можете отыскать самостоятельно.

*Вирджиния Хайнлайн
гор. Кармел, шт. Калифорния*

ЧАСТЬ I

ЕГО
ПОРОЧНОЕ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Давным-давно, когда мир был юным, жил на свете марсианин, и звали его Смит.

Валентайн Майкл Смит, такой же реальный, как налоги, был единственным представителем своей расы.

Подбор кадров для первой экспедиции с Земли на Марс основывался на предположении, что главную угрозу для человека в космосе представляет сам человек. В то время, всего лишь через восемь лет после основания первого поселения на Луне, межпланетные путешествия люди совершали в изнурительно долгом свободном полете, требовавшем трехимпульсного орбитального маневра по двум эллиптическим переходным орбитам — двести восемьдесят пять земных дней от Земли до Марса, столько же на обратный путь, да плюс еще четыреста пятьдесят дней сидеть на Марсе в ожидании, когда же наконец планеты выстроятся в конфигурацию, подходящую для этого самого обратного пути по эллиптическим орбитам, то есть почти три земных года.

Сам по себе полет был не только утомительно долгим, но и рискованным. «Посланник», этот примитивный летающий гроб, должен был сначала подзаправиться на орбитальной станции, потом вернуться чуть ли не в атмосферу Земли и лишь оттуда отправиться к Марсу. Возвращение домой зависело от того, не разобьется ли он при посадке, найдется ли на Марсе вода для реакционных камер двигателей, удастся ли пополнить запасы съестного и не случится ли какая-нибудь из тысячи возможных — а также невозможных — неприятностей.

И все же основная опасность таилась не в физических тяготах, а в психологических нагрузках и стрессах. Восьмерым людям, как мартышкам, предстояло находиться в тесном общении — и помещении — друг с другом чуть ли не три земных года; совершенно ясно, что для такого подвига требуется сверхчеловеческая уживчивость. Чисто мужскую команду сочли сообществом не очень здоровым и весьма нестабильным; оптимальным был признан вариант четырех семейных пар — буде удастся найти нужных специалистов в таком сочетании.

Эдинбургский университет (основной подрядчик по проекту) поручил подбор команды Институту общественных исследований. После отбраковки добровольцев, явно непригодных по возрасту, здоровью, складу ума, подготовке или темпераменту, остался список из девяти тысяч возможных кандидатов, каждый из которых был здоров телом и духом и обладал как минимум одним из необходимых навыков и умений. Имелись все основания предполагать, что из них удастся составить несколько команд из четырех семейных пар, на выбор.

Надежды оказались напрасными. Кораблю требовались астроном, врач, повар, капитан, механик, семантик, инженер-химик, инженер-электронщик, физик, геолог, биохимик, биолог, инженер-ядерщик, фотограф, инженер-ракетчик и гидропоник. Имелись сотни комбинаций из восьми добровольцев, обладающих всеми этими знаниями и умениями, впридачу к превосходному здоровью и крепкой психике, а среди этих сотен — три комбинации, состоявшие из четырех семейных пар; казалось бы, чего еще, однако во всех этих трех случаях специалисты по групповой динамике, оценивавшие совместимость характеров, хватались от ужаса за голову.

Главный подрядчик предложил снизить пороговое значение фактора совместимости, на что Институт гордо вызвался вернуть свой символический — размером в один доллар — гонорар. Тем временем какой-то программист, имени которого нигде не упоминалось, дал задание компьютеру составить команду из трех семейных пар. Машина отыскала несколько десятков совместимых комбинаций, каждую из которых требовалось дополнить еще одной семейной парой, удовлетворяю-

щей заданные параметры по различным критериям отбора. Остальные компьютеры продолжали изучать данные, поскольку кто-то из добровольцев умирал, кто-то отказывался от полета, в списке появлялись новые имена и тому подобное.

Капитан Майкл Брант, магистр естественных наук, коммодор резерва ВВС, лицензированный пилот и ветеран полетов на Луну (все это — к тридцати годам), вовремя вспомнил, что человек — сам кузнец своего счастья, и попросил некоего сотрудника Института отобрать из списка фамилии незамужних соискательниц, которые — вместе с ним — завершили бы формирование экипажа. После того как каждая из этих гипотетических семейных пар была пропущена через тест на совместимость с остальной командой, предприимчивый капитан купил билет в Австралию, где предложил руку свою и сердце Уинифред Коберн, старой (на девять лет старше его самого) деве с лошадиной физиономией, специалисту по семантике, и получил согласие. В Карлсбадских архивах отыскалась ее фотография: лицо добродушное, но в общем невзрачное.

Вполне возможно, что Брант обошелся и без посторонней помощи, действуя лишь по дерзкому наитию — черте характера, совершенно необходимой для командования исследовательской экспедицией. Как бы то ни было, машина поморгала лампочками и с облегчением выплюнула пачку перфокарт; команда «Посланника» была сформирована.

Капитан Майкл Брант, командир и первый пилот, астрогатор, запасной повар, запасной фотограф, инженер-ракетчик.

Доктор Уинифред Коберн Брант, сорок один год, семантик, медсестра, завхоз, историк.

Мистер Фрэнсис Сيني, двадцать восемь лет, первый помощник, второй пилот, астрогатор, астрофизик, фотограф.

Доктор Ольга Ковалик Сيني, двадцать девять лет, повар, биохимик, гидропоник.

Доктор Уорд Смит, сорок пять лет, терапевт и хирург, биолог.

Доктор Мэри Джейн Лайл Смит, двадцать шесть лет, инженер-ядерщик, техник-электронщик, техник силовых установок.

Мистер Сергей Римский, тридцать пять лет, инженер-электронщик, инженер-химик, механик, приборист, криолог.

Миссис Элеонора Альварес Римская, тридцать два года, геолог и селенолог, гидропоник.

Между собой члены этой команды обладали всеми нужными для полета профессиями и навыками, частично — приобретенными за время предполетной подготовки. Самое главное — все они были совместимы друг с другом.

Возможно, чересчур совместимы.

«Посланник» стартовал по расписанию, без происшествий. В начале путешествия его ежедневные сообщения слышали даже радиолюбители. Затем сигналы ослабели, теперь их принимали и передавали на Землю ретрансляционные спутники. Команда пребывала в добром здравии и хорошем настроении. Вся медицинская практика доктора Смита ограничилась единственным случаем стригущего лишая; адаптация к невесомости прошла быстро, противотоксические средства применялись лишь в первую неделю. Дисциплинарных проблем не возникало — во всяком случае, капитан Брант ни о чем подобном не докладывал.

«Посланник» встал на низкую — ниже Фобоса — предпосадочную орбиту и две недели фотографировал поверхность Марса.

«Садимся завтра в 12:00 по Гринвичу, чуть южнее *Lacus Soli*»¹, — сообщил капитан Брант.

Эта радиограмма оказалась последней.

2

Лишь спустя четверть века люди снова попали на Марс. Через шесть лет после того, как замолк «Посланник», беспилотный зонд «Зомби», запущенный совместно Географическим обществом и *La Societe Astronautique Internationale*², пересек космическую пустоту, выждал полагающееся время на орбите, а за-

¹ Точнее, Solis Lacus (*лат.*) — озеро Солнца.

² Международное астронавтическое общество (*фр.*).

тем вернулся. Фотографии и результаты приборных исследований подтвердили разреженность марсианской атмосферы и непригодность планеты для жизни людей; местность, изображенная на снимках, выглядела уныло и малопривлекательно — по человеческим, конечно же, стандартам.

Однако на тех же самых снимках были детали, удивительно напоминавшие развалины городов, а уж знаменитые «каналы» оказались самыми настоящими инженерными сооружениями. Начали готовить новую экспедицию, но тут разразилась Третья мировая.

В результате столь продолжительной задержки новая экспедиция оказалась значительно сильнее предыдущей. В отличие от погибшего «Посланника», космический корабль Федерации «Чемпион», снабженный лайловскими двигателями, совершил перелет за какие-то девятнадцать дней; на его борту было восемнадцать человек команды и несколько большее число колонистов (одни мужчины). Намереваясь организовать поиски «Посланника», капитан ван Тромп совершил посадку к югу от *Lacus Soli*. Радиодоклады второй экспедиции поступали на Землю ежедневно. Особый для нас интерес представляют три нижеследующих сообщения.

Первое: «Обнаружен ракетный корабль „Посланник“. Уцелевших нет».

Второе потрясающее известие: «Марс обитаем».

Третье: «Во изменение доклада 23-105. Обнаружен один уцелевший с „Посланника“».

3

Капитан Виллем ван Тромп был человеком гуманным и благоразумным. Незадолго до посадки он радировал: «Ни в коем случае, повторяю, ни в коем случае не организуйте пассажиру торжественного приема. Обеспечьте челнок с малым посадочным ускорением, санитарную машину и вооруженную охрану».

Корабельный врач, доктор Нельсон, получил задание проследить, чтобы Валентайна Майкла Смита поместили в отдельную палату Бетесдинского медицинского центра, уложили на водяную кровать и оградили от всяких внешних контактов, под неусыпной охраной морских пехотинцев. Сам ван Тромп направился на чрезвычайное заседание Верховного Совета Федерации.

Как раз тогда, когда Смита перекладывали на кровать, верховный министр науки заявил, даже не пытаясь скрыть раздражения:

— Конечно же, капитан ван Тромп, как командир экспедиции — *научной* экспедиции, не будем об этом забывать, — вы имели право организовать особое медицинское обслуживание и защиту личности, временно оказавшейся на вашем попечении. Однако не много ли вы на себя берете, чиня препятствия действиям сотрудников моего министерства? Да ведь этот ваш Смит — настоящая сокровищница научной информации!

— Скорее всего — да, сэр.

— Тогда какого же... — Министр науки переключил свое внимание на верховного министра мира и безопасности. — Дэвид? Очевидно, что дело подпадает под юрисдикцию моего ведомства. Вы не могли бы дать своим людям необходимые указания? Сколько же можно муржить профессора Кеннеди и доктора Окадзиму, да и остальных тоже. Того и гляди, начнут возмущаться.

Министр мира не ответил и вопросительно покосился на капитана ван Тромпа.

Капитан ван Тромп покачал головой:

— Никак нет, сэр.

— Но почему? — не унимался научный министр. — Почему? Вы же сами признаете, что он не болен.

— А вы бы, Пьер, дали капитану возможность объясниться, — посоветовал министр мира. — Ну так что, капитан?

— Смит действительно не болен, сэр, — медленно начал ван Тромп, — но ему плохо. Во-первых, тяготение. Сейчас его вес в два с половиной раза больше привычного, мускулы просто не справляются. Он непривычен к нормальному атмосферному

давлению. Он непривычен ни к чему земному и подвергается сейчас колоссальному напряжению. Кой черт, господа, я и сам устал как собака — я, родившийся на этой планете.

По лицу научного министра скользнула презрительная улыбка.

— Позвольте вас заверить, дражайший капитан, что мы предвидели трудности гравитационной акклиматизации — если уж она вас так волнует. За его дыханием и сердечной деятельностью будет вестись самое тщательное наблюдение. Нам не откажешь ни в воображении, ни в умении предвосхищать события. Между прочим, я тоже бывал в космосе и знаю, как чувствуешь себя потом. А этот самый человек, Смит, должен...

Капитан ван Тромп решил, что сейчас самое время устроить небольшую истерику. А потом можно будет оправдаться тем самым гравитационным недомоганием, и безо всякого вранья — он и впрямь чувствовал себя так, словно прилетел не на Землю, а на Юпитер; вдобавок, он хорошо понимал, что даже государственный деятель высочайшего калибра не посмеет жестко обойтись с командиром первой успешной экспедиции на Марс.

— Чего? — прервал он заносчивого министра. — Этот человек Смит? Этот *человек*? Да вы что, не понимаете, что он *не* человек?

— Э-э?

— Смит. Не. Человек.

— Как это? Извольте объяснить свои слова, капитан.

— Смит — не человек. Он разумное существо, генетические предки которого были людьми, но сам он — не человек. Он — марсианин, а не человек. До того как мы свалились этому вашему «человеку» на голову, он даже и не видел ни разу никаких таких людей. Он мыслит как марсианин, чувствует как марсианин. Он выращен и воспитан разумной расой, у которой нет с нами ничего общего — у них нет даже *пола*. Смит ни одной женщины в жизни не видел — и не увидит до тех пор, пока мои распоряжения останутся в силе. Генотип у Смита наш, человеческий, но взаимодействие с абсолютно чуждой нам средой сделало из него марсианина. Если хотите, чтобы

у него совсем крыша съехала, если вам не жаль терять эту самую «сокровищницу научной информации» — валяйте, напускайте на него своих дубоголовых профессоров, пусть развлекаются. А и действительно, ну чего бы ради давать несчастному шанс попривыкнуть к этому бедламу, называемому «планета Земля»? Выжмите его, как лимон. Да и вообще, при чем тут я? Я свою работу выполнил.

Затянувшееся молчание прервал генеральный секретарь Дуглас:

— И выполнили прекрасно, капитан. К вашему совету мы прислушаемся, всесторонне его обсудим и никаких поспешных действий предпринимать не станем. Если этому марсианскому человеку, или там человеческому марсианину, нужно несколько дней адаптации, наука может и подождать. Так что, Пит, потерпите. Обсудим эту проблему позже, господа. А сейчас предлагаю перейти к прочим делам. Капитан ван Тромп устал.

— Не знаю, как наука, — заметил министр общественной информации, — но есть вещи, которые ждать не могут.

— Да, Джок?

— Если по стереоящику в самое ближайшее время не покажут человека с Марса, вам, господин секретарь, придется усмирять мятежи.

— Хм-м... думаю, вы преувеличиваете. Достаточно того, что в новостях будут другие марсианские материалы. Торжественный прием, я награждаю капитана и его бравую команду. Не далее, как завтра. Капитан ван Тромп делится своими впечатлениями — не бойтесь, капитан, мы дадим вам спокойно выспаться.

Министр общественной информации решительно помотал головой.

— Что, Джок, не годится?

— Публика ожидала, что на Землю привезут взаправдашнего живого марсианина. За отсутствием такового нам нужен Смит, и нужен он нам позарез.

— Живые марсиане? А что, капитан, — повернулся Дуглас к ван Тромпу, — есть у вас отснятые материалы с марсианами?

— Километрами и килограммами.

— Вот вам и пожалуйста, Джок. Будет нечего показывать в прямом эфире — переходите на записи. Все будут в восторге, гарантирую. Да, капитан, так что там насчет экстерриториальности... Марсиане не возражают?

— Ну... в общем-то нет, сэр, но и согласия как такового не было.

— Я не очень вас понимаю.

Капитан ван Тромп задумчиво поскреб подбородок:

— Ох, не знаю даже, как и объяснить. Беседовать с марсианами, сэр, это все равно что говорить с эхом. Никто тебе не возражает, но толку — круглый ноль.

— Вам, пожалуй, следовало прихватить сюда и этого... как там его фамилия? Ну, словом, вашего семантика. Или он в коридоре дожидается?

— Его фамилия Махмуд, сэр. Доктор Махмуд не совсем здоров. Он немного... Он немного перенервничал, сэр.

Ван Тромп разумно рассудил, что «немного перенервничал» звучит значительно приличнее, чем «напился в стельку», а по смыслу — почти одно и то же.

— Отметил возвращение?

— Ну, разве что немного, сэр. — (Вот же кроты чертовы!)

— Хорошо, доставьте его ко мне, когда очухается. Думаю, с переводом нам поможет и этот молодой человек — Смит.

— Возможно, — без особой уверенности сказал ван Тромп.

Тем временем «этот молодой человек» Смит изо всех сил старался выжить. Тело его, стиснутое и изнуренное странной структурой пространства в этом невероятном месте, наконец-то покоилось в мягком гнезде, куда его уложили эти странные другие. Теперь о теле можно было и не заботиться; Смит переключил внимание третьего уровня на дыхание и сердцебиение.

И увидел, что едва не проглотил себя. Легкие работали с такой же интенсивностью, как дома, сердце колотилось как бешеное, едва успевая разносить поступающий кислород по телу, — и все это в борьбе с искривлением пространства, и все

это в удушающе-обильной, невыносимо горячей атмосфере. Следовало немедленно принять меры.

Вскоре пульс снизился до двадцати ударов в минуту, а дыхание стало почти незаметным; оставалось только проверить стабильность достигнутого состояния. Пронаблюдав некоторое время за собой и окончательно убедившись, что нечаянно не развоплотится, если отключит внимание от биологических процессов, Смит оставил в карауле крошечную часть второго уровня, а остального себя удалил. Назрела необходимость исследовать конфигурацию столь многих новых событий, чтобы воспринять их в себя, а затем восхититься ими и восхвалить их — дабы не стать их жертвой.

С чего начать?

С того момента, когда он покинул дом, всеобъяс этих других, ставших отныне его согнезdnиками? Или с прибытия в этот мир, в это мучительно скомканное пространство? Мозг Смита на мгновение послезрел ослепительные вспышки, наново услышал непонятные грохочущие звуки и содрогнулся от боли. Нет, он не готов еще воспринять эту конфигурацию — назад! назад! назад, туда, где он еще не видел и не знает этих других, ставших теперь своими. Даже дальше, за тот момент, когда он впервые грокнул, что отличен от братьев своих согнезdnиков, после чего потребовалось исцеление... назад, в гнездо!

Ничто из этого не мыслилось в земных символах и понятиях. Смит освоил уже азы английского, но пользовался им со значительно большими затруднениями, чем индус, говорящий на пиджин-инглише с турком. Для нашего марсианина английский представлял собой нечто вроде шифровальных таблиц, дающих — после долгой, нудной работы — совершенно неадекватное переложение и интерпретацию каждого символа. Сейчас его мысли витали в марсианских абстракциях, сформировавшихся за полмиллиона лет развития совершенно чуждой человеку культуры, и были абсолютно непередаваемы на какой-либо из человеческих языков.

А за стенкой ординатор — доктор Таддеус, он же Тад, — резался в кривбедж с Томом Мичемом, личным фельдшером Сми-

та, — не забывая при этом поглядывать на приборные шкалы и чутко следя за сердцебиением пациента. Когда мерно подмигивавшая лампочка снизила темп своего мерного подмигивания с девяноста двух раз в минуту до двадцати, медики швырнули карты на стол и бросились в палату.

Пациент покоился на упругой оболочке водяной кровати и не подавал никаких признаков жизни.

Таддеус выругался и крикнул:

— Позовите доктора Нельсона!

— Есть, сэр! — Мичем на секунду задумался. — А может, дефибриллятором его? Пока совсем не зачоченел?

— Позовите доктора Нельсона!

Фельдшер выскочил в коридор. Таддеус внимательно оглядел пациента, протянул было к нему руку, но тут же опасливо отдернул. В палате появился второй врач, постарше, его натужная, неуклюжая походка выдавала человека, долго прожившего в космосе и не успевшего реадаптироваться к высокой гравитации.

— Так что там у вас?

— Приблизительно две минуты тому назад, сэр, резко упала частота дыхания, температура и пульс.

— И что вы сделали?

— Ничего, сэр. Согласно вашим указаниям...

— Вот и отлично. — Нельсон окинул Смита беглым взглядом, затем изучил показания приборов — ровно таких же, как и в дежурке. — Если будут какие-либо изменения, сразу сообщайте. — Он повернулся к двери.

— Доктор, а как же... — недоуменно начал Таддеус.

— Да, доктор? У вас есть какой-нибудь диагноз? — хмуро осведомился Нельсон.

— Э-э... мне не хотелось бы проявлять излишней самонадеянности, высказываясь по поводу вашего пациента...

— Я же спросил — у вас есть какой-нибудь диагноз?

— Хорошо, сэр. Шок. Возможно, — добавил он уже без прежней уверенности в голосе, — несколько нетипичный. Но все равно — шок, ведущий к летальному исходу.

— Мнение вполне разумное, — кивнул Нельсон. — Только вот случай перед нами не вполне разумный. Успокойся, сын-нок. Помнится, на обратном пути этот пациент впадал в подобное состояние добрый десяток раз. Ничего страшного. Вот, смотри. — Он приподнял руку Смита, а затем отпустил ее. Рука не упала, а так и осталась висеть в воздухе.

— Катаlepsия? — заинтересовался Таддеус.

— Называйте это как угодно. Даже если считать хвост ногой, он все равно в ногу не превратится. В общем, не волнуйтесь, доктор. Ничего типичного в этом случае вы не найдете. Задача у вас одна — не позволяйте никому его беспокоить, а при любых изменениях зовите меня. — Нельсон осторожно положил руку пациента на прежнее место и вышел из палаты.

Таддеус еще раз взглянул на пациента, недоуменно покачал головой и вернулся в дежурку. Мичем собрал со стола карты, потасовал.

— Криб?

— Нет.

— Если хотите знать, — заметил Мичем, — этот, за стенкой, и до утра не дотянет.

— Ваше мнение никого не интересует.

— Прошу прощения.

— Покурите там, с охранником, а я хочу посидеть спокойно и подумать.

Мичем пожал плечами, неторопливо встал и вышел. Таддеус выдвинул нижний ящик стола, достал оттуда бутылку и налил себе дозу, способствующую размышлениям. Мичем подошел к охранникам в коридоре; те было вытянулись в струнку, но узнали фельдшера и снова расслабились.

— Привет! Что у вас там за шум, а драки нет? — поинтересовался один из морских пехотинцев, который повыше.

— У пациента родились пятерняшки, вот мы и спорим, как их назвать. Ну, гориллы, кто даст мне в зубы, чтоб дым пошел? И огоньку.

— А с молоком у него как? — поинтересовался второй охранник, выуживая из кармана пачку сигарет.

— Да так себе, средненько. — Мичем затянулся и добавил: — Вот как на духу, ребята, не знаю я про этого пациента ровно ничего.

— А на хрена тогда приказ насчет «никаких женщин ни при каких обстоятельствах»? Он что, сексуальный маньяк?

— Я знаю одно: его привезли с «Чемпиона» с указанием обеспечить абсолютный покой.

— С «Чемпиона»? — переспросил первый охранник. — Ну, тогда все ясно.

— Чего тебе там ясно?

— А вот что. Он же их не имел — и не трогал — и даже не видел — много месяцев. А кроме того, он болен — теперь-то понятно? Они боятся, что как только он доберется до бабы, так тут же от возбуждения и загнется. — Он поморгал и вздохнул: — На его месте я точно бы загнулся. Потому-то баб к нему и не подпускают.

Смит ощутил присутствие врачей, однако сразу грокнул, что намерения их благие и нет никакой необходимости спешно вызывать основную свою часть.

На рассвете, в тот самый час, когда санитары небрежно обтирают лица пациентов холодными влажными салфетками — якобы проводят утренние гигиенические процедуры, — Смит вернулся в себя, ускорил свое сердцебиение, увеличил глубину дыхания и начал — со всем подобающим вниманием и почтением — изучать обстановку. Он впервые осмотрел палату, воспринимая и восхваляя все, вплоть до самых мельчайших ее деталей, важных и не очень, — сделать это вчера, когда его сюда принесли, у него не хватило сил. Обычное помещение для него выглядело весьма необычно — оно ничем не напоминало клинообразные металлические отсеки «Чемпиона», не говоря уж о том, что на Марсе вообще нет ничего подобного. За ночь Смит наново пережил всю последовательность событий, связавшую родное гнездо с этим местом, теперь он был готов воспринять окружающее, восхвалить его и даже — до некоторой степени — возлюбить.

Неожиданно оказалось, что он в палате не один: крутятся на тонкой, непрерывно удлиняющейся ниточке с потолка опускалось некое — вполне достойное восхищения — восьминое существо. Человеческий детеныш?

Дальнейшие наблюдения пришлось прекратить — появились два незнакомых человека (доктор Арчер Фрейм, сменивший Таддеуса, и санитар).

— Доброе утро, — весело произнес врач. — Как вы себя чувствуете?

Смит всесторонне изучил услышанное. С первой фразой все ясно, это формула вежливости, не имеющая смысла и не нуждающаяся в ответе, хотя ее можно было и повторить. А вот вторая имела несколько возможных толкований. Если ее произносил доктор Нельсон, она означала одно, а капитан ван Тромп изрекал ее как формальное приветствие, на которое можно и не отвечать.

Смита охватило тоскливое отчаяние, обычное при попытке общения с этими существами, — пугающее ощущение, неведомое ему до встречи с людьми. Однако он не дал своему телу утратить спокойствие, подумал еще секунду и решил рискнуть.

— Чувствую себя хорошо.

— Хорошо, — эхом отозвалось непостижимое существо. — Сейчас придет доктор Нельсон. Если не возражаете, санитар подготовит вас к завтраку.

Фразы не содержали ни одного незнакомого Смицу понятия, однако услышанное с трудом укладывалось в голове. Он знал, что является пищей и почти неизбежно будет употреблен в таком качестве — раньше или позже. Но если ему выпала такая высокая честь — почему никто не предупредил об этом заранее? Он даже и не подозревал, что запасы пищи настолько истощились, что возникла необходимость уменьшить количество воплощенных членов группы. Смита охватило легкое сожаление — ведь все эти новые события так и остались негрокнутыми, — но «возражать»? Станный, очень странный вопрос. Тем временем санитар протирал его лицо и руки холодным, мокрым куском ткани (часть ритуала «приготовления»?).

Лихорадочную работу по формулировке ответа прервал вошедший в палату Нельсон. Врач бегло ознакомился с показаниями приборов, а затем повернулся к своему пациенту:

— Стул был?

Опять неоднозначное слово, но все равно вопрос абсолютно ясен — Нельсон задает его чуть не при каждом разговоре.

— Нет.

— Ну, с этим разберемся, но только сперва вам нужно поест. Санитар, принесите завтрак.

Сперва Смит просто лежал и пережевывал вкладываемую ему в рот пищу, но вскоре Нельсон потребовал, чтобы пациент сел, взял ложку и ел дальше сам. Первая в этом искаженном пространстве самостоятельная работа оказалась изнурительно трудной, но все же посильной, что преисполнило Смита радостным торжеством.

— Кого я съел? — спросил он, поднимая миску, чтобы иметь возможность вознести хвалу своему благодателю.

— Не кого, а что, — поправил его Нельсон. — Синтетическое пищевое желе, основанное на аминокислотах, что бы это ни значило. Справился уже? Ну и ладушки, а теперь — слезай с кровати.

— Прошу прощения? — Очень удобная формула, которая, как он уже усвоил, сигнализирует о коммуникативном сбое.

— Я говорю — слезай. Сядь. Встань на ноги. Пройдись немного. Конечно же, тебя сейчас любой сквознячок сдует, но только, валяясь в этой кровати, мускулатуру не накачаешь.

Нельсон открыл вентиль в изголовье кровати, и водяной матрас начал быстро опадать. Нельсон возлюбил меня и взлеивает, напомнил себе Смит, убирая в небытие вспыхнувшую было боязливую неуверенность. Вскоре он лежал уже не в мягком гнезде, а на твердой поверхности, покрытой сморщенной клеенкой.

— Доктор Фрейм, — сказал Нельсон, — возьмите его под локоть. Поможем ему удержаться на ногах.

Постоянно ободряемый Нельсоном, с помощью двух врачей Смит встал и привалился к бортику кровати.

— Спокойно. А теперь стой самостоятельно, — командовал Нельсон. — И не бойся, если что — мы тебя подхватим.

Смит сделал усилие и встал — худощавый юноша с тонкими, недоразвитыми мускулами и гипертрофированной грудной клеткой. На «Чемпионе» его подстригли и надолго удалили растительность со щек. С безмятежного, бесстрастного, почти младенческого лица глядели умудренные глаза девяностолетнего старца.

Некоторое время он стоял неподвижно, стараясь унять дрожь, затем проволочил ногу по полу, сделал шаг, другой, третий — и расплылся в детской, лучезарной улыбке.

— Молодец! — захлопал в ладоши Нельсон.

Смит попытался шагнуть еще раз, содрогнулся всем телом и рухнул на руки едва успевших среагировать врачей.

— Вот же черт! Опять спрятался в этот свой анабиоз. — Судя по голосу, Нельсон воспринимал случившееся как личное оскорбление. — А теперь помогите мне уложить его на кровать. Да нет, сперва нужно ее наполнить.

Когда клеенчатая обложка на шесть дюймов приподнялась над остоном кровати, Фрейм перекрыл вентиль; на пару с Нельсоном они приподняли Смита, который скрючился в позе эмбриона, и уложили на мягкую податливую клеенку.

— Организуйте ему валик под шею, — приказал Нельсон, — а если что не так или очнется — зовите меня. Нет, лучше дайте мне поспать. Я сам едва стою. Ну, если, конечно, ничего особенного не случится. После обеда мы снова его прогуляем, а с завтрашнего дня начнем регулярные физические упражнения. Через три месяца он будет прыгать с дерева на дерево что твой Тарзан. Он же, по сути, абсолютно здоров.

— Да, конечно, — без особой уверенности согласился Фрейм.

— И еще, чуть не забыл. Когда очухается, научи его пользоваться клозетом. Только обязательно возьми себе в помощь санитара, а то вдруг этому мальчонке вздумается снова упасть в обморок.

— Да, сэр. А вы предлагаете какой-либо конкретный способ... ну, то есть каким образом я ему...

— Каким? Личным примером! Он ведь только слова плохо понимает, а так — посообразительнее нас с тобой. К концу недели самостоятельно будет принимать ванну.

С обедом Смит управился безо всякой посторонней помощи. Появившийся через несколько минут санитар взял поднос с грязной посудой и воровато оглянулся.

— Слышь, — прошептал он чуть не на ухо Смигу, — у меня есть роскошное предложение.

— Прошу прощения?

— Бизнес, заработаешь деньги быстро и без труда.

— Деньги? Что такое «деньги»?

— Знаешь, кончай философию, денежки всем нужны. Я говорю быстро, потому долго задерживаться у тебя не могу — не поверишь, с каким трудом я на это место пристроился. Я представляю «Несравненные новости». Шестьдесят кусков за эксклюзивный рассказ о твоей жизни. Ты сам и пальцем не пошевелишь — на нас работают лучшие в стране литературные негры. Ответишь на вопросы, а они все склеют. — В руках санитара появился лист бумаги. — Прочитай, подпишись вот здесь, в углу, всех и делов. Задаток при мне.

Смит взял бланк и начал его изучать. Вверх ногами.

— О господи! — ошеломленно воскликнул санитар. — Да ты что, читать не умеешь?

Этот вопрос был понятен.

— Нет, — честно признался Смит.

— Ну... Тогда вот как сделаем. Я прочитаю тебе текст, затем ты поставишь отпечаток пальца, и я это засвидетельствую. Слушай внимательно. «Я, нижеподписавшийся, Валентин Майкл Смит, именуемый также „Человек с Марса“, передаю компании с ограниченной ответственностью „Несравненные новости“ в эксклюзивное распоряжение все права на рассказ о моей жизни, основанный на истинных фактах, с предположительным названием „В застенках Марса“ в обмен на...»

— Санитар!

На пороге стоял Фрейм; бумага, только что бывшая в руках санитара, загадочным образом исчезла.

- Сейчас, сэр. Я забирал поднос.
- Что вы там читали?
- Ничего.
- Я не слепой. Ладно, ступай отсюда. Этому пациенту нужен полный покой.

Доктор Фрейм пропустил санитаря вперед, вышел сам и плотно закрыл дверь. Следующие полчаса Смит пролежал без движения, однако грохнуть происшедшее ему так и не удалось.

4

Джиллиан Бордман считалась компетентной медсестрой, настоящим профессионалом своего дела; холостые ординаторы и интерны признавали ее компетентность и в широком круге вопросов за пределами медицинской профессии, а вот некоторые женщины относились к ней неприязненно. Зла она ни на кого не держала; мужчины были ее хобби. Слухи, что пациент из палаты К-12 в жизни своей не видел женщин, она отмела с ходу, как явную глупость, но затем, когда ей подробно объяснили, что к чему, решила исправить это досадное упущение. В тот день она вызвалась дежурить как раз по тому этажу, где находился Смит, и немедленно отправилась навестить странного пациента.

Естественно, Джиллиан знала про указание «никаких посетителей женского пола» и, хотя «посетителем» себя не считала, не стала ломиться в охраняемую дверь, помня о дурацкой привычке морпехов понимать приказы буквально, а зашла вместо этого в дежурку по соседству, где доктор Таддеус, он же Тад, нес вахту в одиночку.

— О, неужели к нам Улыба заглянула? — поднял голову доктор Таддеус. — Чего это, Улыба, тебя сюда занесло?

Она присела на краешек стола и потянулась к пачке сигарет Таддеуса.

— Кому Улыба, а для тебя, дружок, мисс Бордман. Я при исполнении. Дежурный обход по этажу. Как там твой пациент?

— Деточка, не тревожь попусту свою прелестную головку. Он тебя не касается. Почитай, что в дежурном журнале написано.

— Уже читала. Я хочу на него взглянуть.

— Могу ответить тебе длинно, а могу коротко. Если коротко, то — нет.

— Тоже мне, дисциплинированный нашелся.

Таддеус печально изучал свои ногти.

— Ты с доктором Нельсоном работала?

— Нет, а что?

— Если я тебя туда пушу, то и пикнуть не успею, как окажусь в Антарктике, буду пингвинам мазь от обморожения прописывать. Так что уноси отсюда свои хорошенькие ножки побыстрее, охмуряй других пациентов. Тебе и здесь-то нельзя быть, узнает доктор Нельсон — огребешь по-крупному.

— А что, — поинтересовалась Джилл, вставая, — он часто сюда заходит?

— Нет, только если я вызову. Отвык от земного тяготения и отсыпается.

— А чего же это ты тогда такой строгий и неприступный?

— Все, дежурная по этажу, разговор закончен.

— Слушаю и повинуюсь, доктор! Ну и вонючка же ты.

— Джилл!

— Тоже мне, шишка на ровном месте.

Таддеус вздохнул:

— А как насчет субботнего вечера, все по-прежнему?

— Наверное, — пожала плечами Джилл. — В наше время девушка не может быть особенно переборчивой.

Вернувшись на сестринский пост, она обнаружила, что в ее услугах пока никто не нуждается, и извлекла из ящика мастер-ключ от помещений этажа. Сдаваться было рано: кроме конуры, где сидел неподкупный Таддеус, палата К-12 соединялась с еще одной, пустой комнатой, — когда в К-12 лежал какой-то большой начальник, эту комнату использовали в качестве гостиной, а потом заперли и фактически позабыли; вот туда-то и направилась предприимчивая медсестра. Бдительные стражи даже и не заподозрили, что их обошли с фланга.

Охваченная веселым возбуждением — примерно таким же, как когда-то в общежитии медучилища, перед очередной тайной ночной вылазкой в город, — Джилл помедлила перед ведущей в палату дверью. Ничего страшного, сказала она себе, доктор Нельсон спит, а Тад, даже если ее застукает, жаловаться не станет. Она понимала, что он просто исполняет данное ему распоряжение, но в случае чего к начальству не побежит. Она открыла дверь и заглянула внутрь.

Лежавший на кровати пациент повернул голову и посмотрел на неожиданную гостью. Ну, этому уже ничем не поможешь, мелькнуло в голове Джилл. Совершенно отсутствующее лицо, полная апатия, характерная для безнадежно больных. Хотя глаза вполне осмысленные, даже любопытные. Может, у него лицо парализовано? Нет, решила она, характерного обвисания кожи не заметно.

— Ну и как мы сегодня? — (Кого же еще разыгрывать из себя медсестре, если не медсестру?) — Чувствуем себя лучше?

Смит перевел вопросы и приступил к их изучению. Они относились к ним обоим, и это сильно сбивало с толку; скорее всего, решил он, это символизирует желание возлюбить и взрастить близость. Второй вопрос соответствовал речевым формулам Нельсона.

— Да, — ответил он.

— Вот и прекрасно. — Странно, конечно, чего это у него такое бесчувственное лицо, а так — парень как парень. И если он и вправду никогда баб не видел, то очень хорошо это скрывает. — Вам ничего не нужно? — Тут Джилл заметила, что на тумбочке нет стакана. — Может быть, воды?

Смит сразу заметил, что вошедшее в палату существо отлично ото всех прочих. По пути из дома в это новое место Нельсон старался объяснить ему странную и загадочную организацию своего народа и показывал для иллюстрации картинки. Смит вспомнил эти картинки, сравнил их с тем, что видит сейчас... Понятно, это — «женщина».

Смита охватило возбуждение и — странным образом — разочарование; чтобы прокнуть происходящее во всей полноте,

он подавил оба этих чувства, настолько успешно, что за стеной на приборах доктора Таддеуса не шелохнулась ни одна стрелка.

Однако, переведя последний вопрос, Смит почувствовал такой накат эмоций, что чуть не позволил своему пульсу ускориться. Он вовремя опомнился, справился с сердцем, обругал себя глупым, несдержанным детенышем, а затем проверил перевод.

Нет, все верно. Это существо женщина предложило ему воду. Оно желает взрастить близость.

С огромным трудом выбирая из своего пока еще убогого лексикона человеческие слова, хотя бы отдаленно выражающие нужные понятия, он ответил, со всей подобающей случаю торжественностью:

— Благодарю тебя за воду. Да пьешь ты всегда вдосталь.

Медсестра Бордман не сталкивалась с такой церемонностью.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны! — Она взяла стакан, наполнила его и протянула странному пациенту.

— Пей сперва ты, — сказал он.

(Он что, совсем спятил? Думает, я его отравлю?) Однако в словах Смита звучала такая мягкая настойчивость, что отказаться было невозможно. Джилл отпила глоток, Смит сделал то же самое, вернул стакан и удовлетворенно откинулся, словно свершив нечто важное.

М-да, подумала Джилл, приключение получается так себе.

— Ну, — сказала она, — вам, похоже, больше ничего не нужно, так что я пойду.

Она направилась к двери.

— Нет! — выкрикнул он.

Джилл недоуменно обернулась к нему.

— Да? Что вам...

— Не уходи.

— Н-ну... я могу задержаться, но очень ненадолго. — Она снова подошла к кровати. — Вам что-нибудь нужно?

Смит внимательно оглядел ее с головы до ног:

— Ты... ты — женщина?

Да, такого вопроса ей еще не задавали. Вот уже много лет в ее гендерной принадлежности усомниться было невозможно. У Джилл на языке вертелся подходящий ответ.

Смит, похоже, и не думал шутить, а смотрел серьезно и с какой-то непонятной тревогой. Только теперь Джилл поняла — а скорее почувствовала, — что тот дурацкий слух чистая правда: этот пациент действительно никогда не видел женщин.

— Да, — осторожно подтвердила она, — я женщина.

Ну чего, спрашивается, он так на меня уставился? К собственному своему удивлению, Джилл ощущала некоторую неловкость. Казалось бы, что тут такого? Мужик пялится — так они все пялятся. Но ведь этот изучает тебя, словно инфузорию под микроскопом. Молчание становилось невыносимым.

— Так что, похожа я на женщину?

— Я не знаю. — Смит говорил медленно и очень серьезно. — Как выглядит женщина? Что делает тебя женщиной?

— Ох, да сдохнуть можно! — Такого дикого разговора с существом мужского пола у Джилл не было уже давно, с того, пожалуй, времени, как ей исполнилось двенадцать лет. — Ты что же, хочешь, чтобы я прямо сейчас разделась и показала?

Чтобы внимательно изучить все эти символы и попытаться их интерпретировать, требовалось время. Первая группа вообще не поддавалась гроканью. Ключевое слово «сдохнуть» абсолютно незнакомо. Скорее всего, здесь одно из формальных звуко сочетаний, так часто употребляемых этими существами... И в то же время эмоциональный накал, с которым произносились эти звуки, заставлял подумать о прощальном послании перед уходом. Возможно, он настолько нарушил правила поведения, общаясь с существом женщина, что оно готово немедленно развоплотиться.

Смиту никак не хотелось, чтобы это существо сию же секунду умерло, — хотя, конечно же, это его полное право, а возможно — в сложившейся ситуации — и обязанность. Резкий переход от близкого контакта, порожденного ритуалом воды, к положению, когда вновь обретенный брат по воде близок —

нет, не наверняка, но вполне возможно — близок к уходу или даже развоплощению, — не сделай Смит над собой усилия, он мог бы впасть в панику. Ну а если существо женщина все-таки сейчас умрет, он умрет следом; иных выходов не грокалось, во всяком случае — после недавнего причастия водой.

Вторая группа состояла из знакомых символов. Смысл грокался далеко не во всей полноте, однако тут, похоже, намечался путь к разрешению кризиса. Нужно просто подтвердить свое — отсутствующее, но предполагаемое — желание. Возможно, если женщина снимет одежду, никому из них не придется развоплощаться. Смит радостно улыбнулся:

— Да, разденься, пожалуйста.

Джилл открыла рот, закрыла его. А потом раскрыла снова:

— Что?! Ну ни фиги себе!

Значит, догадки были неверными, а ответ — неправильным, ведь при всей непонятности употребленной существом формулы в ней чувствовался резкий эмоциональный отпор. Смит начал готовиться к развоплощению, с благодарностью и восторгом вспоминая все, чем он был, воздавая хвалу всему, что он видел, а особенно — этому новому существу, женщине. Затем он заметил, что женщина склонилась над ним, и непонятным для себя самого способом грокнул, что умирать вроде бы не потребуется. Существо заглядывало ему в лицо.

— Поправьте меня, если я ошибаюсь, — сказала оно, — но не попросили ли вы только что, чтобы я сняла одежду?

Мнимое отрицание, сослагательная форма — все это требовало крайне внимательного перевода, но Смит в конце концов справился.

— Да, — сказал он в отчаянной надежде, что новое «да» не приведет к новому кризису.

— Так мне и показалось. Да ты же, братец ты мой, совсем здоров.

Ключевое слово — «братец»; очевидным образом женщина напоминает, что теперь они братья по воде. Нужно соответствовать всем пожеланиям нового брата, но хватит ли на это сил? Смит воззвал о помощи к своим согнезникам.

— Да, — согласился он вслух. — Я совсем здоров.

— Что-то с тобой определенно не так, только чтоб я понимала, что именно! Ну, ладно. Стриптиза не будет, перетопчешься. И вообще мне пора бежать.

Загадочное существо выпрямилось, направились к боковой двери, но затем остановилось и обернулось.

— А ты попроси меня еще раз, — сказала оно с улыбкой (насмешливой?). — Хорошенько и в другой обстановке. Мне и самой интересно, что из этого получится.

Оставшись в одиночестве, Смит расслабился и отключил сознание от окружающего. Он ощущал сдержанное ликование: чудом или еще как, однако удалось же ему так построить свое поведение, что никому не пришлось умирать... но сколько же нужно еще грокнуть. Вот, скажем, последние фразы женщины — в них содержались и совершенно незнакомые символы, и знакомые, но расположенные в порядке, сильно затруднявшем понимание. Интонации, общий дух, эмоции — вполне подходящие для общения братьев по воде, правда с привкусом чего-то тревожного и одновременно ошеломительно приятного. Мысли об этом новом брате, женщине, вызывали странное, по всему телу распространявшееся покалывание. Ощущение напоминало Смиту тот первый раз, когда ему разрешили присутствовать при развоплощении, и его охватил непонятный счастливый восторг.

Жаль, что здесь нет брата доктора Махмуда. Как много еще негрокнутого, и как мало твердых, надежных основ для гроканья.

Остаток смены прошел для Джилл как в тумане. Хорошо хоть, она не допустила никаких ошибок при раздаче лекарств, а на обращенные к ней вопросы отвечала машинально. Перед ее глазами неотвязно стояло лицо этого марсианина, в голове снова и снова крутились дикие, бредовые вещи, которые он говорил. Да нет, никак не бредовые — медсестре Бордман доводилось работать в психушке, психов насмотрелась и потому хорошо понимала, что Смит к ним не относится.

Так что не «бредовые», а скорее — невинные. Да нет, и это слово не годится. Лицо у него, конечно же, невиннейшее — но это если не считать глаз. Что же это за существо такое — с таким-то лицом?

Одно время Джилл работала в католической больнице, и вот сейчас словно въявь увидела лицо Смита в клобуке, какие носили там медсестры-монахини. А вот это уж полный бред, выругала она себя. В нем нет ни на грош женственности, мужик себе как мужик.

Не успела Джилл переодеться из больничного в свое, как в раздевалку просунулась голова одной из сестричек.

— Тебя к телефону.

Джилл приняла вызов — только звук, без изображения, чтобы можно было и говорить и переодеваться одновременно.

— Флоренс Найтингейл? — спросил знакомый баритон.

— Она самая. Это ты, что ли, Бен?

— Стойкий борец за свободу слова, собственной персоной.

А скажи-ка, малышка, ты занята?

— А что ты там задумал?

— Я задумал вывести тебя в свет, скормить тебе стейк с кровью, накачать спиртным до посинения, а попутно задать некий вопрос.

— Можешь не трудиться, ответ все тот же.

— Да совсем не *тот* вопрос.

— Как, ты еще один придумал? Ну-ка, ну-ка, расскажи.

— Попозднее. Когда ты немного размякнешь.

— А что, настоящий стейк? Не синтетика?

— Фирма гарантирует. Ткни вилкой, и он скажет «м-му» и поглядит на тебя жалобно-жалобно.

— Зуб даю, по счету будет платить газета.

— Низкое, недостойное тебя и не заслуженное мной подозрение — и вообще, какая тебе разница? Ну так как?

— Уговорил, речистый.

— На крыше вашего богоугодного заведения, через десять минут.

Пришлось снова переодеваться, на этот раз — не в уличный наряд, а в выходное платье, ради таких-то вот особых

случаев и содержавшееся в больничном шкафчике. Строгое, почти непрозрачное, чуть-чуть подложенное в нужных местах, оно всего лишь воссоздавало впечатление, которое Джилл произвела бы совершенно обнаженной, — никак не более. Обошлось ей оно в месячную зарплату, но выглядело скромно, хотя и действовало на окружающих не хуже коктейля с сюрпризом. Удовлетворенно взглянув на свое отражение, она вышла в коридор и открыла дверцу пневмоподъемника.

На крыше было ветрено. Джилл, кутаясь в накидку, огляделась, но вместо ожидаемого Бена Какстона ее тронул за локоть дежурный по посадочной площадке:

— Мисс Бордман, там для вас такси. Вон тот большой «толбот».

— Спасибо, Джек.

Дверца предупредительно распахнута, взлетные сигналы уже горят. Джилл забралась в машину с твердым намерением тут же объяснить Бену, что мог бы и сам задницу от сиденья оторвать, однако вышеупомянутой задницы на сиденье — и вообще в салоне — не оказалось. Дверца закрылась, автоматическое такси взмыло в воздух, под острым углом пересекло Потомак, зависло над Александрией, село на крышу какого-то дома, приняло на борт Бена Какстона и тут же снова взлетело.

— Надо же, какие у меня есть знакомые, важные да занятые, — с издевательской почтительностью пропела Джилл. — И с каких это, интересно бы знать, пор ты перестал лично бегать за бабами? Думаешь, у робота лучше получится?

Бен ласково похлопал ее по коленке:

— На то есть свои причины, малышка. Нельзя, чтобы нас видели вместе.

— Ах, вот как!

— И мне нельзя, а тебе уж тем более. Так что возьми полтоном ниже. И вообще, я прошу прощения. К твоим ногам покорно припадаю и следы в пыли целую. Увы, это не прихоть, а жестокая необходимость.

— Хм-м... и кто же из нас болен дурной болезнью?

— Мы оба. И каждый по-своему. Не забывай, Джилл, что я — газетчик.

— Да неужели? А то у меня уже появились сомнения.

— А ты — медсестра из больницы, куда засунули Человека с Марса. — Он примирительно развел руками.

— С этого места поподробнее, пожалуйста. Значит, с мамой ты меня знакомить не будешь?

— Джилл, ты что, не понимаешь? Тут сейчас собралось больше тысячи репортеров, да плюс пресс-агенты, фрилансеры, всякие там уинчеллы, липпманы и прочая шушера, что хлынула в наш городишко после возвращения «Чемпиона». И каждый — и я в том числе — пытается взять интервью у Человека с Марса. Насколько мне известно, это пока еще никому не удалось. Как по-твоему, очень нужно, чтобы нас с тобой видели под ручку?

— А что в этом такого? Пусть себе видят. Я же не Человек с Марса.

— Нет. — Бен осмотрел ее с ног до головы. — Ты не Человек с Марса. Но зато ты поможешь мне с ним встретиться — именно поэтому я и не пришел сам на вашу крышу.

— Чего? Ты бы, Бен, головку-то все-таки поберег, солнечный удар — это очень опасно. Знаешь, какие там роскошные мальчишки дверь стерегут? Одни синие беретики чего стоят. — Тут Джилл вспомнила, что ей самой удалось обойти морпехов без особого труда, но рассказывать об этом не решилась.

— Знаю. Стерегут. Вот об этом-то мы и побеседуем.

— Не понимаю, о чем тут беседовать.

— Потом объясню. Я вообще не хотел об этом упоминать, пока не напишкаю тебя животными белками и этиловым спиртом. Так что сперва поедим.

— Наконец-то что-то разумное. А как, оплатит газета поход в «Нью-Мэйфлауэр»? Ну, сознавайся.

— Джилл, — вздохнул Какстон, — я бы не рискнул идти с тобой в ресторан ближе чем в Луисвилле. А туда эта таратайка будет тащиться часа два, не меньше. Давай поужинаем у меня?

— Ага, Муху приглашал Паук. Знаешь, Бен, я сегодня слишком устала, чтобы заниматься вольной борьбой.

— А тебе и не потребуется. Честное-пречестное.

— Тоже немногим лучше. Полная безопасность в твоём обществе — точный признак, что я сильно сдаю. Ладно, бог с тобой, поверим в честное-пречестное.

Какстон поработал на клавиатуре, машина, кружившая в ожидании дальнейших распоряжений, встрепенулась и послушно направилась по заданному ей адресу, а Бен начал набирать какой-то телефонный номер.

— Слушай, радость моя, — повернулся он к Джилл, — сколько времени тебе нужно на предварительное проспиртовывание? Я кухню на стейки настрою.

Джилл всесторонне обдумала услышанное.

— Ах, значит, в твоей конуре есть личная кухня!

— Ну, что-то вроде. Стейки поджарить можно, я справлюсь.

— Нет уж, стейки поджарю я. Дай сюда телефон.

Джилл сделала заказ, предварительно убедившись, что Бен не возражает против цикорного салата.

На крыше они вышли из такси и спустились к Бену.

Квартира оказалась старомодной, без изысков, единственная роскошь — пол в гостиной, представлявший собой самую настоящую лужайку, поросшую самой настоящей травой. В прихожей Джилл скинула туфли, ступила на прохладные зеленые стебли босиком, пошевелила пальцами.

— Господи, — вздохнула она, — хорошо-то как. У меня же непрерывно ноги ноют, с того самого времени, как пошла в медучилище.

— Так присядь.

— Нет, хочу получше запомнить это блаженство.

— Как знаешь.

Бен отправился на кухню смешивать мартини.

Никакое наслаждение не длится вечно; через некоторое время Джилл еще раз вздохнула и пошла хлопотать по хозяйству. Подъемник уже доставил стейки, а заодно и печеную картошку, которую надо было только разогреть в коротковолновке. Джилл быстро соорудила салат, сунула его в холодильник, набрала на клавиатуре указания, как именно следует прожаривать мясо и разогревать картошку, но включать плиту не стала.

— Бен, — повернулась она к хозяину дома, — а дистанционное управление у тебя есть?

— А как же.

— Я пульт не могу найти.

Бен внимательно изучил набранную гостьей программу, удовлетворенно кивнул и щелкнул тумблером.

— А что бы ты делала, если бы пришлось готовить на костре?

— Невелика хитрость, ведь я же была в скаутах. А вот ты — сильно сомневаюсь, чтобы ты сумел хотя бы разжечь тот самый костер.

Он оставил подколку без внимания, взял поднос и направился в гостиную. Джилл последовала за ним, уселась у ног Бена, прямо на траву, расправив юбку, чтобы не измазать зеленью. Они занялись коктейлями. Стоявший у противоположной стены аквариум оказался замаскированным стереовизором; Бен включил его, не вставая с кресла, и резвившиеся в воде гуппи и тетры сменились объектом значительно менее симпатичным — лицом известного телевизионного комментатора Огастуса Грейвза.

— ...Можно со всей определенностью утверждать, — со всей определенностью утверждал пресловутый уинчелл, — что Человека с Марса накачивают транквилизаторами, дабы помешать ему ознакомиться с этими фактами. Правительство оказалось бы в крайне...

Нажимом кнопки Какстон вернул рыбок на место.

— Да ведь ты, старина, — дружелюбно сообщил он исчезнувшему Грейвзу, — знаешь не больше моего. Хотя, — тут его лоб озабоченно нахмурился, — может, это и правда — насчет правительства и транквилизаторов.

— Никаких там нет транквилизаторов, — сказала Джилл и чуть не прикусила себе язык.

— Что? А ты, лапуля, откуда знаешь?

— Человеку с Марса не дают ни транквилизаторов, ни седативов. — Она сообразила, что сказала больше, чем следовало, и теперь нужно было как-то выкручиваться. — Он нахо-

дится под круглосуточным наблюдением, но никаких указаний о применении лекарственных препаратов не поступало.

— Ты точно знаешь? Он что, твой пациент?

— Нет. М-м-м... более того, есть распоряжение не подпускать к нему женщин. За исполнением этого приказа зорко следят наши славные морпехи.

— Да, — кивнул Какстон, — мне рассказывали. Ну, значит, тебе просто неоткуда знать, накачивают его транквилизаторами или нет.

Джилл уставилась в пустой бокал, раздосадованная тем, что ей не верят. А чтобы подтвердить свои слова, ей придется признаться в своем проступке.

— Бен? Слушай, Бен, а ты меня не заложешь?

— Как? Кому?

— Ну, вообще.

— Хм-м... широкая постановка вопроса. Ладно, не заложу.

— Тогда налей.

Как только Бен исполнил просьбу, Джилл продолжила:

— Так вот, я точно знаю, что этого марсианина не держат на игле. Я с ним разговаривала.

— Ведь чувствовал я, чувствовал, — присвистнул Какстон. — Бен, сказал я себе утром, отлови-ка ты Джилл. Она — главный твой козырь. Пей, сладкая моя, пей. Можешь прямо из кувшина.

— Спасибо, я не тороплюсь!

— Исполню любой ваш каприз, миледи. Позвольте растереть ваши бедные усталые ножки?! Только вам придется дать интервью. Публика внимает вам с затаенным восторгом. Начнем с самого начала. Каким это таким...

— Нет, Бен, ты же обещал! Только сошлись на меня, и я тут же вылечу с работы.

— М-м-м... А как насчет «из заслуживающих доверия источников»?

— Страшновато.

— Да? Ну не томи, Расскажи дядюшке Бену все по порядку. Или ты надеешься, что он помрет от неудовлетворенного любопытства, чтобы все мясо тебе досталось?

— Да нет, я расскажу. Я и так уже много чего разболтала. Только писать об этом нельзя.

Бен промолчал, боясь спугнуть удачу, и Джилл в паре слов описала свой фланговый маневр.

— Прекрасно, — прервал ее Бен. — А еще раз сможешь?

— Что? Смогла бы, пожалуй, но не стану. Страшно.

— А меня можно туда провести? Слушай, я оденусь монтером — комбинезон, профсоюзный значок, сумка с инструментами, все дела. Ты передашь мне ключ и...

— Нет!

— Так уж и нет? Спорим, что теперь у вас в больничной обслуге по большей части не настоящие санитары, а люди, замаскированные новостными агентствами. Да пойми ты, это же самая потрясающая — во всяком случае для публики — история с того времени, как Изабелла, наслушавшись рассказов Колумба, снесла свои побрякушки в ломбард. Меня беспокоит одно — не нарваться бы на еще одного фальшивого монтера...

— Единственное, что беспокоит *меня*, это я сама, — обрывала его Джилл. — Для тебя это очередной репортаж, а для меня — вся моя карьера. У меня отберут форменную шапочку и значок, а потом вывалят в смоле и перьях и вынесут из города верхом на жердине. И медсестрой мне больше не бывать.

— М-м-м... не исключено.

— Какое там «не исключено»? Абсолютно точно.

— Миледи, позвольте мне предложить вам взятку.

— И большую? С шиком прожить остаток брэнной своей жизни в Рио — на это же ой-ой сколько денег надо.

— Ну... я, конечно, победнее, чем «Ассошиэйтед Пресс» или там «Рейтер». Сотню?

— Молодой человек, за кого вы меня принимаете?

— Это мы уже выяснили, теперь остается договориться о цене. Полторы?

— Будь так добр, налей мне еще бокал и поищи в справочнике номер «Ассошиэйтед Пресс».

— Капитолий десять-девять тысяч ровно. Джилл, выходи за меня замуж. Это самое большее, что я могу тебе предложить.

— Чего это ты там сказал? — ошеломленно переспросила она.

— Выходи за меня замуж. В каком случае я встречу тебя у городской черты, сниму с упомянутой жердины, отскребу и отмою. Ты придешь в эту вот квартиру, будешь прохлаждать свои ножки в моей траве — в нашей траве — и быстро позабудешь свой позор и бесчестие. Только не забывай о главном — сперва тебе придется провести меня в больничную палату.

— Что-то я не понимаю, ты что, всерьез? А я вот возьму сейчас и вызову сюда Честного Свидетеля. Ты и тогда повторишь?

— Ох, Джилл, упорная ты женщина. Вызывай своего Свидетеля, — вздохнул Какстон.

— Не бойся, Бен, — вставая, негромко сказала она, взлохматив ему волосы и поцеловала. — Я не буду ловить тебя на слове. Но на будущее учти — не стоит шутить со старой девой о замужестве. Плохие это шутки.

— Я не шутил.

— Не знаю, не знаю, и вопрос этот лучше замнем. Сотри со лба улику, потом я расскажу тебе все, что знаю, и мы подумаем, как бы сэкономить нашим согражданам смолу, перья и труды. Хорошо?

— Хорошо.

— И я уверена, что он не на транквилизаторах, — добавила Джилл, закончив подробное описание своей партизанской вылазки. — Ровно так же я уверена в его здравом рассудке, уж не знаю почему — разговаривает этот марсианин странновато, а некоторые из его вопросов вообще ни в какие ворота не лезут. Но я точно знаю, что он не псих.

— Знаешь, было бы очень странно, если бы он *не* говорил странно.

— Как это?

— А ты подумай как следует. О Марсе мы знаем мало, но нам известно, что Марс на Землю нисколько не похож, а марсиане — не люди, это абсолютно точно, как бы мало мы о них ни знали. Вот представь себе, что ты неожиданно угодила в джунгли, к самым примитивным дикарям, которые белой

женщины в жизни не видели. Ну и как, сумеешь ты поддерживать непринужденную светскую беседу? Или ты им странной покажешься? Между прочим, это весьма приблизительное сравнение. В данном случае те, среди кого жил Смит, на сорок миллионов миль более чужды нам, чем эти гипотетические дикари.

— Это мне понятно, — кивнула Джилл. — Потому-то я и не стала обращать внимания на его странные разговоры. Так что не считай меня за дуру.

— Умница ты, умница. Для женщины.

— Хочешь, я вылью мартини на твою редеющую шевелюру?

— Миль пардон. Женщины гораздо умнее мужчин, и жизнь ежесекундно эту истину подтверждает. А тебе там и выливать-то нечего, давай налью.

— Знаешь, Бен, — заметила Джилл, с великодушием победителя принимая стакан, — а ведь это полное идиотство, насчет не пускать женщин. Никакой он не маньяк.

— Они просто не хотят подвергать его слишком многим потрясениям сразу.

— Никакого потрясения и не было. Он просто... ну, заинтересовался. Он смотрел на меня совсем не так, как мужчины на баб.

— Неизвестно, чем бы все кончилось, удовлетвори ты его просьбу. Наверняка с инстинктами у него все в порядке, а вот сдерживать их он не умеет.

— Не думаю. Он, вероятно, слышал уже, что бывают мужчины, а бывают женщины, вот и захотел посмотреть, в чем же разница.

— *Vive la difference!*¹ — возгласил Бен.

— Фу, мистер Какстон.

— А почему это «фу»? Я же со всем почтением. Возношу хвалу всем богам, что родился человеком, а не марсианином.

— Кончай треп.

— В жизни своей не говорил серьезнее.

¹ Да здравствует различие! (фр.)

— А тогда просто заткнись. Он вел бы себя тихо и благопристойно. Еще и торжественно поблагодарил бы. Ты не знаешь, ты не видел его лица, а я видела.

— И что же у него за лицо такое?

— Не знаю, как это и описать... — Джилл замялась. — А, знаю! Ну, вот ты, Бен, ты видел когда-нибудь ангела?

— Да, вот прямо сейчас и вижу. Других — не видел.

— И я тоже не видела, но если они есть, то выглядят в точности как он. Совершенно безмятежное, полное какой-то неземной непорочности лицо — и мудрые, древние глаза... — Джилл зябко поежилась.

— Неземной, — кивнул Бен. — Очень подходящее к случаю слово. Хотелось бы посмотреть.

— А для чего они его заперли? Он же и мухи не обидит.

Какстон задумчиво сложил кончики пальцев:

— Ну, во-первых, для его же защиты. Всю жизнь провести на Марсе — он же, небось, хилый, как цыпленок.

— Естественно. Это сразу видно. Хотя недоразвитая мускулатура — пустяки. Миастения гораздо опаснее, так и то врачи справляются.

— А еще, чтобы не подхватил какую-нибудь заразу. Он же вроде этих лабораторных кроликов из Пастеровского института, в жизни не видал ни одной здешней бактерии.

— Да, конечно. Никаких антител, никакого иммунитета. Только я слышала в столовой, что доктор Нельсон — врач с «Чемпиона» — с этим уже разобрался. По пути с Марса нашему лабораторному кролику сделали несколько переливаний, у него теперь почти вся кровь новая.

— Во, интересный факт. Хоть это-то можно использовать?

— Только на меня не ссылайся. И ему сделали кучу прививок, от всего, что бывает и не бывает, кроме разве что воды в колене. Да и где же это видано, чтобы автоматчики охраняли человека от микробов?

— М-м-м... Джилл, я нахватал тут кое-какую информацию, наверняка тебе не известную. Использовать ее я не могу — информанты больно трепетные, ну прямо как одна моя знакомая

медсестра, — но тебе, если хочешь, расскажу. Только — чтоб никому.

— Никому так никому.

— Рассказ будет длинный. Налить?

— Нет, сперва стейк. Где там кнопка?

— Вот тут.

— Так нажми.

— Я? Это же ты готовишь ужин. Ты же у нас скаут.

— Мистер Какстон, да я скорее лягу тут в траве и умру с голоду, чем буду вставать и нажимать кнопку, расположенную в шести дюймах от вашего правого указательного пальца.

— Ну, как знаешь. — Упомянутый палец ткнул упомянутую кнопку, переведя плиту в заранее заданный режим. — Только не забывай, кто приготовил ужин. Так вот, насчет Валентайна Майкла Смита. Во-первых, неизвестно еще, Смит он или не Смит; на этот счет существуют очень серьезные сомнения.

— Как это?

— А вот так. Твой дружок-приятель — первый в истории межпланетный ублюдок. То есть плод космического прелюбодеяния.

— Бреешь!

— Фу, как говорит одна моя знакомая. Ты помнишь что-нибудь насчет «Посланника»? Четыре семейные пары, в их числе капитан Брант с супругой и доктор Смит с супругой. А твой марсианин с ангельским личиком появился на свет в результате, так сказать, перекрестного опыления. Сын миссис Смит от капитана Бранта.

— Да откуда твои информанты это знают? Они что, со свечкой стояли? И кому какое дело, чей он там сын? — возмутилась Джилл. — Дикое все-таки паскудство рассказывать сплетни про давно умерших людей.

— Отвечаем по порядку: сперва — насчет «откуда». Ду-маю, ты и сама сообразишь. Полная биохимия крови, цвет волос, цвет глаз, все, какие есть, генетические заморочки — да ты в этом лучше меня разбираешься. И вот, по всему выходит, что его мать — Мэри Джейн Лайл Смит, а отец — Майкл Брант.

О каждом из экипажа «Посланника» существует полнейшая информация в открытом доступе. Никто еще в истории не был так подробно обследован и описан, как эти четыре парочки. Отличная, кстати, у парня наследственность: у отца ай-кью сто шестьдесят три, у матери — аж сто семьдесят, и тот и другая — выдающиеся специалисты... Теперь насчет «кому какое дело». Заинтересованных тут очень много, а потом, когда все выплывет на свет божий, станет еще больше. Ты слышала такое название — «лайловский двигатель»?

— Конечно. Они стоят на «Чемпионе».

— И на «Чемпионе», и на всех современных кораблях. И кто же, ты думаешь, его изобрел?

— Не знаю... Подожди-ка, подожди... Это что, она...

— Молодец, возьми с полки пирожок. Именно она, доктор Мэри Джейн Лайл Смит. Она так и не увидела свое детище в железе, однако успела запатентовать все основные элементы конструкции, вложила эти патенты в специально организованный траст — самый настоящий, не какой-нибудь там благотворительный, некоммерческий — и передала контроль над трастом вместе с текущими доходами Научному фонду. В конечном итоге контроль перешел к правительству, но принадлежит траст твоему драгоценному дружку, и стоит он многие миллионы, может быть — сотни миллионов, точно уж и не знаю.

Ужин был готов. Чтобы не портить лужайку, Какстон пользовался столиками, подвешенными к потолку; один из них он опустил на нормальную высоту, а другой — совсем низко, чтобы Джилл могла сидеть на траве.

— Ну и как? — поинтересовался хлебосольный хозяин.

— Феикаепно!

— Благодарю. И не забывай, что готовил я.

— Бен, — сказала Джилл, прожевав и проглотив очередной кусок, — так что же насчет этой, ну, незаконнорожденности Смита? Он что, теперь и не наследник?

— Он очень даже законнорожденный. Доктор Мэри Джейн жила в Беркли, а калифорнийские законы не признают поня-

тия «незаконнорожденный», твой биологический потомок автоматически является твоим законным потомком. Капитан Брант — новозеландец, у них законы точно такие же. А вот в том штате, где повезло родиться доктору Уорду Смит, мужу Мэри Джейн, считается, что ребенок, родившийся у замужней женщины, — законный потомок ее мужа, никакие тебе биологии-генетики в расчет не идут. Так что, Джилл, марсианин этот — самый что ни на есть законнорожденный сын трех родителей враз.

— Как это? Подожди, Бен, тут какая-то ерунда. Так не бывает. Либо законный, либо незаконный. Конечно же, я не юрист, но все равно...

— Вот оно и видно, что не юрист, их-то такой мелочью не смутишь. С юридической точки зрения Смит — вполне законнорожденный, с той, правда, пикантной особенностью, что где-то у него один комплект законных родителей, а где-то — другой. Ну а по здравому смыслу он, конечно же, бастард, что не имеет ни малейшего значения: дела о наследстве решают юристы, решают по своим законам, а не по какому-то там здравому смыслу. Так вот, о наследстве. Как я уже говорил, мать оставила ему колоссальное состояние, но ведь и оба его папаша были далеко не нищими. Работая на лунной трассе, Брант получал просто непристойное жалование и все его вкладывал в «Лунар энтерпрайзес». Ты слышала, наверное, как взлетели эти акции, — компания только что объявила о выплате очередных дивидендов. Был у Бранта грешок, азартные игры; так ведь он не проигрывал, а регулярно выигрывал — и выигрывши тоже вкладывал в ЛЭ. С Уордом Смитом дело проще — старые семейные деньги, ну а медицина — по зову сердца. И твой марсианин — наследник всех троих.

— Да-а!

— Но и это, лапуля, только половина дела. Смит — наследник всей команды.

— У него что, четыре папаша?

— Шутки шутками, но все восемь членов экипажа «Посланника» подписали своего рода джентльменское соглаше-

ние искателей приключений, согласно которому выжившие становятся наследниками погибших. Выжившие и *дети* — каковых детей у них до рождения Валентайна Майкла Смита не было. Составлен контракт весьма тщательно, в полном соответствии с лучшими образцами договоров, написанных еще в шестнадцатом и семнадцатом веках, которые выдержали не только проверку временем, но и все попытки опротестовать их по суду. Вдобавок все члены экипажа были людьми состоятельными. Еще две семейные пары скупили уйму акций «Лунар энтерпрайзес», так что в сумме Смит может оказаться если не владельцем контрольного пакета, то уж точно мажоритарным акционером.

Джилл подумала о младенчески невинном существе, превратившем глоток воды из стакана в трогательную церемонию, и почувствовала укол жалости.

— Вот бы заглянуть в вахтенный журнал «Посланника», — продолжал Какстон. — Ведь его нашли, но вряд ли кому покажут.

— А что там такого, Бен?

— Жуткая история. Кое-что я узнал, но потом информант протрезвел, пожалел о своем длинном языке и заглох. Доктор Уорд Смит сделал своей жене кесарево сечение, и она умерла на операционном столе. Судя по всему, наш хирург знал расклад — не теряя ни минуты, он тем же самым скальпелем перерезал горло капитану Бранту, а затем и себе. Вот так-то, малышка. Прошу прощения.

Джилл зябко поежилась:

— Я медсестра, у меня к таким вещам иммунитет.

— Врунья ты моя, вот ты кто. Знаешь, Джилл, я целых три года работал в отделе криминальной хроники и все равно не сумел к такому привыкнуть.

— А что произошло с остальными?

— Понятия не имею. Может статься, мы никогда этого не узнаем — если не вырвем вахтенный журнал из цепких лап бюрократов. Вырвать его необходимо, во всяком случае так считает сидящий перед тобой молодой, полный романтического идеализма газетчик. Секретность — мать тирании.

— Бен, а может, и лучше будет, если это жулье отнимет у него наследство. Он же такой... ну, не от мира сего.

— Во-во, опять очень точное и к месту слово. Да ему, в общем, не шибко-то и нужны все эти деньги, уж как-нибудь Человек с Марса без куска хлеба не останется. Любое правительство, тысячи университетов и прочих организаций с восторгом возьмут его на свое обеспечение.

— Ну вот, видишь. Так что лучше ему подписать отказ, и дело с концом, и голова не болит.

— Если бы с концом. Джилл, ты слыхала о знаменитом процессе «„Дженерал атомикс“ против Ларкина и прочих»?

— Это что, Ларкинское решение? Конечно знаю, ты что, считаешь, я и в школе не училась? Только при чем тут Смит?

— А ты вспомни, как все было. Первый корабль на Луну послали русские, и он разбился. Второй, который послали мы вместе с Канадой, сел успешно, но никого на Луне не оставил. И вот, пока Соединенные Штаты и Британское Содружество готовились — якобы при спонсорстве Федерации — послать корабль с колонистами, а Россия занималась тем же самым в одиночку, всех их обогнала «Дженерал атомикс», арендовавшая для старта один из принадлежавших Эквадору островов. Одним словом, когда на Луну сел корабль Федерации — а чуть не сразу за ним и русский, — ребята из «Дженерал атомикс» успели там уютно обосноваться. А затем эта компания, зарегистрированная в Швейцарии, но находящаяся под американским контролем, набралась наглости объявить Луну своей собственностью. И ведь Федерация никак не могла сказать им: Луна наша, а вы идите куда подальше — обязательно вмешались бы русские. Тогда Верховный Суд мудро решил, что такое абстрактное понятие, как «юридическое лицо», не может владеть небесным телом и настоящие собственники Луны — люди, ее колонизовавшие, то есть Ларкин и его товарищи. Вот их-то и признали суверенной нацией и приняли в Федерацию, члены Федерации получили обещание доли в будущих доходах, а «Дженерал атомикс» и ее филиал «Лунар энтерпрайзес» — концессии. Многие страны недовольно морщились,

к тому же в те времена Верховный Суд Федерации не был еще таким всемогущим, как сейчас, однако ничего лучшего никто не придумал. Побочным результатом стали законы колонизации планет, долженствующие прекратить кровавые разборки; все эти законы базируются на Ларкинском решении. И ведь они работали — Третья мировая не была связана с космическими спорами. Так что Ларкинское решение имеет силу закона и вполне применимо к Смиту.

— Что-то не улавливаю связи, — недоуменно покачала головой Джилл. — Ты меня споил.

— Думай, Джилл, думай. Согласно Ларкинскому решению, Смит — суверенная нация и единоличный владелец планеты Марс.

5

— Я мартини перебрала, — пожаловалась Джилл. — Мне слышалось или ты и впрямь сказал, что наш пациент — владелец Марса?

— Сказал. Так оно и есть. Он провел на Марсе, без посторонней помощи, законодательно определенный промежуток времени. А значит, в юридическом смысле Смит — *вся планета Марс*. Король Марса, президент, народ — как тебе больше нравится. Если бы «Чемпион» не оставил колонистов, права Смита на пустующую планету стали бы спорными, но теперь он все тот же король, только в отлучке. И Смит совсем не обязан чем-то делиться с новопоселенцами, они — всего лишь иммигранты, твой пациент может даровать им гражданство, а может и подумать.

— Невероятно!

— Зато — вполне законно. Теперь ты, лапуля, понимаешь, почему все так интересуются Смитом. И почему правительство запрятало его подальше. То, что они делают, — вопиющий произвол. Ко всему прочему Смит — гражданин Соединенных Штатов и Федерации, а никто не имеет права лишать гра-

жданина Федерации внешних контактов — будь этот гражданин хоть сто раз осужденным преступником. Это сразу после Третьей мировой узаконили. Правда, вряд ли Смит об этом известно. Кроме того, запирать прибывшего с визитом монарха — каковым является Смит — на ключ, не давать ему встретиться с людьми, особенно с журналистами — каковым являюсь я, — всегда считалось недружественным актом. Ну как, проведешь меня под видом монтера-неумехи?

— Что? Да теперь я еще больше боюсь. Слушай, Бен, а вот если бы меня сегодня утром застукали, что бы со мной сделали?

— М-м-м... думаю, ничего особенно страшного. Заперли бы в психушку по диагнозу, подписанному тремя медицинскими светилами, и разрешили бы переписку, по одному письму в каждый второй високосный год. Ну, в общем, особо расстраиваться бы не стали. Интереснее другое — что они *с ним* сделают?

— А что они могут сделать?

— Ну, вдруг он умрет... Скажем, от непривычно высокого тяготения. Правительству это будет на руку.

— Ты хочешь сказать — его *убьют*?

— Тише, тише, зачем такие грубые слова. Нет, вряд ли твоего ангелочка убьют, ведь он — кладезь ценной информации, это даже обыватели понимают. Он наверняка важнее, чем Ньютон, Эдисон, Эйнштейн и еще десяток великих умов, вместе взятых. А может быть, и нет. В общем, пока в этом досконально не разберутся, его никто не тронет. Кроме того, он — связующее звено между нами и единственной известной нам цивилизованной расой. Своего рода посланник и уникальный переводчик. И это тоже важно, только пока не ясно, насколько. Как там у тебя с классикой? Читала «Войну миров» Уэллса?

— Давно, еще в школе.

— Вот представь себе, что марсиане за что-нибудь на нас озлятся, объявят нам войну — и победят. Все может быть, мы ведь силы их не знаем. Тогда Смит может оказаться посредником, миротворцем, который предотвратит Первую Межпланетную войну. Вариант, конечно же, сомнительный, но прави-

тельство обязано его учитывать. Ведь там и по сию пору не могут разобраться, к каким политическим последствиям ведет открытие разумной жизни на Марсе.

— По-твоему, он в безопасности?

— На какое-то время. Генеральный секретарь не может позволить себе опрометчивых решений, его правительство — как хорошо тебе известно — висит на волоске.

— Никогда не интересовалась политикой.

— И очень зря. Следить за ней почти так же важно, как за собственным пульсом.

— А я и за ним не слежу.

— Не мешай моему красноречию. Возглавляемая Дугласом правящая коалиция трещит по швам. Пакистан, как трепетная лань, готов рвануть в кусты от любого чиха. А тогда после первого же голосования о доверии и последующих выборов мистер генеральный секретарь Дуглас вернется к жалкому существованию грошового адвокатишки. Человек с Марса может укрепить его положение — а может и выбить у него из-под ног табуретку. Так ты меня проведешь?

— Ни за что. Уйду-ка я в монастырь. Кофе у тебя есть?

— Сейчас погляжу.

Они встали.

— Бедные мои старые косточки, — по-кошачьи потянулась Джилл. — Ладно, Бен, бог с ним, с кофе, завтра у меня трудный день — пациенты ворчливые, ординаторы приставучие. Отвези меня домой. Или нет, лучше просто прогони меня, так будет безопаснее. Вызови мне такси, пожалуйста.

— О'кей, хотя время, собственно, совсем еще детское. — Бен вышел в спальню и быстро вернулся, сжимая что-то в кулаке. — Еще раз спрашиваю — ты меня проведешь?

— Честное слово, Бен, я бы и сама очень хотела, но...

— Ладно, нет так нет. Опасность действительно есть, и не только для твоей карьеры. Но хоть жучка-то ты можешь посадить? — Он показал ей некий предмет размером с обыкновенную зажигалку.

— Да? А что это такое?

— Величайшее изобретение со времени снотворных порошков, лучшее подспорье для шпионов и бракоразводных адвокатов. Микромагнитофон. Протяжка на пружинном заводе, наводок от моторчика нет, и ни один прибор его не обнаружит. Внутри всякие транзисторы, резисторы, конденсаторы и прочие штуки. Удароустойчивая пластмасса, хоть из вертолета скидывай. Питается от радиоактивного источника, как обычные часы, но экранировка идеальная, наружу ничего не светит. Пишет на микропроволоку, кассета на двадцать четыре часа, затем меняешь, но пружину при этом заводить не надо, у новой кассеты — новая пружина.

— А оно не взорвется? — опасливо поинтересовалась Джилл.

— Да ты что, при желании его можно запечь в пирог.

— Бен, ты своими разговорчиками совсем меня запугал, я теперь побоюсь входить в его палату.

— Ну а в соседнюю, пустую эту комнату, туда-то ты можешь войти?

— Да, наверное.

— У этой штуки длинные уши. Вот, видишь тут углубление? Прикрепи этой стороной к стенке — лейкопластырем, например, — и машинка услышит все, что происходит в соседней комнате. Там стенной шкаф есть?

Джилл задумалась.

— Если я начну ежедневно шастать в эту комнату, кто-нибудь обязательно заметит. А вдруг ее займут? Слушай, Бен, палата Смита сообщается через стенку с другой, из соседнего коридора. Может, оттуда?

— Отлично. Ну так что, сделаешь?

— М-м-м... ты дай эту штуку мне, а я еще подумаю.

Перед тем как передать магнитофон Джилл, Какстон тщательно протер его носовым платком.

— И делай все в перчатках.

— Зачем?

— Просто иметь такую штуку, без всяких отягчающих, и то тянет на хорошие каникулы за решеткой. Так что не забывай о перчатках и, ради бога, не попадись.

— Красивые перспективы ты мне рисуешь!
— Так что, отказываешься?
— Нет, — обреченно вздохнула Джилл. — Всю жизнь мечтала стать преступницей. Ты меня еще бандитскому жаргону обучи...

— Смелая ты девица! — Над дверью мигнула лампочка. — А вот и твое такси, я вызвал, пока за жучком ходил.

— Весьма любезно с вашей стороны. Ты не посмотришь, где там мои туфли? И не ходи на крышу, чем меньше видят нас вместе, тем лучше.

— Как знаешь. — Он начал надевать Джилл туфли.

Когда он разогнулся, Джилл взяла его за уши и поцеловала.

— Так вот, Бен, послушай. Ничего хорошего из этого не выйдет, и я очень удивлена, что тебя заносит на уголовщину, но, с другой стороны, ты — отличный повар. При том, конечно же, условии, что программу набираю я. Так что можно подумать и о замужестве, если удастся еще раз поймать тебя на слове.

— Предложение в силе.

— Неужели бандиты женятся на своих биксах? Или как там нужно говорить — марухах?

Лампочка снова мигнула, и Джилл выскочила за дверь.

Дебют медсестры в роли шпионки прошел без сучка без задоринки; Джилл и прежде часто забегала в палату из соседнего коридора поболтать со скучавшей там лежащей пациенткой. Она прилепила жучка в стенном шкафу над верхней полкой, непрерывно тараторя при этом, что теперешние уборщицы ну вообще никогда не протирают полки.

Достаточно просто прошла и первая замена кассеты — пациентка спала. Однако не успела Джилл слезть со стула, как миссис Фритшли проснулась, пришлось отвлекать ее внимание сочной больничной сплетней.

Справедливо считая, что почтовая система значительно безопаснее всяких шпионских исхищрений, Джилл послала кассету по почте. Однако вторая попытка сменить кассету

окончилась полным провалом. Дождавшись наконец, когда пациентка уснула, Джилл пробралась в палату, встала на стул — и тут же услышала за спиной:

— О! Здравствуйте, мисс Бордман!

Джилл окаменела.

— Здравствуйте, миссис Фритшли, — с трудом выдавила она. — Хорошо поспали?

— Да так, ничего, — капризно откликнулась пациентка. — Спина у меня болит.

— Давайте я разотру.

— Мне ничто не помогает. А что это вы всегда роетесь в шкафу? Там что, что-нибудь не в порядке?

Сердце Джилл колотилось как бешеное, желудок свернулся в болезненный комок.

— Мыши, — объяснила она.

— Мыши? Я требую, чтобы меня перевели в другую палату!

Джилл отодрала шедевр шпионской техники, сунула его в карман и прыгнула на пол.

— Да нет, миссис Фритшли, что вы. Я просто проверяла, нет ли там дырок. Все в порядке.

— Вы хорошо проверили?

— Конечно. Там нет ни щелочки. А теперь спинку. Перевернитесь, только осторожно.

Оставалось одно — попытать счастья в пустой комнате, примыкающей к палате Человека с Марса. Свободная минутка выдалась лишь в конце смены. Джилл вернулась к своему столу и достала ключ.

Но ключ не потребовался — в комнате успели обосноваться двое морских пехотинцев. Охрану, получалось, удвоили.

— Ищите кого-нибудь? — оглянулся один из героев.

— Нет. Но вы бы, ребята, встали с кровати, — ледяным голосом процедила Джилл. — Если вам разрешается сидеть во время дежурства — побеспокойтесь принести себе стулья.

Охранники неохотно поднялись, а Джилл ушла, изо всех сил стараясь не стучать зубами.

Теперь жучок стал напрасной обузой, даже уликой, — уходя после дежурства, Джилл переложила его в карман и дрожала до того самого момента, когда такси оторвалось от больницы крыши и устремилось к дому Бена. С дороги она позвонила.

— Какстон слушает.

— Бен, это я. Ты один? Нужно встретиться.

— Мысль неожиданная, — заметил Бен. — И вряд ли разумная.

— Бен, мне очень надо. Я уже лечу к тебе.

— Ну что ж, надо так надо.

— Да ты, смотрю, просто горишь энтузиазмом.

— Джилл, ты только не подумай, что я...

— Пока!

По здравом размышлении Джилл успокоилась и решила не держать зла на Бена — обстановка действительно сложная, медсестра и молодой журналист опрометчиво схватились с противником, явно превосходящим их силой. Нет, ей точно не надо было в это лезть. И дернул же черт вляпаться в политику!

В объятиях Бена ей стало чуть лучше. Все-таки Бен — симпатяга, может, и вправду выйти за него? Первая же попытка Джилл заговорить была решительно пресечена.

— Тс-с-с, — прошептал Бен, закрывая ей рот ладонью. — И никаких имен не упоминай. Болтай о пустяках. Здесь могут подслушивать.

Она кивнула. Бен провел ее в гостиную, и Джилл молча сунула ему магнитофон. Главный организатор шпионской акции недоуменно поднял брови, однако от комментариев воздержался, а только вручил ей вечернее издание «Пост».

— Видела газету? — поинтересовался он самым безразличным тоном. — Посмотри, пока я посуду мою.

— Спасибо.

Уходя из гостиной, Бен ткнул пальцем в одну из статей — в собственную свою ежедневную колонку под гордым названием «ВПЕРЕДСМОТРЯЩИЙ».

Сообщает Бен Какстон

Как вам хорошо известно, тюрьмы и больницы объединяет одна общая черта — оттуда порой очень трудно выкарабкаться. В некотором смысле заключенный даже меньше отрезан от окружающего мира, чем пациент: заключенный может позвать к себе адвоката, потребовать присутствия Честного Свидетеля, может апеллировать к *habeas corpus* и добиться рассмотрения своего дела в открытом суде.

И в то же самое время по обычаям нашего племени мумбо-юмбо вполне достаточно, чтобы кто-нибудь из шаманов-лекарей вывесил табличку «ПОСЕТИТЕЛИ НЕ ДОПУСКАЮТСЯ», и несчастный узник больницы будет отрезан от мира с большей тщательностью, чем когда-то — Железная Маска.

Близких родственников так просто не отвадишь, их придется пустить — беда только в том, что у Человека с Марса, похоже, нет близких родственников. Злосчастная команда «Посланника» имела крайне мало связей с остальным населением нашей планеты; если у Человека в Железной Маске — пардон, Человека, Родившегося на Марсе, — даже и есть какие-либо родственники, способные встать на защиту его интересов, целая армия репортеров (в их числе и ваш покорный слуга) все еще не сумела их отыскать.

Так кто же защищает интересы Человека с Марса? Кто приказал окружить его автоматчиками? Что у него за жуткая такая болезнь, что никому не позволено с ним поговорить, да что там поговорить, хотя бы его увидеть? Я обращаю эти вопросы к вам, господин генеральный секретарь. Не надо считать наших сограждан полными идиотами, никто из них не поверит объяснениям насчет «физической слабости» и «непривычного тяготения» — будь это так, хрупкая медсестричка справилась бы с делом ничем не хуже, чем до зубов вооруженный мордоворот.

А не может ли статься, что природа загадочного недуга имеет чисто финансовый характер? Или даже (скажем шепотом) политический?

И так далее, и тому подобное. Совершенно очевидная наглость, преследующая столь же очевидную цель: не дать правительству возможности отмолчаться. Джилл не понимала, чего именно он добивается, поскольку не разбиралась ни в политике, ни в финансах, хотя и чувствовала, что Бен крупно рискует, бросая вызов властям. Впрочем, она не имела никакого

представления ни о подлинном масштабе этого риска, ни о возможных ответных действиях.

Она просмотрела остальные страницы газеты: «Чемпион», «Чемпион» и еще раз «Чемпион». Интервью капитана ван Тромпа, интервью чуть не каждого члена его команды, фотография: генеральный секретарь Дуглас украшает орденом героическую грудь одного из героических членов, снимки марсиан и марсианских городов. И почти ничего о Смите — только короткий медицинский бюллетень: медленно, но верно поправляется после тягот пути.

— Ты вот эту газету посмотри. — Заглянувший в гостиную Бен уронил ей на колени стопку листов тонкой желтоватой бумаги.

«Газета» оказалась стенограммой первой — по всей видимости — кассеты. Собеседники значились как «Первый голос», «Второй голос» и так далее, однако в тех случаях, когда Бен сумел отождествить эти голоса, он подписал от руки фамилии. По верху первого листа шло примечание: «Все голоса — мужские».

Большая часть записей свидетельствовала, что Смита кормили, умывали, массажировали, что он дважды в день гулял по палате под наблюдением «доктора Нельсона» и «второго врача». Джилл решила, что это доктор Таддеус.

А вот тут — нечто совсем другое. Джилл вернулась к началу эпизода и принялась читать внимательно.

Доктор Нельсон: Ну, парень, как ты себя чувствуешь? Хватит сил на разговор?

Смит: Да.

Д-р Нельсон: Тут один человек хочет с тобой побеседовать.

Пауза.

Смит: Кто? *(От руки, почерком Какстона: перед каждой своей репликой Смит делает паузу, иногда небольшую, иногда продолжительную.)*

Д-р Нельсон: Этот человек — наш великий (*непонятное горланное слово — марсианское?*). Он старейший из наших стариков. Ты будешь с ним говорить?

Смит (*после очень долгой паузы*): Я преисполнен счастья. Старик будет говорить, я буду слушать и расти.

Д-р Нельсон: Нет, ты не так понял! Он хочет задать тебе несколько вопросов.

Смит: Я не достоин учить старика.

Д-р Нельсон: Этого хочет старик. Ты выслушаешь его вопросы?

Смит: Да.

(*Неопределенные звуки.*)

Д-р Нельсон: Сюда, пожалуйста. Я привел доктора Махмуда, он в соседней комнате, на случай, если потребуется переводить.

Следующий абзац начинался словами «Новый голос»; Какстон зачеркнул их и подписал: «Генеральный секретарь Дуглас!!!»

Генеральный секретарь: А зачем он? Вы же говорили, Смит понимает по-английски.

Д-р Нельсон: Ну, как сказать... и да, и нет, ваше превосходительство. У него приличный словарный запас, однако, как выражается Махмуд, он полностью лишен культурного контекста, необходимого для правильного понимания и употребления этих слов. Так что разговоры бывают довольно сумбурные.

Генеральный секретарь: Ничего, я уверен, что мы прекрасно пойдем друг друга. В молодости я исколесил автостопом всю Бразилию, хотя сначала не знал ни слова по-португальски. Так что будьте добры представить нас друг другу, а потом можете отдохнуть от нашего общества.

Д-р Нельсон: Сэр? Я бы предпочел остаться со своим пациентом.

Генеральный секретарь: Вы бы предпочли? Боюсь, мне придется настаивать. Вы уж меня извините.

Д-р Нельсон: Боюсь, это *мне* придется настаивать. Извините, сэр, но врачебная этика...

Генеральный секретарь (*прерывает его*): Не забывайте, что я — юрист и понимаю кое-что в медицинской юриспруденции — так что не вешайте мне лапшу насчет этой своей «врачебной этики». Этот пациент лично выбрал вас своим лечащим врачом?

Д-р Нельсон: Ну, не то чтобы, но однако...

Генеральный секретарь: Так я и думал. Да была ли у него вообще такая возможность — свободно выбрать себе врача? Сильно сомневаюсь. Он находится под опекой государства, так что я выступаю в роли ближайшего родственника *de facto* и — в чем вы скоро убедитесь — *de jure*. Я хочу поговорить с ним один на один.

Д-р Нельсон (*долгая пауза, голос звучит сухо и чопорно*): При такой постановке вопроса, ваше превосходительство, я считаю себя вынужденным отказаться от пациента.

Генеральный секретарь: Да что же вы, доктор, так вот сразу с бухты-барахты. Я же ни на вот столько не сомневаюсь в ваших методах лечения. Но ведь вы не стали бы мешать матери побеседовать со своим сыном один на один, не стали бы, верно? Вы что, боитесь, я его съем?

Д-р Нельсон: Нет, но только...

Генеральный секретарь: Так в чем же тогда проблема? Бросьте, доктор, представьте нас друг другу и займемся делом. Вся эта суэта может вредно отразиться на вашем пациенте.

Д-р Нельсон: Что ж, ваше превосходительство, я вас представляю. Но затем вам придется выбирать другого врача для своего... своего подопечного.

Генеральный секретарь: Я очень сожалею, доктор, что все так неловко выходит, искренне сожалею. И я не могу принять ваши слова как окончательные — мы с вами об этом еще поговорим. Ну так, будьте любезны...

Д-р Нельсон: Встаньте, пожалуйста, сюда, сэр. Сынок, это — тот самый человек, который захотел с тобой встретиться. Величайший из наших стариков.

Смит: (*непонятно*).

Генеральный секретарь: Что он сказал?

Д-р Нельсон: Приветствие, очень уважительное. Махмуд переводит это как «Я — всего лишь яйцо». Ну, если и не так, то что-то в этом роде. Мне он это тоже говорил. Знак дружелюбия и уважения. Сынок, говори, пожалуйста, по-человечески.

Смит: Да.

Д-р Нельсон: Не считите мой последний совет за наглость, но постарайтесь говорить попроще.

Генеральный секретарь: Это я непременно.

Д-р Нельсон: Прощайте, ваше превосходительство. Прощай, сынок.

Генеральный секретарь: Спасибо за помощь, доктор. До скорого.

Генеральный секретарь *(продолжает)*: Как вы себя чувствуете?

Смит: Я чувствую себя хорошо.

Генеральный секретарь: Вот и прекрасно. Если вам чего-нибудь не хватает — только спросите, все сразу будет. Мы хотим, чтобы вам было хорошо. Только я хочу, чтобы вы сделали для меня одну вещь. Вы писать умеете?

Смит: Писать? Что такое «писать»?

Генеральный секретарь: Ладно, сойдет и отпечаток пальца. Я сейчас прочитаю вам один документ. В этой юридической ахинее сам черт ногу сломит, но, говоря попросту, смысл сводится к тому, что, улетаая с Марса, вы оставили — ну, то есть передали — все свои предполагаемые права на что бы то ни было марсианское. Вы передали их нашему правительству.

(Очень долгая пауза.)

Генеральный секретарь *(не дождавшись ответа)*: Ну, давайте попробуем с другой стороны. Ведь Марс вам не принадлежит, верно?

Смит *(долгая пауза)*: Я не понимаю.

Генеральный секретарь: М-м-м... ну ладно, попробуем еще раз. Ведь вы хотите остаться здесь, верно?

Смит: Я не знаю. Меня послали старики. *(Длинный, совершенно непонятный монолог. Звуки, словно лягушка-бык что-то не поделила с котом.)*

Генеральный секретарь: Кой хрен, неужели же столько времени нельзя было научить его говорить по-людски? Слушай, сынок, тут ровно не о чем беспокоиться. Давай просто поставим отпечаток твоего пальца внизу этой бумаги. Дай мне свою правую руку. Да ты что, чего это ты выкручиваешься? *Лежи спокойно!* Я не сделаю тебе больно... *Доктор!* Доктор Нельсон!

Второй врач: Да, сэр?

Генеральный секретарь: Где доктор Нельсон?

Второй врач: Доктор Нельсон? Он ушел, сэр. Сказал, что вы его отстранили.

Генеральный секретарь: Это Нельсон вам такое сказал? Вот же, мать его! Ну тогда вы — вы можете что-нибудь сделать? Искусственное дыхание, укол какой-нибудь? Да не стойте как пень — вы что, не видите, человек умирает?

Второй врач: Не думаю, сэр, что необходимо принимать какие-то меры. Просто оставить его в покое — и он выйдет из этого состояния. Доктор Нельсон всегда так делал.

Генеральный секретарь: Чтоб он сдох, ваш доктор Нельсон.

Голос генерального секретаря исчез, голос доктора Нельсона так и не появился; на этом, собственно, транскрипция почти и кончилась. Судя по последним словам врача, Смит снова впал в один из своих трансов, о которых Джилл было известно из больничных сплетен. Было еще две записи. Первая: «Не надо шептать, он все равно ничего не слышит», вторая: «Да убери ты этот поднос. Очухается, тогда и покормим».

Джилл в третий раз перечитывала стенограмму, когда в гостиную вернулся Бен с еще одной стопкой желтоватых листков, но предлагать их для прочтения не стал, а просто спросил:

— Проголодалась?

С любопытством взглянув на ворох новых бумаг, Джилл ответила:

— Жутко. Готова съесть что угодно.

— Лапша устроит? На уши.

Он вызвал такси, молча вывел Джилл на крышу и весь путь до Александрии не произнес ни слова; здесь они пересели в другое такси, причем Бен выбрал машину с балтиморским номером.

— Вот теперь можно и поговорить, — облегченно вздохнул он, задав робопилоту адрес — Хагерстаун, штат Мэриленд.

— К чему вся эта таинственность?

— Миль пардон, мадам. Нервишки пошаливают, и совесть загрызла. Не то чтобы я *знал*, что квартиру прослушивают, но ведь если в такие игры могу играть я, кто же им-то помешает? Особенно теперь, когда я проявляю нездоровый интерес к тому, о чем власти упорно умалчивают. Ровно так же я, собственно, не думаю, чтобы в том, вызванном на дом, такси были уши, но чем черт не шутит — в Специальной службе ребята ушлые. Зато уж эта машина... — Он любовно похлопал по сиденью. — Ну не могут же они в каждое такси посадить по жучку. Выбирая случайным образом, обеспечиваешь себе почти полную безопасность.

Джилл поежилась:

— Бен, ты же не думаешь, что эти люди... — Она потерянно замолкла.

— Еще как думаю! Ты же читала мою колонку. Я сдал текст уже девять часов назад. Неужели наше драгоценное правительство так вот позволит лягать себя в брюхо — и не примет ответных мер?

— Да ты же всегда задирался с этим правительством.

— И кого это особенно колебало? Оппозиция — на то она и оппозиция, чтобы противостоять правящим силам. На этот раз все значительно серьезнее — я прямо обвинил наших красавцев, что они держат под замком политзаключенного. Да еще такого, который представляет изрядный интерес для обществу. Правительство, Джилл, это живой организм, и, подобно любому другому организму, оно обладает инстинктом самосохранения. Ты его лягнешь — оно тебя укусит. Все, что

было раньше, это так, щекотка, а на этот раз я им действительно врезал. Не надо было только тебя впутывать, — понуро добавил он.

— А я ничего не боюсь. Во всяком случае с тех пор, как вернула тебе эту штуку.

— Ты близко связана со мной. Вполне достаточная причина для крупных неприятностей — если пойдет беспредел.

Джилл растерянно смолкла. Никогда прежде она не задумывалась о безмерной жестокости власти. Весь ее жизненный опыт сводился к уходу за больными и к веселым проказам партизанской войны полов, а в остальном Джилл была почти так же наивна, как Человек с Марса. Сама мысль, что она — она, Джилл Бордман, в жизни своей не испытывавшая ничего худшего, чем родительский шлепок или случайно оброненное резкое слово, — подвергается самой настоящей опасности, мысль эта казалась дикой, невероятной. Конечно же, работая в больнице, она насмотрелась на последствия жестокости и насилия — но разве может такое случиться с *ней*, с ней самой?

Машина пошла на посадку.

— Бен? — нарушила молчание Джилл. — Ну а если он умрет? Что тогда будет?

— Как? — нахмурился Бен. — Очень хороший вопрос. Хорошо, что ты спросила, — значит, проявляешь интерес. Если других вопросов нет, урок закончен, можете идти домой.

— Перестань, Бен, я же не шучу.

— Хм-м... Знаешь, Джилл, я ведь из-за этого вопроса даже о тебе грезить перестал, ночами не сплю, все ответ ищу. Тут проблема двоякая: политическая и финансовая. В общем, вот до чего я додумался: после смерти Смита все его права на Марс исчезнут. Возможно, колонисты, привезенные «Чемпионом», заявят свои права — правительство наверняка договорилось с ними на этот счет заранее. «Чемпион» принадлежит Федерации, однако не исключено, что по смыслу заключенной с колонистами сделки все ниточки окажутся в руках нашего славного защитника прав человека, генерального секретаря Дугласа лично. Это поможет ему удержаться у власти, и надолго.

Второй, столь же возможный вариант — смерть Смита ровно ничего не изменит.

— Как это? Почему?

— Мы исходили из применимости Ларкинского решения, а ведь это еще бабушка надвое сказала. Луна была необитаема, а Марс — обитаем. Конечно же, в юридическом смысле марсиане все равно что не существуют, но это — пока. Верховный Суд присмотрится к политической ситуации, поскребет свою коллегияльную лысину, а потом возьмет да и решит, что прилет людей на обитаемую планету не влечет никаких правовых последствий. В каковом случае обо всех марсианских правах нужно будет договариваться с марсианами.

— Бен, но ведь так оно и есть, иначе и быть не может. Сама мысль, чтобы одному человеку принадлежала целая планета... бред какой-то.

— Только не говори этого адвокату; в программу каждого юрфака входит обязательный курс по оцепиванию комаров и поглощению верблюдов. Кроме того, есть прецедент. В пятнадцатом веке папа римский передал все Западное полушарие Испании и Португалии, нимало не заботясь, что упомянутая недвижимость была уже занята индейцами, у которых, как ни кинь, были свои традиции, законы и имущественные права. И ведь это щедрое дарение не оказалось фикцией. Ты посмотри на карту, в каких странах говорят по-испански, а в каких — по-португальски. И сколько земель индейцам досталось.

— Да, но... Бен, сейчас же не пятнадцатый век.

— А юристам это до лампочки. Они сошлются на Блэкуэлла, Наполеона или даже на Юстиниана. Поверь, если Верховный Суд решит, что здесь применим прецедент Ларкина, Смит получит возможность раздавать концессии стоимостью во многие миллионы, а скорее — во многие миллиарды. Ну а если он передаст свои права правительству, тут уж порезвится генеральный секретарь Дуглас. Чего Дуглас и добивается. Ты же читала стенограмму.

— Не понимаю, Бен, зачем человеку такая огромная власть?

— Ты спроси еще, зачем мотылек летит на пламя. Жажда власти сильнее похоти, и так же необъяснима. Но, как я и говорил, проблема здесь двоякая. Личное состояние Смита важно почти так же, как его положение самодержца марсианского. А может, и еще важнее. Видишь ли, его сквоттерские права еще нуждаются в подтверждении Верховным Судом, но вряд ли кто-либо может отобрать у него патенты по лайловскому двигателю и тот самый пакет акций «Лунар энтерпрайзес» — все восемь завещаний оформлены по всем правилам и должным образом зарегистрированы, а в трех случаях он — абсолютный наследник. И что же будет, если Смит умрет? Не знаю. Конечно же, набегит сразу мильён дальних родственников, но Научный фонд уже двадцать лет успешно гоняет этих жадных паразитов. Так что если Смит умрет, не оставив завещания, его деньги достанутся правительству.

— Какому? Федерации или Соединенных Штатов?

— Еще один отличный вопрос без очевидного ответа. Биологические родители Смита происходят из двух различных стран Федерации, сам он родился вне ее территории... а ведь для некоторых очень важно, кто именно будет голосовать этими акциями, кто будет выдавать лицензии по патентам. И это не будет Смит, ни в коем разе, ведь ему не отличить доверенность на голосование от проездного билета. Скорее всего, все права достанутся тому, кто сумеет первым зацепить твоего марсианина и не выпустить его из рук. Вряд ли «Ллойд» застрахует его жизнь, слишком большой риск.

— Несмышлениш он несчастный. Ох, бедняжка!

6

Хагерстаунский ресторан располагался «на природе» — столы, разбросанные по сбегающей к озеру лужайке, еще несколько столиков в кронах трех исполинских деревьев. Саму лужайку накрывал купол защитного поля — в любую погоду, даже в снег и в дождь, в ресторане стояло вечное лето.

Джилл загорелась поужинать на дереве, но Бен сунул метр-дотелю в лапу, попросил перетащить один из столиков к самой воде и поставить рядом с ним стереоящик.

— Бен, — надулась Джилл, — ну чего, спрашивается, платить здешние дикие цены, если мы не полезем на дерево, да к тому же еще будем терпеть соседство этой жуткой говорилки?

— Терпение, малышка, терпение. Столики на деревьях оборудованы микрофонами — по необходимости, чтобы делать заказ. А наш — безо всяких хитростей, официант вытащил его из общей кучи. Что касается второй твоей претензии, питаться в тишине — очень не по-американски. Кроме того, этот галдеж затруднит работу с направленным микрофоном — в случае, если нас все-таки выследили легавые мистера Дугласа. В чем я не сомневаюсь.

— Ты что, серьезно этого боишься? — Джилл поежилась. — Знаешь, Бен, я все больше убеждаюсь, что не создана для преступной жизни.

— Чушь, она же по совместительству плешь. Когда я занимался скандалом с «Дженерал синтетикс», то никогда не спал две ночи подряд в одном месте. Да что там, я даже не ел ничего, кроме консервов и яиц вкрутую, которые сам покупал и варил. Стерпится, слюбится. К тому же такая обстановка стимулирует обмен веществ.

— Не нужно мне никакой стимуляции. Все, что мне нужно, это один-единственный пожилой и богатый пациент.

— Так ты что, не выйдешь за меня?

— Выйду, когда будущий мой муж откинет копыта. А может, я настолько разбогатею, что попросту возьму тебя в дом, вроде как драного помоечного кота.

— Во, мысль. Давай прямо сегодня и начнем.

— Сперва пусть он откинет копыта.

Неожиданно ящик, немилосердно молотивший по их барабанным перепонкам, заглох.

— Телекомпания «Нью уорлд нетуоркс», — провозгласила заполнившая весь его объем голова ведущего, — и наш спонсор, компания «Мальтузианские пастилки „Умница“» имеют

честь предложить вашему вниманию историческое сообщение правительства Федерации. Не забывайте, друзья, что каждая умница пользуется «Умницей». Всегда при себе, приятна на вкус, стопроцентная гарантия результата, или, точнее, — ха-ха-ха — отсутствия результата. Отпускается без рецепта в соответствии с законом тысяча триста двенадцать. К чему рисковать, применяя допотопные, антиэстетичные, ненадежные способы? Зачем терять его любовь и уважение? — Смазливый, с волчьей ухмылочкой ведущий скосился куда-то в сторону и торопливо закончил: — Счастлив представить вам Умницу, которая в свою очередь уступит место генеральному секретарю.

В ящике появилась девица, в трехмерном изображении, настолько чувственная и соблазнительная, настолько млекопитающая, что сравнение этого высокого артистизма с жалкой местной самодеятельностью неизбежно должно было вызвать у любого мужчины приступ острой зависти.

— А вот я, — постельным голосом сообщила Умница, — только «Умницей» и пользуюсь.

Она томно потянулась, еще сильнее обозначив самые умные свои части, вильнула частью сообразительной и растворилась. Оркестр грянул «Да здравствует мир во всем мире».

— А вот *ты*, — поинтересовался Бен, — ты пользуешься «Умницей»?

— Не твое собачье дело, — оцетилилась Джилл. — Эти пастилки — знахарское снадобье, — добавила она. — И с чего ты вдруг решил, что я в чем-нибудь таком нуждаюсь?

Какстон не успел ответить, в ящике возникла по-отечески благодушная физиономия генерального секретаря Дугласа.

— Друзья мои, — начал он, — дорогие мои сограждане. Сегодня на мою долю выпала величайшая честь. Такое бывает только раз в жизни. Триумфальное возвращение «Чемпиона», проторившего широкую дорогу к далеким...

Далее граждане Земли были поздравлены на предмет первого успешного контакта с другой планетой, другой разумной расой. Из пространной речи Дугласа неким неявным образом

вытекало, что контакт этот — личное достижение каждого из зрителей, что возглавить экспедицию мог любой из них, не будь он зритель позарез занят другой, ничуть не менее важной работой. И что сам он, генеральный секретарь Дуглас, — не более чем скромный исполнитель воли своих сограждан. Ничто из этого не говорилось прямо, в лоб, но общий смысл речи сводился к тому, что ты, драгоценный слушатель, ничем не хуже любого из окружающих и даже лучше многих из них — и что старина Джо Дуглас олицетворяет собой такого вот заурядного человека с улицы вроде тебя. Сбитый на сторону галстук, малость всклокоченные волосы — все это явно свидетельствовало о близости к народу.

Интересно, думал Бен, кто же ему все это написал? Ведь не иначе Джим Санфорт — он лучший в Дугласовой команде специалист по подбору эмоционально заряженных прилагательных, способных одновременно и приятно щекотать самолюбие зрителей, и приводить их в умиротворенное состояние. Прежде чем удариться в политику, Джим делал рекламные ролики, так что угрызений совести у него не бывает — нечему там угрызаться. Ну вот этот пассаж насчет «руки, что качает колыбель» — это точно его работа. Джим способен конфеткой заманить малолетнюю девчонку в кусты.

— Да выключи ты, ради бога, — взмолилась Джилл.

— Тише, лапуля, тише. Это стоит послушать.

— ...таким образом, друзья мои, я имею честь представить вашему вниманию еще одного нашего гражданина, Валентайна Майкла Смита, Человека с Марса. Майкл, мы все знаем, что ты устал и чувствуешь себя неважно, но все-таки — не откажешься ли ты сказать пару слов миллионам своих друзей?

Теперь перед зрителями предстал человек, сидящий в инвалидном кресле. С одной стороны над ним заботливым дядюшкой навис Дуглас, с другой стояла медсестра — чопорная, накрахмаленная и весьма фотогеничная.

Джилл ахнула.

— Да тише ты, — зашикал Бен. — А то самое интересное пропустим.

Интервью было кратким. Гладкое, младенческое лицо человека расплылось в робкой улыбке; он посмотрел прямо на зрителей и сказал:

— Привет, ребята. Вы извините, что я не встаю, сил еще мало.

Говорил человек с заметным трудом, в какой-то момент медсестра нагнулась и пощупала его пульс.

Отвечая на вопросы Дугласа, он выразил свое восхищение капитаном ван Тромпом и его героическим экипажем, поблагодарил за свое спасение всех, в нем участвовавших — а заодно и не участвовавших, сообщил, что весь марсианский народ в восторге от контакта с землянами и что сам он, Смит, надеется внести свой скромный вклад в установление прочных и дружественных отношений между двумя в равной степени родными ему планетами.

Тут вмешалась сестра, но Дуглас ласково ее отодвинул и сказал:

— Майк, а хватит у тебя сил ответить еще на один вопрос?

— Конечно, мистер Дуглас, если только я сумею на него ответить.

— Майк, а тебе нравятся наши, земные девушки?

— *Aga!*

На младенческом лице отразились экстаз и благоговение, оно заметно порозовело. Теперь в кадре снова появились голова и плечи генерального секретаря.

— Майк просил меня передать, — голос Дугласа звучал мягко, по-отечески, — что он скоро встретится с вами опять — при первой же возможности. Сами понимаете, нужно человеку поднакачать мышцы. Для него сила притяжения Земли все равно что для нас — сила притяжения на Юпитере. Может быть, на той неделе, если врачи позволят.

На этой оптимистической ноте передача закончилась, дальше пошла реклама все тех же пастилок «Умница». Из развития сюжета ясно следовало, что у девушки, которая ими не пользуется, голова хрящом поросла, а в постели она — колода бесчувственная. Встретив такую на улице, мужчины шараха-

ются на другую сторону, не считаясь с риском для собственной жизни.

Бен переключил канал, повернулся к Джилл и уныло произнес:

— Ну что ж, подготовленную на завтра колонку можно выкинуть. А сегодняшнюю все на смех поднимут. Дуглас его во как держит.

— Бен!

— Чего еще?

— Это не Смит!

— Да? И ты в этом уверена?

— Еще как. С виду, конечно же, похож. Сходство неимоверное. Даже голос такой же. Но все равно это не тот человек, которого я видела в охраняемой палате.

Бен возразил, что Смита видели уже десятки людей — охранники, врачи, санитары и фельдшеры, капитан ван Тромп и вся его команда, да мало ли кто еще. Совершенно неизбежно многие из этих людей смотрели сегодня передачу — правительство должно было считаться с возможностью, что кто-то догадается о подмене. Если, конечно, была подмена. Они не могли действовать так грубо и нагло — слишком велик риск.

Джилл не оспаривала эти аргументы, она просто надула губы и стояла на своем: это не тот человек, который был в палате. В конце концов она раздраженно махнула рукой:

— Ну и оставайся при своем драгоценном мнении! *Мужчины!* Раз я не могу ничего доказать, значит я неправа, да?

— Джилл, ну что ты...

— Отвези меня, пожалуйста, домой.

Бен уныло поплелся за такси. Он взял машину не около ресторана, а через улицу, на посадочной площадке гостиницы, хотя больше и не ожидал за собой слежки. От Джилл веяло холодом, как из погреба. После нескольких безуспешных попыток завязать разговор Бен вытащил стенограммы подслушанных разговоров и углубился в их чтение. Потом он задумался и осторожно окликнул:

— Джилл?

— Я вас слушаю, мистер Какстон.

— Я тебе такого «мистера» дам! Слышь, Джилл, я должен извиниться. Ты совершенно права.

— И что же подвигло тебя на такое гениальное умозаключение?

— Вот это. — Бен хлопнул по ладони свернутыми в трубочку листками. — Да и не мог Смит так измениться за один какой-то день. Во время этого телевизионного разговорчика он неизбежно должен был сорваться... ну а потом, как это у него принято, — транс.

— Я очень рада, что ты узрел-таки то, что прямо в глаза лезло.

— Джилл, ударь меня, если хочешь, только не нуди, пожалуйста. Нет, ты понимаешь, что все это значит?

— Это значит, что его подменили актером. Я тебе об этом битый час твержу.

— Да, конечно. Актер, и вполне приличный. Великолепно загримированный и обученный. Но дело не в этом. Тут, насколько я понимаю, возникают две возможности. Первая: Смита нет в живых, и тогда...

— Нет в живых! — На мгновение Джилл словно вернулась в ту палату, снова пережила забавную церемонию испития воды, снова ощутила странное, теплое и какое-то не от мира сего обаяние Смита — ощутила со жгучей, непереносимой тоской.

— Ты не вскидывайся, я только перебираю варианты. Если Смит умер, этот его дублер останется «в живых» на то время, пока в нем будет необходимость. Затем «Смит» «умрет», а дублера увезут куда подальше, подвергнув такому мощному гипнотическому кодированию, что при первой же попытке болтать чего не следует он задохнется от астмы. А то и вообще сделают ему лоботомию. Но этот вариант малоинтересен; если Смит и вправду умер, мы никогда ничего не докажем. Так что будем считать, что он жив.

— Ой, я так на это надеюсь!

— Что ты Гекубе, что тебе Гекуба? — переврал Шекспира Какстон. — Если он жив, вполне возможно, что в сегодняшнем

спектакле нет ничего зловещего. В конце концов, многие политики пользуются услугами дублеров для некоторых выступлений. А зрителям это нравится, потому что когда какой-нибудь чурбан замечает подмену, то мнит себя чрезвычайно проницательным, мол, и я не хуже других, тоже отличаюсь умом и сообразительностью. Может, власти решили пойти навстречу требованиям широкой общественности и явили публике искомого Человека с Марса. Пройдет две-три недели, наш общий друг Смит окрепнет, врачи решат, что он в состоянии лично появиться на люди, — ну и запустят по телевизору его настоящего. Только сильно я в этом сомневаюсь.

— Почему?

— Ты что, не понимаешь? Досточтимому Дугласу нужна подпись Смита, нужна позарез. Кавалерийский наскок не удался, так что теперь наш генеральный секретарь предпримет более серьезные меры. Запрячет Смита так глубоко, что мы его больше не увидим.

— Неужели его убьют? — Глаза Джилл испуганно расширились.

— Ну зачем уж так сразу. Скорее всего, просто запихнут в какую-нибудь частную лечебницу, чтобы никогда не научился жизни среди людей и никогда не узнал, что он, пожалуй, самый богатый на Земле человек. Может, его уже из Бетесды тайком куда-то увезли.

— Господи, Бен, неужели ничего нельзя сделать?

Какстон помрачнел и, поразмыслив, сказал:

— Ну, плана у меня пока нет. Они играют своей крапленой колодой, да к тому же сами придумывают правила. Но все равно я попробую. Прихвачу с собой Честного Свидетеля и адвоката покруче, заявлюсь в вашу больницу и потребую встречи со Смитом. Возможно, мне и удастся вытащить эти веселые забавы на свет божий.

— Я тоже с вами пойду.

— Вот уж фиг я тебе позволю. Нечего тебе в это соваться. Как было отмечено ранее, это погубит твою карьеру.

— А кто же тогда его опознает?

— Отличить человека, воспитанного марсианами, от актера — с таким делом я как-нибудь и сам справлюсь. А вот если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем — ты и знаешь про все это жульничество, и имеешь свободный доступ в Бетесдинскую больницу. Так что, лапуля, если я вдруг исчезну, все в твоих руках, действуй сама.

— Бен, они что, могут сделать что-нибудь *с тобой*?

— На этот раз, красавица, я дерусь не в своей весовой категории. Так что гарантий никаких.

— Не нравится мне это все. Слушай, а если ты и вправду к нему прорвешься — что ты тогда сделаешь?

— Спрошу, хочет он покинуть ваше богоугодное заведение или нет. Если да, то увезу его — в присутствии Честного Свидетеля нас никто не остановит. Больница не тюрьма, насильно удерживать его никто права не имеет.

— Н-ну... а потом? Смиту нужен уход, он неспособен о себе заботиться.

— Вот это-то меня и мучит, — снова нахмурился Какстон. — Сам я не смогу сидеть при нем нянькой. Вот ты б могла, если бы подходящие условия создать... Можно поселить его в моей квартире...

— ...а нянькой буду я. Точно, Бен, так и сделаем.

— Тише, тише, не ликуй. Я уже об этом думал. Дуглас наверняка отколет еще какой-нибудь номер — за ним ведь не заржавеет — и Смит снова окажется в каталажке. А заодно и мы с тобой. Есть, пожалуй, только один человек, — добавил Бен после долгого раздумья, — которому умыкание марсианина может сойти с рук.

— Кто это?

— Джубал Харшоу, слыхала о таком?

— Да кто же не слыхал!

— И это — огромное его преимущество; на человека, о котором все слышали, не очень-то нажмешь, а если он — доктор медицины и юрист одновременно, то и тем более. Но самое главное, Джубал Харшоу — закоренелый индивидуалист, готовый выйти с перочинным ножиком в руках хоть против всей Федерации, и такая смелость увеличивает его силы десяти-

кратно. Мы познакомились во время процессов о разжигании недовольства, и я вполне могу рассчитывать на него как на друга. Если удастся вытянуть Смита из больницы, я сразу отвезу его в Поконские горы, к Харшоу — и пусть тогда кто-нибудь попробует хоть близко к нам подойти. Моя колонка да драчливый характер Харшоу — этим раздолбаям гарантирована веселенькая жизнь.

7

Хотя Джилл легла спать поздно, на утреннее дежурство она заступила десятью минутами раньше положенного. Следуя указаниям Бена, она даже не пыталась пробраться к Смиту, однако хотела все время быть поблизости — на случай, если журналисту потребуется подкрепление.

Охранники куда-то исчезли. Подносы с едой, лекарства, подготовка двух пациентов к операции — первые два часа у Джилл не было ни минуты продыха, она только и успела, что попробовать дверь палаты К-12. Дверь оказалась запертой, дверь пустующей гостиной — тоже. Теперь, когда охрану сняли, можно было безо всякого риска проскользнуть в палату через эту гостиную, но работа никак не позволяла отвлечься. Самое большое, что могла сделать Джилл, это внимательно следить, кто приходит на этаж.

Бен не появлялся; пара вопросов, осторожно, словно невзначай заданных санитару, сидевшему у коммутатора, уверили Джилл, что ни Бен, ни кто другой не проходил к Человеку с Марса, пока она сама была где-нибудь в отлучке. Ситуация становилась странной и тревожной — хотя никакого «часа икс» не было назначено, Бен намеревался броситься на штурм крепости с самого утра.

В конце концов Джилл решила прибегнуть к элементарному подглядыванию: улучив свободную минуту, постучала в дверь вахтенной комнаты и, не дожидаясь ответа, сунула туда голову.

— Ой! Доброе утро, доктор, — пропела она с деланным удивлением. — А я думала, тут не вы, а доктор Фрейм.

Врач оторвался от изучения показаний приборов, окинул неожиданную гостью оценивающим взглядом и улыбнулся:

— Я его даже и не видел. Меня зовут доктор Браш. Чем могу быть полезен?

Столкнувшись с до боли знакомой мужской реакцией на свою внешность, Джилл позволила себе расслабиться.

— Да мне, собственно, ничего и не надо. Я из чистого любопытства заглянула. Как там наш Человек с Марса?

— А?

— Не бойтесь, доктор, — хитро подмигнула ему Джилл. — Весь персонал об этом знает. Ваш пациент... — Она указала на дверь в палату.

— Как? — На лице врача было полное изумление. — Это что, он *здесь* лежал?

— А разве сейчас его там нет?

— Да ровно ничего похожего. Миссис Роза Банкерсон, пациентка доктора Гарнера. С утра пораньше поступила.

— Да? А где же Человек с Марса?

— Не имею ни малейшего понятия. Послушайте, сестричка, так это что же, я Валентайна Майкла Смита прозевал?

— Ну да, он был в этой самой палате, еще вчера.

— И доктор Фрейм его наблюдал? Везет же некоторым. А у меня что? Вот, полюбуйтесь.

Словоохотливый врач нажал на кнопку; Джилл увидела на экране водяную кровать, а в ней — крошечную, иссохшую старушку. Похоже, спящую.

— Что с ней такое?

— М-м-м... Знаете, сестра, не будь миссис Банкерсон до неприличия богата, я назвал бы ее болезнь старческим слабоумием, а так — она, может считаться, нуждается в отдыхе и обследовании.

Стоя в дверях, Джилл поболтала еще немного, затем взглянула в коридор и заторопилась, якобы на вызов. Журнал дежурства подтвердил сказанное Брашем: *В. М. Смит, К-12, — переведен*. Дальше следовало: *миссис Роза С. Банкерсон — по-*

ступ. К-12 (диетстол назн. д-р Гарнер — заказов не пост. — деж. не отв.).

К счастью, присматривать за богатой старушенцией Джилл не поручили. Она задумалась о Валентайне Майкле Смите. А вот с миссис Банкерсон явно что-то не так, понять бы, что именно... Джилл не стала маяться поиском объяснений и задумалась о том, что волновало ее гораздо больше. Почему Смита перевели не днем, а ночью? Наверное, чтобы избежать лишних свидетелей. И куда же его засунули? В нормальной обстановке Джилл позвонила бы в регистратуру, но сейчас у нее не шли из головы липовая телепередача и устрашающие разговорчики Бена. Лучше не торопиться и послушать, о чем чешут языком другие сестрички.

Но сперва Джилл направилась к телефону-автомату, позвонила Бену в редакцию — и услышала ошеломляющую новость: мистер Какстон на несколько дней уехал из города. С трудом взяв себя в руки, она попросила передать мистеру Какстону, чтобы тот позвонил сразу, как вернется.

Затем Джилл набрала его домашний номер. Бена не было и здесь, пришлось еще раз повторять ту же самую просьбу, на этот раз — автоответчику.

Бен Какстон не тратил времени даром. Он выдал задаток Джеймсу Оливеру Кавендишу. Сошел бы, конечно, и любой другой Честный Свидетель, однако реноме Кавендиша стояло так высоко, что приглашение адвоката превращалось в чистую формальность — престарелый джентльмен неоднократно свидетельствовал перед Верховным Судом Федерации; если верить слухам, в его голове хранились завещания стоимостью во многие миллиарды. Кавендиш обучался полному запоминанию у великого доктора Сэмюэла Реншоу, а гипнотическому кодированию — в Исследовательском центре Райна. Его гонорар за день, а точнее — за несколько часов работы намного превышал недельный заработок Бена, однако Бен намеревался представить счет своей газете — в таком ответственном деле смешно скупиться по мелочам.

Сперва Какстон заехал за младшим Фрисби из адвокатской конторы «Биддл, Фрисби, Фрисби, Биддл и Рид» — юридических консультантов издательского синдиката, в который входила и редакция газеты «Пост»; уже вместе они направились к Свидетелю Кавендишу. По дороге Бен рассказал Марку Фрисби о своих намерениях (причем Фрисби заметил, что намерения намерениями, но вот прав у него нет никаких). Говорить приходилось торопливо — правила запрещали обсуждать в присутствии Честного Свидетеля то, что тому предстоит увидеть и услышать. Мистер Кавендиш поджидал их на посадочной площадке своего дома; длинная, сухопарая фигура, облаченная в белую мантию (знак профессиональной принадлежности), чем-то неуловимо напоминала Статую Свободы и почти так же бросалась в глаза.

С крыши Бетесдинского медицинского центра они спустились в приемную директора: Бен положил на стол свою визитную карточку и выразил желание встретиться с директором.

Царственного вида секретарша хорошо поставленным окультуренным голосом спросила, была ли встреча оговорена заранее, на что Бен со вздохом признался, что нет, не была.

— В таком случае я очень сомневаюсь в ваших шансах увидеть доктора Бренера. Вы бы не могли изложить вкратце свое дело?

— Сообщите ему, — Бен говорил громко, так, чтобы слышали все люди, находящиеся в приемной, — что Какстон, ведущий в «Пост» колонку «Впередсмотрящий», а также приглашенные им адвокат и Честный Свидетель хотят встретиться с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса.

Замешательство хранительницы начальственного покоя продолжалось не более секунды.

— Я сообщу о вас доктору Бренеру, — процедила она ледяным голосом. — Посидите, пожалуйста.

— Спасибо, я постою.

Фрисби выудил из кармана сигару, Кавендиш сохранял невозмутимое спокойствие человека, повидавшего за свою жизнь все возможные проявления добра и зла, Какстон с трудом сдерживал нетерпение и покусывал ногти.

Дверь кабинета открылась.

— Вас примет мистер Берквист, — объявила снежная королева.

— Берквист? Это Гил, что ли, Берквист?

— Насколько мне известно, мистера Берквиста зовут Гильберт.

Какстон на мгновение задумался. Тоже мне собеседник — Гил Берквист, шестерка Дугласа, один из его так называемых «помощников по особым поручениям». В его обязанности обычно входило сопровождение высокопоставленных особ.

— Мне не нужен Берквист, я требую, чтобы меня принял директор.

Но из-за спины секретарши уже вынырнул Берквист с протянутой рукой и доброжелательней улыбкой на физиономии.

— Бенни Какстон! Вот уж кого сто лет не видел! Ну и как ты там, все той же писаниной пробавляешься? — Он, не меняя восторженного выражения лица, покосился на Честного Свидетеля.

— Пробавляюсь все той же писаниной. А ты-то что тут делаешь?

— Как я мечтаю уйти с этой треклятой государственной службы! Пристроюсь, как ты, вести где-нибудь колонку и заживу по-настоящему. Наговоришь по телефону тысячу слов собранных по городу сплетен — и свободен, иди себе груши околачивай. Завидую я тебе.

— Гил, я задал тебе вопрос. Я спросил, что ты тут делаешь. Я хочу увидеть сперва директора, а затем провести пять минут в обществе Человека с Марса. Никакими шуточками и разговорчиками ты от меня не отделаешься, и не надейся.

— Ну, ну, Бен, чего это ты так сразу и на дыбы? Я нахожусь здесь потому, что ваша журналистская братия совсем уже достала доктора Бренера. Меня прислал генеральный секретарь, чтобы хоть немного разгрузить этого бедолагу.

— О'кей. Я хочу встретиться со Смитом.

— Бен, старина, да кто же этого не хочет? Сюда рвется каждый репортер, каждый специальный корреспондент, ком-

ментатор, обозреватель, фрилансер, каждая тетка, пишущая слезливые истории для домохозяек. А уинчеллы вроде тебя — лишь капля в море. Если мы к нему всех желающих пускать начнем, бедняга за сутки загнется. Вот, всего двадцать минут назад заявила общая наша знакомая Полли Проньера. И знаешь, о чем она хотела допросить Смита? О любовной жизни марсиан! — В комичном страдании Берквист обреченно вскинул руки.

— Я хочу встретиться со Смитом. Получу я такую возможность или нет?

— Знаешь, Бен, найдем какое-нибудь спокойное место, где можно посидеть и выпить. Я отвечу тебе на любые твои вопросы.

— У меня нет к тебе никаких вопросов. Я хочу встретиться со Смитом. Это мой адвокат, Марк Фрисби. — Как и предполагается, Бен не стал представлять Честного Свидетеля — все усиленно делали вид, что его нет.

— А мы знакомы, — весело откликнулся Берквист. — Как здоровые папы, Марк? Все еще мучается с гайморовыми полостями?

— Да, все как и прежде.

— Ничего не поделаешь, в Вашингтоне климат нездоровый. Пошли, Бен. И ты, Марк, тоже.

— Не мельтешишь, — остановил его Какстон. — Я хочу встретиться с Валентайном Майклом Смитом. Я — журналист, исполняю свои прямые обязанности, официально представляю синдикат «Пост», а косвенно — двести миллионов читателей. Так получу я такую возможность или нет? Если нет — так и скажи, громко и отчетливо. А потом объясни — на каком законном основании ты мне отказываешь.

— Марк, — вздохнул Берквист, — может, хоть ты сумеешь объяснить этому любителю подсматривать в замочную скважину, что нельзя, повторяю — нельзя, ни журналисту и никому другому вот так, ни с того ни с сего вламываться в спальню больного человека. Вчера Смит показался людям — так и то врачи возражали. Оставьте его в покое, пусть отдохнет и окреп-

нет — неужели он не имеет на это права? Вчерашнего интервью всем вполне достаточно. Больше, чем достаточно.

— Ходят слухи, — ровным голосом заметил Какстон, — что вчерашнее интервью — чистой воды липа.

Теперь Берквист больше не улыбался.

— Фрисби, — холодно сказал он, — у вас не возникает желания дать своему клиенту консультацию? Объясните ему закон о клевете.

— Ты бы, Бен, и вправду полегче.

— Я знаю закон о клевете, и не хуже твоего, Гил. Только кого я тут оклеветал? Человека с Марса? А может, кого-нибудь другого? Ты назови мне имя. Повторяю, — Бен заговорил еще громче, — согласно моим сведениям, человек, выступавший вчера по стереовидению, совсем не Смит. Я хочу спросить об этом самого Смита.

В переполненной приемной повисла тишина. Все посетители, не стесняясь, прислушивались к разговору. Берквист мельком взглянул на Честного Свидетеля, взял себя в руки и очаровательно улыбнулся:

— Ну что ж, Бен, ты, пожалуй, обеспечил себе интервью — а заодно и судебный иск. Подожди секунду.

Дугласов прихвостень исчез, но почти сразу же вернулся.

— Устроил я все, устроил, — устало сказал он, — хотя ты, Бен, того и не заслуживаешь. Пошли. Но только — ты прости, Марк, — но уж толпой-то туда нельзя никак: Смит плохо себя чувствует.

— Нет, — отрезал Какстон.

— А что, собственно?

— Или все трое, или вообще никто.

— Не глупи, Бен, ты и так получаешь огромную привилегию. Или вот как — Марк пойдет с нами, но постоит за дверью. Но уж он-то, — Берквист кивнул в сторону Кавендиша, который словно не видел и не слышал ничего происходящего, — тебе ни за чем не нужен.

— Возможно, и нет. Только тогда я сегодня же напишу в своей колонке, что правительственные чиновники не допустили к Человеку с Марса Честного Свидетеля.

— Ладно, Бен, — пожал плечами Берквист, — пошли. Ну и схлопочешь же ты по этому иску о клевете. Небо с овчинку покажется.

Из почтения к возрасту Кавендиша они спустились не пневмоподъемником, а на лифте, а затем скольльзящая дорожка повезла их мимо лабораторий, мимо физиотерапевтических кабинетов, мимо соляриев, мимо бесконечных палат. Неизбежный охранник что-то сказал в трубку телефона, и только после этого перед ними открылась дверь помещения, битком набитого оборудованием, применяемым обычно для наблюдения за кандидатами на тот свет.

— Познакомьтесь, доктор Таннер, — объявил Берквист. — Доктор, это мистер Какстон и мистер Фрисби.

Кавендиша он, естественно, не представил.

На лице Таннера появилось беспокойство.

— Хотелось бы сразу предупредить вас, господа, я вас впускаю исключительно по настоятельной просьбе директора. Мой пациент находится в крайне невротическом состоянии, поэтому, ради всего святого, не говорите ничего такого, что могло бы возбудить его еще больше. Иначе он мгновенно провалится в состояние патологического отключения от действительности, выражаясь иными словами — впадет в транс.

— Эпилепсия? — поинтересовался Бен.

— Симптомы весьма схожи — на взгляд непрофессионала; я бы назвал это каталепсией, но на своем диагнозе не настаиваю. К сожалению, клинических прецедентов этого нет.

— А вы, доктор, в какой области медицины специализируетесь? Не в психиатрии, случайно?

Таннер взглянул на Берквиста и подтвердил:

— Да, моя специальность — психиатрия.

— И где вы проходили ординатуру?

— Бен, — вмешался Берквист, — ты же вроде хотел увидеть Смита. А если хочется допросить доктора Таннера — займись этим потом.

— О'кей.

Таннер изучил свои шкалы, включил телекамеру, несколько секунд посозерцал экран, а затем открыл запертую на ключ

дверь и провел всю компанию в палату, предостерегающе прижимая палец к губам.

Здесь царил полумрак.

— Его глаза непривычны к яркому свету, — шепотом объяснил Таннер, направляясь к водяной кровати, воздвигнутой в самом центре палаты. — Майк, я привел друзей, они хотели с тобой встретиться.

Какстон подошел ближе. Наполовину упрятанный глубоко просевшей пленкой, до подмышек накрытый простыней, в кровати лежал молодой человек. Он смотрел на пришедших и молчал.

Насколько мог судить Бен, именно это круглое, младенчески гладкое, бесстрастное лицо и красовалось вчера на стереоэкране. Неужели Джилл ошиблась и подбросила ему считай что гранату с выдернутой чекой — заранее проигранное дело о клевете?

— Вы — Валентайн Майкл Смит?

— Да.

— Человек с Марса?

— Да.

— Вы выступали вчера по стереовидению?

Человек молчал.

— Он не понимает, — вмешался Таннер. — Вспомните, Майк, чем занимались вы вчера? Вместе с мистером Дугласом.

На младенческом лице появилось нечто вроде обиды:

— Яркий свет. Больно.

— Да, свет резал вам глаза. Мистер Дуглас попросил вас поприветствовать людей.

— Долго ехал в кресле, — слегка улыбнулся пациент.

— О'кей, — кивнул Какстон. — Дальше я сам. Скажите, Майк, с вами хорошо обращаются?

— Да.

— Ведь вы не обязаны здесь оставаться. Вы способны ходить?

— Но послушайте, мистер Какстон... — торопливо заговорил Таннер и тут же смолк — на его плечо опустилась рука Берквиста.

— Я могу ходить... немного. Быстро устаю.

— Ничего, можно воспользоваться инвалидным креслом. Майк, если вы не хотите здесь оставаться, я заберу вас и отвезу в любое, по вашему желанию, место.

— Послушайте, вы! — Таннер раздраженно стряхнул со своего плеча руку Берквиста. — Это мой пациент, и я не позволю вам его беспокоить.

— Но ведь он — свободный человек, не правда ли? — настаивал Какстон. — Или вы считаете его не пациентом, а заключенным?

— Конечно же свободный, — ухмыльнулся Берквист. — А вы, доктор, потерпите немного. Пусть этот кретин сам выроет себе яму.

— Спасибо, Гил. Вы слышали, Майк, что он сказал? Вы свободны идти куда угодно.

— Нет! — Теперь пациент смотрел на одного Таннера, его лицо выражало мольбу и ужас. — Нет, нет, нет!

— Ладно, ладно, успокойтесь.

— Мистер Берквист, — резко произнес Таннер, — вам не кажется, что пора прекратить эту безобразную сцену? Вы же видите, пациент разволновался.

— Пожалуй, что и так, доктор. Хватит, Бен, достаточно.

— Э-э... еще один вопрос.

Ну что же еще спросить? С какой стороны подойти? Получается, что Джилл ошиблась, — но ведь она была *совершенно права*! Или это только так показалось? Нет, здесь явно крылся какой-то подвох, только вот в чем?

— Ладно, — неохотно кивнул Берквист. — Последний, один-единственный вопрос.

— Благодарю. Э-э... Майк, вчера мистер Дуглас задавал вам всякие вопросы. — Пациент молчал. — В частности, он спросил, нравятся ли вам здешние, земные девушки, верно?

Розовое гладкое лицо расплылось в широкой улыбке.

— Ага!

— Да, конечно. Майк... а где вы их видели, этих самых девушек?

Улыбки словно не бывало. Пациент скосился на Таннера, закатил глаза, судорожно напрягся и застыл в позе эмбриона — колени подтянуты к животу, голова опущена, руки сложены на груди.

— Убирайтесь отсюда! — крикнул Таннер, бросаясь к кровати; он схватил запястье пациента и начал нащупывать пульс.

— А вот это уже выходит за всякие рамки, — с ненавистью процедил Берквист. — Да уйдешь ты отсюда наконец или мне позвать охрану?

— Уходим, уходим, — охотно согласился Какстон.

Все, кроме врача, покинули палату, и Берквист плотно прикрыл дверь.

— Ты не мог бы, Гил, объяснить мне один момент. — В голосе Какстона звучало еле сдерживаемое торжество. — Вы же держали его под замком — так где же все-таки он увидел девушек?

— А? Я тебя что-то не понимаю. Он видел уйму девушек — медсестры, санитарки, лаборантки... Сам же знаешь, в больнице их навалом.

— Ничего такого я не знаю. Насколько мне известно, со Смитом работал исключительно мужской персонал, женщин к нему и на пушечный выстрел не подпускали.

— Че-го? Не говори ерунду. — Тревога, мелькнувшая было на лице Берквиста, тут же сменилась ухмылкой. — Ты что, не смотрел вчера ящик? Даже там при нем была сестра.

— О! Да, конечно.

Какстон и его спутники молча поднялись на крышу, молча сели в такси.

— Знаешь, Бен, — заметил Фрисби, когда больница осталась уже далеко позади, — по-моему, если ты не напишешь статью, то генеральный секретарь не станет возбуждать иск. И все-таки, если ты знаешь источник этого слуха, подготовь доказательства — так, на всякий случай.

— Ерунда, Марк, не станет он со мной судиться. — Бен мрачно глядел в пол. — И все равно — откуда нам знать, что это и вправду Человек с Марса?

— Что? Да хватит тебе, Бен.

— Откуда нам *знать*? Ну — увидели мы на больничной кровати парня примерно нужного возраста. Единственное наше доказательство — слово Берквиста, а этот тип начал свою политическую карьеру с почти очевидных лжесвидетельств. Так что ему веры нет. Еще мы увидели какого-то незнакомого мужика, который представился психиатром, но завилал и ушел в кусты при первой попытке выяснить, где он получил степень. Вот вы, мистер Кавендиш, вы убедились, что этот тип — Человек с Марса?

— Составлять мнение — не моя прерогатива, — чопорно вскинул голову Кавендиш. — Я вижу, я слышу — но и только.

— Извините.

— Вы уже кончили? Вам больше не нужны мои профессиональные услуги?

— Что? Да, конечно. Огромное вам спасибо.

— Это я должен поблагодарить вас, сэр. Весьма интересное задание.

Престарелый джентльмен снял белую мантию, делавшую его отличным от простых смертных, — и сразу заметно смягчился, расслабился. Он вытащил сигары, предложил их спутникам. Фрисби взял сигару, начал раскуривать.

— При исполнении обязанностей я не курю, — пояснил Кавендиш, выпуская облако дыма. — Курение нарушает оптимальный режим работы органов чувств.

— Если бы я мог привести с собой кого-нибудь из команды «Чемпиона», — продолжил Какстон. — Вот тогда-то мы бы точно разобрались. Но я надеялся, что сумею отличить подмену.

— Должен признать, — заметил Кавендиш, — меня очень удивило, что вы не сделали одну простую вещь.

— Да? А что такое я проглядел?

— Мозоли.

— Мозоли?

— Ну конечно же. По мозолям можно прочитать всю биографию человека, я даже написал когда-то о них статью для

«Альманаха Свидетелей», нечто вроде знаменитой монографии Шерлока Холмса о разновидностях табачного пепла. Этот молодой человек с Марса, он же никогда не носил нашей обуви, всю жизнь прожил при тяготении в три раза меньше нашего — мозоли на его ногах неизбежно должны соответствовать этим условиям жизни, а не нашим. И даже время, проведенное в космосе, должно было оставить на нем свой отпечаток. Да, очень любопытно.

— Ну вот же, мать его! А вы-то, мистер Кавендиш, чего столько времени молчали?

— Сэр! — возмущенно раздул ноздри старик. — Не забывайте, сэр, что я — Честный Свидетель, а никак не участник вашего расследования. Вы же знаете, за такой проступок меня могут лишить звания.

— Извините, бога ради. — Какстон задумчиво нахмурился. — Тогда давайте так — вернемся и взглянем на пятки этого типа. А если нас не пустят, я разберу их лавочку по кирпичику.

— Вам придется найти себе другого Свидетеля — этим разговором я нарушил полную свою невовлеченность.

— Да, я понимаю, — еще больше помрачнел Какстон.

— Не возникал бы ты, Бен, — посоветовал Фрисби, — и так вляпался по это самое место. Я вот лично не сомневаюсь, что мы видели настоящего Человека с Марса. Бритва Оккама, принцип достаточного основания, и вообще — элементарный здравый смысл.

Какстон развез их по домам, а затем велел машине зависнуть в воздухе и начал думать. Немного погодя он задал роботопилоту адрес Бетесдинского медицинского центра.

На полпути к Бетесде он сообразил, что погорячился. Ну, прилетит он, и что потом? Дальше Берквиста все равно не попасть. Его уже пустили раз — в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля. Попытка повидаться со Смитом второй раз, и буквально через час, выглядит, мягко говоря, нагло, так что Берквист попросту пошлет его, ничем при этом не рискуя. Вдобавок, из безрассудного поступка материала для статьи не выжмешь.

Но Бен не привык быстро сдаваться — иначе, собственно говоря, у него и не было бы персональной колонки в газете. Так что же делать-то? Прорываться.

Дело хорошее, только вот как? Ну ладно, теперь хотя бы известно, где они держат своего так называемого «Человека с Марса». Известно, а дальше что? Монтером вырядиться? Или уборщиком? Нет, их и к доктору Таннеру-то не подпустят, не говоря уж о его «пациенте».

Можно подумать, Таннер — «доктор». Врачи, даже самые никудышные, стараются не впутываться в жульнические махинации, противоречащие их кодексу поведения. Вот, скажем, Нельсон — отказался от пациента, вышел из игры, и все лишь потому, что... Се-кун-до-чку! Да ведь доктор Нельсон легко отличит, Человек это с Марса или просто хрен с горы, и без никаких там мозолей. Какстон потянулся к пульта, велел такси зависнуть над стоянкой и начал розыски Нельсона.

Как связаться с врачом «Чемпиона» напрямую, Бен не знал и попытался выяснить это через свою газету. Помощник Бена, Осберт Килгаллен, тоже не знал, где Нельсон, но отыскать его оказалось легче легкого, и даже с просьбами об одолжении ни к кому обращаться не пришлось: справочное бюро синдиката «Пост» сразу назвало гостиницу «Нью-Мэйфлауэр». Через несколько минут доктор Нельсон уже беседовал с Какстоном.

Разговор не задался. Нет, доктор Нельсон не видел передачу. Да, он о ней слышал. Нет, у него нет оснований думать, что она сфальсифицирована. Знает ли Нельсон о том, что были уже попытки заставить Смита отказаться от прав, принадлежащих ему согласно Ларкинскому решению? Нет, и его даже не интересует, правда это или нет. Это же чушь собачья, считать, что Марс принадлежит кому-то там из людей: Марс принадлежит марсианам. Вы так думаете? Ну а если задаться гипотетическим вопросом: что, если кто-нибудь захочет... Доктор Нельсон оборвал разговор; все попытки Какстона восстановить его кончались одинаково — бесстрастный голос автомата повторял: «Абонент временно недоступен. Если вы хотите оставить сообщение...»

Какстон разразился дурацкими предположениями, касавшимися происхождения Нельсона, а также интимных привычек его родителей. Следующий поступок журналиста был не менее дурацким — он позвонил во Дворец Правительства и потребовал, чтобы его соединили с генеральным секретарем.

Этот шаг Бен Какстон предпринял инстинктивно, не задумываясь. За долгие годы своей профессиональной деятельности, в бытность сначала репортером, а потом липпманом, он пришел к убеждению, что один из лучших способов раскрывать секреты — это идти сразу на самый верх и там вести себя, как тот знаменитый зануда из анекдота, которому проще отжаться, чем отказать. Конечно же, тигр не телка, крутить ему хвост крайне опасно; Бен знал психопатологические вывихи власти лучше любого врача и уж конечно лучше Джилл Бордман, которая о них и вовсе не подозревала, однако же надеялся на свое сравнительно безопасное положение под защитой четвертого сословия — того самого, которого повсеместно боятся и стараются задобрить все власть имущие.

Вот только он не учел, что звонит во Дворец из такси, то есть без свидетелей.

Разумеется, с генеральным секретарем его не соединили, да он этого и не ожидал. Начались бесконечные переговоры с секретаршами, вторыми заместителями, девятиными помощниками и прочими прихлебателями; Какстон все больше раскалялся — и не заметил за делом, что машина уже не парит над одним местом, а куда-то летит.

А когда заметил, было поздно, роботопилот не реагировал на его приказание. Бен с горечью осознал, что попался как маленький, такой глупости не сморозил бы и самый тупой бандит, — кто-то там быстро выяснил, откуда поступил вызов, а затем управление машины было переведено на полицейскую радиочастоту. Так что везут его сейчас, тихо и без всяких свидетелей... Куда везут? А туда, куда им надо.

Больше всего он жалел, что отпустил Честного Свидетеля Кавендиша, но тут уж ничего не поделаешь. Бен прервал бесполезный разговор с Дворцом Правительства и начал звонить адвокату.

И продолжал эти попытки до того самого момента, когда машина опустилась в глубокий двор-колодец, откуда сигнал явно не мог вырваться наружу. Выйти из машины не удалось, дверца не открывалась, и Бен почти не удивился, почувствовав, что теряет сознание.

8

Ничего особенного, сказала себе Джилл, просто Бен увлекся каким-то другим следом и забыл сообщить об этом ей. Сказала — и сама не поверила. Как бы Бен ни был занят, он всегда со скрупулезнейшим вниманием относился к человеческому фактору, иначе ему просто не удалось бы достичь такого положения в профессии. Он помнил все дни рождения и скорее замотал бы карточный долг, чем забыл написать письмо с благодарностью за помощь или гостеприимство. И неважно, куда там Бен направлялся и как он спешил, — у него нашлось бы, обязательно нашлось бы время, чтобы позвонить Джилл домой, на работу или в крайнем случае записать на автоответчик пару слов объяснения. Именно эта обаятельная и обезоруживающая черта его характера и заставляла забыть о многих его недостатках.

Не мог он сделать иначе! В обеденный перерыв Джилл позвонила Бену на работу и поговорила с Осбертом Килгалленом. Тот клялся и божился, что никаких сообщений для мисс Бордман Бен не оставлял, хотя недавно выходил на связь.

На экране телефона Джилл заметила, что народу в редакции много, и сообразила, что о Человеке с Марса сейчас лучше не упоминать.

— Он сказал, когда вернется?

— Нет. На такие случаи у нас всегда есть готовые статьи, которые можно поставить в номер, если задержится свежий материал.

— Ну... А откуда он звонил? Ох, не считите за назойливость, но...

— Да нет, мисс Бордман, что вы. Только он не звонил, это был факс, отправленный со станции Паоли в Филадельфии.

Пришлось этим и удовольствоваться. В столовой Джилл еле притронулась к еде. Ну чего тут волноваться, уговаривала она себя. Ничего там такого не случилось... да и вообще, не втюрилась же ты в этого дурачка?

— Джилл, очнись! Ты слушаешь меня или нет?

Джилл подняла глаза и обнаружила рядом с собой Молли Уилрайт, диетолога отделения.

— Извини. Я задумалась.

— Так я говорю, с каких это пор на вашем этаже пациентов из богадельни размещают в палатах-люкс?

— С чего ты это взяла?

— А разве Ка-двенадцать не на вашем этаже?

— Ка-двенадцатая? Да о какой же ты благотворительности? Старушка, которую туда положили, настолько богата, что позволила себе заказать круглосуточное дежурство личного врача.

— Чушь! Или на нее вдруг свалилось огромное наследство. Последние семнадцать месяцев она провела в психиатрической клинике бесплатного дома для престарелых.

— Путаница тут какая-то.

— Только не моя, в своем хозяйстве я не допускаю никакой путаницы. У этой пациентки были очень хитрые указания — полное отсутствие жиров, потому что ей удалили желчный пузырь, длинный список продуктов, к которым у нее аллергия, да плюс еще лекарства, скрытые в пище. Ты уж мне поверь, каждый диетический стол так же индивидуален и неповторим, как отпечатки пальцев. Ну, пока, девчонки. — Мисс Уилрайт встала. — Мне пора. Эх, жаль, не дают мне в нашей столовой развернуться. Прям свиарник здесь устроили.

— О чем это Молли? — поинтересовалась одна из медсестер.

— Да так, ерунда. Она все перепутала.

Мелькнувшую было мысль, а не поискать ли Смита по назначенной ему диете, Джилл сразу же отбросила — быстрее,

чем за сутки, все кухни не обследовать. Бетесдинский медицинский центр начинался с флотского госпиталя, в те незапамятные времена, когда основной театр военных действий разворачивался в океанских просторах; уже в те годы больничный комплекс был огромен, а потом, после передачи Министерству здравоохранения, образования и социального обеспечения, расширился еще больше. Теперь же медицинский центр принадлежал Федерации и превратился в нечто похожее на средних размеров город.

А с миссис Банкерсон и вправду что-то не так. В медицинском центре лечились пациенты всех сортов — правительственные, частные и благотворительные, но этаж, на котором работала Джилл, принимал обычно только сенаторов Федерации и прочих важных чиновников, которых обслуживали по высочайшему классу; частный пациент был тут в диковинку.

Может быть, миссис Банкерсон сунули к ним просто потому, что часть больницы, отведенная для платных пациентов, полна под завязку? Да, наверное.

Но вскоре все эти мысли вылетели из головы Джилл — надо было оформлять и размещать новых пациентов, бегать приходилось не переставая, а тут еще потребовалась кровать с электроприводом. Можно было, конечно, заказать по телефону, но пока там что доставят из подвального склада, расположенного в противоположном конце корпуса. Неожиданно Джилл вспомнила, что как раз такая кровать, приписанная к палате К-12, стоит в соседней пустующей комнате, на ней еще охранники сидели. Судя по всему, кровать вынесли из палаты, когда для Смита потребовалась водяная.

Возможно, она так там и стоит без дела, пыль собирает, хотя за ее аренду отделение должно платить. Кроватей с электроприводом вечно не хватало, а стоили они в шесть раз больше обычных больничных коек. Вообще-то, о рациональном использовании оборудования должен заботиться завхоз, но Джилл не любила напрасной расточительности и старалась без нужды не увеличивать накладные расходы своего отделения. К тому же, не нужно будет тратить времени на ожидание.

Но дверь комнаты не только оказалась запертой, но еще и не поддавалась ключу; сделав в уме заметку сказать слесарю, чтобы починил замок, Джилл направилась в вахтенную клетушку.

Сегодня здесь сидел тот же самый, что и вчера, доктор Браш — не штатный работник больницы и не интерн, он был, по его же собственным словам, приглашен доктором Гарнером специально для наблюдения за миссис Банкерсон.

— Мисс Бордман! — обрадовался доктор Браш. — Вот вас-то мне и надо!

— А почему же вы не позвонили? Как там ваша пациентка?

— В полном порядке. — Врач мельком взглянул на экран. — Это я не совсем в порядке.

— Что с вами?

— Да так, ерунда, просто нужно минут на пять отлучиться. А моего сменщика пока нет. Сестра, сделайте одолжение, посидите тут за меня, только чтобы об этом никто не знал. Очень вас прошу.

— Конечно. Дайте только я позвоню своей напарнице и скажу, где меня при случае искать.

— Нет, нет! — обеспокоенно замотал головой врач. — Просто запритесь здесь и не открывайте, пока я не постучу «Дай закурить».

— Хорошо, сэр. — Все это вызвало в Джилл некоторое сомнение. — А что делать с вашей пациенткой?

— Ровно ничего, просто сидите здесь и смотрите на экран. Не нужно ее беспокоить.

— А если с ней что-нибудь произойдет, где тогда вас искать? В курилке?

— Нет, мне бы до ближайшего туалета поскорее добраться. Так вы посидите, да?

Он велел Джилл запереть дверь на ключ и выскочил из комнаты. Джилл посмотрела на телевизионное изображение спящей старушки, а затем пробежала глазами по шкалам приборов. Все в полном порядке — и пульс, и дыхание, и давление, и что угодно. А дежурство — словно при умирающей, и зачем это, спрашивается?

А не посмотреть ли самой, стоит в гостиной эта кровать или не стоит? Конечно же, такая самостоятельность резко противоречит указаниям Браша, но Джилл была уверена, что не разбудит пациентку, годы работы в медицине научили ее ходить абсолютно бесшумно. И эти же годы научили: совсем не обязательно так уж беспрекословно слушаться врачей, главное, чтобы они ничего не знали.

Осторожно открытая дверь даже не скрипнула. Миссис Банкерсон спала типичным глубоким сном очень старого, близкого к маразму человека. С кошачьей бесшумностью Джилл пересекла палату и подошла к ведущей в гостиную двери; слава богу, хоть этот замок исправен.

Кровать стояла на прежнем месте, но Джилл сразу про нее забыла — против всяких ожиданий, в комнате находился человек.

Сидевший в кресле Смит поднял голову, отложил большую детскую книжку с картинками и расплылся в лучезарной младенческой улыбке.

У Джилл подкосились ноги. Валентайн Смит — *здесь?* Как же так, его же перевели, в журнале есть четкая, недвусмысленная запись.

И сразу — вихрь воспоминаний и кошмарных догадок... липовый «Человек с Марса» на стереозэкране... старушка, каждую секунду готовая умереть, а тем временем иссохшим своим телом прикрывающая никому не известный факт, что тут есть и второй пациент... наружная дверь гостиной, не поддающаяся ключу... Дальше все понятно: глубокая ночь, накрытая простыней тележка, и кто там догадается, что в морг увозят не один труп, а два?

А потом Джилл охватил парализующий волю ужас: сама того не желая, она узнала смертельно опасный секрет.

— Брат по воде! — радостно сказал Смит, неловко поднимаясь из кресла и протягивая ей руки.

— Здравствуйте. Э-э... как вы себя чувствуете?

— Очень хорошо. Я очень счастлив. — Он издал еще какие-то странные сдавленные, кашляющие звуки, умолк, поразмыс-

лил и медленно произнес: — Ты здесь, мой брат. Тебя не было. А теперь ты здесь. Я пью тебя глубоко.

Джилл стояла в полной растерянности; странное, размягчающее душу тепло, исходившее от этого человека, мешалось с леденящим ужасом — а что, если *они* узнают? Смит ничего этого не замечал.

— Видишь? Я хожу! Я стал крепче. — Он прошел несколько шагов, а затем остановился, обессиленный, но торжествующий.

Джилл заставила себя улыбнуться.

— Ах, какие мы молодцы! Так и надо, набирайся сил. А мне пора — я на секунду забежала, поздороваться.

— Не уходи! — обеспокоился Смит.

— Но я очень спешу!

Теперь на лице Смита было уже не беспокойство, а самая настоящая скорбь.

— Я тебя обидел. Я нечаянно.

— Обидел? Да нет, ничего подобного, просто мне нужно уходить — и как можно скорее.

Смит мгновенно успокоился.

— Брат, возьми меня с собой, — попросил он, и даже не попросил, а сказал как о чем-то уже решенном.

— Что? Нет, я никак не могу. И мне нужно уходить. Послушай, не говори никому, что я была здесь.

— Никому не говорить, что здесь был мой брат по воде?

— Да. Не говори *никому*. Я... я еще приду. Честное слово. А ты будешь молодцом и никому ничего не скажешь.

Несколько секунд Смит молчал, по всей видимости переваривая непонятную просьбу «брата».

— Я буду ждать. — Он говорил серьезно, почти торжественно. — Я не буду рассказывать.

— Вот и хорошо.

«Обещать-то просто, — подумала Джилл, — только как же я это сделаю?» Вернуться к Смицу будет нелегко; вряд ли доктора Браша еще раз понос проберет. Теперь было ясно, что «испорченный» замок совсем не испорчен. Она посмотрела на

выходящую в коридор дверь и увидела самый обыкновенный засов. По заведенному в больнице порядку любая дверь — в ванную, туалет или еще куда, — за которой мог закрыться пациент, открывалась снаружи мастер-ключом, здесь же замок не позволял Смиту выйти наружу, а засов не допускал в комнату сотрудников больницы, даже тех, у кого есть мастер-ключ.

Джилл отодвинула засов.

— Жди. Я еще приду.

— Буду ждать.

Уже пересекая палату, где все так же мирно похрапывала миссис Банкерсон, она услышала: *Тук-тук! Тук! Тук! Тук!* — и стремглав бросилась открывать дверь.

Браш буквально ворвался в дежурку.

— Где это вы были, сестра? Я уже в третий раз стучу. — Его взгляд метнулся к ведущей в палату двери.

— Я увидела, как пациентка перевернулась, — без запинки соврала Джилл. — Нужно было поправить ей подушку.

— Кой черт, я же говорил, чтобы вы сидели тут и никуда не совались!

Видя, что врач напуган до полусмерти — и не без причины, — Джилл перешла в контрнаступление.

— Конечно же, доктор, я сделала вам одолжение, — произнесла она ледяным голосом. — Главная ответственность за пациентку лежит на вас. Однако вы передоверили ее мне, и я была вправе поступать так, как считала необходимым. Если это вызывает какие-то сомнения — хорошо, сходим к заведующему отделением и поговорим.

— Что? Нет, нет, давайте забудем.

— Нет, сэр. Я не люблю, когда мою компетентность ставят под сомнение. Как вам известно, старая и слабая пациентка может попросту задохнуться в водяной кровати. Я поступила по всем правилам. Я не из тех медсестер, которые готовы покорно сносить любые попреки врача. Давайте сходим к заведующему.

— Зачем это? Послушайте, мисс Бордман, я понимаю, что раскричался на вас совершенно напрасно, и готов извиниться.

— Хорошо, доктор, — сухо кивнула Джилл. — Вам нужно от меня что-нибудь еще?

— Как? Нет, большое спасибо, вы меня очень выручили. Только, знаете, не говорите, пожалуйста, об этом никому, ладно?

— Никому я ничего не собираюсь говорить.

Вот уж в этом-то ты можешь быть уверен! Только что же теперь делать? Господи, ну почему Бена нет в городе! Джилл вернулась к своему столу и притворилась, что изучает бумаги. Затем она вспомнила про злополучную кровать и позвонила на склад, а еще чуть позднее услала свою напарницу к тому самому пациенту, которому требовалась кровать с электроприводом, и попыталась собраться с мыслями.

Так где же все-таки Бен? Будь он в досягаемости, можно было бы отлучиться на пару минут, позвонить и переложить все тревоги и беспокойства на его широкие плечи. Но только Бен этот чертов шляется невесть где и — фактически — сам свалил на нее неприятную эту историю.

Шляется? Сомнение, которое Джилл изо всех сил старалась загнать куда-нибудь поглубже, в подсознание, все-таки вырвалось на поверхность. Бен не уехал бы из города, не сообщив ей, чем кончилась попытка увидеть Человека с Марса. Участница заговора, она имела полное право узнать — Бен всегда играл честно.

Джилл вспомнила его слова по дороге из Хагерстауна: «Если что-нибудь пойдет не так, ты будешь моим запасным козырем... так что, лапуля, если я вдруг исчезну — все в твоих руках, действуй сама».

Тогда она почти не обратила на это внимания — просто не поверила, что с Беном может что-нибудь случиться. А вот теперь — задумалась, продолжая машинально выполнять свою работу. В жизни каждого человека наступает момент, когда ему — или ей — нужно решать, поставить или нет на кон «жизнь, состояние и незапятнанную честь», не имея никакой уверенности в благополучном исходе. Те, кто уклоняется от этого выбора, — как малые дети, которые никогда не повзрос-

леют. В тот самый день — а если уж точнее, то в три часа сорок семь минут пополудни того самого дня — Джилл Бордман почти без колебаний приняла вызов судьбы, одновременно объясняя посетителю, что с собаками к больным нельзя ни в коем случае, даже если и удалось пробраться мимо дежурной в вестибюле. И даже если о свидании с любимым псом просит сам пациент.

Джилл ушла, и Человек с Марса снова сел в кресло. Он больше не читал книгу, а просто ждал, ждал «терпеливо» — выражение, не совсем подходящее, но в человеческих языках отсутствуют слова, которыми можно было бы описать отношение марсиан к жизни. Он сидел совершенно неподвижно, в тихой радости — ведь брат обещал вернуться. Он был готов ждать — вот так, ничего не делая, без единого движения — целые годы.

Смит не очень ясно представлял себе, сколько времени прошло с тех пор, как они с этим братом разделили воду, и дело не только в том, что пространство и время этого места странным образом искривлены, и даже не во все еще не грокнутых последовательностях звуков и видов. Культура его гнезда, и это самое главное, воспринимает время совершенно иначе, чем культура человеческая. И разница тут не в большей продолжительности жизни марсиан, а именно в ином *отношении* ко времени.

«Сейчас позднее, чем ты думаешь» — этого просто нельзя сказать по-марсиански, ровно как и «тише едешь — дальше будешь», хотя и по совершенно различным причинам: первая из этих фраз описывает ситуацию невозможную, даже невообразимую с марсианской точки зрения, в то время как вторая, с той же самой точки зрения, несет в себе не больше смысла, чем, скажем, обращенный к рыбам призыв купаться по утрам и вечерам. С другой стороны, фраза «Как было в начале, так ныне, и присно, и во веки веков» настолько близка марсианам по духу, что перевести ее гораздо легче, чем «дважды два четы-

ре» (последнее, кстати сказать, для обитателей Марса далеко не самоочевидно).

Смит ждал.

Он не шелохнулся и тогда, когда вошел Браш. Браш понаблюдал некоторое время за окаменелой фигурой и удалился.

Услышав, как в скважину вставляется ключ, Смит вспомнил, что такой же звук предвещал последний приход брата по воде; в расчете на повторение той же последовательности событий он ускорил свой метаболизм — и все равно был несказанно поражен, когда в комнату проскользнула Джилл; ему и в голову не приходило, что наружная дверь — тоже дверь. Мгновенно грокнув ситуацию, он отдался радостной полноте существования, наступающей исключительно в присутствии согнезников, братьев по воде и (при определенных обстоятельствах) — в присутствии Стариков.

Радость эта несколько притуплялась осознанием, что брат ее не разделяет. У кого-либо из прежних, марсианских братьев подобная нервная озабоченность могла бы свидетельствовать об одном: он совершил какую-то постыдную ошибку и готовится к скорому развоплощению, однако Смит успел уже усвоить, что эти другие, хотя и чем-то похожие на него создания, способны без особого риска для жизни переносить совершенно невероятные эмоции. Брат Махмуд переживал духовную агонию по пять раз на дню и не только не умирал, но и, похоже, относился к этим мукам как к чему-то полезному, необходимому. С братом капитаном ван Тромпом случались совершенно непредсказуемые спазматические приступы, любой из которых — по марсианским понятиям — должен был бы привести к немедленной утрате телесности, однако и этот брат пребывает, насколько известно Смигу, во плоти.

Поэтому Смит не испугался возбужденного состояния брата. Джилл сунула ему какой-то сверток.

— Вот, надень все это, и поскорее.

Смит принял сверток и замер в нерешительности.

— О господи ты мой! — сокрушенно воскликнула, глядя на него, Джилл. — Ну ладно, раздевайся, я тебе помогу.

И раздевать его и одевать пришлось ей. На Смите были больничная пижама, купальный халат и шлепанцы; так его одели, не дожидаясь просьбы и не спрашивая согласия. Он научился уже справляться со всем этим хозяйством, но очень медленно и неловко; Джилл раздела его буквально в секунду. Никакая несвоевременная стыдливость их не задерживала — Смит вообще не знал, что это такое, а Джилл проработала медсестрой не один уже год. Наибольший восторг Смита вызвали тонкие псевдошкурки для ног; не давая ему времени в досталь повосхищаться чулками, Джилл, за неимением пояса с подвязками, закрепила их лейкопластырем. Она одевала Человека с Марса в форму больничной медсестры — не свою, а позаимствованную у подружки повыше ростом, якобы для кухни, которой сегодня идти на карнавал. Пелерина скрывала наиболее очевидные признаки пола (вернее — их отсутствие) — во всяком случае, Джилл на это надеялась. Труднее оказалось с туфлями, они были сильно не по ноге, а Смит и босиком-то ходил с большим трудом.

В качестве завершающего штриха Джилл приколола ему на голову сестринскую шапочку.

— Волосы коротковаты, — озабоченно заметила она, — но сейчас многие девушки стригутся еще короче, так что сойдет.

Смит не очень понял услышанное; он попытался отрастить себе волосы подлиннее, но быстро понял, что за несколько секунд этого не сделаешь.

— А теперь, — сказала Джилл, — слушай внимательно. Что бы там ни произошло — молчи. Даже рта не открывай. Ты меня понимаешь?

— Молчать. Я буду молчать.

— Просто иди куда я веду — и все. Я буду держать тебя за руку. А ты ничего не говори. Ну, если знаешь какие-нибудь молитвы — *молись*.

— Молись?

— Ладно, проехали. Главное — иди за мной и не разговаривай.

Она открыла дверь, взглянула направо, налево и вывела новоявленную медсестру в коридор.

На них не обращали внимания. Изобилие странных, непонятных структур повергло Смита в полное замешательство, он не мог разглядеть их отчетливо и безвольно шагал вслед за Джилл, почти отключив зрение и остальные чувства, чтобы спасти себя от неожиданно разверзшегося хаоса.

В конце коридора Джилл встала на движущуюся в поперечном направлении дорожку; Смит шагнул, споткнулся и наверняка упал бы, не поддержи его Джилл. Заметив удивленный взгляд какой-то санитарки, она сквозь зубы выругалась, а затем, сходя с дорожки, постаралась помочь своему спутнику по возможности незаметно.

На крышу они поднялись лифтом, Джилл не была уверена, что сумеет справиться с Человеком с Марса в пневмоподъемнике.

И вот тут они нарвались на неожиданную неприятность, хотя Смит, естественно, даже и не подозревал об этом. Последний раз он видел небо еще на Марсе, перед отлетом «Чемпиона», и сейчас испытал острый восторг. Небо было яркое, многоцветное и радостное (типичный для Вашингтона хмурый, пасмурный день). Джилл в отчаянии озираясь по сторонам. Как она и надеялась, на крыше никого не было — сестры, окончившие смену вместе с ней четверть часа назад, уже разошлись по домам, послеобеденный час для посетителей тоже давно закончился. Но не было и такси, ни одного, а садиться в аэробус — об этом и мысли быть не могло.

Джилл совсем уже собралась сделать телефонный вызов, когда заметила машину, идущую на посадку.

— Джек, — окликнула она смотрителя стоянки, — это такси по заказу?

— Да, я вызвал его для доктора Фиппса.

— Жалость-то какая! Джек, а может, ты еще одно вызовешь? Они ж быстро прилетают. Познакомься, это моя двоюродная сестренка Мадж — она в южном крыле работает; у нее ларингит, и ей нельзя долго на таком ветре.

— Ну... — задумчиво почесал голову смотритель, — разве только для вас, мисс Бордман. Забирайте эту машину, а доктору Фиппсу я закажу другую.

— Ой, Джек, какой же ты пусечка! А ты, Мадж, молчи, я сама его поблагодарю. У Мадж совсем голос пропал, но ничего, прополощу ей горло горячим ромом, и все пройдет.

— Должно помочь, обязательно должно. Старые средства — самые надежные, моя мама всегда так говорила.

Джек открыл дверцу, по памяти набрал на автомате адрес Джилл, а затем попытался помочь сестричкам сесть в машину. Джилл пришлось заслонить собой Смита, чтобы скрыть его незнакомство с галантными церемониями.

— Спасибо, Джек, огромное спасибо.

Машина поднялась в воздух, и Джилл шумно, с облегчением вздохнула.

— Ну, теперь можешь говорить.

— А что я должен говорить?

— Как? Да все что хочешь.

Смит задумался. Столь масштабное предложение требовало масштабного же и ответа — ответа, достойного общения двух братьев. Многие варианты приходилось — с сожалением — отбросить из-за полной их непередаваемости. В конце концов он остановился на фразе, которая — даже на этом чужом, бесцветном языке — хотя бы отчасти передавала теплое чувство братского взрачивания близости.

— Пусть наши яйца разделят одно гнездо.

— Что? — ошарашенно повернулась Джилл. — Как ты сказал?

Совершенно ясно, что ответ получился неудачным; Смит не знал, куда деться от отчаяния. Раз за разом все его попытки достичь с этими странными существами единения возбуждают их до крайнего предела. Внимательно перебрав весь свой — небогатый еще — словарь, он попытался выразить основную мысль иначе:

— Мое гнездо — твое, а твое гнездо — мое.

На этот раз Джилл улыбнулась:

— Как мило сказано! Знаешь, дорогуша, я, конечно, не очень тебя понимаю, но это — самое очаровательное предложение, какое я когда-нибудь получала. Только вот в настоящий момент мы вляпались по самые уши, так что не будем топиться, ладно?

Смит понял Джилл не лучше, чем она его, однако уловил, что брат по воде доволен и просит подождать. Ожидание не представляло никаких проблем — удовлетворенный тем, что отношения с братом наладились, он откинулся на спинку сиденья и предался созерцанию. Со всех сторон, куда ни кинь взгляд, — потрясающее изобилие новых, еще не грокнувших вещей. Смит впервые видел земной пейзаж и, почти против своей воли, вспомнил, что средства передвижения, используемые дома, не дают возможности видеть то, что расположено между начальными и конечными пунктами. Он почти уже сделал сравнение, неблагоприятное для марсианских методов, но в испуге отшатнулся от такого еретического посягательства на авторитет Стариков.

А Джилл пыталась думать. Такси уже заходило на посадку, когда ее вдруг осенило, что домой идти никак нельзя: разберутся, кто именно умыкнул Человека с Марса, — сразу туда и прибегут. А разберутся очень скоро — в комнате Смита наверняка остались отпечатки ее пальцев, найдутся свидетели, видевшие странную «сестричку Мадж». Джилл где-то слышала, что не представляет никакого труда прочесть память автопилота такси и выяснить, куда летела машина и когда.

Она решительно ударила по клавиатуре и аннулировала набранный услужливым Джеком адрес. Неизвестно, удален он из памяти такси или нет, однако нет смысла соваться туда, где почти наверняка их уже дожидается полиция.

Почти коснувшаяся земли машина снова взмыла и зависла в воздухе. Так куда же податься-то? Ну где, спрашивается, в этом огромном шумном городе спрячешь взрослого человека, абсолютно беспомощного, не умеющего даже одеться? Да еще когда этот человек — самая, пожалуй, популярная личность на всем земном шаре. Вот если бы здесь был Бен! Бен... *где же ты?*

Джилл взялась за телефон и — безо всякой, собственно, надежды — набрала номер Бена. Мгновенный всплеск радости столь же мгновенно сменился унынием, когда стало ясно, что звучащий в трубке голос принадлежит не Бену, а его помощнику.

— Извините, ради бога, мистер Килгаллен. Это опять Джилл Бордман, я думала, что звоню мистеру Какстону домой.

— Вы не ошиблись, просто когда мистер Какстон отсутствует более суток, все его звонки переводятся на редакцию.

— Так он еще не появлялся?

— Нет. Не могу ли я помочь вам?

— Н-нет. Послушайте, мистер Килгаллен, а вам не кажется странным, что Бен так вот взял и исчез. У вас не появляется опасений?

— Что? Нет, никоим образом. В присланном факсе говорилось, что он и сам не знает, сколько времени будет отсутствовать.

— Но ведь это *странно*.

— Ничего странного, такая у него работа.

— Ну... А вот у меня это отсутствие вызывает большое беспокойство. Мне кажется, вам следовало бы сообщить в полицию. А заодно и всем репортерским агентствам страны, да что там страны — мира.

Даже и не видя Осберта Килгаллена, Джилл почувствовала, как тот чопорно выпрямился.

— А вам не кажется, мисс Бордман, что я способен разобратся в указаниях шефа без посторонней помощи? Не считите за обиду, но буквально каждый раз, когда мистера Какстона нет на месте, его упорно домогается кто-либо из «хороших знакомых».

Ясненько, подумала Джилл, то одна стерва старается его захомутать, то другая. А этот болван надутый решил, что я — очередная такая охотница. Потеряв всякое желание просить Килгаллена о чем бы то ни было, она положила трубку.

Так куда же все-таки идти? И тут у нее мелькнула неожиданная мысль: если Бен исчез и власти, скорее всего, прило-

жили к этому свою руку, то кто же станет искать пропавшего Смита в его квартире? Правда, если они знают про ее знакомство с Беном... ну, уж это-то очень сомнительно.

Там можно будет поесть — наверняка у Бена в холодильнике найдется еда, главное, на дом ничего не заказывать, вдруг знают, что хозяин в отъезде, — да и одежда какая-нибудь для этого великовозрастного младенца отыщется. Джилл набрала адрес Бена, машина радостно рванулась и через несколько минут села на нужной улице.

— *Carthago delenda est*¹, — сообщила Джилл акустическому замку.

Никакой реакции. Вот же черт, выругалась она, этот красавчик успел изменить пароль. Едва держась на подгибающихся от ужаса ногах, Джилл старалась, чтобы Смит не видел ее лица. Взяв себя немного в руки, она сделала еще одну безнадежную попытку — на случай, если Бен успел за эти минуты вернуться домой (один и тот же микрофон и открывал рейтеоновский замок, и работал в переговорном устройстве).

— Бен, это Джилл.

Дверь скользнула в сторону.

А затем, когда они вошли в квартиру, снова закрылась. Джилл подумала было, что Бен дома, но никто их не встречал; судя по всему, ей просто повезло угадать новый пароль. Задумано, нужно понимать, в виде приятного для нее сюрприза, только лучше бы уж без сюрпризов — а заодно и без отчаянного ужаса перед не желающей открываться дверью.

Смит замер на краю лужайки, поросшей густой, высокой травой. Ему здесь очень понравилось, хотя быстро грохнуть столь новое и необычное место было совершенно невозможно. То, движущееся место, где они только что находились, захватывало и потрясало, зато это больше подходило, чтобы объять себя.

Смит никогда не видел окна и даже не был знаком с таким понятием, — корпус Бетесдинского центра, куда его положили,

¹ Карфаген должен быть разрушен (лат.).

имел новомодные глухие стены. Немудрено, что панорамное окно он принял за «живую картину», вроде как дома, на Марсе, — и искренне восхитился глубиной и живостью изображения. Очевидно, работа великого художника. До этого момента ничто не указывало, что у этих существ есть искусство; новое познание послужило углублению и расширению гроканья; Смит преисполнился теплым чувством.

Краем глаза уловив движение, он повернулся и увидел, что новый брат снимает с ног фальшивые шкурки и обувь.

Блаженно вздохнув, Джилл погрузила босые ступни в зеленую, прохладную траву.

— Господи, до чего же ноги-то устали! — Она подняла голову и встретила взгляд Смита — младенческий, но в то же самое время чем-то встревоженный. — Ты тоже разуйся и походи, тебе понравится.

— Как разуться? — недоуменно моргнул Смит.

— Вот же, все время забываю. Иди сюда, я помогу.

Джилл сняла с него сперва туфли, а затем — предваритель-но отлепив лейкопластырь — и чулки.

— Ну как, приятно ведь?

Смит неуверенно ощупал ногой траву, а затем робко поинтересовался:

— Но ведь они *живые*?

— Можешь не сомневаться, это — самая настоящая трава, Бен угрохал на нее не знаю какие деньги. Да тут одно специальное освещение стоит больше, чем я зарабатываю за месяц. Так что погуляй по травке, получи удовольствие.

Смит не понял почти ничего — только то, что травинки — живые существа и что ему предлагают по ним ходить.

— Ходить по живым существам? — Он не верил своим ушам.

— Чего? А почему и не ходить? Этой траве ничего не будет, она специальная, для таких вот домашних газонов.

Это, напомнил себе Смит, мой брат по воде, а брат никогда не посоветует плохого, ведущего ко злу.

Он позволил провести себя по лужайке — и обнаружил, что ему самому это нравится, а живые существа ничуть не протестуют. Он обострил свою чувствительность до крайнего предела — все верно, брат конечно же прав. Они привыкли, что по ним ходят, это — их естественное состояние. Решение объять и восхвалить новый факт, принятое Смитом, по мужеству и самоотверженности было сравнимо разве что с попыткой рядового земного горожанина оценить по достоинству все прелести каннибализма (обычая, по мнению Смита, вполне естественного и достойного).

— Ну ладно, — вздохнула Джилл, — побалдели, и хватит. Я ведь даже не знаю, насколько — и надолго ли — мы здесь в безопасности.

— В безопасности?

— Нам нельзя здесь задерживаться. Вполне возможно, они сейчас проверяют каждую машину, покидавшую Центр.

Она сосредоточенно нахмурилась. Домой нельзя, здесь оставаться нельзя... к тому же Бен собирался отвезти Смита к Джубалу Харшоу. Но она-то сама не была знакома с Харшоу, не знала даже толком, где тот живет, — Бен вроде говорил, что где-то в Поконских горах. Ну что ж, не знаем, так узнаем — деваться больше некуда...

— Почему ты несчастлив, брат?

Резко выдернутая из раздумий, Джилл взглянула на Смита. Да ведь это бедное дите знать не знает, ведать не ведает о каких-то там бедах и опасностях. Она попыталась взглянуть на происходящее с его точки зрения — и не сумела. Ясно одно, Смит даже не подозревает, что они в бегах... а от кого, собственно? От копов? От больничной администрации? Джилл не очень себе представляла, что за проступок она совершила, какие законы нарушила, — она просто понимала, что встала на пути больших шишек, высокого начальства.

Ну и как прикажете объяснить несчастному младенцу, против кого им приходится бороться, если она и сама этого не знает? Вот, скажем, полиция — да есть ли у них на Марсе по-

лицейские? У этого — разве у него узнаешь? Говорить с ним — все равно что кричать в кадку для дождевой воды.

Да есть ли на этом самом Марсе кадки для дождевой воды? Или хотя бы дождь?

— Не будем вдаваться, — отмахнулась она. — Просто делай, что я скажу, — вот и все.

— Да.

Безграничное приятие, вечное и бесконечное «да». Джилл неожиданно подумала, что Смит по первому ее слову прыгнет из окна, — и ничуть не ошиблась. Он действительно прыгнул бы, восторженно впитал бы в себя каждую секунду падения с двадцатого этажа, а при заключительном ударе об асфальт принял бы развоплощение без тени удивления или сожаления. И не то чтобы он не знал, что падение ведет к смерти, он просто не понимал, что это такое — страх смерти. Если бы брат по воле избрал для него такую странную методику развоплощения — Смит воспринял бы ее, восхвалил и постарался, по возможности, грохнуть.

— Ладно, хватит так стоять, надо по-быстрому поест, переодеть тебя и убраться отсюда, пока не поздно. Ты раздевайся, а я тут пошарю.

Подобрав из Бенова гардероба дорожный костюм, берет, рубашку, исподнее и ботинки, Джилл вернулась в гостиную. Сейчас Смит напоминал котенка, игравшего-игравшего с клубком, да и запутавшегося в нитках. Одна его рука была прижата к телу и не могла пошевелиться, юбка намоталась на голову. Он начал снимать платье, даже и не подумав о пелерине.

— Господи боже, — безнадежно пробормотала Джилл, бросаясь на помощь.

Выпутав Смита из одежек, она засунула их в утилизатор — совершенно ни к чему, чтобы это хозяйство попадалось на глаза полиции, а с Эттой Шир, медсестрой, уж как-нибудь расплатимся.

— Тебя, милый, в больнице совсем запустили, так что прими-ка ты ванну, прежде чем надевать чистое.

Как медсестра, Джилл относилась к не очень приятным ароматам, исходящим от человеческого тела, с полным безразличием, однако — опять же, как медсестра — она была яркой фанатичкой мыла и мочалки... а этого пациента, похоже, так ни разу и не удосужились выкупать. Не то чтобы от Смита воняло, просто от него пахло, как от лошади в жаркий день.

Зрелище воды, льющейся в ванну, преисполнило Человека с Марса восторгом. В туалетной комнате палаты К-12 была ванна, но он не знал, что это такое и зачем. Его обмывали прямо в кровати, да и то не очень часто — мешали поминутные уходы в транс.

Джилл потрогала воду:

— Ну вот. Залезай.

На лице Смита отразилось полное недоумение.

— Да быстрее ты, — прикрикнула Джилл. — Забирайся в воду.

Все слова были знакомыми, порядок их тоже не оставлял места для сомнений. Брат хочет, чтобы он погрузил *все свое тело* в воду жизни! Его никогда не устаивали подобной чести — более того, насколько он знал, такая привилегия не предлагалась *никому и никогда*. Смит уже начал понимать, что эти другие ближе знакомы с первоосновой жизни, — факт, далеко еще не грокнувший, однако не вызывающий сомнений.

Он ступил в ванну одной, дрожащей от волнения, ногой, другой, а затем погрузился в воду полностью, с головой.

— Да ты что! — закричала Джилл, хватая Смита за волосы, — и с ужасом обнаружила, что вытаскивает из воды не живого человека, а самый натуральный труп. Господи, да не мог же он за какие-то две секунды захлебнуться! Мог — не мог, а все равно страшно.

— Эй, ты! — встряхнула она Смита. — Очнись! Кончай свои штучки!

Смит находился очень далеко, однако услышал зов своего брата и вернулся. Остекленевшие было глаза оживились, пульс ускорился, грудь начала мерно вздыматься и опадать.

— Как ты там, — все так же испуганно спросила Джилл, — в порядке?

— Я в порядке. Я очень счастливый. Мой брат.

— Ну и перепугал же ты меня. Слушай, не забирайся ты больше под воду. Вот как сейчас сидишь, так и сиди.

— Да, брат, — после чего Смит разразился серией хриплых — абсолютно для Джилл бессмысленных — звуков, набрал пригоршню воды, благоговейно, словно некую драгоценность, поднес ее ко рту, а затем протянул Джилл.

— Ты что, не надо пить из ванной! И я не хочу.

— Не пить?

В глазах Смита стояли беспомощная обида и недоумение. Секунду помедлив, Джилл махнула мысленно на все рукой, наклонила голову и прикоснулась к неожиданному подношению губами.

— Спасибо!

— Да не будешь ты испытывать жажду!

— Надеюсь, и ты не будешь испытывать жажду, никогда. Но пока что хватит. Если хочешь пить, я тебе принесу, а эту воду больше не пей.

Вполне удовлетворенный, Смит оставил дальнейшие попытки напиться из ванной; теперь он сидел совершенно неподвижно. Джилл уже поняла, что он никогда не принимал ванну и напрочь не знает, как это делается. Можно бы, конечно, научить его, но сколько на это уйдет драгоценного времени...

Да было бы о чем говорить, вот буйных в психушке купать — это действительно работа. Вытаскивая Смита со дна, Джилл насквозь промочила свою кофточку, теперь она сняла ее и повесила сушиться. Уходя из больницы, она переоделась в короткую плиссированную юбку. М-м-да. Складки, конечно же, перманентные, но все равно — зачем мочить ее зазря? Джилл пожала плечами, дернула замок молнии и осталась в трусах и лифчике.

Смит взирал на все эти операции с откровенным любопытством; Джилл почувствовала, что краснеет, и очень этому удивилась. А ведь считала себя абсолютно свободной от унылого

ханжества, именуемого стыдливостью, — господи, да мне же и шестнадцати не было, когда я первый раз пошла купаться голышом в смешанной компании. Однако младенческий взгляд этого странного типа повергал ее в полное смущение; посему Джилл не стала раздеваться дальше, заранее смирившись с перспективой промочить белье.

Приходилось скрывать свою растерянность за грубоватой суетой.

— Ну-ка, попробуем отскрести эту шкуру. — Встав рядом с ванной на колени, она облила Смита жидким мылом и начала взбивать пену.

Через некоторое время Смит протянул руку и потрогал ее правую грудь.

— Эй, — отшатнулась Джилл. — Только без этих штук!

У Смита был такой вид, словно его ударили по лицу.

— Нет? — спросил он трагическим голосом.

— Нет, — решительно подтвердила Джилл, но затем посмотрела на него и добавила, уже несколько мягче: — Ничего страшного не случилось, но ты меня не отвлекай, я занята.

Для ускорения процесса Джилл спустила из ванной воду, велела Смиты встать и обмыла его из душа; затем она включила сушилку, а сама стала одеваться. Ошарашенный хлынувшими со всех сторон потоками теплого воздуха, Смит задрожал; Джилл терпеливо, как ребенка, успокоила его, посоветовала держаться за поручень, а сама стала одеваться.

Затем она помогла ему выбраться из ванной.

— Ну вот, после купания ты и пахнешь приятнее, и чувствуешь себя, готова поспорить, получше.

— Я чувствую себя хорошо.

— Вот и прекрасно. А теперь одевайся.

В спальне перед Джилл встала сложная проблема: то ли надеть на Смита трусы, то ли объяснить ему, как это делается, то ли показать личным примером...

— НЕМЕДЛЕННО ОТКРОЙТЕ! — прогремел мужской голос.

Трусы выпали из пальцев Джилл. Она перепугалась до смерти, будто в операционной, когда у пациента под ножом хирurga внезапно останавливается дыхание, а давление падает до нуля. Ей снова пришла на помощь многолетняя выдержка медсестры. Они как, знают, что в квартире кто-то есть? Да, иначе бы не приехали. Ну, ясно, это чертово роботакси.

Так что, отвечать? Или затихариться?

Еще один повелительный окрик.

— *Сиди здесь!* — шепнула Джилл Смиту и вышла в гостиную. — Кто там? — Она изо всех сил старалась, чтобы голос звучал спокойно и непринужденно.

— Именем закона — откройте.

— Именем какого еще закона? Не порите чепуху. Говорите, кто вы такой и что вам надо, иначе я вызову полицию.

— Мы и есть полиция. Ваше имя Джиллиан Бордман?

— Как? Я Филлис О'Тул, и я жду тут мистера Какстона. Честное слово, я сейчас же позвоню в полицию и заявлю о попытке незаконного вторжения.

— Мисс Бордман, у нас есть ордер на ваш арест. Открывайте немедленно, вы только отягощаете свою вину.

— Никакая я вам не мисс Бордман, и я звоню в полицию.

Голос за дверью смолк; Джилл замерла, судорожно сглатывая и беспомощно ожидая, что же будет дальше.

Неожиданно в лицо ей пахнуло жаром, стальная пластинка замка занялась тусклым багровым светом, затем раскалилась добела; что-то громко хрустнуло, и дверь ушла вбок. Один из двух стоявших за ней мужчин переступил порог, ухмыльнувшись и торжествующе объявил:

— Вот она, голубушка. Джонсон, осмотри квартиру, он где-то там.

— О'кей, мистер Берквист.

Джилл попыталась преградить им путь, но человек по фамилии Джонсон легко отодвинул ее в сторону и направился в спальню.

— Где ваш ордер? — срывающимся голосом выкрикнула Джилл. — Это полный произвол!

— Ну вот, ордер, ордер, — нежно улыбнулся Берквист. — Ты нам не нужна, мы за *ним* пришли. Не создавай нам трудностей, веди себя пайнкой — может, и отделаешься полегче.

Джилл пнула Берквиста в щиколотку, но тот ловко, без труда увернулся. Вдобавок, босой ногой сильно не ударишь.

— Фу, — укоризненно покачал он головой, — какая гадкая девочка. Джонсон! Так нашел ты его или нет?

— Тут он, мистер Берквист. В чем мать родила. И чем же это они, интересно, собирались заняться? Угадайте с трех раз.

— У тебя, Джонсон, грязное воображение. Тащи его сюда.

Из спальни показались сперва Смит, а потом Джонсон, заломивший ему руку за спину.

— Он, видите ли, не желал идти.

— Пойдет как миленький!

Увернувшись от Берквиста, Джилл отчаянно бросилась на Джонсона; тот резко отшвырнул ее в сторону:

— Ну, ты, стерва, без этих!

Лучше бы он этого не делал. Джонсон ударил Джилл не так сильно, как бил свою жену до того, как та его бросила, и уж во всяком случае не так, как заключенных, не очень расположенных к беседам. Вплоть до этого момента на лице Смита не отражалось ровно ничего; он молча подчинялся грубому принуждению, как щенок, который не желает гулять на поводке — вот и все. Он совершенно не понимал происходящего и старался не совершать никаких поступков.

Но теперь его брата ударили. Смит развернулся, вырвался — и достал.

И Джонсона не стало.

Нигде. Он исчез из комнаты. На том месте, где только что стояли широкие, массивные подошвы сапог, медленно распрямились травинки; Джилл смотрела на них и чувствовала, что сейчас шлепнется в обморок.

Берквист закрыл распахнувшийся от удивления рот, раскрыл его снова и повернулся к Джилл.

— Что вы с ним сделали? — с ненавистью прохрипел он.

— Я? Я не сделала *ничего*.

— Не строй невинные глазки. У вас там что, люк или что? Но Джилл почти его не слышала.

— Куда он делся? — спросила она в свою очередь.

— Не знаю, — нервно облизнул губы Берквист. Он сунул руку под мышку и вытащил пистолет. — Только со мной такие штуки не пройдут. Оставайся здесь, а его я забираю.

Смит снова пребывал в пассивном, ожидающем состоянии. Не понимая происходящего, он ограничил свои действия крайним, необходимым минимумом. Однако он знал, что такое оружие, он видел его в руках прилетавших на Марс людей; теперь оружие было направлено на брата по воде, которому это явно не нравилось. И Смит грокнул, что его развитие подошло к одной из критических точек, в которой верное рассуждение должно привести к верному действию, за которым будет, возможно, дальнейшее развитие. И он начал действовать.

Старики обучили его многому и хорошо. Смит шагнул и встал напротив Берквиста; ствол пистолета описал дугу и уперся в его голую грудь. Смит достал — и Берквиста не стало. Смит повернулся к брату.

Джилл поднесла руку к губам и завопила.

Все это время лицо Смита оставалось бесстрастным, но теперь на нем отразилось полное, трагическое отчаяние: в критической точке было совершено ошибочное действие. Он умоляюще взглянул на Джилл, начал судорожно вздрагивать, а затем закатил глаза, медленно осел на пол, свернулся в клубок и замер.

Истерический припадок Джилл прекратился так же мгновенно, как и начался. Больной нуждался в помощи, времени на всякие там эмоции и размышления, куда же это подевались двое мужчин, попросту не было. Джилл упала на колени и бегло обследовала лежащее на полу тело.

Ни дыхания, ни пульса; прижав ухо к груди Смита, она сперва решила, что его сердце совсем остановилось, но потом различила чуть слышные и редкие — с промежутками по четыре, даже пять секунд — *тук-тук*.

Все это очень походило на шизоидный уход в себя, однако Джилл никогда не видела настолько глубокого транса, даже в школе на демонстрациях гипноанестезии. Она слышала о так называемом «самадхи», в которое впадают индийские факиры, но не особенно доверяла этим рассказам.

В нормальных обстоятельствах ни одна медсестра не стала бы пытаться вывести пациента из подобного состояния, а сразу позвала бы врача, но это — в *нормальных* обстоятельствах. Последние события ничуть не поколебали Джилл в решимости ни в коем случае не допустить, чтобы Смит снова попал в нежные объятия властей, а наоборот — укрепили. Решимость решимостью, однако уже через десять минут она убедилась в бесплодности всех своих попыток прервать транс, даже нажатие на чувствительный локтевой нерв ни к чему не привело.

В спальне Бена нашелся потрепанный чемодан, слишком большой, чтобы с ним пропустили в салон самолета, но все же не заслуживающий гордого наименования «кофр». Чемодан был набит битком — диктофон, туалетные принадлежности, одежда, даже аппарат — вполне законный, с разрешением, — позволявший входить в любую телефонную сеть. У Джилл мелькнула мысль, что уже все это хозяйство ясно показывает, что Килгаллен совершенно не прав насчет причин отсутствия Бена, но времени на раздумья не было, она просто выпотрошила чемодан и отнесла его в гостиную.

При всей своей худобе, Смит был тяжелее ее самой, однако Джилл приходилось иметь дело с пациентами и помассивнее. Чтобы запихнуть безжизненное тело в чемодан, пришлось сложить его на другой манер. Мышцы Смита сопротивлялись резким рывкам, однако без труда, словно воск, поддавались не очень сильному, но постоянному нажиму. Для мягкости Джилл забила пустые углы какими-то тряпками Бена. Прodelать дырки для воздуха не удалось — чемодан оказался стеклопластовым; секунду колебавшись, Джилл махнула рукой — какой там ему воздух при почти полном отсутствии дыхания и, соответственно, нулевом обмене веществ.

Нести такой груз она бы не смогла — оторвать его от пола и то удавалось с большим трудом. К счастью, чемодан был снабжен колесиками; к тому времени, как ей удалось подтащить его ко входной двери, на нормальный паркетный пол, драгоценная Бенова лужайка была перепахана глубокими уродливыми бороздами.

На крышу Джилл не поехала — только и не хватало для полного счастья, что связаться еще с одним роботакси-стукачом, — а вышла на улицу через полуподвал и черный ход. Молодой парень, проверявший доставленную по заказам жильцов еду, отодвинулся в сторону, давая выкатить чемодан на мостовую.

— Эй, сестренка, — окликнул он ее сзади, — что в коробчонке?

— Труп, — огрызнулась Джилл.

— Каков вопрос, — пожал плечами парень, — таков и ответ. Пора бы мне и усвоить.

ЧАСТЬ II

ЕГО
НЕСУРАЗНОЕ
НАСЛЕДСТВО

За последние сутки на третьей от Солнца планете стало двумястами тридцатью тысячами людей больше — прирост, не очень заметный на фоне пятимиллиардного населения. Южно-Африканское королевство, ассоциированный член Федерации, получило очередной вызов в Верховный Суд за преследование белого меньшинства. Совет властелинов моды, собравшийся в Рио, постановил удлинить юбки и прикрыть пупки. Три боевых спутника Федерации безмолвно бороздили небо, грозя смертью каждому, кто осмелится нарушить покой планеты; коммерческие спутники нарушали покой планеты непрерывным потоком рекламы. На побережье Гудзонова залива осело полумиллионом передвижных домов больше, чем к тому же самому дню в период прошлогодней миграции. По случаю начавшегося голода Ассамблея Федерации объявила рисовый пояс Китая зоной бедствия; Синтия Дюшес, известная как Богатейшая Девица Земли, откупилась от шестого мужа. Жизнь шла своим чередом.

Согласно заявлению преподобного доктора Дэниела Дигби, верховного епископа Церкви Нового Откровения (попросту говоря — фостеритов), он поручил ангелу Азраилу направлять сенатора Федерации Томаса Буна и ожидает не позже вечера получить Божественное подтверждение; зная веселенькие нравы фостеритов, неоднократно уже громивших газетные редакции, информационные агентства передали это сообщение без каких-либо комментариев. В детской лечебнице Цинциннати родился сын Гаррисона Кэмпбелла-шестого и супруги его.

Выносила его и произвела на свет суррогатная мать, а счастливые родители развлекались тем временем в Перу. Доктор Гораций Квакенбуш, профессор свободных искусств Йельской школы богословия, призвал вернуться к вере и возвращению духовных ценностей. Разразился грандиозный скандал, связанный с мошенничеством в спортивном тотализаторе; в нем оказались замешанными тренер и половина профессиональных игроков футбольной команды Вест-Пойнта. В Торонто трое химиков, специалистов по бактериологическому оружию, были отстранены от работы за эмоциональную неустойчивость; они заявили, что будут апеллировать к Верховному Суду Федерации. Верховный Суд отменил решение Верховного Суда Соединенных Штатов по делу «Рейнсберг против штата Миссури», связанному с пересмотром прав голосов на первичных выборах членов Ассамблеи Федерации.

Его превосходительство достопочтеннейший Джозеф Э. Дуглас, генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций, апатично ковырялся в своем омлете, внутренне возмущаясь, неужели же человек не имеет права за завтраком выпить чашку приличного кофе. По экрану с оптимальной для чтения скоростью бежали строчки его персональной газеты, подготовленной ночной сменой информационного бюро. Сканер, разработанный компанией «Сперри», имел обратную связь, так что строчки двигались только тогда, когда на них смотрели; если читатель отворачивался, то бегущие строки замирали. Дуглас, собственно, не читал сейчас газету, а смотрел на экран только для того, чтобы не встретиться глазами со своей командиршей, сидевшей напротив. Миссис Дуглас вообще не читала газет, у нее были другие способы узнавать все существенное и необходимое.

— Джозеф.

Дуглас поднял глаза, и экран замер.

— Да, дорогая?

— У тебя какие-то неприятности?

— Что? А почему ты так думаешь, дорогая?

— Джозеф! Уже тридцать пять лет, как я штопаю твои носки, тряусь над тобой, как над малым ребенком, и оберегаю

тебя от чего только можно, — так неужели же я не увижу, когда у тебя неприятности?

А ведь самое хреновое, признал про себя Дуглас, что она и вправду *видит*. Ну куда, спрашивается, глядели мои глаза, когда я подписывал с этой женщиной бессрочный брачный контракт? В старые добрые времена, когда Дуглас был всего лишь членом Законодательного собрания штата, нынешняя миссис Дуглас работала у него секретаршей. Их первый контракт — соглашение о сожительстве сроком на девяносто дней — заключался с единственной целью сэкономить предвыборный фонд, снимая в гостиницах один номер вместо двух. Оба они согласились тогда, что имеют исключительно деловые намерения, а «сожительство» будет означать не более чем проживание под одной крышей; кстати сказать, она никогда — даже в те далекие времена — не штопала ему носки!

И как же это вышло, что все вдруг изменилось? В биографии миссис Дуглас «Тень величия: история одной женщины» утверждалось, что будущий супруг сделал ей предложение по окончании первых своих выборов, во время подсчета голосов, — и что его романтическую страсть не устраивал никакой вариант, кроме старомодного («пока смерть нас не разлучит») брака.

Ну что ж, кто же решится оспаривать официальную версию?

— Джо-зеф! Ты что, так вот и будешь молчать?

— А? Да нет, дорогая, ерунда. Просто я сегодня очень плохо спал.

— Знаю. Ты что, думаешь, я не знаю, когда тебя поднимают среди ночи?

— А откуда тебе, собственно, знать, если твои апартаменты в другом конце дворца, чуть не в пятидесяти ярдах от моих?

— Женская интуиция. И что же такое сообщил тебе Брэдли?

— Дорогая, оставим это, пожалуйста, — скоро мне идти на Совет, а нужно еще просмотреть новости.

— Джозеф Эджертон Дуглас, перестань увливать.

Дуглас обреченно вздохнул:

— Мы проворонили этого придурочного Смита.

— Сми́та? Это что, Человек с Марса? Как это так — проворонили? Чушь какая-то!

— Чушь или не чушь, дорогая, только раньше он лежал в своей больничной палате, а теперь его там нет. Исчез вчера вечером.

— Ты говоришь нелепые вещи! Как он мог оттуда исчезнуть?

— Судя по всему, переоделся медсестрой.

— Но ведь... Ладно, ерунда. Смит исчез, и это главное. Ну и чего ж вы там напридумывали, чтобы его отловить?

— Его ищут надежные, проверенные люди. Берквист...

— Что? Этот пустоголовый кретин? В такой момент, когда необходимо использовать буквально все силы, от органов федеральной безопасности до школьных надзирателей, ты поручаешь дело Берквисту?

— Дорогая, ты не совсем понимаешь ситуацию. У нас *связаны руки*. Официально он никуда не исчезал. Ведь имеется еще... ну, этот, *другой* парень. Который, ну, «официальный» Человек с Марса.

— О! — Миссис Дуглас побарабанила пальцем по столу. — Ведь говорила я тебе, что ничего хорошего из этой подмены не выйдет.

— Но, дорогая, это же было сделано по твоему предложению.

— Ничего подобного я не предлагала. И не спорь, пожалуйста. М-м-м... вызови сюда Берквиста. Я сама с ним поговорю.

— Дело в том, что Берквист отправился по следу. И он еще не выходил на связь.

— Да? Твой Берквист уже на полпути к Занзибару. Он нас продал. Лично я никогда ему не доверяла. Помнишь, что я сказала, когда ты решил взять его на работу...

— Когда я решил взять его на работу?

— Не перебивай меня. Так вот, я сказала, что человек, продавший одного хозяина, продаст и второго. — Миссис Дуглас сосредоточенно нахмурилась. — Джозеф, за всем этим я вижу руку Восточной Коалиции. Можно ожидать, что на Ассамблее поставят вопрос о доверии.

— С чего бы это? Ведь никто ничего не знает.

— Даже слушать тошно такой младенческий лепет. Никто ничего! Уж Восточная-то Коалиция побеспокоится, скоро все всё узнают. Ты бы помолчал и дал мне подумать.

Дуглас вернулся к прерванному чтению. Городской совет Лос-Анджелеса просит Федерацию помочь в разрешении проблемы смога, Министерство здравоохранения так и не выделило им то да это. Нужно будет чего-нибудь подкинуть — фостериты выставляют там своего кандидата и у Чарли будут большие заморочки с переизбранием. К закрытию биржи акции «Лунар энтерпрайзес» поднялись еще на два пункта...

— Джозеф.

— Да, дорогая?

— Нет никакого Человека с Марса, кроме нашего. Тот, которого предъявит Восточная Коалиция, — самозванец. Вот так, и никак иначе.

— Сказать-то можно, дорогая, только кто же нам поверит?

— Что значит — кто же поверит? *Нужно* сделать, чтобы поверили.

— Но это же *невозможно*. Ученые мгновенно обнаружат подмену, а пустить их придется, они уже готовы брать больницу приступом.

— Ученые! — презрительно сморщилась миссис Дуглас.

— Да, ученые, и ты сама понимаешь, что они сразу все поймут.

— Ничего я не понимаю и понимать не хочу. Ученые, нашел о чем говорить. Половина их науки взята с потолка, а вторая половина — суеверие. Всех этих профессоров давно пора посадить под замок, а все их мудрствования — запретить. Ну сколько, Джозеф, можно вбивать тебе в голову, что есть только одна настоящая Наука — астрология.

— Не знаю, дорогая, не знаю. Я не хочу сказать ничего плохого об астрологии...

— Еще бы ты хотел! Да ты по гроб жизни должен быть благодарен этой науке!

— ...но все эти физики-математики, они тоже очень головастые ребята. Вот тут вчера один из них рассказывал мне про

звезду, вещество которой в шесть тысяч раз тяжелее свинца. Или в шестьдесят тысяч? Как же он говорил...

— Чушь! Ну откуда, спрашивается, им знать, что там и сколько весит? И помолчи, пожалуйста, я тебе все расскажу. Мы ничего не признаем. Любой другой марсианин, кроме нашего, — самозванец. А тем временем отряды Спецслужбы приложат все усилия, чтобы его поймать, по возможности — до того, как Восточная Коалиция выступит с заявлением. Если потребуются применение решительных мер и этого Смита застрелят за сопротивление аресту или там при попытке к бегству — ничего страшного. От него с первых дней была одна морока.

— Агнес! Ты сама-то понимаешь, что ты мне сейчас предложила?

— Ничего я тебе не предлагала. А несчастные случаи происходят каждый божий день. С этим делом, Джозеф, нужно разобраться раз и навсегда. Наибольшее благо для наибольшего числа людей — ты же сам всегда к этому призываешь.

— Но я не хочу, чтобы с мальчонкой сделали что-нибудь плохое.

— А кто говорит, что с ним нужно что-то такое делать? Джозеф, ты обязан предпринять решительные меры, это твой долг. История тебя оправдает. Ведь что важнее: для блага пяти миллиардов людей сохранить стабильность обстановки — или сентиментальничать с одним-единственным парнем, который, если разобраться, даже и гражданином-то не является?

Дуглас уныло молчал.

— Ну ладно, — встала миссис Дуглас. — Я не могу разбрасываться своим временем на споры обо всякой ерунде. Мне давно уже пора к мадам Везант составлять новый гороскоп. Не для того я тратила лучшие годы своей жизни, трудилась как каторжная, выталкивая тебя вверх, чтобы из-за твоей бесхребетности все в одночасье пошло коту под хвост. Вытри желток с подбородка. — С этими словами она удалилась.

Глава исполнительной власти Земли выпил еще две чашки кофе и только тогда набрался духа идти на заседание Совета.

Ох, Агнес, Агнес, никак на тебя не угодишь. Дуглас догадывался, что она давно в нем разочаровалась... а быть супругой генерального секретаря Федерации — это же кого угодно достанет. Ладно, хоть в безграничной преданности Агнес не приходится сомневаться... что же касается недостатков — а у кого их нет, этих недостатков? Вполне возможно, что ее тошнит от своего муженька ничуть не меньше, чем его от нее, — ну и что?

Дуглас выпрямился. И все равно, он ни при каких обстоятельствах не позволит сделать Смиту что-нибудь плохое. От этого парня сплошная головная боль, тут уж кто бы спорил, но все равно он какой-то... трогательный, что ли? Вот посмотрела бы Агнес сама на эту детскую придурочную беззащитность, на то, как легко его испугать, — она бы так не говорила. В ней обязательно разыгрался бы материнский инстинкт.

Только есть ли он у нее, этот самый материнский инстинкт? Посмотришь на эту физиономию с решительно выдвинутым подбородком, и появляются сильные сомнения. Хотя, кой черт, у каждой женщины есть материнский инстинкт, наука давно это доказала. Ведь и точно, вроде доказала?

И вообще — какого хрена, не позволю я собой помыкать. Каждую секунду тычет в нос, что это вроде бы она протолкнула меня наверх, но уж я-то знаю... да и бремя ответственности целиком на моих плечах.

Дуглас встал, расправил отягощенные бременем ответственности плечи, кое-как втянул живот и пошел на Совет.

Весь день он напряженно ждал, когда же упадет второй бо-тинок. Однако все было тихо; приходилось заключить, что, как это ни странно, никто, кроме ближайшего кружка доверенных лиц, так и не прознал про исчезновение Смита. Сейчас генеральный секретарь сильно напоминал подзалетевшую дуреху — больше всего ему хотелось закрыть глаза и чтобы вся эта мерзость как-нибудь сама собой рассосалась. Однако ни ход событий, ни собственная его жена не позволяли Дугласу расслабиться.

Агнес считала Эву Перон священным образцом для подражания и мнила, что даже внешне похожа на нее. Перед публи-

кой она представляла исключительно в образе верной помощницы и неизменной спутницы великого государственного мужа, которого имела счастье именовать супругом; с этим обликом она настолько свыклась, что даже в одиночестве с ним не расставалась, поскольку, как Черная Королева, обладала счастливой способностью верить в то, что ей самой было угодно. Однако же, откровенно говоря (чего она никогда себе не позволяла) ее политические принципы заключались в следующем: мужчины повелевают миром, а женщины — мужчинами.

Ей никогда не приходило в голову, что все ее убеждения и поступки произрастают из неосознанной злобы на судьбу, волею которой она родилась женщиной; не сознавала она и того, что ее поведение объясняется как инстинктивной реакцией на несбывшееся отцовское желание о сыне, так и черной завистью к матери. Подобные гнусные мысли ее не посещали. Она обожала родителей и никогда не забывала приносить на их могилы живые цветы. Мужа она любила и о своей любви объявляла во всеуслышание; гордилась она и своей женственностью, о чем тоже упоминала неоднократно, а часто и объединяла эти два утверждения.

Агнес Дуглас не стала ждать, пока ее муж наконец раскачается и займется Человеком с Марса. Аппарат генерального секретаря подчинялся ей столь же охотно, как и своему официальному боссу, пожалуй — даже с бóльшим рвением. Она вызвала к себе помощника по гражданской информации — так красиво именовался пресс-агент Дугласа, — а тем временем занялась делом еще более срочным: необходимо было немедленно составить гороскоп. Прямая скремблерная линия соединяла апартаменты генеральной секретарши с салоном мадам Везант; сходная физиономия астролога появилась на экране буквально через секунду после вызова.

- Агнес? В чем дело, милочка? У меня клиент.
- Там не слышно, что я говорю?
- Слышно.
- Тогда гони его куда-нибудь, этого клиента. Дело срочное.

Мадам Александра Везант прикусила губу, но более ничем не выказала раздражения.

— Одну секунду.

Вместо ее лица на экране возникла надпись «Ждите». В кабинет без стука вошел молодой человек; миссис Дуглас подняла глаза и увидела Джеймса Санфорта, того самого информационного помощника.

— У вас есть новости от Берквиста? — спросила она.

— Чего? А я тут ни при чем, этим занимается Маккрэри.

Но миссис Дуглас не интересовалась такими мелочами.

— Позаботьтесь о его дискредитации, и поскорее, пока он не начал чесать языком.

— Вы думаете, Берквист нас продал?

— А то нет? Нужно было посоветоваться сперва со мной, а уж потом посылать его на такое дело.

— Я никуда его не посылал, это все Маккрэри.

— Но вы обязаны быть в курсе событий. Вот я...

На экране снова возникло лицо мадам Везант.

— Подождите, — отмахнулась от Санфорта миссис Дуглас. — Алли, милочка, — пропела она в микрофон, — нужны свежие гороскопы, и на Джозефа, и на меня. Очень срочно.

— Хорошо. — Служительница единственной точной науки немного помедлила. — Но было бы лучше, дорогая, если бы ты рассказала мне, что там такое произошло. Тогда я могла бы принести тебе бóльшую пользу.

Мадам Дуглас побарабанила пальцами:

— Но ведь тебе не обязательно знать?

— Конечно же нет. Гороскоп может составить любой, имеющий некоторые математические способности, понимающий звезды и получивший соответствующую подготовку; для этого не нужно знать ровно ничего, кроме места и момента рождения субъекта. Ты и сама могла бы, если бы не все эти твои дела. Однако нужно учитывать, что звезды не принуждают, а лишь склоняют. У нас свобода воли. Чтобы провести подробный анализ и дать рекомендации по выходу из кризиса, мне нужно знать, какой именно астрологический дом к этому при-

частен. Что заботит тебя больше всего? Влияние Венеры? Или Марса? А может...

Миссис Дуглас наконец решилась.

— Марса, — прервала она разговорчивую собеседницу. — И еще, Алли, мне нужен третий гороскоп.

— Хорошо. А на кого?

— Э-э-э... Алли, я могу тебе довериться?

— Агнес, — оскорбленно вскинулась мадам Везант, — если ты мне не доверяешь — обратись за советом к кому-нибудь другому. Есть очень много людей, способных квалифицированно составить гороскоп, я совсем не единственный адепт древней мудрости. Вот, далеко не ходить, профессор фон Краузенмайер, у него отличная репутация, хотя он и склонен иногда...

— Алли, извини, пожалуйста! Мне и в голову не придет обратиться к кому-нибудь другому. А теперь... Нас никто не подслушает?

— Конечно же нет, милочка.

— Мне нужен гороскоп Валентайна Майкла Смита.

— Валентайн Майкл... Это что, Человек с Марса?

— Да, да. Алли, его похитили. *И нам необходимо его найти.*

Двумя часами позднее мадам Александра Везант отодвинулась от стола и устало вздохнула. Она сказала своей секретарше, что отменяет все назначенные на сегодня консультации; листы бумаги, испещренные цифрами и диаграммами, а также затрепанный навигационный справочник наглядно свидетельствовали о серьезности выполненной работы. В отличие от многих собратьев по профессии, Александра Везант вычисляла влияние светил на судьбы человеческие с помощью книги «Тайная наука беспристрастной астрологии, или Ключ к Соломонову Камню», доставшейся ей в наследство от покойного мужа, профессора Симона Магуса, крупного знатока древних тайн, зарабатывавшего хлеб свой насущный на эстраде фокусами, гипнозом и чтением мыслей.

Мадам Александра верила этой книге столь же истово, как в прошлом — ее первоначальному владельцу. В составлении гороскопов Симон не имел себе равных (пока был в трезвом

состоянии), чаще всего он даже не нуждался во вспомогательной литературе. Его вдова честно признавалась себе, что никогда не достигнет такой квалификации, ей всегда требовались и книга, и навигационный справочник. Вычисления ее бывали, мягко скажем, не очень точны (она и банковский баланс в чековой книжке сводила с большим трудом); дело в том, что Бекки Визи (прежнее имя адепки древней мудрости) так никогда и не сумела осилить таблицу умножения, а кроме того, часто путала семерки с девятками.

Что ничуть не мешало делу. Гороскопы мадам Александры пользовались большим успехом, миссис Дуглас была далеко не единственной знаменитостью среди ее клиентов.

Поручение супруги генерального секретаря составить гороскоп на Человека с Марса повергло бедняжку Бекки в легкую панику — примерно так же чувствовала она себя на эстраде в тех случаях, когда какой-нибудь идиот из публики наново — и накрепко — завязывал ей глаза и приходилось отвечать на вопросы профессора действительно вслепую. Однако еще в те времена она обнаружила, что обладает талантом давать правильные ответы, а потому быстро укрощала свою панику и представление шло заданным чередом.

Сейчас она потребовала с Агнессы точные день, час и место рождения Смита — в почти полной уверенности, что никому это не известно.

И была неприятно удивлена, получив требуемые сведения буквально через несколько минут — все они содержались в бортовом журнале «Посланника». Но к этому времени мадам Везант успела уже взять себя в руки, а потому спокойно записала цифры и обещала, что сразу же по составлении гороскопов позвонит миссис Дуглас.

И вот после двух часов кропотливой арифметики она имела полные исходные данные для гороскопов супругов Дуглас — и ровно ничего по Смиту. Мешало очень простое — и непреодолимое — обстоятельство: Смит родился не на Земле.

Ее астрологический талмуд не предусматривал подобного варианта, безвестный автор этой книжонки скончался задолго

до первого полета на Луну. Мадам Везант пыталась найти выход; было естественно предположить, что основные принципы науки остаются неизменными и нужна всего лишь поправка на место. Но она тут же погрязла в путанице незнакомых связей, не было даже полной уверенности, что на Марсе те же самые знаки Зодиака — а как же можно работать без знаков Зодиака?

Одним словом — сплошной ужас, все равно что извлекать кубический корень (именно эта неразрешимая проблема заставила малютку Бекки расстаться со школой).

На столе появилась сберегаемая для трудных моментов бутылка того самого тонизирующего, коим несколько злоупотреблял покойный ее супруг. Мадам Александра быстро приняла одну дозу, налила вторую и задумалась, что бы сделал в подобной ситуации Симон. Через несколько минут она буквально услышала ровный спокойный голос: «Уверенность, детка, и еще раз уверенность. Не теряй уверенности, и тогда лохи тоже в тебя поверят. И это — первейшая твоя перед ними обязанность».

Законная наследница мудрости древних почувствовала себя значительно бодрее и начала писать гороскопы Дугласов. С гороскопом Смита тоже не возникло никаких проблем — как и обычно, ее охватило ощущение, что лежащие на бумагу слова сами себя доказывают — они выглядели ошеломительно истинными. Работа подходила к концу, когда снова позвонила Агнес Дуглас.

— Алли? Ты уже все?

— Вот как раз дописываю последнюю строчку, — деловым голосом сообщила мадам Везант. — Ты должна понять, что составление гороскопа на Смита — задача для Науки трудная и необычная. Для человека, рожденного на другой планете, приходится пересчитывать все аспекты. Влияние Солнца уменьшается, влияние Дианы становится почти неосязаемым, но зато Юпитер попадает в совершенно новый, я бы даже сказала — уникальный аспект. Да ты и сама все это понимаешь. Потребовались весьма длительные вычисления...

— Алли, не надо этих подробностей. Скажи только главное — ты знаешь ответы?

— Естественно.

— Ну, слава тебе господи. А то я уже боялась услышать, что задача оказалась неразрешимой.

— Я удивляюсь тебе, милочка, — оскорбленно откликнулась мадам Везант. — Ведь Наука никогда не меняется, меняются только конфигурации. Разве возможно поражение, когда ты вооружен методикой, предсказавшей час и место рождения Христа, предсказавшей момент и способ смерти Юлия Цезаря? Истина всегда есть Истина.

— Да, совершенно с тобой согласна.

— Ты приготовилась?

— Сейчас, я только включу запись... давай.

— Так вот, Агнес, настал самый критический период твоей жизни. Столь мощная конфигурация выстраивалась в небесах лишь дважды за всю историю человечества. В первую очередь ты должна сохранять спокойствие, избегать излишней поспешности, тщательно все обдумывать. В целом знамения благоприятны... при том условии, что ты не будешь им противиться и тебе удастся избежать необдуманных поступков. Старайся за внешними проявлениями видеть глубинную суть... — И так далее, и тому подобное.

Бекки Визи всегда давала хорошие советы, давала их весьма убежденно, а потому и убедительно. Уроки Симона научили ее, что даже при самом угрожающем расположении планет обязательно есть какой-нибудь выход, какой-нибудь аспект, благоприятный для клиента. Главное — обнаружить этот аспект и подробно его обрисовать.

Мало-помалу напряженное лицо Агнес смягчилось, она начала согласно кивать.

— Теперь ты видишь, — заключила мадам Везант, — что в свете трех ваших гороскопов исчезновение Смита по сути своей неизбежно. Но не нужно беспокоиться, он вернется — или даст о себе знать — в самое ближайшее время. Самое главное — не делать излишне резких движений. Сохраняй спокойствие.

— Да, понимаю.

— И еще одно. Аспект Венеры очень благоприятен и потенциально доминирует над аспектом Марса. Как ты понимаешь, Венера символизирует тебя самое, а Марс — это и твой муж и Смит, последний — в силу уникальных обстоятельств его рождения. На тебя ложится бремя двойной ответственности, и ты обязана принять этот вызов. Ты должна проявить специфически женские черты характера — спокойную мудрость и сдержанность. Ты должна поддержать своего мужа, провести его через бурные воды, успокоить его и утешить. Ты должна быть неиссякаемым родником незамутненной мудрости, это твой особый талант — так воспользуйся же им.

— Алли, — восхищенно вздохнула миссис Дуглас, — ты просто великолепна. Не знаю, как тебя и благодарить.

— Благодарю Древних Учителей, ведь я — всего лишь скромная их ученица.

— Их я отблагодарить не могу, так что отблагодарю тебя. Задаток был очень мал для такой работы, я сделаю тебе подарок.

— Нет, Агнес. Я рада оказать тебе услугу.

— А я рада отблагодарить за эту услугу. Молчи, Алли, больше ни слова.

Мадам Везант позволила себя уломать и закончила разговор, чувствуя приятное удовлетворение от честно выполненной работы, — ведь она *знала*, что ничуть не ошиблась в толковании небесных знамений. Бедняжка Агнес! Хорошая женщина, только терзается противоречивыми желаниями. Большая это честь — хоть немного выровнять ее путь, хоть самую малость облегчить ее бремя. Честь — и одновременно удовольствие.

Мадам Везант очень нравилось, что Агнес обращается с ней почти как с ровней; справедливости ради нужно добавить, что сама она была напроочь лишена снобизма и даже в мыслях не ставила себя на одну доску с супругой генерального секретаря. В молодости Бекки Визи была настолько серенькой и незаметной, что руководитель политической машины округа так

никогда и не сумел запомнить ее имени — хотя и заинтересовался ее бюстом. Но Бекки Визи не обижалась. Бекки Визи любила людей. Она любила Агнес Дуглас.

Бекки Визи любила всех и каждого.

Она посидела еще немного, наслаждаясь теплым чувством удовлетворенности, выпила еще капельку своего тонизирующего — и все это время хваткий ее ум прокручивал обрывки полученных сведений. А затем она позвонила своему биржевому брокеру и приказала продавать «Лунар энтерпрайзес», без покрытия.

— Алли, — фыркнул брокер, — ты бы, знаешь, не увлекалась так своей похудательной диетой. Мозги размягчатся.

— Не мешай мне, Эд. Когда акции опустятся на десять пунктов, прикрой меня, даже если они будут падать дальше. Когда поднимутся на три пункта — снова покупай, а вернется цена сегодняшнего закрытия — продай.

Последовало долгое молчание.

— Алли, ты что-то там разнюхала. Признайся дядюшке Эду.

— Мне сказали звезды.

Эд высказал желание сделать с «этими твоими звездами» нечто астрономически совершенно несуразное.

— Ладно, не хочешь говорить, так не говори. М-м-м... ну что я за идиот такой, вечно вляпаюсь в какую-нибудь сомнительную историю. Ты не возражаешь, если я и от себя поиграю?

— Играй на здоровье, только не слишком крупно, чтобы не бросалось в глаза. Ситуация очень деликатная, Сатурн между Девой и Львом.

— Все как ты скажешь, Алли.

В полном восторге, что Алли подтвердила все ее догадки, миссис Дуглас с головой окунулась в дела. Она затребовала досье пропавшего Берквиста и приказала в кратчайшее время смешать его с грязью. Она вызвала Твитчелла, командира отряда Спецслужбы; тот покинул кабинет генеральной секретарши с совершенно убитым видом и сразу же сорвал злость на

своем заместителе. Затем она поручила Санфорту запустить в эфир вторую серию спектакля «Человек с Марса», сопроводив ее слухом, что, «согласно источникам, близким к правительству», Смит в ближайшее время отправляется — а может быть, и уже отправился — в Анды, в высокогорный санаторий, чтобы отдохнуть в климате, максимально похожем на марсианский. Оставался последний вопрос — как утихомирить Пакистан, заставить его голосовать нужным образом.

Напряженная умственная работа кончилась тем, что Агнес позвонила супругу и велела ему поддержать притязания Пакистана на львиную долю кашмирского тория. Дуглас и сам склонялся к этой мысли и был искренне возмущен, что Агнес почему-то уверена в обратном. «Ты что, совсем меня за идиота держишь?» — подумал он, но вслух ничего такого не сказал и кисло согласился. Разобравшись с высокой политикой, миссис Дуглас отправилась на собрание «Дочерей Второй Революции», чтобы произнести там речь «Материнство в Новом Свете».

10

Пока миссис Дуглас распиналась перед аудиторией по вопросу, в котором она не смыслила ровно ничего, Джубал Харшоу, бакалавр юриспруденции, доктор медицины и доктор естественных наук, философ-неопессимист, сибарит, гурман и бонвиван, а заодно — сочинитель макулатурной беллетристики, сидел у себя дома в Поконских горах, поскребывал обросшую густым седым волосом грудь и созерцал сцену, разыгрывающуюся в плавательном бассейне. Там золотыми рыбками плескались три его секретарши, поразительно красивые и не менее поразительно эффективные в профессиональном своем качестве — полное соответствие законам архитектуры и дизайна, требующим гармонии декоративности с функциональностью.

Аппетитную блондинку звали Энн, гибкую как лиана брюнетку — Доркас, а рыжеволосую, с фигурой средних — если

можно идеальные назвать «средними» — пропорций, — Мириам. Даже зная, что у них разброс по возрасту порядка пятнадцати лет, было невозможно угадать, кто тут старшая, а кто младшая. У них, разумеется, были и фамилии, но в доме Харшоу о таких мелочах не задумывались. Ходили слухи, что одна из секретарш — внучка Харшоу, но не существовало единого мнения, которая из них.

Харшоу был погружен в напряженную работу. Основная часть его сознания любовалась очаровательными девушками, очаровательно резвящимися в прозрачной, рассыпающей миллионы солнечных искр воде, но в некой маленькой, наглухо закрытой и звукоизолированной клетушке происходило сочинительство. Происходило оно, если дословно процитировать самого сочинителя, следующим образом: «Работая над книгой, я подключаю семенные железы в параллель с таламусом, а кору головного мозга — отключаю». Жизненные привычки Харшоу придавали невероятной этой теории некоторое вероятие.

Установленный на его столе микрофон соединялся с диктопринтером, но эта техника использовалась исключительно для заметок; при необходимости записать литературный текст Харшоу вызывал стенографистку и диктовал, внимательно следя за ее реакцией.

Вот и в данный момент он слегка потянулся и крикнул:

— К ноге!

— Сейчас «к ноге» Энн. — откликнулась Доркас. — Так что пока я за нее. Видишь круги по воде? Вот там она и есть.

— Нырни и вытащи. Я подожду.

Брюнетка исчезла под водой; через несколько секунд Энн вскарабкалась на бортик бассейна, завернулась в купальный халат, вытерла руки, подошла к столу и села, все это — без единого слова. Обладая абсолютной памятью, она не нуждалась для работы ни в бумаге, ни в карандаше.

Харшоу взял ведро льда, щедро политого бренди, и сделал глоток.

— Энн, я тут сочинил нечто душераздирающее. Про котенка, который под Рождество забрался в церковь погреться. Он

потерял хозяев, умирает от голода и холода и — бог уж знает где и почему — поранил себе лапку. Так что — поехали. «Снег падал и падал...»

— А какой псевдоним?

— М-м-м... пусть снова будет Молли Вордсворт, история старомодная и чувствительная, так что — вполне в ее духе. Заголовок — «Шел по улице малютка». И — поехали.

Продолжая говорить, Харшоу пристально смотрел на Энн. Когда из-под опущенных — для сосредоточенности — век девушки выкатились две слезинки, он слегка улыбнулся и тоже закрыл глаза. К завершающим фразам и рассказчик, и его слушательница плакали чуть не навзрыд.

— Тридцать машинописных, — объявил Харшоу. — Вытри сопли. Отошли эту хрень в редакцию и, ради бога, не приноси мне ее на проверку.

— Джубал, а тебе бывает когда-нибудь стыдно?

— Нет.

— Знаешь, а ведь я однажды не выдержу и пну тебя за очередную такую вот сказочку прямо в толстое брюхо.

— Знаю. Ну не сестер же мне на панель отправлять: во-первых, стары они для этого, а во-вторых, их у меня нет. Ну, чеши домой, клади эти сладкие слюны на бумагу и отсылай поскорее, а то я и вправду застесняюсь и передумаю.

— Слушаюсь, начальник!

Проходя мимо Харшоу, Энн наклонилась и чмокнула его в лысую макушку.

— К ноге! — снова взревел плодовитый сочинитель; Мириам уже направилась к столу, но тут неожиданно ожил установленный на фасаде дома динамик:

— Начальник!

— ...! — бросил сквозь зубы Харшоу; Мириам укоризненно шикнула на него. — Да, Ларри? — добавил он, уже в полный голос.

— Тут у ворот некая дама, — сообщил динамик. — И при ней труп.

Харшоу на секунду задумался.

— А она как, хорошенькая?

— Ну-у... да, пожалуй.

— Так что ж ты там в носу ковыряешь? Веди ее сюда. — Харшоу устроился в кресле поудобнее. — И — поехали, — командовал он Мириам. — Городской пейзаж наплывом переходит в крупный план, снятый в интерьере. На жестком, с прямой спинкой стуле сидит полицейский, на нем нет фуражки, воротник расстегнут, лицо залито потом. В кадре есть и второй человек, он между нами и полицейским, виден только со спины. Человек поднимает руку, широко — почти за пределы кадра — размахивается и бьет полицейского. Тяжелый, смачный удар, звук записать отдельно. Дальше пойдем с этого места, — оборвал он себя.

По дорожке, ведущей к стоящему на холме дому, поднималась машина.

За рулем сидела Джилл, а рядом с ней — парень, который выскочил на асфальт, еле дождавшись, пока машина остановится. Было заметно, что ему не по себе.

— Вот она, Джубал. Получай.

— Вижу, вижу. Ну что ж, доброе утро, малышка. Ларри, а где там этот труп?

— Сзади, начальник. Под одеялом.

— Но это же совсем не труп, — возмутилась Джилл. — Это... Бен говорил, что вы... то есть я хочу сказать... — Она уронила голову на приборную доску и всхлипнула.

— Ну, ну, милая, — подбодрил ее Харшоу. — Очень редко бывает, чтобы труп стоил чьих-то слез. Доркас, Мириам, займитесь гостьей. Умойте, а потом налейте ей чего-нибудь.

Он подошел к заднему сиденью и поднял край одеяла.

— Вы должны меня выслушать, — пронзительно вскрикнула Джилл, стряхивая со своего плеча ладонь Мириам. — Он совсем не мертвый. Во всяком случае, я на это надеюсь. Он просто... ох, господи. — Из ее глаз снова брызнули слезы. — Я вся такая грязная... и я так боюсь!

— А вроде бы труп, — задумчиво констатировал Харшоу. — Температура, как я понимаю, равна температуре воздуха. Окончание только какое-то странное. Давно он умер?

— Да ничего он не умер! Нельзя его вытащить оттуда? Мне было жутко трудно в одиночку запихнуть его на сиденье.

— Сию секунду. Ларри, возьми с той стороны. Да кончай ты зеленеть, наблюдаешь — сам и подтирать будешь.

Они вынули Валентайна Майкла Смита из машины и уложили на траву, его тело так и осталось свернувшимся в клубок. Доркас, не дожидаясь распоряжений, принесла стетоскоп, поставила его на землю, включила его и вывела усиление на максимум.

Харшоу надел наушники и начал искать звуки пульса. Это продолжалось довольно долго.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, — повернулся он наконец к Джилл. — Ему уже никто не поможет. А кто это такой?

Джилл глубоко вздохнула. Ее лицо не выражало ничего, кроме усталости, а голос звучал ровно, отрешенно:

— Это Человек с Марса. Я так старалась.

— Ну конечно же, вы сделали все... *Человек с Марса?*

— Да... Бен... Бен Какстон сказал, что, кроме вас, обратиться не к кому.

— Бен, говорите, Какстон? Я весьма польщен таким доверием-с! — Харшоу предостерегающе махнул рукой, на его лице появилась растерянность, тут же сменившаяся радостным изумлением. — Бьется! У него бьется сердце! Это же кто бы в такое поверил? Доркас, вверх, в амбулаторию. Запертая часть холодильника, третий ящик, код «Блаженство снов». Принеси его целиком, и еще шприц на один кубик.

— Сию секунду!

— Доктор, только никаких стимуляторов.

— Что? — недоуменно повернулся Харшоу.

— Извините, сэр. Я только медсестра... но тут совсем особый случай. Я это *знаю*.

— М-м-м... вообще-то, теперь он — мой пациент. Но лет уже сорок тому назад отчетливо выяснилось, что я — не Господь всемогущий, а еще через десять лет — что даже и не Эскулап. Что вы хотите попробовать?

— Я попробую просто его разбудить. Если вы что-нибудь с ним сделаете, он только глубже уйдет в это свое состояние.

— Х-м-м... валяйте. Только постарайтесь обойтись без топора. А потом попробуем мои методы.

— Хорошо, сэр.

Джилл опустилась на колени и начала распрямлять конечности Смита. Брови Харшоу удивленно поползли на лоб. Когда Смит принял нормальную позу, Джилл положила его голову к себе на колени.

— Проснись, — негромко сказала она. — Проснись, пожалуйста. Это я, твой *брат по воде*.

Непропорционально широкая грудь медленно приподнялась, Смит глубоко вздохнул и открыл глаза. При виде Джилл на его лице появилась детская, ликующая улыбка, тут же погасшая, как только он огляделся.

— Не бойся, — торопливо успокоила Джилл. — Это друзья.

— Друзья?

— Все они — твои друзья. Не волнуйся — и больше не уходи. Все в полном порядке.

Смит затих; спокойный и умиротворенный, словно кот, свернувшийся на коленях хозяина, он лежал и — на этот раз без страха — рассматривал окружающих.

Двадцать пять минут спустя неожиданные гости уже лежали в постели. Прежде чем на Джилл подействовало снотворное, Харшоу услышал от нее достаточно, чтобы понять: он попал в положение человека, ухватившего медведя за хвост. Бен Какстон исчез неизвестно куда; с юным Смитом ситуация, мягко говоря, щекотливая... ну, это стало понятно, как только выяснилось, кто он такой. Что ж, похоже, теперь развлечений будет предостаточно — ну, ничего страшного, все лучше, чем маяться от скуки.

Он вышел во двор и осмотрел машину, на которой приехала Джилл. С каждого боку — сделанная по трафарету надпись: «РЕдингская аРЕНда — Вечнодвижущийся Наземный Транспорт — АРендуй у АРгентинца!»

— Ларри, забор под напряжением?

— Нет.

— Включи. Потом сотри с этой калоши все отпечатки пальцев. Когда стемнеет, отведи ее за Рединг — лучше подальше, к самому Ланкастеру, — и спихни в канаву. Затем отправляйся в Филадельфию, садись на скрантонский автобус, ну а из Скрантона домой как-нибудь доберешься.

— Будет сделано, Джубал. Слушай, а это что — *настоящий Человек с Марса*?

— Лучше бы нет. А если настоящий — в чем я, к сожалению, почти уверен — и тебя сцапают вместе с этой тачкой, дело может кончиться веселеньким вечером вопросов и ответов. С применением паяльной лампы.

— Усек. Слушай, не грабануть ли мне на обратном пути банк?

— Может, и стоит — для собственной безопасности.

— О'кей, начальник. — Ларри слегка задумался. — А ничего, если я переночую в Филли?

— Да бога ради. Одного не пойму — ну что, спрашивается, человеку делать ночью в Филадельфии?

— Ха, так ведь места знать надо.

— Ну, вольному воля. — Харшоу повернул голову в сторону дома и взревел: — К ноге!

Джилл проспала до ужина — который у Харшоу подавали в восемь вечера — и проснулась на удивление бодрой. Принюхавшись к воздуху, поступавшему из вентиляционной решетки, она решила, что доктор подавил действие снотворного стимулятором. Рваная, грязная одежда куда-то исчезла, на ее месте лежали белое вечернее платье и босоножки. Платье сидело вполне прилично, скорее всего, оно принадлежало рыжей секретарше, которая Мириам. Джилл приняла ванну, причесалась, подкрасилась и спустилась в гостиную, чувствуя себя совсем другой женщиной.

Уютно свернувшись в кресле, Доркас занималась вышиванием; небрежно, как одному из членов семьи, кивнув гостье, она вернулась к своей многотрудной работе. Харшоу перемешивал в запотевшем кувшине некую жидкость.

— Выпьете? — поинтересовался он.

— Да, буду очень благодарна.

Харшоу щедро, до краев наполнил два больших стакана и протянул один из них Джилл.

— А что это такое? — опасливо поинтересовалась она.

— Мой рецепт. Возьмите равные доли водки, соляной кислоты и дистиллированной воды, добавьте две щепотки соли, маринованных жуков — по вкусу.

— Выпей лучше чего попроще, — посоветовала Доркас.

— А тебя кто спрашивает? — обиделся Харшоу. — Соляная кислота способствует пищеварению, а от жуков — витамины с протеинами. — Он торжественно провозгласил: — За нас самих, любимых и драгоценных. Таких, как мы, и на свете-то почти не осталось. — Он чуть не одним глотком осушил стакан и тут же наполнил его снова.

Джилл опасливо попробовала, затем сделала глоток побольше. Жуки там или не жуки, но сейчас это зелье было, пожалуй, самым подходящим для нее напитком. Блаженная теплота, возникнув в желудке, постепенно растекалась по телу, заливала его целиком, до самых кончиков пальцев. Когда стакан оказался наполовину пуст, Харшоу долил его доверху.

— Заходили к нашему общему пациенту? — поинтересовался он.

— Нет, сэр. Я не знаю, куда его поместили.

— А я заходил, пару минут назад. Спит без задних ног; стоит, пожалуй, переименовать его в Лазаря. Как думаете, он не побрезгует поужинать в нашей компании?

Джилл задумалась.

— Даже и не знаю, доктор.

— Ладно, как только он проснется, я сразу узнаю. А тогда пусть выбирает — или с нами, или ему принесут ужин в комнату. У нас тут полная свобода, каждый делает что его левая нога пожелает. Ну, а если мне не понравится, что он делает, — я вышвырну его отсюда к чертовой бабушке. Кстати, насчет «не понравится». Я не люблю, когда меня называют «доктор».

— Сэр?

— Нет, вы только не подумайте, что это слово меня оскорбляет. Но когда пошли присуждать докторские степени за успехи в народных танцах и ловле рыбы на мормышку, я задрал свой — как видите, очень основательный — нос и прекратил пользоваться этим титулом. Я в рот не возьму разбавленного виски, и мне не нужны разбавленные ученые степени. Так что зови меня просто Джубал.

— Но степень по медицине пока еще не «разбавлена».

— Только лучше бы ее назвали как-нибудь по-другому, чтобы тебя не путали с воспитателем, который приглядывает за детишками, играющими в песочнице. Кстати, насчет игр: давно хотел спросить, откуда у тебя такой преувеличенный интерес к этому пациенту?

— А? Так я же уже все рассказывала, док... Джубал.

— Ты рассказала мне, *что* произошло, но не рассказала — *почему*. Джилл, я видел, как ты с ним говорила. У вас что, «любовь»?

Джилл, покосившись на Доркас, которая словно бы и не слышала разговора, возмущенно выдохнула:

— Господи, какая чушь!

— А чего же это так сразу и чушь? Ты — девушка, он — юноша, нормальный ход.

— Но... нет, Джубал, тут все совсем по-другому. Я... ну, его держали в заключении, и я подумала — а точнее, Бен подумал, — что ему угрожает опасность. Мы хотели, чтобы Смита не лишили его законных прав.

— М-м-м... знаешь, деточка, ты, конечно, можешь назвать меня старым циником, но вот не верю я в бескорыстный интерес, хоть тресни. Гормональный баланс у тебя вроде бы в норме, потому рискну предположить, что дело тут либо в Бене, либо в этом марсианине. И ты бы разобралась в своих мотивах, а уж потом принимала решение, как поступить дальше. В данный момент меня интересует вопрос: что, по твоему мнению, должен сделать я?

А действительно — что? С того времени, как Джилл сожгла за собой все мосты, она думала только об одном: как бы не по-

пасться преследователям в лапы. Все ее планы ограничивались тем, что нужно найти Джубала Харшоу.

— Я... я не знаю.

— Как я и думал. Из твоего рассказа я понял, что ты без уважительной причины отсутствуешь на работе, взял на себя смелость предположить, что ты не хочешь терять свою лицензию, и организовал телеграмму в больницу — причем не отсюда, а из Монреаля — с просьбой двухнедельного отпуска за свой счет для ухода за внезапно заболевшей родственницей. Ну как, нет возражений?

У Джилл камень с сердца свалился. Настрою запретив себе даже вспоминать о загубленной профессиональной карьере, она не избавилась от этих мыслей совсем, а только загнала их далеко в подсознание.

— Ой, Джубал, огромное спасибо! — радостно вскрикнула девушка и тут же добавила: — Тогда получается, что даже прогула нет — сегодня у меня выходной.

— Прекрасно. Но что же ты намерена делать дальше?

— Я как-то не успела еще подумать. Ну, сперва нужно связаться с банком и взять оттуда деньги... — Джилл смолкла, пытаясь вспомнить, сколько же там на счете. Совсем, наверное, немного, а если еще учесть, что она часто забывала...

— Вот-вот, — прервал ее размышления Джубал, — и как только ты свяжешься с банком, то через полчаса здесь будет больше полицейских, чем блох у бродячей собаки. Может, тебе лучше посидеть тихо и не высовываться, пока дела не придут в какой-то порядок?

— Спасибо, Джубал, но мне не хотелось бы злоупотреблять твоим...

— Поздно вспомнила. Да ты, девочка, не волнуйся, в этом доме всегда полным-полно нахлебников. Одна семья семнадцать месяцев здесь прожила, в полном составе. Никто не злоупотребляет моим гостеприимством, если я сам того не пожелаю, так что и на свой счет можешь быть спокойна. Теперь насчет нашего пациента; вы с Беном вроде бы хотели позаботиться о неких «его законных правах». Вы ожидали от меня помощи?

— Н-ну... Бен говорил... Бен думал, что ты поможешь.

— Бен может думать все, что ему угодно. Так называемые «права» этого парня не интересуют меня ни на вот столько. Право собственности на Марс родилось в воспаленном воображении так называемых юристов; я и сам — юрист, а посему совсем не обязан относиться к подобной чуши с уважением. Что же касается огромного состояния, которое считается принадлежащим твоему марсианину, так эта ситуация возникла благодаря трудам и страстям совсем других людей, а также — благодаря нашим странным племенным обычаям. Сам он и гроша ломаного не заработал. Надуют его — ну и слава богу, лично я настолько мало этим интересуюсь, что не стану даже читать в газете подробности. Так что если Бен рассчитывал найти здесь борца за «права» Смита — вы ошиблись адресом.

— Понимаю, — убито кивнула Джилл. — Нужно будет подумать, куда бы его перевезти.

— Нет, ни в коем случае! То есть — только если ты сама этого захочешь.

— Но ты же сказал...

— Я сказал, что не интересуюсь юридическими фикциями. Но человек, пользующийся моим гостеприимством, — совсем иное дело. Он может жить здесь сколько сам того пожелает. Я только хотел, чтобы ты отчетливо осознала: вы с Беном можете и не надеяться, чтобы из-за ваших романтических бредней я полез в политику. Милая моя, когда-то я и сам думал, что служу человечеству, и от мыслей таковых мне становилось теплее. А потом я обнаружил, что человечество совсем даже не желает, чтобы ему служили, более того, царапается и кусается при малейшей такой попытке. И теперь Джубал Харшоу делает исключительно то, что доставляет удовольствие Джубалу Харшоу. — Он повернулся к Доркас. — Пора бы вроде и ужинать. Как там, кто-нибудь пошевеливается?

— Мириам. — Доркас отложила свое вышивание и встала.

— Никогда не понимал, каким образом эти девицы разбираются, кто что когда будет делать.

— Да откуда же тебе, начальник, это понимать? Сам-то ты никогда ничего не делаешь. А вот чтобы обед пропустить, —

Доркас похлопала Джубала по брюху, — такого за тобой еще не замечалось.

Прозвучал гонг, и они отправились в столовую. Надо думать, готовили в этом доме с помощью всевозможных современных исхищрений, во всяком случае Мириам ничуть не напоминала только что вырвавшуюся из кухни повариху; царственная и прекрасная, она восседала во главе стола. Откуда-то появился еще один парень, чуть постарше Ларри и откликавшийся на имя Дюк; он обращался с Джилл так, словно она всю жизнь жила в этом доме. Еще двоих, пожилую супружескую пару, ей и вовсе представлять не стали — они сели за стол, как в ресторане, поели и ушли, ни с кем не обменявшись ни словом.

Все остальные непринужденно болтали. Подавали еду механизмы (не андроидные, без всяких фокусов), которыми управляла все та же Мириам. Пища оказалась великолепной и — насколько могла судить Джилл — без малейшей примеси синтетики.

Харшоу капризничал, жаловался, что нож тупой, мясо жесткое и что Мириам кормит народ вчерашними объедками. Джилл чувствовала себя неловко и очень жалела Мириам, но остальные присутствующие не обращали на гневные вопли хозяина дома никакого внимания. После очередной его филиппики Энн отложила вилку.

— Он опять вспомнил, как готовила его мама, — констатировала она.

— Он, похоже, считает, что снова стал начальником, — поддержала ее Доркас.

— Сколько там дней прошло?

— Да вроде бы десять.

— Слишком много. — Энн посмотрела на Доркас, на Мириам, и они дружно встали. Дюк продолжал невозмутимо жевать.

— Девочки, — всполошился Харшоу, — ну нельзя же во время еды! Вы подождите, пока...

Девушки неумолимо надвигались на него с трех сторон; механический официант услужливо откатился, давая им дорогу.

За руки и за ноги они вытащили негодующе визжащего Харшоу из комнаты.

Визги становились все громче и громче, затем последовал тяжелый всплеск, и все затихло.

Девушки вернулись ничуть не встрепанные и не усталые.

— Еще салату, Джилл? — спросила Мириам, вновь занимая свое место.

Через некоторое время вернулся Харшоу, но не в смокинге, как прежде, а в пижаме и халате.

— Как я уже говорил, — заметил он, начиная есть (на время вынужденного перерыва официант предусмотрительно прикрыл его тарелку крышкой), — женщина, не умеющая готовить, не стоит даже того, чтобы ее выпороли. Если я не смогу получить хоть мал-мала сносного обслуживания, то променяю всех вас троих на собаку, а собаку пристрелю. Мириам, что у нас сегодня на десерт?

— Клубничный торт.

— Ну вот, это уже на что-то похоже. Расстрел отложим до среды, а там по обстоятельствам.

Джиллиан сообразила, что разбираться в хозяйских порядках вовсе не обязательно. После ужина она пошла в гостиную с намерением посмотреть новости, а точнее — узнать, упоминается ли в этих новостях ее собственное имя. Но телевизора там не было — ни обычного, ни как у Бена, замаскированного. А ведь если вспомнить, то и нигде в доме нет телевизора. И газет тоже, хотя везде уйма книг и журналов.

Кроме нее самой, в гостиной не было ни души. Это сколько же сейчас времени? Свои часы Джилл оставила наверху, в спальне, а в гостиной таковых не наблюдалось. Снова покопавшись в памяти, она сообразила, что не видела в этом доме ни часов, ни календаря.

Ну ладно, чем сидеть тут без дела и в одиночестве, лучше уж пойти спать. Одна из стен была полностью уставлена книгами и кассетами; Джилл выбрала «Просто сказки» Кипплинга в записи на пленку и пошла к себе.

В спальне ее ждал сюрприз. Кровать была оборудована по последнему писку — массажер, кофеварка, кондиционер и что

там еще, но будильник странным образом отсутствовал — на его месте виднелась пустая панель. Ничего, подумала Джилл, залезая под одеяло, вряд ли я так уж сильно засплюсь. Она вставила кассету в проектор, легла на спину, стала следить глазами за бегущими по потолку строчками, но уже через несколько минут дистанционный пульт выскользнул из ее пальцев, и свет потух. Медсестра Джиллиан Бордман уснула.

А вот доктор Джубал Харшоу ругал себя последними словами и не мог уснуть. Первоначальное любопытство отчасти было удовлетворено, отчасти притупилось, и наступила неизбежная реакция. Еще полвека тому назад он дал себе страшную клятву никогда больше не подбирать бродячих кошек — и вот, нате вам, пожалуйста, волею Венеры Прародительницы он подобрал, двух за раз... да нет, даже трех, если считать Какстона.

Что с того, что за упомянутые пятьдесят лет уважаемый доктор нарушил свою клятву уж никак не меньше пятидесяти раз, — он был не из тех ограниченных людишек, которые настаивают на последовательности в поведении. Джубала Харшоу ничуть не волновало появление в доме двух новых хлебников — кем-кем, а уж крохобором-то он не был никогда. За чуть не сотню лет бурной своей жизни он много раз оказывался полным банкротом — и столько же, наверное, раз был богаче, чем в данный момент, а потому привык относиться к подобным вывертам судьбы спокойно, как к переменам погоды. И ни при каких условиях не считал копейки.

Другое дело, что вскоре сюда заявятся весьма малоприветные посетители, и тогда начнутся такие песни и пляски — не приведи господь. Ведь эта наивная девочка наверняка наследовала по пути, что твоя хромая корова.

Стало быть, в это блаженное убежище придут чужие, незнакомые люди, они будут задавать дурацкие вопросы, выдвигать дурацкие требования... и тогда придется что-то решать, как-то действовать. И это раздражало больше всего, поскольку Джубал Харшоу философически полагал любые действия тщетными.

Он совсем не ожидал от представителей рода человеческого разумного поведения; по большей части их стоило бы запирать под замок или даже увязать в смиренные рубашки, чтобы не вредили ни окружающим, ни самим себе. Но неужели они его-то не могут оставить в покое — все, кроме тех немногих, кого он сам выбрал себе в сотоварищи. Джубал Харшоу был искренне убежден, что, предоставленный собственным своим промыслам, он давно уже ушел бы в нирвану... нырнул бы в свой пуп и исчез с глаз потрясенных зрителей, вроде как эти индусские хохмачи. Непонятно, правда, откуда бы тогда взялись потрясенные зрители? Как бы там ни было, неужели нельзя оставить человека в покое?

Немного за полночь Харшоу раздавил в пепельнице двадцать седьмой окурочек и сел; в спальне вспыхнул свет.

— К ноге! — крикнул он в прикроватный микрофон.

Через минуту на пороге появилась Доркас, в халате и шлепанцах. Она широко зевала.

— Да, начальник?

— Доркас, все последние двадцать, а то и тридцать лет я был мерзким, никчемным паразитом.

— Тоже мне новость, — еще раз зевнула Доркас.

— Обойдусь без твоих комплиментов. В жизни каждого человека наступает момент, когда он должен забыть о пресловутом «здравом смысле» и грудью встать на защиту какого-то дела — бороться за свободу, сокрушать зло.

— М-м-м...

— Кончай зевать — этот момент настал!

Доркас посмотрела на свои шлепанцы:

— Может, мне сперва одеться?

— Одевайся. И разбуди остальных девиц — дела хватит всем. Облей Дюка холодной водой, пусть он затащит эту идиотскую говорилку в кабинет и подключит.

Вот тут-то Доркас удивилась по-настоящему.

— Это что — *телевизор*?

— Не заставляй меня повторять. И скажи Дюку, если эта механизма не в порядке и он с ней не справится — может уби-

раться отсюда на все двадцать четыре стороны. Ну, давай — на полусогнутых, ночь предстоит долгая и суматошная.

— Ладно, — неуверенно сказала Доркас. — Только я тебе сначала температуру померяю.

— Утихомирься, женщина!

Джук установил стереовизор достаточно быстро, чтобы Харшоу успел посмотреть повтор еще одного интервью с липовым Смитом. В комментариях проскользнуло упоминание, что, по всей вероятности, «Человек с Марса» отбудет в Анды, где все совсем как на Марсе. Джубал мгновенно понял, что это означает, и до самого утра висел на телефоне, обзванивая каких-то людей. На рассвете Доркас принесла завтрак — шесть яиц, взбитых вместе с бренди. Новоявленный борец за правое дело с хлюпаньем выпил жутковатую эту смесь, попутно рассуждая, что старость — она, конечно, не радость, однако за долгую жизнь человек обрастает постепенно уймой знакомых, среди которых неизбежно оказываются и очень влиятельные люди. И он может позвонить им в любое время дня и ночи — весьма полезная, кстати сказать, возможность.

Джубал отвел подготовленной им бомбе роль чисто оборонительного оружия — никто не будет поджигать ее запал без крайней необходимости, то есть — пока власть предрежжащие будут вести себя тихо и пристойно. Безусловно, правительство с легкостью может вторично изолировать Смита на основании его недееспособности — Харшоу в ней тоже не сомневался. Если подходить к несчастному парню с общепринятыми мерками, юристы без малейших колебаний объявят его невменяемым, а медики — психопатом, жертвой тяжелого и единственного в своем роде двойного ситуационного психоза: сперва его, человека, воспитали инопланетяне, а затем его, воспитанного инопланетянами, швырнули в чуждое и незнакомое человеческое общество.

Однако сам Харшоу считал, что в случае Смита как юридическое понятие «вменяемость», так и медицинское «психоз» не имеют никакого смысла. Данное существо человеческой природы, по всей видимости, сумело великолепно адаптиро-

ваться к не-человеческому обществу — попав в это общество податливым, с мягкой как воск психикой, младенцем. Сумеет ли то же самое существо адаптироваться к человеческому обществу, попав в него в достаточно зрелом возрасте, когда формирование привычек и образа мыслей, по существу, уже закончено? Именно это доктор Харшоу и намеревался выяснить. Впервые за несколько десятков лет у него снова появился живой интерес к медицине.

К тому же идея прищемить начальникам хвост приводила почтенного престарелого доктора в полный восторг. Рассточительная природа двойной, а то и тройной мерой отпустила ему важное, имеющееся у каждого американца качество: склонность к анархии. Схватиться с планетарным правительством — заманчивая эта перспектива преисполнила Джубала Харшоу такой бодрости и энергии, каких он не ощущал многие уже годы.

11

На задворках заурыдной галактики, вокруг более (менее?) чем заурыдной звезды класса G, повинувшись гравитационному искривлению пространства, который уже миллиард лет вращались планеты. Четыре из них имели вполне пристойные — по планетарным масштабам — размеры, вполне возможно, что посторонний наблюдатель, случись таковой поблизости, сумел бы их даже различить. Все остальные — сор, мелкие камешки, одни из которых терялись в огненном сиянии центрального светила, а другие — в черных, холодных глубинах космоса. Как и обычно, все они были заражены так называемой жизнью — странной, болезненной формой энтропического нарушения. На третьей и четвертой планетах поверхностная температура колебалась где-то в районе точки затвердения окиси водорода, в результате там развились жизненные формы, способные — до определенной, во всяком случае, степени — к общению.

Древняя раса, обитавшая на Марсе, относилась к общению с землянами абсолютно равнодушно. Нимфы весело резвились

на поверхности планеты, учились жить и — в восьми случаях из девяти — погибали в процессе обучения. Взрослые марсиане, бесконечно не похожие на нимф как телом, так и складом ума, обитали в поразительно гармоничных сказочных городах. При всем своем внешнем спокойствии, они вели даже более активную и напряженную жизнь, чем непоседливые нимфы, — жизнь разума.

Под присмотром взрослых находилась целая планета, так что дела им хватало: наставлять растения, где и когда те должны расти, собирать в город прошедших испытание (а попросту — выживших) нимф, а затем взлелеивать их и оплодотворять. Чтобы появляющиеся в результате яйца зрели и развивались, их нужно взлелеивать и обдумывать, выполнившие свое назначение нимфы должны перейти во взрослую стадию, для этого нужно убедить их расстаться с детскими глупостями. Все перечисленные выше дела — человек мог бы назвать их «работой» — были необходимы, однако для марсиан они являлись элементом жизни ничуть не более значительным, чем ежеутренняя и ежевечерняя прогулка с собакой для человека, руководящего в промежутке между этими прогулками огромной промышленной корпорацией. Кстати сказать, обитатель Арктура-третьего вполне мог бы посчитать этого гипотетического магната рабом собаки, а упомянутые прогулки — основной его деятельностью.

И марсиане, и земляне — самоосознающие жизненные формы, однако развитие этих двух рас шло абсолютно разными путями. Все поведение человека, все его жизненные мотивации, все его страхи и надежды несут на себе отпечаток присущей ему схемы воспроизведения потомства, более того — находятся от этой трагичной и, странным образом, прекрасной схемы в полной зависимости. То же самое верно и в отношении марсиан, но, так сказать, с точностью до наоборот. Весьма эффективная — а потому широко распространенная в галактике — биполярная модель приняла у них форму настолько отличную от земной, что назвать ее двуполой решился бы разве что биолог, а уж человеческий психиатр ни в коем случае

не обнаружил бы в ней ничего «сексуального». Все марсианские нимфы — существа женского пола, а взрослые особи — мужского.

Причем это касается только биологии, но никак не психологии. На Марсе полностью отсутствует бинарная оппозиция мужское—женское, структурирующая жизнь и поведение землян. Брак — бессмысленное, отсутствующее понятие. Взрослые огромны и чем-то напоминают — на человеческий, во всяком случае, взгляд — парусные яхты; при всей яркости и активности своей умственной жизни, физически они крайне пассивны, в то время как круглые, пушистые нимфы полны веселья и неистощимой, бездумной энергии. Между базисами человеческой и марсианской психологии просто невозможно проводить параллели. Сексуальная биполярность — это и главная — пожалуй, даже единственная — связующая сила человеческого общества, и одновременно основной движущий импульс всей человеческой деятельности, от сонетов до уравнений теоретической физики. И если кому-либо покажется, что это преувеличение, — пусть он пороется в патентных бюро, библиотеках и музеях, много ли там созданного евнухами.

Марс, чья жизнь совершенно отлична от земной, не обратил особого внимания ни на «Посланника», ни на «Чемпиона». Столь свежие события представляли собой очень малый интерес — выпускать марсиане газеты, им бы за глаза и за уши хватило одного номера в земное столетие. Контакт с инопланетной расой не представлял для них ничего необычного — такое случалось уже в прошлом и, без всякого сомнения, не раз случится в будущем. Когда новая раса будет подробно и всесторонне прокнута (на что потребуются земное тысячелетие или около этого), наступит время предпринимать какие-то действия — или не предпринимать.

А пока что все внимание марсиан занимало происшествие совершенно иного рода; бестелесные Старики рассеянно, между делом дали человеческому детенышу поручение прокнуть все, что уж он там сумеет на третьей планете, и сразу же вернулись к рассмотрению серьезной проблемы. Совсем незадолго

до описываемых событий, приблизительно во времена земного цезаря Августа, некий марсианский художник работал над произведением искусства. Если хотите, можете назвать это произведение поэмой, или симфонией, или философским трактатом; оно представляло собой совокупность эмоций, организованных в трагической, логически неизбежной последовательности. Человек способен наслаждаться подобным опусом ничуть не более, чем слепорожденный — великолепием заката солнца, а потому не стоит и пытаться подобрать точное жанровое определение. Главное тут в том, что упомянутый творец случайно развоплотился — не успев завершить своего творения.

Случайное развоплощение — вещь на Марсе почти невиданная; марсианам нравится, чтобы жизнь представляла собой завершенное, гармоничное целое, и биологическая смерть наступает у них в подобающий, заранее избранный момент. Художник, о котором мы повествуем, пал жертвой убийственного холода марсианской ночи, — погруженный в раздумья, он забыл вовремя вернуться в город; к тому времени, как его хватились, оставленная духом плоть не годилась даже в пищу. Сам же рассеянный творец так и продолжал увлеченно работать, не обратив ни малейшего внимания на собственную смерть.

Марсианское искусство имеет две разновидности: произведения живых авторов — темпераментные, новаторские и несколько примитивные, и работы Стариков — консервативные, крайне сложные и отличающиеся высочайшим техническим мастерством; эти разновидности никогда не смешиваются и оцениваются каждая по своим отдельным меркам.

Но по каким меркам следовало оценивать творение нашего художника, перекинувшее мост от телесного типа к бестелесному? Конечно же, окончательный вариант создан Стариком, однако, с другой стороны, Старик этот даже не знал, что он уже Старик, — с общей для всех творцов рассеянностью он не заметил изменения своего статуса и продолжал работать как телесный художник. А не следует ли считать, что перед нами — особый, отличный от прежних вид искусства? Нельзя

ли создать новые его образцы — неожиданным образом развояплохая погруженных в работу художников? Текли столетия; Старики, находившиеся в непрерывном ментальном контакте, одну за другой обсуждали бесчисленные увлекательнейшие возможности, а телесные марсиане терпеливо ждали их вердикта.

Вопрос представлял тем больший интерес, что рассматриваемое произведение искусства имело религиозный (пользуясь земной терминологией) характер и было весьма эмоциональным: оно описывало контакт с народом пятой планеты; несмотря на всю свою незапамятную древность, событие это оставалось для марсиан живым и значительным — в том же примерно смысле, как распятие Христа, не теряющее своей значимости для людей и по прошествии двух тысяч лет. Марсианская раса познакомилась с существами, населявшими пятую планету, грокнула их во всей полноте и предприняла необходимые действия. Из осколков разрушенной планеты образовался астероидный пояс, а марсиане тысячелетие за тысячелетием продолжали любовно восхвалять ими же уничтоженный народ. Обсуждаемый нами художник предпринял одну из бесчисленных попыток глубоко и всесторонне грокнуть это прекрасное и замечательное событие в рамках одного опуса. Однако, прежде чем судить об удаче или неудаче его попытки, следовало грокнуть, как именно нужно о ней судить.

Удивительно красивая задача.

Недавний житель четвертой планеты Валентайн Майкл Смит абсолютно не интересовался животрепещущей этой проблемой и даже никогда о ней не слышал. И его марсианский опекун, и братья этого опекуна никогда не смущали своего воспитанника вещами, явно непосильными для его понимания. Он, конечно же, знал о разрушении пятой планеты, но только так, как земной школьник знает о Трое и Плимутском Камне, и ни разу не подвергался воздействию таких произведений искусства, которые не смог бы грокнуть. Он получил образование, единственное в своем роде, — несравненно более обшир-

ное, чем его согнезники, однако несравненно меньшее, чем любой из взрослых; дело в том, что опекун и Старики, к которым опекун этот обращался за советами, мимолетно заинтересовались вопросом, какой объем знаний сумеет воспринять чужой детеныш. Результаты эксперимента позволили им понять людей лучше, чем те сами себя понимают, так как Смит с легкостью грокал вещи, неизвестные прежде ни одному человеку.

А в настоящий момент Смит радовался жизни. У него появился новый брат по воде — Джубал, появилась уйма новых друзей, а новые, восхитительные впечатления сменялись с такой калейдоскопической быстротой, что оставалось только запоминать эти впечатления, чтобы пережить их заново когда-нибудь потом, в свободное время.

Однажды брат Джубал заметил, что умение читать сильно ускорит гроканье странного и прекрасного мира Земли; пришлось посвятить обучению целый день, Джилл показывала в книге слова и говорила, как они произносятся. Никаких трудностей не возникало, если не считать необходимости отказаться на этот день от плавательного бассейна, что представлялось Смигу огромной жертвой — купание (когда ему сумели наконец вдолбить, что оно *позволительно*) было для него не просто удовольствием, но источником почти невыносимого религиозного экстаза; только приказания Джилл и Джубала мешали ему пребывать в бассейне по двадцать четыре часа в сутки.

Купаться после наступления темноты не разрешалось, поэтому ночью Смит читал. Он глотал том за томом «Британской энциклопедии», закусывал литературой по медицине и юриспруденции. Однажды брат Джубал застал его за перелистыванием какой-то из этих книг, остановился и начал спрашивать о прочитанном. Смит отвечал очень осторожно — ему сразу вспомнились испытания, проводившиеся Стариками. Брат Джубал был явно расстроен ответами, Смит не понял причины этого, а потому тоже расстроился и впал в медитацию — он был абсолютно уверен, что отвечал точно по книге, хотя кое-что в ней и не грокалось.

Книги книгами, но бассейн нравился ему гораздо больше, особенно когда там плавали Джилл, и Мириам, и Ларри, и Энн, и все остальные, и все весело брызгали друг на друга водой. Плавать Смит научился не сразу, зато сразу выяснил, что умеет делать нечто недоступное остальным; первая же его попытка полежать на дне бассейна привела к насильственному вытаскиванию его из воды. Он чуть не впал в транс, но вовремя сообразил, что шум и суматоха вызваны исключительно беспокойством о его благополучии.

Позднее, по просьбе Джубала, он устроил демонстрацию и блаженствовал под водой долго-долго, а еще позднее начал обучать этому своего брата Джилл, однако ей не понравилось и попытку пришлось оставить. Смит впервые осознал, что новые его друзья не умеют делать некоторых элементарных вещей. Он долго размышлял, пытаясь прогнуть этот факт во всей полноте.

В отличие от Смита, Харшоу не испытывал особой радости. Он жил практически так же, как и прежде, разве что иногда приглядывал за своим подопытным кроликом. Смит не подвергался регулярным медицинским обследованиям, не имел ни строгого распорядка дня, ни программы обучения, а просто жил себе на свободе, как деревенский щенок. Занималась им одна Джилл — этого более чем достаточно, как ворчал Джубал, весьма скептически относившийся к женскому воспитанию.

В действительности же все ее воспитание ограничивалось элементарными правилами поведения в обществе. Теперь Смит ел за столом, научился самостоятельно одеваться (вроде бы; Джубалу все время хотелось спросить у Джилл, так это или нет). Он соблюдал все принятые в этом доме обычаи и быстро обучался всему для себя новому по принципу «делай как я». В начале первого своего обеда за столом Смит пользовался исключительно ложкой (мясо ему резала Джилл), но уже к концу делал небезуспешные попытки есть так же, как и остальные. На следующий раз он продемонстрировал безукоризнен-

ные застольные манеры — в точности такие же, как у Джилл, вплоть до мелких характерных жестов.

Даже выяснив, что Смит читает со скоростью электронного сканера и, похоже, запоминает абсолютно все прочитанное, Харшоу не стал организовывать «исследование» с проверками, измерениями и диаграммами развития — чем больше человек знает, тем острее он чувствует собственное невежество, какой смысл «измерять», если даже непонятно, что именно ты измеряешь? Все его исследования ограничивались краткими заметками, которые он не собирался публиковать.

Наблюдать за тем, как уникальный подопытный экземпляр буквально на глазах обретает внешний облик человеческого существа, было очень интересно, однако настоящей радости Харшоу не испытывал.

Подобно генеральному секретарю Дугласу, он жил в напряженном ожидании, когда же гряхнет второй ботинок.

Харшоу начал действовать против своей воли, с единственной целью предупредить действия противника, и теперь его бесило, что ничего, ровно ничего не происходит. Кой черт, да неужели же вся федеральная полиция состоит из придурков, неспособных выйти на след бесхитростной девицы, протаскившей трупобразного парня чуть не через полстраны? А может, они шли за ней по пятам и теперь обложили дом со всех сторон? Мысль, что какие-то там правительственные шпионы подглядывают за его домом, его крепостью, казалась Харшоу невыносимой — это почти столь же отвратительно, как если бы они вскрывали его письма.

А может, и вскрывают, от этих ублюдков всего можно ожидать! Правительство! Три четверти жадных паразитов, а остальные — дебилы. Никуда, конечно, не денешься, человек — животное общественное и без правительства обойтись не может — примерно так же, как без прямой кишки. Только зачем притворяться, будто неизбежность зла превращает его в добро? Ну что стоит этому драгоценному правительству сходить в лес погулять и заблудиться, на манер Мальчика-с-пальчика и его братьев?

Совершенно не исключено, даже весьма вероятно, что начальнички знают, где спрятан Человек с Марса, но предпочитают ничего не предпринимать. Пока.

И сколько же может продолжаться такое «пока»? Сколько можно держать «бомбу» на боевом взводе?

И еще: где черти носят этого малолетнего придурка Какстона?

— Джубал? — Оклик Джилл Бордман вывел Харшоу из глубин раздумья, ничем, собственно, не более эффективного, чем чесание в затылке.

— А? А, это ты, красавица. Прости, немного задумался. Садись. Выпить хочешь?

— Да нет, спасибо. Джубал, мне это не нравится.

— А что, нормально. Вошла в воду почти без брызг. Посмотрим, получится ли у тебя еще раз.

Джилл закусила губу и стала похожей на обиженную двенадцатилетнюю девочку.

— Я с тобой серьезно, а ты все шуточки. Я очень беспокоюсь.

— А в таком случае, — обреченно вздохнул Харшоу, — вытись сперва. Ветер холодный.

— Мне совсем не холодно. Послушай, Джубал, ничего, если я оставлю Майка здесь?

Харшоу недоуменно моргнул:

— Конечно. Все будет в порядке, девочки за ним присмотрят. А ты что, куда-нибудь собралась?

Джилл не решалась смотреть ему в глаза.

— Да.

— М-м-м... ты можешь жить здесь сколько угодно. Но если хочешь уехать — кто же вправе тебя задерживать?

— Ты не так понял, я совсем не хочу уезжать!

— Так и не уезжай.

— Я не хочу, а *должна*.

— Ну-ка, ну-ка, повтори, что-то я плохо расслышал.

— Да неужели же ты не понимаешь? Мне у тебя очень нравится, и ты нам очень помог. Но я не имею права так вот здесь сидеть и ничего не делать. Нужно искать Бена.

—!! — выразительно сказал Харшоу, а затем добавил: — Ну и как же ты намерена его искать?

— Не знаю, — еще больше помрачнела Джилл. — Но только не могу же я лежать тут на боку и плескаться в водичке, когда Бен исчез.

— Бен давно уже вышел из младенческого возраста и вполне способен сам о себе позаботиться. Ты ему не мамочка и даже не жена. А я ему не опекун. Ни ты, ни я совсем не обязаны его искать — уж с этим-то ты можешь согласиться?

Джилл задумчиво ковыряла ногой в песке.

— Да, — кивнула она, — у меня нет перед ним никаких обязательств. Я только знаю... я знаю, что если бы пропала я, Бен бросился бы искать — и искал бы, пока не нашел. Поэтому и я обязана искать *его*.

На этот раз Джубал выругался не коротко, а длинно и цветисто.

— Ну ладно, — добавил он, — попробуем по порядку. Ты собираешься нанять частных сыщиков?

— Вероятно, да. — Вид у Джилл был совсем несчастный. — Только я никогда раньше этого не делала. Они много берут?

— Очень.

Джилл судорожно сглотнула.

— А может, они согласятся в рассрочку, с ежемесячными взносами.

— Вот уж фиг, у этих ребят принцип один — деньги на кон, отец дьякон. Да ты не плачь, не плачь, я поднял эту тему только для того, чтобы сразу же с ней и покончить. Я уже поручил поиски Бена лучшим из имеющихся профессионалов — так что тебе нет никакой необходимости нанимать второсортных и влезать для этого на всю жизнь в долги.

— Ты же ничего не говорил!

— Не видел необходимости.

— Но... А что им удалось выяснить?

— Ничего, — признал Джубал. — Именно потому я ничего не говорил, не хотел расстраивать тебя попусту. Мне казалось, — помрачнел он, — что ты слишком уж дергаешься. Сперва я согласился с помощником Бена, этим самым Килгалленом, что твой лихой журналист бросился по какому-нибудь горячему следу, соберет материал и сразу появится. А теперь, — эти слова сопровождались печальным вздохом, — я так больше не думаю. Этот дуболом Килгаллен — у него, видите ли, есть записка от шефа, извещающая, что тот будет в отлучке. Мой агент сумел сфотографировать эту записку; так вот, Бен не оставил ее, а прислал.

На лице Джилл появилось недоумение.

— А почему же он мне ничего не послал? Это очень на Бена не похоже, он никогда таких вещей не забывает.

Джубал подавил стон.

— Джиллиан, покрути мозгами. Ты что, считаешь, если на клетке написано «крокодил», так там обязательно сидит крокодил? Ты добралась сюда в пятницу, а этот факс был получен из Филадельфии, со станции Паоли, предыдущим утром в половине одиннадцатого, если быть точным — в четверг, в десять тридцать четыре утра. Получен прямо в момент передачи — у Бена в кабинете стоит собственный факс. И вот скажи мне теперь, чего бы это ради Бен отправлял факс в свою редакцию — в рабочее, заметь, время — вместо того чтобы позвонить?

— Странно, он бы вроде не должен, во всяком случае я бы так не сделала. Все всегда пользуются телефоном, и...

— Ты не Бен. У него мог найтись десяток самых разнообразных причин. Чтобы никто ничего не перепутал. Чтобы в архивах «Ай-Ти-Ти» сохранилась копия, которую можно будет предъявить в случае какой-нибудь юридической заморочки. Чтобы послать сообщение с задержкой. Да все что угодно. Килгаллен не усмотрел в таком способе ничего странного, да и вообще, раз Бен держит у себя в кабинете факс — значит он им пользуется. Однако, — продолжил Джубал, — факсограмма

создает впечатление, что в четверг в десять тридцать четыре утра Бен находился на станции Паоли. Джилл, оттуда сообщение не отправляли.

— Но...

— Помолчи немного. Сообщение зарегистрировали там, но отправили из другого места. Текст либо пишут на бланке, либо передают по телефону. Если текст написан на бланке, его передают адресату в виде факсимиле, с сохранением почерка и с подписью, в то время как текст, надиктованный по телефону, нужно сперва напечатать.

— Ну конечно.

— Так что же, Джилл, у тебя так и не появляется никаких мыслей?

— Н-ну... знаешь, Джубал, у меня сейчас голова совсем не работает.

— Не терзайся, я сперва тоже ни о чем не догадался. Но сыщик, работающий на меня, парень очень ушлый, он состряпал себе липовые документы на имя Килгаллена, адресата, а по фотографии, снятой под самым носом одного Килгаллена, изготовил поддельный факс. Ну, а потом отеческие его манеры и честнейшее лицо убедили юную особу из почтовой конторы растрепать такие вещи, о которых она обязана молчать — пока не получит судебного постановления. Что весьма и весьма прискорбно. Вообще-то говоря, она не должна была запомнить какую-то там факсограмму — в уши вошло, напечатано и напроць забыто, только где-то там в архиве осталась копия. Но юная наша связистка оказалась поклонницей Бена, она читает каждую его колонку, да еще на ночь, — ты представляешь себе, какой это ужас? — Джубал поморгал, повернул голову в сторону и взревел: — *К ноге!*

Словно по волшебству, рядом с ним появилась голая и мокрая Энн.

— Ты напомни, — сказал Джубал, — чтобы я написал статью о болезненном пристрастии к чтению новостей. Тема: по большей своей части невроты происходят от нездоровой при-

вычки бултыхаться в горестях и бедах пяти миллиардов незнакомых тебе людей. Заголовок будет «Трепотня без конца и без края»... нет, лучше «Оплетенные сплетней».

— Куда-то тебя, шеф, не туда заносит, патология какая-то.

— Ничего подобного, я шагаю в ногу, это все остальные — не в ногу. Проследи, чтобы я написал ее на той неделе. А сейчас — испарись, я занят. Так вот, — он снова повернулся к Джилл, — она заметила фамилию Бена и чуть не описалась от восторга — как же, такое редкое счастье поговорить со своим кумиром, — и тут же расстроилась, что Бен пожмотничал и оплатил только голос, но не изображение. Да, она все это прекрасно запомнила... и запомнила, в частности, что звонил Бен из телефона-автомата, и не откуда-нибудь, а из славной нашей столицы города Вашингтона.

— Из Вашингтона? — тупо повторила Джилл. — Но почему же он тогда...

— Вот именно! — раздраженно воскликнул Джубал. — Из той вашингтонской будки он мог связаться со своим помощником напрямую, это в сто раз проще, быстрее и дешевле, чем звонить в Филадельфию и чтобы потом его сообщение передавали обратно в Вашингтон. Бред, чушь собачья. А с другой стороны — может, и не чушь, а просто Бен тут что-то жульничает. Можешь уж не сомневаться, из него подобные штучки льются так же легко и непринужденно, как из птички — песня. Играя все время по-честному и в открытую, не станешь уинчеллом.

— Бен совсем не уинчелл! Он — липпман.

— Прости, милая, мне все эти дела, как выражается ваше поколение, до лампочки, так что я в них немного путаюсь. Возможно, он считал, что телефон в конторе прослушивается, а с факсом все чисто. Или, наоборот, считал, что шпики подключились и туда, и туда — и хотел при помощи факсограммы из Филадельфии убедить их, что уехал из Вашингтона, и надолго. В каком случае, — нахмурился Джубал, — найдя Бена, мы окажем ему медвежью услугу. Возможно, даже подвергнем его жизнь опасности.

— Нет, Джубал!

— «Нет, Джубал», — устало передразнил ее Харшоу. — Не нет, а да. Бен все время ходит по самому краешку, на этом он и сделал себе репутацию. А тут, похоже, добегался наш зайчишка. Пойми, Джилл, твой дружок ни разу еще не связывался с таким опасным делом. И если он исчез по своей воле — что вполне возможно, — неужели ты захочешь привлекать к этому факту внимание? Килгаллен великолепно его прикрывает; колонка появляется каждый день, как часы. Я обычно ее не читаю, но на всякий случай проверил.

— Статьи, записанные заранее. Мне мистер Килгаллен объяснил.

— Конечно. Обличение гнусных методов ведения избирательных кампаний и финансовых махинаций — беспроектный вариант, как призывы к празднованию Рождества. Таких статей в редакции наверняка целый ворох. А может, Килгаллен сам их пишет. Как бы там ни было, по всеобщему представлению, Бен Какстон так и продолжает вещать со своей картонной трибуны. Откуда знать, а вдруг он все это спланировал? А вдруг он был в такой опасности, что не решился тебе позвонить? Ну так что?

Джиллиан испуганно огляделась — все вокруг казалось почти невыносимой буколической идиллией — и зарыла лицо в ладони.

— Джубал... Джубал, а что же тогда делать?

— Ну-ка, ну-ка, ты это прекрати, — прикрикнул на нее Харшоу. — И не смей в моем присутствии по Бену слезы лить. Ничего хуже смерти с ним не случится — а ведь такое предстоит и всем нам, кому — через несколько дней, кому — через несколько лет. Ты бы с Майком поговорила, он боится «развоплощения» гораздо меньше, чем выговора. Может, он и прав, конечно. Да если бы я сообщил нашему марсианину, что решил поджарить его на обед, он поблагодарил бы меня за оказываемую честь, захлебываясь от радости и счастья.

— Знаю, — уныло кивнула Джилл, — но как-то не очень способна разделить его философский подход.

— Вот и я тоже, — весело признался Харшоу. — Но я уже начинаю понимать эту — весьма утешительную для человека моего возраста — точку зрения. Способность расслабиться перед неизбежным и получать удовольствие — я воспитывал ее в себе всю свою жизнь... и вот, пожалуйста, какой-то младенец с Марса, едва достигший возраста, когда пускают к избирательной урне, настолько дурковатый и неопытный, что его и через деревенскую-то улицу нужно за ручку переводить, чтобы телегой не переехало, — он убедил меня, что это я только-только начинаю ходить в детский сад. Вот ты, Джилл, спрашивала, можно ли оставить здесь Майка. Господи, да я готов силой его здесь удерживать — пока не узнаю все то, что он знает, а я — нет. Вот, скажем, эта история с «развоплощением» — это ведь не о том, что жизнь невыносима. Тут же нет ровно ничего от фрейдовского «стремления к смерти» и даже ничего от «все, как ни вьются реки». Тут уж, скорее, по Стивенсону: «Я радостно жил и легко умру». Насчет Стивенсона я сильно подозреваю, что тот попросту подбадривал себя перед лицом неизбежного — или впал на последней стадии своей чахотки в эйфорический бред. Но вот Майк — он же почти уверил меня, что знает, о чем говорит.

— Возможно, — все так же уныло откликнулась Джилл. — Но я просто боюсь за Бена.

— И я тоже, — признался Джубал. — Ладно, Майка мы в другой раз обсудим. Я, собственно, тоже не думаю, что Бен прячется.

— Но ты ведь говорил...

— Подожди. Мои шерлоки холмсы не ограничились редакцией «Пост» и станцией Паоли. В четверг утром Бен посетил Бетесдинский медицинский центр, в сопровождении адвоката и Честного Свидетеля — самого Джеймса Оливера Кавендиша, если ты что-нибудь в этом петришь.

— Боюсь, что нет. Никогда о таком не слышала.

— Неважно. Тот факт, что Бен нанял именно Кавендиша, показывает серьезность намерений — по воробьям из пушек не стреляют. Они добились встречи с «Человеком с Марса».

— Не может быть, — судорожно выдохнула Джилл.

— Джилл, ты оспариваешь показания Честного Свидетеля... и даже не просто Честного Свидетеля, а самого Кавендиша. Если он что-нибудь утверждает — это такая же истина, как Святое Писание.

— Да будь он хоть все двенадцать апостолов в одном лице — не было его на моем этаже в тот четверг. Ни его, ни Бена, ни какого-то там адвоката.

— А ты слушай повнимательнее. Я же и не говорю, что их провели к Майку, я сказал, что они добились встречи с «Человеком с Марса». Совершенно очевидно, что с тем, липовым, которого показывают по телевизору.

— А-а. Ну конечно. И Бен поймал их за руку!

— Так, девочка, медленно считай про себя до десяти тысяч и не перебивай меня, пока я не закончу, — болезненно поморщился Джубал. — К сожалению, никого Бен ни за какое место не поймал. Этого не сумел сделать даже Кавендиш — а если и сумел, то никому не признается и не признается. Ты же знаешь кодекс поведения Честных Свидетелей.

— Н-ну... нет, не знаю. Я их никогда не видела.

— Не видела? Энн!

Сидевшая на вышке для прыжков Энн обернулась.

— Энн, — снова крикнул Джубал, — вон тот дом, на вершине холма, какого он цвета?

Энн взглянула в указанном направлении.

— С этой стороны он белый, — ответила она, даже не любопытствовав, зачем Джубалу понадобилось это знать.

— Вот видишь? — Харшоу снова повернулся к Джилл. — Ей и в голову не приходит предположить, что и остальные стены дома тоже белые. И вся королевская рать не заставит Энн что-то сказать о цвете этих стенок — разве что она сходит туда и посмотрит. Но даже и тогда она не станет утверждать, что стенки так и остались белыми после ее ухода.

— Так что же, значит, Энн — Честный Свидетель?

— Полное образование, неограниченная лицензия, право давать показания Верховному Суду. Можешь расспросить ее

на досуге, почему она перестала практиковать. Только не планируй на тот день никаких других дел — настырная девица будет излагать тебе правду, всю правду, ничего кроме правды, а на это уходит уйма времени. Но вернемся к нашим мутонам, а точнее, к мистеру Кавендишу. Бен нанял его для открытого свидетельствования, безо всяких ограничений и без сохранения задания в тайне. Поэтому когда Кавендиша начали спрашивать, он отвечал со всеми утомительными подробностями. Интереснее всего было не то, что он говорил, а то, чего он *не* говорил. Он ни разу не сказал, что человек, которого они видели, *не* является Человеком с Марса... но при этом ни одно слово Кавендиша не дает оснований утверждать, что он считает предъявленный им экспонат Человеком с Марса. Знай ты Кавендиша, ты поняла бы, что это полностью решает вопрос. Если бы он видел Майка, он описал бы его с такой точностью, что и ты, и я были бы *уверены*, что он видел именно Майка. Ну вот, например, Кавендиш описывает форму ушей «Человека с Марса» — и она не такая, как у Майка. Че-тэ-дэ: ни Кавендиш, ни Бен Майка не видели, им всучили липу. Кавендиш прекрасно это понимает, но сказать об этом не может — его удерживает профессиональный кодекс.

— Я же и говорила, не было их на моем этаже.

— Но пойдем дальше. Все это произошло задолго, точнее, за восемь часов до того, как ты провернула свой номер с побегом; по словам Кавендиша, они увидели липового Смита в четверг утром, в девять часов четырнадцать минут. В этот момент настоящий Майк был еще на месте, в том же самом здании — и его вполне могли предъявить. Однако же правительственное жулье рискнуло продемонстрировать самому знаменитому в стране Честному Свидетелю не его, а фальшивку. Почему?

Джубал выжидательно посмотрел на Джилл.

Она пожала плечами:

— Это что, риторический вопрос? Я не знаю. Бен собирался спросить Майка, не хочет ли тот покинуть больницу, а получив положительный ответ — забрать его оттуда.

— Он и сделал такую попытку — с предъявленным ему актером.

— Ну и что? Джубал, они же ничегошеньки не знали о намерениях Бена. К тому же Майк с ним никуда бы не пошел.

— Но тебе-то он не отказал.

— Да, потому что я уже была его «братом по воде», так что тут сравнивать нечего. Бред, конечно, но Майк безоговорочно доверяет любому человеку, с которым «разделил воду», например тебе. Общаясь с «братом по воде», он до идиотизма послушен, а с кем угодно другим — упрям как осел. Бен с ним не справился бы. Во всяком случае, — добавила Джилл, — так было на прошлой неделе. Майк меняется поразительно быстро.

— Да уж. Пожалуй, даже слишком быстро. Посмотри хотя бы, с какой скоростью он обрывает мышцы, — я глазам своим не верю. Жаль, что я его не взвесил сразу, как вы сюда приехали. Ладно, сейчас мы разбираемся не с ним, а с твоим пропавшим приятелем. Как сообщил Кавендиш, Бен посадил его и адвоката, парня по фамилии Фрисби, в девять тридцать одну, а сам остался в такси. Неизвестно, куда Бен после этого отправился, но через час он — или некто, назвавшийся его именем, — передал в Паоли эту самую факсограмму.

— Так ты не думаешь, что это был Бен?

— Не думаю. Кавендиш сообщил номер машины, и мои агенты попытались заглянуть в память ее автопилота. Если Бен пользовался кредитной карточкой, на пленке должен был остаться номер его счета, но даже если он платил наличными, очень интересно узнать, где эта машина побывала в четверг.

— Ну и что?

— Ну и ничего. Судя по записям, в четверг интересующее нас такси было в ремонте и никуда не летало. Так что одно из двух: либо Честный Свидетель неверно запомнил номер, либо кто-то подчистил запись. Не знаю, — пожал плечами Джубал, — может, присяжные решат, что даже Честный Свидетель способен ошибиться, особенно если никто не просил его запомнить этот номер. Лично я в такое не верю, особенно когда Свидетель — Джеймс Оливер Кавендиш. При малейшем сомнении он бы ничего не сказал... Ты, Джилл, буквально нуждаешь меня лезть в эту неприятную историю, а мне это со-

всем не нравится, — хмуро добавил он по размышлении. — Допустим на минуту, что звонил в Паоли сам Бен; даже и тогда вряд ли он стал бы мухлевать с памятью такси, и уж совсем невероятно, чтобы у него были к тому причины. Бен куда-то направился, а затем некто, имеющий доступ к архивам общественного транспорта, приложил все старания, чтобы скрыть, куда именно он направился... а вдобавок не поленился послать липовую факсограмму с целью убедить всех, что с Беном ничего не случилось и никуда он не исчез.

— Исчез! Скажи уж лучше, его похитили!

— Поосторожнее, Джилл, не надо таких громких слов, «похитили» — это уголовное преступление.

— А как же еще это называть? Не понимаю, Джубал, ну как ты можешь сидеть тут и спокойно рассуждать, когда нужно кричать с каждой...

— Ну-ка, замолчи! Видишь ли, Джиллиан, нельзя исключать, что Бен не похищен, а убит.

— Да, — мгновенно поникла Джилл. — Вот этого-то я и боюсь.

— Но раз мы не видели трупа — нужно считать твоего дружка живым. Ты знаешь, Джилл, чего при похищении нельзя делать ни в коем случае? Поднимать шум и крик — перепугавшись, похититель почти наверняка угробит свою жертву.

Джиллиан с трудом сдерживала слезы.

— Должен признаться, — виновато продолжал Джубал, — очень похоже, что Бена убили. Слишком уж долго его нет. Но мы решили считать, что он жив, пока не удостоверимся в обратном. Ты хочешь его искать. Ну и каким же, интересно, способом намерена ты это делать? Причем — не увеличивая риск, что неизвестные нам похитители пойдут на крайние меры?

— Как это — неизвестные? Мы же знаем, кто они такие?

— Ты так думаешь?

— Конечно! Те же самые люди, которые держали Майка в заключении. Правительство.

— Нет, полной уверенности у нас нет. Это всего лишь предположение, основанное на известных нам намерениях Бена, —

пожал плечами Харшоу. — Своей колонкой Бен нажил себе уйму врагов, и не только в правительстве. Готов согласиться, что другого предположения мы сделать не можем, но что такое «правительство»? Это же несколько миллионов человек. В одном Вашингтоне — миллион чиновников. Нужно задаться вопросом: на чью конкретно мозоль он наступил? Кто его так возненавидел?

— Да ведь я же передавала тебе слова Бена, его главный противник — генеральный секретарь Дуглас.

— Нет, — покачал головой Харшоу. — Кто бы там и что ни говорил, генеральный секретарь никогда не будет замешан ни в какой уголовщине — даже в том случае, если уголовщина эта будет ему очень на руку. Никто никогда не докажет, что он знал о каких-то незаконных делах. Вполне, кстати, возможно, что он и вправду не знает, во всяком случае, о той их части, которая связана с физическим насилием. Нам нужно узнать, кто именно из порученцев генерального секретаря вел эту операцию. Задача совсем не такая безнадежная, как могло бы показаться, — во всяком случае, я так думаю. Когда Бен прилетал в вашу больницу, там был один из помощников Дугласа — сперва он отговаривал Бена, а потом сопровождал его к своему липовому «Смиту». Так вот, начиная с прошлого четверга этого высокопоставленного шестерилу никто и нигде не видел — в точности, как и Бена. Я не думаю, что это простое совпадение; судя по многим данным, именно он — главная фигура в этом деле. Найдя его, мы можем найти и Бена. У меня есть основания предполагать, что этот тип, Гильберт Берквист...

— *Берквист?*

— Ну да. Так вот, у меня есть все основания... в чем дело, Джилл? Ты только не хлопайся, пожалуйста, в обморок, а то придется закинуть тебя в бассейн.

— Джубал, этот твой Берквист — он один такой или есть другие Берквисты?

— Как? Похоже, что один, но зато такая сволочная сволочь, каких еще поискать. Во всяком случае, в аппарате Дугласа других Берквистов нет. А ты что, с ним знакома?

— Не знаю. Но если это тот самый... тогда его можно не искать.

— М-м-м... ну-ка, девица, колись.

— Джубал, ты уж прости меня, пожалуйста, но я не все рассказала.

— Так оно обычно и бывает. Ну ладно, хоть теперь-то рассказывай.

Спотыкаясь и запинаясь, Джилл поведала Джубалу историю о Людях, Которые Исчезли.

— Вот и все, — виновато заключила она. — Тогда я закричала, и Майк испугался, и он впал в транс, и в результате мне было страшно трудно сюда добраться. Об этом я уже говорила.

— М-м-м... да. Жаль, что ты не рассказала тогда и всего остального.

Джилл смущенно покраснела:

— Я думала, мне никто не поверит. И еще — очень боялась. Джубал, а с нами могут что-нибудь сделать?

— Что сделать? — удивился Харшоу.

— Ну... в тюрьму посадить или еще что.

— Вот ты о чем. Да будет тебе, милая, известно, за присутствие при сотворении чуда не судят, равно как и за само чудотворство. Но тут неизбежно возникает больше вопросов, чем звезд на небе и песчинок на дне морском, вместе взятых. Ты помолчи немного, а я подумаю.

Молчал Джубал минут десять, после чего открыл глаза и спросил:

— А где это наш трудный ребеночек? Скорее всего, на дне бассейна...

— Конечно.

— ...а потому тебе поручается вытащить его оттуда и препроводить в мой кабинет. Любопытно посмотреть, сумеет ли он повторить этот номер, а зрители нам не нужны. Нет, один зритель нам нужен. Скажи Энн, чтобы обрядилась в этот дурацкий балахон, — она понадобится мне в своем профессиональном качестве. И Дюка тоже позови.

— Есть, начальник.

— А по какому, собственно, праву ты называешь меня начальником? Ты мне налоговую базу не уменьшаешь.

— Хорошо, Джубал.

— М-м-м... даже и ума не приложу, кем бы можно было пожертвовать. Как ты думаешь, умеет Майк работать с неодушевленными предметами?

— Не знаю.

— Ничего, скоро выясним. Вытащи его и приведи в чувство. — Джубал на некоторое время смолк. — Но какой все-таки великолепный способ избавляться... нет, не будем поддаваться искушению. Ладно, действуй, увидимся наверху.

12

Одетая в предписанную гильдией белую мантию, Энн подняла голову на входящую в кабинет Джилл, но даже не поздоровалась. Джилл нашла себе стул и тихо присела — творческий процесс был в самом разгаре.

— ...из-под распростертого на полу тела, — диктовал, не обращая внимания на новопришедшую, Джубал, — постепенно пропитывая угол ковра; рядом с камином уже успела образоваться темно-красная лужица, над которой кружили две мухи, не нашедшие себе, по-видимому, более интересного занятия. Мисс Симпсон прижала руку ко рту. «Боже мой! — расстроено пробормотала она. — Папочкин любимый ковер с концами. Да и папочка вроде тоже». Конец главы, Доркас, и конец первой части. Аванс отработан, пусть платят дальше. Отошли сегодня же. И — мотай отсюда.

Доркас прихватила свою стенографирующую машинку и ушла, улыбнувшись на прощание Джилл.

— А где Майк? — спросил Джубал.

— Одевается, — пожала плечами Джилл. — Сейчас придет.

— Одевается? — возмутился Джубал. — Что ему тут, светский раут?

— Надо же ему одеться.

— Зачем? Меня абсолютно не интересует, как все вы по дому бегаете, в шубах или телешом. Сегодня жарко. Гони его сюда.

— Не надо, Джубал, нужно же ему научиться.

— Тьфу. Ты навязываешь ему свою узколобую, ханжескую, провинциальную мелкобуржуазную мораль.

— И ничего подобного, просто я прививаю ему необходимые повседневные навыки.

— Навыки, мораль — да какая тут разница? Милостью божьей — ну и, конечно же, благодаря твоей шустрости — тут оказалась личность, не запятнанная психотическими табу нашего готтентотского племени, — и теперь ты вознамерилась превратить его в заурядного конформиста, из каких состоит чуть не все население этой трусливой страны. Может, ты еще и портфель ему купишь? И внушишь, чтоб без портфеля людям на глаза не показывался, иначе засмеют.

— Ни во что такое я Майка не превращаю, просто хочу, чтобы он не попадал на каждом шагу в дурацкое положение. Все для его же пользы.

— Вот-вот, — фыркнул Харшоу. — Именно это сказали ко-ту, прежде чем отрезать ему яйца.

Джилл возмущенно вскрикнула и, судя по выражению лица, начала медленно считать до десяти.

— Это ваш дом, доктор Харшоу, — сказала она, вставая, — и мы перед вами в долгу. Хорошо, я приведу Майка.

— Садись — и оставь тщетные попытки быть такой же мерзкой, как я. У меня за плечами десятилетия тренировки. Давай разберемся сразу: ни в каком ты передо мной не в долгу. Это просто невозможно — все, что я делаю, я делаю исключительно для собственного удовольствия. Как и все остальные обитатели этой планеты, с той лишь разницей, что я это четко осознаю. Так что не изображай, пожалуйста, никаких несуществующих долгов, ведь еще немного, и ты попытаешься вызвать у себя чувство благодарности, а это — первый опасный шаг на пути к полному моральному разложению. *Грокаешь?*

Джилл упрямо закусила губу, но тут же улыбнулась.

— Только я не очень понимаю, что это такое — грокать.

— Я тоже не понимаю, но полон твердой решимости учиться у Майка, пока не пойму. Ты только не подумай, что я шучу. «Благодарность» — просто эвфемизм для оскорбленного негодования. Вообще-то, мне безразлично, кто там и за что на меня обижается, обидно только, если это хорошенькая девушка и ни за что ни про что.

— Какие глупости, Джубал, я совсем на тебя не обижаюсь.

— Надеюсь. Но если ты не вырвешь с корнем весь этот бред насчет какого-то там твоего передо мной долга, то скоро начнешь. У японцев есть пять различных формулировок для «благодарю вас» — и все они обозначают различную степень оскорбленной неприязни. Вот бы английскому языку такую внутреннюю честность! Но зато английский может дать определение чувств, на которые нервная система человека попросту не способна. Например, «благодарность».

— Джубал, ты заскорюзлый старый циник. Я благодарна тебе — и буду благодарна впредь.

— А ты — малолетняя сентиментальная дура, то есть мы составляем взаимодополняющую пару. В честь чего давай смотаемся на выходные в Атлантик-Сити вдвоем, без никого больше, — и погрузимся в пучину порока.

— Джубал!

— Ну что, убедилась, чего стоит вся твоя благодарность?

— Поймал. Ладно, я готова. Когда летим?

— Она, видите ли, готова, — фыркнул Харшоу. — Сорок лет назад, вот тогда нужно было соглашаться. Ну а возвращаясь к теме, ты абсолютно права, Майку необходимо знать здешние обычаи. Он должен разуваться, входя в мечеть, надевать шляпу, входя в синагогу, и прикрывать свою наготу во всех требуемых нашими предрассудками случаях, иначе шаманы сожгут его живьем за нарушение приличий. Но только, ради всех неисчислимых обличий Ангра-Майнью, не занимайся промыванием мозгов. Пусть он воспринимает все это со здоровым цинизмом.

— М-да. Не знаю уж, получится ли. В Майке нет ни грана цинизма.

— Действительно? Придется оказать тебе помощь. Интересно, чего это он столько копается?

— Сбегаю посмотрю.

— Одну минутку. Я уже объяснил тебе, почему совсем не тороплюсь обвинять кого-то в похищении Бена, да и сведения, полученные в ходе его поисков, подтверждают правильность такого тактического подхода. Если он незаконно задержан (употребляя самое мягкое из выражений), своим бездействием мы не загоняем этого «кого-то» в угол, иначе ему захочется избавиться от улик, сиречь от Бена. У живого человека всегда есть шансы остаться в живых. Но я предпринял некоторые шаги, в первую же ночь, как вы сюда прибыли. Библию знаешь?

— Да не очень.

— А зря. Книга вполне заслуживает изучения. В ней содержатся советы почти на каждый случай. «Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет...», Иоанн, глава такая-то — стих такой-то — Иисус Никодиму. Я не больно-то верил, что тебе удалось замести следы, а потому ожидал скорого прихода гостей, которые захотят забрать Майка. Место тут уединенное, сопротивляться мы не в силах, есть только одно оружие, способное их остановить. Свет. Сверкающие прожекторы гласности. Я устроил так, что любая происходящая здесь заварушка мгновенно будет освещена средствами массовой информации, и не по мелочам, а так, что не заглушишь и не скроешь, — большими дозами и по всему миру одновременно. Где там установлены камеры и как организована с ними связь — все это мелочи, главное в том, что начавшийся здесь скандал сразу же будет показан тремя телевизионными компаниями, одновременно с чем очень многие важные персоны — те из них, кто будет в восторге от возможности прихватить достопочтеннейшего генерального секретаря на жареном, — получают подробные объяснительные записки, составленные заранее и хранящиеся в надежных руках. Однако, — слегка нахмурился Харшоу, — сколько же можно держать все это в боевой готовности! Вначале основной моей заботой было двигаться поскорее — я ожидал, что неприятности начнутся с секунды на секунду.

А теперь, пожалуй, придется этих ребят малость расшевелить, пока все организованное мной еще не развалилось.

— Расшевелить — но каким образом?

— Вот именно — каким? Я уже три ночи не сплю, аппетит потерял, все думаю, а эта твоя история, случившаяся в Беновой квартире, навела меня на некую мысль.

— Ты уж прости, Джубал, что я не рассказала раньше. Я думала, любой услышавший такое посчитает меня свихнувшейся, и была просто счастлива, когда ты поверил.

— А кто тебе сказал, что я поверил?

— Как? Но ведь ты...

— Джилл, я почти уверен, что ты правдиво описываешь мне свои переживания. Но ведь сон тоже может быть вполне живым, почти неотличимым от реальности переживанием, не говоря уж о гипнотическом внушении. А вот все, что произойдет в этом кабинете, будет зафиксировано нашей Честной Свидетельницей и камерами, которые, — он нажал кнопку, — уже включены. Вряд ли кто-либо может загипнотизировать камеры, а уж Энн, находящуюся при исполнении обязанностей, — и тем более. Ближайший час покажет, с какой именно новизной «истины» мы имеем дело; исходя уже из этого, мы выберем способ принудить власть предержавших швырнуть второй ботинок и — буде такая возможность представится — поможем Бену. Беги за Майком.

В отсутствии Майка не было ничего загадочного. Он привязал левый ботиночный шнурок к правому, встал, запнулся, шлепнулся ничком и, в процессе, почти безнадежно затянул узелки. Остальное время ушло на то, чтобы детально проанализировать положение, разобраться в путанице шнурков, развязать их и завязать наново. Он даже не подозревал, что задерживается, но зато очень расстраивался из-за своей неспособности верно повторить показанное Джилл действие. К ее приходу сложная операция была уже благополучно завершена, однако Майк с горечью признался в первоначальной неудаче.

Джилл причесала его, кое-как успокоила и повела в кабинет.

— Привет, сынок, — поднял голову Джубал. — Садись.

— Привет, Джубал, — торжественно произнес Валентайн Майкл Смит. И сел. И начал ждать.

Джилл с трудом избавилась от впечатления, что Майкл церемонно поклонился, хотя на самом деле он даже не кивнул.

— Ну как, мальчик, — поинтересовался Харшоу, — многому сегодня научился?

Смит радостно улыбнулся, сделал обычную свою паузу и ответил:

— Сегодня я научился прыжку в полтора оборота. Это когдаходишь в воду после...

— Знаю, видел. Брызг многовато. Старайся не сгибать колени, ступни держи вместе, а носки оттягивай посильнее.

Смит заметно погрузтел.

— Я правильно этого не сделал?

— Все было очень правильно, для первого раза. Понаблюдай за Доркас.

Смит тщательно обдумал полученный совет.

— Вода грокает Доркас. Она его лелеет.

— Ее. Доркас — «она», а не «он».

— Ее, — поправился Смит. — Так, значит, мое говорение было неверным? Но я прочитал в вебстеровском Новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс, что при устной речи мужской род включает в себя и женский. В книге Хагорта «Договорное право», пятое издание, Чикаго, Иллинойс, тысяча девятьсот семьдесят восьмой год, на странице тысяча двенадцатой сказано, что...

— Тише, тише, — поспешно оборвал его Харшоу. — Дело не в тебе, а в особенностях английского языка. Формы мужского рода действительно включают в себя и женский, но только в тех случаях, когда говорится о группе лиц, а не об одной конкретной женщине. Запомни, Доркас всегда «она», а не «он».

— Я это запомню.

— Да уж постарайся, пожалуйста, а то еще спровоцируешь Доркас доказать тебе, насколько она женщина.

Харшоу задумчиво поморгал.

— Слушай, Джилл, а этот парень, он спит с тобой? Или вообще с кем-нибудь из вас?

Джилл немного помедлила, а затем ответила абсолютно бесстрастным голосом:

— Насколько мне известно, Майк вообще не спит.

— Ты мне не ответила.

— Можешь считать, что я сделала это вполне намеренно. Но если ты так уж интересуешься, могу сообщить, что со *мной* он не спит.

— М-м-м... ну чего, спрашивается, колючки топорщить? У меня же чисто научный интерес. Ладно, продолжим в другой раз. Майк, так чему ты там еще научился?

— Я научился двум методам завязывания ботиночных шнурков. Один из них пригоден только для лежания, а второй — для хождения. Еще я научился спряжению. Аз есмь, ты еси, он есть, мы есмь, вы есте, они суть, я бых, ты бы...

— Ладно, ладно, достаточно. Что еще?

Майк восторженно улыбнулся:

— До вчера я учусь водить трактор, сильно, ярко и прекрасно.

— Как? — Харшоу повернулся к Джилл. — Где это было?

— Вчера днем, пока ты спал. Не бойся, Дюк следил, чтобы с ним ничего не случилось.

— М-м-м... да. И, похоже, уследил. А ты что-нибудь читал?

— Да, Джубал.

— И что же именно?

— Я прочитал, — начал перечислять Майк, — еще три тома энциклопедии, от Магриба до Мюрата, от Мюрата до конца буквы О, от П до плантации. Ты говорил, чтобы я не читал слишком много энциклопедии за один раз, поэтому я остановился. Потом я прочитал трагедию «Ромео и Джульетта», написанную Уильямом Шекспиром. Потом я прочитал «Записки Джакомо Казановы, шевалье де Сенгальта», переведенные

на английский язык Артуром Мейченом. Потом я прочитал «Методику перекрестного допроса» Фрэнсиса Уэллмана. Потом я старался грокнуть прочитанное, но тут пришла Джилл и сказала, что я должен идти завтракать.

— Ну и как, грокнул ты все это?

На лице Смита появилось смущение.

— Не знаю, Джубал.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Я не грокнул прочитанное во всей его полноте. Я читал историю, описанную Уильямом Шекспиром, и был очень счастлив, когда Ромео умер. А потом я прочитал дальше и узнал, что Ромео развоплотился преждевременно — если только я верно это грокнул. Почему он развоплотился?

— А потому, что у этого недоноска крыша съехала.

— Извини?

— Не знаю я, Майк.

Смит задумался. Затем он пробормотал несколько слов по-марсиански и тут же их перевел:

— Я всего лишь яйцо.

— Да? Ты говоришь так, когда хочешь о чем-нибудь попросить. Ну и что же на этот раз?

Смит замер в нерешительности.

— Брат мой Джубал, — выпалил он наконец, — не будешь ли ты добр, пожалуйста, спросить Ромео, почему он развоплотился? Я не могу его спросить, я всего лишь яйцо. А ты можешь — и потом ты сможешь передать мне гроканье этого случая.

Дальнейший разговор стал путанным и невнятным. Как трудно понять, Майк считал Ромео вполне реальной личностью и надеялся, что Джубал вызовет дух Ромео и потребует, чтобы тот отчитался за свое прошлое, еще при жизни, поведение. Как объяснить, что Монтекки никогда не существовали и Капулетти — тоже? Понятие вымысла полностью выходило за рамки жизненного опыта Майка, неизвестно даже, с чего начать. Неуверенные попытки Джубала привели к единственному результату — Джилл испугалась, что ее подопечный снова свернется в клубок.

Однако Майк сумел с собой справиться; он успел уже понять, что не стоит отключаться в присутствии друзей — по не совсем понятной причине все они (за исключением доктора Нельсона) воспринимали вполне естественный уход в себя с большим возбуждением. Сделав над собой титаническое усилие, он замедлил пульс, успокоил свои эмоции и улыбнулся:

— Я подожду, пока гроканье придет ко мне само.

— Вот и прекрасно, — облегченно кивнул Джубал. — А впредь, прежде чем читать что-нибудь, спроси у меня, или у Джилл, или еще у кого — вымысел это или факты. Мне бы не хотелось, чтобы ты путал одно с другим.

— Я буду спрашивать.

Майк решил, что нужно грокнуть это странное понятие, а затем доложить его, во всей полноте, Старикам... и тут же поймал себя на размышлениях: знают ли Старики, что такое «вымысел»? Невероятная мысль о существовании понятия, столь же нового для Стариков, сколь и для него самого, сотрясала самые основы мироздания, была значительно более дикой, чем дикое понятие «вымысел». Пришлось отложить ее в сторону, приберечь для медитаций.

— ...но я, — говорил брат его Джубал, — позвал тебя совсем не затем, чтобы побеседовать о литературе. Майк, ты помнишь тот день, когда Джилл забрала тебя из больницы?

— Из больницы? — эхом отозвался Смит.

— Возможно, — вмешалась Джилл, — Майк даже и не знает, что был именно в больнице. Дай-ка я попробую.

— Валяй.

— Майк, ты помнишь это место, где ты находился? Где ты жил в комнате один и откуда я тебя увела?

— Да, Джилл.

— А потом мы ушли в другое место, и я тебя раздела и купала в ванне.

Лицо Смита озарилось радостной улыбкой.

— Да. Это было большое счастье.

— Потом я тебя обсушила — а потом пришли два человека.

Смит уже не улыбался, заново переживая критический момент принятия решения и ужасающего осознания, что принятое решение было неверным и причинило боль брату по воде. Он задрожал и начал сворачиваться в комок.

— Прекрати сейчас же! — прикрикнула Джилл. — Не смей уходить в себя!

С еще большим, чем прежде, трудом Майк взял себя в руки и повиновался приказу брата по воде.

— Я не буду, Джилл.

— Послушай, Майк. Я хочу, чтобы ты вспомнил случай — но только не расстраивайся. Не уходи в себя, просто вспомни. Там были два человека. Один из них втащил тебя в гостиную.

— Да, — согласился Смит. — В комнату с радующей травой.

— Совершенно верно. Он втащил тебя в комнату, где пол покрыт травой, и я попыталась его остановить. Он меня ударил. А потом его не стало. Ты это помнишь?

— Ты не сердись?

— Что? Нет, нет, ни в коем случае. Этот человек исчез, а потом другой направил на меня пистолет — и тоже исчез. Я испугалась — но совсем не рассердилась.

— Ты не сердись на меня сейчас?

— Майк, милый, да я еще *ни разу* на тебя не сердилась. Просто иногда я пугаюсь, вот и все. Но сейчас мне не страшно. Мы с Джубалом хотим узнать, что же тогда произошло. Там были эти двое, потом ты что-то сделал, два раза, и их не стало. Что ты с ними сделал? Можешь ты это объяснить?

— Я объясню. Этот человек — высокий человек — он тебя ударил... и я тоже испугался. Потому я... — С полным недоумением на лице он сказал что-то по-марсиански. — Я не знаю слов.

— Майк, — заговорил Джубал, — а может, ты попробуешь рассказать все последовательно?

— Я попробую, Джубал. Передо мной что-то. Оно плохое, и его не должно быть. Тогда я достаю... — Смит снова осекся. — Это совсем просто. Очень просто. Это все могут. Завязывать ботиночные шнурки гораздо труднее. Но слов нет. Прости

меня, пожалуйста. — Он немного подумал и просветлел. — Возможно, слова в следующих томах. Я прочитаю их сегодня, а завтра утром все вам расскажу.

— Возможно, — без большой уверенности согласился Джубал. — Но ты подожди.

Он пошел в угол кабинета и вернулся с ящиком из-под бренди.

— Ты можешь сделать, чтобы он исчез?

— Это плохая вещь?

— Ну, давай предположим, что плохая.

— Но... Джубал, я ведь должен *знать*, что это плохая вещь. А это ящик. Я не гроаю, что он существует плохо.

— М-м-м... А что, если я возьму эту штуку и швырну в Джилл? Ей будет больно.

— Джубал, — мягко улыбнулся Смит, — ты этого не делаешь.

— М-м-да. Ведь и не поспоришь, и правда не сделаю. Джилл, будь добра, шарахни в меня этим ящиком. И хорошенько, пожалуйста, чтобы по меньшей мере рассечь на голове кожу — если, конечно, Майк меня не защитит.

— Не нравится мне эта идея.

— Да брось ты ерунду! В интересах науки... и Бена Какстона.

— Но... — Не закончив, Джилл вскочила, схватила ящик, размахнулась им и швырнула. Джубал, намеревавшийся стоять гордо и непоколебимо, рефлексивно пригнулся.

— Мимо, — разочарованно сказал он. — Вот же черт, с перепугу я даже зажмурился, а ведь собирался глаз не спускать с этой штуки. — Он повернулся к Смиру. — Так что, Майк... слушай, парень, в чем дело?

Понурый, с виноватым лицом, Смит снова начинал дрожать.

— Успокойся, успокойся, — бросилась к нему Джилл. — Все в порядке, милый. Великолепно сделано — ящик даже не задел Джубала, а просто исчез.

— Похоже на то, — удивленно оглянулся Джубал. — Энн, ты смотрела?

— Да.

— И что же ты увидела?

— Ящик не «просто исчез», процесс занял некоторое время, какую-то долю секунды. С того места, где я сижу, создавалось впечатление, что он очень быстро уменьшается в размерах, словно куда-то удаляется. Однако он не покидал пределов комнаты — я наблюдала его вплоть до момента полного исчезновения.

— Ну и куда же он делся?

— Это все, что я могу сказать.

— М-м-м... мы, конечно же, посмотрим потом фильм, но лично я вполне убежден. Майк...

— Да, Джубал?

— Где этот ящик?

— Ящик... — Смит замолк. — Я снова не имею слов. Прости, пожалуйста.

— У меня что-то голова идет кругом. Сынок, ты там чего-то доставал, так не можешь ли достать это самое снова и притасовать его назад?

— Прошу прощения?

— Ты заставил ящик исчезнуть, заставь его теперь вернуться.

— Но как же это можно? Ящика *нет*.

— Да, — задумчиво прокомментировал Джубал, — если такие штуки получают распространение, придется менять все законы по *corpus delicti*¹. «Есть список небольшой — да, список небольшой людей, которых вовсе нам всем не нужно тут. Убрать их надо всех, убрать их всех долой!» Майк! А какой у тебя радиус действия?

— Прошу прощения?

— Если бы, скажем, ты стоял в коридоре, а я — у самого окна, тут будет футов тридцать, — сумел бы ты меня защитить?

— Да. — Было видно, что Смит удивлен.

¹ Буков. «тело преступления» (лат.) — юридический термин, обозначающий состав преступления и совокупность улик.

— Хм-м... подойди-ка к окну. Ну а если бы мы с Джилл стояли по ту сторону бассейна, а ты здесь, остановил бы ты ящик?

— Да, Джубал.

— Ну а... ну а если мы с Джилл будем у ворот, в четверти мили отсюда. Вон там, у живой изгороди, видишь? Это не слишком далеко?

Смит замаялся и надолго умолк, потом медленно произнес:

— Джубал, тут не расстояние. Это не видение, а знание.

— Хм-м-м... посмотрим, верно ли я все грокаю. Расстояние не играет никакой роли. Тебе не нужно даже видеть. Чтобы остановить творящееся зло, тебе достаточно о нем знать, так?

— Почти так, — окончательно смутился Смит. — Ведь я совсем недавно из гнезда. Чтобы знать, мне нужно видеть. Вот Старику — ему глаза не нужны. Старик знает. Он грокает. Он действует. Извини меня, пожалуйста.

— Не понимаю, — проворчал Джубал, — за что ты тут извиняешься. Верховный министр мира уже десять минут назад объявил бы тебя совершенно секретным.

— Прошу прощения?

— Не бери в голову. — Джубал взял со стола тяжелую пепельницу. — Джилл, только не надо в лицо. А ты, Майк, выйди в коридор.

— Джубал... брат мой... не надо, *пожалуйста*.

— А чего тут такого? Ты же только что прекрасно с этим справился. Я хочу провести еще один эксперимент, и на этот раз глядеть в оба.

— Джубал.

— Да, Джилл?

— Я грокаю, что тревожит Майка.

— Ну так поделись.

— Конечно же, я бросала ящик в полной уверенности, что он тебя не покалечит, но Майка расстроила даже эта притворная попытка, ведь мы — братья по воде. Думаю, в этой ситуации есть что-то до крайности не марсианское. Вот Майкл и не в состоянии разрешить дилемму.

— Вполне возможно, — сурово нахмурился Харшоу, — есть смысл обратиться в комиссию по расследованию антимарсианской деятельности.

— Я совсем не шучу.

— И я тоже. Ладно, Джилл, я сделаю по-другому. Вот, сынок, пощупай. — Харшоу вручил пепельницу Майку. — Чувствуешь, какая тяжелая? И какие у нее острые углы.

Смит опасливо взял пепельницу и начал ее разглядывать.

— А сейчас, — продолжил Харшоу, — я подкину ее прямо над своей головой — и не стану уворачиваться.

— Брат мой, — удивленно уставился на него Майк, — ты хочешь развоплотиться?

— Что? Да нет же, конечно нет. Но она сильно расшибет мне голову — если ее не остановишь. Ну — поехали!

Харшоу подбросил пепельницу к самому потолку, не спуская с нее глаз, как футболист, готовящийся отбить мяч головой. Он почти полностью сконцентрировал свое внимание на пепельнице, одновременно готовясь отклониться в последнюю секунду, чтобы уродливая массивная штука не пробила ему череп, и в глубине души цинично радуясь грядущему избавлению от ненавистного, но все же подарка.

Пепельница взлетела почти к самому потолку и остановилась.

Харшоу почувствовал себя человеком, застрявшим в стоп-кадре фильма, и шумно перевел дух, только сейчас сообразив, что дышать перестал.

— Энн, — прохрипел он, не отрывая взгляда от пепельницы. — Что ты видишь?

— Эта пепельница, — бесстрастным голосом начала Энн, — находится приблизительно в пяти дюймах от потолка. И ничто ее там не удерживает. Джубал, — добавила она, — мне *кажется*, что я это вижу... и если камеры не зафиксируют того же самого, я разорву свою лицензию в клочья.

— М-м-да. Джилл?

— Она парит...

Джубал со вздохом подошел к столу и грузно сел — не отрывая глаз от проклятой пепельницы.

— Майк, а в чем дело? — поинтересовался он. — Почему же она не исчезла?

— Но, Джубал, — голос Смита звучал виновато, — ты же сказал остановить ее, ты не сказал ее исчезнуть. Когда я убрал тот ящик, ты захотел, чтобы он снова *был*. Я сделал неправильно?

— Вот, значит, как. Нет, все было сделано абсолютно правильно. Никак не могу запомнить, что ты любую просьбу понимаешь буквально.

Харшоу припомнил некоторые ругательства и проклятья, широко употреблявшиеся во времена его молодости, и дал себе страшную клятву *ни при каких обстоятельствах* не говорить Майклу Валентайну Смиту ничего, похожего на «чтоб ты сдох». Хотя, с другой стороны, интересно, как бы тот поступил, получив указание «чтоб ты скис» или «чеши отсюда»?

— Я очень рад, — сообщил Смит. — Мне очень жаль, что я не мог заставить ящик снова быть. Мне дважды жаль, что я уничтожил пиццу. Но тогда я не знал, как еще помочь. Тогда была необходимость. Если я не ошибся, грокая.

— Что? Какая еще пицца?

— Он про этих двоих, — торопливо вмешалась Джилл. — Про Берквиста и который с ним был, коп. Ну, вроде как коп. Джонсон.

— А, понимаю, — кивнул Харшоу. В данный момент у него не было ни малейшего желания признаваться в своих совершенно не марсианских представлениях о «пище». — Ты, Майк, не очень убивайся. Они наверняка были невкусные. Все равно это мясо не прошло бы санитарную инспекцию, — добавил он, припомнив закон Федерации, касающийся «длинной свиньи», — его бы обязательно уничтожили, как непригодное к употреблению. Ну и конечно же, тогда была необходимость. По-другому было никак. Ты грокнул положение во всей полноте, и поступил правильно.

— Я очень утешен, — облегченно сказал Майк. — Только Старик может быть уверен, что всегда выбирает правильный путь... а мне еще нужно много учиться и много расти, прежде чем стать Стариком. Джубал? Можно ее переместить? Я устаю.

— Ты хочешь сделать, чтобы пепельница исчезла? Давай.

— Но я не могу.

— Почему это?

— Она уже не угрожает твоей голове. Сейчас я не грожаю в ее существовании ничего неправильного.

— А! Хорошо, перемести ее.

Харшоу продолжал наблюдать, ожидая, что пепельница передвинется, воспарит прямо над его головой и снова станет «неправильной». Вместо этого она косо скользнула над столом, на миг зависла и мягко, почти бесшумно опустилась на свободное место.

— Спасибо, Джубал, — сказал Смит.

— Спасибо? Это *тебе* спасибо, сынок. — Джубал взял пепельницу, ни в чем за это время не изменившуюся, с любопытством повертел ее в руках, не ощутил ни тепла, ни холода, ни покаявания в кончиках пальцев — все та же уродливая вычурная штука, все с теми же следами пепла, как и пять минут назад. — Да, огромное тебе спасибо. Это, пожалуй, самое потрясающее событие моей жизни — с того раза, когда служанка завела меня на чердак. Энн, — повернулся он, — ты вроде бы проходила практику в Институте Райна?

— Да.

— Левитацию видела?

Энн слегка задумалась.

— Нам показывали опыты с игральными костями, но я не математик и не могу засвидетельствовать, что это был телекинез.

— Она, видите ли, не математик. Интересно знать, а могла бы ты в пасмурный день засвидетельствовать, что солнце уже встало?

— Каким образом? А вдруг там, за облаками, не солнце, а какой-нибудь другой источник света? Один из моих соучеников мог вроде бы усилием воли поднимать предметы — не очень тяжелые, вроде канцелярской скрепки. Но только после третьего стакана. Да и то не всегда. И я не могла следить за этим с достаточной для свидетельства тщательностью — дело в том, что мы пили с ним вровень, стакан в стакан.

— А вот такого, как сейчас, не приходилось видеть?

— Нет.

— М-м-м... твоя профессиональная работа закончена. Хочешь остаться — снимай свой балахон и бери стул.

— Спасибо. Только после этой твоей лекции про мечети и синагоги мне хочется переодеться у себя, чтобы не сбивать ученика с толку.

— Это уж как тебе угодно. Растолкай Дюка и скажи ему, чтобы занялся камерами.

— Есть, начальник. Без меня ничего не делайте, я быстро.

Энн направилась к двери.

— Не обещаю. А ты, Майк, садись к столу. Ну, хорошо. Скажи, ты можешь поднять эту пепельницу? Покажи, как ты это делаешь.

— Хорошо, Джубал.

Смит протянул руку и взял пепельницу.

— Да нет же, нет!

— Я сделал неправильно?

— Нет, это я ошибся. Поставь ее на место. Я хотел знать, можешь ли ты поднять пепельницу не дотрагиваясь.

— Да, Джубал.

— Ну так что же? Ты устал?

— Нет, Джубал.

— Да в чем же тогда дело? У нее что, должна быть эта самая «неправильность»?

— Нет, Джубал.

— Джубал, — вмешалась Джилл, — ты не *сказал* ему поднять пепельницу — ты только спросил, может ли он.

— А, я все время забываю, — вздохнул Харшоу с чем-то, похожим на смущение. — Майк, подними, пожалуйста, эту пепельницу, не дотрагиваясь до нее руками, на фут над поверхностью стола.

— Да, Джубал.

Пепельница подпрыгнула и замерла в воздухе.

— Джубал, — озабоченно сказал Смит, — измерь, пожалуйста. Если я сделал неправильно, я ее передвину.

— Нет, все прекрасно! Подержи ее так, пожалуйста. А когда устанешь — скажи.

— Я скажу.

— А можешь ты поднять что-нибудь еще? Ну, скажем, этот карандаш. Если можешь — подними.

— Да. Джубал.

Карандаш завис рядом с пепельницей.

По просьбе Джубала Майк поднял со стола еще несколько предметов. Затем вернулась Энн, села и стала смотреть, не говоря ни слова. Вошел Дюк, заметил парящую выставку канцелярских принадлежностей, понаблюдав за ней пару секунд и начал молча расставлять принесенную стремянку.

— А еще? — не переставал Джубал. — А еще?

После очередного «еще» Майк ощутимо замылся.

— Я не знаю, Джубал, — сказал он и на секунду смолк, мучительно подыскивая нужное слово. — Я... я в этом деле еще слабоумный.

— Только не надо переутомляться.

— Я могу подумать еще одну вещь. Я надеюсь.

Тяжелое пресс-папье шевельнулось, приподнялось, и тут же все парившие в воздухе предметы — их было уже около десятка — посыпались на стол. Казалось, что Майк сейчас расплчется.

— Джубал, извини. В наивысшей степени извини.

— Ты должен не извиняться, а гордиться, — ободряюще похлопал его по плечу Джубал. — То, что ты сейчас сделал... — (Какое же тут подобрать сравнение, чтобы он понял?) — Это несравненно сложнее, чем завязывание ботиночных шнурков, чудеснее, чем идеально выполненный прыжок в полтора оборота. Все было сделано «сильно, ярко и прекрасно». Грокаешь?

— Я не должен чувствовать стыда? — удивился Майк.

— Ты не должен чувствовать стыда. Ты должен чувствовать гордость.

— Хорошо, Джубал, — согласно кивнул Майк, — я буду чувствовать гордость.

— А ты знаешь, Майк, что вот так, не дотрагиваясь, я не смогу поднять даже одну пепельницу.

— Не можешь? — поразился Смит.

— Не могу. Ты научишь меня?

— Да, Джубал. Нужно просто... — В который уже раз за эту беседу он смущенно умолк. — У меня опять нет слов. Извини. Я буду читать и читать и читать, и найду эти слова. Тогда я тебя научу, мой брат.

— Только не принимай близко к сердцу.

— Прошу прощения?

— Ты, Майк, не очень расстраивайся, если даже не сумеешь найти нужных слов. Вполне возможно, что в английском языке их вообще нет.

Неожиданный вариант заставил Смита надолго задуматься.

— Тогда я научу тебя языку своего гнезда.

— Я бы рад попробовать, но, боюсь, ты опоздал лет на пятьдесят.

— Я поступил неправильно?

— Ни в коем разе. Я тобой горжусь. Попробуй сперва научиться своему языку Джилл.

— Еще чего, — всполошилась Джилл. — У меня от него в горле першит.

— Полощи шалфеем. И вообще, — взглянул на нее Джубал, — не нужно жалких уверток. И кстати, вот и повод взять тебя на работу, потому как в Бетесду тебе вряд ли позволят вернуться. С данного момента вы, сестра, являетесь лаборантом-исследователем марсианской лингвистики... что не исключает исполнения прочих необходимых обязанностей. Ну, девушки тебе объяснят. Энн, впиши ее в ведомость — и не забудь отразить этот факт в налоговой декларации.

— Джилл уже работала по кухне, может, оформим ее задним числом?

— Разбирайся с этой ерундой сама, — отмахнулся Джубал.

— Джубал! — запротестовала Джилл. — Я же не смогу выучить марсианский!

— Попробовать-то можешь? Вон, Колумб попробовал — и получилось же.

— Но...

— Кто-то там говорил о *«благодарности»*. Берешь ты эту работу?

Джилл закусила губу.

— Беру. Хорошо... начальник.

— Джилл, — робко тронул ее руку Смит. — Я буду тебя учить.

— Спасибо, Майк. — Она посмотрела на Харшоу. — А вот возьму и выучу, тебе назло.

— Такой мотив я вполне грокаю, — ухмыльнулся Джубал. — Ведь и вправду выучишь. Майк, — обернулся он к Сми-ту, — а что ты еще умеешь такого, чего мы не умеем? Ну, кроме того, как посылать «неправильные» вещи в никуда и поднимать предметы, не касаясь их руками?

Тот был явно поставлен в тупик.

— Н-не знаю.

— А откуда ему знать, — бросилась на защиту Майка Джилл, — когда он не знает, что мы умеем, а что нет?

— М-м-м... пожалуй. Энн, ты запиши там новое название должности: «Лаборант-исследователь марсианской лингвистики, культуры и техники». Джилл, изучая язык, ты неизбежно будешь наткаться на совершенно новые для нас вещи, в таких случаях сообщай мне без промедления. По форме и структуре языка можно многое понять о культуре общества, которое им пользуется. А ты, Майк, как только заметишь что-нибудь еще, что ты умеешь, а мы нет, — тоже мне говори.

— Я скажу, Джубал. А что это будет такое?

— Откуда мне знать? Ну, вот, вроде того, что ты только что делал... или вроде как оставаться под водой дольше, чем мы. Хм-м... Дюк!

— Начальник, у меня руки заняты пленкой.

— Но язык-то у тебя свободен? Я заметил, что вода в бассейне мутная.

— Я насыплю сегодня осадителя, а утром вычищу дно.

— А как там показатели загрязнения?

— Все в порядке, эту воду вполне можно пить, чуть мутноватая только, но это не страшно.

— Тогда ничего с ней и не делай. Проверяй ежедневно, а почишь, когда я скажу.

— Кой черт, начальник, неприятно же в таких помоях купаться. Я б его раньше почистил, да не успел за всей этой суматохой.

— Кто шибко брезгливый, может позагорать на песочке. И вообще, кончай отбrehиваться, я потом все объясню. Пленки готовы?

— Еще минут пять.

— Хорошо. Майк, ты знаешь, что такое пистолет?

— Пистолет, — начал Смит, — это один из типов огнестрельного оружия. Он предназначен для метания снарядов посредством силы взрыва какого-либо взрывчатого вещества, чаще всего пороха. Состоит из ствола, представляющего собой трубу, закрытую с одного конца, где...

— Хватит, хватит. Ты его грокаешь?

— Я не совсем уверен.

— Ты видел когда-нибудь пистолет?

— Я не знаю.

— Ну как же, — удивилась Джилл, — конечно же ты видел. Майк, вспомни еще раз тот случай, о котором мы говорили, в комнате с травяным полом, — только, ради бога, не расстраивайся. Один человек меня ударил...

— Да.

— Потом другой направил на меня некую вещь...

— Он направил на тебя плохую вещь.

— Вот это и был пистолет.

— Я тоже думал, что эта плохая вещь, может быть, называется «пистолет». Вебстеровский Новый международный словарь английского языка, третье издание, выпущенное...

— Хорошо, хорошо, сынок, — поспешно прервал его Харшоу. — Так послушай, если кто-либо направит пистолет или еще что-то в этом роде на Джилл, — что ты тогда сделаешь?

На этот раз Смит думал дольше обычного.

— Ты не рассердишься, если по моей вине пропадет пицца?

— Нет. При подобных обстоятельствах никто на тебя не рассердится. Но я хотел бы узнать другое. Смог бы ты сделать так, чтобы оружие исчезло, а человек остался?

Идея показалась Смиту привлекательной.

— Сбереечь пищу?

— Ну, я, собственно, не совсем об этом. Ты мог бы, чтобы пистолет исчез, а человек не пострадал?

— Джубал, он совсем не будет страдать. Я заставлю пистолет исчезнуть, а человека остановлю. Он не почувствует ни малейших страданий. Он просто развоплотится. И пища останется целой.

— Охотно верю, — обессиленно вздохнул Харшоу. — Но можешь ты сделать так, чтобы пистолет исчез, а больше ничего не случилось? Не «останавливать» человека, не убивать его — вообще ничего с ним не делать?

Смит немного подумал.

— Это будет легче, чем делать и то и другое сразу. Но, Джубал, если я сохраню его в телесной форме, он может как-нибудь навредить Джилл. Если я не ошибаюсь, грокая.

Харшоу напомнил себе, что этот неискушенный младенец совсем не младенец и совсем не неискушенный. Напротив, он весьма искушен в культуре, далеко — непостижимо далеко — превосходящей человеческую. И что все эти наивные замечания исходят от супермена — если уж не совсем супермена, то в ближайшем приближении. Поэтому он ответил Смицу, тщательно подбирая слова, — эксперимент предстоял весьма и весьма опасный, и ошибка в семантике могла привести к катастрофическим результатам.

— Майк... если наступит... «момент выбора»... когда Джилл окажется в опасности — делай для ее защиты все возможное.

— Да, Джубал. Я сделаю.

— И не беспокойся насчет пищи. Ни о чем таком не беспокойся, главное — защити Джилл.

— Я всегда буду защищать Джилл.

— Но вот если, скажем, кто-нибудь направил на кого-то пистолет — или даже просто взял его в руку. Если будет нужно уничтожить пистолет, не убивая человека, — сможешь ты сделать такое?

— Думаю, я это прогнул, — на этот раз Майк ответил почти без паузы. — Пистолет — плохая вещь. Но может потребовать-

ся, чтобы человек остался воплощенным. — Он секунду подумал. — Да, я смогу это сделать.

— Хорошо. Майк, сейчас я покажу тебе пистолет. Пистолет — плохая вещь.

— Пистолет плохая вещь. Я его исчезну.

— Только не делай этого сразу.

— Нет?

— Нет. Я начну направлять пистолет на тебя, но не должен успеть — ты сделаешь, чтобы он исчез. Только при этом не останавливай меня, не убивай меня, не причиняй мне вреда — не делай со мной *вообще ничего*. Не нужно, чтобы пища пропала зря.

— Нет, — взволнованно пообещал Майк, — этого я ни за что не сделаю. Я очень надеюсь, что после твоего, брат мой Джубал, развоплощения мне будет позволено съесть часть тебя, возлюбляя и восхваляя каждый разжеванный кусочек... пока я не грокну тебя во всей полноте.

Перспектива не вызывала у Харшоу особого энтузиазма, однако он взял себя в руки и ответил с подобающей случаю торжественностью:

— Спасибо, Майк.

— Это мне следует благодарить тебя, брат мой, — а если будет так, что я буду избран прежде тебя, надеюсь, ты сочтешь меня достойным гроканья. Ты и Джилл, вы поделитесь мной. Вы поделитесь мной? Ты обещаешь?

Подняв глаза, Харшоу увидел на лице Джилл серьезное, невозмутимое выражение — и подумал, что опытную, всякого в жизни повидавшую медсестру не так-то просто вывести из себя.

— Мы с Джилл поделимся тобой, — все так же торжественно заверил он Майка. — Однако я очень надеюсь, что в ближайшее время никто из нас не станет пищей. А сейчас я покажу тебе пистолет — а ты жди моего слова... и будь очень осторожен, потому что мне еще много чего надо сделать, прежде чем развоплощаться.

— Я буду осторожен, брат мой.

— Хорошо. — Харшоу нагнулся, кряхтя, открыл нижний ящик стола. — Вот, смотри, Майк. Видишь пистолет? Сейчас я его возьму. Ничего не делай, пока я тебе не скажу. Девушки, живо сдвинулись влево. Погоди, Майк, еще не время. — Джубал потянулся к старому револьверу полицейского образца, вынул его из ящика. — Ну, Майк, готовься. *Давай.* — Он вскинул оружие, чтобы нацелить его на Человека с Марса...

Оружие? В руке ничего не было. Джубал не почувствовал ни дрожи, ни толчка, ни рывка. Револьвер исчез — и все.

— Великолепно! — констатировал Джубал, с трудом уняв внезапную дрожь. — Ты уничтожил револьвер, не дав мне прицелиться. Превосходно.

— Я очень счастлив.

— Я тоже. Дюк, а это будет на пленке?

— Ага. Я зарядил новую кассету.

— Прекрасно. Ну ладно, детки, — устало вздохнул Джубал, — пока что все. Бегите, порезвитесь на травке. Поплавайте. И ты, Энн, тоже.

— Начальник? — заговорила молчавшая до этого времени Энн. — Ты расскажешь мне, что там на этих пленках?

— А ты что, не останешься посмотреть?

— Нет, ни в коем случае. Я не могу — по крайней мере, те их части, где я была Свидетелем. Но все-таки интересно знать — съехала у меня крыша или нет.

— Ладно, расскажу.

13

— А что это у тебя морда такая кислая? — поинтересовался Харшоу у Дюка, когда остальные ушли.

— Ничего не кислая, мне просто хотелось бы знать, долго ли нам придется терпеть общество этого упыря?

— Упыря? Он — упырь, а ты — чурбан неотесанный.

— Хорошо, пусть я чурбан неотесанный. Может, наш Канзас и глухая дыра, но уж людоедством-то там никто не занимается. Пока этот тип не уберется, я ем на кухне.

— Вот так вот, значит? — хищно процедил Харшоу. — Не утруждай себя. Чек Энн выпишет за пять минут, еще десять минут на сборы. Этого более чем достаточно, чтобы сложить твои комиксы и запасную рубашку.

— Что? — Дюк чуть не выронил проектор. — Это же совсем не значит, что я отказываюсь от работы.

— Для тебя не значит, а для меня значит.

— Но... А кому, собственно, какое дело? Что я, никогда на кухне не ел?

— При совершенно иных обстоятельствах: по собственному желанию, потому что тебе так было удобнее, или чтобы девушкам лишней работы не создавать, мало ли что. А если бы хорошенько попросил, тебе бы завтрак в постель приносили. Но я не допущу, чтобы человек, живущий под моим кровом, отказывался есть за моим столом, заявляя, что ему не нравятся некоторые из моих сотрапезников. Я — представитель почти исчезнувшего племени ветхозаветных джентльменов. Иначе говоря, я могу быть абсолютным сукиным сыном — когда у моей левой ноги возникнет такое желание. Вот оно у нее и возникло — я никогда и ни за что не позволю, чтобы какой-то там невежественный, полный предрассудков раздолбай говорил *мне*, кто достоин есть за моим столом. Я обедаю с мытарями и грешниками, и это мое личное дело. Но я никогда не преломлю хлеба с фарисеями.

Дюк покраснел и с ненавистью выдавил:

— Врезать бы тебе за такое. Ну точно врезал бы, будь ты помладше.

— А ты не стесняйся, не стесняйся. Возможно, я и не такая развалина, как тебе кажется. А если нет — тогда будет шум, и народ сбежится. Как ты думаешь, справишься ты с Майком?

— С *этим*? Да я его одной левой.

— Вполне возможно, если только дотянешься этой самой левой.

— Чего?

— Ты видел, как я вскидывал на него револьвер? Прежде чем своими мускулами хвастаться, голову включи, или чем ты

там обычно думаешь. Найди этот револьвер, а потом расскажешь мне снова, как ты будешь Майка одной левой. Но сперва найди револьвер.

Дюк недоуменно наморщил лоб, потом снова занялся установкой проектора.

— Да хрень это собачья, фокусы какие-то. На пленке все будет видно.

— Дюк, — остановил его Харшоу, — кончай возиться с этой штукой. Посиди немного. Вот распрощаемся, и я займусь ей сам. Но сначала давай кое-что обсудим.

— Чего? Джубал, ты бы уж лучше не трогал проектор, он у тебя всегда ломается. Машина сложная, с ней надо аккуратно.

— Садись, тебе говорят.

— Но...

— Пусть эта хреновина хоть десять раз ломается. Я не могу пользоваться услугами человека, заявившего, что он не желает у меня работать.

— Слушай, чего ты там лепишь? Я же совсем не отказывался от работы — это ты вдруг чего-то взвелся и уволил меня, не понимаю даже за что.

— Ты, Дюк, все-таки сядь, — терпеливо повторил Харшоу, — и позволь мне, пожалуйста, сделать попытку спасти твою жизнь, а если не желаешь садиться — мотай отсюда как можно скорее. Вещи не собирай, я их тебе потом пришлю. Сейчас на это просто нет времени — того и гляди, с жизнью распрощаешься.

— Ни хрена я что-то не понимаю.

— А тут и понимать нечего. Не будем, Дюк, спорить, ты ли уволился, я ли тебя уволил, это не имеет никакого значения. В тот момент, когда ты объявил, что не станешь есть за моим столом, всякие деловые отношения между нами закончились. Однако мне будет очень неприятно, если ты будешь убит на моей территории. Поэтому сядь, и я постараюсь что-нибудь с этим сделать.

Вконец ошарашенный Дюк разинул рот, потом закрыл его и неуверенно присел.

— Ты стал братом Майка по воде?

— Чего? Еще чего. Слышал я, как про это чесали языками; по моему мнению — чушь собачья.

— Это совсем не чушь, а мнения твоего никто не спрашивал; ты недостаточно компетентен в данном вопросе, чтобы иметь какое-то там мнение. Так вот, Дюк. — Джубал слегка нахмурился. — Да, дело плохо. Похоже, мне тебя не только уволить придется — пойми, честно говоря, мне совсем не хочется тебя увольнять, ты хорошо справляешься с техникой, избавляешь меня от утомительной возни со всей этой механической мутотенью, которая мне совершенно неинтересна. Но теперь мне просто необходимо позаботиться о твоём скорейшем и безопасном отъезде, а затем выяснить, кто еще не побратался с Майком. Буде таковые найдутся — пусть исправят упущение либо тоже уезжают отсюда поскорее, пока с ними ничего не случилось. — Джубал задумчиво пожевал нижнюю губу. — Можно, конечно, взять с Майка обещание не причинять никому вреда, без моего на то разрешения. М-м-м... да нет, слишком уж тут публика резвая, и шуточки у нее дурацкие, Майк обязательно что-нибудь не так поймет. Вот, скажем, если ты — вернее, Ларри, тебя-то здесь не будет — если Ларри схватит Джилл и швырнет ее в пруд — мы и глазом не успеем моргнуть, как он окажется там же, где это мое старье тридцать восьмого калибра. А потом Майк узнает, что Джилл ничего не угрожало, и очень расстроится. Нельзя допустить, чтобы по моей безалаберности Ларри погиб во цвете лет. Конечно же, я верю, что каждый человек — хозяин собственной судьбы, но это еще не значит, что нужно давать младенцу боевую гранату.

— Куда-то тебя, начальник, не туда заносит, — покачал головой Дюк. — Майк, он же никому ничего не сделает. Ну да, от людоедских этих разговорчиков мне и вправду блевануть хочется, но я же все понимаю, что он просто дикарь и у них там такие понятия. А так он — чистый теленок и в жизни пальцем никого не тронет.

— Ты думаешь?

— Уверен.

— Прекрасно. В твоей комнате лежат ружья. По моему мнению, Смит опасен. Так что объявляем сезон охоты на марсиан открытым — бери ружье, иди к бассейну и пристрели Майка. Насчет полиции и суда можешь не беспокоиться, с этой стороны ничто тебе не грозит, это уж я гарантирую. Ну давай, действуй.

— Джубал... ты же не всерьез.

— Нет. Во всяком случае — не совсем всерьез. Потому что ты *не сможешь* его пристрелить. При первой же попытке твое ружье окажется в компании моего револьвера, а если ты попробуешь застать Майка врасплох, то и сам туда же отправишься. Дюк, ты даже и представления не имеешь, что такое Майк, он совсем не теленок и тем более не дикарь. Сильно подозреваю, что это *мы* дикари. Выращивал когда-нибудь змей?

— Н-нет.

— А вот я в детстве выращивал. Как-то во Флориде я поймал коралловую сверташку. Видел их когда-нибудь?

— Я не люблю змей.

— Еще один предрассудок. По большей части змеи безвредны, полезны, и их очень интересно держать дома. А коралловая сверташка — это же просто чудо, ярко-красная, с черными и желтыми полосками, очень мирная и послушная, лучшего домашнего животного даже не придумаешь. Эта красавица очень ко мне привязалась. Я уже умел обращаться со змеями, знал, что с ними можно делать, а чего нельзя, чтобы они не боялись и не кусались, — мало приятного, если тебя укусит змея, пусть даже не ядовитая. Эта лапочка была моей гордостью, я часто брал ее с собой на прогулку и всем показывал — держал за затылок, а она обвивалась вокруг запястья. Как-то я познакомился с герпетологом из Тампы, из тамошнего зоопарка, привел его к себе домой, чтобы продемонстрировать свою коллекцию, и начал, конечно же, с той самой красавицы. Он чуть в обморок не шлепнулся — это была совсем не коралловая сверташка, а молодая коралловая змея. Самая опасная из ядовитых змей Северной Америки — ты понимаешь, о чем я сейчас говорю?

— Что держать змей в доме опасно? Так я и сам это знаю.

— Опасно! У меня были и гремучие змеи, и даже мокасины. Ядовитая змея ничем не опаснее заряженной винтовки — просто и та и другая требуют определенной осторожности. А моя змея и вправду была опасной — потому что я не знал, на что она способна. Если бы в своем невежестве я обошелся с ней как-нибудь не так, она цапнула бы меня зубами — совершенно беззлобно, ну, скажем, как обиженный котенок — и отправила на тот свет. То же самое и с Майком. С виду он и впрямь ласковый, как теленок, и дружелюбно относится к тем, кому доверяет. Но если он тебе не доверяет... вот тут и выясняется, что это впечатление обманчиво. А так — да, вполне обычный парень, довольно хилый, неуклюжий, дико невежественный, но при этом очень сообразительный, послушный и очень жадный до учения. Что, в общем-то, неудивительно, принимая во внимание его происхождение и необычное воспитание. Но не стоит обманываться его внешностью — как мне не стоило обманываться невинной внешностью своей любимицы. Майк гораздо опаснее коралловой змеи, особенно если ему покажется, что кто-то хочет причинить вред одному из его братьев по воде, скажем, Джилл или мне... Можешь верить мне на слово, — покачал головой Харшоу, — если бы ты не сдержался и шарахнул меня, когда я объяснял тебе элементарные истины... Так вот, если бы в этот момент на пороге появился Майк — ты бы не просто умер, тебя бы вообще не стало, и настолько быстро, что я не успел бы ничего сделать. А потом он начал бы искренне сокрушаться, что «попусту извел пищу» — твой, значит, вонючий труп, — не испытывая при этом ни малейшей вины за само убийство, во-первых, вынужденное, а во-вторых, не имеющее почти никакого значения — даже для тебя. Дело в том, что Майк верит в бессмертие души.

— Чего? Какого хрена, я же тоже верю, но все равно...

— Веришь, говоришь? — равнодушно поинтересовался Харшоу. — Вот уж никогда бы не подумал.

— А чего тут и думать! Ну, в церковь-то я хожу довольно редко, но воспитывали меня по всем правилам. Я не язычник. У меня есть вера.

— Рад за тебя. Я-то лично никогда не понимал, как это Господь мог понадеяться, что люди сами, на основе одной только веры, выберут из множества религий единственную истинную. Довольно легкомысленный подход к управлению чем бы то ни было — и Вселенной, и любой организацией поменьше. Так вот, если ты веришь в бессмертие души, нам не стоит особенно волноваться, что предрассудки могут привести тебя к преждевременной кончине. С трупом-то что делать, если таковой останется, — закопать или кремировать?

— Не понимаю, Джубал, тебе что, обязательно нужно меня достать?

— Ни в коем разе. Просто я никак не могу гарантировать безопасность человеку, упрямо считающему коралловую змею невинным ужом. Любая твоя ошибка может оказаться последней. Но ты не волнуйся, я не позволю Майку тебя съесть.

У Дюка отпала челюсть. Затем он ответил — очень громко, очень непристойно и не очень членораздельно.

— Ладно, — брезгливо поморщился Харшоу. — Стихия малость и разбирайся с Майком как тебе заблагорассудится. Я хочу просмотреть эти пленки, — добавил он, наклоняясь над проектором, и буквально через секунду возмущенно заорал: — Эта подлая штука меня цапнула!

— А не надо ее насильничать. Вот так... — Дюк закончил настройку, а затем вставил кассету с пленкой; вопрос о том, работает он на Джубала или нет, больше не поднимался.

Автоматическая камера «Митчелл» снимала изображение на четырехмиллиметровую звуковую кинопленку Лэнда, которую потом просматривали в небольшом настольном стереовизоре «Ясиноп», снабженном необходимым адаптером. Через несколько секунд на экране начали разворачиваться события, предшествовавшие исчезновению ящика из-под бренди.

Джубал увидел, как ящик летит прямо ему в голову, а затем мгновенно исчезает.

— Слава тебе, господи, Энн не придется рвать свою лицензию. Дюк, прокрути еще раз, только медленнее.

— О'кей. — Дюк перемотал пленку, а затем сообщил: — Замедляю в десять раз.

Замедленный звук превратился в неразборчивое глухое бурчание, и Дюк отключил его совсем. Ящик медленно выскользнул из руки Джилл, поплыл к голове Джубала и снова исчез. Однако на этот раз можно было различить, что исчезает он не сразу, а постепенно, становясь предварительно все меньше и меньше.

— А можно еще медленнее?

— Одну секунду. Тут что-то не так со стереоз эффектом.

— А что именно?

— Ни хрена не понимаю. На полной скорости все выглядело вполне нормально, а при замедлении получилось что-то вроде обратной перспективы. Ящик удаляется, очень быстро, но при этом все время остается ближе к нам, чем стенка. Какой-то искаженный параллакс. Странно, я ведь даже не вынимал пленку из кассеты.

— Ладно, Дюк, бросай. Посмотрим пленку из другой камеры.

— М-м-м... а, понял. Это же в перпендикулярном направлении, вот мы все и увидим, даже если та пленка запорота.

Дюк сменил кассету.

— Начало я прогоню побыстрее, а в конце замедлю, хорошо?

— Давай.

Снова пошла та же самая сцена, только снятая с другой точки. В последний момент Дюк замедлил пленку, ящик, вырвавшийся из руки Джилл, медленно поплыл в воздухе и исчез.

— Вот же мать его, — пробормотал сквозь зубы Дюк. — И вторая тоже.

— А теперь-то что?

— Да здесь же снималось сбоку, так что ящик должен был пересечь кадр и выйти за край. А он будто снова удаляется. Да ты же и сам видел.

— Да, — кивнул Джубал. — Двигается прямо от нас.

— Но это же невозможно, чтобы и под одним углом прямо от камеры, и под другим — тоже.

— Что значит «невозможно», если это *было*? Очень интересно, — добавил Харшоу, — что показал бы доплер-радар, пользуйся мы им, а не стереокамерами?

— Хрен его знает, что бы он там показал, но вот эти вот камеры я разберу по винтику.

— Оставь ты их лучше в покое.

— Но...

— Твои камеры, Дюк, в полном порядке. Но ты вот скажи — что находится под прямым углом ко всему остальному?

— Я в загадках ничего не понимаю.

— А это совсем не загадка. Я мог бы отправить тебя за объяснениями к некоему мистеру Квадрату из Флатландии, но не стану этого делать, а отвечу сам. Что перпендикулярно всему остальному? Ответ: два трупа, один старый револьвер и один пустой ящик.

— О чем это ты? Я уже совсем ничего не понимаю.

— В жизни не говорил яснее и понятнее. У тебя ведь как получается: если камеры зафиксировали не то, чего ты ожидал, значит они испорчены, да? А ты попробуй поверить собственным своим глазам. Ладно, посмотрим остальные пленки.

Дальнейшее Харшоу комментировать не стал. Пленки не добавили ничего нового. Пепельница, зависшая под потолком, оказалась за пределами кадра, однако ее неторопливый подъем и спуск были зафиксированы. Изображение револьвера было совсем крошечным, но и тут не оставалось сомнений, что он быстро удаляется — не двигаясь при этом с места. Джубал прекрасно помнил, что оружие не вырывалось у него из руки, а попросту исчезло, и все же убедиться, что камеры зафиксировали то же самое, было приятно. «Приятно» — не очень подходящее к случаю слово, но другого он не находил.

— Дюк, мне нужны копии всех этих пленок.

— А что, — замылся Дюк, — разве я еще здесь работаю?

— Как? Опять эта твоя дурь! На кухне ты есть не будешь, тут и разговаривать не о чем. Дюк, послушай меня и постарайся отложить куда-нибудь все свои предрассудки.

— Слушаю я, слушаю.

— Испросив право съесть часть моего старого, жесткого и жилистого тела, Майк оказал мне величайшую известную ему честь — согласно единственно известным ему обычаям. Фигу-

рально говоря, согласно тому, чему он обучен «с молодых ногтей». Тебе это понятно? Ты же слышал, каким тоном он это изрек. А одновременно просил *меня* оказать *ему* честь. Ясно тебе? И не важно, что там думают на этот счет в Канзасе, — Майк живет марсианскими понятиями.

— Я предпочитаю канзасские.

— Да и я, собственно, тоже, — признался Джубал. — Но ведь ни ты, ни я, ни тот же самый Майк не выбирали себе этих понятий, они нам навязаны. Каждый из нас троих воспитан по-своему, а заложенное в раннем детстве остается с тобой навсегда. Попал бы ты в младенчестве к марсианам — и были бы у тебя сейчас точно такие же взгляды, как у Майка, неужели ты в этом сомневаешься?

— Нет, — упрямо покачал головой Дюк, — уж в этом-то ты меня никогда не убедишь. Что он там есть по-человечески не умел или еще что в этом роде — это все понятно, не повезло парню, не получил он культурного воспитания. Ну ладно, это ему простительно. Но тут же совсем другое дело, тут же врожденный инстинкт.

— Инстинкт? Чушь собачья!

— Никакая это не чушь. Вот меня, разве меня кто-то там учил «с молодых ногтей» не быть людоедом? Ни хрена подобного, я всегда знал, что это — грех, и из самых страшных. Да меня от одной мысли такой выворачивает. А как же иначе, ведь это — один из главных инстинктов.

— Дюк, — простонал Харшоу, — ну как это вышло, что ты столько понимаешь во всяких железяках — и ровно ничего не понимаешь в себе самом? Тебе противно не потому, что это инстинкт, а потому, что это приобретенный рефлекс. Твоей матери совсем не требовалось говорить: «Сынок, никогда не ешь своих товарищей — это некрасиво, это гадко, хорошие дети никогда так не делают» — ведь ты впитывал эту заповедь из всей нашей культуры, так же, скажем, как и я. Анекдоты про людоедов, сказки, мультики, страшные истории, все что угодно. Да какой там, к чертовой бабушке, инстинкт, если исторически каннибализм — один из самых распространенных обы-

чаев, какую бы ветвь человеческой расы мы ни взяли. Твои предки, мои предки, предки любого человека были людоедами.

— Насчет *твоих* не знаю. А мои так точно не были.

— Господи. Слушай, Дюк, ты вроде бы говорил, что в тебе есть индейская кровь.

— Чего? Ну да, меня в армии Вождем краснокожих звали. Одна восьмая, ну и что? Я ничего позорного в этом не вижу. И вообще, я этим горжусь.

— Ну, ничего позорного в этом и правда нет, но и гордиться особо нечем. И в твоём и в моём родословных деревьях есть каннибалы, хотя твои каннибалы на много поколений ближе к тебе, чем...

— Ах ты, старая плешивая...

— А ну не булькай! Чуть не во всех культурах аборигенов Америки присутствовал ритуальный каннибализм — проверь в любой книге. Кроме того, любой из нас, североамериканцев, с вероятностью больше половины имеет примесь конголезской крови, сам о том не подозревая. Ну а тут ты уж сам понимаешь. Но будь мы с тобой даже из кристальнейше чистой североамериканской породы (мысль глупейшая, ведь дети, нагулянные на стороне, — явление во много раз более распространенное, чем думают) — даже и в этом случае мы попросту точнее знали бы, какие именно каннибалы являлись нашими предками, — в то или иное время каннибализм был у *любой* расы рода человеческого. Ну как может «противоречить инстинктам» практика, которой следовали сотни миллионов людей? Говорить так глупо и бессмысленно.

— Но... Ладно, Джубал, зря я, конечно, даже начал этот спор, ведь ты всегда все как-то перевернешь. И все равно, пусть даже мы произошли от дикарей, от людоедов — я с этим не согласен, конечно, но допустим. И что из этого? Теперь-то мы цивилизованные, верно? Во всяком случае, я — цивилизованный.

— С тонким намеком, что я — нет, — ухмыльнулся Джубал. — Знаешь, сынок, не говоря даже о том, что все мои условные рефлексы восстают против самой идеи погрызть обжаренный окорок — ну, скажем, твой, — не говоря даже об этом вби-

том в нас с детства предрассудке, я считаю общепринятое у нашего племени табу на каннибализм отличной идеей. И именно потому, что никакие мы не цивилизованные.

— Че-го?

— Не будь наше табу таким сильным, что ты вот даже принимаешь его за инстинкт, я мог бы составить очень длинный список людей, к которым не решился бы повернуться спиной, — при нынешних-то ценах на говядину. А ты?

— Да, пожалуй, — против воли ухмыльнулся Дюк. — Во всяком случае, со своей бывшей тещей я бы не стал рисковать. Она меня на дух не выносит.

— А как насчет нашего южного соседа, который с такой очаровательной небрежностью путает во время охотничьего сезона чужой скот с дичью? Думаю, если бы не это табу, то при первом же удачном случае мы с тобой тоже оказались бы в его морозильнике. А вот Майку я доверяю полностью, потому что Майк — *цивилизованный*.

— Чего? — в который уже раз недоуменно переспросил Дюк.

— Майк в высшей степени цивилизованный человек — только по марсианским стандартам. Я говорил с ним очень много и теперь знаю — каннибализм марсиан совсем не обозначает, что они подстерегают друг друга за углом с дубиной, чтоб оттащить потом домой и поджарить. Они не закапывают своих умерших в землю, не сжигают их и не оставляют на съедение диким зверям — как это принято в разных культурах рода человеческого, — а съедают сами, причем обычай этот носит обрядовый, в высшей степени религиозный характер. Ни один марсианин не становится пищей против своей воли, да и вообще они просто не понимают, что такое убийство. Марсианин умирает сугубо по собственному желанию и волеизъявлению, выбрав для этого наиболее подходящий момент, посоветовавшись с друзьями и получив от духов своих предков согласие принять его в свою компанию. Придя к окончательному решению, он умирает столь же просто и естественно, как мы закрываем глаза, — никакого насилия, никаких болезней,

даже никаких снотворных пилюль. Вот сейчас он жив — а через секунду стал духом. После чего, уж не знаю, сразу или немного погодя — Майк же время не воспринимает так, как мы с тобой, — то, что ему больше ни за чем не нужно, съедают друзья; намазывая куски горчицей, они восхваляют добродетели покойного и — выражаясь словами Майка — «грокают» его. Свежеиспеченный дух присутствует на пиру — это нечто вроде конфирмации или бар-мицвы, после которой он окончательно обретает статус «Старика» — в моем понимании это что-то вроде старейшины племени.

— Господи, — с отвращением сморщился Дюк, — какая дикость.

— Для Майка это весьма серьезный — и притом радостный — религиозный обряд.

— Джубал, — презрительно фыркнул Дюк, — неужели ты серьезно относишься ко всяким детским сказочкам про привидения? Тут самый обыкновенный каннибализм — в сочетании с дичайшими суевериями.

— Я бы лично так не сказал. Мне и самому трудно поверить в этих «Стариков», но Майк говорит о них как о чем-то самоочевидном. А что касается всего остального... вот ты, к какой церкви ты принадлежишь?

Услышав ответ Дюка, Джубал удовлетворенно кивнул головой:

— Так я и думал. К этой церкви принадлежит большинство населения Канзаса, а если и не к ней, то к какой-нибудь из настолько на нее похожих, что их только по названиям и различишь. Так вот, скажи мне, пожалуйста, как ты себя чувствуешь, принимая участие в символическом каннибализме, играющем ключевую роль в ритуале вашей церкви?

— Чего это ты такое плетешь? — удивленно вытаращился Дюк.

— Не понимаю, — пожал плечами в не меньшей степени удивленный Харшоу, — ты же был прихожанином? И посещал воскресную школу?

— Чего? Конечно же был. И родные мои верующие, как были, так и остались. Да и я тоже, хотя и хожу в церковь редко.

— Я начинал уже думать, что тебя ни разу не допускали, но если ты был полноправным прихожанином, то можешь и сам понять, о чем это я, — если дашь себе труд хоть на секунду задуматься. А разбираться в преимуществах одной формы ритуального каннибализма перед другой мне совершенно неинтересно, — добавил Джубал, вставая. — Все, Дюк, у меня не так много времени, да мне и попросту надоело выпутывать тебя из твоих предубеждений. Так уходишь ты или нет? Если да, надежнее и безопаснее будет проводить тебя до ворот. А может, ты все-таки хочешь остаться? Остаться и есть вместе с нами, с каннибалами.

Дюк опустил глаза:

— Да вроде как останусь.

— Как хочешь. Лично я умываю руки и за твою безопасность отвечать не намерен. Мы просмотрели пленки, думаю, у тебя хватит сообразительности понять, насколько опасен наш человеко-марсианин.

— Я не такой дурак, Джубал, как ты думаешь, — кивнул Дюк. — Только я не позволю Майку выжить меня отсюда. Вот ты, — добавил он, — говоришь, что он опасен. Ну и что, я же не собираюсь с ним цапаться. Кой хрен, если не считать людоедских заморочек, мне этот парень даже нравится.

— М-м-м... и все равно, Дюк, ты его недооцениваешь. Послушай, если ты и вправду хорошо относишься к Майку, предложи ему стакан воды, и дело с концом. Ты меня понимаешь? Тогда вы станете «братьями по воде».

— Э-э-э... ну, я еще подумаю.

— Только все должно быть по-настоящему, на чистом сливочном масле. Если Майк примет твое подношение, он сделает это с полной, убийственной серьезностью. Он тебе поверит, и если ты сам не готов ему поверить, если ты не готов безоговорочно поддержать его в любой ситуации, даже самой трудной ситуации, — оставь лучше все как есть. Либо полное доверие — либо ничего.

— Это я понимаю. Потому я и сказал, что подумаю.

— О'кей. Только не думай слишком долго. Сильно подзреваю, что скоро здесь начнется большое веселье.

14

Если верить Лемюзлю Гулливеру, ни один уважающий себя лапутянин не говорит и не слушает без помощи «клаймено-ле», или, в переводе на нормальный язык, хлопальщика. Этот слуга вооружен пузырем, привязанным к палке, его обязанность — хлопать своего господина по губам либо по правому уху, когда тому следует говорить или, соответственно, слушать. *Следует* — по мнению слуги. Побеседовать с лапутянином, принадлежащим к правящему классу, можно только с согласия его хлопальщика.

Земляне обычно считают записки о путешествии Гулливера выдумкой брюзги-священника. Как бы то ни было, ко времени, о котором идет речь, концепция хлопальщиков получила широкое распространение на планете Земля, видоизмененная и улучшенная до такой степени, что ни один лапутянин ее не узнал бы, разве что по духу.

Было время, когда каждый из князей земных вершил принародный суд, на котором ничтожнейший из подданных мог обратиться к нему прямо, без всяких посредников. Отголоски этой примитивной практики сохранялись очень долго, несмотря на то что монархи стали музейной редкостью и утратили власть. Еще в двадцатом веке любой англичанин мог публично воззвать к королевскому правосудию (никто из них этого не делал), а те из городских начальников, что поумнее, все еще держали двери нараспашку для любого нищего бродяги. Жалкие останки принципа свободного доступа граждан к правителям были мумифицированы в первой и девятой поправках к Конституции Соединенных Штатов, то есть возведены в ранг номинального закона для некоторой части населения Земли, хотя на практике и утратили всякую силу после издания Законов Мировой Федерации.

К тому времени, как корабль Федерации «Чемпион» вернулся с Марса на Землю, концепция хлопальщиков уже почти столетие как превратилась в разветвленную систему с весьма изощренными ритуалами, в которой принимали участие великое множество людей. Об относительном весе любой началь-

ствующей персоны можно было судить по количеству хлопальщиков, отделявших его от общения с простонародьем. Хлопальщики эти именовались специальными помощниками, личными секретарями, секретарями личных секретарей, пресс-секретарями, секретарями просто, и так далее, и тому подобное. В принципе, неважно было, как эти должности именовались, да и именовались ли вообще, — самым могущественным персонам это было без надобности, но всех хлопальщиков объединяло одно: каждый из них обладал абсолютной властью запретить Большому Боссу, своему номинальному господину, любую попытку общения с внешним миром.

Изобилие официальных хлопальщиков естественным образом привело к появлению хлопальщиков неофициальных, которые хлопали Большого Босса без позволения официальных своих коллег — либо во время приемов и прочих событий великосветской жизни, либо пользуясь, фигурально говоря, черным ходом, либо через личные, ни в одном справочнике не зарегистрированные телефоны высокого начальства. У неофициальных хлопальщиков также были свои названия — «партнер по гольфу», «член теневого кабинета», «лоббист», «бывший государственный деятель», «пятипроцентник» и т. д. и т. п. Неофициалы обрастали паутиной собственных хлопальщиков, в результате чего добраться до них становилось почти так же трудно, как до Большого Босса; нетрудно понять, что тут же появлялись вторичные неофициальные хлопальщики, чьей задачей было обойти хлопальщиков первичных неофициальных хлопальщиков (еще не запутались?). Неофициальная паутина, опутывавшая Персон Высшей Важности, таких, например, как генеральный секретарь Всемирной Федерации свободных государств, бывала не менее плотной и сложной, чем официальная паутина просто Важных Персон.

Некоторые земные ученые выдвигали предположение, что лапутяне, возможно, в свое время побывали на Марсе — якобы об этом свидетельствует не только их неумное стремление к жизни созерцательной, но и два убедительных факта: во-первых, считается, что лапутяне знали о существовании двух спутников Марса за полтора века до того, как их обнаружили

земные астрономы, а во-вторых, описание размеров, формы и способа движения самой Лапуты более всего напоминает так называемую «летающую тарелку». К сожалению, эта теория несостоятельна, потому что лапутянский институт хлопальщиков на Марсе совершенно неизвестен. Марсианские Старики нуждаются в хлопальщиках не больше, чем proverbialная рыба — в зонтике. Марсиане, все еще пребывающие в телесном состоянии, вроде бы и могли пользоваться услугами хлопальщиков, но не пользуются, — таковая концепция находится в вопиющем противоречии с марсианским образом жизни.

Если марсианин желает на несколько минут — либо лет — погрузиться в размышления, он сделает это без малейших колебаний, а если друг захочет с ним пообщаться — друг пождет. Когда в твоём распоряжении вечность, отпадает всякая необходимость спешить — в марсианском языке даже нет такого слова. Скорость, ускорение, одновременность и все аналогичные понятия воспринимаются марсианами чисто математически, не вызывая при этом никаких эмоций. А вот неустанная, нескончаемая спешка людской жизни никак не связана с математической неумолимостью времени, и основная ее причина лежит в отчаянной ярости, неизбежно проистекающей из дуполой организации рода человеческого.

Профессиональные занятия доктора Харшоу заключались в натягивании носа честнейшей публике, а хобби — в подрыве всех и всяческих основ и устоев; жизнь он вел (вполне сознательно, по личному своему свободному выбору) паразитическую, а к «спешке» относился почти по-марсиански. Прекрасно понимая, сколь коротка эта жизнь, и не обладая верой в бессмертие души ни по марсианскому, ни даже по канзасскому варианту, он решил прожить каждое из драгоценных ее мгновений так, словно мгновение это — вечность: без надежды и страха, но зато со вкусом. Чтобы добиться желаемого, ему не требовалось ничего столь экстравагантного, как дворец наслаждения Кубла-хана, окруженный «на десять миль оградой стен и башен», но и Диогеновой бочки было маловато; избранная Джубалом золотая середина представляла собой участок в не-

сколько акров, обнесенный электрифицированной изгородью, и четырнадцатикомнатный дом с шустрыми секретаршами, а также прочими удобствами. И скромный сей приют, и публичку, его населявшую, нужно было как-то содержать; Харшоу избрал для этого путь, дававший максимальный доход при минимальных усилиях, — что ни говори, лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным. Харшоу желал жить, как ему заблагорассудится, делая исключительно то, что нравится Харшоу.

Сейчас уважаемый доктор был крайне раздосадован, что обстоятельства вынуждают его к ненавистой спешке, — и ни за что не признался бы даже самому себе, что втайне получает от спешки этой удовольствие.

Он хотел переговорить с самым высоким чиновником третьей планеты и понимал, что система хлопальщиков делает такое желание практически невыполнимым для обычного человека. Харшоу не заводил приличествующего своему положению штата хлопальщиков; он подходил к телефону сам, и с большим удовольствием, — как знать, а вдруг это какой-нибудь малознакомый тип, на которого можно будет наорать, чтобы не беспокоил занятого человека без дела — без дела, конечно же, по мнению Харшоу. Он понимал, что во Дворце Правительства все совсем иначе, что мистер генеральный секретарь так вот просто к телефону не подойдет. Однако за плечами Харшоу была многолетняя практика преодоления всех и всяческих препон; он позавтракал и бодро взялся за дело.

Чтобы прорвать первые три линии обороны, ему хватило собственного имени. Худо-бедно, но Харшоу все-таки дотягивал до высокого титула Очень Важной Персоны, а потому трубку в разговоре с ним не бросали. Переходя от одного секретаря к другому, он в конце концов завяз на весьма благовоспитанном молодом человеке, который готов был слушать что угодно и сколько угодно, — однако даже и не собирался соединять его с достопочтеннейшим мистером Дугласом.

Харшоу понимал: скажи он, где сейчас находится Человек с Марса, и все закрутится со страшной скоростью, только вот в ту ли сторону закрутится? Нужно думать, упоминание имени

Смита поднимет на ноги «всю королевскую рать», а шансы на разговор с Дугласом сведутся к нулю. Такой вариант Харшоу не устраивал; богатый опыт подсказывал ему, что с Большим Боссом договариваться легче. Теперь, когда на карте стояла жизнь Какстона, нельзя было рисковать, что все дело сорвется из-за чрезмерного рвения исполнителей либо из-за недостатка у них полномочий.

Разговор с вежливым секретарем давно утратил всякий смысл, однако тянулся и тянулся, нудно и тоскливо.

— Молодой человек, — взревел в конце концов Харшоу, — если вы сами ничего не можете, так свяжите меня с кем-нибудь, кто может. Ну хотя бы с мистером Берквистом.

Лицо на экране мгновенно утратило улыбку; ну вот, милоч, со злорадным удовольствием подумал Джубал, не такой уж ты и непрошибаемый. Успех нужно было развивать.

— Ну так что? Вы пошевелитесь наконец или нет? Свяжитесь с Гилом по внутренней линии и расскажите, сколько времени вы меня тут проволынили.

Великолепная память Джубала сохранила все сведения о Берквисте, сообщенные как Свидетелем Кавендишем, так и нанятыми частными сыщиками. Так-так, радостно сообразил он, этот холуй Берквиста рангом пониже, да и прыть у него пожиже; самое время его основательно потряхнуть и перейти на следующую ступень иерархической лестницы.

— Никакого мистера Берквиста здесь нет, — бесцветным, как у автоответчика, голосом сообщил секретарь.

— А мне начхать, здесь он или нет. Найдите его. Не знаете, где искать, — спросите у своего начальника. Мистер Гильберт Берквист, специальный помощник мистера Дугласа. Если вы работаете во Дворце хотя бы неделю, то обязательно его видели — тридцать пять лет, шесть футов, сто восемьдесят фунтов, светлые волосы, слегка редеющие на макушке, все время улыбается, демонстрируя полный комплект великолепных зубов. Бойтесь звонить ему сами, так попросите своего начальника. Перестаньте грызть ноготь и делайте что-нибудь. Не злите меня.

— Подождите, пожалуйста, — сказал молодой человек. — Я сейчас выясню.

— Подожду, подожду, только вы там пошевеливайтесь. Мне нужен Гил.

На экране появился замысловатый орнамент. «Пожалуйста, подождите, ваш разговор будет продолжен, — сообщил приятный женский голос. — За время ожидания плата не взимается. Пожалуйста, подождите...»

Затем пошла негромкая, убаюкивающая музыка; Джубал огляделся по сторонам. Энн, сидит вне поля зрения видеофонной камеры и что-то читает. Майк, сидит с другой стороны, тоже вне поля зрения. Вперился в стереоящик; динамики включил, засунул в уши наушники и глядит не отрываясь.

Вот же черт, подумал Джубал, сегодня же скажу Дюку, чтобы закинул эту похабную механизму в подвал, где ей самое и место. Давно было нужно

— Ты что там, сынок, смотришь? — Он протянул руку к стереовизору и включил звук.

— Я не знаю, Джубал.

Звук подтвердил худшие из опасений: Смит созерцал фостеритское богослужение. В данный момент на экране Пастырь зачитывал церковные объявления:

— Показательные выступления юниорской команды «Сила духа», так что приходите пораньше, будет на что посмотреть! Тренер команды, брат Хорнсби, просил меня напомнить ребятам, чтобы брали с собой только шлемы, рукавицы и палки, — охота на грешников не предусмотрена. Однако Маленькие Ангелессы также придут, с аптечками и комплектами первой помощи, на случай, если кто-нибудь из парней переусердствует. — Пастырь замолк и широко улыбнулся. — А теперь, дети мои, потрясающая новость! Послание от ангела Рамзая брату Артуру Ренвику и его благоверной супруге Дороти. Ваша молитва была услышана и получила одобрение. Небеса примут вас в четверг, на восходе! Восстань, Арт! Восстань, Дотти! Поклонитесь!

Теперь в центре кадра были брат и сестра Ренвики, а вокруг них — море прихожан. Под оглушительные рукоплескания и крики «Аллилуйя» брат Ренвик поднял сжатые в боксер-

ском приветствии руки; зардевшаяся Дороти смущенно улыбалась и прикладывала к глазам уголок носового платочка.

И снова Пастырь; он протянул вперед руку, призывая аудиторию к тишине, а затем продолжил:

— Напутственная трапеза начнется ровно в полночь, в это же время будут закрыты двери храма, так что постарайтесь не опаздывать, и пусть это станет самым радостным пиршеством на памяти нашей общины, ведь каждый из нас горд за Арта и Дотти. Заупокойная служба через тридцать минут после рассвета, сразу за ней — завтрак для тех, кому рано на работу.

Пастырь неожиданно помрачнел, камера сделала наезд, и его голова заполнила весь объем стереоящика.

— По окончании последней из наших напутственных трапез церковный охранник обнаружил в одной из комнат счастья пустую бутылку из-под виски не нашего, производимого грешниками, сорта. Дело прошлое, оступившийся брат покался и уплатил семикратную епитимию, отказавшись даже от обычной скидки, предоставляемой при расчете наличными, — и я твердо уверен, что *он* впредь не оступится. Но вы, дети мои, остановитесь и задумайтесь — есть ли смысл ради грошовой экономии подвергать риску свое вечное блаженство? Следите, чтобы на каждой покупаемой вами бутылке был знакомый нам всем священный ярлык с улыбающимся лицом епископа Дигби. И пусть грешники сколько угодно твердят, что их напитки «ну ничем не хуже», — будьте тверды и не поддавайтесь ни на какие уговоры. Спонсоры оказывают нам неоценимую помощь, они вполне заслужили того, чтобы и вы им немного помогли. Прости меня, брат Арт, что мне пришлось поднять этот вопрос...

— Все в порядке, Пастырь, валяй!

— ...в минуту такой великой радости. Но мы не имеем права забывать...

Джубал с отвращением выключил звук.

— Майк, тебе такие вещи совсем не нужны.

— Не нужны?

— Э-э-э... — Джубал задумался. Да кой хрен, должен же парень когда-то во всем этом разобраться. — Ладно, гляди дальше. Но мы с тобой еще поговорим.

— Да, Джубал.

Харшоу собирался добавить пару слов, посоветовать Майку не понимать так уж буквально все увиденное и услышанное, но тут телефонная колыбельная стала затихать, а потом и совсем смолкла; на экране появился мужик лет сорока пяти, чистопороднейший коп.

— А вы-то кто еще такой? — нагло поинтересовался Джубал. — Мне нужен Гил Берквист.

— Чем вызван ваш интерес к Гильберту Берквисту?

— Я просто желаю с ним поговорить, — терпеливо, как слабоумному, объяснил ему Джубал. — Послушайте, милейший, вы состоите на государственной службе?

Копобразный мужик помедлил, он явно не понимал, к чему клонит его собеседник.

— Да. Но вы должны...

— Никому я и ничего не должен. Я законопослушный гражданин, а значит, именно я плачу вам зарплату — своими налогами. Я хочу поговорить с человеком по телефону, чего бы казалось проще, так целое утро меня пересылают от одного пустоголового осла к другому, и ведь каждый из них, заметьте, хлебает из общественной кормушки. Терпеть этого я больше не намерен. А теперь еще и вы. Сообщите мне, пожалуйста, свою фамилию, ранг, должность и служебный номер. А потом я побеседую с мистером Берквистом.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Кончайте, кончайте, вы и сами знаете, что я не обязан отвечать ни на какие ваши вопросы, ведь я — частное лицо. А вот вы — *не* частное лицо, и я задал вам вопрос, на который обязан отвечать любой государственный служащий. Прецедент — О'Келли против штата Калифорния, тысяча девятьсот семьдесят второй год. Я требую, чтобы вы назвали себя — фамилия, должность, номер.

— Вы — доктор Джубал Харшоу, — ровным, бесцветным голосом начал копоподобный тип. — Вы говорите из...

— Так вот почему вы столько вольтните? Неужели номер отслеживали? Еще одна глупость. Мой адрес можно получить

в любой библиотеке, почтовой конторе, телефонной справочной службе. Кто такой я — это известно любому. Любому, кто умеет читать. Вот вы, кстати, вы умеете читать?

— Доктор Харшоу, я — сотрудник полиции, и я обращаюсь к вам с требованием о содействии. По какой причине...

— Фу, сэр, фу! Не забывайте, что вы беседуете с юристом. Обязанность граждан оказывать полиции содействие возникает только при вполне определенных обстоятельствах. Например, во время непосредственной погони за преступником, однако и в этом случае сотрудник полиции обязан удостоверить свою личность. Так что же, сэр, вы сейчас гонитесь за преступником? Может, вы вознамерились просочиться сюда по телефонным проводам? Второй случай, когда гражданин обязан — в законных и разумных пределах — оказывать содействие полиции, это расследование.

— Мы проводим расследование.

— Расследование — чего? Прежде чем требовать моего содействия, вы обязаны представиться, доказать мне, что вы именно тот, за кого себя выдаете, сообщить цель проводимого расследования, а также — буде я того потребую — процитировать статью закона и доказать, что действительно возникла «разумная необходимость». Ничего из вышеперечисленного вы не сделали. Я хочу поговорить с мистером Берквистом.

На скулах полицейского играли желваки, однако ответил он по-прежнему спокойно:

— Я — капитан Хайнрих из Бюро Спецслужбы Федерации. Для удостоверения моей личности достаточно и того факта, что я говорю с вами из Дворца Правительства, однако если вы настаиваете...

Он вынул бумажник, открыл его и поднес к камере. Когда размытое изображение обрело четкость, Харшоу мельком взглянул на удостоверение и решил, что выглядит оно как настоящее, — впрочем, ему это было безразлично.

— Прекрасно, капитан, — пробурчал он. — А теперь будьте добры объяснить, почему вы не даете мне поговорить с мистером Берквистом.

— Мистера Берквиста здесь нет, и связаться с ним невозможно.

— Неужели нельзя было так сразу и сказать? Тогда свяжите меня с кем-нибудь аналогичного ранга. Мне нужен человек вроде Гила, работающий непосредственно с генеральным секретарем. И, ради всего святого, не пытайтесь подsunуть какого-нибудь старшего помощника младшего дворника, который без разрешения начальства и собственный свой нос высморкать не может. Я хотел поговорить с Гилом, нет его — подыщите другого человека с полномочиями того же уровня.

— Первоначально вы пытались связаться не с Берквистом, а с генеральным секретарем.

— Совершенно верно.

— В таком случае вы могли бы объяснить, какое у вас к нему дело?

— А могу и не объяснять. Вы что, личный помощник мистера Дугласа? Вы посвящены во все его секреты?

— Это не относится к делу.

— Очень даже относится, и вы, как сотрудник полиции, сами это знаете. Свое дело я объясню только собеседнику, имеющему право доступа к совершенно секретным материалам и пользующемуся личным доверием мистера Дугласа, — да и то объясню в очень малой степени, в такой, чтобы он связал меня с генеральным секретарем. Вы уверены, что мистер Берквист вне досягаемости?

— Абсолютно уверен.

— Очень жаль. Он бы живо все уладил. Тогда, как я уже десять раз говорил, дайте мне кого-либо с аналогичными полномочиями.

— Если дело такое уж секретное, вам не следовало звонить по открытой линии.

— Не надо этой бодяги! Мы с вами не вчера родились. Раз уж вы, милейший капитан, выяснили, откуда я звоню, вам, без всяких сомнений, известно, что мой телефон снабжен устройством, обеспечивающим максимальную защиту разговора, нужно только перезвонить от вас ко мне.

Это замечание сотрудник Спецслужбы предпочел проигнорировать.

— Доктор, — начал он все тем же ровным голосом, — я буду говорить с вами прямо и откровенно. Либо вы объясните свое дело мне — либо никому. Если вы позвоните во Дворец еще раз, вас снова свяжут со мной. Звоните хоть сто раз — хоть целый месяц — результат будет один и тот же. Вплоть до того момента, когда вы согласитесь на сотрудничество.

— А зачем еще звонить, — благодушно улыбнулся Харшоу, — когда вы по оплошности — а может, намеренно? — сболтнули единственный недостававший мне факт. Теперь мы можем и действовать — если, конечно, придется. Какое-то время — ну, скажем, до вечера — я их попридержу... но пароль уже не «Берквист».

— Какого хрена вы там мелете?

— Капитан, капитан, побойтесь бога! Такие разговоры — да по открытой линии... Вы, вероятно, знаете, во всяком случае — должны были бы знать, что я — старший философскулист действительной службы.

— Повторите, пожалуйста.

— Вы что, не проходили амфигорию? Мама родная, я, конечно, понимал, что теперь в школах ничему не учат, но чтобы до такой степени... Ладно, идите, доигрывайте с сержантом партию в дурачка, или во что вы там с ним играли, — мне вы больше не нужны.

Джубал прервал разговор, установил автоответчик на десятиминутный «отказ», сказал: «Пошли, ребята» и переместился на свое излюбленное место у бассейна. Затем он велел Энн держать свидетельскую мантию под рукой, сказал Майку, чтобы далеко не уходил, и проинструктировал Мириам, что делать с телефоном. И только тогда позволил себе расслабиться.

Харшоу не испытывал ни малейшего разочарования — он совсем не надеялся, что первая попытка связаться с генеральным секретарем по официальным каналам окажется удачной. Зато проведенная вылазка выявила в стене, окружавшей сию высокую персону, слабое место; можно было ожидать, что за

стычкой с капитаном Хайнрихом последует ответный звонок с более высокого уровня.

Или что-то в этом роде.

А хоть бы и нет — ведь до чего приятно было сказать этому эсэсовцу пару комплиментов, прямо на душе потеплело. Харшоу имел твердую уверенность, что некоторые ноги созданы специально для того, чтобы на них наступать — в целях улучшения рода человеческого, роста всеобщего благосостояния и уменьшения извечного чиновничьего хамства. Без всякого сомнения, ноги Хайнриха относились именно к такой разновидности.

Тревожило другое — сколько можно еще ждать? Во-первых, заготовленная «бомба» того и гляди придет в полную негодность, во-вторых, нужно выполнять данное Джилл обещание и делать что-то насчет Какстона. (Ох, ну почему это милое дитя никак не желает понять, что Бену уже вряд ли поможешь, а точнее — никак не поможешь, зато любой неосмотрительный или слишком поспешный поступок снизит шансы Майка сохранить свободу.) А тут еще новая напасть: исчез Дюк.

Причем кто его знает: то ли погулять ушел, то ли исчез с концами. Ужинал Дюк вместе со всеми, а к завтраку не вышел — факт настолько заурядный, что никто, за исключением самого Джубала, не обратил на него внимания. Отсутствию Дюка Джубал и сам обычно не придавал никакого значения, если только не возникало повода его позвать. А сегодня утром... разумеется, сегодня утром Джубал заметил его отсутствие и целых два раза удержался от привычного восклицания.

Он мрачно посмотрел на бассейн, где у противоположного бортика Майк делал очередную попытку в точности повторить прыжок Доркас. А ведь утром, признался себе Джубал, я вполне намеренно не спросил, куда подевался Дюк. Не хотелось спрашивать у волка, куда подевалась Красная Шапочка. Ведь волк мог бы и ответить.

Ну что ж, со своими слабостями нужно бороться.

— Майк, пойди-ка сюда.

— Сейчас, Джубал.

Человек с Марса мгновенно вылез из бассейна и подбежал — ну прямо тебе послушный, хорошо воспитанный щенок. Со времени своего прибытия в чемодане он прибавил добрые двадцать фунтов — и все это одни мышцы.

— Майк, ты не знаешь, где Дюк?

— Нет, Джубал.

Вот, собственно, и весь разговор, ведь этот мальчонка абсолютно не способен соврать... нет, погодите, погодите! Ведь Майк, что твой компьютер, понимает вопросы исключительно в буквальном смысле. А если еще вспомнить, что он не знал, где находится тот чертов ящик...

— Майк, когда ты видел его в последний раз?

— Я видел Дюка, когда он шел наверх, когда мы с Джилл спускались вниз, когда было время готовить завтрак. Я тоже помогал готовить, — гордо добавил Майк.

— И это был последний раз, когда ты видел Дюка?

— С того времени я не видел Дюка, Джубал. Я гордо сжег тост.

— Да уж, конечно. Отличный из тебя выйдет муж, если не поостережешься.

— О, я жег его очень осторожно.

— Джубал!

— Что? Да, Энн?

— Дюк встал пораньше, наскоро позавтракал и умотал в город. Я думала, ты знаешь.

— Ну... — несколько уклонился от истины Джубал, — он вроде бы говорил, что отправится после обеда. — С его сердца словно камень свалился.

Хотя какая, казалось бы, разница, что там приключилось с этим упрямым ослом? Доктор Харшоу уже многие годы не придавал ровно никакого значения ни одному человеческому существу, во всяком случае — старался не придавать. И все равно, было бы несколько неприятно.

Повернуть человека перпендикулярно по отношению ко всему остальному миру — какой, интересно, закон при этом нарушается?

Предумышленного убийства здесь нет — если, конечно же, Майк поступил так из соображений необходимой самообороны либо для необходимой защиты кого-либо другого, например Джилл. Тут могли бы подойти пенсильванские законы о колдовстве... да и то, было бы крайне любопытно посмотреть на конкретную формулировку обвинения.

Разве что гражданский иск... Предоставить приют Человеку с Марса — возможно ли расценить такой поступок как «создание угрозы для жизни и здоровья окружающих»? Все может быть. Похоже, придется вводить в юриспруденцию новые принципы. Майк успел уже расшатать все основы медицины и физики — хотя специалисты о том даже и не подозревают. К своему счастью. Ведь какой трагедией обернулось для многих ученых создание теории относительности. Неспособные понять новую физику, они нашли выход в яростном ее отрицании, обвиняя во всех смертных грехах и самого Эйнштейна, и его последователей. Только не выход это был, а тупик, судьба нестигаемой старой гвардии была предreshена — постепенно вымирая, она уступала место молодым, более восприимчивым умам.

От своего дедушки Харшоу слышал, что еще раньше появление микробной теории создало точно такую же ситуацию в медицине. Врачи сходили в могилу, называя Пастера лжецом, идиотом, а то и похуже, — и притом даже не пытались самостоятельно проверить данные, явным образом противоречившие их «здравому смыслу».

Судя по всему, Майк наведет больше шороха, чем Пастер и Эйнштейн, вместе взятые. Да, кстати о шорохе...

— Ларри! Где там Ларри?

— Здесь, начальник, — донеслось из динамика. — В мастерской я.

— Авральный пульт у тебя?

— Само собой. Ты же сказал даже спать с ним. Что я и делаю.

— Чеши сюда на полусогнутых и отдай его мне. А ты, Энн, положи его вместе со своим балахоном.

— Сей секунд, начальник, — весело откликнулся Ларри. — А что, уже скоро?

— Ты не болтай, а беги.

Только сейчас Джубал заметил, что Смит так и стоит перед ним, неподвижный, словно статуя. Статуя? Да, что-то такое... Ну конечно же! Микеланджеловский Давид! Полное сходство, вплоть до непропорционально крупных кистей и ступней, серьезного, но притом чувственного лица и длинных, чуть взъерошенных волос.

— У меня, Майк, собственно, все.

— Да, Джубал, — ответил тот, однако не уходил.

— Ты что, сынок, что-нибудь спросить хотел?

— Насчет того, что я видел в этом долбаном ящике. Ты сказал мне: «Но мы с тобой еще поговорим».

— А, вон ты про что, — страдальчески сморщился Джубал, вспомнив фостеритскую передачу. — Хорошо, только никогда не говори «долбаный ящик», это — стереовизор.

— Так это не долбаный ящик? — искренне изумился Майк. — Значит, я неправильно тебя слышал?

— Ну да, ящик, но *ты* должен называть его «стереовизор».

— Я буду называть его «стереовизор». Но почему, Джубал? Я не вгрокиваюсь.

Харшоу обреченно вздохнул — ну вот, опять за рыбу деньги. Раз за разом в разговорах со Смитом выявляются алогичные черты человеческого поведения, все попытки объяснить их логично не приводят ни к чему, кроме пустой траты времени.

— Я и сам не вгрокиваюсь, — признался он, — только Джилл не нравится выражение «долбаный ящик».

— Хорошо, Джубал, я буду говорить «стереовизор». Если Джилл так больше нравится.

— А теперь Расскажи мне, что ты видел и слышал в этом стереовизоре — и что из этого ты грокнул.

Последующий разговор оказался длиннее, невнятнее и путаннее обычного. Майк пересказал все увиденное им в стереоящике и все услышанное — вплоть до рекламных вставок. Кроме того, он почти уже закончил энциклопедию, а стало

быть прочитал статьи «Религия», «Христианство», «Ислам», «Иудаизм», «Конфуцианство», «Буддизм» и уйму смежного материала. И так и не смог ничего грокнуть.

Мало-помалу Джубал выяснил, что а) Майк не знал, что фостеритская служба — нечто религиозное; б) статьи по религии Майк запомнил, но не понял, а потому отложил все эти сведения до лучших времен, как материал для медитаций; в) смысл термина «религия» Майк представляет себе более чем смутно — хотя и может процитировать девять его определений из полного толкового словаря; г) марсианский язык не содержит ни одного слова и ни единой концепции, которые Майк мог бы соотнести *хоть с каким-нибудь* из этих девяти определений; д) обычаи, которые Джубал считал марсианскими «религиозными обрядами», таковыми отнюдь не являются, с точки зрения Майка все эти обычаи — нечто простое, естественное, самоочевидное; е) в рамках марсианского языка невозможно провести разделение между «религией», «философией» и «наукой» (в человеческом их понимании), а так как Майк, хотя уже и свободно говорит по-английски, думает все еще по-марсиански, он тоже не способен разделить эти понятия. Все подобные вопросы относились к области «поучений», даваемых «Стариками». Майк никогда не слышал о «сомнениях» и «исследованиях» (еще два понятия, неопределимые по-марсиански); Старики могут ответить на любой вопрос, они всезнающи и непогрешимы, вне зависимости, касается ли вопрос завтрашней погоды или космической телеологии. Майк видел по стереовизору прогноз погоды и счел его посланием местных «Стариков», адресованным воплощенной части рода человеческого. Аналогичным образом представлялись ему и авторы «Британской энциклопедии».

И последнее, с точки зрения Джубала, наихудшее обстоятельство: согласно гроканию Майка, двое людей, о предстоящем развоплощении которых сообщили фостериты, присоединятся к рядам человеческих Стариков. Майк был до крайности возбужден. Верно ли он грокнул? Майк понимал несовершенство своего английского, понимал, что, будучи «всею лишь яйцом»,

постоянно ошибается. Но вот в *этом* случае — тут-то он прокнул верно? Он так мечтает встретиться с человеческими Стариками, у него накопилось столько вопросов. Может, это и есть подходящий случай? Или сперва нужно много учиться у братьев по вере, а только потом думать о подобной встрече? А может...

И тут Джубал облегченно — словно школьник, которого спас звонок, — вздохнул: Доркас принесла кофе и бутерброды. Ел он молча, что вполне устраивало Смита; как считают марсиане, во время еды нужно предаваться размышлениям и созерцанию, поэтому шумные беседы за обеденным столом его расстраивали. А Джубал тянул это самое время, пытался размышлять — и крыл себя последними словами. Ну надо же было позволить Майку смотреть этот самый ящик! От религии, ясное дело, никуда не спрячешься, раз уж дернуло поселиться на такой психованной планетке, но только попривыкнуть бы ему сперва ко всем заморочкам человеческого поведения... да и вообще, не с фостеритов же начинать!

Убежденный агностик, Джубал Харшоу считал, что все религии — от анимизма бушменов из пустыни Калахари до наиболее интеллектуальных их разновидностей — друг друга стоят. Однако к некоторым верованиям он относился еще хуже, чем к прочим, а уж Церковь Нового Откровения попросту ненавидел. Наглые претензии фостеритов на обладание высшим знанием, полученным по прямой линии с небес, их агрессивная нетерпимость ко всем прочим религиям, их богослужения, похожие то ли на помесь футбольного матча с предвыборным митингом, то ли на помесь дешевой распродажи с партийным съездом, — все это повергало его в глубокую тоску. Если уж человеку приспичило ходить в церковь — кой черт он не выберет себе что-нибудь такое поприличнее? Ну, скажем, католиков, или Христианскую науку, или квакеров

Даже если Бог существует (по этому вопросу Джубал придерживался строгого нейтралитета) и желает поклонения (вариант почти невероятный, но полностью отбросить его нельзя — в свете собственного агностицизма), даже и в этом случае невозможно себе представить, чтобы Всемогущий Творец

галактик пришел в восторг от крикливой, аляповатой чуши фостеритских богослужений.

И все же, как с грустью признавался себе Джубал, совсем не исключено, что вселенная (точнее, известная ему часть вселенной), возможно, является иллюстрацией закона логического противоречия, в каком-то случае может оказаться, что именно фостериты обладают Истиной, всей Истиной и ничем, кроме Истины. Конечно же, Вселенная — местечко еще то, глупое до последнего предела... Но все равно наименее разумное для нее объяснение — это ничего не объясняющий случай, дурацкая выдумка, будто «так уж вышло», что некие абстрактные сущности оказались атомами, которые — «так уж вышло» — взаимодействуют между собой способом, выглядящим как стройная совокупность законов природы, и что «так уж вышло», что некоторые совокупности этих атомов обладают самосознанием, и «так уж вышло», что за этим столом сидят две такие совокупности — Человек с Марса и лысое старье с бордюром, в котором вынужденно проживает совсем не чувствующий себя стариком Джубал.

Нет уж, он никогда не купится на эту теориейку «так уж вышло», какой бы популярностью она ни пользовалась среди так называемых ученых. Слепая случайность никак не может быть достаточным обоснованием Вселенной — слепая случайность не может объяснить самое слепую случайность, никто еще не вытаскивал себя из болота за волосы — кроме, конечно же, барона Мюнхгаузена.

Ну и что же тогда? «Простейшая гипотеза» не заслуживает никакого предпочтения, бритва Оккама беспомощно скользит по поверхности изначального вопроса о Природе Божьего Разума, или, даже еще проще, — вопроса, существует ли Бог (и нечего тебе, старый мерзавец, кривиться, совсем не каждое слово из трех букв — непечатное, и слово это, «Бог», не хуже любого другого подходит для обозначения всего непонятного тебе в мире).

А есть ли вообще основания предпочитать одну, вроде бы удовлетворительную, гипотезу всем прочим? И это — когда ты вообще ничего не понимаешь? *Нет!* Джубал честно при-

знавал, что долгие годы жизни так и не дали ему ни малейшего понимания первичных, основных проблем Вселенной.

Может, фостериты и правы. Как ни старайся, Джубал не мог доказать их неправоту.

Так-то оно так, но не стоит забывать о собственной гордости, да и о вкусе — тоже. Если фостериты и вправду обладают монополией на истину и райские кущи открыты исключительно для этих клоунов, тогда он, Джубал Харшоу, джентльмен, предпочтет проклятие и вечные муки, предуготованные грешникам — грешникам, отвергшим Новое Откровение. Он не способен узреть Лик Господень, однако обладает зрением достаточно острым, чтобы различать, с кем из окружающих стоит общаться, — и фостериты по этой части далеко не дотягивают.

А на что купился Майк — это очень понятно; фостеритское «вознесение» в заранее предусмотренный момент действительно имело сходство с добровольным «развоплощением», общепринятым — в этом Джубал ничуть не сомневался — на Марсе. «Вознесение»! Скорее всего — обыкновенное убийство, хотя доказательств тому никогда не было, а последнее время и намеков как-то поубавилось. Первым отправился в рай по расписанию сам Фостер, умерший точно в предназначенный им для себя момент, с тех пор такое «вознесение» считалось у фостеритов знаком особой благодати... и многие уже годы ни один коронер не осмеливается копаться в обстоятельствах этих смертей.

И не то чтобы Джубала все это сильно волновало. Хороший фостерит — мертвый фостерит. Только вот как объяснить Майку?

Сколько ни тяни — никуда не денешься, лишняя чашка кофе ничем не облегчит задачу.

— Майк, а кто создал мир?

— Прошу прощения?

— Ну вот, все вокруг. И Марс. И звезды. Вообще все. И тебя, и меня, и всех остальных. Старики — они не говорили тебе, кто все это сделал?

На лице Майка появилось удивление.

— Нет, Джубал.

— Хорошо, ну а сам-то ты никогда не задавался таким вопросом? Откуда взялось Солнце? Кто усеял небо звездами? Кто дал всему начало? Всему, всему миру, Вселенной... в результате чего мы тут с тобой сидим и разговариваем.

Джубал смолк, сам на себя удивляясь. Юридическая подготовка взяла верх над первоначальными намерениями придерживаться привычного агностического подхода; против своей воли он, как честный адвокат, пытался отстаивать религиозные верования, присущие большинству людей. Волей-неволей Джубал оказался защитником общепринятых у своего племени взглядов против... а вот против чего — этого он и сам не понимал. Против точки зрения, отличной от человеческой.

— Так как же отвечают на эти вопросы твои Старики?

— Джубал, я как-то не грокаю... что все это — *вопросы*. Извини, пожалуйста.

— Что? Это я не грокаю твоего ответа.

— Я попробую, — нерешительно начал Майк. — Но только слова... эти слова... они *не верные*. Не «делать». Не «создавать». *Сейчаснить*. Мир был. Мир есть. Мир будет. И все — *сейчас*.

— Как в начале, так и ныне и присно и во веки веков.

— Ты грокаешь! — радостно улыбнулся Майк.

— Ничего я не грокаю, — пробурчал Джубал, — а просто цитирую сказанное... э-э... неким Стариком.

Он решил попробовать с другой стороны. Бог в своей роли Творца явно не подходил для начала разговора — Майк не воспринимал самую идею «Творения». Джубал тоже не очень-то ее понимал — еще в ранней молодости он договорился сам с собой по четным дням придерживаться постулата сотворенной Вселенной, а по нечетным считать ее никем-не-созданной-и-вечной, вроде как заглатывающей свой собственный хвост, — две эти парадоксальные гипотезы удачным образом избегали парадоксов друг друга. А каждый високосный год двадцать девятого февраля предаваться безудержному солипсистскому разврату. Урегулировав таким образом свои отношения с не-

разрешимым вопросом, он на многие десятилетия выкинул его из головы.

Оставалось, пожалуй, одно — объяснить концепцию религии в самом широком ее смысле, ну а Бога со всеми его ипостасями оставить вроде как на закуску.

Майк согласился, что поучения бывают самыми разными, от крохотных поучений до огромных, доступных во всей их полноте только Старикам. Однако попытка Джубала разграничить малые поучения и большие, придав при этом «большим поучениям» смысл «религиозных вопросов», не увенчалась успехом; некоторые из религиозных вопросов вообще не воспринимались Майком как «вопросы» (то же самое, к примеру, «Творение»), в то время как другие казались ему «маленькими» — ведь ответы на них очевидны для любого детеныша (например, жизнь после смерти).

Пришлось перейти прямо к множественности человеческих религий (так и не выяснив, кто же она такая — эта самая религия). Джубал рассказал Майку, что люди имеют сотни различных способов преподавать «большие поучения» и каждый из этих способов дает свои, отличные от прочих, ответы, и каждый претендует на истинность.

— Что есть истина? — удивился Майк.

(«Что есть Истина?» — спросил некий римский чиновник, а затем умыл руки. Джубалу очень хотелось поступить аналогичным образом.)

— Ответ является истиной, если ты говоришь то, что есть. Вот, скажем, сколько у меня рук?

— Две руки. Я вижу две руки, — тут же поправил себя Майк.

Энн подняла голову от вязания:

— Шесть недель работы — и я сделаю из него Свидетеля.

— Стихия. Тут и без тебя тошно. Так вот, Майк, ты сказал то, что есть. У меня две руки. Твой ответ — истина. Ну а если бы ты сказал, что у меня семь рук?

— Я не грокаю, что я мог бы это сказать, — растерялся Майк.

— Да, ты бы, конечно, не мог. Если бы ты так сказал, ты бы сказал то, чего нет, твой ответ не был бы истиной. И в то же время — слушай, пожалуйста, внимательно — каждая религия

претендует на истинность, по мнению каждой религии, именно она говорит то, что есть. Причем даваемые ими ответы столь же различны, как две руки и семь рук. Фостериты говорят одно. Буддисты говорят другое. Мусульмане говорят третье. Много ответов, и все разные.

— И все говорят то, что есть? — Майк был в крайнем замешательстве. — Я не грокаю, Джубал.

— Вот и я тоже.

Неожиданно лицо Майка просветлело.

— Я попрошу фостеритов, чтобы они спросили у ваших Стариков, и тогда мы все узнаем. Как мне это сделать, брат?

И тут как-то так вышло, что через несколько минут Джубал, к крайнему своему отвращению, обещал Майку организовать ему беседу с каким-нибудь из фостеритских трепачей — точнее, Майк воспринял его слова как обещание, ну вот так оно и вышло. Все попытки поколебать убеждение излишне доверчивого марсианина, что фостериты поддерживают связь с человеческими «Стариками», окончились безрезультатно. На свою беду, тот совершенно не понимал, что такое ложь, — словарные определения «лжи» и «ложности» были попросту занесены в его память, гроканью они не поддавались. «Говорить неверно» можно только по случайности или по недоразумению — так что он принял все фостеритские разглагольствования за чистую монету.

Джубал попытался объяснить, что *все* религии претендуют — так или иначе — на контакт со «Стариками» и дают при этом абсолютно различные ответы.

Майк слушал, не прерывая, терпеливо и озабоченно.

— Брат мой Джубал, — начал он, когда Харшоу смолк. — Я очень стараюсь... но никак не грокаю, как это может быть правильным говорением. С моим народом Старики всегда говорят правильно. Твой народ...

— Подожди-ка, Майк.

— Прошу прощения?

— «С моим народом» — это ты имел в виду марсиан. Но ведь ты, Майк, не марсианин, ты — человек.

— А что такое «человек»?

Джубал глухо застонал. Он не сомневался, что Майк может процитировать все словарные определения «человека». И в то же самое время этот парень никогда не задает вопросов из чистого занудства, он действительно хочет получить информацию — и надеется, что Джубал, его брат по воде, эти сведения предоставит.

— Вот я — человек, ты — человек, Ларри — человек.

— А Энн — она человек? Ведь человек — он.

— Н-ну... Энн — тоже человек, человек женского рода. Женщина.

— Вот спасибо.

— Заткнись, Энн.

— А младенец — человек? Я видел картинки, и по долба... по стереовизору. Младенец совсем не такой, как Энн... а Энн совсем не такая, как ты... а ты не такой, как я. Но ведь младенец — человек-детеныш?

— М-м... ну да, младенец — тоже человек.

— Джубал... я думаю, что я грокаю, что мой народ — «марсиане» — тоже человек. Не по форме. Форма — это не человек. Человек — это гроканье. Я говорю то, что есть?

Джубал дал себе страшную клятву выйти из Философского общества и начать выпиливать лобзиком. Да что оно такое — это самое «гроканье»? Он пользовался этим словом уже целую неделю — но так его и не грокнул. А что такое «человек»? Двухное без перьев? Тварь по образу и подобию Божию? Удачный продукт естественного отбора и всякой там борьбы за выживание — удачный, конечно же, по своему собственному мнению? Извечная жертва смерти и налогов? Сколько можно понять, марсиане превзошли смерть, и у них, похоже, нет ни денег, ни собственности, ни правительства (в человеческом смысле этого слова), — где же тут взяться налогам?

И все равно парень прав, форма человека не больше определяет его сущность, чем форма бутылки — вкус вина. Можно даже вытащить человека из этой бутылки — ну, вроде как того, чью жизнь спасли русские, — «спасли», засунув его мозг в стеклянный ящик и опутав проводами, что твой телефонный ком-

мутатор. Да уж, как говорится, дурак ты, боцман, и шуточки у тебя дурацкие. Интересно, оценил ли их юмор этот бедолага?

Ну а чем же тогда — с точки зрения марсиан — человек отличается от прочих животных? Ну что такое наши технические достижения для них, для расы, умеющей левитировать (и одному Богу известно, что еще)? Да и что произведет на них большее впечатление — построенная людьми Асуанская плотина или построенный какими-то кишечнополостными Большой Барьерный риф? Присущее человеку самосознание? Точнее уж сказать — присущее человеку хвастовство, ведь никто не доказал, что кашалоты и секвойи не имеют в своих рядах поэтов и философов, далеко превосходящих все людские таланты.

Есть, правда, одна область, в которой человека трудно превзойти, он проявляет прямо-таки безграничную изобретательность в создании все более эффективных методов убийства, порабощения, да и попросту издевательства над ближним своим — то бишь над самим собой. Человек — это самая мрачная пародия на себя самого. Глубинные основы человеческого юмора...

— Человек, — ответил Джубал, — это животное, способное смеяться.

Майк задумался.

— Значит, я — не человек.

— Как это?

— Я не смеюсь. Когда я услышал смеяние, я испугался. Потом я грокнул, что от него нет вреда. Я попробовал научиться... — Майк закинул голову и хрипло завохтал, будто обезумевшая кукабара.

Джубал в ужасе заткнул уши:

— *Прекрати сейчас же!*

— Вот, ты слышал, — печально констатировал Майк. — Я не могу правильно делать это. Значит, я — не человек.

— погоди секунду. Ты просто не успел еще научиться... а вот так, напрягаясь, и никогда не научишься. Но ты будешь смеяться, уж это я тебе обещаю. Поживи среди нас подольше,

и ты однажды поймешь, какие мы шуты гороховые, — и засмеешься.

— Я засмеюсь?

— Непременно. И не беспокойся, не надо ничего грокать, все придет само собой. Знаешь, сынок, грокнув нас, рассмеялся бы самый марсианский марсианин.

— Я буду ждать, — покорно согласился Смит.

— А пока ждешь, не сомневайся, что ты — тоже человек. Кем же ты еще можешь быть? Человек, рожденный от женщины и рожденный на страдание... — и однажды ты грокнешь это во всей полноте и расхохочешься, ибо человек — это животное, смеющееся над самим собой. Насчет марсианских твоих друзей я точно не знаю. Но грокаю, что и они, наверное, тоже люди.

— Да, Джубал.

Ну, пожалуй, и все, с облегчением вздохнул Харшоу. Он не испытывал такой, как сегодня, неловкости с того самого дня, когда отец начал объяснять ему о птичках и пчелках и цветочках — объяснять с *колоссальным* опозданием.

Однако Майк совсем не считал беседу законченной.

— Брат мой Джубал, ты спрашивал меня, «кто создал мир», и у меня не было слов объяснить, почему я не грокал, что это — вправду вопрос. Я сейчас думал слова.

— Ну и?

— Ты сказал мне: «Бог создал мир».

— Да нет же, нет! — запротестовал Харшоу. — Я сказал тебе, что все эти религии говорят много самых разных вещей, но при этом бо́льшая их часть говорит: «Бог создал мир». Я сказал, что не грокаю этого в полноте, но тут используется слово «Бог».

— Да, Джубал, — согласился Майк. — Главное слово здесь «Бог». — Он немного помолчал. — Ты грокаешь.

— Должен признаться, что я совсем не грокаю.

— Ты грокаешь, — уверенно повторил Смит. — Я теперь объяснен. У меня не было слова. Ты грокаешь. Энн грокает. Я грокаю. Травы под моими ногами грокают в счастливой красоте. Но я нуждался в слове. Слово это — Бог.

— Ну-ка, ну-ка, продолжай.

Майк торжествующе ткнул в Джубала пальцем:

— *Ты еси Бог!*

Джубал в отчаянии шлепнул себя по щеке.

— Ох ты ж, господи ты боже ты мой... Это что же такое я наделал. Слушай, Майк, ты успокойся. Ты меня не так понял. Ну прости меня, прости, пожалуйста. Забудь все, что я тут тебе наплел, и мы попробуем как-нибудь в другой раз. Только...

— Ты еси Бог, — с убийственной серьезностью повторил Майк. — Тот, который грокает. Энн — Бог. Я — Бог. Счастливые травы — Бог. Джилл всегда грокает в красоте. Джилл — Бог. Все делают и творят вместе... — Он прохрипел что-то по-марсиански и широко улыбнулся.

— Хорошо, Майк, хорошо, но оставим пока все это. Энн, ты слушала?

— А то как же.

— Тогда напечатай. Мне нужно будет над этим поработать. Я не могу все так оставить. Я обязан... — Джубал вскинул глаза к небу, тяжело вздохнул, пробормотал: «Ой, господи» — и тут же заорал: — Полундра! Все по местам! *Энн!* Установи на пульте «посмертное срабатывание» и держи палец на кнопке, бога ради, — может, они и не к нам летят. — Он еще раз взглянул в небо, на две приближающиеся с юга машины. — Да нет, боюсь, что к нам. Майк! Живо в бассейн! Помни, что я тебе говорил, — в самое глубокое место, ложись на дно, не шевелись и не вылезай, пока к тебе не нырнет Джилл.

— Да, Джубал.

— А тогда — давай! *Шевелись!*

— Да, Джубал. — Майк пробежал несколько шагов, чисто, без брызг, вошел в воду и исчез. Ноги у него были прямые, носки оттянуты, ступни сжаты.

— *Джилл!* — продолжал распоряжаться Харшоу. — Прыгай в бассейн, нырни и сразу же вылезай. И ты тоже, Ларри, пусть они собьются со счета. Доркас! Выбирайся оттуда и снова нырай. Энн... да нет, ты ж на кнопке.

— Я могу прихватить свою мантию и подойти к бассейну. Начальник, эту самую «посмертную установку» — ее с запаздыванием или мгновенную?

— Н-ну, поставь тридцать секунд. Если они приземлятся, накидывай свой балахон и сразу же жми на кнопку. Потом жди, а когда я позову тебя — сразу отпускай. Не хочется кричать «Волки!», пока... — Он сделал руку козырьком и посмотрел вверх. — Одна заходит на посадку... и как-то она сильно смахивает на арестантский фургон. Вот зараза, я-то думал, наши гости начнут с переговоров.

Первая машина на мгновение зависла, а затем села рядом с бассейном, прямо на клумбы; вторая только снизилась и начала описывать круги на высоте в несколько десятков метров. Обе они были средних — примерно на пехотное отделение — размеров и принадлежали, судя по стилизованным изображениям земного шара, не местным властям, а Федерации.

Энн отложила авральный пульт, накинула мантию, тут же торопливо схватила его и нажала на кнопку. Едва машина коснулась земли, как Джубал с агрессивностью пекинеса рванулся вперед.

— А ну-ка, к долбаной матери, с моих цветов! — заорал он высунувшемуся из дверцы человеку.

— Джубал Харшоу? — осведомился тот.

— Скажи своему раздолбаю, чтобы поднял эту таратайку и сдвинул ее *назад*. На траву, кой хрен он на цветы плюхнулся! Энн!

— Иду, начальник.

— Джубал Харшоу, у меня есть ордер на арест...

— А мне по фигу, хоть там у тебя ордер на короля английского, — убирайтесь на хрен с моих цветов. А потом, ну как бог свят, я затаскаю вас по судам за... — Только теперь Джубал заметил, с кем разговаривает (или сделал вид, что только теперь).

— Ах, это *вы*! — презрительно процедил он. — Интересно бы знать, Хайнрих, вы дурак — или сроду так? Где вы выбрали себе такого классного пилота? Как ему права-то дали?

— Ознакомьтесь, пожалуйста, с этим ордером, — ровным, терпеливым голосом произнес Хайнрих. — После этого...

— Уберите свою тачку с моей клумбы, иначе я возбуждаю дело о нарушении гражданских прав, и вам велят такие убытки, что пенсии не хватит расплатиться.

Хайнрих растерялся.

— *Сию же секунду!* — заорал Харшоу. — И скажите своим олухам, чтобы смотрели под ноги. Вон тот придурок с кривыми зубами — он же вперся прямо в куст премированных роз Элизабет М. Хьюитт.

Хайнрих повернулся к своим подчиненным:

— Вы там, ребята, правда поосторожнее. Паскин, сойди с цветов. *Роджерс!* Поднимай машину, посади ее на траву. Ну как, — взглянул он на Джубала, — это вас удовлетворит?

— Удовлетворит — когда он передвинется. Но за убытки вы все равно заплатите. Предъявите, пожалуйста, документы — и мне, и Честному Свидетелю, — а затем громко, разборчиво назовите свою фамилию, имя, место работы, должность и служебный номер.

— Вам известно, кто я такой. У меня есть ордер, дающий право...

— А у меня и безо всяких ордеров есть право приласкать вас из ружья картечью — если вы не будете вести себя в строгом соответствии с законом. Лично я не имею представления, кто вы такой. Да, вы похожи на того напыщенного идиота, с которым я говорил по телефону, — но я не намерен, да и не могу удостоверить вашу личность. Это *вы* обязаны удостоверить свою личность, и вполне определенным способом, в соответствии с частью второй тысяча шестьсот второй статьи Всемирного кодекса, — и только после этого можно будет говорить о каких-то там ордерах. То же самое относится и к этим вашим гориллам, и к питекантропу, который у вас за штурвалом.

— Все они — сотрудники полиции, находящиеся у меня в подчинении.

— А почему я должен вам верить? Вдруг они взяли свою форму напрокат, в костюмерной какого-нибудь театра, а ско-

рее — цирка? Буква закона, сэр! Вы вломились в мою крепость. Вы говорите, что являетесь сотрудником полиции, — и даете понять, что имеете ордер, узаконивающий ваше вторжение. Но я не получил никаких тому доказательств, а потому на настоящий момент вы — не более чем громилы, и у меня есть полное право вышвырнуть вас отсюда силой. К чему я и приступлю ровно через три секунды.

— Не советовал бы.

— Еще бы вы советовали! Если при попытке осуществить свои права я пострадаю, ваши действия из вторжения на чужую территорию превратятся в нападение, в вооруженное нападение, если эти хреновины, которыми размахивают ваши пентюхи, — действительно оружие. К иску гражданскому добавится уголовный — да я шкуру с вас сдеру и пущу на полковик! А ну-ка, — Джубал размахнулся костлявым кулаком, — вон отсюда!

— Подождите, доктор. Жалко, конечно же, времени, но пусть будет по-вашему. — Полицейский побагровел, однако говорил все тем же ровным, спокойным голосом.

Дальше все пошло гладко и без эксцессов. Хайнрих предъявил Джубалу удостоверение, быстро получил его обратно и предъявил снова, на этот раз — Энн. Затем он назвал свою фамилию, имя и служебный номер, а также сообщил, что является сотрудником Бюро Спецслужбы Федерации, в чине капитана полиции. Лицо Хайнриха словно закаменело; повинуюсь приказаниям своего начальника, через ту же унижительную процедуру прошли и остальные шесть полицейских, а последним — пилот.

— А теперь, капитан, — расплылся в любезной улыбке Джубал, — чем могу быть полезен?

— У меня есть ордер на арест Гильберта Берквиста с правом осмотра вашего участка и всех находящихся на нем строений.

— Покажите, пожалуйста, его мне, а затем — Свидетелю.

— Сейчас. У меня есть еще один ордер, аналогичный первому, на арест Джиллиан Бордман.

— Кого?

— Джиллиан Бордман. По обвинению в похищении человека.

— Господи, какой ужас!

— И еще один, на Гектора С. Джонсона... и на Валентайна Майкла Смита... и еще на вас, на Джубала Харшоу.

— На меня? Что, неужели опять налоги?

— Нет. Соучастие в том, соучастие в сем... необходимый следствию свидетель... не будь у меня этого ордера, я арестовал бы вас и так, за создание помех действиям сотрудников правоохранительных органов.

— Да бросьте вы, капитан, какие там помехи! Я же оказываю полное вам содействие — с того момента, как вы удостоверили свою личность и начали вести себя в соответствии с законом. Я готов продолжить это сотрудничество. Что, конечно же, не значит, что я отказался от намерения возбудить иск — и против вас, и против вашего непосредственного начальника, да и против правительства тоже — за незаконные действия, совершенные вами вначале... и я ни в коем случае не отказываюсь от своего права опротестовать любые незаконные поступки, которые вы либо ваши подчиненные можете совершить в дальнейшем. М-м-м... большой, однако, у вас список. Теперь понятно, зачем потребовалась вторая машина. Вот только — погодите, погодите! — как-то все это странно. Эта самая, как ее, миссис Боркман? — она обвиняется в похищении некого Смита... а вот тут другой ордер, и там *он* обвиняется в побеге из места заключения. Что-то я не все тут понимаю.

— Все так и есть. Он бежал — а она его похитила.

— Не слишком ли это сложно? Чтобы и то и другое — сразу. А почему его держали в заключении? В ордере об этом ни слова.

— Мне-то откуда знать? Он бежал, вот и все. Теперь он — беглый.

— Ну и ну! Стоит, пожалуй, вспомнить, что я — адвокат, и предложить им обоим свои услуги. Интереснейшее дело! Если тут была допущена некая ошибка — или даже ошибки, — могут выясниться самые неожиданные обстоятельства.

— Мне кажется, вы забыли, — холодно улыбнулся Хайнрих, — что тоже попадете в каталажку.

— Смею вас заверить, что совсем ненадолго. — Джубал повернулся к дому и заговорил громче: — У меня тоже есть адвокат. Если, как я надеюсь, нас слышал судья Холленд, рассмотрение *habeas corpus* — для всех нас — произойдет очень быстро. А если где-нибудь в окрестностях есть рассылная машина «Ассошиэйтед пресс», не придется терять времени на выяснение, куда и кому нужно вручать повестки.

— Мелкий жулик — он всегда мелкий жулик, так, что ли, Харшоу?

— Клевета, мой дражайший, типичная клевета. И я это запомню.

— Запоминайте сколько хотите. Свидетелей-то нет.

— Вы так думаете?

15

Валентайн Майкл Смит пересек наполненный мутноватой водой бассейн и обосновался в самой глубокой его части, под трамплином. Он не знал, почему брат сказал ему спрятаться, он даже не знал, что прячется. Его брат Джубал попросил его лечь на дно и не подниматься, пока не придет Джилл, этого было достаточно.

Он свернулся клубком, выпустил из легких воздух, заткнул горло языком, закатил глаза, уменьшил частоту сердцебиений и стал практически мертвым — только что не покинул телесную оболочку. Затем он растянул свое личное время, так что секунды казались часами, — нужно было многое грокнуть, а когда придет Джилл, он не знал.

Он знал, что ему снова не удалась попытка достигнуть идеального понимания, полного взаимопроникновения — гроканья, — которое должно устанавливаться между братьями по воде. Не удалось именно ему, именно он неверно пользовался странным, неоднозначным человеческим языком. А в результате Джубал расстроился.

Смит знал, что его людские братья способны переносить — безо всякого для себя вреда — огромные эмоциональные нагрузки, и все равно очень жалел, что расстроил Джубала. И ведь в тот самый момент, когда вроде бы удалось грокнуть самое трудное из человеческих слов. А чему тут, собственно, удивляться, ведь еще в самом начале своего обучения у брата Махмуда он усвоил, что если длинные человеческие слова имеют обычно почти постоянное значение, то короткие склонны меняться самым странным и непредсказуемым образом. Так, во всяком случае, грокалось. Короткие человеческие слова были совсем непохожи на короткие марсианские слова, вот как «грок», которое всегда означало одно и то же. Вникать в короткие человеческие слова — все равно что резать воду ножом.

А тут — совсем короткое слово.

К тому же Смит по-прежнему чувствовал, что грокнул слово «Бог» совершенно верно, — путаница возникла из-за неумелого подбора других слов. Ведь описываемая им концепция была настолько простой, настолько основополагающей, что объяснить ее мог бы и детеныш — по-марсиански. Нужно только найти человеческие слова, которые позволят говорить верно, и нужным их сочетанием добиться полной передачи того, что так просто выражается на родном языке.

И все-таки странно, что возникают какие-то трудности с этим понятием, даже когда говоришь по-английски, ведь это знает каждый... иначе они не могли бы грокать, оставаясь в телесной форме. А может, перестать бороться с вечно ускользающими значениями и обратиться за помощью к человеческим Старикам — пусть объяснят, как выразить эту мысль. Тогда придется подождать обещанной Джубалом встречи — ведь он, Майк, всего лишь яйцо и сам этого сделать не может.

Он почувствовал легкий укол сожаления, что не удостоен чести присутствовать при развоплощении брата Арта и брата Дотти.

А затем начал наново просматривать в уме вебстеровский Новый международный словарь английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Смит находился далеко, очень далеко, и все равно остро ощутил тревогу: братьям по воде, оставшимся на берегу, угрожала опасность. Отложив свои словарные воспоминания между «стереотипом» и «Стирлингом», он начал думать. Следует ли покинуть воду жизни и присоединиться к братьям, чтобы грохнуть и разделить их беду? Дома все было просто и однозначно — беду встречают все вместе, в радостном единении.

Но здесь все было очень странным. И Джубал сказал ему ждать, когда придет Джилл.

Он вспомнил слова Джубала, тщательно сравнил их с другими человеческими словами, чтобы иметь полную уверенность в правильном гроканьи. Нет, все так и есть — он должен ждать, пока не появится Джилл.

И все же Смит так четко ощущал тревогу, которую испытывали его братья, что не мог вернуться к своему словарю. Долгое гроканье было вознаграждено идеей, настолько смелой и неожиданной, что он задрожал бы от восторга — будь его тело способно сейчас дрожать.

Джубал сказал ему поместить тело на дно бассейна и оставить его там до прихода Джилл, — но разве же говорил Джубал, чтобы и *он сам* ждал вместе с телом?

Идею следовало обдумать тщательно и не торопясь — скользкие человеческие слова могут привести (и часто приводили его) к ошибке. В конце концов все сомнения исчезли — Джубал не приказывал ему оставаться в теле, таким образом появляется выход из нестерпимого положения, появляется возможность разделить с братьями их беду.

Он решил прогуляться.

Тут нужно сказать, что Смит был сам потрясен собственной наглостью; он, конечно, и раньше предпринимал такие выходы, дважды, но никогда вот так, «без инструктора», а только в неременном сопровождении Старика, который следил и за ним, и за оставленным телом, не давал потерять ориентировку в новых ощущениях и заблудиться, заботился о возвращении в плотскую оболочку.

Сейчас Стариков под рукой не было, однако Смит чувствовал дерзкую уверенность, что справится и сам, причем не по-

срамит своих наставников. Он проверил каждый орган свернувшегося калачиком тела, убедился, что оно в полной безопасности, а затем осторожно выбрался наружу, оставив лишь малую часть себя присматривать за телом.

Поднявшись из воды, он встал на край бассейна; главное средство против утраты ориентации — это вести себя так, словно ты пребываешь в воплощенном состоянии, — иначе можно забрести в незнакомые места и не найти обратной дороги, навсегда лишиться тела.

Смит огляделся.

Прямо посреди сада приземлялась машина, попавшие под нее существа жаловались на боль и унижение. Может быть, это и есть почувствованная им беда? Трава предназначена, чтобы по ней ходили, цветы и кусты — не предназначены. Это — неправильно.

Нет, здесь есть другая, бóльшая неправильность. Из машины выходит человек, одна его нога готова коснуться земли, а навстречу уже несется Джубал — несется и швыряет в него свой холодный гнев. Вспышка такой яростной силы, направленная одним марсианином на другого, заставила бы их обоих мгновенно развоплотиться.

Смит отметил это как материал для дальнейшего обдумывания, нужно было разобраться, критический ли это момент и возникла ли необходимость прийти брату на помощь. Затем он посмотрел, чем заняты остальные.

Доркас выбирается из бассейна, она озабочена, но не очень; Смит почувствовал ее веру в Джубала. Ларри только что вылез, падающие с него капли воды словно замерли в воздухе. Ларри полон веселого возбуждения, его уверенность в Джубале абсолютна. Рядом с ним Мириам, ее настроение — что-то среднее между настроениями Ларри и Доркас. Чуть поодаль стоит Энн, одетая в длинную белую накидку, которую она весь день носила с собой. Ее настроение не грокалось, вместо этого Смит почувствовал холодную, непоколебимую выдержку, свойственную Старикам. Поразительно — ведь Энн всегда казалась такой мягкой и нежной.

Он увидел, что Энн внимательно следит за Джубалом, в напряженной готовности броситься ему на помощь. И Ларри тоже!.. и Доркас!.. и Мириам! Так, значит, все они — братья Джубала по воде, а значит — и его братья! Смит едва не оторвался полностью и от своего тела, и от этого места — настолько потрясло его неожиданное прозрение. Пришлось сделать над собой усилие, успокоиться, а затем воспринять и восхвалить их всех, вместе и по отдельности.

К краю бассейна подплыла Джилл, несколько секунд назад нырявшая на дно проверить, как там Смит. Оставленная им малая часть себя ощутила близкое, заботливое присутствие, но сейчас новое, более острое зрение подсказывало — у Джилл есть и другое, гораздо большее беспокойство, беспокойство, ничуть не уменьшившееся знанием, что ее подопечный цел и невредим. Нужно, взволнованно подумал Смит, подойти к ней и дать понять, что я рядом, что я разделяю ее горести.

Мешало смутное чувство вины: не было никакой уверенности, что Джубал одобрит бестелесную прогулку. Смит пошел на компромисс: он разделит беды братьев, а присутствие свое обнаружит только при крайней необходимости.

Он взглянул на человека, так и не успевшего еще выйти из летающей машины, почувствовал его эмоции — и в ужасе отшатнулся. Но затем справился с собой и приступил к тщательному изучению, как наружному, так и глубинному.

Сложной формы карман, прикрепленный к поясу человека, содержал огнестрельное оружие.

Или что-то очень на него похожее. Смит скрупулезно, до мельчайших подробностей, осмотрел лежащий в странном кармане предмет, сравнил его с теми образцами оружия, которые видел раньше, и с определением огнестрельного оружия, имевшимся в вебстеровском Новом международном словаре английского языка, третье издание, опубликованное в Спрингфилде, штат Массачусетс.

Да, это оружие — не только по форме, но и по окружающей, насквозь пропитывающей его неправильности. Чтобы еще раз изучить действие оружия, Смит заглянул в ствол и ощутил почти удар плотной, концентрированной неправильности.

Не следует ли удалить эту вещь со всей ее неправильностью? И прямо сейчас, прежде чем человек выйдет из машины. Смит чувствовал, что так и надо... Но ведь Джубал говорил не делать ничего такого без его указаний.

Смит понял, что находится в критической точке, где необходимо делать выбор... однако решил задержаться в ней подольше, пока не удастся все грохнуть, — вполне возможно, что Джубал предвидел приближение этой точки и отослал его на дно бассейна именно во избежание поспешных ошибочных действий.

Он будет ждать... и безотрывно наблюдать за этим оружием. Не ограниченный возможностями глаз, способный при необходимости видеть сразу все окружающее, Смит вошел в машину, не теряя при этом из виду человека с его оружием.

Ошеломляющее, невообразимое количество неправильностей! У двери, за спиной первого человека, столпились другие, еще один сидит. Их мысли пахнут подобно стае кагов, выслеживающих беспечную нимфу... и в руках каждого из них — тот или иной предмет, насквозь пропитанный неправильностью.

Смит хорошо знал — и говорил однажды об этом Джубалу, — что форма никогда не имеет решающего значения; чтобы грохнуть предмет, нужно проникнуть в его внутреннюю суть. В своем развитии марсиане проходят пять главных стадий: яйцо, нимфа, детеныш, взрослый — и Старик, вообще не имеющих формы. Но суть Старика определяется уже в яйце.

Предметы напоминали оружие, однако Смит не стал спешить с выводами, а тщательно изучил один из них. Предмет был крупнее любого оружия, виденного им прежде, он имел иную форму и совершенно иное устройство.

И все же он был оружием.

Один за другим — и столь же тщательно — Смит изучил остальные предметы. Все они оказались оружием.

У человека, оставшегося сидеть, было небольшое оружие, подвешенное к поясу.

В саму машину было встроено два огромных оружия — плюс много других вещей, не грокавшихся, однако пронизанных неправильностью.

А может, слегка повернуть эту машину, чтобы она выпала из мира, вся, со всем своим содержимым? Мешало с детства усвоенное убеждение, что пищу надо беречь, к тому же происходящее не было еще толком грокнуто. Смит решил не торопиться, внимательно наблюдать, при наступлении крайней необходимости — объединиться с братьями и помочь им... ну а если правильным действием окажется бездействие, вернуться — когда критическая точка минует — в тело, а позднее обсудить все случившееся с Джубалом.

Он вышел из машины и начал смотреть, слушать и ждать.

Первый человек обсуждал с Джубалом совершенно незнакомые Смицу вещи, гроканье их приходилось отложить на будущее. Толпившиеся у двери люди тоже покинули машину и тут же разошлись по сторонам; Смицу пришлось расширить сферу своего внимания. Машина поднялась, передвинулась и снова опустилась. Существа, придавленные ею прежде, получили облегчение; Смит грокал вместе с этими несчастными, стараясь залечить их раны, уменьшить их боль.

Первый человек дал Джубалу бумаги, затем их прочитала Энн, а вместе с ней и Смит. Словосочетания оказались знакомыми, связанными с человеческими ритуалами исцеления и равновесия. Смит не успел еще грокнуть эти — встречавшиеся ему только в книгах — ритуалы, а потому не стал грокать привезенные человеком бумаги, тем более что Джубала они совершенно не беспокоили — неправильность была совершенно в другом месте. На двух бумагах Смит с восторгом обнаружил собственное свое человеческое имя: читая его, он всегда испытывал возбуждение — на мгновение казалось, будто находишься в двух различных местах одновременно. Ерунда, конечно же, ведь такое доступно только Старикам.

Джубал и первый человек направились к бассейну, следом за ними, ни на шаг не отставая, — Энн. Чтобы они двигались побыстрее, Смит ослабил растяжение времени — не очень, правда, сильно, ведь нужно было следить и за остальными людьми. Ну вот к группе присоединились еще двое, они заняли позиции по сторонам и чуть сзади.

Первый человек остановился рядом с бассейном, оглядел купальщиков, вынул из кармана фотографию, посмотрел на нее, затем взглянул прямо на Джилл. Смит почувствовал, как в ней поднимается страх и тревога, и насторожился еще больше. Ведь Джубал говорил ему: «И не беспокойся насчет пищи. Ни о чем таком не беспокойся, главное — защити Джилл».

Майк защитил бы Джилл в любом случае, даже с риском поступить неправильно, и все же слова Джубала вселяли в него дополнительную уверенность, не оставляли места для сомнений и беспокойства.

Когда первый человек указал на Джилл, двое других бросились к ней, держа в руках свое пропитанное неправильностью оружие, но Смит тут же достал их и чуть-чуть развернул.

Первый человек уставился на место, где они только что находились, — и тоже исчез.

Теперь приближались остальные четверо. Смит предпочел бы не поворачивать их, а остановить, точнее говоря, он подзревал, что это предпочел бы Джубал. Но остановить вещь, даже такую маленькую, как, скажем, пепельница, — нелегкая работа, а его тело осталось на дне бассейна. И он не Старик, которому не нужно тела. Смит сделал то, что мог — и что должен был сделать.

Четыре легчайших прикосновения — и все четверо исчезли.

Он почувствовал густую, напряженную неправильность, исходившую от стоящей на земле машины, подошел к ней и быстро прокнул решение. Машина исчезла вместе с пилотом.

Смит чуть не забыл про вторую, оставшуюся в воздухе машину и позволил себе расслабиться — но тут же снова почувствовал волну неправильности и взглянул вверх.

Машина заходила на посадку.

Он растянул свое время до предела, поднялся к словно остановившейся машине, тщательно ее обследовал, прокнул, что она наполнена неправильностью, — и повернул ее в нигде. А потом вернулся к бассейну.

И застал своих друзей в полном возбуждении. Доркас судорожно всхлипывала, а Джилл обнимала ее за плечи и успо-

каивала; похоже, одна только Энн сохраняла полное спокойствие. Однако Смит чувствовал, что неправильность исчезла, исчезла полностью, а вместе с ней — и беспокойство, вызвавшее его издалека. Он знал, что Доркас скоро исцелится, — для этого нет лучшего помощника, чем Джилл, грокающая страдания быстро и во всей полноте. Возбужденный кипящими вокруг эмоциями, полный нелегких опасений, что действовал в критический момент не совсем верно — или что так грокнет Джубал, — Смит счел себя свободным удалиться. Он опустил-ся на дно бассейна, нашел свое тело, грокнул, что оно за это время ни в чем не изменилось, скользнул внутрь.

Может быть, грокнуть случившееся в критической точке? Нет, эти события слишком свежи, чтобы объять их, он не готов еще возлюбить и восхвалить людей, которых пришлось переместить. Смит радостно вернулся к прерванному занятию. «Стереотип»... «Стирлинг»... «стортинг»... Смит просмотрел уже «Тимор» и был готов перейти к «Тимофею», когда почувствовал приближение Джилл. Тогда он вынул язык из горла и приготовился — ведь брат Джилл не может долго оставаться под водой.

Когда Джилл тронула его, он взял ее лицо в ладони и поцеловал. Смит научился этому занятию совсем недавно и не успел еще толком его грокнуть. Возращивание близости, напоминающее ритуал воды... но тут чувствовалось и нечто иное. И это «нечто» хотелось грокнуть во всей полноте.

16

Джубал Харшоу не стал ждать, пока Джиллиан выудит своего трудного ребеночка из пруда, а приказал, чтобы Доркас дали успокоительное, и бросился в кабинет, взвалив задачу объяснять (либо не объяснять) события последних десяти минут на Энн.

— К ноге! — кинул он через плечо.

Через несколько секунд его нагнала Мириам.

— Вообще-то «к ноге» сейчас я, — сказала она, с трудом переводя дыхание, — но только, начальник, какого...

— Смолкни.

— Но как же...

— А ну, закрой поддувало! Вот через недельку мы сядем все рядком, и Энн подробно расскажет, что же тут произошло. Но в ближайшие минуты каждый встречный-поперечный и все его братья и племянники начнут обрывать наш телефон, изо всех щелей полезут репортеры — а мне самому нужно звонить. Неужели ты из тех дамочек, которые в самый важный момент обязательно раскиснут? Кстати, о раскисании: запиши, чтобы удержать из жалованья Доркас за время, истраченное на истерику.

— Да ты что? — задохнулась негодованием Мириам. — Только попробуй, и мы тут же все уволимся.

— Чушь и плешь.

— Я не шучу. И вообще отстань от Доркас. Я и сама бы закатила истерику, только она успела первой. Да и сейчас, — добавила Мириам, чуть подумав, — не поздно.

— Только попробуй, — ухмыльнулся Харшоу, — и схлопочешь по заднице. Ладно, запиши ей тогда надбавку за «опасные условия работы». И всем вам тоже. И мне, особенно мне, — уж я-то ее заслужил.

— Хорошо. Но только тебе-то кто заплатит?

— Как кто? Налогоплательщик. Измыслим какой-нибудь способ подстричь... Ну вот, начинается!

Кабинет встретил их пронзительным звонком телефона. Джубал плюхнулся в кресло и нажал кнопку:

— Харшоу. Какого еще хрена?

— Побереги дыхание, — посоветовало появившееся на экране лицо. — Уж меня-то ты не испугаешь. Ну так что там у вас?

Узнав Томаса Маккензи, главного редактора телевизионной компании NWNW, «Нью уорлд нетуоркс», Джубал немного смягчился:

— Да вроде и ничего. Только я тут, Том, так закрутился, что...

— Это ты-то закрутился? Попробовал бы мой сорокачасовой рабочий день. Я что хочу узнать — будет у тебя что-нибудь для нас или нет? Простой оборудования меня не колышет, деньги небольшие, спишем на другие работы, но ведь тут простаивают и три съемочные группы, и всем им нужно платить зарплату. Я с радостью окажу тебе любую услугу, с твоими сценариями работать одно удовольствие, и мы надеемся на дальнейшее сотрудничество, только вот что прикажете сказать главному бухгалтеру?

— А что, — удивленно воззрился на него Харшоу, — неужели съемок с места события вам оказалось мало?

— Какие съемки? Какие такие события?

Через несколько секунд выяснилось, что зрители NWNW не имели счастья наблюдать сцену у бассейна. Маккензи начал сыпать вопросами, но Харшоу либо увиливал, либо отмалчивался — услышав правду, телевизионщик обязательно решил бы, что у его старого знакомого поехала крыша, медленно и плавно, вместе с карнизом.

В конечном итоге было решено: еще двадцать четыре часа бесплодного ожидания — и NWNW убирает свои камеры.

Экран потух.

— Позови-ка Ларри, — командовал Джубал. — Пусть возьмет у Энн пульт и прихватит сюда.

Два телефонных разговора подтвердили худшие подозрения Харшоу — налет Спецслужбы на его дом не снимался ни одной телевизионной компанией. Не было никакого смысла проверять судьбу писем — их должны были доставить по тому же самому сигналу, которого не получили телевизионщики.

В дверях кабинета появился Ларри с радиопультом:

— Зачем он тебе, начальник?

— Зачем? Чтобы плюнуть на него. Вот тебе, Ларри, отличный урок — никогда не доверяй механизмам сложнее ножа и вилки.

— Хорошо, не буду. Что-нибудь еще?

— Эта хрень вообще работает? Ее можно как-нибудь проверить? Только чтобы операторы трех телевизионных сетей не вскакивали с кроватей.

— Конечно. Большой передатчик стоит в мастерской, у него есть тумблер, специально на такой случай. Щелкнуть этим тумблером, тогда по нажиму авральной кнопки должна загореться лампочка, а дальше сигнал не проходит. Если хочешь провести полную проверку системы, нужно связаться сперва с операторами, прямо по тому же передатчику, и сказать им, чтобы не дергались зазря.

— Ну а если окажется, что сигнал не проходит, — можешь ты найти поломку?

— Может, и могу, — с сомнением отозвался Ларри, — если там просто какой-нибудь плохой контакт. Это Дюк у нас радист, а я — скорее интеллектуал.

— Знаю, сынок, знаю, у меня у самого руки не тем концом воткнуты. Ты постарайся, а там уж видно будет.

— Что-нибудь еще?

— Встретишь этого, который придумал колесо, — пришли засранца сюда, я с ним немного побеседую.

Несколько минут Джубал провел в ленивом созерцании пупка. Мысль, что пульт намеренно испорчен Дюком, Харшоу откинул почти сразу. Он позволил себе немного поразмышлять, что же такое произошло в саду и каким образом Майку все это удалось — из-под десятифутового-то слоя воды. Сомнений, что невероятное, на зависть любому цирковому иллюзионисту, представление было устроено именно Человеком с Марса, даже не возникало.

В смысле интеллектуальном вчерашние эксперименты были ничуть не менее поразительными, но вот эмоции... Мышь — такое же чудо биологии, как и слон, но тут есть понятная любому разница: слон больше.

Если исчез в никуда пустой ящик, значит может исчезнуть и полицейский вертолет со всей своей командой, и все же одно из этих событий ошарашивает, как удар дубиной по черепу, а другое — нет.

Ладно, уж слёз-то эти опричники никак не стоят. Джубал готов был согласиться, что копы — обычные люди, не хуже любых других и не лучше, он лично был знаком с двумя вполне честными копами... И даже самый жуликоватый констебль

не заслуживает, чтобы его так вот брали и отправляли даже не на тот свет, а вообще неизвестно куда. Вот, кстати, береговая охрана — чем не пример того, какие отличные ребята встречаются среди копов. Все бы они были такие.

Но сотрудник СС должен иметь сердце наемного бандита и душу садиста — их там, наверное, по этим признакам и отбирают. Гестаповцы. Штурмовики, готовые служить любому политикану, пробившемуся к власти. Джубал с нежностью вспоминал те давно ушедшие дни, когда адвокат мог процитировать Билль о правах без того, чтобы его тут же не осадили какой-нибудь казуистической поправкой из кодекса Федерации.

Ладно, чего уж там попусту... Вот теперь-то что будет? Отряд Хайнриха, несомненно, поддерживал связь с базой, *ergo*¹ — его пропажу скоро обнаружат. Примчится новая банда эсэсовцев. Они, пожалуй, уже в пути — если эта вторая машина успела что-нибудь передать, прежде чем Майк ее погасил.

— Мириам.

— Да, начальник?

— Майка, Джилл и Энн ко мне, немедленно. Потом найди Ларри — он, наверное, в мастерской — и возвращайся вместе с ним сюда, по дороге закройте внизу все двери и окна.

— Что, новые развлечения?

— Ты ногами шевели, а не языком.

Если эсэсовские гориллы появятся — точнее, когда они появятся, — никаких ордеров у них не будет. Их вожак по дурости, скорее всего, захочет вломиться в дом без ордера, и тогда придется спустить на них Майка. Все эти военные действия нужно кончать, и поскорее, — а значит, нужно добратся до генерального секретаря.

И каким же это, скажите на милость, образом?

Снова звонить во Дворец? Но ведь Хайнрих, скорее всего, не врал, такие попытки ни к чему не приведут, а точнее — приводят к нему, к Хайнриху. Теперь-то, конечно же, не к нему,

¹ Следовательно (*лат.*).

а к какому-нибудь там заместителю — временно исполняющему. Ну и что? У них там челюсти поотпадают — отрядили для ареста человека целую армию на двух машинах, а тот разгуливает себе на свободе, да еще набрался наглости звонить. Так, пожалуй, можно проломиться и до самого верха, до руководителя службы, Как-Там-Бишь-Его, мужика, с такой, вроде как у перекормленного хорька, мордой. Ну да, Твитчелл. Главарь этих бандитов должен иметь свободный доступ к начальству.

Проломиться, ну а радости с того? Человек, безгрешно верящий в оружие, и слушать не станет, что у тебя якобы есть кое-что помощнее и что арестовать тебя у него силенок не хватит. Твитчелл так и будет швырять в бездонную бочку людей и оружие, пока не кончится либо одно, либо другое, но ни за что не признает, что вот сидит человек на самом виду, никуда не прячется, а арестовать его невозможно.

Что ж, не пускают через парадный вход — пробирайся черным, самая элементарная политика. Вот где пригодился бы Бен Какстон, уж ему-то прекрасно известно, у кого именно есть ключи от черного хода, а Джубал наверняка знает кого-нибудь, кто с этими ключниками знаком.

Но Бена нет, что, собственно говоря, и привело к этой идиотской скачке с препятствиями. Бен знает, но его не спросишь, а кто же еще знает?

Придурок чертов, а с кем ты говорил полчаса назад? Джубал схватился за телефон и начал дозваниваться до Тома Маккензи; три защитных слоя удалось пробить без особого труда — Джубала Харшоу в этой компании знал каждый. Тем временем в кабинете появились все три его секретарши, Джилл и Майк и бесшумно расселись по стульям. Мириам подошла к столу и молча написала в блокноте: «Двери и окна закрыты».

Джубал кивнул, приписал снизу: «Ларри и пульта?», — и тут же на экране появилось лицо Маккензи.

— Прости, пожалуйста, что снова беспокою.

— Ради бога, Джубал, все что угодно.

— Вот скажи, Том, если ты захочешь поговорить с генеральным секретарем Дугласом — что ты для этого сделаешь?

— Что? Позвоню его пресс-секретарю, Джиму Санфорту. Или Джоку Дюмону, смотря по обстоятельствам. Да я и не стану говорить с генеральным секретарем, Джим сам сделает все, что надо.

— Ну а если ты захочешь все-таки поговорить прямо с Дугласом?

— Попрошу Джима, он организует. Только лучше все-таки через Джима и действовать. Хотя, конечно, придется денек-другой подождать, встречу устроят, хотя и не гарантированно в назначенное время. Правительство прекрасно понимает, насколько полезна для них наша компания. А мы понимаем, что они понимают, — но стараемся этим не злоупотреблять.

— Том, ну а предположим, что тебе *необходимо* поговорить с Дугласом — и не через неделю, а в ближайшие десять минут.

Брови Маккензи удивленно вскинулись.

— Ну... в случае *крайней* необходимости я объяснил бы Джиму, почему...

— Нет.

— Ради бога, Джубал, держись в рамках разумного.

— Хотел бы, но не могу. Предположим, ты застукал Санфорта на воровстве ложек, а потому никак не можешь объяснить *ему* свое дело. Но тебе позарез нужно поговорить с Дугласом.

Маккензи тяжело вздохнул:

— Я бы сказал Джиму, что хочу поговорить с боссом — и что если меня не соединят сию же секунду, правительство лишится нашей поддержки навсегда. Все это вежливо, без угроз. Главное — доходчиво объяснить. Санфорт не дурак, он себе могилу рыть не будет.

— О'кей, Том, тогда так и сделай.

— Че-го?

— Позвони во Дворец с другого аппарата и будь готов мгновенно переключить на меня. Мне *необходимо* поговорить с генеральным секретарем, *сию же секунду*.

На лице Маккензи отразилось крайнее смущение.

— Джубал, старина, я, конечно...

— В смысле, что не позвонишь.

— В смысле, что *не могу*. Ты нафантазировал тут гипотетическую ситуацию, в которой некий — ты уж извини — очень крупный сотрудник всемирной телевизионной сети смог бы побеседовать с генеральным секретарем. Но я не могу передать это свое право кому-то другому. Слушай, Джубал, я тебя уважаю. Ты — четвертый из шести самых популярных авторов. Компания никак не хотела бы тебя потерять. И мы с огромным сожалением осознаем, что ты ни в коем разе не дашь опутать себя контрактом. Но ты пойми, что я просто *не могу*. Нельзя же так вот взять и позвонить главе мирового правительства — если он не изъявит желания поговорить с *тобой*.

— А если я подпишу эксклюзивный контракт на семь лет?

Маккензи сморщился словно от зубной боли.

— Да все равно не могу. Я лишусь своей работы, а ты, скорее всего, ничего не добьешься — только получишь на свою шею этот контракт.

Может, показать ему Майка — и сказать, кто это такой? Да нет, ведь интервью с липовым «Человеком с Марса» проходило в его, Маккензи, программах, так что он либо участвует в жульничестве, либо (что скорее всего) вполне честен — и не сможет так вот сразу поверить, что эти типы его надули.

— Ладно, Том, оставим. Но ты ведь знаешь в правительстве все ходы-выходы. Кто может позвонить Дугласу в любой, по собственному желанию, момент — и сразу же получить связь? Кроме, конечно же, Санфорта.

— Никто.

— Кой хрен, ни один человек не живет в полном вакууме! Должны быть какие-то люди, которые могут позвонить ему, не вступая в пререкания со всей этой секретарской шайкой-лейкой.

— Думаю, кое-кто из членов правительства. Но далеко не все.

— Нет, с ними я не знаком и знать их не желаю. Я не говорю о политиках. Кто может позвонить ему по личному номеру и позвать перекинуться в покер?

— М-м-м-да. Ты хочешь совсем-совсем немного, так, что ли? Ну, есть, например, Джек Алленби.

— Я его встречал. Я ему не нравлюсь. И он мне не нравится. И он это знает.

— У Дугласа довольно мало личных друзей. Его жена не слишком поощряет... Послушай, Джубал, а как ты относишься к астрологии?

— В жизни не употреблял эту гадость. Предпочитаю бренди

— Ну, это уж кому как. Но... Только учти, Джубал, если кому проболтаешься, я перепилю тебе глотку тупым ножом.

— Учел. Согласен. Давай дальше.

— Так вот, в отличие от тебя, Агнес Дуглас *употребляет* эту гадость... и я знаю, где она ее берет. Астролог миссис Дуглас звонит ей абсолютно свободно, а уж свою-то супругу наш генеральный секретарь выслушает в любое время дня и ночи, и очень внимательно выслушает. Так что звони астрологу, а дальше все зависит от тебя самого.

— Что-то не припомню среди своих знакомых ни одного астролога, — с сомнением нахмурился Джубал. — А как его фамилия?

— Не «его», а «ее». Кстати, не забудь ей ручку позолотить. Звать ее мадам Александра Везант. Вашингтонский телефонный узел. Пишется В-Е-З-А-Н-Т.

— Ясненько, — весело отозвался Джубал. — Том, ты колоссально меня выручил.

— Хотелось бы надеяться. Для нас там у тебя ничего?

— Погоди-ка. — Джубал прочитал записку, только что положенную на стол Мириам: «Ларри говорит, передатчик не перед. — непонятно почему». — Сегодняшний репортаж сорвался из-за поломки передатчика. Надо чинить.

— Я пришлю кого-нибудь.

— Спасибо. И еще раз спасибо.

Джубал сделал вызов по фамилии и поручил телефонистке установить скремблерную связь — если у абонента есть соответствующее оборудование. Оборудование, естественно, было. Вскоре на экране появилось преисполненное достоинства лицо мадам Везант.

— Эгегей, простофиля! — завопил почтенный доктор.

Адептка тайной науки древних заметно смешалась, затем присмотрелась получше...

— Господи, док Харшоу! Ну до чего же приятно увидеть старого проходимца! Где это ты прячешься?

— Вот-вот, Бекки, именно прячусь. На мне висят легавые.

— Чем тебе можно помочь? — мгновенно посерьезнела Бекки Визи. — Деньги нужны?

— Денег у меня, Бекки, навалом. Дело тут куда серьезнее, и никто не сумеет мне помочь — кроме самого генерального секретаря. Мне нужно с ним поговорить — и буквально сию же секунду.

— Да, — помрачнела Бекки, — заявочки у тебя.

— Знаю, Бекки, знаю. Я пытался сам к нему пробиться — и не смог. Но только не влезай ты в эту историю... я же горячее дымящейся буксы. Я сунулся к тебе так, на всякий случай, — вдруг ты можешь что-нибудь посоветовать. Например, подскажешь номер, по которому можно позвонить. Я никак не хочу тебя впутывать. Нарвешься на неприятности — и как тогда я посмотрю в глаза профессору, земля ему пухом?

— Уж я-то знаю, что сказал бы тут профессор! — отрезала Бекки. — И кончай, док, эту бодягу. Профессор всегда божился, что ты — единственный мясник, под чей нож можно лечь без страха. Он часто вспоминал про тот случай в Элктоне.

— Да чего там, Бекки, вспоминать. Мне же заплатили.

— Ты спас ему жизнь.

— Ничего я там не спасал. Все дело было в его упрямстве — и твоём бережном уходе.

— Ладно, кончаем эти разговоры. Ты что, совсем горячий?

— Тут на меня набросали столько всякого, что с головы до ног забрызгает любого, кто окажется рядом. Ордер уже выпи-сан — ордер Федерации, — и они знают, где я, и я *не могу* смыться. Легавые появятся с минуты на минуту — и никто, кроме мистера Дугласа, их не остановит.

— Я вытащу тебя под залог. Гарантия сто процентов.

— Бекки... я знаю, что ты вытащишь. Но это займет несколько часов. А ты знаешь, Бекки, как они допрашивают? Боюсь, я староват для таких игр.

— Но... Господи боже! Док, ты не мог бы рассказать мне подробнее? Я составлю гороскоп и узнаю, что нужно делать. Ты, конечно же, Меркурий, раз ты врач, но если бы я знала, на какой дом обратить особое внимание, можно было бы точнее...

— Времени нет, красавица. — Джубал на мгновение задумался. Кому можно довериться, кому нельзя? — Бекки, не стоит тебе ничего знать, а то окажешься в таком же положении, что и я.

— Колись, док. Я никогда не боялась драки и никогда еще не бросала своих, да ты и сам знаешь.

— Ну хорошо. Так я, говоришь, Меркурий? А все неприятности связаны с Марсом.

— Это как? — вскинула глаза Бекки.

— Новости смотришь? Слышала, что Человек с Марса отправился в Анды? Лажа это все — просто дурят лопухов как хотят.

Как ни странно, Бекки если и удивилась, то не очень.

— А ты-то тут при чем?

— Бекки, наша вонючая планетка кишмя кишит паразитами, которые хотят захомутать этого парня. Хотят задурить ему мозг, сделать его полным придурком, крутить им по своему разумению. Он мой клиент, я не намерен молчать в тряпочку — но не имею ровно никаких шансов, если не поговорю с мистером Дугласом.

— Человек с Марса твой клиент? И ты можешь его предъявить?

— Только мистеру Дугласу. Ты же, Бекки, знаешь, как это бывает, мэр — свой парень, любит детей и собачек, но только где ему знать, что там творят его легавые. Особенно если легавые эти повинтят человека и оттащат его в звукоизолированную комнату.

— Копы! — Бекки почти выплюнула это слово.

— Вот мне и нужно перекинуться с мистером Дугласом парой слов — и побыстрее, пока меня не повинтили.

— Только поговорить и больше ничего?

— Да. Запиши мой номер. Я буду сидеть тут и ждать звонка — пока не заявятся легавые. Если вдруг у тебя получится...

но в любом случае — огромное спасибо. Я же знаю — ты сделаешь все, что возможно.

— Не отключайся!

— Что?

— Оставайся, док, на проводе. Если повезет, соединимся через мой телефон, сэкономим время. Сиди и жди. — И Бекки, не прощаясь, исчезла с экрана.

Мадам Везант позвонила супруге генерального секретаря. Предрешенные звездами события развиваются точно по графику. Наступил тот самый критический момент, когда Агнес должна направить руку своего мужа, ей нужно мобилизовать всю свою женскую мудрость и изобретательность, чтобы убедить мистера Дугласа действовать решительно, разумно и без промедлений.

— Дорогая Агнес, подобная конфигурация не повторится и через тысячу лет — Марс, Венера и Меркурий образовали совершенную триаду, причем Венера переходит меридиан, что делает ее доминантной. Тебе самой понятно...

— Алли, а что я должна сделать? Что велят мне звезды? Я не очень сильна в Науке.

И слава богу, потому что действительная конфигурация планет даже отдаленно не напоминала описанную; не имея времени на составление гороскопа, мадам Везант отдалась свободному полету фантазии, причем без каких-либо сомнений и угрызений, — как и всегда, она сообщала «высшую истину», давала разумные советы, помогала друзьям. Возможность помочь двум друзьям одновременно приводила Бекки Визи в полный восторг.

— Милая, ты прекрасно все понимаешь, у тебя же врожденный талант. С Венерой все как и обычно, это — ты; значение Марса увеличивается, сейчас это не только твой муж, но и — на время кризиса — этот молодой человек, Смит. Меркурий представляет доктора Харшоу. Чтобы преодолеть неравновесие, вызванное усилением Марса, Венера должна — опять же, на время кризиса — поддержать Меркурия. Но у тебя очень мало времени — Венера приближается к меридиану, ее влия-

ние возрастает, но уже через семь минут оно начнет падать. Действуй без промедления.

— Нужно было раньше мне сказать.

— Дорогая, я целый день сижу у телефона, и вот только сейчас настал момент действовать. Звезды раскрывают нам природу каждого события, но никогда не дают подробностей. Но ты не бойся, еще не поздно. Доктор Харшоу у меня на телефоне, так что остается только свести их лицом к лицу — прежде, чем Венера перейдет меридиан.

— Н-ну... хорошо, Алли. У Джозефа какое-то там дурацкое совещание, придется его вытащить. Скажи мне телефон этого доктора Ракшоу — или можно соединиться прямо через тебя?

— Я могу переключить доктора на вас, ты только найди мистера Дугласа.

— Обязательно.

Когда экран потух, Бекки перешла к третьему аппарату; при такой профессии приходится иметь сложную и весьма дорогую телефонную сеть. Благодушно мурлыкая под нос, она набрала номер своего брокера.

17

Когда Бекки исчезла с экрана, Джубал откинулся на спинку кресла и скомандовал:

— К ноге.

— Готова, начальник, — отозвалась Мириам.

— Это для передачи «Полной жизнью». Отметь, что у рассказчицы сочное, чувственное контральто.

— Может, мне попробовать?

— Не настолько чувственное. Заткнись. Для псевдонима вытащи полученный из Бюро по народонаселению список самых распространенных, нейтральных фамилий и прицепи какое-нибудь такое простенькое, невинное женское имя. С окончанием на «а» — это всегда вызывает представление о лифчике четвертого размера.

— Во-во. А ни одна из нас, здесь присутствующих, не кончается на «а». Паскуда ты, и больше никто.

— Ну чего ты так расстраиваешься? Ну, плоскогрудые вы, ну и что? Плоскостопие куда хуже. «Анджела». Ее звать Анджела. Заголовок: «Замужем за марсианином». Начинаем. Мне всегда хотелось стать астронавтом. Абзац. В детстве меня часто принимали за мальчика; худенькая и конопатая, я старалась ни в чем не отставать от своих братьев — и горько плакала, что мама не разрешает мне спать в шлеме «космического юнга». Это были счастливые, беззаботные дни, и разве можно было тогда представить, какую странную — горькую, но в то же время и счастливую — судьбу пророчит мне детское мое увлечение...

— Начальник!

— Да, Доркас?

— Опять летят, две штуки.

— Тогда прервемся. Мириам, к телефону.

Подойдя к окну, Джубал увидел две почти уже приземлившиеся машины.

— Ларри, запири эту дверь. Энн, балахон. Смотри, но к окнам не приближайся. Пусть думают, что в доме пусто. Джилл, не отходи от Майка и не позволяй ему делать резких движений. Майк, делай все, как скажет Джилл.

— Да, Джубал. Я буду делать все, как она скажет.

— Джилл, не спускай его с поводка, только — по крайней необходимости. В смысле, если вдруг кого-нибудь из нас захотят подстрелить. Если начнут вышибать двери — пусть вышибают. Да и тогда лучше бы он выкидывал оружие, а не людей.

— Хорошо, Джубал.

— Ты, главное, объясни ему подходчивее. А то ведь так скоро придется занести полицейских в Красную книгу.

— Начальник, телефон.

— Иду. — Джубал неторопливо направился к столу. — Не лезьте в поле зрения аппарата. Мириам, еще один заголовок. «Замужем за человеком». — Он опустил в кресло и нажал кнопку: — Да?

На него смотрело абсолютно безликое — извините за оксюморон — лицо.

— Доктор Харшоу?

— Да.

— С вами будет говорить генеральный секретарь.

— О'кей.

Экран мигнул, затем на нем появился Его Превосходительство Достопочтеннейший Джозеф Эджертон Дуглас, генеральный секретарь Всемирной Федерации Свободных Наций, в довольно-таки востропанном виде.

— Доктор Харшоу? Насколько я понял, вам нужно со мной поговорить.

— Нет, сэр.

— А? Но мне сказали, что...

— Скажем лучше по-другому. Это *вам*, господин секретарь, нужно поговорить *со мной*.

Дуглас ошарашенно потряс головой, но тут же улыбнулся, почти доброжелательно.

— Какой вы самонадеянный. Что ж, даю вам десять секунд на доказательство.

— Прекрасно, сэр. Я представляю интересы Человека с Марса.

Дуглас весь подобрался и даже — странным образом — перестал выглядеть востропанным.

— Повторите, пожалуйста.

— Я — доверенное лицо Валентайна Майка Смита, именуемого также Человек с Марса. Со всеми необходимыми полномочиями. Для простоты можете считать меня *de facto* послом Марса. В духе Ларкинского решения.

Дуглас вытаращил глаза:

— Вы с ума сошли!

— В последнее время мне самому это кажется. Но даже если и так, все равно я представляю интересы Смита. И он готов вести переговоры.

— Человек с Марса в Эквадоре.

— Не надо, господин секретарь, не надо. У нас с вами частная беседа. Мы оба прекрасно знаем, что он не в Эквадоре.

Смит — настоящий Валентайн Майкл Смит, а не тот человек, которого демонстрировали по телевидению, — в прошлый четверг при содействии медсестры Джиллиан Бордман бежал из Бетесдинского медицинского центра, где его, смею заметить, держали насильно, против его воли. Он сумел сохранить свою свободу — и надеется сохранять ее впредь. Если у вас иные сведения, значит кто-либо из ваших подчиненных лжет. Поэтому я и беседую лично с вами. Чтобы вы сами во всем разобрались и навели порядок.

Дуглас задумался, затем повернул голову к кому-то, находящемуся за пределами экрана, и некоторое время слушал.

— Но даже если все это соответствует действительности, — заговорил он наконец, — все равно вы, доктор, не имеете права выступать от имени Смита. Он находится под опекой правительства.

— Совершенно невозможно, — покачал головой Джубал. — Ларкинское решение.

— Но послушайте, я, как юрист, могу вас заверить...

— А я, как юрист, обязан действовать исходя из собственного мнения — и не забывать об интересах своего клиента.

— Вы юрист? Мне казалось, что вы объявили себя просто доверенным лицом Смита, а не его адвокатом.

— И то и другое. Я адвокат, имеющий право выступать в Верховном Суде. Но в настоящее время предпочитаю не практиковать.

Откуда-то снизу донесся глухой удар; Джубал вопросительно посмотрел на свою притихшую команду.

— Вроде бы главная дверь, — прошептал Ларри. — Сходить, что ли, посмотреть?

Джубал отрицательно помотал головой.

— Господин секретарь, время на исходе. Ваши люди — ваши бандиты из СС — вламываются в мой дом. Уймите их, пожалуйста, в такой обстановке просто невозможно разговаривать. Мой дом в осаде. Я вас в первый и последний раз спрашиваю, намерены вы прекратить это безобразие? Чтобы мы могли приступить к переговорам? Или вы предпочитаете рассмотре-

ние дела в Верховном Суде, вой в прессе и перетряхивание грязного белья?

Генеральный секретарь переговорил с кем-то, невидимым Джубалу.

— Доктор, если Спецслужба действительно собирается вас арестовать, для меня это полная новость. Я...

— Прислушайтесь, и вы услышите, как они топчут по лестнице. Майк! Энн! Идите сюда. — Джубал отодвинулся, чтобы пустить их в поле зрения камеры. — Мистер генеральный секретарь, — представил он Дугласа Майку. — Человек с Марса.

Энн не нуждалась в представлении, о чем ясно свидетельствовала мантия.

Дуглас впился глазами в Смита; Смит взглянул на него и неловко отвернулся.

— Джубал...

— Секундочку, Майк. Ну так что же, господин секретарь? Ваши люди уже вломились в мой дом, теперь они барабанят в дверь моего кабинета. Ларри, — повернулся Джубал, — открой им. — Он успокаивающе похлопал Майка по руке. — Ты, сынок, не волнуйся. И ничего не делай, пока я тебе не скажу.

— Да, Джубал. Этот человек. Я его знаю.

— И он тебя знает. Заходите, сержант, — кинул Джубал через плечо. — Вот сюда, пожалуйста.

Стоявший в дверях кабинета сержант СС держал на изготовку крупнокалиберный дробовик — из тех, которые используются при подавлении массовых беспорядков.

— Майор! — крикнул он. — Здесь они.

— Доктор, — слегка поморщился Дуглас, — позовите, пожалуйста, сюда их офицера. Я с ним поговорю. — Он снова что-то сказал кому-то из своих невидимых спутников.

Пистолет майора пребывал в застегнутой кобуре, и Джубал облегченно вздохнул, — пушка, которой поводил из стороны в сторону сержант, привела Майка в крайнее волнение. Доктор Харшоу не питал особой любви к эсэсовскому спецназу, ему просто казалось, что сейчас не самый подходящий момент для демонстрации способностей Человека с Марса.

Майор окинул кабинет взглядом:

— Вы — Джубал Харшоу?

— Да. Подойдите сюда. С вами хочет поговорить начальство.

— Никаких разговоров. Вы пройдете со мной. Кроме того, мне нужны...

— Да подойдите вы, наконец. С вами будет говорить генеральный секретарь.

Эсэсовский майор шагнул вперед, пренебрежительно взглянул на экран, но тут же щелкнул каблуками и отдал честь.

Дуглас сухо кивнул:

— Фамилия, звание, место службы.

— Майор Ч. Д. Блох, специальная служба, взвод «Чарли», базирующийся в мэрилендском гарнизоне анклава, сэр.

— Что вы здесь делаете?

— Все это, сэр, довольно запутанно. Я...

— Ну так распутайте. Говорите, майор.

— Есть, сэр. Я прибыл сюда во исполнение приказа. Видите ли...

— Не вижу.

— Понимаете, сэр, полтора часа назад сюда была выслана оперативная группа, с заданием произвести несколько арестов. Связь с ними утеряна, восстановить ее не удалось. Тогда послали меня, чтобы найти их и оказать возможную помощь.

— Чьим приказом?

— Командующего, сэр.

— И нашли вы их?

— Нет, сэр. Никаких следов.

Дуглас посмотрел на Харшоу:

— Господин поверенный, вам там не попадалась на глаза эта оперативная группа?

— Господин секретарь, я совершенно не обязан следить за передвижениями ваших подчиненных. Может быть, они перепутали адрес. Или сбились с дороги.

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Совершенно верно, сэр. Я не обязан и не буду отвечать ни на какие вопросы — разве что на допросе, после выпол-

нения всех соответствующих формальностей. Я действую исключительно в интересах собственного клиента и не намерен подтирать сопли этим обряженным в форму... ну, скажем, личностям. Однако, судя по тому, чего я тут насмотрелся, они и свою-то ширинку вряд ли найдут.

— М-м-м... вполне возможно. Майор, соберите своих людей и возвращайтесь.

— Есть, сэр! — откозырял майор.

— Ми-нутку, — вмешался Харшоу. — Эти люди вломились в мой дом. Я хотел бы взглянуть на ордер.

— Да, конечно. Майор, предъявите, пожалуйста, ордер.

Майор Блох густо побагровел:

— Сэр, ордер был у командира предыдущей группы.

— Молодой человек, — поразился Дуглас, — вы хотите мне сказать, что осмелились ворваться в дом гражданина — *без* ордера?

— Но... вы меня не поняли, сэр. Ордера *есть*. Я их своими глазами видел. Только все они у капитана Хайнриха. Сэр.

— Возвращайтесь, — с отвращением бросил Дуглас. — Доложите командиру, что я поместил вас под арест и займусь этим делом лично.

— Есть, сэр.

— Погодите, — снова вмешался Харшоу. — В сложившейся ситуации я никуда его не отпущу. Я заявляю свое право на произведение гражданского ареста. Его посадят в нашу местную каталажку. Вооруженное нападение и нарушение неприкосновенности жилища.

— Это что, — недоуменно моргнул Дуглас, — совершенно необходимо?

— По *моему* мнению — да. Этих ребят потом не отловишь — пусть уж хоть один из них остается в пределах местной юрисдикции. Я не успел еще оценить причиненный ущерб — и это не говоря об уголовном обвинении.

— Поверьте, сэр, все ваши убытки будут возмещены.

— Благодарю вас, сэр. Только где гарантия, что минут через двадцать следом не заявится еще один такой веселый

парень в камуфляже? Только на этот раз с ордером? Ему даже дверь ломать не придется! Ворота моего замка стоят нараспашку, в них может ворваться кто угодно. Не помешай этому негодяю моя — очень в прошлом крепкая — дверь, на взламывание которой ушло несколько секунд, он утащил бы меня, господин секретарь, так и не дав мне возможности связаться с вами... и вы же слышали его собственные слова, что где-то тут бродит еще один такой же тип, да к тому же якобы с ордерами.

— Доктор, я впервые слышу о каком-то ордере.

— Об ордерах, сэр. Он сказал «несколько арестов» и «ордера». Возможно, тут больше подходит термин «*lettres de cachet*»¹.

— Это очень серьезное обвинение.

— Вызванное не менее серьезными причинами. Сами видите, что здесь происходит.

— Доктор, даже если такие ордера и существуют — мне о них ничего не известно. Однако могу вас заверить, что незамедлительно займусь этим вопросом, выясню, почему их выписали, после чего все виновники получат по заслугам. Вам этого достаточно?

— Ни в коем случае, сэр. Нетрудно догадаться, каким образом появились эти ордера. Их выписал излишне податливый судья под давлением какого-то не по уму усердного сотрудника вашего аппарата. Столь же понятна и цель предполагавшегося ареста — допросить меня и моих гостей втайне от вас. *Втайне ото всех*, сэр! Мы можем говорить с вами, но никогда не допустим, чтобы такие вот, — Джубал ткнул пальцем в сторону майора, — личности допрашивали нас в каком-нибудь застенке. Сэр, я полагаюсь на вашу справедливость... однако должен предупредить, если эти ордера не будут немедленно аннулированы, а мне не будут даны ясные, недвусмысленные гарантии, что ни Смита, ни медсестру Бордман, ни меня

¹ Приказ в пакете, запечатанном личной печатью суверена (*фр.*) Чаще всего это приказ о тайном заключении под стражу.

лично не станут больше преследовать, что нам будет обеспечена полная свобода передвижения, тогда... — Джубал пожал плечами, — тогда нам придется искать себе защитников. Как вам хорошо известно, нет никакого недостатка в личностях и государствах, питающих самый живой интерес к делам Человека с Марса.

— Вы мне угрожаете.

— Нет, сэр, я вас умоляю. Я же сам к вам обратился. Мы хотим вести переговоры — но не можем, пока нас травят. Умоляю вас, сэр, отзовите своих шавок.

Дуглас взглянул в сторону.

— Существуют эти ордера или нет — предъявлены они не будут. Я постараюсь их найти и сразу же отменю.

— Благодарю вас, сэр.

Дуглас посмотрел на майора Блоха:

— Вам обязательно нужно его арестовать?

— Этого? — презрительно уточнил Джубал. — Да кому он такой нужен, клоун с погонами. Об ущербе тоже забудем, у нас есть более серьезные темы для обсуждения.

— Вы свободны, майор.

Офицер СС козырнул, четко развернулся и вышел.

— Я считаю, доктор, — продолжил Дуглас, — что нам необходима личная встреча. Поднятые вами вопросы невозможно решить по телефону.

— Вполне с вами согласен.

— Вы и ваш, э-э, клиент будете моими гостями. Я пришлю за вами яхту. Вам хватит часа на сборы?

— Спасибо за предложение, господин секретарь, — покачал головой Харшоу. — Но мы уж посидим здесь... а когда придет время, я добуду нарты с собаками либо что еще в этом роде. Так что яхты тоже не надо.

— Бросьте, доктор, — нахмурился Дуглас. — Вы изъявили желание придать будущим переговорам квазидипломатический характер. Из соображений протокола я на это согласился. В таком случае я имею право и даже обязан предоставить вам гостеприимство своего правительства.

— Говоря откровенно, сэр, мой клиент сыт правительственным гостеприимством по горло — и потратил уйму усилий, чтобы избавиться от оногo.

Лицо Дугласа закаменело.

— Из ваших, сэр, слов можно понять...

— Не нужно из них ничего понимать. Я просто объясняю, что Смит очень устал, к тому же он непривычен к протокольным церемониям. Здесь ему будет лучше и спокойнее. Равно как и мне. Я уже старый человек и давно предпочитаю спать в своей постели. Есть и еще один момент. Если переговоры сорвутся, мой клиент вынужден будет искать других партнеров — и тогда ваше гостеприимство поставит нас в крайне неловкое положение.

— Снова угрозы, — нахмурился генеральный секретарь. — Неужели же, сэр, вы мне не доверяете? Сколько помнится, вы говорили, что «готовы вести переговоры».

— Я доверяю вам, сэр. — («Пока имею возможность устроить большой тарарам».) — И мы готовы к переговорам. Но я ни в коем случае не путаю переговоры с этим новомодным «умиротворением». Мы можем пойти на уступки — но только в разумных пределах. Однако переговоры придется немного отложить — нам не хватает одного фактора. Сколько придется ждать — этого я, к сожалению, не знаю.

— Что это еще за фактор?

— Состав правительственной делегации может быть каким угодно, по вашему собственному выбору, — то же самое касается и нас.

— Конечно. Но только не стоило бы раздувать эти делегации. Я обойдусь буквально парой помощников. Заместитель Генерального прокурора... специалисты по космическому праву. Для создания деловой обстановки нужна маленькая группа, и чем меньше, тем лучше.

— Совершенно с вами согласен. Наша группа будет очень небольшой. Смит — я сам — Честный Свидетель...

— Бросьте, это-то еще к чему?

— Свидетель никому и ничему не помешает. Ну, может быть, с нами будет еще пара человек — но один из них отсут-

ствуем. Я получил указание, что в переговорах должен участвовать некий Бен Какстон, — и никак не могу его найти.

Именно эта фраза и была целью всех предыдущих сложных маневров; произнеся ее, Джубал выжидательно смолк.

— Бен Какстон? — задохнулся негодованием Дуглас. — Неужели вы имеете в виду этого грошового уинчелла?

— Упомянутый мной Какстон делает колонку для одного из газетных синдикатов.

— *Ни в коем случае!*

— Ну что же, господин секретарь, — пожал плечами Харшоу, — тогда нам остается только распрощаться. По этому вопросу я получил от своего клиента совершенно ясные и жесткие указания. Весьма сожалею, что все так вышло, и не смею больше злоупотреблять вашим драгоценным временем. — Он протянул руку к аппарату.

— Постойте!

— Сэр?

— Я еще не кончил с вами говорить!

— Я склоняю голову перед генерально-секретарской волей. Мы будем ждать, пока его величество позволит нам удалиться.

— Ладно, ладно, ерунда. Скажите, доктор, вы сами-то читаете эти помои, которые выплескивают из Капитолия под видом новостей?

— Боже упаси!

— А вот мне, к сожалению, приходится. Нелепо даже говорить о присутствии на переговорах каких-то журналистов. Во всяком случае, на этих переговорах. Вот закончим все — и устроим пресс-конференцию. Но даже если и допускать кого-нибудь из них, то никак не Какстона. Это же отвратительный тип, для которого нет ничего святого.

— Господин секретарь, у нас нет ни малейших возражений против гласности. Более того, мы на ней настаиваем.

— Это просто смехотворно.

— Вполне возможно. Но я защищаю интересы клиента и делаю это так, как мне кажется нужным. При удачном исходе наших переговоров будет заключено соглашение, самым непосредственным образом влияющее на судьбу и Человека

с Марса, и его родной планеты; поэтому я хочу, чтобы каждый обитатель нашей планеты знал и то, как было достигнуто это соглашение, и то, в чем оно состоит. И напротив, если переговоры зайдут в тупик, люди должны узнать, как и почему это вышло. Ни о каких звездных палатах не может быть и речи.

— Кой черт, я же совсем не собирался устраивать никаких звездных палат, и вы сами это прекрасно понимаете. Хочется только, чтобы переговоры шли тихо и спокойно, без суеты и толкания под локоть.

— В таком случае, сэр, пусть гласность имеет форму микрофонов и телекамер — а все журналистские локти останутся за дверями зала. Кстати, чуть не забыл, сегодня мы — я и мой клиент — даем интервью, которое пройдет по нескольким телевизионным сетям одновременно. В частности, я сообщу, что мы хотим полной гласности переговоров.

— Что?! *Сейчас* вы не должны давать никаких интервью — это противоречит всему духу нашей с вами договоренности.

— Не понимаю, каким образом. О нашем с вами разговоре мы, естественно, упоминать не будем. Но неужели вы считаете, что гражданин не может поговорить с прессой, не испросив предварительно вашего на то соизволения?

— Нет, конечно же нет, но...

— Поздно, — не очень вежливо прервал генерального секретаря доктор Харшоу. — Интервью уже организовано; чтобы предотвратить его, вам придется выслать сюда еще пару фурионов с бандитами. Я и заговорил-то о нем с единственной целью, — возможно, вы сочтете удобным дать опережающий пресс-релиз, сообщить публике, что Человек с Марса вернулся и теперь отдыхает в Поконских горах. А то может сложиться впечатление, будто правительство захвачено врасплох. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — с плохо скрываемой ненавистью выдавил генеральный секретарь, злобно глядя на Харшоу. — Подождите, пожалуйста. — Он исчез с экрана.

Джубал прикрыл ладонью микрофон, а другой рукой поманил к себе Ларри.

— Ты же понимаешь, сынок, — прошептал он, — что я просто блефую — передатчик-то сдох. И кто там знает этого генерального — то ли он пресс-релиз сейчас издает, то ли приказ повесить нас за ноги. Так что ты беги на полусогнутых, найди другой телефон и скажи Тому Маккензи, чтобы организовал поскорее съемку, — иначе упустит крупнейшую сенсацию со времен падения Трои. Домой возвращайся осторожно — с них и вправду станет устроить третий налет.

— А как ему позвонить, Маккензи этому?

— Э-э... — На экране снова появился Дуглас. — Спроси Мириам.

— Доктор Харшоу, я принял ваше предложение. Пресс-релиз почти точно в вашей формулировке... ну, плюс мелкие детали, для большей, скажем, достоверности. — Видимо, забыв, перед какой аудиторией выступает, генеральный секретарь изобразил хитровато-простодушную улыбку Своего Парня. — Более того, я решил не останавливаться на полумерах, понимая, что вы имеете полное право настаивать на гласности и своего добьетесь во что бы то ни стало, хотя, по-моему, предварительные обсуждения глупо вести на публике. В общем, я добавил, что как только Человек с Марса отдохнет, правительство обсудит с ним проблему межпланетных отношений и что переговоры будут вестись в обстановке гласности... *полной* гласности. — Улыбка его стала ледяной, сейчас человек на экране даже отдаленно не напоминал «старину Джо Дугласа».

Харшоу ухмыльнулся с самым искренним восхищением: ну надо же, как этот сучий кот держит удар — мгновенно поднялся на ноги и даже из поражения извлек для себя пользу.

— Отлично, господин секретарь. Мы подтвердим каждое ваше слово.

— Благодарю вас. Теперь насчет этого Какстона. Допуск, предоставляемый прессе, к нему не относится. Пусть сидит дома, смотрит телевизор и сочиняет что там ему заблагорассудится. Но на переговорах его не будет.

— В таком случае, господин секретарь, не будет и самих переговоров — что бы вы там ни сообщали прессе.

— Боюсь, вы меня не совсем понимаете. Я не выношу этого человека, его присутствие будет для меня оскорбительным. Небольшая личная привилегия.

— Совершенно верно, сэр. Небольшая личная привилегия.

— Тогда забудем об этом вопросе.

— Это *вы* не совсем понимаете *меня*. Дело действительно в личной привилегии, только не вашей, а Смита.

— Как это?

— Вы совершенно свободны в выборе своих советников — приводите хоть черта с рогами, мы не будем иметь никаких претензий. То же самое относится и к Смиту, он вправе выбирать себе любых советников. Не будет Какстона — не будет ни Смита, ни меня. Мы отправимся совсем в другое место, на совсем другие переговоры. На переговоры, куда вряд ли допустят вас. Даже если вы знаете хинди.

Все происходившее на экране в течение следующих двух минут не представляло никакого интереса, кроме чисто клинического. Зря это он, сочувственно подумал Харшоу. В его-то возрасте, ведь так и до инсульта недалеко. Мало-помалу к Дугласу вернулась способность изъясняться членораздельно, но теперь он словно не замечал прежнего своего собеседника, а обращался непосредственно к Майку, стоявшему все это время терпеливо и безмолвно, как Свидетель.

— Смит, — задыхаясь, спросил Дуглас, — почему вы настаиваете на этом нелепом условии?

— Не отвечай, Майк, — мгновенно вмешался Харшоу, повернулся к Дугласу и укоризненно поцокал языком. — Нехорошо, господин секретарь. А каноны у нас на что? Разве же это можно — спрашивать клиента, почему он дал адвокату те или иные указания? Тем более что мой клиент совсем недавно выучил английский и находится в совершенно неравном с вами положении. Освойте марсианский, и тогда — возможно! — я позволю вам задать этот вопрос. На *его* языке. И уж никак не сегодня.

— Можно бы вспомнить, — хмуро пробурчал Дуглас, — сколько канонов и какие именно нарушили сегодня вы, но не

будем тратить время попусту, как-никак у меня есть и другие дела. Ладно, сдаюсь. Но только не ожидайте, что я пожму этому типу руку.

— Это уж как вам угодно, сэр. А теперь вернемся к основной проблеме. Я не могу найти Какстона.

Дуглас расхохотался:

— Вы настояли на своих, оскорбительных для меня, условиях. Хорошо, приводите кого хотите, но только уж отлавливайте их, пожалуйста, сами.

— Подход вполне разумный, сэр. Но не могли бы вы оказать Человеку с Марса небольшую услугу?

— Да? Какую услугу?

— Пока не найдется Какстон, переговоров не будет, это не подлежит никакому обсуждению. А мне его никак не найти, вот мой клиент и нервничает. Я — всего лишь рядовой гражданин, а в вашем распоряжении — огромные ресурсы.

— Ну и что?

— Я тут наговорил много всякого про Спецслужбу — давайте спишем это на счет вполне естественного раздражения человека, чью дверь только что разнесли в щепки. Однако я слышал, что при случае эта служба действует весьма эффективно — не говоря уж о том, что ей обеспечена безоговорочная поддержка любых других полицейских сил. Господин секретарь, если бы вы вызвали своего командующего СС и сказали ему, что хотите поскорее найти такого-то и такого-то человека, — насколько я понимаю, сэр, за какой-нибудь час они добьются большего, чем я — за сотню лет.

— И чтобы из-за какого-то там скандального репортера я поставил на уши всю полицию страны? С какой это, спрашивается, стати?

— Не из-за скандального репортера, сэр, а из-за Человека с Марса. Я прошу вас оказать ему эту услугу.

— Н-ну... все это, конечно же, чудовищная чушь, но я готов пойти вам навстречу. Причем исключительно, — Дуглас взглянул на Майка, — ради Смита. Хотелось бы надеяться, что и вы продемонстрируете аналогичную готовность. В процессе переговоров.

— Позвольте вас заверить, что это сильно разрядит ситуацию.

— Конечно же, я ничего не обещаю. Вот вы сообщаете мне, что человек исчез. Он же мог попасть под грузовик, с ним могло случиться что угодно.

— Будем надеяться, что он жив, — помрачнел Харшоу. — Ведь это в общих наших интересах.

— Почему?

— Я уже пытался намекнуть своему клиенту на такую возможность — он меня просто не слушает. Кошмар, сэр, — тяжело вздохнул Джубал. — Чистый кошмар — вот что нас ждет, если Какстон не обнаружится.

— Н-ну... я сделаю все от меня зависящее. Но только не ожидайте чудес.

— Я их не ожидаю, сэр, но вот мой клиент... У него марсианская точка зрения, и он действительно *ожидает* чудес. Так что помолимся о чуде.

— Я свяжусь с вами — вот и все, пожалуй, что можно сейчас сказать.

— Ваш покорный слуга, сэр, — кивнул Харшоу, не поднимаясь из кресла.

Встал он мгновением позже, когда экран потух, — и тут же оказался в объятиях Джиллиан.

— Ой, Джубал, да ты же был просто *великолепен*.

— Подожди, девочка, главные заморочки еще впереди.

— Не знаю, можно ли еще спасти Бена, но ты, — чмокнула его Джилл, — сделал для этого все.

— Ну-ка, прекрати! Я покончил со всем этим, когда тебя еще на свете не было. Ну никакого уважения к старческим седидам. — Джубал поцеловал ее, тщательно и с полным вниманием. — А это — просто чтобы отбить привкус Дугласа. То его мордуешь, то лижешься с ним, так ведь и вытошнить может. Иди вот, потискай Майка, он вполне заслужил. Глазом не моргнув, выслушать всю мою брехню — это же настоящий подвиг.

— Обязательно! — Джилл оставила Харшоу и переключилась на Смита. — Восхитительная брехня! — Дальше ее рот был занят делом.

Ко второй стадии поцелуя Майк перешел по собственной своей инициативе; он действовал очень серьезно и старательно, но какой-то опыт уже чувствовался. Харшоу поставил ему четверку с минусом — и пятерку за прилежание.

— А ты, сынок, меня удивляешь, — сказал он. — Я-то думал, ты сейчас свернешься клубком и шлепнешься в обморок.

— Так и было, — ответил Майк очень серьезно и не выпуская Джилл из рук. — При первом целовании.

— Вона как! Поздравляю, Джилл. Ты, вообще-то, из каких, из обычных или розовых?

— Ты, Джубал, старый похабник, но все равно я тебя люблю, и ты никогда меня не достанешь, сколько ни подначивай. Сперва Майк слегка переволновался, но теперь все в порядке, да ты и сам видишь.

— Да, — согласился Майк, — это добродетельность. Для братьев по воде это — возвращение близости. Я покажу тебе. — Он выпустил Джилл.

— Нет-нет-нет, — предостерегающе помахал ладонью Джубал.

— Нет?

— Ты был бы крайне разочарован. Это действительно возвращение близости, но только если брат по воде — хорошенькая девушка, вроде Джилл.

— Брат мой Джубал, ты говоришь то, что есть?

— Абсолютно. Целуйся с девицами сколько душа пожелает, оттянешься, — куда там любой игре в карты.

— Извини?

— Это отличный способ взрастить близость — с хорошенькой девушкой. Хм-м... — Джубал огляделся. — Любопытно, повторится ли «эффект первого раза» в последующих экспериментах. Доркас, ну-ка помоги мне провести научное исследование.

— А иди-ка ты, начальничек, сам знаешь куда. Тоже мне, морскую свинку нашел.

— И туда пойду, и еще дальше — но не сейчас. А ты не лмайся, Майк не заразный, иначе я не пускал бы его в бассейн, —

да, кстати, Мириам, скажи Ларри, когда он вернется, чтобы вычистил бассейн — муть нам больше ни к чему. Ну так что же, Доркас?

— А почему ты знаешь, что это будет у нас первый раз?

— М-м-м... и ведь верно. Майк, ты целовал когда-нибудь Доркас?

— Нет, Джубал. Я только сегодня узнал, что Доркас мой брат по воде.

— Действительно, что ли, брат?

— Да. Доркас, и Энн, и Мириам, и Ларри. Все они — твои братья по воде, брат мой Джубал.

— М-м-м... да. По сути верно.

— Да. Это же и есть суть, гроканье — а не разделение воды. Я говорю то, что есть?

— Да, Майк, ты совершенно прав.

— Они твои братья по воде. — Майк замолк, подбирая слова. — Есть такое сказание «Друг моего друга — мой друг», а тогда, значит, брат моего брата — мой брат. Получается цепная связь, и они — мои братья. — Майк взглянул на Доркас. — Для братьев возвращать близость хорошо.

— Ну и что же мы скажем? — повернулся к Доркас Джубал.

— Что? Ох, господи! Джилл тут хвасталась, но, по-моему, ты, начальник, хоть кого достанешь. А вот Майк — он не дразнится. Он лапочка. — Доркас вышла вперед, протянула руки и встала на цыпочки. — Поцелуй меня, Майк.

Майк повиновался. Секунда шла за секундой, а они все «вращивали близость».

И Доркас вырубилась.

Джубал не дал ей упасть; Майк задрожал было, и Джилл пришлось сказать несколько резких слов, чтобы предотвратить очередной транс. Затем Доркас пришла в себя и сразу же заверила Майка, что с ней все в порядке, что она с радостью поспближается еще — но не может долго обходиться без воздуха.

— А вообще — потрясно, — заключила она свою несколько бессвязную речь.

Глаза Мириам округлились.

— Не знаю, — задумчиво проговорила она, — может, и мне рискнуть?

— Пожалуйста, по старшинству, — решительно отодвинула ее Энн. — Начальник, тебе как, нужен еще Свидетель?

— Пока что нет.

— Тогда поддержи мантию. Хочешь пари?

— А ты что предлагаешь?

— Семь против двух, что я *не* отключусь, — правду говоря, проигрыш меня не огорчит.

— Заметано.

— Долларов, не сотен. Майк, милый... давай *очень* сблизимся.

Энн пришлось сдаться — у нее не было марсианской подготовки, позволявшей Майку обходиться без кислорода почти неограниченно долго.

— Вообще-то, — сказала она, чуть отдышавшись, — я выиграла нечестно. Даю тебе, начальник, еще один шанс.

Восстановлению справедливости помешала Мириам, постучавшая Энн по плечу:

— Ты вылетела.

— Чего тебе так нейдет?

— Кому сказано — вылетела. И отправляйся в хвост очереди.

— Зануда ты, вот кто!

Энн неохотно отошла; занявшая ее место Мириам молча улыбнулась. Они с Майком сблизились и продолжали сблизжаться, сблизжаться, сблизжаться...

— *К ноге!*

— Начальник, — возмущенно оглянулась Мириам, — ты что, не видишь, что я *занята*.

— Ладно. Не путайся тогда под ногами, я сам подойду.

— А что, телефон? Вот честное слово, не слышала.

— Да уж конечно. Только в сторонку от экрана отойдите. Нам нужно сохранять хотя бы видимость приличия, — а вдруг это наш высокочтимый генеральный секретарь.

Но это был Маккензи.

— Джубал, какого там хрена происходит?

— А что такое?

— Мне позвонил какой-то человек и сказал, чтобы я все бросал и поворачивался побыстрее, что у тебя вроде бы что-то для нас есть. Я послал к тебе передвижную группу...

— Никто не появлялся.

— Да знаю я, знаю. Они запилились куда-то на север и начали мне звонить. Диспетчер кое-как вывел их на курс, так что жди гостей с минуты на минуту. Я пробовал к тебе дозвониться, но все время было занято. Что я там пропустил?

— Пока что ничего.

Вот же черт, нужно было усадить кого-нибудь смотреть этот долбаный ящик. Если Дуглас выпустил пресс-релиз — значит все в порядке, а вот выпустил ли он его? Или сейчас сюда заявится очередная коповозка? А тем временем детишки играют в бутылочку, правда без бутылочки. Да у тебя, Джубал, вообще шарики за ролики заехали.

— А как там последний час — не было специальных выпусков новостей?

— Да нет вроде... подожди, вот было одно сообщение. По сведениям, поступившим из Дворца, Человек с Марса вернулся и теперь отдыхает в... *Джубал! Это что, твоя работа?*

— Одну секунду... Майк, беги сюда. Энн, хватай свою хламиду.

— Она у меня с собой.

— Мистер Маккензи, позвольте представить — Человек с Марса.

У Маккензи отпала челюсть. Потом сработала профессиональная выучка.

— Подожди, подожди! Мы сейчас снимем прямо с телефонного экрана — а стерео дадим потом, повтором, когда мои раздолбаи найдут дорогу. Джубал... а я на этом не погорю? Тут все честно? Никаких фокусов-покусов?

— Неужели я стану кого-то надувать, имея под боком Честного Свидетеля? Но в общем-то никто тебя не неволит — пождем ребят из «Аргуса» и «Транс-Планет».

— Джубал, ну что ты со мной делаешь?!

— Ничего особенного, успокойся. Я договорился со всеми вами троими, чтобы по моему сигналу вы следили, что там показывают камеры, и пускали в эфир все, для того пригодное. Но я же никому не обещал, что не буду давать интервью. Так что ты, Том, получишь эксклюзивное интервью на полчаса раньше «Аргуса» и «Транс-Планет», — добавил Джубал, — потому что ты не только поставил свое оборудование, но еще и лично мне помог. Ты и не представляешь, как ты мне помог.

— Это что, тот... э-э... номер?

— Совершенно верно. Но только не стоит об *этом*. И не в прямом эфире. Спросишь меня один на один — скажем, через годик.

— Ничего я не буду спрашивать. Просто ты не разевай ватрежку — и я тоже не буду. Не отходи от телефона.

— И еще одно. Эти самые письма. Верни их мне, ладно?

— А? Верну, верну — они у меня прямо тут, в столе — ты же так дергался, чтобы при случае их побыстрее... Джубал, камера установлена. Можно начинать?

— Снимай.

— Вот уж этот-то выпуск я сделаю сам.

Маккензи отвернулся, очевидно к камере, и заговорил:

— Экстренное сообщение! Смотрите самые свежие вести — репортер «Нью уорлд» всегда на месте! Нам только что позвонил ЧЕЛОВЕК С МАРСА, и он хочет говорить с ВАМИ! Врезка. Оператор, вставь здесь благодарность спонсору экстренных выпусков. Джубал, а что у него спрашивать?

— Только не про Южную Америку, он же не турист. Самый безопасный предмет — плавание. О его планах спросишь меня.

— Конец врезки. Друзья, сейчас вы находитесь, я бы сказал, нос к носу с Валентайном Майклом Смитом, Человеком с Марса. Как я уже говорил, Эн-дабл-ю-эн-дабл-ю всегда впереди — разденься и жди. Мистер Смит был в Андах, высоко-высоко, он только что вернулся, и мы, все как один, говорим ему: «Добро пожаловать!» Мистер Смит, поздоровайтесь со своими друзьями...

(— Помаши рукой экрану, сынок. Улыбайся и маши.)

— Мы благодарим вас, Валентайн Майкл Смит. Мы рады видеть вас таким посвежевшим и загорелым. Как я понимаю, вы учились плавать, набирались сил?

— *Начальник!* Гости. Или кто уж там.

— *Врезка* — после слова «плавать». Джубал, какого там хрена.

— Сейчас узнаю. Джилл, держи Майка на поводке, — возможно, это опять полундра.

К счастью, это была заплутавшая съемочная группа — хотя какое уж там счастье, если их машина тоже плюхнулась прямо на розы. Почти тут же вернулись Ларри, звонивший Тому Маккензи, и Дюк, занимавшийся все это время неизвестно чем. Маккензи решил свернуть телефонное интервью побыстрее — зачем давать в эфир плоское монохромное изображение, когда прибыла аппаратура, обеспечивающая и цвет, и стерео-эффект? Чтобы зря не простаивать, прилетевшие телевизионщики решили проверить, что же случилось со злополучным передатчиком; Ларри и Дюк отправились вместе с ними.

Интервью завершилось обычным набором банальной чуши; Майк не понимал задаваемых ему вопросов, но их ловко перехватывал Джубал. В заключение Маккензи пообещал скорое продолжение, в объеме и цвете: «Оставайтесь, ребята, с нами!» Затем он захотел узнать причину неисправности передатчика.

— Мистер Маккензи, там все работает, — сообщил ему старший техник.

— Так в чем же было дело?

— А оно с питанием работает лучше. — Техник искоса глянул на скромно потупившихся Дюка и Ларри. — Там же на щите предохранитель был вытащен.

Теперь потребовалось вмешательство Джубала — Дюк и Ларри чуть не передрались, бурно обсуждая сравнительные достоинства различных степеней идиотизма, а также выясняя, говорил Дюк Ларри или не говорил, что при включении оборудования нужно вставить на место предохранитель. Джубал

Харшоу, и сам мастер устраивать представления, сожалел, что телевизионщикам не удалось заснять потрясающее зрелище, сравнимое, пожалуй, лишь с впечатляющей расправой Илии над пророками Вааловыми, но понимал, что любопытные способности Майка лучше держать в секрете — они могут стать великолепным тайным оружием для политических махинаций... вдобавок, не придется объяснять скептикам, куда делся целый отряд копов и два полицейских фургона.

Все остальное только лишний раз подтверждало давнее его убеждение, что вершиной техники был «форд» модели «Т» — а дальше все пошло по нисходящей. Вдобавок, Маккензи жаждал взять еще одно интервью, на этот раз в цвете и в стерео. Репетировать его не стали; Джубал озабочился лишь тем, чтобы не прозвучало ни одного вопроса, ответ на который развеял бы иллюзию, что Человек с Марса недавно вернулся из Южной Америки. Майк послал приветы своим друзьям с «Чемпиона», в том числе доктору Махмуду, на скрежещущем марсианском, и Джубал решил, что Маккензи этого выше крыши хватит.

Наконец все успокоились. Джубал облегченно вздохнул, на два часа отключил телефон и потянулся, чувствуя огромную усталость, заставлявшую задуматься: а может, он и вправду стареет?

— Где ужин? Девки, кто из вас должен сегодня готовить? Господи, все хозяйство прямо на глазах рассыпается!

— Сегодня моя очередь, — робко начала Джилл, — только...

— Отговорки, это у них всегда, вместо работы — одни отговорки!

— Начальник, — оборвала его Энн, — ну как можно было готовить, если ты весь день продержал нас в своем кабинете?

— Ваши проблемы, — капризно сморщился Джубал. — Да пусть тут хоть Армагеддон начнется — все равно еда должна подаваться горячая и вовремя. И так — вплоть до последнего трубного гласа. Кроме того...

— Кроме того, — снова оборвала его Энн, — сейчас еще только семь сорок, а ужин в восемь. Осталась еще уйма времени. Так что утри сопли и не хныкай. Нюня несчастный.

— Что, еще только без двадцати восемь? А кажется, словно после обеда неделя прошла. Двадцать минут, это ведь даже выпить толком перед ужином не успеешь.

— Бедняжка!

— Так даст мне кто-нибудь выпить или нет? Давайте выпьем все — и на фиг тот ужин. Я хочу набраться до полного посинения, что твой баклажан. Энн, как у нас со шведским столом?

— Да все чего угодно.

— Ну так разморозим десятка два закусок, и пусть каждый берет что хочет. Возражения есть?

— Сейчас сделаю, — откликнулась Джилл.

Проходившая мимо Энн остановилась и чмокнула Джубала в плешивую макушку:

— Вы, начальник, очень великодушны. За это мы вас накормим, напоим — возможно, даже до посинения — и уложим в кроватку. Подожди, Джилл, я сейчас помогу.

— А можно и я тоже помогу? — подал голос Смит.

— Конечно, Майк. Бери поднос и носи. Начальник, ужин накрываем у бассейна — очень уж жарко.

— А где же еще?

Выждав, пока кухонная команда уберется на кухню, Джубал повернулся к Дюку:

— Где это тебя черти носили?

— Думал.

— Глупое занятие. Только голова зря болит и мысли в ней заводятся. Ну и что, ты придумал?

— Да, — кивнул Дюк. — Я решил, что диета Майка ни с какой стороны меня не касается.

— С чем вас и поздравляем. Не нужно совать свой нос в чужой вопрос — это простое правило составляет восемьдесят процентов всей земной мудрости.

— Но ты-то съешь.

— А кто тебе сказал, что я — высший образчик мудрости? Я — дурной пример. Многому ты научишься, если будешь на меня смотреть. Или слушать. Либо одно, либо другое.

— Джубал, а если я предложу Майку стакан воды — он не откажется проделать все эти масонские ритуалы?

— Думаю, не откажется. Дюк, у Майка есть одна-единственная истинно человеческая черта характера — он хочет нравиться окружающим и готов для этого хоть наизнанку вернуться. Но я еще раз подчеркиваю: все это очень и очень серьезно. Как свадьба. Я побратался с Майком, не успев еще ни в чем разобраться, не понимая, какую взваливаю на себя ответственность, — и увяз по это самое место. Мне еще грокать и грокать. Ты возьмешь на себя обязательство никогда ему не врать, никогда его не обманывать, поддерживать его при любых, абсолютно любых обстоятельствах, а он будет поступать точно так же по отношению к тебе. Так что ты подумай.

— Думал я уже, и очень много. Не понимаю, как уж это получается, но о Майке просто *хочется* заботиться, есть в нем что-то такое.

— Знаю. Скорее всего, прежде ты никогда не сталкивался с кристальной честностью. С непорочностью. Майк еще не вкусил плодов древа познания добра и зла — потому-то мы и не понимаем его поступков, не понимаем, что им движет. Ладно, надеюсь, ты никогда об этом не пожалеешь. — Джубал поднял глаза на подошедшего Ларри: — А тебя только за смертью посылать. Ты что там, самогонный аппарат налаживал?

— Штопор куда-то делся.

— Ну вот, опять техника. Отбил бы горлышко, да и все. Дюк, стаканы вон на той полке, за «Анатомией меланхолии»...

— Да знаю я, где ты их прячешь.

— ...мы быстренько пропустим по одной, а уж потом будем пить со всей подобающей этому делу серьезностью.

Дюк достал стаканы, Ларри откупорил бутылку, Джубал разлил и поднял свой стакан:

— Вот они, золотые слезы итальянского солнца. Выпьем же за алкоголическое братство, невидимый союз, объединяющий лучших представителей рода человеческого.

— За ваше.

— Будем.

Джубал вылил свою дозу прямо в горло, блаженно вздохнул и тут же слегка рыгнул.

— Ты бы, Дюк, привлек к этому занятию и Майка, пусть узнает, как это хорошо — быть человеком. У меня вот всегда возникает творческий порыв. К ноге! Ну почему, когда мне нужны эти девицы, их обязательно черти где-то носят? *К ноге!*

— Вообще-то «к ноге» сейчас я, — откликнулась с порога Мириам, — только...

— Я говорил: «...какую странную — горькую, но в то же время и счастливую — судьбу пророчит мне детское мое увлечение».

— *Это* я уже записала, пока ты любезничал с генеральным секретарем.

— Тогда ты больше не «к ноге». Отсылай.

— А ты что, и читать не будешь? Да и вообще после поцелуя с Майком многое там придется переделать.

— Читать? — содрогнулся Джубал. — Боже спаси и сохрани. Хватит и того, что я их пишу. Ничего там не изменяй, и уж во всяком случае — не старайся следовать фактам. Дитя мое, настоящий исповедальный рассказ не должен быть загрязнен ни единой крупницей правды.

— О'кей, начальник. Энн зовет к бассейну перекусить перед едой.

— Самое время. Ну так что, джентльмены, объявляем заседание закрытым?

Слово «перекусить» оказалось не совсем точным — продукт за столом употреблялся почти исключительно жидкий, под очень небольшое количество рыбы и прочей скандинавской снеди. Послушавшись Джубала, Майк тоже попробовал бренди, разведенного водой, и почувствовал себя не очень хорошо. Тогда он проанализировал причину беспокойства и добавил к этиловому спирту кислород, превратив его в глюкозу и воду.

Джубал увидел, как Смит сперва быстро опьянел, а затем — еще быстрее — протрезвел. Ничего не понимая, смелый экспериментатор налил своему подопытному кролику еще одну

порцию бренди, затем еще и еще; тот беспрекословно подчинялся — ведь предложение исходило от брата по воде. Когда количество превосходного импортного спиртного, потребленного Майком, перешло все разумные пределы, Джубал был вынужден признать, что напоить его невозможно.

К самому доктору Харшоу это не относилось — попытки пить с Майком более-менее вровень притупили его способность ясно выражать свои мысли, не помог и многолетний опыт тщательного проспиртовывания. Услышав «А как у тебя это получилось?», Майк решил, что вопрос относится к сегодняшнему уничтожению полицейского отряда, — и снова почувствовал некоторую вину. Он попытался объяснить происшедшее и даже начал было просить прощения.

— Сынок, — прервал его Джубал, сообразивший наконец, о чем идет речь, — я ничего такого и знать не желаю. Ты сделал что надо. И все сделал — потрясно. Но только... — Он тупо поморгал и предостерегающе покачал пальцем: — Только ничего мне не рассказывай. И никому ничего не рассказывай.

— Не рассказывать?

— Не рассказывай. Это была самая потрясная штука, какую я видел в жизни, — если не считать того раза, когда мой двухголовый дядя сам с собой поспорил про свободное серебро, сам себя расколошматил в пух и прах и сам с собой отметил это выдающееся событие. Объяснение только все испортит.

— Я не гроаю этого.

— И я тоже. Давай лучше выпьем.

Начали прибывать репортеры; каждую новую группу гостеприимный Джубал встречал сообщением, что они могут делать что угодно — есть, пить, отдыхать, развлекаться, — но только не лезть ни с какими расспросами ни к нему самому, ни к Майку.

Ослушников закидывали в бассейн.

Обряд свершали Ларри и Дюк, которых Джубал все время держал под рукой на этот самый случай. Кое-кто из окрещенных приходил в ярость, что нисколько не волновало Харшоу (он лишь запретил Майку что-либо предпринимать), другие же, напротив, с фанатическим энтузиазмом прозелитов присо-

единялись к крестильной команде. Только своевременное вмешательство Джубала помешало им окунуть ведущего липпмана «Нью-Йорк таймс» по третьему разу.

Время шло уже к полуночи, когда Доркас отыскала посреди всего этого мокрого безобразия Джубала и шепнула:

— Начальник, к телефону.

— Спроси, чего надо, и запиши куда-нибудь.

— Нет, тебе нужно подойти.

— Уговорила. Вот возьму сейчас топор и подойду. Давно хотел посчитаться с этой железной девой, а сейчас самое подходящее настроение. Дюк, тащи топор.

— Начальник, это тот самый человек, с которым ты сегодня долго разговаривал.

— Во как. Чего же ты сразу-то не сказала?

Джубал поковылял наверх, запер за собой дверь кабинета и подошел к телефону.

На экране красовался какой-то очередной секретарь, но его тут же сменил сам Дуглас.

— Вы очень долго шли к телефону.

— Это мой телефон, господин секретарь. Иногда я и вообще к нему не подхожу.

— Весьма похоже. Почему вы не сказали мне, что Какстон — алкоголик?

— А он алкоголик?

— Вне всяких сомнений! И у него был глухой запой. Отсыпался в Соноре, в какой-то ночлежке.

— Очень рад услышать, что его нашли. Благодарю вас, сэр.

— Его арестовали за бродяжничество. Но в суд дело не пойдет — мы отдадим его вам, с рук на руки.

— Я в долгу перед вами, сэр.

— Невелик подарочек. Грязный, небритый, и несет от него, говорят, как из пивной бочки. Получите его в первозданном виде и сами убедитесь, что это за тип.

— Да, сэр. Когда можно его ожидать?

— С минуты на минуту. Из Ногалеса вылетела курьерская машина; скорость почти четыре маха, так что вот-вот будет у вас. Пилот сдаст его под расписку.

— Хорошо, сэр.

— А дальше я умываю руки. Надеюсь, вы и ваш клиент явитесь на переговоры, а уж как поступить с этим пьяным клеветником — решайте сами.

— Согласен. Когда?

— Завтра в десять?

— «И делу бы конец». Согласен.

Джубал спустился и сквозь проломленную дверь вышел наружу:

— *Джилл!* Скорее сюда!

— Сейчас, Джубал.

Следом за подбежавшей Джилл появился один из репортеров.

— Кыш, — отмахнулся от него Джубал. — У нас разговор конфиденциальный. Семейное дело.

— Чьей семьи?

— Твоей. Еще три секунды, и в ней будет покойник. Чеши отсюда.

Репортер ухмыльнулся и исчез.

— С ним все в порядке, — одними губами сказал Джубал.

— Бен?

— Да. Его скоро привезут.

— Господи, Джубал! — Из глаз Джилл хлынули слезы.

— А ну-ка прекрати. — Джубал взял ее за плечи и крепко встряхнул. — Марш домой, и сиди там, пока не придешь в божеский вид.

— Хорошо, Джубал. Слушаюсь, начальник.

— Пореви в подушку, а потом умойся. — Он вернулся к бассейну. — Тихо все! У меня объявление! Мы были очень рады всех вас здесь видеть, но хорошенького понемножку. Лавочка закрывается.

— *Долой!*

— А вон того — в воду. Завтра всем на работу. Я старый человек и нуждаюсь в отдыхе. И семья моя тоже. Так что расходитесь немедленно. Желающие, так уж и быть, получают чашку кофе напоследок. С собой. Дюк, заткни бутылки. Девочки, убирайте посуду.

Без ропота не обошлось, однако более трезвые и уравновешенные из гостей быстро подавили попытки мятежа; через десять минут сад опустел.

А еще через двадцать минут прибыл Какстон. Эсэсовский офицер, командир доставившей его машины, извлек заранее заготовленный бланк, получил с Харшоу подпись и отпечаток пальца и удалился, — а тем временем Джилл рыдала на плече Бена.

Джубал оглядел его с ног до головы:

— Тут вот говорят, что ты неделю не просыхал.

Бен нехорошо выругался — не прекращая похлопывать Джилл по спине.

— Я в стельку пьян, ни капли не испив.

— А что случилось?

— Да не знаю я, *ничего* я не знаю!

Пришлось делать ему промывание желудка (содержимое: спиртное, желудочный сок и никаких признаков пищи), а также уколы, нейтрализующие действие алкоголя и барбитуратов. Через час вымытый, побритый и переодетый Бен познакомился со Смитом, после чего его начали вводить в обстановку — отпаивая параллельно молоком.

Сам же Бен не мог рассказать ничего вразумительного. Вся эта неделя для него словно пропала — потерял сознание в Вашингтоне, а очнулся два часа назад в какой-то мексиканской дыре в обществе полицейских.

— Конечно же, я знаю, как все было. Меня держали все это время в камере, накачивали наркотиками и допрашивали... и я им, наверное, все рассказал. Помню все смутно. Но ведь тут ничего не докажешь. И деревенский староста, и хозяйка этого заведения, и уйма прочих местных — все они в красках распишут развлечения заезжего гринго и подтвердят свои слова под присягой. И я бессилен что-либо сделать.

— Ну так и не делай, — посоветовал Джубал. — Сиди себе и радуйся жизни.

— Вот уж хрен! Я доберусь до этого...

— Тихо, тихо! Главное, Бен, что ты жив... а ведь всего час назад я в это почти не верил. А до Дугласа и добираться не на-

до — он сделает все, как мы ему скажем, и даже поморщиться не посмеет. Вроде как тот кот, слизывавший горчицу у себя из-под хвоста — добровольно и с песнями.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Мне кажется...

— А мне кажется, что тебе пора спать. Выпив предварительно стакан теплого молока с добавлением моего тайного протрезвляющего снадобья.

Какстона не пришлось долго уговаривать. Убедившись, что он спит, Джубал направился в свою спальню — и встретил по пути Энн.

— Веселенький денек, — устало покачал он головой.

— Да уж. Я бы предпочла обойтись без такого веселья, и не дай бог, если оно повторится. Ложись, начальник, спать.

— Я и ложусь. Слушай, Энн, а что такого особенного в поцелуях Майка?

Глаза у Энн мечтательно затуманились, затем она улыбнулась:

— Нужно было и тебе попробовать.

— Староват я в голубые перекрашиваться. Но про этого парня мне интересно буквально все. Так как там, действительно есть разница?

Энн немного задумалась.

— Да.

— И какая же?

— Майк отдается поцелую весь, без остатка.

— Тоже мне невидаль, я и сам так делаю. Точнее говоря — делал.

— Нет, — покачала головой Энн. — Меня целовали большие специалисты по этой части, но ни один из них не отдавался поцелую полностью. Они *не могут* сосредоточить на поцелуе все свое внимание. Всегда остаются мысли о чем-то постороннем. Не опоздать бы на автобус... удастся ли с этой девицей переспать... не поймал бы нас ее папаша — или муж — или соседи. Да о чем угодно — о работе, о деньгах, о той же своей поцелуйной технике. У Майка нет никакой техники, зато он целует тебя, не думая *ни о чем другом*. В этот момент для него

нет во Вселенной ничего, кроме тебя, и этот момент равен вечности — ведь Майк ни о чем не думает, не строит никаких планов, никуда не стремится. Он целует тебя — и все. — Энн слегка поежилась. — На женщин это производит ошеломляющее впечатление.

— Х-м-м...

— И нечего хмыкать, старый похабник! Ничего ты не понимаешь!

— Не понимаю. И не пойму — как это ни прискорбно. Ну что ж, спокойной ночи. Кстати, я сказал Майку запереться.

— Кайфоломщик!

— Он и так учится очень быстро, не стоит торопить.

18

Совещание отложили сначала до вечера, а потом до следующего утра, что дало Какстону время прийти в себя, узнать о пропущенной неделе побольше, а также «взрастить близость» с Майком, который предложил ему воду сам — быстро грокнув близость Бена и Джилл и посоветовавшись с последней.

Перспектива такого братания повергла журналиста (Джилл предупредила его загодя) в тягостную нерешительность, однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что, сам того не подозревая, тесно сплел свою жизнь с судьбой Человека с Марса. Вдобавок в сердце угнездилось еще одно малоприятное чувство — самая что ни на есть обычная ревность, которую следовало нещадно искоренить. Бен был далеко не в восторге от более чем заметной близости между медсестрой Бордман и ее пациентом. Неделя, проведенная невесть где, повлияла на Бена неожиданным образом: едва оставшись с Джилл наедине, этот убежденный холостяк снова сделал ей предложение.

— Не надо, Бен, — отвела глаза Джилл.

— А почему не надо? У меня хорошая, постоянная работа, я материально обеспечен и вполне здоров — а точнее, буду вполне здоров, когда выведу наконец из организма «сыворотку

правды», или чем там они меня накачивали... а пока эта гадость еще во мне, я ощущаю непреодолимую потребность говорить правду. Я тебя люблю. Я хочу на тебе жениться и растереть твои бедные натруженные ножки. А что в этом такого? Пристрастия у нас с тобой одинаковые, мы друг к другу притерлись, будто давно уже женаты. Неужели я слишком старый? Или ты собралась выйти за кого-нибудь другого?

— Да нет же, и нет, и не другое! Бен... ведь я тебя тоже люблю. Только не надо об этом сейчас, сейчас я просто не могу.

И она стояла на своем как каменная. Безусловно, по возрасту Майк больше подходил Джиллиан — они были ровесниками, — а вот Бен ее на десять лет старше. Однако Джилл утверждала, что возраст не имеет значения: десять лет — невелика разница, и вдобавок всегда лучше, если муж старше жены.

С большим трудом и не сразу Бен осознал, что ревность его бессмысленна, что Майк — не соперник, а просто один из пациентов Джилл. У хорошей медсестры обязательно появляется материнское отношение к больным, хочешь жениться на медсестре — смирись с этим заранее. И разве полюбил бы он Джилл, будь у нее другой характер? Ведь дело совсем не в лихой восьмерке, которую описывает на ходу ее задница, не в умопомрачительном фасаде, пялиться на сиськи — подходящее занятие для прыщеватых подростков, а он давно вышел из детского возраста. Нет, он любит именно Джилл, всю ее, и такую, какая она есть.

А это значит, что иногда придется занимать в жизни Джилл второе место, после нуждающихся в ней пациентов (если она, конечно, не захочет бросить работу, но даже и тогда ее заботливая натура будет брать свое), — и не ревновать. И он не будет ревновать, особенно к нынешнему пациенту! К тому же Майк — приятный парень, невинный и простодушный, как Джилл и рассказывала.

А стать женой газетчика — тоже радость еще та. У газетчика нет твердого расписания, он может уйти из дома и вернуться только через неделю, ему приходится работать и ночами, и когда угодно. А начини Джилл закатывать сцены — разве мне это понравится? Только Джилл — она не начнет.

Придя таким образом к единому с самим собой мнению, Бен спокойно и без всяких задних мыслей отпил из предложенного Майком стакана.

Пригодился лишний день и Джубалу.

— Бен, когда вы свалили на меня все это дело, я сказал Джиллиан, что и пальцем не пошевелю, чтобы отстоять так называемые «права» Майка. А теперь я передумал. Этому правительственному ворью надо дать по грабкам.

— Да уж, правительство у нас — хуже некуда.

— Следующее будет еще хуже. Ты, Бен, недооцениваешь Джо Дугласа.

— Грошовый политикан, и мораль у него соответствующая.

— Верно. Можешь добавить еще умопомрачительную невежественность. И в то же самое время Дуглас — довольно честный и добросовестный мировой лидер, значительно лучше, чем мы того заслуживаем. Я охотно перекинулся бы с ним в покер — этот парень не станет передергивать, а проиграет — так расплатится с улыбкой. Настоящий СП, читай как хочешь, то ли «свой парень», то ли «сучий потрох». Одним словом, не то чтобы совсем уж ангел, но и не дерьмо какое.

— Джубал, что-то ни хрена я тебя не понимаю. Вчера ты был уверен, что Дуглас приказал меня угробить, — да к тому оно, собственно, и шло. Ты уж не знаю как наизворачивался, вытаскивая меня из дыры, хоть и не знал, жив я или нет. Я по гроб этого не забуду. Ровно так же я никогда не забуду, кто засунул меня в эту дыру. Дуглас совершенно не виноват в моем спасении, он предпочел бы, чтобы я сдох.

— Пожалуй, да. Но только... ладно, забудь об этом, и дело с концом.

— Вот же хрен я чего забуду!

— Ну и дурак. Во-первых, ты никому ничего не докажешь. А во-вторых, нечего взваливать на меня бремя своей благодарности. Я старался не ради *тебя*.

— А ради кого?

— Ради одной маленькой девочки, которая рвалась уже в бой и для которой этот бой окончился бы, скорее всего, очень быстро и очень печально. Она была моей гостьей, волей-нево-

лей я получал статус *in loco parentis*¹. Она горела отвагой, но была слишком невежественна, чтобы бороться с безжалостной, как циркульная пила, системой. А вот на тебе, приятель, пробы ставить негде, и ты великолепно разбираешься в циркульных пилах. И если ты по собственному своему разгильдяйству попадешь под зубья — кто я такой, чтобы вмешиваться в твою карму?

— М-м-м... О'кей, Джубал, тогда шел бы ты на хрен. Это за то, что вмешался в мою карму. Если только таковая у меня есть.

— Вопрос, конечно же, спорный. Я следил за игрой predetermined против свободовольцев, так к середине второго тайма счет был равный. Как бы там ни было, я предпочитаю не нарушать покой человека, мирно отдыхающего в сточной канаве, а предполагаю, что там ему и место, пока мне не докажут обратное. Всякая там благотворительность похожа на лечение гемофилии, лучше всего позволить гемофилику истечь кровью, прежде чем он наплодит себе подобных.

— Его можно стерилизовать.

— Берешь на себя роль Господа Бога? Но мы отклонились от темы. Дуглас совсем не пытался тебя убить.

— Это что, он говорит?

— Это вещает *ex cathedra*² всеведущий и непогрешимый Джубал Харшоу, через всеведущий свой и непогрешимый пуп. Если помощник шерифа насмерть замордовал заключенного, можно спорить на что угодно — окружные власти ничего не знали об этом заранее. Потом они, конечно же, закроют на «печальное недоразумение» глаза, чтобы «не раскачивать лодку», но это *потом*. В этой стране политические убийства никогда не были частью политики.

— Не были? Могу показать тебе материалы по нескольким скоропостижным кончинам, которые я расследовал.

— Я же сказал — не были частью политики, — отмахнулся Джубал. — Просто убийства по политическим мотивам —

¹ Букв. «на месте родителей» (лат.), то есть в роли опекуна.

² Букв. «с кафедры» (лат.).

это сколько угодно, от громких, вроде убийства Хьюи Лонга, до едва попадающих на восьмую страницу историй, как кого-то там угробили в темном переулке. Но они никогда не были частью политики, и вот ты, к примеру, только потому и жив, что они не являются частью политики Джо Дугласа. Эти молодцы зацапали тебя тихо и аккуратно. Они получили все, что хотели, и вполне могли избавиться от тебя столь же тихо и аккуратно, все равно как спуститьдохлую мышь в унитаз. Только вот их начальник не любит такой грубой игры, и если он о ней узнает, виновные могут лишиться работы, а то и головы.

Джубал замолчал и приложился к стакану.

— Подумай сам. Эти эсэсовцы — просто инструмент, — продолжал он, — а не какая-то там преторианская гвардия, выбирающая и назначающая цезарей. И кого бы ты хотел иметь цезарем? Какого ни на есть, но все-таки юриста, получившего воспитание в те далекие времена, когда эта страна была еще нацией, а не сатрапией в составе многоязычной империи, где в каждом углу — свои традиции... Дугласа, который на дух не переносит убийств? Или ты хочешь вышвырнуть его — нам это сейчас раз плюнуть, надуем при переговорах, и дело с концом, — вышвырнуть и получить генерального секретаря из какой-либо страны, где жизнь человеческая не ставится ни в грош, а политические убийства — древний, всеми уважаемый обычай? И что же тогда случится со следующим журналистом, любящим совать свой нос куда не просят, когда он ненароком забредет в темный переулок?

Какстон молчал; Харшоу, впрочем, и не ждал ответа.

— Как я уже говорил, СС — всего лишь инструмент. Людей, *обожаящих* грязную работу, прорва, только свистни. И ты представляешь себе, насколько грязной может стать эта работа, если Дуглас твоими стараниями лишится большинства в Совете?

— Так что же, по-твоему, я не должен критиковать правительство? Когда они поступают гадко? Когда я знаю, что они поступают гадко?

— Ничего подобного. Этот омут нужно взбаламучивать, и почаще, чтобы черти не заводились. Да, мерзавцев надо гнать

взашей — это весьма здравый политический принцип. И все же, прежде чем гнать в шею теперешних мерзавцев, стоило бы присмотреться получше к мерзавцам будущим. Демократия — очень плохая система правления, единственное ее оправдание состоит в том, что она гораздо лучше любой другой. Хуже всего то, что демократически избранные правители являются точным подобием своего электората, уровень получается предельно низкий, но куда же от этого денешься? Так что ты посмотри на Дугласа и задумайся: своим невежеством, своей тупостью, своим эгоизмом он весьма похож на среднего нашего гражданина — включая нас с тобой, — и все же хоть на вот столько, но поднимается над этим средним уровнем. А потом посмотри на человека, который может прийти ему на смену.

— Невелика разница.

— Велика-невелика, а все-таки разница. И разница между «плохим» и «худшим» ощущается значительно острее, чем разница между «хорошим» и «лучшим».

— И что же, по-твоему, должен я делать?

— Ничего, — пожал плечами Харпоу. — Ну, или почти ничего. Я сам все сделаю. Ты, главное, сдерживай на время переговоров свои охотничьи инстинкты и не кусай Джо Дугласа за ляжку. А в своей газетенке можешь воздать хвалу его «государственной мудрости»...

— А если стошнит?

— Только не на клумбу! В шляпу поймашь. Вот послушай, что я сделаю и почему Джо Дуглас на это согласится. Начнем с главного правила: оседлал тигра, так держи его крепче за уши.

— А если без красот красноречия? Поближе к теме.

— Слушай и не возникай. Если б у Майка не было ни гроша, тогда другое дело, но он имел несчастье унаследовать умопомрачительное богатство, какое и Крезу не снилось. К тому же некий, пусть и весьма сомнительный, но политико-юридический прецедент — беспредельный по своей тупости со времени дела Фолла—Дохини, когда одного осудили за получение взятки от того, которого в даче этой взятки оправдали, —

дает ему вполне реальный шанс на получение политической власти.

— Да, но...

— Не перебивай. Так вот, меня совершенно не интересует вся эта чушь насчет прав на марсианский престол; ровно так же я не считаю, что упомянутое богатство «принадлежит» Майку — он его не произвел. А даже и заработай он каждый доллар из этих бесчисленных миллионов своими руками, «собственность» совсем не является таким естественным и самоочевидным понятием, как о том принято думать.

— Что-то я не въезжаю.

— Обладание чем бы то ни было — связь таинственная, почти мистическая, плод крайне сложных абстракций. Слов нет, наши теоретики права сделали все от них зависящее, чтобы напустить вокруг этого понятия еще больше тумана, — но я даже и не предполагал, насколько оно эфемерно, пока не взглянул на вещи с марсианской точки зрения. Марсианин не владеет *ничем* — даже собственным своим телом.

— Погоди-ка, Джубал. Собственность есть даже у животных. А марсиане — не животные, у них высокоразвитая цивилизация, с огромными городами и прочими прибамбасами.

— Ну да, конечно. «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда». Никто не понимает имущественные права и «*meus-et-tuus*»¹ лучше сторожевого пса. Но марсиане здесь ни при чем. Все имеющееся на их планете находится в совместном владении миллионов или там миллиардов старейшин, а по-нашему сказать — призраков; хочешь назвать такую ситуацию «собственностью» — бога ради, но только что от этого изменится?

— Слушай, Джубал, а что это все-таки такое — эти самые Старики?

— Тебе что, официальную версию?

— Нет, что ты сам об этом думаешь?

— Ладно, но потом на меня не ссылайся. Я думаю, что это — гэ на палочке, только и пригодное, что на удобрение сельско-

¹ «Мое и твое» (лат.).

хозяйственных угодий. Суеверие, вбитое в голову парнишки с самых ранних лет, и настолько прочно, что обратно его не выбьешь.

— А вот послушаешь Джилл — так она во все это верит.

— Погоди немного, ты и от меня такое услышишь. Вежливость, нежелание обижать. Одна из лучших моих знакомых верит в астрологию — так разве посмею я с ней спорить? Способность людей верить в вещи, кажущиеся мне невероятными, — от столоверчения до гениальности их сопливых отпрысков — поистине безмерна. Лично я считаю любую веру проявлением интеллектуальной лени, но спорить об этом не желаю, потому что редко когда способен доказать ее несостоятельность. Майкова вера в Стариков ничуть не иррациональнее веры в то, что молением о дожде можно изменить динамику атмосферы. Вдобавок все козыри у него: он на Марсе был, а я — нет.

— М-м-м... должен признаться, Джубал, я и сам верю в бессмертие души, ну — почти верю. И все же какое счастье, что мной не помыкает призрак деда. Заполошный был старикашка.

— Вот и мой тоже. Да ведь и я — заполошный старикашка. И все равно, разве можно отнимать у гражданина право голоса на том лишь ерундовом основании, что он, видите ли, помер? Я вот помню городок, где провел детство, — так у нас в избирательных списках покойников было чуть не больше, чем живых, ну прямо чистый тебе Марс. И всех это вполне устраивало. Как бы там ни было, наш общий знакомый Смит *не может* ничем владеть — ведь *все* принадлежит Старикам. Вот и объясняй этому олуху, что он — собственник миллиона с лишком акций «Лунар энтерпрайзес» и лайловского двигателя, не считая всякой прочей подвижности-недвижимости. И какая разница, что первоначальные владельцы всей этой хурды-мурды померли, померли — значит стали Стариками, а Майк ни за какие коврижки не будет соваться в дела Стариков.

— М-м... вот же так его и туда. Получается, он неправоеспособен?

— Конечно. Майк не может распоряжаться собственностью, он просто не верит в существование этой мистической связи —

так же, как я, например, не верю в его Стариков. У этого парня нет никакой собственности, кроме зубной щетки, — и даже эту щетку он не считает полностью «своей». Если ты ее заберешь, Майк не обидится и жаловаться не будет, а просто-напросто решит, что изменение произведено по указанию Стариков.

Джубал снова приложился к стакану и наставительно поднял палец:

— А раз уж Майк неспособен, хотя и в состоянии процитировать весь кодекс имущественного права, то ни в коем разе нельзя допустить, чтобы возникли малейшие сомнения в его правоспособности. Иначе назначат опекуна — и кто, по твоему мнению, может оказаться в этой роли?

— Кто? Конечно Дуглас. Ну, или кто-нибудь из его прихлебателей.

— А ты уверен? Ты припомни-ка получше состав Верховного Суда. А вдруг фамилия их избранника будет Суфанувонг? Или Надь? Или Ки?

— Д-да. С них станет.

— В каком случае долго наш знакомый не проживет. Либо проживет долго, но в таком месте, откуда не больно-то смоешься, это вам будет не бетесдинская больничка.

— Ну и что же ты намерен делать?

— Власть, номинально принадлежащая Майку, слишком опасна, в первую очередь — для него же самого. Так что мы с ней расстанемся.

— А каким образом можно отдать кому-то такие дикие деньги?

— Никаким. Это невозможно. Их передача, как негласное проявление скрытой мощи, сразу сместит равновесие власти; только о таком заикнись — мигом устроят проверку правоспособности. Так что пусть себе тигр несется со всех ног, а мы будем цепляться за уши и молить всех богов, чтобы не сбросил. Вот, Бен, послушай, что я думаю сделать, а потом постарайся найти в плане слабые места. Не в юридическом смысле; эксперты Дугласа накрутят сколько угодно казуистической мутотени, да еще я за ними проверю. Нет, не беспокойся, я хочу

впарить Дугласу такой план, который ему сразу понравится и в котором он ничего менять не захочет. Ты обнюхай все в смысле политической разумности и осуществимости. Так вот...

19

На следующее утро, часов в десять, Дипломатическое Представительство Марса в сопровождении товарищества «Дырка от бублика анлимитед», учрежденного Джубалом Харшоу, прибыло на посадочную площадку у Правительственного Дворца. Непретенциозно одетый претендент на марсианский престол и держал себя без всяких претензий; нимало не обеспокоенный целью путешествия, он просто сидел и получал удовольствие. Так и не найдя собачьей упряжки, Джубал заказал «Летающий Грейхаунд». Майк разместился над водительской кабиной, в обзорном куполе, с Джилл одесную и Доркас ошуюю; без умолку треща, девицы демонстрировали ему красоты земного ландшафта, в то время как сам он больше молчал и с безудержным восторгом крутил головой. Вся эта троица втиснулась на сиденье, предназначенное для двоих, из чего естественным образом проистекало теплое и уютное взращивание близости. Майк обнял обеих своих соседок за плечи, смотрел, слушал, пытался что-нибудь грокнуть и ощущал почти такое же счастье, как на дне бассейна.

Марсианский воспитанник впервые наблюдал земную цивилизацию. По пути с «Чемпиона» в палату К-12 Бетесдинского медицинского центра он не видел ровно ничего, а десятиминутный полет на такси из больницы в квартиру Бена не дал возможности что-либо грокнуть; усадьба Джубала, за ворота которой он не выходил, позволила ему познакомиться с деревьями, травой, домом, бассейном — но не более.

Однако теперь Майк был умудрен десятидневным опытом и приобретенными из книг познаниями; он знал, что такое окно, понимал, что окружающий его пузырь — для того, чтобы смотреть по сторонам, и что проплывающие внизу структу-

ры — человеческие города. С помощью девушек он даже находил на компьютерной карте местоположение самолета. До чтения энциклопедии Смит даже и не подозревал, что люди умеют изображать местность; грокнув впервые человеческую карту, он почувствовал острый — и сладкий — укол ностальгии. Мертвая и статичная по сравнению с картами, применявшимися его народом, но все равно — карта. Для него, ни по нраву, ни по воспитанию не способного к обидным сравнениям, даже эти карты были по сути своей марсианскими, и он их полюбил.

Большая часть двухсотмильного пути пролегла над столицей мира, огромным мегаполисом, широко раскинувшим свои щупальца и придатки; Майк радостно впитывал в себя ежесекундно меняющиеся картины и пытался их грокнуть, но его потрясали и размеры человеческих поселений, и ключом бьющая в них жизнь — все это разительно отличалось от спокойных, как монастырский сад, городов его народа. Ему казалось — любой из этих муравейников живет на износ, все они должны мгновенно одряхлеть и умереть, превратиться в руины, настолько плотно забитые опытом прошлых существований, что лишь самые сильные из Стариков смогут посещать опустевшие улицы и в долгих медитациях грокать бесконечные напластования событий и чувств. Там, на Марсе, Майка несколько раз водили в покинутые города, это было и чудесно, и ужасающе, но затем учителя прекратили такие экскурсии, грокнув, что их ученик еще недостаточно окреп.

Осторожно расспрашивая Джилл и Доркас, Майк с облегчением сумел грокнуть возраст исполинского города, который был основан чуть больше двух земных столетий тому назад. Он до сих пор воспринимал земные единицы только разумом, не чувствами, а потому перевел этот промежуток времени в марсианские годы, а заодно и в марсианскую систему счисления — тройка-наполненная-плюс-тройка-выжидающая лет ($3^4 + 3^3 = 108$ марсианских лет).

Устрашающе — и прекрасно. Вероятно, люди уже готовятся покинуть этот исполинский лабиринт, предоставить его своим

собственным, за годы накопленным мыслям, прежде чем он рассыплется от невыносимого напряжения и станет не-быть... и в то же время проплывающий вниз город — всего-лишь-яйцо!

Майк заранее предвкушал, как вернется в Вашингтон через сто-двести лет, как пройдет его опустевшими улицами и попытается взрастить близость с его безмерной болью и красотой, алчно грокая, пока не станет этим городом, а город не станет им самим, — если, конечно, удастся накопить к этому времени достаточно сил. Мысль пришлось отложить на будущее — нужно еще расти, расти и расти, и только потом можно обрести способность восхититься могучими страстями этого города, воспринять их и восхвалить.

Повинуясь приказу об изменении трасс транспортных средств, движущихся вне расписания (сам того не подозревая, высокий гость с Марса стал причиной этого приказа), пилот «Грейхаунда» свернул на восток, и глазам Майка открылось море.

Только слова Джилл убедили его, что внизу действительно вода; Доркас добавила, что это — Атлантический океан, а заодно показала на карте береговую линию. Еще детенышем Майк узнал, что третья от Солнца планета почти вся покрыта водой жизни, а за последнее время привык и к тому факту, что населяющий Землю народ относится к своему богатству с легкостью почти пренебрежительной; это было почти так же трудно, как в свое время — освоить утверждение марсианской ортодоксии, что водный ритуал не нуждается в воде, что вода — всего лишь символ глубинной сущности, символ прекрасный, но не обязательный.

Но сейчас Майк, как и многие люди, еще не испытывавшие каких-то сильных потрясений, очередной раз убедился, что абстракция и живая реальность — вещи очень разные; Атлантика преисполнила его такого благоговения, что Джилл пришлось прикрикнуть:

— Майк! Не смей!

Майк обрубил свои эмоции и припрятал их про запас, а затем уставился на уходящую за горизонт водяную гладь и на-

чал оценивать ее размер, пока в голове не зазвенело от троек, степеней тройки и степеней степеней.

— Девицы, — возгласил Джубал, как только машина коснулась посадочной площадки у Дворца, — вас четверо, окружите его со всех четырех сторон и не стесняйтесь при случае отдавить кому-нибудь ногу или садануть локтем под дых. Твоя, Энн, мантия — тоже совсем не причина вести себя тютей, когда эта публика начинает напирать, топчи им, к чертовой матери, мозоли. А может, тебе и вправду нельзя?

— Кончай мандражировать, начальник. Никто и никогда на Свидетеля не напирает. К тому же я на шпильках и хрупкостью телосложения не отличаюсь.

— О'кей. Дюк, ты свою задачу знаешь, но как только будет возможность, отправь Ларри сюда, пусть ждет у машины. Мало ли, вдруг понадобится.

— Грокою, начальник. А ты бы и вправду поменьше дергался.

— Сколько хочу, столько и дергаюсь. Пошли.

Харшоу, четыре девушки, Майк и Какстон вышли из машины, и та сразу же взлетела. Встречающих было не очень много, а представителей прессы — очень мало.

— Доктор Харшоу? — (а кого они, собственно, ждали?) громко спросил вышедший навстречу человек. — Я Том Бредли, старший помощник генерального секретаря. Сейчас вы пройдете в кабинет мистера Дугласа. Он хочет встретиться с вами до начала переговоров.

— Нет.

— Вы, вероятно, меня не поняли, — недоуменно моргнул Бредли. — Это указание генерального секретаря. Ах да, он сказал еще, что с вами может пройти и мистер Смит — это, значит, Человек с Марса.

— Нет. Мы пойдем только всем скопом, даже в туалет. А сейчас идем прямо в конференц-зал. Пусть кто-нибудь нас проводит. И встречающие пусть посторонятся, и без того шагу ступить негде. А тем временем у меня есть для вас поручение. Мириам, письмо.

— Но послушайте, доктор Харшоу...

— Я же сказал — *нет!* Ясно вам? Доставьте это мистеру Дугласу — *немедленно*, — затем возьмите с него расписку и принесите ее мне.

Харшоу взял у Мириам заклеенный конверт, расписался поперек его клапана, поставил поверх подписи отпечаток большого пальца и вручил письмо застывшему в растерянности Бредли.

— Скажите ему, чтобы прочитал сразу же — до начала переговоров.

— Но ведь генеральный секретарь хочет...

— Генеральный секретарь хочет прочитать это письмо. Молодой человек, у меня могучий дар ясновидения. И я могу с уверенностью предсказать, что если вы не поторопитесь — завтра вас в этом дворце не будет.

— Джим, займись этим ты, — сказал Бредли и торопливо удалился.

Джубал облегченно вздохнул. Над письмом пришлось много попотеть; они с Энн просидели чуть не всю ночь, сочиняя, а затем отвергая один вариант за другим. Джубал хотел заключить соглашение у всех на виду, под прицелом кинокамер и фотообъективов, однако не желал ни ловить Дугласа врасплох, ни сообщать ему все подробности будущей своей тактики переговоров.

Теперь вперед вышел вызванный Томом Бредли «Джим»; опытный взгляд Джубала сразу распознал в этом молодом парне одного из тех неглупых, пройдошистых карьеристов, которые всегда роятся вокруг власть имущих и охотно выполняют для своих хозяев всю грязную работу. Короче говоря, Джубал тут же его невзлюбил.

— Меня зовут Джим Санфорт, — ослепительно улыбнулся молодой человек. — Я пресс-секретарь шефа, а теперь буду пахать и на вас — организовывать интервью, встречи с прессой, все такое. К сожалению, у нас еще не все готово — в самую последнюю минуту пришлось переехать в зал побольше. Поэтому я думаю...

— А я думаю, что мы пойдем в зал. Постоим на своих двоих, пока не принесут стулья.

— Доктор, да вы не понимаете. Там же полный бедлам — устанавливают оборудование, тянут провода, не протолкнуться от репортеров...

— Вот и отлично. С ними-то мы и побеседуем.

— Нет, доктор, нет. Я получил указание...

— Молодой человек, вы можете взять свои указания и засунуть их... надеясь на вашу сообразительность, не буду говорить, куда именно. Вы нами не распоряжаетесь. Вы для нас никаких интервью не организовываете. Мы прибыли сюда с одной-единственной целью — для участия в открытых для прессы переговорах. Если переговоры задерживаются — мы встретимся с прессой, в том же самом, предназначенном для переговоров, зале.

— Но...

— Между прочим, вы уже битый час держите Человека с Марса на ветру. Послушайте, — возвысил голос Джубал, — есть тут хоть кто-нибудь, способный проводить нас в конференц-зал?

— Хорошо, доктор. — Кадык Санфорта судорожно дернулся. — Идемте.

Конференц-зал кишел журналистами и техниками, однако там успели уже установить большой овальный стол, стулья и несколько столиков поменьше. Майка сразу заметили; несмотря на все протесты Санфорта, вокруг него сгрудилась толпа, и лишь ценой больших усилий эскадрону амазонок удалось пробиться к большому столу. Джубал усадил Майка между Джилл и Доркас, а Энн и Мириам — за их спинами, в качестве прикрытия. После этого все присутствующие получили полную возможность задавать вопросы и фотографировать; еще до отлета из дома Джубал предупредил Майка, что обстановка предвидится суматошная, люди будут делать странные, неожиданные вещи, но все равно он не должен — без указания Джилл — предпринимать излишне радикальные меры (не нужно, чтобы люди и предметы исчезали, не нужно останавливать людей и тому подобное).

Майк воспринял окружающую суматоху с мрачной серьезностью; чтобы успокоить своего пациента, Джилл не выпускала его руки ни на секунду.

Джубал хотел, чтобы марсианского претендента снимали, и чем больше — тем лучше, не боялся он и вопросов. Недельный опыт общения с Майком убедил его, что ни одному репортеру такой орешек не по зубам. Ну что можно выкачать из интервьюируемого, который каждый вопрос понимает буквально, отвечает в двух словах и замолкает?

Так оно и вышло. Ответы Майка не отличались большим разнообразием, чаще всего это было «Я не знаю» или «Прошу прощения?».

Предвосхищая будущую схватку вокруг статуса Майка как наследника, корреспондент «Рейтер» попытался тихой сапой провести свой собственный тест на правоспособность:

— Мистер Смит, насколько вы знакомы с законами о наследовании?

У Майка были большие трудности с гроканьем земного понятия «собственность», а особенно идей «завещания» и «наследования»; памятуя об этом, в своем ответе он строго придерживался книжного текста — Джубал быстро узнал первую главу трактата Эли «О наследовании и завещании».

Майк начал воспроизводить прочитанное, страницу за страницей, с абсолютной точностью и без всякого выражения, будто профессор на информативной, но нудной лекции; в зале повисла недоуменная тишина, рейтеровский репортер не знал, куда девать глаза.

Мстителный Джубал не вмешивался, пока каждый из присутствующих в зале не узнал о наследственных правах вдовы и вдовца, братьев и сестер единокровных и единоутробных, а также о разделе наследуемого имущества *per stirpes* и *per capita* значительно больше, чем ему хотелось бы знать. Но все-таки эту пытку нужно было кончать.

— Хватит, Майк.

— Там еще очень много, — удивился Майк.

— Потом. Есть вопросы на какую-нибудь другую тему?

Репортер лондонской воскресной газеты выскочил с вопросом, близким интересам своих читателей (а потому близким финансовым интересам своего работодателя):

— Мистер Смит, мы уже знаем, что вам нравятся земные девушки. Приходилось вам когда-нибудь целовать девушку?

— Да.

— И вам понравилось?

— Да.

— На что это похоже?

На этот раз Майк ответил почти без промедления.

— Целовать девушек — добродетельность, — объяснил он. — Вращивание близости. Покруче игры в карты.

Гром аплодисментов испугал Майка, но он чувствовал, что ни Джилл, ни Доркас не боятся, а только стараются сдержать это шумное, непонятное выражение всеобщего восторга. Он успокоил свой страх и начал ждать.

От дальнейших вопросов его спасло появление в зале знакомой фигуры.

— Брат мой доктор Махмуд! — вне себя от радости закричал Майк (по-марсиански).

Проталкиваясь к столу, семантик «Чемпиона» улыбался, махал рукой и отвечал на том же самом скрежещущем наречии. Они продолжили свою не понятную никому из окружающих беседу, Майк сыпал словами с пулеметной скоростью, Махмуд — значительно медленнее; закрыв глаза, можно было подумать, что это носорог бодает стальную бочку.

Репортеры на время стихли; звукозаписывающая братия звукозаписывала, а просто пишущая братия просто записывала колоритный эпизод. В конце концов самый нетерпеливый из них не выдержал:

— Доктор Махмуд! А что вы говорите?

— По большей части, — с великолепным оксфордским акцентом ответил семантик, — я говорю ему: «Помедленнее, милый, ну хоть немного помедленнее».

— А что говорит он?

— Все остальное — чисто личные дела, не представляющие для вас никакого интереса. Разнообразные приветствия. Вы же

понимаете — встреча старых друзей. — И Махмуд снова перешел на марсианский.

Майк рассказывал своему брату обо всем, происшедшем за время расставания, чтобы гроknуться с ним ближе, — но Майковы понятия о событиях важных были чисто марсианскими, а потому говорил он почти исключительно о новых братьях по воде и неповторимом аромате каждого из них... похожая на ласковую воду Джилл... бездонная глубина Энн... странный, не совсем еще гроknутый факт, что Джубал иногда как яйцо, а иногда как Старик, а он и не то, и не другое. А еще — негрокаяемая огромность океана...

Махмуду рассказывать было почти не о чем — в его жизни произошло значительно меньше важных, по марсианским понятиям, событий. Один вакхический эксцесс, которым он совсем не гордился, один долгий день, проведенный в вашингтонской мечети пророка Сулеймана распростершись ниц, причем результаты последнего не были еще гроknуты, так что говорить о них не хотелось. Братьев по воде не прибавилось.

Через некоторое время он остановил Майка и протянул руку Джубалу:

— Вы доктор Харшоу. Валентайн Майкл считает, что представил меня вам, — да, по его правилам, так оно и есть.

Пожимая Махмуду руку, Джубал еще раз окинул его взглядом. Ну прямо что твой английский аристократ, от привычной, непринужденной небрежности дорогого твидового костюма до коротко подстриженных седеющих усов. Спорт, одним словом, и охота. А вот кожа — смуглая, темная, да и гены, сформировавшие этот увесистый крючковатый шнобель, явно пришли из Леванта. Харшоу не любил суррогатов и всегда предпочел бы холодную кукурузную лепешку идеальному синтетическому филе.

Однако Майк явно считает этого типа другом — значит другом ему и быть, пока не продемонстрирует обратного.

В глазах Махмуда Джубал являл собой типичнейший, выставочный образец янки во всей его красе — вульгарный, одетый явно неподходящим к случаю образом, горластый, воз-

можно — невежественный и почти наверняка — провинциальный. И к тому же — «специалист». Американские специалисты, с которыми приходилось сталкиваться Махмуду, почти неизбежно оказывались узкими, зашоренными недоучками, не более чем техническими исполнителями, хотя он тщательно скрывал свое глубокое презрение ко всему американскому. Вавилонское столпотворение бесчисленных религий, сект, секточек, американская кухня (кухня!!!), их манеры, их до ублюдочности эклектичная архитектура, их тошнотворное искусство — и тут же слепая, высокомерная уверенность в собственном превосходстве, особенно нелепая теперь, когда солнце их давно закатилось. Их женщины. Особенно — женщины. Нахальные, лишенные всякой скромности, с тощими, как после долгой голодовки, телами — и все равно странным образом напоминающие райских гурий. Четверо этих созданий тесным кольцом окружали Валентайна Майкла — здесь, на встрече, которой подобало быть чисто мужской.

Но для Валентайна Майкла все эти люди — в том числе даже эти назойливые существа женского пола — являются братьями, он представляет их гордо и радостно, тем самым налагая на Махмуда узы обязанностей, не сравнимых даже с теми, которые человек имеет по отношению к сыновьям брата своего отца. Махмуд усвоил смысл марсианского термина, обозначающего такое опосредованное родство, при прямом общении с марсианами и не нуждался в неадекватных переводах типа «цепная связь», а также в пересказах вроде «брат моего брата — мой брат» или «две вещи, равные порознь третьей, равны между собой». Он видел марсиан, он знал их бедность (по земным меркам), он чуть-чуть прикоснулся к их культурному богатству — и сумел оценить его огромность. И он грокнул, что межличностные отношения — высшая для марсиан ценность.

Что ж, ничего тут не попишешь — он разделил с Валентайном Майклом воду и теперь обязан оправдать его доверие. Остается только надеяться, что эти янки — не совсем уж окончательные жлобы.

Доктор Махмуд приветливо улыбнулся и продолжил:

— Валентайн Майкл объяснил мне — и с большой гордостью, — что все вы находитесь с ним... — (тут он произнес марсианское слово).

— Как?

— В братстве по воде. Вам это понятно?

— Грокаю.

Махмуд сильно сомневался в Джубаловом «гроканье», однако сомнения эти предпочел оставить при себе.

— Я состою с ним в таком же родстве, а потому полагаю своей обязанностью попросить вас считать меня членом семьи. Я знаю ваше имя, доктор, а это, очевидно, мистер Какстон. Мистер Какстон, я часто вижу вашу фотографию в газете, рядом с колонкой. Теперь позвольте мне разобраться в молодых дамах. Это, я полагаю, Энн.

— Да, но она в мантии.

— Конечно же. Придется мне выразить ей свое уважение немного позже.

Знакомясь с Джилл, Махмуд неожиданно услышал правильное марсианское обращение к брату по воде, произнесенное тремя октавами выше, чем это сделал бы марсианин, и в то же время с абсолютно точным акцентом (со стороны могло показаться, что несчастная медсестра жестоко застудила горло). Из той сотни с небольшим слов, которые Джилл начинала понимать, произнести она могла не более дюжины, да и те с грехом пополам; однако это обращение, которое ей приходилось слышать и употреблять десятки раз на дню, было усвоено в совершенстве.

Глаза доктора Махмуда расширились, — пожалуй, в этих необразованных варварах что-то есть... и не стоило спешить, ставя под сомнение интуицию Валентайна Майкла. Он мгновенно ответил Джилл соответствующим приветствием и наклонился к ее руке.

Краем глаза Джилл увидела на лице Майка выражение полного восторга; она кое-как сумела прохрипеть самую короткую из девяти форм ответа на ответ — хотя и не понимала

ее и вряд ли решилась бы произнести ее эквивалент, соответствующий биологии человека, по-английски. И уж во всяком случае — не обращаясь к почти незнакомому мужчине.

Махмуд, понимавший эту фразу, воспринял ее не в буквальном анатомически невозможном для людей смысле, а символически — и ответил положенным образом. Однако на этом месте возможности Джилл иссякли; ни слова не поняв, она не могла ответить даже по-английски.

И тут медсестру Бордман посетило вдохновение; взяв со стола один из многочисленных графинов, она наполнила стакан, посмотрела Махмуду прямо в глаза, торжественно произнесла:

— Вода. Наше гнездо — ваше гнездо. — Коснулась стакана губами и протянула его семантику, наблюдавшему за всеми этими манипуляциями с нескрываемым интересом.

Тот ответил по-марсиански и тут же сам перевел:

— Поделившиеся водой поделились всем.

Отпив крошечный глоток, Махмуд начал было возвращать стакан Джилл, но тут же повернулся и протянул его Джубалу.

— Я-то по-марсиански не умею, — сказал Джубал, — но за воду, сынок, спасибо. Да не мучит тебя нигде жажда.

Он опустошил стакан на добрую треть, передал его Бену и шумно перевел дыхание.

Какстон взглянул на Махмуда, торжественно произнес:

— Взрастим близость. С водой жизни мы взрастим нашу близость. — Чуть омочил губы и протянул стакан Доркас.

Все, казалось бы, было ясно, однако Доркас замялась:

— Доктор Махмуд? А вы понимаете, насколько это серьезно для Майка?

— Понимаю, мисс.

— Я хотела сказать... ну... для нас это тоже серьезно. *Это* вы понимаете? Вы... грокаете?

— Я грокаю в полноте — иначе я отказался бы пить.

— Хорошо. Да пьешь ты всегда вдосталь. Пусть наши яйца лежат в одном гнезде.

По щекам Доркас потекли слезы, она отпила и торопливо сунула стакан Мириам.

— Возьми себя в руки, — прошптала Мириам, после чего обратилась сперва к Майку:

— Мы приветствуем своего брата водой. — А затем к Махмуду: — Гнездо, вода, жизнь. — Немного отпив, она добавила: — Наш брат. — И протянула ему стакан.

Махмуд допил все, что осталось на дне, и протяжно произнес по-арабски:

— И если примете вы их в свои, они вам станут братья.

— Аминь, — согласился Джубал.

Махмуд на мгновение вскинул глаза, однако решил не выяснять, понял слова Пророка этот американец или нет; не место и не время начинать такой разговор, лишний раз бередить свои собственные тревоги и сомнения. Но как все-таки согревает душу ритуал воды... хотя все это сильно отдает ересью.

Его мысли прервал подбежавший помощник главы протокола:

— Вы — доктор Махмуд? Доктор, ваше место на противоположной стороне. Идемте, я вас провожу.

— Нет, — улыбнулся Махмуд, — мое место здесь, среди друзей. Доркас, позвольте, я переставлю стул и сяду между вами и Валентайном Майклом.

— Конечно, доктор. Я потеснюсь.

ППП только что ножкой не топнул:

— Доктор Махмуд, *я провожу вас*. По схеме размещения гостей вы сидите в другом конце зала! С минуты на минуту появится генеральный секретарь, а тут буквально не протолкнуться от репортеров и всяких прочих... и я просто не знаю, что мне делать!

— А не знаешь, сынок, так сходи куда-нибудь и подумай, — дружелюбно посоветовал Джубал.

— Что? Кто вы такой? Вы в списке приглашенных? — Невзрастичный юноша схватился за свою схему раскладки.

— А сам-то ты кто такой? — гордо вскинулся доктор Джубал Харшоу. — Официант, что ли? Я — Джубал Харшоу. Мое имя есть в этом твоём списке, а иначе порви его, помни и повесь на гвоздик. Слушай, пентюх, если Человек с Марса жела-

ет, чтобы рядом с ним сидел доктор Махмуд, спорить больше не о чем.

— Но он *не может* здесь сидеть, — чуть не расплакался протокольный помощник. — Места за столом переговоров предназначены для верховных министров, глав делегаций, членов Верховного Суда и прочих персон аналогичного ранга, — я и их-то не знаю, как втиснуть, тут же всё подходят и подходят. Ну и конечно же, для Человека с Марса.

— Конечно же, — охотно согласился Джубал.

— Ну и конечно же, доктор Махмуд должен находиться поблизости от генерального секретаря — чуть позади, — чтобы при необходимости что-нибудь перевести. Я не вижу с вашей стороны никакого желания помочь.

— Сейчас я тебе помогу. — Джубал отобрал у него схему. — М-м-м... посмотрим, посмотрим. Человек с Марса будет сидеть напротив генерального секретаря — ну, он тут примерно и сидит. Далее... — Вооружившись карандашом, Джубал бросился в атаку. — Далее, вся эта половина стола, отсюда и досюда, принадлежит Человеку с Марса. — Посадив на схему два крестика, он соединил их жирной черной дугой, а затем повычеркивал все имена, оказавшиеся на оккупированной территории.

— Тебе же и работы меньше — на нашей стороне рассаживать буду я сам.

Ошеломленный чиновник утратил дар речи, из его рта вырывались какие-то всхлипывающие, нечленораздельные звуки.

— А что, что-нибудь не так? — скромно поинтересовался Джубал. — Да, верно, вот всегда я забываю об этих формальностях. — Он накарябал под своими поправками: «Дж. Харшоу, от имени В. М. Смита». — Беги, сынок, на полусогнутых к своему начальнику, пусть ознакомится. А заодно пусть взглянет в протокольные правила официальных визитов глав дружественных планет.

Несчастный открыл рот — и поспешно удалился, забыв его закрыть. Через минуту он появился снова, выглядывая из-за спины человека постарше и посолиднее.

— Доктор Харшоу, я Ла Рю, глава протокола, — сухо представился новоприбывший. — Вам что, действительно необходима целая половина главного стола? Насколько я понял, ваша делегация не очень многочисленна.

— Это не имеет отношения к делу.

— Боюсь, имеет, — слегка улыбнулся Ла Рю, — и самое прямое. Я и так не знаю, что делать с местами. Сегодня нас осчастливит своим присутствием чуть не каждая персона высшего ранга. Если ожидается кто-то еще — очень жаль, кстати, что меня не поставили в известность заранее, — я организую дополнительный столик, рядом с двумя местами, отведенными мистеру Смиту и вам.

— Нет.

— Крайне вам сочувствую, но иного выхода нет.

— Я вам тоже сочувствую. Если Марсу не будет предоставлена половина стола, мы покидаем зал. Сообщите генеральному секретарю, что причиной срыва переговоров стала грубость, допущенная вами по отношению к Человеку с Марса.

— Я не очень вас понимаю.

— Странно, я ведь говорю нормальным человеческим языком и вполне разборчиво.

— Но... но вы, вероятно, шутите?

— Какие уж тут, сынок, шутки. Одно из двух: либо Смит — главный начальник соседней планеты, прибывший с официальным визитом к главному начальнику этой планеты, в каком случае вы обязаны предоставить ему и эти места, и всяких там мальчиков на побегушках, и что уж там еще, вплоть до женского кордебалета. Либо он турист, которому не полагается вообще никаких официальных знаков внимания. А то вы хотите и на елку влезть, и не оцарапаться. Да ты оглянись и сосчитай, сколько тут, пользуясь твоим выражением, «персон высшего ранга», а потом подумай — разве явились бы они сюда посмотреть на простого туриста?

— У этой ситуации не было прецедентов. — В голосе Ла Рю не чувствовалось прежней уверенности.

— Не было? — презрительно фыркнул Джубал. — А вот ты подойди к главе делегации Лунной Республики и скажи *ему*,

что не было прецедентов. Только сразу пригнись — он, говорят, мужик раздражительный и скорый на руку. Да ладно, сынок, я же старый человек, усталый и невыспавшийся, ну чего, спрашивается, ради должен я учить тебя твоей работе? Скажи мистеру Дугласу, что мы заглянем сюда как-нибудь в другой раз — когда делегации Марса будет обеспечен подобающий прием. Пошли, Майк, — мучительно наморщившись, он стал высвобождать свой зад из кресла.

— Нет, нет, доктор Харшоу, — поспешно остановил его Ла Рю. — Мы расчистим эту сторону стола. Я... ну, я что-нибудь придумаю. Эта сторона ваша.

— Вот так-то лучше. — Харшоу приостановил свою попытку подняться на ноги — но только приостановил. — Теперь дальше. Где флаг Марса? И что вы думаете насчет почестей?

— Извините, но я что-то не понимаю.

— Опять не понимаете. Неужели я совсем разучился говорить по-английски? Вон, видите? За креслом генерального секретаря стоит флаг Федерации. А где же флаг Марса?

Ла Рю недоуменно моргнул:

— Должен признаться, вы застали меня врасплох. Я не знал, что у марсиан есть флаги.

— А у них и нет флагов. Вы даже не представляете себе, что они используют в таких вот торжественных случаях (сам я тоже не представляю, но это замнем). Так что мы не станем особенно придиратся, а лучше попробуем что-нибудь сделать. Мириам, дай блокнот... ну, скажем, так.

Харшоу изобразил традиционный земной символ Марса — кружок, перечеркнутый слева направо и вверх стрелой, и обвел его прямоугольником, обозначавшим, по-видимому, полотноше флага.

— Поле белое, а эмблема Марса — красная. Нужно бы, конечно, шелковым шитьем, но на сегодня ограничимся краской по ткани, тут уж любой бойскаут справится. Вы были скаутом?

— Э-э... был когда-то.

— Вот и отлично. Значит, вы знаете девиз скаутов. Теперь насчет почестей. Если я правильно догадываюсь, при появ-

лении генерального секретаря будет исполнен «Мир во всем мире».

— Конечно. И без этого никак нельзя.

— В таком случае следом за ним должен быть исполнен гимн Марса.

— Это невозможно. Даже если таковой и существует — у нас нет нот. Доктор Харшоу, вы предъявляете совершенно неразумные требования.

— Слушай, сынок. Мои требования *абсолютно* разумны. Мы приехали для небольшого неофициального разговора — и вдруг видим, что вы устроили тут настоящий цирк. А раз устраиваешь цирк — нужно заводить слонов. Понятно, что вы не можете исполнять марсианскую музыку — равно как мальчишка с жестяной дудочкой не мог бы сыграть симфонию. Но симфонию-то вы можете сыграть — «Симфонию десяти планет»? Вгрокиваешься? Я хотел сказать: «Ты меня понимаешь?» Записи у вас есть, включите тему Марса... ну, или хотя бы достаточное количество тактов, чтобы ее можно было узнать.

Ла Рю задумался.

— Да, пожалуй что можем... но только, доктор Харшоу, я все равно не могу обещать вам государственные почести — даже на таком, импровизированном уровне. Я... у меня нет достаточных полномочий.

— А главное — пороку, — презрительно бросил Джубал. — Что ж, *нам* весь этот цирк не нужен, так что скажи мистеру Дугласу, что зайдем в другой раз, когда он будет посвободнее. Очень приятно было познакомиться. Когда мы приедем снова, забегай в кабинет генерального, поболтаем — если, конечно, ты еще будешь здесь работать. — И он снова изобразил из себя немощного старика, с трудом и мучениями пытающегося встать на ноги.

И снова Ла Рю его остановил:

— Не уходите, доктор Харшоу, я *очень* вас прошу. Секретарь не придет, пока мы не сообщим, что все готово. Я попробую, может, как-нибудь и удастся. Хорошо?

— Валяй, — махнул рукой Харшоу, со стоном опускаясь в кресло. — Пробуй. Только вот еще, пока ты не ушел. Минуту

назад я слышал шум — там вроде бы хотели прорваться какие-то ребята с «Чемпиона». Они же друзья Смита, так что пусть их пропустят, место мы им найдем — а на нашей стороне и вправду малость пустовато. — Он тяжело вздохнул и начал массировать себе спину где-то в районе левой почки.

— Хорошо, сэр. — Ла Рю сухо кивнул и исчез.

— Начальник, — драматическим шепотом спросила Мириам, — ты где это успел спину потянуть? Позапрошлой, что ли, ночью, когда делал стойку на голове?

— Стихني, а то сейчас выпорю.

Джубал с удовлетворением оглядел зал, продолжавший заполняться «персонами высшего ранга». Он специально сказал Дугласу, что хочет провести «неофициальные переговоры в тесном кругу», — подобные заявления привлекают власть имущих почище, чем запах колбасы — голодную кошку. И теперь эти набобы будут обращаться с Майком как с главой суверенной державы — на глазах у всего мира. После такого им просто духу не хватит забототать мальчонку!

Санфорт выпроваживал из зала репортеров; вконец затурканный помощник главы протокола сильно смахивал сейчас на нервную воспитательницу детского садика, проводящую игру в «музыкальные стулья»: стульев тех было слишком мало, а детишек — извините, «персон» — слишком много. И с каждой минутой становилось больше. Судя по всему, Дуглас и не намеревался начать переговоры раньше одиннадцати, о чем знали все, кроме «марсианской делегации»; Джубала позвали раньше с единственной целью провести приватную предварительную беседу — от которой он отказался. Ну что ж, время зря не пропало.

Появился лидер Восточной Коалиции. Из неких сложных политических соображений мистер Кун не стал сегодня возглавлять делегацию своей страны; строго говоря, для протокола он был всего лишь одним из ее рядовых членов — однако Джубал ничуть не удивился, когда юный протокольный помощник забыл обо всем остальном и бросился усаживать главного политического противника Дугласа за стол перего-

воров, рядом с местом, отведенным для самого генерального секретаря. Это лишний раз подтверждало, что Дуглас далеко не дурак.

Майк вскочил, с восторгом приветствуя доктора Нельсона и капитана ван Тромпа; обрадовался и Джубал — теперь репортерам было что снимать, а то раньше парень сидел неподвижно, словно какой тебе истукан. Кроме того, возникший переполох предоставил хорошую возможность разместить всех как надо. Предусмотрительный доктор усадил Майка прямо напротив генерального секретаря — и справа от себя, чтобы иметь возможность до него дотрагиваться. В человеческих манерах и обычаях Майк разбирался более чем смутно, а потому Джубал договорился с ним о системе незаметных сигналов вроде той, которую используют при работе с дрессированной лошадей — «встань», «сядь», «поклонись», «пожми руку». С тем единственным отличием, что Майк оказался значительно сообразительнее средней кобылы и усвоил все минут за пять.

— Доктор, — тронул Джубала за локоть Махмуд, — шкипер и врач — тоже братья по воде нашего брата; Валентайн Майкл хотел подтвердить это новым водным ритуалом, включающим всех нас сразу, но я сказал ему погодить. Вы согласны?

— Что? Конечно, конечно. Ну как же можно в такой толпе? — (Господи, да сколько же у этого Майка братьев?) — Знаете, а может, поедете вы, все трое, с нами, когда эта бодяга закончится? Перекусим, поговорим спокойно...

— Сочту за честь. Я почти уверен, что и они не откажутся.

— Вот и прекрасно. Доктор Махмуд, вы не знаете, тут не могут появиться еще какие-нибудь братья нашего юного брата?

— Нет. Во всяком случае, из экипажа «Чемпиона». С ним побратались только мы трое. — Махмуд предпочел не задавать аналогичного вопроса, чтобы не показать, насколько он расстроился — вначале, — обнаружив неожиданное изобилие новых родственников. — Я скажу Свену и Старику.

Заметив за столом переговоров папского нунция, Харшоу внутренне усмехнулся; если у этого дебила Ла Рю оставались

какие-то сомнения в официальном характере встречи, теперь он может забыть о них окончательно.

Кто-то постучал Харшоу по плечу:

— Это тут, что ли, где-то был Человек с Марса?

— Да, — подтвердил Джубал.

— Я Том Бун — это значит сенатор то есть Бун, — и у меня для него сообщение от Верховного епископа Дигби.

Джубал переключил свой мозг на высшую, предназначенную для чрезвычайных обстоятельств, скорость.

— Сенатор, я Джубал Харшоу, а это, — (сигналы Майку «встань» и «пожми руку»), — мистер Смит. Майк, это сенатор Бун.

— Как поживаете, сенатор Бун? Очень рад познакомиться, — четко, словно на выпускном экзамене школы изящных манер, отрапортовал Майк. Он уже усвоил, что «сенатор» совсем не обозначает «Старик», как можно было бы подумать, но все равно смотрел на сенатора с интересом. И решил, что как-то все это не грокается.

— Да вроде хорошо, спасибо, мистер Смит. Я ваше время не займу, а то тут вроде сейчас вся эта свистопляска начнется. Мистер Смит, Верховный епископ Дигби поручил мне передать персональное приглашение на службы, проводящиеся у алтаря архангела Фостера.

— Прошу прощения?

Джубал решил, что пора вмешаться:

— Сенатор, как вам хорошо известно, Человек с Марса только начинает привыкать к Земле, многое — собственно, почти все — ему здесь в новинку. Но так уж вышло, что мистер Смит видел одну из ваших служб по телевизору.

— Две большие разницы.

— Я понимаю. Он очень заинтересовался и засыпал меня вопросами — на многие из которых я не мог ответить.

Бун окинул Джубала цепким, оценивающим взглядом:

— Так вы, значит, не из верных?

— Должен признаться, что нет.

— Приходите тоже. Для любого грешника есть надежда.

— Благодарю вас, обязательно приду. — («Приду, милоч, можешь не сомневаться! Неужели же я отпущу Майка одного — в вашу-то мышеловку!»)

— В это воскресенье — я так и скажу епископу Дигби.

— В это воскресенье — если получится, — уточнил Джубал. — А то вдруг мы окажемся в каталажке.

— А что, — ухмыльнулся Бун, — такое ж может всегда и с любим. Если что — свяжитесь со мной или с Верховным епископом — мы вас мигом вытащим. — Он оглядел зал. — Чего-то у них по стульям недобор. Все эти шишки на ровном месте, так они и то друг друга локтями пихают, а простому сенатору так и вообще нигде не приткнуться.

— Сенатор, вы окажете нам большую честь, присоединившись к нашей группе, — не задумываясь, предложил Харшоу.

— Что? Ну, спасибо, сэр, огромное. Я, конечно, со всей радостью — это ж вроде как на боксе в первом ряду, у самых канатов.

— Если только, — добавил Джубал, — вас не смущают возможные пересуды. Нам не хотелось бы поставить вас в неловкое положение.

— Да что вы, — отмахнулся Бун. — Вообще-то, если между нами, молодой человек очень интересуется епископа, ну прямо очень интересуется.

— Прекрасно. А вон и свободный стул — рядом с капитаном ван Тромпом, вы случайно с ним не знакомы?

— Ван Тромп? Да, конечно, старые друзья, отлично его знаю, видал его, когда команду награждали. — Сенатор Бун кивнул Смити и пошел устраиваться.

Постепенно поток, вливавшийся в двери, превратился в тоненькую струйку, затем вовсе иссяк. Склоки из-за стульев почти прекратились. Почти — но не совсем. Джубал некоторое время наблюдал за спором, разгоревшимся в середине зала, и чем больше наблюдал, тем больше заводился; это непотребство следовало прекратить. Но сначала нужно сказать пару слов Майку — он, конечно, не поймет, что и почему, но пусть хоть знает намерения Джубала.

— Да, Джубал, хорошо.

— Спасибо, сынок.

Спорщиков было трое — тот самый протокольный помощник, глава уругвайской делегации и еще один человек, сердитый и явно обескураженный.

— ...хорошо, — говорил уругваец, — усадите его, но тогда вы будете обязаны найти места для всех руководителей государств, а их тут человек восемьдесят, не меньше. Здесь территория Федерации, а потому ни одно из государств не должно иметь преимуществ перед остальными. Если будут делаться какие-то исключения...

— Сэр, — обратился Джубал к третьему человеку и выждал несколько секунд, чтобы спорящие обратили на него внимание. — Человек с Марса сочтет за большую честь, если вы сядете рядом с ним. Конечно, если у вас есть другие неотложные обязательства...

На лице человека появилась растерянность, но он тут же улыбнулся:

— Да нет, это было бы очень кстати.

Двое других начали было возражать, но Джубал повернулся к ним спиной.

— Поторопимся, сэр, у нас очень мало времени.

Он заметил, что в зал уже внесли нечто, смахивавшее на подставку для новогодней елки, и простыню с кровавым пятном сомнительной формы и происхождения — видимо, марсианский флаг. Майк поджидал их стоя.

— Сэр, — сказал Джубал, — позвольте мне представить вам Валентайна Майкла Смита. Майкл, а это — президент Соединенных Штатов!

Майк низко поклонился.

Времени, пока устанавливали импровизированный флаг, едва хватило, чтобы усадить президента по правую руку от Майка. Загремела музыка, все встали, чей-то голос провозгласил:

— *Генеральный секретарь!*

20

Джубал подумывал, не остаться ли Майку при появлении Дугласа сидеть, но быстро от этой мысли отказался. Попытка поставить Человека с Марса выше генерального секретаря ни к чему хорошему не приведет, вполне достаточно подчеркнуть, что встреча происходит на равных. Поэтому он подал Майку оговоренный сигнал, и тот встал вместе со всеми присутствующими. Огромные парадные двери распахнулись, и при первых аккордах «Мира во всем мире» в зал вошел Дуглас.

Как только он приблизился к своему креслу, Джубал подал очередной сигнал, в результате чего Майк и генеральный секретарь сели одновременно; выждав подобающую паузу, их примеру последовали и остальные.

Джубал замер в напряженном ожидании. Как там справился Ла Рю? Он ведь ничего не обещал...

По залу раскатился громовой набат — пролог темы «Бога войны», от которого неизменно вздрагивают даже слушатели, знающие «Симфонию десяти планет» наизусть и заранее ко всему готовые. Не спуская с Дугласа глаз (Дуглас отвечал ему тем же), Джубал мгновенно вскочил на ноги и застыл — ни дать ни взять новобранец по команде «смирно».

Дуглас тоже встал — без особой, правда, резвости, но и без промедления.

Вслед за ним поднялся и весь зал — кроме Майка. Он не получил от Джубала никакого сигнала, не понимал происходящего и сидел, не испытывая ни малейшего смущения, очень довольный, что правильно и четко выполняет волю брата по воде.

Джубал придумал «государственные почести» прямо здесь, по наитию, и сразу же возникла неожиданная проблема: как вести себя Майку, если Ла Рю справится с заданием и «марсианский гимн» будет исполнен? Ответ зависел от того, какую роль должен играть он во всей этой комедии.

Музыка стихла. По сигналам Джубала Майк встал, коротко кивнул и снова опустился в кресло — одновременно с гене-

ральным секретарем. На этот раз зал садился торопливо — всех ошарашило необычное, бьющее в глаза поведение Человека с Марса во время исполнения «гимна».

Джубал облегченно вздохнул; ну, слава богу, пронесло. Однажды ему довелось быть свидетелем того, как некая представительница почти исчезнувшего с лица Земли племени монархов (правящая королева) принимала парад. Он обратил тогда внимание, что ее величество поклонилась *после* исполнения гимна — то есть восприняла почести как обращение к ее суверенной особе.

В то же время глава демократического государства встает при исполнении национального гимна, наряду с любым гражданином своей державы, — он не суверен.

Как уже отметил Джубал, либо одно, либо другое, но никак не все сразу. Либо Майк — частное лицо, а тогда нечего и огород городить и Дугласу следует отправить всех расфуфыренных паразитов по домам, либо, в соответствии с Ларкинским решением, он — суверен весьма своеобразной, состоящей из одного человека, нации.

Появись сейчас поблизости Ла Рю, Джубал обязательно показал бы ему язык. Господи, да есть ли тут хоть один человек с чувством юмора? Есть, конечно, есть — вон какие веселые искорки пляшут в глазах папского нунция, еще немного — и расхохочется.

Первым, как и положено по протоколу, заговорил Дуглас:

— Мистер Смит, мы рады возможности приветствовать вас как гостя Федерации. От имени всех своих сограждан и от себя лично я хотел бы выразить глубочайшую надежду, что Земля станет для вас родным домом — в не меньшей степени, чем планета, где вы родились, наш сосед — нет, добавлю, *добрый сосед* — Марс.

Эта тягомотина продолжалась довольно долго; гладкие, обкатанные, как камешки на морском берегу, фразы, из которых никоим образом нельзя было понять, кто же такой этот мистер Смит — суверен, марсианский турист или вообще гражданин Федерации, вернувшийся домой.

Джубал напряженно ждал хоть какого-нибудь знака, свидетельствующего, что с такими трудами составленное письмо дошло до адресата, однако Дуглас так ни разу и не взглянул в его сторону. В конце концов генеральный секретарь закрутился; он не сказал ровно ничего, зато сделал это с блеском.

— Ну, Майк, давай, — одними губами прошептал Джубал.

И Смит начал свою речь. По-марсиански.

Через несколько секунд он прервался, торжественно произнес: «Господин генеральный секретарь Федерации Свободных Наций планеты Земля...» и снова перешел на марсианский.

И снова на английский: «Мы благодарны за дружественный прием, оказанный нам сегодня. Мы прибыли сюда с приветствием всем народам Земли от Древнейших Марса...» — так это и продолжалось; марсианский текст — английский перевод, марсианский — английский...

Изящный все-таки штришок — эти самые «Древнейшие», внутренне ухмыльнулся Джубал, куда колоритнее, чем просто «Старики», и слава богу, что Майк не стал ерепениться. А вот чередовать марсианскую речь с английским переводом придумала Джилл; Джубал с удовольствием признал, что такой простенький трюк сделал короткое вступительное обращение, не более содержательное, чем какая-нибудь предвыборная речь, ярким и впечатляющим, что твоя вагнеровская опера (и столь же малопонятным).

А Майку — ему все равно, что по-английски нести эту чушь, что по-марсиански, что — и так, и так; для него же главное — доставлять своим братьям по воде удовольствие.

Легкое прикосновение к плечу и шепот: «От генерального секретаря»; Джубал почувствовал в своей руке конверт, обернулся и увидел спину быстро удаляющегося Бредли.

В конверте оказалась записка со всего одним словом: «Да» и подписью: «Дж. Э. Д.»; чернила, конечно же, зеленые, знаменитые на весь мир.

Подняв глаза, Джубал встретил выжидающий взгляд Дугласа и едва заметно кивнул; Дуглас сразу же отвернулся. На

чем, собственно, и закончились переговоры — оставалось только известить мир об их результатах.

Ну, слава богу, вроде и Майк заканчивает. Это ж какой насочинял я напыщенной белиберды, немного виновато подумал Джубал. Вон чего он несет: «...взращивая, на благо обоих миров, нашу близость», «...в соответствии с природой и обычаями каждого из наших народов...»

В своем ответном слове Дуглас кратко, но очень тепло поблагодарил Человека с Марса.

И тогда встал Джубал:

— Господин генеральный секретарь...

— Да, доктор Харшоу?

— Положение мистера Смита двойственно. Подобно отважным принцам из истории нашего великого племени, пересекавшим безжизненные пустыни и неизведанные морские просторы, чтобы нанести далекому царству визит доброй воли, он принес нам вести от Древнейших Марса. Однако не следует забывать, что в то же самое время он — человек, более того — гражданин Федерации и Соединенных Штатов Америки. В этом своем качестве он имеет здесь и права, и обязанности, и самую разнообразную собственность. Самую разнообразную, — сокрушенно покачал головой Джубал, — это еще очень слабо сказано. В качестве доверенного лица мистера Смита, я долго пытался разобраться в его делах, но так и не сумел хотя бы составить достаточно точный список этой собственности — не говоря уж о том, чтобы решить, о чем стоит сообщать налоговому управлению, а о чем — не стоит.

Джубал замолк и некоторое время шумно, с хрипом и присвистом, переводил дыхание.

— Я старый человек. Я могу не успеть завершить эту работу. Как вам хорошо известно, мой клиент полностью лишен делового опыта — в нашем, человеческом смысле. На Марсе вся жизнь организована совершенно иначе. В то же время он обладает огромными способностями, да и немудрено — его родители были гениями, наследственность — она всегда скажется. Не возникает ни малейших сомнений, что через несколько

лет он, при желании, легко обойдется без помощи старого, обессилевшего адвоката. Но это — через несколько лет, а его дела требуют руководства сегодня, *сию минуту* — ведь бизнес не может ждать... К тому же мистер Смит, увлеченный историей, искусством и обычаями второй своей родины, отнюдь не горит желанием зарываться в скучные проблемы акций, облигаций, патентного лицензирования — и я ничуть его за это не осуждаю. Мой клиент одарен природной мудростью, которая не перестает поражать меня — и непременно поражает любого, кто с ним знакомится. Когда я объяснил ему причины своего беспокойства, он посмотрел на меня ясным, спокойным взглядом и сказал: «Джубал, но это же так просто — давайте поговорим с мистером Дугласом».

Джубал секунду помолчал и закончил немного озабоченно:

— Ну а все остальное, господин секретарь, не представляет особого интереса для общественности. Может быть, нам следовало бы поговорить один на один? И не злоупотреблять временем всех здесь собравшихся.

— Нет, мистер Харшоу, — покачал головой Дуглас. — У меня не может быть тайн от народа. Хотя, — добавил он, — официальная часть встречи закончена и все желающие могут уйти.

Желающих не нашлось.

— Ну хорошо, — вздохнул Джубал, — собственно говоря, все можно сказать одной фразой. Мистер Смит хотел бы видеть вас своим доверенным лицом, с передачей вам всех прав на ведение его дел.

Дуглас довольно убедительно изобразил полное изумление.

— Должен признаться, доктор, что мне несколько странно слышать такое предложение.

— Конечно, сэр, конечно. Я сразу указал мистеру Смигу, что ни один обитатель нашей планеты не загружен работой так, как генеральный секретарь Федерации, и что даже при самом искреннем желании вы не сможете уделить его делам много времени. Боюсь, — улыбнулся Джубал, — эти слова не возымели никакого действия. Мой клиент все еще живет понятиями первой своей родины, а там, у них, чем больше ты занят —

тем больше от тебя ожидается. «Спросим самого мистера Дугласа» — так сказал мистер Смит. И только поэтому я набрался смелости обратиться к вам с подобной просьбой. Конечно же, мы совсем не ожидаем мгновенного ответа — марсианам совершенно чужда торопливость, это одна из самых характерных их особенностей. Не любят они и излишних сложностей. Поэтому наше предложение не предусматривает никаких обязательств с вашей стороны, никакого аудирования, никакого дурацкого крючкотворства. Если вы соглашаетесь, мы даем вам письменную доверенность — вот, собственно, и все. Более того, мой клиент готов дать вам такую доверенность устно, прямо сейчас. Должен заметить, что это — еще одна характерная черта марсиан: если марсианин верит тебе — он верит тебе безгранично и безоговорочно. Да, кстати: просьба мистера Смита обращена совсем не к генеральному секретарю, он просит об одолжении Джозефа Эджертона Дугласа, вас лично. Если вы отойдете от политической деятельности, в нашем соглашении не изменится ровно ничего. Оно никоим образом не касается того человека, который займет этот пост после вас. Мистер Смит доверяет *вам* — а не некой абстрактной личности, принимающей посетителей в Восьмиугольном кабинете этого дворца.

Дуглас слегка поклонился:

— Я весьма польщен — и даже смущен подобной честью... вне зависимости от того, каким окажется окончательное решение.

— Если вы не сможете взять на себя этот труд, или не захотите, или возьмете, но откажетесь от него позднее, вне зависимости от того, каким образом и по каким причинам место доверенного лица мистера Смита окажется вакантным, у него есть вторая кандидатура — Бен Какстон. Встань, пожалуйста, Бен, пусть на тебя посмотрят. А если не только вы, но и Какстон тоже не сможет или не захочет, следующим кандидатом будет... пожалуй, нам не стоит сейчас вдаваться в такие подробности, достаточно сказать, что у нас подготовлен список последовательных кандидатур. Да, так что же... — Глядя сей-

час на доктора Харшоу, можно было и вправду поверить, что он утратил нить своей речи. — Я как-то отвык долго говорить стоя. Мириам, где та бумага, где мы все записали?

— Дай мне и все остальное, — добавил Джубал, получив листок. Мириам передала ему толстую пачку бумаг.

— А вот это, сэр, памятная записка, составленная для вас — ну или для Какстона, буде вы откажетесь. М-м-м... сейчас посмотрим... да, управляющий имуществом сам определяет, во сколько оценить свой труд, однако в размерах не меньших, чем... ну, это никого не касается, скажу только, что сумма весьма значительная. Управляющий обязан перечислять деньги на счет, служащий для покрытия текущих расходов владельца... э-э... да, я думал, возможно, вы пожелаете открыть этот счет в Шанхайском банке, а, скажем, «Ллойдс» используете в качестве оперативного, ну или наоборот, чтобы полностью обезопасить свою репутацию. Но это так, предположения; мистер Смит и слышать не хочет о каких-либо жестких условиях — просто безоговорочная передача права распоряжения, которая может быть отменена в любой момент любой из сторон. Но я не буду вдаваться в подробности — здесь все написано.

Джубал близоруко прищурился и оглянулся:

— Э-э... Мириам, будь ласкова, сбегай на ту сторону и передай все это генеральному секретарю. Да, еще остальные экземпляры... — Он снова повернулся к Дугласу: — Их я тоже здесь оставлю. Может, вы раздадите их присутствующим... а может, вам самим зачем-нибудь понадобятся. Чуть не забыл — один экземпляр я все-таки оставлю для мистера Какстона, — возьми, Бен.

Джубал поднял глаза от бумаг и озабоченно огляделся по сторонам.

— Ну, это, пожалуй, и все, господин секретарь. Вы ничего нам не хотите сказать?

— Одну секунду. Мистер Смит!

— Да, мистер Дуглас.

— Вы согласны со всем этим? Вы действительно хотите, чтобы я сделал все, что сказано в этих бумагах? Именно *вы*, а не кто-нибудь другой.

Джубал затаил дыхание и боялся взглянуть на своего «клиента». Майка заранее готовили к чему-нибудь подобному, но ведь нельзя же было предсказать ни того, в какую конкретно форму будет облечен вопрос, ни того, куда заведет Майка дурацкая эта привычка все понимать буквально.

— Да, мистер Дуглас, — разнесся по залу — и по всей планете — ясный, отчетливый голос.

— Вы хотите, чтобы я принял на себя управление вашим имуществом?

— Пожалуйста, мистер Дуглас. Это будет добродетельность. Я буду вам благодарен.

— Да, — задумчиво сморгнул Дуглас. — Яснее, пожалуй, некуда. Доктор, я повременю с ответом, — но вы получите его в самом ближайшем будущем.

— Благодарю вас, сэр. И от своего клиента, и от себя лично.

Дуглас начал вставать, но тут раздался голос Куна:

— Минуточку! А как же с Ларкинским решением?

— Да, да, конечно, — мгновенно откликнулся Джубал. — Ларкинское решение. О нем говорят уйму самой безответственной чуши. Так что же насчет Ларкинского решения, мистер Кун?

— Это я хочу задать вопрос. Вам. Или вашему... ну, скажем, клиенту. Или генеральному секретарю.

— Позвольте мне, господин секретарь, — негромко сказал Джубал.

— Пожалуйста.

— Прекрасно. — Джубал неспешно извлек носовой платок и прочистил нос, громко и продолжительно, со звуком, напоминавшим минорный аккорд в контроктаве. Затем он посмотрел на Куна в упор и торжественно произнес: — Многоуважаемый член Совета, я обращаюсь к вам, и только к вам, ибо прекрасно понимаю, что нет никакой необходимости объяснять все это правительству в лице генерального секретаря. Давным-давно, когда я был еще маленьким мальчиком, мы, на пару с еще одним таким же мальчиком, организовали клуб. А у каждого клуба должны быть клубные правила. Первое правило —

принятое нами единогласно — состояло в том, что впредь каждый из нас будет называть свою маму «квочка». Глупость, конечно, невероятная, — но ведь мы были еще так молоды... Мистер Кун, вы, вероятно, догадываетесь, к чему это привело?

— Доктор Харшоу, я не намерен играть в загадки.

— Я действовал в строгом соответствии с нашим «квочкинским решением» — но только один раз. Этого раза хватило за глаза и за уши, так что второй, и последний, член клуба даже и не рискнул повторить мою прискорбную ошибку. Меня отхлестали розгой по мягкому месту — что и покончило с «квочкинским решением».

Джубал сделал паузу и откашлялся.

— Зная, что этот несуществующий вопрос почти неизбежно будет поднят, я попытался объяснить своему клиенту суть Ларкинского решения. Он долго не мог поверить, что находятся люди, верящие в применимость этой юридической фикции к Марсу. Марс — не Луна, на нем обитает древнее и мудрое племя — несравненно более древнее, чем ваше, сэр, и — вполне возможно — более мудрое. Поняв, наконец, что я говорю вполне серьезно, мистер Смит отнесся к ситуации с юмором. Да, сэр, со снисходительным юмором — и не более того. Один — всего лишь один — раз я недооценил способность своей матери подобающим образом воздать за наглость. Урок обошелся мне сравнительно дешево. А вот урок планетарного масштаба... Земля просто не может себе такого позволить. Прежде чем раздавать не принадлежащие нам земли, стоило бы выяснить — и выяснить получше, — какого рода розги висят в марсианской кухне.

Однако Кун все еще пребывал в сомнении.

— Доктор Харшоу, но если Ларкинское решение — не более чем мальчишеская глупость... в таком случае объясните мне, пожалуйста, *почему* мистеру Смигу были оказаны государственные почести?

Джубал равнодушно пожал плечами:

— Почести оказывало правительство, вот у него и спрашивайте, а не у меня. Могу только сказать, как воспринял эти по-

чести лично я. Как элементарную вежливость — по отношению к Древнейшим Марса

— Извините?

— Мистер Кун, эти почести совсем не были отзвуком Ларкинского решения. В некотором, выходящем за рамки всего известного человечеству, смысле, мистер Смит *и есть* планета Марс.

— Объясните, пожалуйста, — холодно бросил Кун.

— Вернее сказать, не Марс, а все его население. В лице Смита нас посетили Древнейшие Марса. Почести, оказываемые ему, это почести им, так же как и любой причиненный ему вред равносителен вреду, причиненному им. Это верно в самом буквальном — и в то же время чуждом человеческому опыту — смысле. С нашей стороны было весьма благоразумно оказать почести своим соседям — но это благоразумие никак не связано с Ларкинским решением. Ни один человек, обладающий чувством ответственности, никогда не заявлял, что ларкинский прецедент применим к обитаемым планетам, и — осмелюсь предположить — никогда такого не заявит.

Джубал взглянул на потолок, словно взывая к небесам о помощи.

— Могу вас заверить, мистер Кун, что древние правители Марса прекрасно видят, как принимаем мы их посланца. Почести, оказанные — через мистера Смита — *им*, являются прекрасным символом. Я уверен, что сегодня правительство нашей планеты наглядно продемонстрировало свою мудрость. И если *вы* не понимаете этого сейчас, то обязательно поймете в будущем.

— Если вы, доктор, хотели меня напугать, — холодно пожал плечами Кун, — вы ничуть не преуспели.

— А я и не надеялся. Однако, к величайшему счастью для этой планеты, *ваше* мнение не является решающим.

Джубал повернулся к Дугласу:

— Господин секретарь, я давно отвык от долгих появлений на люди... и очень устал. Не могли бы мы прерваться? А вы тем временем обдумаете свое решение.

21

Собрание объявили закрытым. Намерению Джубала увести свою команду побыстрее помешали американский президент и сенатор Бун, уже успевшие понять, как полезно показаться всему миру в обществе Человека с Марса.

Со всех углов зала угрожающе надвигались и другие, не менее сообразительные политики.

— Господин президент, сенатор, — торопливо заговорил Джубал. — Нам нужно уходить, и поскорее. Вы бы не отказались пообедать с нами?

Он справедливо рассудил, что гораздо проще справиться с двумя, прости господи, «персонами» в спокойной обстановке, чем с двумя десятками таковых — на людях, да и вообще, пора уводить Майка от греха подальше.

К счастью, и тот и другой оказались заняты. Внутренне содрогаясь, Джубал клятвенно пообещал, что Майк посетит не только непристойный спектакль, именуемый фостеритами «богослужением», но еще и Белый дом; ладно, в крайнем случае мальчонка прикинется больным.

— Девицы, строй-ся!

Майка отконвоировали на крышу. Впереди шествовала Энн — рослая, сверкающая нордической красотой и особенно импозантная в своей мантии; она с легкостью разрезала толпу, прикрывали же отход Джубал, Бен, капитан ван Тромп, Махмуд и доктор Нельсон. Ларри ждал в машине; через несколько минут они высадились на крыше «Нью-Мэйфлауэра». Мгновенно налетели репортеры, но девушки без промедления отвели Майка в снятый Дюком номер. Все они явно наслаждались новой ролью, особенно Мириам и Доркас, которые напоминали сейчас кошек, охраняющих свое потомство, а вдобавок устроили соревнование — у кого лучше получится. Некий репортер, приблизившийся к боевому порядку на расстояние трех футов, поплатился за свою неосторожность ступней, чуть не насквозь пронзенной каблуком одной из воительниц.

Коридор патрулировали солдаты СС, а у дверей номера дежурил их офицер.

Готовый было взъяриться, Джубал тут же успокоился — ничего страшного, просто Дуглас выполняет договоренность. В том самом достопамятном письме содержалась, кроме всего прочего, просьба защитить Майка от назойливых посетителей, чтобы несчастный парень мог вести более-менее нормальную жизнь.

— Джилл, — предостерегающе крикнул Джубал, — посмотри за Майком! Тут все о'кей.

— Слушаюсь, начальник.

Стоявший у двери офицер отдал честь. Какое-то у него лицо знакомое...

— Вот это да! Привет, майор. Ну как там, много дверей за последнее время повышибали?

Майор Блох побагровел, но смолчал. Интересно, подумал Джубал, его сюда в наказание назначили или как? Скорее всего, просто совпадение — в гарнизоне не нашлось никого другого в подходящем чине для охраны важных персон. Из вредности Джубал хотел было заявить, что из-за выломанной двери в дом забрался скунс и испортил всю мебель в гостиной, но, подумав, решил, что это будет несправедливо и нечестно — перед отъездом Дюк соорудил фанерную дверь как раз на случай подобных неприятностей.

Внутри их ждал Дюк.

— Присаживайтесь, господа, — радушно предложил Джубал. — А ты, Дюк, все сделал как надо?

— За эти три часа, — пожал плечами Дюк, — никто сюда никаких клопов не подкидывал. От первого предложенного номера я отказался, как и было велено, а этот выбрал, потому что в нем потолок со звукоизоляцией — над нами бальный зал. Ну и обыскал все здесь, как полагается. Но ты же понимаешь, начальник, что в любой такой ночлежке они могут быть установлены заранее, и тогда их ни одна собака не найдет.

— Да, конечно, только я не про это. Вряд ли всю эту гостиницу облепят жучками — мало ли, где мы еще захотели бы

остановиться. Я насчет наших припасов. Помираю с голоду, в горле пересохло, к тому же у нас сегодня гости.

— А, ты про это. Все в кладовой; разгружали и носили под личным моим присмотром. Не веришь ты людям, начальник.

— И тебе не советую — если хочешь дожить до моих лет.

Джубал, который только что доверил Дугласу управление состоянием, равным внешнему долгу среднестатистического государства, нисколько не сомневался, что рьяным Дугласовым холуям достанет ума что-нибудь учудить с едой и питьем, а потому, чтобы не прибегать к услугам придворного дегустатора, распорядился доставить все из поместья в Поконских горах — и съестные припасы, и вдоволь выпивки, и питьевой воды, и, конечно же, льда. Хотя, если подумать, Цезарь и без кубиков льда управился с галлами.

— А если не хочу?

— Дело ваше. В целом я провел это время довольно весело. Энн, скидывай мантию и займись делом. Девочки, шевелитесь. Притащившая мне налитый стакан пропустит одно «к ноге». Но сперва, конечно же, гостям. Да вы садитесь, джентльмены, садитесь. Ты, Свен, что употребляешь? Аквавит? Ларри, сгоняй по-быстрому, и купи пару бутылок. И джин «Болс», для капитана.

— Не суетись, Джубал, — вмешался Нельсон. — Аквавит сутки надо охлаждать. Я вполне обойдусь скотчем.

— И я, — поддержал его ван Тромп.

— Этого добра у нас — хоть залейся. Доктор Махмуд! Если вам нельзя, так у девиц наверняка есть и что-нибудь без градусов.

На лице Махмуда появилось выражение глубочайшей скорби.

— Не нужно соблазнять меня крепкими напитками.

— Нет уж, позвольте. Я врач, имею право назначить курс лечения. — Джубал окинул его внимательным взглядом. — Сын мой, ты явно испытываешь последствия сильного стресса. За неимением мепробамата я вынужден прописать тебе две унции сорокапятиградусного этанола, при необходимости — повторить. Добавить чего-нибудь для запаха?

— Спасибо, доктор, — улыбнулся Махмуд, — только я уж лучше что-нибудь попроще и попривычнее. Скажем, джин и воду, только не смешивая. Или водку. Или все что угодно.

— Или медицинский спирт, — добавил Нельсон. — Ты, Джубал, его не слушай. Стинки пьет все подряд — а потом горько кается.

— Конечно каюсь, — горячо откликнулся Махмуд. — Ведь это грех.

— А ты, Свен, не подначивай, — повернулся к Нельсону Джубал. — Если согрешить, а потом раскаться Стинки в кайф — это его личное дело. О вкусах не спорят. У меня вот тоже когда-то раскаиватель был, а как в двадцать девятом рынок рухнул, так он и перегорел, а новым я не обзавелся. Ну, это уже мои проблемы. А вот как ты, Стинки, насчет еды? А то у Энн там была ветчина, не исключено, что есть и еще какие-нибудь нечистые продукты. Если хочешь, я проверю.

— Не бойся, Джубал, — покачал головой Махмуд, — я не традиционалист. Это очень древнее предписание, приспособленное к нуждам того времени. А времена меняются.

— Да. — Джубал неожиданно помрачнел. — Вот только к лучшему ли? Да ладно, прошли те времена — пройдут и эти. Так что питайся, брат мой, чем хочешь — Господь поймет и простит.

— Спасибо. Только я обычно не ем в середине дня.

— Лучше поешь, этанол — он штука серьезная. Кроме того, хотя эти мокрехвости, мои секретарши, и не очень сильны в правописании, но готовят они превосходно.

На пороге появилась Мириам с полным подносом.

— Начальник, — вмешалась она, — а нельзя ли в письменной форме?

— Чего? — негодуя возопил Джубал. — *Подслушивала?* Останешься после уроков и тысячу раз напишешь: «Я никогда не буду развешивать уши на чужие разговоры».

— Будет сделано, начальник. Это для вас, капитан... для вас, доктор Нельсон... и для вас, доктор Махмуд. Вода отдельно, так вы, кажется, просили?

— Да, Мириам. Спасибо.

— Обычное для забегаловки Харшоу обслуживание — кое-как, но зато быстро. А это — тебе, начальник.

— Да ты же разбавила!

— Объясняйся с Энн. Она говорит, что ты слишком устал.

— Теперь вы видите, джентльмены, — страдальческим голосом возгласил Джубал, — *что* мне приходится терпеть. И какой только идиот придумал это идиотское равноправие. Мириам, это тоже тысячу раз, на санскрите.

— Будет сделано, начальник. Вот выучу санскрит, и сразу напишу. — Она потрепала его по макушке. — Давай, ругайся, сегодня ты заслужил такое право. Мы тобой гордимся!

— На кухню, женщина! У всех есть выпить? А у Бена? Кстати, где Бен?

— У всех, и у Бена — тоже. Он звонит к себе в газету.

— Прекрасно. Теперь можешь бесшумно удалиться — и пришли сюда Майка. Джентльмены! Ме ке алоха пау оле!¹ А то нас с каждым годом все меньше и меньше. — Джубал отпил из стакана, следом за ним — и все остальные.

— Майк помогает по кухне. Когда он вырастет — станет дворецким.

— А ты что, еще здесь? Все равно, гони его сюда. К доктору Нельсону на осмотр.

— Да я совсем с этим не спешу, — отмахнулся Нельсон. — Джубал, у тебя отличный виски, но что это был за тост?

— Дико извиняюсь, это я по-полинезийски. «Пусть наша дружба будет вечной». Ну в самый раз для ритуала воды. Кстати, о воде. Ларри и Дюк — тоже братья Майка, но вы, джентльмены, не беспокойтесь. Готовить эти ребята абсолютно не способны, зато они всегда тебя прикроют; с ними за спиной можно смело лезть в любой темный переулок.

— Если ты, Джубал, за них ручаешься, — заверил его ван Тромп, — значит все тип-топ. Допустим их на наше высокое собрание, а потом выставим у двери часового. Но сперва выпьем за девушек. Свен, как там был у тебя этот тост за *flickas*?²

¹ Букв. «За пылкую любовь!» (полинез.)

² Девушки (шв.).

— Тот, который за всех хорошеньких девушек сразу? Выпьем лучше за четверых наличных. *Skaal!*

— Слушай, Джубал, — поинтересовался Нельсон, когда они выпили за своих женского пола братьев по воде, — и где это ты их таких находишь?

— Выращиваю в собственном подвале. А потом, только успеешь такую вот красотку мал-мала вышколить, как появляется какой-нибудь прощелыга и женится на ней. Гиблое дело.

— Это как же ты, наверное, страдаешь, — посочувствовал Нельсон.

— Да, я страдаю. Надеюсь, все вы, джентльмены, связаны узами брака?

Надежда эта оправдалась только на две трети — Махмуд женат не был.

— А не будете ли вы любезны развоплотиться? — мрачно посмотрел на него Джубал. — Только чуть попозже, после обеда, — на пустой желудок как-то неловко.

— Не бойтесь, я убежденный холостяк.

— Все так говорят! Я же видел, как Доркас строила тебе глазки, а ты уж прямо мурлыкал от удовольствия.

— Ерунда это все, я абсолютно безопасен.

Махмуд думал было сообщить Джубалу, что никогда не женится на иноверке, — но решил, что иноверец может на такое и обидеться.

— Только ты, Джубал, никогда не говори ничего подобного Майку. Он ведь не грокнет, что это шутка, — и куда ты денешь потом труп? Я, конечно, не совсем уверен, что Майк может мысленно заставить себя умереть, но стараться он будет, это уж точно... Был бы он настоящим марсианином — точно смог бы.

— А вот я не сомневаюсь, что может, — уверенно сказал Нельсон. — Доктор, то есть Джубал, ты не заметил в метаболизме Майка некоторых странностей?

— Ну, я бы даже сказал по-другому. Я не заметил в его метаболизме ничего, кроме сплошных странностей.

— Вот именно.

— А ты, — повернулся Джубал к Махмуду, — не бойся. Я никогда не предложу Майку самоубиться — ведь я грокаю,

что он не грокает шуток. А я, — расстроенно добавил он, — не грокая «гроканье». Стинки, вот ты же умеешь по-марсиански.

— Немного.

— Да ты же бегло говоришь, я сам слышал. Так вот, ты — *ты* грокаешь «гроканье»?

Махмуд чуть задумался.

— Нет. «Грок» — самое важное слово этого языка, и я стараюсь его понять. И совсем не уверен, что добьюсь успеха, даже после многолетней работы. Чтобы его объяснить, нужны миллионы слов, а чтобы грокнуть слово «грок», нужно *думать* по-марсиански. Ты заметил, наверное, какой у Майка странный подход к некоторым элементарнейшим вопросам?

— Еще бы не заметил! У меня голова идет кругом!

— У меня тоже.

— А вот и еда, — возвестил Джубал. — Обед — и почти в правильное время. Девочки, поставьте все так, чтобы можно было дотянуться, а затем храните почтительное молчание. Продолжайте, доктор. Или при Майке вы не хотите?

— Да нет, что вы. — Махмуд сказал несколько слов по-марсиански; Майк ослепительно улыбнулся, что-то ответил и тут же принялся за еду — с обычным для себя бесстрастным выражением лица, безмерно довольный тем, что может есть в молчании.

— Я сказал ему о своих попытках, а он ответил, что я буду говорить верно, причем говорил он не предположительно, а как о чем-то неизбежном, как о свершившемся факте. Надеюсь, если у меня ничего не получится, он заметит это и скажет. Да только вряд ли. Ведь Майк думает по-марсиански, а значит — воспринимает мир иначе, чем мы. У него другая схема мира, вы меня понимаете?

— Грокая, — кивнул Джубал. — Язык уже сам по себе определяет структуру основных понятий человека.

— Да, но только... послушайте, доктор, вы говорите по-арабски?

— Что? Да так, самую малость, — признался Джубал. — Поднабрался немного в Палестине, когда был военным вра-

чом в Американской полевой службе. Иногда читаю — все-таки слова Пророка лучше воспринимаются в оригинале.

— Очень правильно. Коран перевести нельзя — меняется «схема мира», и ничего с этим не сделаешь, как ни бейся. В таком случае вам понятно, насколько трудным для *меня* оказался английский. И не только потому, что мой родной язык менее гибок, — менялась сама схема мира. Английский — самый обширный из земных языков; его словарный запас в разы превосходит все остальные языки планеты, что сделало английский языком международного общения; он не только богат, но и чрезвычайно гибок, несмотря на варварские заимствования... или, скорее, именно из-за этих заимствований. Английский поглощает любые слова и придает им английское звучание, причем этим процессом никто не управляет, в отличие от некоторых языков, чистоту которых блюдут официально. Может быть, это потому, что «королевский английский» — фикция. На самом деле «королевским английским» был французский, а сам английский — язык ублюдочный. За его развитием никто не следил, он рос сам по себе, и теперь по-настоящему образованным человеком считается лишь тот, кто сумел объять все его чудовищное многообразие. Именно это многообразие, тонкость и иррациональная идиоматическая сложность позволяют сказать то, что невыразимо ни на одном другом языке. Все это чуть не свело меня с ума, и свело бы — не научись я думать по-английски. И сразу на первую, с детства привычную, схему мира наложилась новая — возможно, лучшая и совершенно наверняка более подробная.

— И все равно есть вещи, которые можно сказать по-арабски, а по-английски — нельзя.

— Да, — кивнул Джубал. — Потому-то я и читаю.

— Правильно делаешь. Так вот, марсианский язык настолько сложнее английского — и настолько отличается от него в абстрагировании картины мира, — что рядом с ним английский и арабский можно смело считать одним и тем же языком. Англичанин может научиться думать по-арабски, араб — по-английски, но я совсем не уверен, что мы когда-нибудь сумеем

думать по-марсиански (Майк — совсем особый случай). Само собой, мы можем выучить «пиджин-марсианский» — именно на таком жаргоне я и говорю... Возьмите, например, слово «грок». Его буквальное значение, восходящее, как я думаю, ко временам зарождения марсианской культуры — и проливающее свет на всю их картину мира, — предельно просто. «Грок» — это «пить».

— Да? — поразился Джубал. — А вот Майк никогда не говорит «грокать», если речь идет о питье. Он...

— Секундочку. — Махмуд повернулся к Майку и сказал что-то по-марсиански.

На лице Майка появилось легкое удивление.

— «Грок» — это «пить».

— Но не думайте, что все так просто, — продолжил Махмуд. — Я могу назвать сейчас сотню других английских слов — и Майк согласится с каждым из них. Причем это будут слова, обозначающие совершенно различные — в нашем представлении — понятия, и даже не просто различные, а противоположные. «Грок» охватывает все эти понятия, вместе взятые. «Грок» обозначает и «любовь», и «страх», и «ненависть» — ненависть настоящую. В марсианской структуре мира невозможно ненавидеть нечто смутное и неопределенное; прежде чем ненавидеть, необходимо грокнуть предмет своей ненависти, понять его с такой полнотой, что ты сольешься с ним, а он — с тобой. И только тогда ты можешь ненавидеть, фактически — самого себя. Но отсюда с неизбежностью следует, что ты и возлюбил этот предмет, и воздал ему хвалу, и возрадовался, что он — такой, какой он есть. И *возненавидел* его. Я сильно подозреваю, что рядом с марсианской ненавистью любое, даже самое черное и зловещее земное чувство — не более чем легкая неприязнь.

Лицо Махмуда перекосилось.

— «Грок» означает «полностью идентифицироваться». Наше выражение «мне от этого больнее, чем тебе» имеет вполне определенный марсианский привкус. Похоже, марсиане инстинктивно знают истину, которой — с превеликим трудом и не

сразу — научила нас современная физика: в процессе наблюдения наблюдатель взаимодействует с наблюдаемым. «Грок» — это понимать настолько полно, что наблюдатель становится частью наблюдаемого, — сливаться, смешиваться, терять свою индивидуальность в совместном переживании. Это слово обозначает почти все, что мы знаем как религию, философию и науку, — и в то же время оно значит для нас не больше, чем цвет — для слепого. — Он немного помолчал. — Джубал, если бы я порубил тебя на куски и сварил супчик, то и супчик, и все, что я бухнул в кастрюлю на приправу, все бы вы грокнулись, — а если бы я съел эту тошнилловку, то мы бы грокнулись все вместе, и ничто не было бы утрачено, и не имело бы никакого значения — кто из нас кого съел.

— Для меня — имело бы! — твердо возразил Джубал.

— Ты не марсианин.

Махмуд снова поговорил с Майком по-марсиански.

— Да, — кивнул Майк. — Ты говорил правильно, брат мой доктор Махмуд. Я говорил то же самое. Ты еси Бог.

— Вот видите? — в отчаянии пожал плечами Махмуд. — Абсолютная безнадежность. Ничего я от него не добился, кроме этого вот богохульства. Мы не умеем думать по-марсиански. И не будем уметь. *Не можем.*

— Ты еси Бог, — спокойно, словно соглашаясь со словами Махмуда, повторил Майк. — Бог грокает.

— Давайте о чем-нибудь другом. Джубал, это, конечно, наглость с моей стороны, но не найдется ли у братства еще бутылки джина?

— Сейчас принесу! — живо откликнулась Доркас.

То ли благодаря нелюбви Джубала ко всем и всяческим церемониям, то ли благодаря тому факту, что все гости принадлежали к одной с ним породе — образованные, известные в мире люди, которым совершенно ни к чему выпячивать себя на первый план, — как бы там ни было, впервые собравшаяся компания чувствовала себя легко и раскованно, словно на семейных посиделках. Всех четверых объединяла почти отцовская забота о Майке. Даже доктор Махмуд, вечно насторожен-

ный в обществе людей, не разделяющих единственную истинную веру и не подчиняющихся воле Бога всеблагого и милосердного, позволил себе расслабиться. «Молодец все-таки Джубал, что читает Писание Пророка... да и женщины у него, если разобраться, далеко не костлявые, хоть сперва и показались... Вот, скажем, темненькая... нет, такие мысли нужно выкинуть из головы, решительно и сразу. Я здесь гость».

Ему очень нравилось, что эти женщины не трещат без умолку, не встречаются в серьезную мужскую беседу, но зато приветливы и гостеприимны и очень расторопны. Вот только возмутительное, лишенное всякого почтения отношение Мириам к хозяину дома... да ведь и это вполне невинная вольность; в семейном кругу, когда все вокруг свои, кошкам и любимым детям позволено очень многое...

Джубал объяснил, чем именно они сейчас заняты: просто сидят и ждут известий от генерального секретаря.

— И если все путем, долго ждать не придется. К вечеру все устроится, а если нет — соберемся и махнем домой. Вернуться никогда не поздно. А вот останься мы во дворце, у Дугласа появилось бы искушение поторговаться. Нет, здесь нам проще — пошлем его подальше, и всех делов.

— Торговаться? — переспросил ван Тромп. — Ты же и так отдал ему все, что только можно.

— Далеко не все. Дуглас предпочел бы получить власть над имуществом Майка раз и навсегда... а не вот так, в зависимости от хорошего поведения, с постоянной угрозой передачи этой власти человеку, которого он ненавидит, а именно — вон тому мерзавцу с невинной улыбкой, брату нашему Бену. Кстати сказать, найдутся и другие покупатели. Вот, к примеру, этот невозмутимый истукан Кун. Я же его в зале буквально измордовал, он меня теперь с... со всем чем угодно сожрать готов. И тем не менее прибежит как миленький — если, конечно, сумеет придумать какие-нибудь соблазнительные для нас условия, прежде чем Дуглас даст свое согласие. А здесь его к нам не пустят. Кун — одна из главных причин, почему мы едим и пьем только свое.

— Неужели и вправду есть основания для беспокойства? — удивился Нельсон. — А я-то было решил, что ты — шибко большой гурман, не доверяющий незнакомым поварам. Что-бы в такой приличной гостинице — и отравили? Не верится как-то.

— Свен, — горестно покачал головой Джубал, — никто не собирается травить *тебя*. И все равно твоя супруга может остаться вдовой — по той лишь причине, что тебе вздумалось разделить трапезу с Майком.

— Ты что, правда так думаешь?

— Свен, ты можешь заказать сюда из буфета все, что твоей душе угодно. Но я и сам ни к чему не притронусь, и Майку не позволю. Они знают, где мы находимся, и понимают, что действовать нужно как можно скорее — уже через пару часов будет поздно. Потому я *обязан* исходить из предположения, что каждый здешний официант подкуплен Куном... а может — и еще двумя-тремя подобными деятелями. Ты не думай, я не от собственной тени шарахаюсь, просто сейчас моя главная забота — сохранить этого парнишку в живых, хотя бы до того момента, когда будет обезврежена олицетворяемая им власть. Когда его смерть перестанет быть кому-либо выгодна.

Джубал вздохнул.

— Вот ты подумай о пауке «черная вдова». Маленькая, робкая тварь, полезная и симпатичная: спинка блестит как лакированная, да еще узор вроде песочных часов, одним словом — прелесть. Но только, к величайшему своему несчастью, тварь эта имеет силу, непомерно большую для крохотного своего тельца. Вот ее и давит каждый встречный-поперечный.

— «Черной вдове» некуда деться от своего яда.

— Ровно в том же положении и Майк. Правда, он не такой симпатичный, как эта арахнида...

— Да у тебя совесть-то есть? — возмутилась Доркас. — Ну как можно говорить такие гадости? К тому же это неправда.

— Дитя мое, я сужу здраво, а тебе мешает твой гормональный баланс. Как бы то ни было, красивый он или не очень, но Майк не может избавиться от своих денег, а потому постоянно

находится в опасности. И я не только о Куне. Верховный Суд совсем не столь «аполитичен», как можно бы подумать... Они-то, конечно, не станут его убивать, а только упекут за решетку — что, на мой взгляд, еще хуже. А сколько еще заинтересованных личностей — и чиновников, и законодателей, и так себе, простых граждан? И все думают сейчас об одном — как отразится на *их* судьбе присутствие Майка на похоронах в роли виновника торжества. Я...

— Начальник, тебя к телефону.

— Энн, не прерывай размеренное течение глубоких мыслей. Ты что, родом из Порлока?

— Нет, из Далласа.

— Я не подойду.

— Она представилась как Бекки.

— Так что же ты сразу не сказала?

Джубал бросился в соседнюю комнату; с экрана улыбалось знакомое лицо мадам Везант.

— Бекки! Как хорошо, что ты позвонила!

Он благоразумно не стал допытываться, как она его отыскала.

— Привет, док. Ну, посмотрела я цирк, который ты устроил.

— И как, хорошо я выглядел?

— Профессор бы тобой гордился. В жизни не видела, чтобы так красиво обували лохов, это ж любому ярмарочному зазывале на зависть.

— Высокая похвала, Бекки. — Джубал на мгновение задумался. — Но ведь всю подставку организовала ты, я только снял навар — и густой навар. Так что говори — сколько с меня? Не стесняйся. — Он тут же решил удвоить любую названную ею сумму, поскольку банковский счет Майка от этого нисколько не пострадает... вдобавок, лучше заплатить Бекки сразу и с лихвой, чем оставаться у нее в долгу.

Мадам Везант нахмурилась:

— Ты обижаешь меня в самых лучших чувствах.

— Бекки! Ты же большая девочка. Кричать «браво» и хлопать в ладоши — тоже дело очень хорошее, только лучше хло-

пать кучей зеленых, ядреных, узких и хрустких бумажек. К тому же я запишу все на Человека с Марса, а уж он-то как-нибудь не обеднеет. Так что все хрусты с него, а с меня, — ухмыльнулся Джубал, — только один хруст — в костях, когда я тебя облапаю.

— Да уж, — ухмыльнулась Бекки, — помню я, как ты напевал, что профессору все лучше и лучше, что скоро он совсем поправится, — а сам все оглаживал и оглаживал меня по заднице. Хорошо у тебя, кстати, получалось.

— Не может быть, чтобы я так грубо нарушал профессиональную этику.

— Сам будто не помнишь. И оглаживал далеко не по-отечески.

— Ну, не знаю. Возможно, это была необходимая лечебная процедура. Вообще-то, я с этим делом — с оглаживанием по всяким местам — давно завязал, но для тебя сделаю исключение.

— Еще бы ты не сделал — я бы тебе такое сделала!

— Ты лучше сделай не такое, а другое — прикинь свой гонорар. Главное — нолики не забудь.

— Знаешь, док, снять навар — или, по-культурному, гонорар — можно сотней разных способов. Ты следил сегодня за биржей?

— Нет, и не надо мне ничего рассказывать. Лучше заезжай сюда. Выпьем.

— М-м-м... соблазнительно, но не выйдет. Я обещала, ну, скажем, довольно важному клиенту, что буду все время в досягаемости.

— Ясненько. Как ты думаешь, Бекки, а вдруг звезды покажут, что это дело завершится к полному всеобщему удовлетворению, если все бумаги будут подписаны прямо сегодня? Ну, скажем, сразу после закрытия биржи.

Мадам Везант немного задумалась.

— Я у них спрошу.

— Обязательно спроси. И обязательно заезжай к нам. Ты же знаешь, у нас все по-простому, никаких церемоний. Маль-

чонка тебе понравится; он, конечно, странненький, что твоя семидолларовая бумажка, но все равно — прелесть.

— М-м... постараюсь. Спасибо, док.

Вернувшись в гостиную, Джубал обнаружил, что Нельсон утащил Майка в спальню обследовать, и решил присоединиться к осмотру.

— Доктор. — На лице корабельного врача было полное недоумение. — Я же видел этого пациента всего-то десять дней тому назад. Откуда у него такие мускулы?

— А ты что, не знаешь? Вырезал купон из журнала «Кобель: только для Настоящих мужчин» и отправил. Ну, знаешь, эта реклама того, как любой девяностофунтовый хлюпик может...

— Джубал, перестань.

— А чего ты *его* не спросишь?

Нельсон спросил.

— Я их надумал, — объяснил Майк.

— Вот это точно, — подтвердил Джубал. — Он их «надумал». Неделью назад он был в кошмарном виде — бледный, тощий как хворостинка, вялый. Словно всю жизнь просидел в подземелье — да так оно, наверное, и было. Я велел ему поднабраться сил — что он и сделал.

— Это каким же образом? — с сомнением спросил Нельсон. — Зарядка и упражнения?

— Плавал, и довольно много.

— Несколько дней бултыхания в бассейне — и он выглядит так, словно несколько лет ворочал железо! — Нельсон сосредоточенно нахмурился. — Я знаю, что Майк умеет управлять любой своей мышцей, даже теми из них, которые — у нормального человека — функционируют произвольно. Такая способность встречается, хотя и редко. Однако в данном случае приходится предположить, что...

— Доктор, — ласково посоветовал Джубал, — а почему вы вам не признать, что ни хрена вы тут не грокаете?

— И то верно, — вздохнул Нельсон. — Одевайся, Майкл.

Чуть позже, за возлияниями в приятной компании, Джубал объяснял гостям все подробности сегодняшней сделки.

— С деньгами я поступил просто, — начал Джубал. — Нужно было их связать, причем таким образом, чтобы драка не началась ни при каких мыслимых условиях, даже — после смерти Майка. При таком прискорбном повороте событий в действие вступает пункт соглашения, отбирающий у Дугласа контроль над капиталом. Однако Кун и прочие уверены в обратном — в том, что смерть нашего брата по воде закрепляет этот контроль навечно. Почему уверены? Они получили информацию, поступившую из очень надежного источника, сиречь — от меня. Будь я волшебником, так попросту отнял бы у него все, до последнего гроша. Эти...

— Но почему? — удивленно перебил его капитан.

— А вот ты, шкипер, — повернулся Харшоу, — ты мог бы называть себя состоятельным человеком? Нет, не просто «у меня все счета оплачены, и я многое могу себе позволить». Я имею в виду — по-настоящему *богатым*. Таким, чтобы вошел в комнату — и все тут же прогнулись, даже половицы.

— Я?! — фыркнул ван Тромп. — Жалованье, в перспективе — пенсия, заложенный-перезаложенный дом и две дочки в колледже. Хорошо бы стать богатым — только как?

— Ничего хорошего. Тебе бы не понравилось.

— Вы только его послушайте! Да если бы у тебя самого две девицы на горбу сидели...

— Я четверем дочерям образование дал — и залез в долги по самые уши. Одна из них стала большой знаменитостью — только она теперь не Харшоу, взяла фамилию мужа. По той единственной причине, что папаша у нее — старый безобразник, сочинитель хренов, а не уютный зеленый бугорок, на который можно раз в год возложить анютины глазки. Остальных образование не испортило, поздравят с днем рождения — и снова забудут. Я распространяюсь о своем потомстве только затем, чтобы показать: отцу почти никогда не хватает его доходов. А почему ты не уйдешь в какую-нибудь фирму? За одно только имя они заплатят тебе в несколько раз больше теперешнего. Неужели никто не предлагал?

— Это совершенно неважно, предлагали или нет, — чопорно вскинул голову ван Тромп. — Я — профессионал.

— В смысле, что никакие вонючие деньги не разлучат тебя с космическим кораблем?

— Деньги бы тоже не помешали.

— От малых денег мало толку. Дочки могут растратить ровно на десять процентов больше того, что зарабатывает рядовой папаша. Закон природы, именуемый отныне «Законом Харшоу». Но *настоящее* богатство — когда для одного только поиска дырок в налоговом законодательстве требуется содержать целую армию жуликов, — такое богатство приковало бы тебя к земле столь же верно, как и отставка.

— Ерунда! Вложи все в государственные бумаги, а потом стриги себе купоны.

— Человек, способный разбогатеть, так никогда не сделает. Получить большие деньги совсем не сложно — всего-то и требуется, что положить на это дело всю свою жизнь. И работать, работать, работать, преданно и неустанно. Говорят, что эпоха возможностей миновала. Чушь собачья. Семь из десяти богатейших людей планеты начали жизнь без цента в кармане, да и сейчас целеустремленных упрямцев хватает. Их не остановят ни высокие налоги, ни социализм; они просто приспособляются к новым правилам, а потом и сами их под себя приспособливают. Человек, решивший сколотить состояние, добивается своего с упорством прима-балерины. Не в твоём это стиле, капитан. Ты совсем не хочешь зарабатывать деньги — ты хочешь их *тратить*.

— Совершенно верно, сэр! Вот я и не понимаю, чего это ты решил отнять у Майка его богатство.

— Чего? А вот того. Большое богатство — настоящая чума, разве что делать деньги — единственная твоя страсть и ты балдеешь от самого процесса. Да и тогда остаются серьезные заморочки.

— Ерунда все это. Знаешь, Джубал, на кого ты сейчас похож? На евнуха, рассуждающего о преимуществах безбрачия.

— Возможно, — согласился Джубал. — Способность человека объяснять свои недостатки и выставлять их как достоинства поистине безгранична, и я здесь вовсе не исключение. Подобно вам, сэр, я интересуюсь деньгами исключительно в смысле их потратить, а потому — опять же, подобно вам — никогда не разбогатею. С другой стороны, никогда не появлялась опасность, что я не сумею наскрести скромные средства, необходимые для удовлетворения своих низких пороков, ибо на это способен любой человек, достаточно сообразительный, чтобы не прикупать к паре мелких. И неважно, на что требуются деньги — чтобы платить налоги или чтобы жевать бетель. Но богатство? Большое? Ты же видел сегодняшний фарс. Ну и как ты думаешь, мог бы я переписать сценарий таким образом, чтобы захватить все себе — стать управляющим, фактически хозяином, отдавая в свою пользу любую, какую только душа пожелает, часть дохода? И при этом устроить все так, чтобы Дуглас меня поддержал? Майк мне доверяет, я его брат по воде. Неужели мне было бы трудно спереть его состояние?

— Д-да... пожалуй, что и так.

— Не «пожалуй что», а совершенно точно. Ибо наш генеральный секретарь гоняется за деньгами ничуть не больше твоего, он слышит только призывные фанфары власти — а вот я по этой части глуховат на оба уха. Гарантирую я Дугласу (со всеми подобающими реверансами), что состояние Смита так и останется оплотом его правительства, он спокойно оформил бы все самым законным образом и отпустил бы меня с нахапанным.

Джубал содрогнулся.

— Сперва я думал, что это — единственный способ защитить Майка от стервятников, и пришел в полный ужас. Ты не можешь себе и представить, что это такое — большое богатство, какой это Морской Старик. Это ведь не просто груда денег, которые можно тратить в свое удовольствие. Сразу же появятся сотни просителей, облепят тебя, как бомбейские нищие, и каждый будет требовать, чтобы ты поделился, чтобы ты кому-то

что-то дал, чтобы ты куда-то инвестировал. Богатый человек становится подозрительным — ему редко предлагают честную дружбу; люди, которые могли бы стать его друзьями, слишком брезгливы, чтобы толкаться в толпе жадных рвачей, да и попросту побоятся, что их самих сочтут за просителей... Хуже того, ему придется все время бояться за своих близких. Вот ты, капитан, ты боялся когда-нибудь, что твою дочь похитят? Ты получал угрожающие письма?

— Что? Да помилуй бог!

— Обладай ты таким богатством, какое свалилось на Майка, — ты бы день и ночь держал при своих девочках охрану — и все равно не знал бы ни минуты покоя, ведь кто его знает, что там на уме у охранников. Ознакомься, если хочешь, с последней сотней похищений, и ты увидишь, как часто их организуют самые доверенные люди — и как редко жертвы остаются в живых. Так стоят ли все эти деньги того, чтобы ради них рисковать жизнью своей дочери?

— А знаешь, Джубал, — задумчиво сказал ван Тромп, — я, пожалуй, останусь при своем перезаложенном доме. Мне мои дочери дороже.

— С чем вас и поздравляю. Я хочу жить своей собственной жизнью, спать в своей собственной кровати — и чтобы никто меня не трогал! И вот получалось, что мне придется провести последние свои годы в конторе, отгородиться от всего мира армией секретарей да охранников и пахать на Майка, пахать с утра до вечера... А потом меня осенило. Ведь Дуглас — он все время так живет, у него и штат есть соответствующий. Если уж мы — ради свободы и спокойствия Майка — добровольно кладем к ногам нашего драгоценного генерального секретаря всю эту огромную власть — почему бы не заставить его заплатить, взяв в комплекте с властью и безраздельно с нею связанную головную боль? И я совершенно не боюсь, что Дуглас что-то там сопрет, — он не какой-нибудь там второразрядный политикан, у которого при виде каждой зеленой бумажки начинается обильное слюноотделение. А ты, Бен, не кривись, а моли лучше Бога, чтобы этот камень никогда не повесили на

твою шею... Так что я повесил упомянутый камень на Дугласа — и теперь могу вернуться к своим цветочкам. Как я уже говорил, с деньгами все оказалось очень просто — нужна была только начальная идея. А вот Ларкинское решение меня беспокоило, и беспокоило сильно.

— Не знаю, Джубал, — заметил Какстон, — по-моему, тут ты малость опсихел. Ну зачем был, спрашивается, весь этот цирк с «государственными почестями»? Пусть бы Майк попросту подписал отказ от всех прав, полагающихся ему по Ларкинскому решению, — если они ему вообще полагаются. Джилл же тебе рассказывала, чего Дуглас от него добивался.

— Знаешь, Бен, — вкрадчиво улыбнулся Джубал, — ты ведь вполне приличный журналист. Твои статьи даже можно читать. Иногда.

— Смотри-ка, поклонник объявился.

— Но вот понятия о стратегии у тебя чисто неандертальские.

— Ну, слава богу, — вздохнул Какстон. — А то я уже часом думал, что ты совсем теряешь форму.

— Когда это случится, пристрели меня, пожалуйста. Капитан, сколько человек осталось на Марсе?

— Двадцать три.

— И каков их статус, если по Ларкинскому решению?

Ван Тромп помрачнел:

— Я не имею права говорить.

— Ну так и не говори, — посоветовал Джубал. — Как-нибудь и сами догадаемся.

— Шкипер, — вмешался Нельсон, — в отличие от тебя, мы со Стинки — люди штатские. Поэтому я буду говорить все, что мне заблагорассудится...

— И я, — поддержал его Махмуд.

— А этот самый временный призыв из запаса они могут засунуть в подобающее для него место. Да кто оно такое, это самое правительство, чтобы указывать *нам*, о чем можно говорить, а о чем — нельзя. Мы летали на Марс, а они в кабинетах кресла просиживали.

— Ладно, Свен, стихи. Я и сам скажу — ведь тут наши братья по воде. Только ты, Бен, имей в виду, что это — не для печати. Мне еще хочется космическим кораблем порулить.

— Если хотите, капитан, я уйду к Майку и девушкам.

— Не надо никуда уходить. Так вот, с этой колонией правительство крупно вляпалось. Каждый из волонтеров перед отлетом подписал отказ от своих ларкинских прав — в пользу государства. Появление Майка спутало все карты. Я не юрист, но все равно понимаю, что отказ Майка, о котором тут говорил Бен, позволил бы правительству распоряжаться по собственному усмотрению, когда придет время делить ценности.

— Да какие там ценности, — махнул рукой Какстон. — Послушай, шкипер, я совсем не собираюсь преуменьшать ваш успех, но, судя по всему, что я слышал, марсианская недвижимость не представляет для людей особого интереса. Или есть еще какие-то материалы, до сих пор засекреченные, с грифом «сдохнуть до прочтения»?

— Нет, — покачал головой ван Тромп. — Никакие научные материалы не засекречивались. Но ведь знаешь, Бен, Луна, когда до нее только добрались, была уж совсем никчемным булыжником.

— *Туше!* — поднял руки Какстон. — Жаль, что дедушка купил не акции «Лунар энтерпрайзес», а вложился в канадские урановые рудники. В отличие от Джубала я мечтаю разбогатеть. Но не будем забывать, — тут же добавил он, — что Марс обитаем.

— Да, — заметно помрачнел ван Тромп. — Но... Стинки, расскажи лучше ты.

— На Марсе, — начал Махмуд, — уйма свободного места, и, насколько я понимаю, марсиане не станут мешать земным колонистам. Мы предупредили их, что основываем колонию, а они возражать не стали, хотя и не обрадовались. Они вообще не проявили никакого интереса. Мы уже подняли свой флаг и потребовали статуса экстерриториальности. Не исключено, что в действительности наше поселение ближе по статусу к одному из тех муравейников под стеклянным колпаком, которые

ставят в школьных живых уголках, но точно я ничего не знаю. И не гроаю.

— И я тоже, — кивнул Джубал. — Я не имел ни малейшего представления о ситуации, однако видел: правительство прямо горит желанием захватить эти самые якобы права. А поэтому сделал разумное предположение, что они знают не больше моего, и бросился в бой. Дерзай, всегда дерзай. Самый разумный стратегический принцип. Из врачебной практики мне известно, что уверенность больше всего нужна именно тогда, когда не знаешь, что делать. А юридическая практика научила меня тому, что в защите безнадежного дела присяжных больше всего убеждает апломб адвоката.

Джубал самодовольно ухмыльнулся:

— Как-то в школе я выиграл диспут о торговых субсидиях цитатой из постановления «Британского мореходного управления». Оппоненты не сумели меня опровергнуть — ибо «Британское мореходное управление» никогда не существовало в природе, я его выдумал. Примерно такую же бесстыдную наглость я проявил и сегодня. Правительство хотело получить Майковы «ларкинские права» и до смерти боялось, что мы снюхаемся с Куном или с кем-нибудь другим. Я использовал жадность и беспокойство этих прощелыг, чтобы довести их же собственную бредовую теорию до логического апогея — до признания в не вызывающем никаких сомнений протокольном ритуале, что Майк — действительно суверен и что с ним нужно обращаться соответствующим образом!

— И тем самым, — сухо заметил Бен, — вырыл себе яму, из которой пришлось потом выкарабкиваться.

— Бен ты Бен, — укоризненно покачал головой Джубал. — А еще журналист. Неправильные у тебя сравнения. Не в яму, а на спину тигра. Или на трон. Руководствуясь своей логикой, они короновали Майка. Нужно ли говорить, что, несмотря на старую побасенку о доле венценосца, лучше быть официально признанным королем, чем подпольным претендентом? Если королю потребуется спасти свою жизнь, он может отказаться от престола, а вот претендент, даже если откажется от своих

притязаний, обезопасить себя не в состоянии — наоборот, лишь облегчит врагам задачу. Нет, Бен, в отличие от тебя Кун понял, что несколько музыкальных аккордов плюс старая, да к тому же безнадежно испорченная простыня заметно улучшили положение Майка. И Куну это очень не понравилось.

Выбора у меня не оставалось, пришлось действовать решительно. Положение Майка оставалось сложным. Силой юридического бреда, известного как Ларкинское решение, он стал — на некоторое время — признанным сувереном Марса, получил власть жаловать концессии, торговые права, земельные участки, *ad nauseam*¹. Пути было два: либо вести себя соответственно роли — и его тут же затоптала бы толпа просителей, либо отречься от престола, после чего ларкинские права перешли бы к двадцати трем колонистам — а значит, к Дугласу.

— Но меня, — поморщился Джубал, — не устраивало ни то ни другое, еще и потому, что оба они гипотетически обосновывали применимость Ларкинского решения к необитаемым планетам. Джентльмены, я марсиан в глаза не видел, защищать их права не собираюсь, но просто не могу допустить, чтобы мой клиент участвовал в подобном фарсе. Следовало аннулировать Ларкинское решение применительно к Марсу — упредив возможное решение Верховного Суда. И тогда я воззвал к вышнему суду, дабы мне было ниспослано откровение, опровергающее ларкинский прецедент. Для создания соответствующей теории я и прибег к легендарному «Британскому мореходному управлению». Да, мне пришлось врать, — он самодовольно ухмыльнулся, — до посинения. Майку оказали государственные почести, это видел весь мир. Но государственные почести оказываются как самому суверену, так и его полномочному представителю, послу. Поэтому я бесстыдно заявил, что Майк никакой не игрушечный король, возникший силой дурацкого и не имеющего отношения к делу прецедента, но самый настоящий посол великой марсианской нации!

¹ До тошноты (*лат.*).

— Блеф, конечно, стопроцентный, — пожал плечами ушлый юрист, — но кто же мог его вскрыть? Больше всего я боялся, что от меня потребуют предъявить доказательства, но справедливо предполагал, что все остальные — в частности, Дуглас и Кун — знают истинное положение вещей не лучше меня. Более того, я осмелился блефовать только потому, что к нам присоединились вы, братья Майка. — Джубал обвел глазами гостей. — Все зависело от вас: если участники экспедиции не оспорят мою брехню, значит Майк — марсианский посол, а Ларкинское решение можно хоронить, со всеми подобающими почестями или без оных.

— Давно пора, — на лице ван Тромпа не было ни тени улыбки. — Только я совсем не воспринимал твои слова как ложь. По-моему, ты сказал чистую правду.

— Как это? Да я же плел там невесть что, нес чистую околесицу.

— Какая разница, вдохновение или тонкий расчет, если в итоге ты сказал правду? Только вот... — Капитан «Чемпиона» на секунду задумался. — Только я, пожалуй, не стал бы называть Майка послом — он, скорее, экспедиционный корпус.

У Какстона отвисла челюсть.

— Это каким же таким, позвольте узнать, образом? — поинтересовался Джубал.

— Вношу поправку, — с прежней серьезностью пояснил ван Тромп, — «экспедиционный корпус» — это слишком уж драматично. В моем представлении Майк — разведчик марсиан, изучающий здешнюю обстановку. Вполне возможно, что он поддерживает с ними постоянный телепатический контакт, то есть никаких донесений ему сочинять не надо... Коротче, не знаю. Но после того, как я побывал на Марсе, подобные мысли меня уже не удивляют. — По лицу капитана пробежала тень. — Все почему-то считают, что человек, найденный на Марсе, обеими руками схватится за возможность «вернуться домой», — только ведь ничего подобного не было. Верно, Свен?

— Да, — подтвердил Нельсон, — Майк никуда не хотел улетать. Мы и приблизиться-то к нему не могли, боялся — и все тут. Его послали с нами марсиане, он послушался... но ты бы на него только тогда посмотрел, совсем как необстрелянный солдатик перед боем — поджилки трясутся, а приказ выполнять надо.

— Секундочку, — возмутился Какстон. — Вторжение на Землю — с Марса? *С Марса?* Нет, вам виднее, конечно, но, помоему, это все равно как если бы мы пошли войной на Юпитер. Тяготение у нас в два с половиной раза больше, чем на Марсе, а на Юпитере — в два с половиной раза больше нашего. Примерно так же обстоит дело и с различиями в температуре, атмосферном давлении и так далее. *Мы* не смогли бы жить на Юпитере — и я не понимаю, каким образом марсиане смогут выдержать наши условия. Разве не так?

— Близко к правде, — кивнул ван Тромп.

— Ну и зачем же тогда нам нападать на Юпитер? Или марсианам на нас?

— Бен, ты видел разработки по плацдарму на Юпитере?

— Какие там разработки, одни праздные мечтания. Совершенно непрактично — трудно, дорого, а главное — бессмысленно.

— Сто лет назад то же самое говорили о космических полетах. Загляни в архивы, почитай, что писали об этом в сороковые годы двадцатого века. А в разработках по Юпитеру сейчас задействованы очень серьезные люди. Согласно оценкам, наш опыт глубоководных исследований в сочетании с механизированными скафандрами позволит справиться с Юпитером. А марсиане никак нас не глупее, скорее наоборот. Видел бы ты их города.

Какстон задумался.

— О'кей, но только я все равно не понимаю, зачем бы им это понадобилось.

— Капитан?

— Да, Джубал?

— Есть еще одно возражение. Вы знакомы с классификацией культур на «аполлонические» и «дионисийские»?

— В самых общих чертах.

— Так вот, мне кажется, что марсиане называли бы дионисийской даже культуру зун. Ты видел все своими глазами — а я беседовал с Майком. Его воспитала аполлоническая культура — а такие культуры неагрессивны.

— М-м-м... я бы не очень на это рассчитывал.

— Ты знаешь, шкипер, — неожиданно вмешался Махмуд, — а ведь у теории Джубала есть подтверждение, хотя бы косвенное. Характер культуры отражается в ее языке — а у марсиан нет слова «война». Во всяком случае — насколько я знаю. Нет слова «оружие», слова «борьба». А если в языке нет слова, обозначающего некое понятие, значит культура никогда не сталкивалась с его референтом.

— Ну что ты там мелешь, Стинки? Животные дерутся — у муравьев бывают самые настоящие войны. У них что, есть слово «война»?

— Было бы, — не сдавался Махмуд, — умей они говорить, вот как мы или марсиане. Особенно марсиане. Вербализующая раса имеет слово для каждого понятия; при появлении новых понятий она создает новые слова либо придает новые значения словам старым — иначе просто не бывает. Знай марсиане, что такое война, они имели бы и слово «война».

— Да чего мы тут спорим, — снова подал голос Джубал. — Позовем Майка — и сразу все выясним.

— Подождите, — возразил ван Тромп, — я уже много лет как закаялся спорить со специалистами. И так же давно понял, что вся история человечества — это длинный список специалистов, ошибавшихся на все сто процентов, — извини, Стинки.

— Ты совершенно прав — только в данном случае я не ошибаюсь.

— Мы выясним у Майка одну-единственную вещь: знает ли он слово для некоего понятия. А вдруг это то же самое, что просить двухлетнего ребенка дать определение понятия «ин-

теграл»? Чем что-то там предполагать и угадывать, давайте поговорим о фактах. Свен? Я хочу рассказать про Агню.

— Как знаешь, — пожал плечами Нельсон.

— Ну, джентльмены, это строго между нами, братьями по воде. Лейтенант Агню был нашим младшим врачом. Блестящий, если верить Свену, специалист. Вот только он оказался латентным ксенофобом, все незнакомое на дух не переносил, и не людей, а именно марсиан. Как только мы убедились в миролюбии туземцев, я запретил ношение оружия.

Агню нарушил приказ — люди, видевшие его последними, говорят о пистолете на поясе, к тому же мы так никогда и не нашли этого пистолета. В бортовом журнале ничего этого нет, там записано только: «Пропал без вести, очевидно погиб». Двое наших видели, как Агню вошел в расселину между двумя скалами; заметив, что туда же направляется марсианин, они побежали следом — пунктик молодого доктора был общеизвестен. Раздался выстрел. К этому времени один из членов экипажа достиг уже расселины; он утверждает, что успел еще увидеть Агню — а через мгновение тот исчез. Второй подбежал чуть позже, он видел только, как марсианин вышел из расселины, проплыл мимо и удалился — это очень по-марсиански, если им нет дела до происходящего, они все вокруг игнорируют. Расселина оказалась тупиком — и в ней никого не было.

Вот, собственно, и все. Вполне возможно, что Агню перескочил через скалы — тяготение на Марсе низкое, а тут еще страх придает силы — хотя лично мне это не удалось, сколько я ни старался. Нужно еще заметить, что все мы пользовались кислородными масками — на Марсе иначе нельзя, — а при гипоксии нельзя особенно полагаться на свои чувства. У меня нет ровно никаких доказательств, что первый член экипажа был пьян от недостатка кислорода, просто легче поверить в это, чем в его рассказ о мгновенном исчезновении Агню. Я высказал предположение, что ему просто померещилось, и приказал проверить дыхательную маску.

Я был уверен, что Агню явится с минуты на минуту, и заранее предвкушал, как намылю ему шею за нарушение не толь-

ко приказа, но и дисциплины: он ведь в одиночку покинул корабль. Но мы его так и не нашли, и что с ним произошло — неизвестно. С этого дня начались мои опасения. Марсиане уже не казались мне просто такими вот большими, дружелюбными, безобидными существами, хотя ссор с ними по-прежнему не было и они безотказно давали нам все, чего мы ни попросим, — лишь бы Стинки сообразил, как именно нужно просить. Случай этот я постарался замять — паника на борту недопустима, тем более когда находишься в сотне миллионов миль от дома. Конечно же, я не мог замять сам факт исчезновения доктора Агню — в поисках участвовала вся команда. Зато я в корне подавил любые предположения о какой-то там таинственности. Да и то сказать — а вдруг он заблудился и умер от недостатка кислорода? А труп занесло песком... На Марсе перед восходом и заходом солнца поднимается сильный ветер, сдувает дюны. Ссылаясь на такую возможность, я отдал приказ передвигаться только группами, непрерывно поддерживать радиокontakt с кораблем, ежедневно проверять дыхательное снаряжение. Я не стал приказывать тому парню, чтобы держал язык за зубами, а только намекнул ему, что вся эта история про человека, испарившегося в воздухе, выглядит смехотворно, тем более что его товарищ ничего подобного не видел. Думаю, официальная версия одержала полную победу.

— Ты знаешь, — медленно заговорил Махмуд, — а ведь я впервые услышал о какой-то там тайне. И по-прежнему верю в «официальную» версию — я не суеверен.

— Того я и добивался, — кивнул ван Тромп. — Эту дикую историю слышали только мы со Свенном. И все-таки — и все-таки... — Капитан нахмурился и даже словно постарел. — Иногда я просыпаюсь среди ночи и спрашиваю себя: так что же случилось с Агню?

Джубал воздержался от комментариев, раздумывая, стоит ли дополнять эту историю своим рассказом. Интересно, говорила ли Джилл Бену про Берквиста и этого, второго, — как его там, Джонсон? Сам Джубал ничего такого Бену не рассказывал — сначала было не до того, а на следующий день, по

трезвом размышлении, и вовсе решил воздержаться от обсуждения происшедшего. И описал ли ему кто-нибудь Сражение при Плавательном Бассейне? Вряд ли, они же все слышали телефонный разговор с Дугласом, а потому знают «официальную» (опять!) версию: первая группа так и не появлялась. Вдобавок, в окружении Джубала сплетничать было не принято: сплетники в доме не задерживались, а распространение слухов доктор Харшоу считал своей личной привилегией.

Но вот Джилл могла Бену рассказать... и взять с него слово все держать в секрете? Бен ни о каких исчезновениях с Джубалом разговора не заводил, да и сейчас понимающих взглядов не бросал.

Кой хрен, а что тут еще оставалось делать? Только молчать в тряпочку да стараться вдолбить Майку, что он *не* должен «исчезать» каждого не приглянувшегося ему незнакомца.

Его тягостные раздумья прервала Энн:

— Начальник, там пришел мистер Бредли. Ну, это тот, который называл себя «старший помощник мистера Дугласа».

— Но ты его, конечно, непустила.

— Конечно. Мы пообщались через переговорное устройство. Говорит, что принес тебе бумаги и будет ждать ответа.

— Пусть просунет в щель. Скажи ему, что ты мой старший помощник и что при необходимости передашь ему расписку в получении документов. Это помещение все еще является марсианским посольством.

— Мы что, так и оставим его за дверью?

— Майор Блох наверняка предложит ему стул. Энн, я знаю, что ты девочка из приличной семьи и очень трепетная натура, но только на этот раз нам придется показать себя хамами. Мы ни на вот столько не сдвинемся и доброго слова никому не скажем, пока не получим все, что нам нужно.

— Слушаюсь, начальник.

В объемистом пакете оказался всего один документ, зато во множестве экземпляров; Джубал раздал их всем присутствующим.

— За каждую лазейку, ловушку, зацепку или двусмысленность девочкам выдаю петушка на палочке. Ну и мальчикам тоже достанется какой-нибудь приз.

Наступило молчание, прерванное в конце концов самим же Джубалом:

— Честный политик — единожды продавшись, дальше не продается.

— Похоже на то, — согласился Какстон.

— Остальные?

Претендентов на петушка на палочке не нашлось. Дуглас только придал устному соглашению аккуратную юридическую форму.

— Ну, значит, так тому и быть, — весело подытожил Джубал. — Теперь Майк эту радость подпишет, и пусть все — особенно вы трое, шкипер, Свен и Стинки, — заверят каждый из экземпляров. Мириам, вытаскивай печать. Кой черт, запустите сюда Бредли, пусть тоже подписывает, — а потом налейте ему. Дюк, сообщите там, что мы съезжаем, потребуй счет. Позвони в «Грейхаунд», пусть присылают свою таратайку. Свен, шкипер, Стинки — мы покидаем этот город, как Лот покинул Содом, — почему бы вам не съездить на природу и не отдохнуть. Кроватей хватает, кухня отличная, забот никаких.

Доктор Махмуд принял приглашение, а женатые попросили перенести его на другой день. Заверяли соглашение довольно долго — Майку очень понравилось писать свою фамилию, каждую букву он вырисовывал тщательно, не торопясь, с поистине артистическим наслаждением. К тому времени, как он кончил работу над последним экземпляром и Мириам последний раз поставила печать, остатки снеди и неоткупоренные бутылки были уже погружены в автобус, а рассыльный гостиницы доставил счет.

Небрежно скользнув взглядом по весьма и весьма солидной сумме, Джубал наискось написал: «К оплате — Дж. Харшоу за В. М. Смита» — и протянул листок Бредли.

— Пусть этим займется ваш шеф.

— Сэр? — недоуменно моргнул старший помощник.

— А, понимаю. Вне всяких сомнений, мистер Дуглас поручит это Главе Протокола. В таких делах я полный профан.

Бредли взял счет.

— Да, — задумчиво сказал он, — тут нужна виза Ла Рю — ему я и передам.

— Благодарю вас, мистер Бредли. *За все.*

Ч А С Т Ь III

ЕГО
ЭКСЦЕНТРИЧНОЕ
ВОСПИТАНИЕ

В некоторой метagalактике, в некоторой галактике, в дальнем закутке, в малом спиральном витке, именно в том, в котором мы живем, не далеко, не близко от звезды, широко известной в узких кругах как «Солнце», взорвалась (по-ученому говоря — «стала новой») некая другая звезда. Она засверкает на небосводе Марса через тройку преисполненную (729) марсианских лет, а на небосводе земном — через тысячу триста семьдесят земных, что, как вы и сами прекрасно понимаете, одно и то же. Старики отметили оную пароксизмальную пертурбацию как полезную для поучения подрастающего поколения, не оставляя, однако, оживленного обсуждения парадоксальных проблем пресловутого поэтического произведения, панорамно портретирующего приснопамятную пульверизацию пятой планеты.

Отметили они и отбытие «Чемпиона», без особых, правда, комментариев. За чужим детенышем, отправленным на корабле, продолжали присматривать, но не более того — ждanie взрастит плоды, достойные тщательного гроканья. Оставшиеся на Марсе люди вели борьбу со средой, смертельно для них опасной (стоит ради справедливости заметить, что в Свободной Стране Антарктике условия жизни еще опаснее). Болезнь, называемая иногда «тоской по дому», заставила одного человека развоплотиться. Старики взлелеяли истерзанную душу, а затем направили ее по месту принадлежности для прохождения дальнейшего исцеления; не считая этого прискорбного эпизода, марсиане в дела гостей не вмешивались.

Для людей взрыв звезды прошел незамеченным — в те времена возможности земных астрономов были еще ограничены скоростью света. Человек с Марса побыл сенсацией, но недолго. В Сенате Федерации лидер меньшинства призвал «смело, по-новому» подойти к проблемам перенаселения и недоедания в Юго-Восточной Азии — в частности, для начала увеличить пособия семьям, имеющим пять и более детей. Миссис Перси Б. С. Сучек возбудила гражданское дело против городского совета Лос-Анджелеса: пять дней атмосферной инверсии безвременно свели в могилу ее любимого пуделя Пиделя. Синтия Дюшес объявила о своем намерении произвести на свет Идеального Младенца при содействии научным образом подобранных донора и вынашивающей матери. В настоящее время эксперты рассчитывают момент зачатия, долженствующий с гарантией обеспечить чудо-ребенку равно гениальные способности буквально во всех искусствах — от музыки и живописи до управления государством. Кормление грудью (с помощью, естественно, гормональной терапии) будущая мать отважно брала на себя. С разрешения (а точнее — по настоянию) Синтии интервью, посвященное в основном психологическим преимуществам естественного вскармливания младенцев, иллюстрировали снимки, наглядно демонстрировавшие ее высокую одаренность по этой части.

Верховный епископ Дигби заклеил честолубивую девицу как Вавилонскую блудницу и строго-настрого запретил всем фостеритам (-ткам) принимать участие в осуществлении ее проекта. «Я не имею счастья быть знакомой с мисс Дюшес, — сказала Алиса Дуглас, — однако этой женщиной просто нельзя не восхититься. Ее отважное начинание должно вдохновить всех матерей, где бы они ни жили».

Джубал случайно увидел снимок будущей матери будущего величайшего гения всех времен и народов в журнале, забытом одним из гостей, и, беззлобно хихикая, прикрепил картинку к доске объявлений на кухне; как и следовало ожидать, через день картинка исчезла, и Джубал снова довольно захихикал. Последнее время жизнь не давала ему особых поводов для хи-

ханек и хаханек. Прошла неделя, сенсация подвыдохлась, репортеры от Человека с Марса отстали, как только выяснилось, что никаких новостей из Джубала клещами не вытянешь, — но тысячи людей и не думали о нем забывать. Дуглас сделал все возможное, чтобы обеспечить своему «работодателю» спокойствие, — наряды СС патрулировали усадьбу в Поконах снаружи, машина СС, непрерывно висевшая над ней, давала отворот поворот всем непрошенным воздушным гостям. Присутствие охраны доводило Джубала до белого каления, но деваться было некуда.

Охранники не пропускали на территорию людей, а вот с телефоном и почтовой корреспонденцией надо было бороться. Секретарская служба — пришлось воспользоваться и такой — отказывала в предоставлении телефонной связи всем, кроме лиц из коротенького, составленного Харшоу списка; кроме того, домашний телефон по большей части стоял на автоответчике.

Но вот от почты спасения не было.

Сначала Джубал решил, что Майку пора бы и поработать; пусть для начала займется хоть собственной своей корреспонденцией.

— А ты, Джилл, ему поможешь. Только не лезьте с каждой идиотской бумажонкой ко мне — у меня у самого таких по горло.

Из хорошей вроде бы идеи ничего не вышло — письма шли лавиной, а Джилл не знала, что с ними делать.

Пропросту рассортировать — и то вспотеешь кувыряться. Джубал позвонил сперва местному почтмейстеру (по нулям), а затем Бредли. Как только местный почтмейстер узнал о «пожелании» сверху, поток писем действительно поуменьшился и в дальнейшем почта Майка поступала рассортированной на первый, второй, третий и четвертый классы, а почта для всех остальных — в отдельном мешке. Второй и третий классы безо всякой задержки отправлялись на теплоизоляцию нового овощного погреба, потому что прежний хозяин усадьбы переделал старый в бомбоубежище, плохо приспособленное для

хранения овощей. Вскоре появилась опасность остаться вообще без погреба, с одной теплоизоляцией, и Джубал велел Дюку использовать подобную корреспонденцию для укрепления канав от эрозии.

С четвертым классом возникли трудности. Одна из посылок взорвалась на почте, разнесла в клочья кучу объявлений «Разыскивается полицией» и табличку «Обращайтесь в соседнее окошко», — по счастью, почтмейстер очень вовремя удалился попить кофе, а его помощница, пожилая дама с больными почками, — в туалет. Джубал решил уже было вызвать для проверки посылок взвод саперов.

Обошлось и без этого — Майк прекрасно определял, в каком из пакетов есть «неправильность», даже к нему и не прикасаясь. С этого времени почтальон сваливал весь четвертый класс у ворот и уходил. Майк просматривал кучу с почтительного расстояния и «исчезал» из нее опасные свертки, после чего Ларри кидал все остальное в грузовичок и вез домой. Джубал решил, что такая проверка гораздо удобнее и надежнее общепринятых методов изучения подозрительных посылок: никакого тебе вымачивания, просвечивания, вскрытия в темной комнате и прочее.

Содержимым посылок Майк не интересовался, но зато очень любил их распечатывать, будто подарки на Рождество. Особенно ему нравилось читать свое имя на ярлычках и наклейках. Как правило, сами дары его не интересовали, но, отдавая их своим братьям по воде, он наконец усвоил одно из предназначений «имущественной собственности» — вещигодились на подарки друзьям. Все, что не приглянулось никому из «семейства», шло прямо на помойку, сюда же отправлялось и все съестное. Джубал совсем не был уверен, что Майк понимает «неправильность» ядов, — однажды тот выпил ядовитый фотораствор, оставленный Дюком в холодильнике, и только скромно пожаловался, что у «охлажденного чая» был не очень приятный вкус.

Джубал разрешил Джилл оставлять все что угодно, но при этом ни в коем случае: а) ни за что не платить; б) не посылать

никаких благодарностей; в) ничего не возвращать — что бы там ни писалось в сопроводительных посланиях. Иногда в пакетах оказывались подарки, но чаще — разнообразные, никем не заказанные товары. По мнению Джубала, и в том и в другом случае вся эта непрощенная хурда-мурда присылалась с единственной целью — попользоваться именем Человека с Марса, а потому никаких благодарностей не заслуживала.

Единственное, но очень важное исключение: всю живность Джубал посоветовал возвращать назад — разве что Джилл возьмет на себя уход и кормежку, а также будет следить, чтобы она живность, способная сверзиться в бассейн, туда не сверзилась.

Хуже всего было с первым классом. Проглядев бушель или около того писем, Джубал установил для них следующую классификацию:

А. Просьбы частных лиц и организаций — на борьбу с эрозией.

Б. Угрозы. Не отвечать, но и не выкидывать. При повторении — передавать СС.

В. Деловые предложения — пересылать Дугласу.

Г. Бредовые письма. Что посмешнее — пускать по рукам, остальные — на борьбу с эрозией.

Д. Дружественные письма. Если приложен конверт с маркой и обратным адресом — отвечать, используя стандартный бланк за подписью Джилл. (Письма, подписанные Человеком с Марса, представляли собой некоторую ценность и могли увеличить поток никому не нужной макулатуры.)

Е. Письма характера скатологического — передавать Джубалу (который заключил сам с собой пари, что ни одно из них не будет содержать ни малейших следов литературного таланта и новизны) для употребления по назначению (в помойку).

Ж. Брачные предложения — и предложения менее формального характера. Откладывать. Повторные послания — см. параграф Б.

З. Письма из научных и образовательных учреждений — см. параграф Е. Отвечая, использовать бланк с объяснением,

что Человек с Марса не доступен *ни для каких* целей. Если Джилл покажется, что в каком-то конкретном случае грубо отшивать корреспондента неудобно, — передавать Джубалу.

И. Письма от знакомых Майка, скажем, от членов команды «Чемпиона» или от президента Соединенных Штатов. Если Майк хочет — пусть отвечает; поучиться владеть пером дело весьма полезное, а научиться искусству человеческих отношений — и тем паче. (Если нужен совет — пусть не стесняется.)

Систематика — великая вещь; к вящему своему удивлению, Джилл обнаружила, что для сортировки суточной почты вполне хватает одного часа, отвечала же она буквально на несколько писем в день, а Майк — хорошо если на одно. Первые четыре категории продолжали оставаться обширными, категория Ж, бывшая в самом начале, после телерепортажа из Дворца, очень большой, быстро усохла до тоненькой струйки. Джубал особо предупредил Джилл, что, хотя Майк не должен отвечать на письма незнакомых людей, вся почта, адресованная ему, ему же и принадлежит.

На третий день после введения системы Джилл негодующе ворвалась к Джубалу в кабинет и выложила на стол какие-то бумажки. Леди и прочие особи женского пола (плюс заблудшие особи пола мужского), поставлявшие письма категории Ж, прикладывали обычно снимки со своими (хотя кто их там проверит, чьими именно) изображениями. Некоторые из этих фотошедевров оставляли очень мало простора для догадок и фантазий.

В данном конкретном случае воображению и вообще делать было нечего — зато оно весьма стимулировалось к созданию других, еще более интересных картин.

— Вот, полюбуйте, — почти прошипела Джилл. — Ну и что ты на это скажешь?

Джубал пробежал письмо глазами.

— Да, девушка знает, чего она хочет. А что сказал Майк?

— Майк эту гадость не видел. Я сначала тебе хотела показать.

Джубал еще раз взглянул на снимок.

— В молодости мы говорили про таких: «Все на месте». Ну что ж, пол ее, слава богу, сомнений не вызывает, да и высокий жизненный тонус — тоже. Только чего ты мне-то ее показываешь? Я и получше видел.

— *Такого* случая твои инструкции не предусматривали. Письмо — кошмар, ну а уж картинка — просто омерзительная. Так что, порвать и выкинуть?

— А что было на конверте?

— Ничего, только адрес и обратный адрес.

— И какой же, позвольте вас спросить, это был адрес?

— Чего? Мистеру Валентайну Майклу Смиту, Человеку с...

— Действительно? В таком случае это письмо прислано не тебе.

— Еще бы, какие тут могут быть...

— То-то и оно. Слушай, давай-ка разберемся с этим раз и навсегда. Ты Майку не мамаша и не дуэнья. Ты временно исполняешь роль его секретаря. Если он хочет читать всю эту макулатуру — за ради бога, и никто не вправе ему помешать.

— Ну да, он почти все и читает. Но зачем же ему смотреть на такую *похабщину*? Он же не от мира сего. Он такой *невинный*!

— Действительно? Ты, часом, не помнишь, сколько человек успел он угробить?

Джилл закусил губу и опустил глаза.

— Похабщина! Мерзость! — продолжил Джубал. — Да ты бы лучше втолковала ему, что наше общество относится к убийствам, ну, скажем, неодобрительно. Иначе, выходя в люди, он будет привлекать к себе слишком много внимания.

— Ну... не думаю, чтобы он так уж рвался «выходить в люди».

— А вот я намерен выпихнуть твоего красавчика из гнезда, как только он чуть-чуть научится трепыхать крылышками. Захочет — вернется, но я не позволю, чтобы он год за годом жил взаперти, словно слабоумное дитяtko. Да я и не мог бы этого позволить — Майк переживет и меня, и это гнездышко на много и много лет. Но в чем-то ты права; он действительно

невинен. Послушайте, медицинская сестричка, вы видели когда-нибудь Пастеровскую стерильную лабораторию?

— Только читала.

— Самые здоровые в мире животные — только вот они не могут выйти наружу, сразу заболеют и сдохнут. А у меня здесь не стерильная лаборатория. Пойми, девочка, Майк должен познакомиться с такой вот и какой угодно еще похабщиной, только тогда он приобретет иммунитет. За хвост человека не удержишь — когда-нибудь он встретит эту девицу или ее духовных, с позволения сказать, сестричек, а имя им — легион. Кой хрен, такая знаменитость, да еще с такой внешностью, — он может только и делать, что скакать из кровати в кровать. Как было уже замечено, за хвост ты Майка не удержишь. И я не удержу — тут во всем его воля. Более того, я бы и не захотел его удерживать, хотя, конечно же, перспектива была бы глупой до предела — одни и те же экзерсисы снова и снова, и так всю жизнь. Или ты так не думаешь?

— Я... — Джилл покраснела и смешалась.

— Возможно, тебе они и не покажутся однообразными, так или иначе — не мое это дело. Но если ты не хочешь, чтобы Майка заваливала каждая баба, которая сумеет остаться с ним один на один, — не бери на себя неблагоприятную роль цензора. Письма вроде этого научат его малость остерегаться. Кинь эти бумажки вместе с остальными, будут у Майка вопросы — ответь, только постарайся не краснеть до свекольного цвета.

— Знаешь, начальничек, ты своей логикой кого хочешь доставишь.

— Да, логика в диспуте — прием грубый и нечестный. Все, ступай.

— Ну а потом, когда Майк посмотрит эту похабень, я ее все-таки порву!

— Да что ты, как можно!

— Почему? Она что, тебе понадобилась?

— Господь упаси и помилуй! Повторяю, я видел кое-что получше. А вот Дюк — он такие картинки коллекционирует.

Так что если Майку она ни к чему — а ему наверняка ни к чему, — пусть отдаст Дюку.

— Дюк собирает такую гадость? Ну никак бы не подумала, такой вроде бы приличный парень.

— И не «вроде бы», а на самом деле. Иначе я бы его давно выгнал.

— Но... нет, чего-то я тут не понимаю.

— И не поймешь, — вздохнул Джубал, — объясняй я тебе хоть до вечера. Милая моя, разнополюсы существа нашей породы просто не способны прийти ко взаимопониманию по поводу некоторых аспектов половой жизни. Иногда, очень редко, особо одаренным личностям удастся эти аспекты прогнуть, но слова тут абсолютно бесполезны. Ты просто прими как данность: Дюк — истинный рыцарь, без страха и упрека, и в то же время эта картинка ему понравится.

— Ладно, если Майку она не нужна, пусть Дюку отдает. Но сама я Дюку ее вручать не стану — еще что-нибудь подумает.

— Бояка. Может, тебе понравится, что он там подумает. И что там еще хорошенького пишут?

— Да ничего, обычная бодяга. Кто-то там хочет, чтобы Майк одобрил какой-то там товар, кто-то желает торговать какой-то «официально подтвержденной человек-с-марсовской» хренью; нашелся даже один тип, возжелавший получить пятилетнюю монополию на имя, бесплатно, — и чтобы Майк к тому же финансировал дело.

— Вот что значит цельность натуры! Нужно ответить, что идея очень привлекательная, это помогло бы Майку уменьшить потери от налогов, — ну и спросить, в каком объеме предусмотрено финансирование.

— Ты что, серьезно?

— Нет, а то ведь восплававший надеждами жулик заявится сюда самолично, со всеми своими чадами и домочадцами. Но зато у меня появилась идея рассказа. *К ногге!*

Майка фотография заинтересовала. Он грокал (теоретически) символическое значение такого письма и такой к нему

иллюстрации, а потому изучал «омерзительную бабу» с не меньшим восторгом, чем самую красивую бабочку. Бабочки и женщины вызывали у Майка колоссальный интерес, да и весь остальной грокаемый мир — тоже, Майк хотел испытать его во всей возможной полноте, грокнуть его до предела.

Понимая механические и биологические процессы, предлагавшиеся ему в этом и подобном письмах, Майк несколько удивлялся, почему каким-то чужакам потребовалась его помощь в оплодотворении яиц? Он знал (но еще не грокнул), что земной народ превратил эту простую жизненную необходимость в ритуал, во «вращивание близости», отчасти сходное с ритуалом воды. Ему очень хотелось все это грокнуть.

Но он совсем не спешил. «Спешка» гроканью не поддавалась. Выбор нужного времени — это он понимал, и очень хорошо, но — исключительно в марсианском смысле; нужное время наступает только после выжидания. Майк успел уже заметить, что люди лишены полного понимания времени, а потому ждут зачастую быстрее, чем мог бы позволить себе марсианин. Он не принимал этого близко к сердцу и, чтобы приноровиться к земным своим братьям, научился ждать быстрее — местами это выходило у Майка настолько удачно, что посторонний наблюдатель мог бы посчитать его за непосредливого торопыгу. Однако такой вывод был бы ошибочен: Майк просто приспособливал свое выжидание, проявляя нежную заботу о братьях по воде. Эдикт Джилл — не отвечать на братские предложения, исходящие от женщин, — он принял без малейшего сопротивления, но — только как ожидание; возможно, лет через сто наступит лучший момент. Через сто не через сто, но сейчас — не время, ведь брат Джилл говорит правильно.

Предложение Джилл отдать снимок Дюку тоже не вызвало никаких возражений. Майк и сам бы так сделал — он успел уже познакомиться с достопримечательной коллекцией своего брата по воде. Не очень, правда, грокалось, почему тот сказал: «Ты на эту, вот на эту посмотри. Морда, конечно же, так себе, но зато ножки — ну, братец ты мой!» «Братец» — это понятно,

нормальное, хорошее обращение, но при чем тут ноги? Ноги — они у всех ноги, ну разве что у марсиан их три, а у здешних земных — только две (что совсем не делает их калеками, потому что люди двуногие, напомнил себе Майк).

Если говорить о лицах, самое красивое лицо, конечно же, у Джубала — свое лицо, не похожее ни на одно другое. А эти люди женского пола из Дюковой коллекции — у них же вообще почти нет лиц. У всех молодых женщин одно и то же лицо — и разве может быть иначе?

К лицу Джилл это не относилось, ведь она была и первой женщиной, какую Майк увидел, и первым его женским братом по воде; он знал наперечет все поры на ее носу, все едва-едва намечающиеся морщинки в уголках ее глаз, знал и возносил им радостную хвалу. Джилл — это Джилл, случай особый, но вот понять по лицу, которая тут Энн, которая Доркас, а которая Мириам, было совершенно невозможно — первое, естественно, время. Тогда Майк различал этих девушек по размерам и окраске — и, конечно же, по голосу, ведь одинаковых голосов не бывает. Ну а в те крайне редкие, но все же случавшиеся моменты, когда все они молчали, очень помогало, что Энн такая крупная, Доркас — такая маленькая, а Мириам побольше Доркас, но заметно миниатюрнее, чем Энн, к тому же ее не спутаешь ни с кем другим — даже если Доркас и Энн отсутствуют — из-за «рыжих» волос; кстати сказать, другие вещи почти такого же цвета нельзя почему-то называть рыжими, они или красновато-коричневые, или темно-оранжевые.

Такое особенное значение слова «рыжий» Майка нисколько не смущало, он уже знал, еще до того, как попал на Землю, что почти на каждое понятие английский язык имеет несколько слов, а почти каждое слово имеет несколько значений. К такому постепенно привыкаешь, примерно так же, как и к одинаковости женских лиц... а потом, после ожидания, вдруг оказывается, что они совсем и не одинаковые. Теперь Майк мог представить себе лицо Энн с такой же легкостью, как и лицо Джилл. В сущности, ведь даже яйцо обладает своим неповторимым «я», отличается от всех остальных яиц — и прошлых,

и теперешних, и будущих; вот и каждая девушка имеет — потенциально — свое лицо, сколь бы ни были малы различия между ними сейчас.

Майк отдал снимок и был очень рад радости Дюка. Сам он не лишал себя ровно ничего, ведь это настолько просто — мысленно вызвать перед собой изображение, даже лицо, словно излучающее какую-то непонятную, прекрасную муку. Выслушав благодарность Дюка, он вернулся к своей почте.

Джубала лавина корреспонденции раздражала, а Майк ею буквально наслаждался, всей без разбора, от рекламных проспектов страховых компаний до брачных предложений. Прочувствовав за время поездки во Дворец огромность и бесконечное разнообразие земного мира, недавний марсианин твердо решил грохнуть его во всей полноте. На это уйдут века, придется еще расти, расти и расти, но отсюда отнюдь не следовало, что нужно суетиться и спешить, — он грокал полную тождественность вечности и вечно переменчивого, прекрасного сейчас.

Прежняя мысль перечитать «Британскую энциклопедию» была оставлена — почта приносила несравненно более яркие образы этого мира. Майк читал письма, что мог — грокал по ходу дела, а остальное откладывал в память как материал для долгих ночных размышлений. Он чувствовал, что начинает уже грокать «бизнес», «покупку», «продажу» и прочие совершенно не марсианские виды деятельности, — в этом отношении «энциклопедия» просветила его очень мало, неявно предполагая (как он сейчас грокнул) наличие у читателя предварительного знакомства с предметом. У него такого знакомства не было совсем.

Господин генеральный секретарь Джозеф Эджертон Дуглас прислал ему пакет, содержащий чековую книжку и еще какие-то бумажки, после чего брат Джубал потратил битый час на попытки объяснить, что такое деньги и с чем их едят. Майк так ничего и не понял, хотя Джубал и показал ему, как выписывать чек, выдал ему взамен чека бумажки («деньги») и научил их считать.

Но затем наступило до дрожи ослепительное озарение, и он грохнул деньги. Эти бумажки с красивыми картинками и яркими медальонами — совсем не «деньги», они — только символ идеи, охватившей и объединившей весь этот народ, весь этот мир. Но бумажки, *предметы* — не деньги, ровно так же, как вода, используемая в водяном ритуале, — не возвращение близости. Эти красивые картинки так же не обязательны для денег, как вода — для ритуала. Деньги — идея не менее абстрактная, чем мысли Стариков, деньги — структурированный символ, чье предназначение — уравнивать, исцелять и сближать.

Величественная красота денег ошеломила и завораживала.

Обмен символов, их сходящиеся и расходящиеся потоки чем-то напоминали игры, побуждающие детенышей вразумляться и взрослеть, они были прекрасны и в малом, но по-настоящему поражала всеохватность этого процесса, отражавшего весь мир в одной-единственной, взаимосвязанной и символической конструкции. Создать такую красоту могли только воистину старые Старики; Майк смиренно ждал, когда же ему будет дозволено встретиться с кем-нибудь из них.

По совету (скорее — настоянию) Джубала он начал тратить деньги — с робким нетерпением юной, неопытной девушки, впервые приведенной к брачному ложу. Джубал предложил Майку «купить друзьям подарки»; выделенная в помощь ему Джилл начала с установления жестких рамок: один подарок на душу населения, максимальная величина общих расходов — что-то чуть поменьше общей суммы на банковском счете, деленной на тройку наполненную, — Майк намеревался было истратить все до гроша.

Тратить деньги оказалось очень трудно, ведь существовало такое множество вещей, восхитительных и непостижимых. Просматривая каталоги «Маршалл Филдс» и с Гиндзы, из Бомбея и Копенгагена, Майк задыхался от несметности хранящихся на их страницах сокровищ. Даже скромный каталог «Сирса и Монтгомери» оказался выше его сил.

— Нет, — мягко вмешалась Джилл, — Дюку не нужен трактор.

— Но ведь Дюк любит тракторы.

— У него уже есть трактор. Не у него, конечно, а у Джубала, но это все равно. Зато Дюку наверняка понравится какой-нибудь из этих маленьких, аккуратных бельгийских одноколесных велосипедов — он сможет то разбирать его, то собирать, и так с утра до вечера. Но даже это слишком дорого. Майк, милый, подарок не должен быть чересчур дорогим — разве что ты хочешь с его помощью уломать какую-нибудь девушку выйти за тебя замуж или еще что в этом роде. И подарок должен показывать, что ты подумал о личных пристрастиях человека. Хорошо дарить что-нибудь такое, что он любит, но вряд ли купит сам.

— А как это сделать?

— Вот тут-то вся и трудность. Слушай, дай-ка я покопаться в сегодняшней почте, там вроде было нечто подходящее... Вот, — торжествующе воскликнула она через несколько минут, — нашла! Слушай внимательно. «Афродита во плоти. Роскошный альбом женской красоты, великолепные цветные стереоснимки величайших фотографов мира. Внимание: данный товар высылается не почтовым отправлением, а заранее оплаченным курьером службы доставки. Заказы из нижеперечисленных штатов не принимаются...» М-м-да, Пенсильвания тоже угодила в черный список. Ну ничего, как-нибудь извернемся; доставят все, что адресовано тебе. А насколько я знаю вкусы Дюка, это именно то, что ему нужно.

Альбом Дюку понравился. Подарок был доставлен патрульной машиной СС — а в следующей же рекламе появилась хвастливая добавка: «По специальной договоренности доставлен Человеку с Марса», понравившаяся Майку, но сильно обозлившая Джилл.

С Дюком все обошлось относительно просто, но вот Джубал... Ну что, скажите на милость, подаришь ты человеку, который и сам может купить все, чего только душа пожелает? Золотую рыбку с тремя желаниями? Сфинкса? Источник, так и не найденный Понсе де Леоном? Бутылку смазочного масла для скрипучих суставов? Один из золотых деньков его моло-

дости? Держать в доме всякую живность Джубал давным-давно закаялся; ты их переживешь — сплошное горе, они тебя переживут (каковая возможность становилась теперь вполне реальной) — еще хуже, несчастные твари останутся сиротами.

Пришлось собрать военный совет.

— А вы что, — удивился Дюк, — сами, что ли, не знаете? Начальник любит статуи.

— Ты думаешь? — Джилл с сомнением покачала головой. — У вас же тут нет ни одной скульптуры.

— Те, которые нравятся начальнику, не продаются. Он говорит, что все теперешнее дерьмо — самый обыкновенный металллом и что в наши дни каждый придурок, имеющий астигматизм и автогенный аппарат, именуется скульптором.

— Правильно, — поддержала его Энн. — Посмотрите, какие у Джубала книги в кабинете, и сами поймете.

Три принесенные Энн альбома своим видом ясно (для нее) свидетельствовали, что их открывают наиболее часто.

— Хм-м... Похоже, ему нравится Роден, весь, вдоль и поперек. Слушай, Майк, имей ты возможность купить любую из этих скульптур — что бы ты выбрал? Вот, смотри, какая красивая — «Вечная весна».

Майк взглянул на «Весну» и начал быстро переворачивать страницы.

— Вот эту.

— Что? — содрогнулась Джилл. — Да это же просто ужас! Надеюсь, я не доживу до такого возраста и такого вида.

— Это красота, — твердо сказал Майк.

— Майк! — Джилл была в полном отчаянии. — У тебя же совершенно извращенный вкус, ты еще хуже Дюка!

Обычно подобный упрек заставил бы Майка замолкнуть, а затем посвятить целую ночь попыткам грохнуть свою ошибку. Но на этот раз он был уверен в себе и стоял насмерть. Привлекшая его фигура была как глоток родного, с детства привычного воздуха. Она изображала человеческую женщину — и все равно создавалось впечатление, что где-то тут, рядом, находится марсианский Старик, ее сотворивший.

— Это прекрасность, — не сдавался Майк. — У нее есть свое лицо. Я грокою.

— А ты знаешь, Джилл, — задумчиво сказала Энн, — ведь Майк, пожалуй, и прав.

— Чего? Тебе что, тоже *это* понравилось?

— Лично меня она ужасает. Но Майк понял, что нравится Джубалу. Видишь, альбом раскрывается в трех местах, и на эту страницу смотрели чаще, чем на две другие. Вот, посмотри, вторая — «Павшая кариатида, придавленная камнем»; Джубал смотрит на нее почти так же часто, но Майк выбрал самую его любимую.

— Я ее куплю, — решительно заявил Майк.

Сотрудник парижского музея Родена, куда позвонила Энн, не расхохотался — ему не позволила французская галантность. *Продать* один из шедевров Мастера? Дорогая мадам, они не только не продаются, но даже и не репродуцируются. *Non, non, non! Quelle idee!*¹

Но Человек с Марса — это Человек с Марса, для него и невозможное возможно; Энн связалась с Бредли. Все было улажено за два дня; в качестве любезности французского правительства — и под обещание никогда не экспонировать подарок на выставке — Майк получит полноразмерную, факсимильно точную бронзовую фотопантограмму скульптуры «Та, что была прежде Прекрасной Оружейницей».

Джилл помогла Майку подобрать подарки для остальных девушек, а когда тот спросил, что купить ей самой, сказала: «Ничего».

Майк уже начал понимать, что в английском языке есть такие глубины, к которым надо подбираться осторожно; хотя братья по воде и говорят правильно, бывают случаи, когда один из них говорит правильнее, чем другие. Он пошел советоваться с Энн.

— Ну конечно же, дорогой, как еще могла она ответить? Но ты все равно сделай ей какой-нибудь подарок. Хм-м...

¹ Нет, нет, нет! Что за (странный) мысль! (*фр.*)

Одежду и украшения Энн покупать не советовала, но ее выбор поверг Майку в полное недоумение — Джилл и так пахла совершенно правильно, как и должна пахнуть Джилл.

Миниатюрность и совершенно очевидная незначительность доставленного по почте подарка только увеличили это недоумение, а когда Энн предложила Майку понюхать коробочку, тот окончательно понял, что делает ошибку: этот резкий запах ничем не напоминал Джилл.

Однако Джилл пришла от духов в восторг и бросилась своему щедрому пациенту на шею; целуясь с ней, Майк грокнул, что подарок все-таки правильный и что благодаря ему они с Джилл взрастили еще большую близость.

Духи произвели совершенно неожиданный эффект; за ужином выяснилось, что Джилл все равно пахнет как Джилл, но только еще восхитительнее. А уж совсем загадочным оказалось поведение Доркас, которая поцеловала Майку и прошептала: «Милый, этот пеньюар — просто чудо... но все равно, подари когда-нибудь и мне духи».

Майк не мог грокнуть — она же пахнет совсем не как Джилл, и духи ей не подойдут... да ему и не хотелось, чтобы Доркас пахла как Джилл, пусть Доркас пахнет как Доркас.

— Ты, кошка драная, — вмешался Джубал, — отстань от мальчонки, за столом нужно есть, а не лизаться. И нечего выцыгивать у Майка эту французскую вонь — от тебя и так несет, словно из марсельского борделя.

— А ты, начальник, не совал бы свой длинный нос куда не просят.

Везде сплошные загадки — и что Джилл может пахнуть еще сильнее, чем Джилл... и что Доркас хочет пахнуть как Джилл, когда она пахнет как Доркас... и что Джубал сказал, что Доркас — драная кошка. С кошками, а точнее, с одним котом Майк успел уже познакомиться. Кот этот проживал в усадьбе Джубала (не как домашнее животное, а в качестве совладельца). Иногда он приближался к дому и милостиво принимал какое-нибудь людское подношение. Кот и Майк отлично грокали друг друга; плотоядные мысли этого весьма самостоятельного

животного нравились Майку и казались вполне марсианскими. Он быстро выяснил, что имя кота (Фридрих Вильгельм Ницше) не настоящее, но никому об этом не рассказал, потому что не мог произнести настоящее имя, а только слышал его в голове.

Кот бывал иногда «драный», но ведь Доркас — совсем не драная и не похожа на кота ни размерами, ни цветом, ни запахом, ни голосом.

Давание подарков оказалось очень хорошим делом; кроме того, оно позволило Майку прочувствовать истинную ценность денег. Но ему хотелось грохнуть и многие другие вещи — и он о них не забывал. Джубал уже получил от сенатора Буна два письма — и дважды его вежливо отшил, никому о том не сообщая; Майк не тревожился, при его отношении ко времени «ближайшее воскресенье» совсем не являлось какой-то определенной датой. Однако следующее приглашение было адресовано прямо «мистеру Валентайну Майклу Смиту» — Верховный епископ Дигби не переставал дергать Буна, к тому же тот и сам уже догадывался, что Джубал тянет волынку.

Майк отнес приглашение Джубалу.

— Ну так что? — страдальчески поморщился Джубал. — Хочешь ты съездить к ним или не хочешь? Ты же, в общем-то, не нанимался — мы вполне можем послать их к чертовой бабушке.

В следующее воскресенье рано утром рядом с домом приземлилась машина с шашечками и живым водителем (Харшоу напрочь не доверял новомодным роботакси). Майк, Джубал и Джилл направлялись в принадлежащий Церкви Нового Откровения храм Архангела Фостера.

23

Всю дорогу Джубал пытался предостеречь Майка, однако Майк так и не понял, против чего именно. Он слушал каждое слово — но ведь проплывавшие внизу картины требовали

полного внимания, так что приходилось идти на компромисс и откладывать все услышанное в памяти.

— Слушай, сынок, — увещевал его Джубал, — эти самые фостериты — им же нужны твои деньги. Ну и конечно же престиж — вон, даже сам Человек с Марса и тот принял нашу веру. Они возьмутся за тебя всерьез — но ты держись.

— Прошу прощения?

— Кой хрен, да ты меня совсем не слушаешь!

— Извини, пожалуйста.

— Ну... давай попробуем так. Религия — большое утешение для большого числа людей; кроме того, нельзя отрицать возможности, что где-то там какая-то там религия является Абсолютной Истиной. Но очень часто религиозность человека — всего лишь способ потешить свое самомнение, не имея к тому ровно никаких оснований. Церковь, в которой воспитывали меня с детства, заверяла меня, что я — лучше большинства остальных, что я «спасусь», а они «будут прокляты», мы живем в благодати, а все остальные — «язычники» и «еретики». Вот, скажем, наш брат Махмуд для них — «язычник». Невежественные охламоны, мывшиеся раз, наверное, в год и сеявшие свою кукурузу по фазам Луны, — они имели наглость утверждать, что знают все ответы на главные вопросы мироздания. И это давало им право смотреть на чужаков сверху вниз. Мы пели гимны, полные дурацкого высокомерия, восхваляли фактически не Господа, а самих себя, — как это ловко мы к Нему примазались, как уютно устроились, и как высоко ценит Он нас, и что схлопочут все остальные, когда наступит Судный День. Мы, видите ли, обладали единственной подлинной — прямо от Лидии Пинкхэм, разновидностью...

— Ты что, Джубал, — вмешалась Джилл. — Он же ничего этого не грокает.

— Как? Простите, ради бога. Родители прочили меня в проповедники, это нет-нет да и сказывается.

— Что есть то есть.

— Понимаешь ты, с носу в рот. Знаешь, каким был бы я проповедником, если бы не прискорбная страсть читать книжки?

Имей я чуть-чуть побольше самоуверенности да хорошую дозу невежества — и пошел бы по этой стезе ой как далеко. Кой хрен, да вот это самое заведение, куда мы с вами летим, именовалось бы сейчас храм Архангела Джубала.

— Не надо, Джубал, — содрогнулась Джилл. — Ты что, хочешь, чтобы меня стошнило?

— А я ведь на полном серьезе. Жулик врет — и знает, что врет, сильно ограничивая тем свои возможности. А вот хороший шаман верит каждому своему слову, эта уверенность заразительна, что безгранично расширяет его возможности. Я же не имел достаточной веры в собственную непогрешимость, а потому никогда не смог бы стать пророком... только так, чем-то вроде критика, — третьесортным пророчишкой, правда со всеми маниями и заблуждениями, присутствующими в этой профессии.

Джубал помрачнел и на секунду смолк.

— Именно это и беспокоит меня в фостеритах, — продолжил он со вздохом. — Похоже, они несут свою чушь вполне искренне — а Майк на такое покупается.

— Ну и что же, думаешь, хотят они сделать?

— Обратить его в свою веру. А потом добраться до денег.

— А разве это возможно? Ты же вроде надежно их пристроил.

— Против его воли — невозможно. Более того, Майк и сам не смог бы просто так вот взять и раздать свое состояние — сразу вмешается правительство. Но вот пожертвовать его влиятельной церкви — это совершенно другой коленкор.

— Что-то не очень улавливаю разницу.

— В юридическом смысле, — горько усмехнулся Джубал, — религия — нечто вроде ничейной земли, вот так-то, милая. Церковь может делать абсолютно все, дозволенное любой другой организацией, — и притом без всяких ограничений. Она не платит налогов, не обязана публиковать свои финансовые отчеты, имеет практически полный иммунитет против обысков, проверок и контроля — и это притом, что церковь считается любая шарага, объявившая себя церковью. А из многочислен-

ных попыток провести разграничение между «настоящими» религиями, имеющими право на подобные поблажки, и «сектами» ничего путного не вышло и не выйдет — разве что ввести государственную религию. Способ, прямо скажем, радикальный — вроде как лечить от перхоти гильотиной. И по жалким лохмотьям Конституции Соединенных Штатов, и по Федеративному договору все церкви в равной степени неприкосновенны — особенно те из них, которые располагают приличным количеством голосов избирателей. Если Майк обратится в фостеризм — а потом напишет завещание в пользу своей церкви — а потом одним прекрасным утром «вознесется на небеса», — все это будет вполне законно, и никто не сможет ему помешать. Ведь мы же, как говорится, живем в свободной стране.

— Господи боже! А я-то считала, что теперь он в безопасности!

— На этом свете полной безопасности не бывает.

— Д-да... И что же ты намерен делать?

— Ничего. Буду сидеть и мандражировать.

Эту беседу Майк даже и не пытался грอกнуть, а прямо занес в память. Она касалась предмета, предельно простого в марсианской системе понятий — но в то же самое время поразительно скользкого и неуловимого, если говорить о нем по-английски. Нельзя переводить эту основополагающую марсианскую концепцию словами «Ты еси Бог», плохой перевод не позволил достигнуть взаимогроканья даже с братом Махмудом, а значит — нужно ждать. Ожидание неизбежно принесет плоды; брат Джилл изучает язык, вот выучит, и тогда ей можно будет объяснить. И тогда они будут грокать воедино. А пока Майк разглядывал восхитительные виды из окна такси, преисполненный восторженного ожидания. Он ждал и надеялся на встречу с человеческим Стариком.

Сенатор Бун встретил гостей прямо на посадочной площадке храма.

— Привет, ребята! Да пребудет на вас благословение Господа всемилостивейшего. Очень рад снова вас увидеть, мистер Смит. И вас, доктор, тоже.

Он вытащил изо рта сигару и взглянул на Джилл:

— А эта юная леди — вы, кажется, тоже были тогда во Дворце?

— Да, сенатор. Я Джиллиан Бордман.

— Вот так я, милая, и подумал, так я и подумал. Вы спасены?

— Н-ну, как вам... думаю, нет, сенатор.

— Никогда не поздно, ни-ког-да. Вы можете пройти во Внешний Храм, там сейчас состоится служба для ищущих, — я скажу кому-нибудь из стражей вас проводить. А мистер Смит и док проследуют в Святилище.

— Сенатор...

— Э-э, да, док?

— Если мисс Бордман нельзя в Святилище, мы, пожалуй, тоже ходим на службу ищущих. Она — медсестра и переводчица мистера Смита.

— Он что, — явно беспокоился Бун, — больной? А с виду так и не скажешь. И зачем ему переводчица? Он прекрасно говорит по-английски, я своими ушами слышал.

Джубал пожал плечами:

— Не то чтобы, однако, как его личный врач, я предпочел бы иметь под рукой медсестру. Мистер Смит не совсем еще адаптировался к нашей планете. Согласен, переводчица не обязательна. А почему бы вам не спросить *его самого*? Майк, ты хочешь, чтобы Джилл пошла с нами?

— Да, Джубал.

— Н-но... Хорошо, мистер Смит.

Бун снова удалил сигару изо рта, вставил на ее место два пальца и оглушительно свистнул:

— Херувима сюда!

Буквально через секунду рядом с ними возник подросток в короткой, непомерно широкой мантии, туго обтягивающих рейтузах, кроссовках и — с расprostертыми голубиными крылышками на плечах. У него были золотые кудряшки и лучезарная улыбка. Хорошенький до тошноты, мелькнуло в голове Джилл. Ну прямо что твоя кондитерская реклама.

— Слетай-ка в приемную Святейшего, — скомандовал Бун, — и скажи дежурному смотрителю, чтобы к воротам Святителища доставили еще один значок паломника — и сию же секунду. Пароль — Марс.

— Марс! — повторил херувимчик, по-скаутски отдал честь, а затем, не разбегаясь, прыгнул футов на шестьдесят, за пределы плотного кольца зевак.

Ясненько, подумала Джилл, зачем ему такая беременная хламида — чтобы прыгательное устройство не выпирало.

— С этими значками у нас строго, — объяснил Бун. — Вы не поверите, сколько тут околачивается грешников, желающих причаститься Радости Господней, не смыв с себя предвременно грехи. Чем так на одном месте ждать, давайте послоняемся, посмотрим, что тут к чему. Хорошо, что вы пораньше пришли.

Пробившись сквозь толпу, они миновали двери огромного храма и оказались в длинном высоком зале; тут Бун остановился.

— Не знаю, задумывались ли вы когда-нибудь, насколько в любом деле — даже в служении Господу — нужна торговая хватка. Любой турист, идет ли он на службу ищущих — они, кстати сказать, проводятся круглосуточно, — или просто бьет баклуши, обязательно проходит это помещение. И что же видит он здесь? Уйму возможностей испытать свою удачу. — Бун указал на слот-машины, ровными рядами вытянувшиеся вдоль обеих стен. — Бар и закусочная в самом конце, так что он и выпить даже не может, не столкнувшись с этим вызовом. И нужно очень уж закоснеть во грехах, чтобы пройти такой путь, не потратив монету-другую... Вы только не подумайте, что мы вытряхиваем из них деньги, ничего не давая взамен. Вот, посмотрите.

Бун с трудом протолкался к ближайшему «однорукому бандиту» и потрогал игравшую на нем женщину за плечо:

— Позволь, дочерь моя.

Женщина с фостеритскими четками на шее раздраженно вскинула голову — и тут же улыбнулась:

— Пожалуйста, епископ.

— Господь с тобой. Обратите внимание, — продолжил Бун, засовывая в прорезь четвертак, — что грешник обязательно получает благословение и сувенир с текстом из Писания — вне зависимости от выигрыша мирского.

Колеса машины крутились все медленнее и наконец замерли; в окошке появилась надпись: БОГ-ТЕБЯ-ВИДИТ.

— За это сочетание автомат платит три к одному, — заметил Бун, выгребая из лотка выигрыш. — А вот заодно и текст. — Он оторвал высунувшуюся из игрового автомата полоску бумаги и вручил ее Джилл: — Сохраните его, юная леди, и обдумайте на досуге.

Опуская бумажку в сумочку, Джилл скользнула по ней глазами. «Но чрево грешника преполнено грязью. — Н. О. XXII, 17».

— Обратите внимание, — все тем же голосом экскурсовода вещал Бун, — что выигрыш выдается не деньгами, а жетонами, а разменный киоск в самом конце, за баром... а там — уйма возможностей сделать пожертвование на благие дела. Так что грешник, скорее всего, не будет ходить далеко, а скормит свои жетоны тому же автомату — каждый раз получая новое благословение и новый текст. Кумулятивный эффект огромен! Да что там говорить, многие из самых верных агнцев нашего стада начинали именно с этого зала.

«Верные агнцы! — подумал Джубал. — По-нормальному говоря — послушные бараны».

— Ничуть не сомневаюсь, — сказал он вслух.

— Особенно если попадают на джекпот. Тут же как устроено, каждая комбинация выкидывает благословение, а джекпот — три Ока Святых. Знаете, когда вдруг человек видит три этих глаза, выстроившихся в ряд и прожигающих его взглядом, а тут еще на него прямо манна небесная сыплется — ему есть о чем подумать. Бывает, даже в обморок шлепаются. Вот, мистер Смит... — Бун протянул Майку один из выигранных жетонов. — Попробуйте счастье.

Майк стоял в нерешительности.

— Давайте я попробую, — вмешался Джубал. (Кой хрен! Только того и не хватало, чтобы мальчонка пристрастился к «одноруким бандитам»!) Не дожидаясь ответа, он взял металлический кругляш и сунул его в прорезь.

Майк слегка растянул свое время и теперь обследовал машину изнутри, пытаясь понять, что же такое она делает и чем так интересна. Играть он стеснялся.

Колеса завертелись, на каждом из них были написаны слова — и нарисован глаз. Интересно, что же такое «джекпот». Слово имело три значения, два из них вроде бы никак не подходили, а третье было абсолютно непонятным. Без всяких дурных намерений Майк притормозил колеса, а затем и совсем остановил — так, чтобы из окошек глядели глаза.

Зал огласился колокольным звоном, невидимый хор запел осанну, из замигавшей разноцветными лампочками машины хлынул щедрый металлический поток. Бун пришел в неописуемый восторг:

— Господь вас благослови! Ну, док, сегодня ваш день! А теперь, чтобы снять джекпот, нужно накормить ее еще раз.

Он взял один из выигранных жетонов и закинул его в автомат.

Майк, так и не уловивший смысла случившегося, снова выстроил глаза в ряд; события повторились — с той лишь разницей, что вместо прежнего деньгопада в лоток потекла жалкая — и почти сразу иссякающая — струйка. Глаза Буна удивленно расширились:

— Ну ничего себе... Да чтоб меня... благодатью осенило! Мало — это потому, что эта штука не должна, по идее, откалывать такие номера два раза подряд. Но я прослежу, чтобы вам выплатили оба выигрыша.

Машина проглотила очередную медяшку.

Однако Майк все еще не понимал, почему это называется «джекпот»; на совершенно ошеломленного Буна снова уставились три «Ока Господня».

— Прекрати сейчас же! — зловеще прошипела Джилл, стискивая руку Майка.

— Почему, Джилл? Я же смотрел...

— Замолчи. Прекрати — и все тут. Ну погоди, вот вернемся домой!..

— Я не совсем уверен, — медленно произнес Бун, — можно ли назвать это чудом. Скорее уж, там что-то сломалось. — Он повернулся к видневшемуся в конце зала бару и крикнул: — Херувима сюда! — а затем добавил: — Как бы там ни было, но этот, последний, нужно снять. — И скормил автомату еще один жетон.

Майк больше не вмешивался; остановившиеся колеса беззвучно возгласили: **ФОСТЕР-ТЕБЯ-ЛЮБИТ**. Машина задрожала, безуспешно пытаясь исторгнуть положенные десять жетонов.

— Счастливей день! — Подбежавший херувим был старше первого и черноволос. — Вам помочь?

— Три джекпота, — нехорошо взглянул на него Бун.

— *Три?*

— А ты что, музыку не слышал? Может, ты вообще оглох? Мы будем у стойки, неси деньги прямо туда. А механизму эту пусть кто-нибудь проверит.

— Есть, епископ!

— Уведу-ка я вас отсюда, — с преувеличенной жизнерадостностью сказал Бун, шествуя по Залу Счастья к бару, — а то еще немного — и наша церковь вылетит в трубу. А вы, док, всегда такой везунчик или только по воскресеньям?

— Всегда, — кивнул Харшоу, усиленно не глядя в сторону Майка.

Строго говоря, сказал он себе, откуда мне знать, может, мальчонка тут совсем ни при чем... и все равно, поскорее бы эта пытка закончилась.

Бун подвел их к стойке с табличкой «**ЗАНЯТО**».

— Вот тут будет вполне удобно — или наша юная леди хотела бы сесть?

— Не беспокойтесь. — (Назови меня еще «юная леди», и я спущу на тебя Майка!)

— Счастливый день, — широко улыбнулся мгновенно подлетевший бармен. — Вам, епископ, как обычно?

— Двойную. А что для вас, док? И для мистера Смита? Не стесняйтесь, не стесняйтесь, ведь вы — гости Верховного епископа.

— Спасибо, мне бренди. И воду.

— Спасибо, мне бренди, — эхом повторил Майк и добавил: — Воды, пожалуйста, не надо.

Конечно же, вода — не сущность ритуала, но все равно пить ее в этом месте как-то не хотелось.

— Вот это, я понимаю, квалификация! — с восторгом воскликнул Бун. — Ну и правильно, водой — ею только умыться хорошо, а пить нужно спирт. Это шутка. Усекли? — Он игриво ткнул Джубала пальцем в бок. — А что возьмет наша юная леди? Кока-колу? Молочко, чтобы щечки были розовыми? Или ради такого счастливого дня попробует, что же пьют эти противные взрослые?

— Сенатор, — с трудом себя сдерживая, процедила Джилл, — я не слишком напрягу ваше гостеприимство, если попрошу мартини?

— Ни в коем разе! Фостеритские мартини — лучшие в мире, без единой капли вермута. Мы их вместо этого благословляем. Двойной мартини для нашей юной леди! Благослови тебя Господь, сын мой, и чтобы туда-сюда на полусогнутых. Мы сейчас быстренько заложим по одной, потом отдадим дань уважения архангелу Фостеру и — прямо в Святилище, внимать речам Верховного епископа.

Бармен и херувим подошли почти одновременно. Бун благословил выпивку, а затем, когда стаканы опустели, начал настаивать, что все выигрыши — свыше трех сотен долларов — по праву принадлежат Джубалу. В конце концов тот устал сопротивляться и разрешил спор полюбовно — отправив деньги в чашу «для подношений по любви».

— Самый верный знак благодати, — одобрительно кивнул Бун. — Мы, док, вас еще спасем. Ну как, народ, еще по одной?

Джилл от всей души надеялась, что кто-нибудь согласится. Джин оказался не только второсортным, но и разбавленным, хотя и разжег в ее желудке теплый, уютный костер — притушив одновременно пламя ненависти. Однако предложение сенатора не нашло поддержки; тот вздохнул и повел своих гостей куда-то вверх, мимо предостерегающего знака: **«ИЩУЩИМ И ГРЕШНИКАМ ВХОД КАТЕГОРИЧЕСКИ ВОСПРЕЩЕН. ЭТО И К ТЕБЕ ОТНОСИТСЯ!»**

Коридор уперся в решетку огромной, плотно закрытой двери.

— Епископ Бун, — провозгласил епископ Бун, — и с ним три паломника, гости Верховного епископа.

Дверь медленно распахнулась; следуя за Буном, они миновали искривленный на манер аппендикса проход и оказались на пороге большого зала, обстановкой своей сильно смахивавшего на фешенебельное похоронное бюро. С этой унылой роскошью резко контрастировала веселенькая музыка, гремевшая из скрытых динамиков, — «Джингл беллз» с добавлением сложных, заводных африканских ритмов; Джилл чуть не начала пританцовывать.

Дальняя стена была сделана из удивительно прозрачного, почти неразличимого глазом стекла.

— Ну вот, ребята, — быстро, по-деловому сообщил сенатор, — мы и сподобились узреть Его. Паломники обычно коленапоклоняются, но это не обязательно, так что — как хотите. А вон там — Он... точь-в-точь такой, как перед Своим Вознесением. Здорово, правда? — Бун ткнул сигарой в направлении стеклянной стенки. — Ну совсем как живой. Сохраняется чудесным образом, плоть нетленна. Сидя в этом самом кресле, он писал свои Послания... да и поза та же самая, как когда его вызвали на Небеса. Его же даже пальцем не трогали — мы просто выстроили вокруг этого места храм... старую церковь пришлось, естественно, разобрать, но ее священные камни сохранились, все до единого.

Футах, наверное, в двадцати от них на троне — нет, это все-таки, пожалуй, было просто кресло — сидел старик. Действительно, как живой... На взгляд Джилл, он сильно напоминал

старого козла, которого она видела в детстве на ферме, — та же самая оттопыренная нижняя губа, те же длинные, лохматые бакенбарды, те же блестящие, выгнутые, пронизывающие тебя насквозь глаза. Джилл зябко поежилась; она предпочла бы находиться сейчас где-нибудь в другом месте, подальше от архангела Фостера.

— *Брат мой*, — сказал по-марсиански Майк. — *Это и есть Старик?*

— Не знаю, Майк. Если верить им, то да.

— *Я грокою неправильность.*

— Майк! Ты не забывай!

— Хорошо, Джилл.

— Юная леди, — вмешался Бун, — вы не могли бы сказать мне, о чем это он? Что вас там заинтересовало, мистер Смит?

— Да нет, ничего, ерунда, — быстро (пока Майк чего-нибудь не ляпнул) затараторила Джилл. — Сенатор, а можно я выйду? У меня голова что-то кружится.

Восседавший за стеклом, словно манекен в витрине, труп буквально притягивал ее взгляд; теперь над его головой клубились облака. Неожиданно сквозь облака пробился узкий сноп солнечного света; некоторое время он двигался — очень напоминая луч прожектора, нащупывающего цель, — и наконец остановился на козлиной физиономии. С изменением освещения лицо Фостера ожило, казалось, что эти выпуклые глаза и вправду смотрят.

— Ничего, — успокоил девушку Бун, — по первости так бывает. Вам бы лучше сходить в нижнюю галерею, которая для ищущих, — там смотришь снизу вверх, и музыка совсем другая. Тяжелая, печальная; я не специалист, но в ней вроде бы много инфразвуков — и все для того, чтобы напомнить им об ихней греховности. А здесь — Зал Радостных Мыслей, помещение для медитации, куда допускаются только верховные служители нашей Церкви. Я, например, как только почувствую себя плоховато — обязательно иду к архангелу Фостеру в гости; посижу здесь часок, сигарку выкурю — и все как рукой снимает.

— Я очень вас прошу!

— Да ничего, милочка, конечно, о чем разговор, идите, пождождите снаружи. А вы, мистер Смит, можете оставаться здесь сколько душе угодно.

— Сенатор, — решительно вмешался Джубал, — а не лучше ли нам всем посетить службу?

В коридоре Джилл начало трясти: все это время она страшно боялась — не дай бог, Майк сделает с жуткой мумией что-нибудь неподобающее, после чего всех их линчуют.

Завидев незнакомых людей, два стражника в пышных облачениях херувимов дружно скрестили копья, преграждая путь к вратам Святилища.

— Да вы что, ребята, — укоризненно покачал головой Бун. — Эти паломники — личные гости Верховного епископа. Где там, кстати сказать, ихние значки?

В дополнение к значкам стражники выдали ему бумажку с кодом, открывающим дверь, какую именно дверь — выяснилось через несколько секунд.

— Прошу вас, епископ. Сюда, пожалуйста, — почтительно произнес служка.

Широкая лестница привела их прямо к центральной, расположенной против сцены ложе.

Набрав номер, Бун распахнул дверь и отступил на шаг в сторону:

— Только после вас, юная леди.

С выбором мест произошла некоторая заминка, но Джубал решительно усадил Майка между собою и Джилл, а сенатора — тоже желавшего сидеть рядом с марсианским гостем — по другую сторону прохода.

Роскошную — с автоматическими, приспособляющимися по фигуре сиденьями, пепельницами и откидными столиками — ложу отделяло от алтаря не более сотни футов; она нависала футах в пятнадцати над головами прихожан в зале. Совсем еще молодой священник размахивал могучими мускулистыми руками и приплясывал в такт гремющей из динамиков музыке — разогревал, по всей видимости, толпу. Он то подпевал (густым, сочным басом) хору, то переходил на крик.

— Ну-ка, ну-ка, поживее! У вас что, задницы к стульям прилипли? Вот так вот будете кемарить — и сцапает вас диавол.

Гигантская змея, образованная уцепившимися друг за другом людьми, извивалась вдоль правого прохода, вдоль сцены, налево, а затем по центральному проходу назад.

Хрясть! Хрясть! Хрясть! — топали в такт резким, синкопированным звукам гимна сотни (или тысячи?) ног. Хрясть! Хрясть! Хрясть! — чуть не проламывали они пол, повинуясь взмахам сжатых в кулаки рук священника. Хрясть! Хрясть! А-а-а!.. Хрясть! Хрясть! А-а-а! Джилл почувствовала, что ритм ее затягивает, и — со смущенным удивлением — осознала, что охотно присоединилась бы к танцующим, которых становилось все больше и больше.

— Далеко парень пойдет, — одобрительно заметил Бун. — Главный священник получает от него толпу в таком накаленном состоянии, что плюнь — зашипит, уж я-то точно знаю, я тоже работал с ним на пару. Преподобный «Джаг» Джекермен был когда-то в «Рэмсах» левым крайним. Да вы должны его помнить.

— Увы, — огорченно пожал плечами Джубал. — Я совсем не слежу за футболом.

— Что, правда? А вот наши верные — во время сезона они остаются во храме и после службы — закусывают на скамейках и смотрят матч. Видите, вон там, за алтарем, там эта стена отходит в сторону, а за ней — самый большой в мире стереоящик. Сидишь себе и смотришь, лучше, чем из первого ряда. Качество изображения — дома такого в жизнь не получишь, да и вообще за компанию кто-то там вроде удавился. Шутка.

Бун резко, словно споткнувшись, смолк, а затем снова — как тогда, на посадочной площадке, — сунул пальцы в рот и свистнул:

— Хе-рувим! Сю-да!

В ложу влетел давешний служка:

— Да, епископ?

— Сынок, ты смылся так быстро, что я даже забыл сделать заказ.

— Извините меня, пожалуйста.

— Прощениями да извинениями на небо не вознесешься. Чем извиняться, ты, сынок, лучше пошевеливайся. Вспомни молодость и — бегом, на цырлах. Так что, ребята, повторим, что и в тот раз?

Сделав заказ, он добавил:

— Ну и еще десяток моих сигар — это спросишь у старшего по бару.

— Бегу, епископ!

— Благослови тебя Господь, сын мой... погоди! Стой здесь и никуда не дергайся.

«Голова» сплетенной из человеческих тел змеи приближалась к ложе; Бун перегнулся через барьер, сложил руки рупором и громко, стараясь перекрыть шум зала, крикнул:

— Дон! Эй, Дон!

Какая-то девушка подняла голову, поискала глазами ложу и улыбнулась; он помахал ей рукой.

— И виски-сауэр. Бе-гом!

Судя по скорости, с которой появились напитки, херувим не бежал, а самым натуральным образом летел; не заставила себя ждать и девица. Бун откинул для нее одно из сидений заднего ряда.

— А это, ребята, моя старая знакомая, мисс Дон Ардент — только вы не подумайте, что она и вправду старая, все как раз наоборот. Киса, вот эта юная леди, которая в углу, это мисс Бордман, а вот это — наш знаменитый доктор Джубал Харшоу.

— Правда? Доктор, да я ведь прямо обожаю ваши рассказы!

— Премного благодарен.

— Нет, правда! Я же каждый вечер ставлю какую-нибудь вашу пленку, под них так хорошо засыпается.

— Благодарю вас, — самым серьезнейшим образом поклонился Джубал. — Читательское признание — высшая для писателя награда.

— Уймись, Дон, — вмешался Бун. — А молодой человек, сидящий между ними... в жизнь не угадаешь, кто он такой. Мистер Валентайн Смит, Человек с Марса.

Глаза девушки стали большими и круглыми.

— Ой, мамочки!

Бун удовлетворенно расхохотался:

— Благослови тебя Господь, дитя мое! Вона, как я тебя сделал.

— А вы что, — повернулась девушка к Майку, — и *вправду* Человек с Марса?

— Да, мисс Дон Ардент.

— Называйте меня просто Дон. Ой, мамочки!

— А ты что, — похлопал ее по руке Бун, — не знаешь, какой это грех — сомневаться в словах отца своего духовного? Киса, а не хотела бы ты помочь нам привести Человека с Марса к Свету?

— Какой вопрос? Конечно же, с радостью!

(Да уж не сомневаюсь, подумала Джилл. Вот же сука поганая, ну прямо без мыла в жопу лезет.) В ней поднималась волна холодного бешенства. На мисс Ардент было непрозрачное матовое платье с длинными рукавами и почти без выреза — которое, однако, почти ничего не скрывало. Ткань, неотличимая по цвету от загорелой кожи, а под ней — Джилл готова была побожиться — ровно ничего, кроме этой самой кожи, ну и конечно же, прочих (весьма изобильных) прелестей. При всем при том, на общем фоне (одеяния большинства прихожан храма Архангела Фостера не скрывали вообще ничего) платье это казалось нарочито, даже вызывающе скромным.

Да, продолжала негодовать Джилл, видок еще тот. Ну прямо словно только что вывалилась из одной постели и очень торопится забраться в другую. К Майку. Да кончай ты, шлюха грошовая, трясти перед ним своими телесами!

— Знаешь, киса, — сказал Бун, — я посоветуюсь с Верховным епископом. А пока беги на место, возглавляй шествие. Джаг без тебя как без рук.

Девушка удалилась — плавно покачивая всем, чем только возможно.

— Отличная девка, — радостно сообщил Бун. — Вот вы, док, вы видели когда-нибудь ее на сцене?

— Скорее всего — нет. А что она там делает?

— Так вы что, даже не знаете?

— Увы.

— И даже не слышали ее имени? Это же Дон Ардент, самая дорогая стрип-герл во всей Баха-Калифорнии — вот кто. Ради нее мужчины на смерть идут. Работает под постепенно сужающимся лучом прожектора, к тому времени, когда она остается в чем мать родила, свет уже только на лице, и ничего другого не видно. Эффект — зашибись. И зрелище получается в высшей степени духовное. Вот вы бы разве сейчас, глядя на это нежное, прелестное создание, могли бы вы поверить, что она была когда-то очень аморальной женщиной?

— Не может быть.

— А вот именно что и была. Да вы спросите ее саму, она сама вам все расскажет. А еще лучше — приходите на очищение ищущих, я скажу вам, когда она будет работать. Она там исповедуется и кается — а это придает другим женщинам мужества рассказать о *своих* грехах. Она же, главное, лепит все, без утайки — и очень хорошо при этом себя чувствует, ведь помочь ближнему — самое большое счастье. Девушка очень трудолюбивая и обязательная, представьте себе — она преподает в воскресной школе и прилетает для этого к нам каждую субботу, уже запоздно, после последнего своего выступления. Хотите верьте, хотите нет, но с того времени, как она взялась вести курс «Счастье молодых мужчин», посещаемость его утроилась.

— А вот в *это* я охотно верю, — согласился Джубал. — Интересно только, насколько молоды эти счастливые молодые мужчины?

— Вот же старый прохиндей! — расхохотался Бун. — Нет, так дешево вы меня не купите — вам же, наверное, кто-то успел рассказать главный лозунг курса Дон: «Помолодеть никогда не поздно».

— Да нет же, я вполне серьезно спрашиваю.

— Вас туда пока не пустят, сперва нужно узреть Свет и пройти очищение. У нас же, паломник, Единственная Истинная Церковь, не в пример этим сатанинским ловушкам, этим

грязным вертепам разврата, которые имеют наглость называть себя «церквями», — с единственной целью завлечь неосторожных в сети идолопоклонства и прочих кощунственных извращений. К нам нельзя зайти просто вот так, убить пару часов, пока на улице моросит, — нет, сперва мы должны тебя *спасти*. Более того... ладно, потом — видите сигналы? Сейчас мы выходим в эфир.

Слева и справа от сцены с алтарем тревожно мигали красные лампочки.

— Они уже на Джаге уторчались до отпада, а сейчас тут такие дела пойдут, что вообще!

Приплясывающая змея проглотила почти уже всех прихожан; никто из немногих оставшихся на скамейках не сидел спокойно — все они хлопали в такт грохочущей музыке и подпрыгивали. Служители метались по залу, поднимая упавших; некоторые из этих последних — особенно женщины — наглядно демонстрировали все клинические симптомы эпилептического припадка: судороги, пена изо рта, белки закаченных под лоб глаз. Таких относили к алтарю и сваливали на пол, где они извивались и бились, словно вытащенные из воды рыбы. Бун указал дымящейся сигарой на женщину лет сорока в сильно разорванном платье, рыжую и худощавую:

— Видите вон ту? Она у нас Духом одержимая, вот уже целый, наверное, год с ней такое на каждой службе — прямо, знаете, как по расписанию. Иногда ее устами говорит сам архангел Фостер — ну уж тогда ее совсем не удержишь, четыре здоровых иподьякона едва справляются. Вот она-то точно готова, может вознестись хоть прямо сию секунду. Долить кому-нибудь? Имейте в виду, когда идет передача, так быстро, как в тот раз, заказ из бара не получишь.

Майк позволил долить свой стакан. В отличие от Джилл, он не испытывал к разыгрывающейся внизу сцене ни малейшего отвращения. Его очень огорчило, что долгожданный Старик оказался всего лишь испорченной пищей, однако странная эта ситуация гроканью не поддавалась, он отложил ее на потом, а сейчас пил сполна от царившего в зале неистовства.

Совершенно марсианское по глубинной своей сути, оно странным образом порождало одновременно и ощущение дома — и тоску по дому. Собственно говоря, ни одна частность этого действия даже и близко не была марсианской, однако Майк грокал в нем возвращение близости не менее подлинное, чем при ритуале воды; количество участников и накал их чувств ошеломляли, прежде он встречал такое разве что в родном гнезде. У него буквально ноги зудели от отчаянного — и безнадежного — желания присоединиться к этой бешеной пляске.

Потом Майк заметил внизу мисс Дон Ардент — а вдруг она его пригласит? Эту женщину не требовалось узнавать по размерам и цвету, хотя и это было бы просто — она ведь почти точно такого же роста, как брат Джилл, и почти той же формы. Но мисс Дон Ардент имела свое собственное лицо, под ее теплой, обаятельной улыбкой ясно, словно написанные крупными буквами, читались настоящие муки и скорби, настоящее взросление. Может быть, мисс Дон Ардент тоже станет его братом по воде — не обязательно сейчас, но потом, когда-нибудь. От сенатора епископа Буна веет чем-то таким, не очень приятным; хорошо, что Джубал отсадил этого человека подальше, — но вот зачем же прогнали отсюда мисс Дон Ардент?

Мисс Дон Ардент так и не взглянула вверх, а потом ее унесла толпа.

Стоявший на помосте человек поднял руки, и в огромной пещере стало тише. Затем он резко их опустил.

- Кто тут счастлив?
- **МЫ СЧАСТЛИВЫ!**
- Почему?
- **ГОСПОДЬ НАС ЛЮБИТ!**
- А откуда вы это знаете?
- **НАМ СКАЗАЛ ФОСТЕР!**

Человек упал на колени и поднял стиснутый кулак:

- Ну-ка, послушаем, как **ЛЕВ РЫЧИТ!**

Люди зарычали, заорали, завизжали, а тот, стоящий на коленях, размахивал кулаком, как дирижерской палочкой, и то увеличивал ярость тысячеголосого рева, то уменьшал, превра-

щая этот рев в хрипкое, еле слышное ворчание, — и снова доводил его до немыслимого крещендо, до грохота, от которого чуть не рушился потолок. Майк буквально купался в хлеставшем снизу потоке эмоций; на какой-то момент он даже испугался, что не сможет выдержать остроты экстаза и будет вынужден удалиться. Однако Джилл говорила, что это можно делать только в собственной своей комнате, поэтому Майк взял себя под контроль, и теперь волны чужих чувств лишь омывали его поверху, не проникая вглубь.

Человек на помосте встал.

— Спонсором первого нашего гимна, — четко проговорил он, — является хлебопекарная фирма «Манна небесная», производящая Ангельский Хлеб, белый, как ангельские крылья, с улыбающимся лицом нашего Верховного епископа на каждой обертке и ценным премиальным купоном — под ней. Купоны принимаются во всех храмах Церкви Нового Откровения. Братья и сестры, я счастлив вам сообщить, что не далее как завтра фирма «Манна небесная», имеющая отделения по всей нашей стране, начинает грандиозную дешевую распродажу предравноденственных товаров. Пусть ваш ребенок шагает в школу с большой коробкой кексов «Архангел Фостер», каждый из которых получил благословение и помещен в обертку с тем или иным поучительным текстом, — и возносите молитвы свои Господу, чтобы каждый кекс, подаренный им греховному однокласснику, помог этому несчастному хоть на маленький шагочок приблизиться к Свету... Ну а теперь — взбодримся святыми словами нашего старого, любимого гимна «Архангела дети»! Ну — вместе...

Вставайте на битву,
Архангела дети,
Вставайте на битву
С проклятым врагом!
Господь — наше знамя,
А вера — меч острый,
И грешников вдребезги
Мы разнесем!

Майк был в таком восторге, что даже и не пытался прокатать текст. При чем тут слова, суть совсем не в них, а во возвращении близости. Процессия прихожан снова зазмеилась по проходам, мощный, многоголосый хор почти заглушал льющуюся из динамиков музыку.

За гимном последовали объявления, Небесные Вести, еще одна реклама и раздача входных призов. Далее, с неменьшим энтузиазмом, был исполнен второй гимн, «Поднимем счастливые лица», спонсор — сеть «Универмаги Даттельбаума», «обеспечивающая Спасенным Безопасный Шопинг»; в универмагах продавались товары либо спонсируемые, либо не имеющие спонсируемых аналогов (то есть не составлявшие спонсорам конкуренции), а детей можно было оставлять в Комнатах Счастья, на попечение Спасенных Сестер.

Священник вышел на самый край сцены, приложил правую ладонь к уху и сделал вид, что старательно прислушивается.

— Мы — хотим — *Дигби!*
— Кого-кого?
— Мы — хотим — ДИГ-БИ!
— Громче, громче, что-то я вас не слышу!
— Мы — ХО-ТИМ — ДИГ-БИ! — (Хлоп-хлоп-хлоп, хрясть-хрясть!) — МЫ-ХО-ТИМ-ДИГ-БИ! — (Хлоп-хлоп-хлоп, хрясть-хрясть!)

Ритмический грохот все нарастал и нарастал, от него уже тряслись стены. Джубал наклонился к Буну:

— А не сделают ваши ребята со своим собственным храмом того, что Самсон — с филистимлянским?

— Ни в коем разе, — не вынимая сигары изо рта, заверил его Бун. — Лучший железобетон, поддерживаемый верой. Это специально так сделано, чтобы стены могли трястись. Очень способствует.

Свет в зале потускнел и совсем погас, занавес раздвинулся, представив взорам собравшихся Верховного епископа — окруженного ослепительным ореолом, благосклонно улыбающегося, приветственно взмахивающего над головой руками, сцепленными в боксерском приветствии.

Встреченный «львиным рычанием», Дигби начал посылать в зал воздушные поцелуи. По пути к кафедре он остановился около женщин, так и продолжавших биться в судорогах, приподнял одну из них, поцеловал ее, бережно опустил на пол, двинулся было дальше, задержался снова и встал на колени рядом с той самой худой рыжей одержимой, про которую рассказывал Бун. Не говоря ни слова, даже не оборачиваясь, он протянул руку назад и мгновенно получил от подбежавшего иподьякона микрофон.

Обняв женщину за плечи, он поднес сетчатый шарик к самым ее губам.

И женщина заговорила, похоже — не по-английски, во всяком случае Майк ничего не понимал.

Слова рвались из ее рта торопливо и невнятно, мешаясь с обильными пузырями пены; как только поток этот на мгновение стихал, Верховный епископ начинал переводить.

- Архангел Фостер... с нами.
- Он вами доволен. Поцелуй свою сестру справа...
- Архангел Фостер вас любит. Поцелуй свою сестру слева...
- Он хочет передать послание. Одному из вас.

Женщина заговорила снова, но на этот раз Дигби неуверенно замялся.

- Что ты сказала? Громче, милая, громче.

Очередное неразборчивое бормотание, а затем — громкий, истошный вопль.

Дигби поднял лицо и понимающе улынулся:

- Вот оно что. Его послание обращено к паломнику с другой планеты — к Валентайну Майклу Смиту, Человеку с Марса!
- Где ты, Валентайн Майкл?! Восстань!
- Дешевле будет не устраивать скандала, — проворчал Джубал, заметив, что Джилл вцепилась в руку Майка. — Пусть встанет. Помашите им, Майк. А теперь садись.

Майк послушно выполнил все приказы. К его крайнему удивлению, толпа начала скандировать:

- Че-ло-век с Мар-са! Че-ло-век с Мар-са!

Всю свою проповедь Дигби посвятил Майку — который так этого и не понял. Слова были вроде бы и английскими, но

сочетались они как-то странно и неправильно, к тому же непрерывные аплодисменты и выкрики «Аллилуйя!», «Счастье!» привели его в окончательное смущение.

Закончив проповедь, Дигби передал дальнейшее ведение службы все тому же молодому священнику и ушел; Бун встал и потянулся:

— Пошли, ребята, а то сейчас толпа повалит.

Майк вышел из ложи последним, крепко держась за руку Джилл.

— Это что, к посадочной площадке? — поинтересовался Джубал, когда сенатор свернул в какой-то незнакомый, со сводчатым расписным потолком коридор. — А то мое такси так и ждет.

— Чего? — обернулся Бун. — Ну да, стоянка прямо впереди. Но сперва мы встретимся с Верховным епископом.

— С епископом? — насторожился Джубал. — Нет, спасибо, нам уже пора домой.

— Да вы понимаете, доктор, — осуждающе покачал головой Бун, — что вас ждет сам *Верховный епископ*? Проигнорировать приглашение будет просто невежливо, ведь вы — его гости.

— Н-ну... — Джубал понимал, что всякое сопротивление бесполезно. — Надеюсь, там не будет слишком уж много людей? А то мальчонка и так перевозбудился.

— Да никого там не будет, — успокоил его Бун, — только сам Верховный епископ, и всё. Приватная аудиенция.

Через несколько секунд, после короткого подъема на лифте, спрятанном в закутке за лепниной, они стояли посреди просторной гостиной (значительная часть одного из этажей храма была отведена под квартиру Верховного епископа).

Распахнулась дверь, и в комнату торопливо вошел Дигби. Теперь на нем была не ряса, а легкая, развевающаяся мантия. И он улыбался — широкой, искренней улыбкой абсолютно счастливого человека.

— Простите, ребята, что заставил вас ждать — после проповеди всегда приходится ополоснуться. Да и то сказать, легко ли сражаться с Сатаной, тут с тебя не семь, а семьдесят семь

потов сойдет. А вот это, значит, и есть наш Человек с Марса? Благослови тебя Господь, сын мой. Добро пожаловать в Обитель Божью. Архангел Фостер просил передать, чтобы ты чувствовал себя здесь как дома. Он смотрит на тебя с Небес.

Майк растерянно молчал. Джубала поразило, каким маленьким оказался в действительности Дигби, столь величественный на сцене (именно на *сцене*, какой там храм, какой алтарь). Интересно, что это у него, десятисантиметровые подошвы? Или просто такое освещение? Если отвлечься от козлиной бородки (дань подражания Фостеру), этот человек был точь-в-точь похож на типичного торговца подержанными машинами — та же ослепительная, во все тридцать два зуба, улыбка, та же прилипчивая радушность. Но он напоминал Джубалу и еще кого-то, кого-то конкретного, хорошо знакомого... ну точно! «Профессор» Симон Магус, покойный супруг Бекки Визи. Джубал даже немного оттаял и взглянул на Дигби другими глазами; что ни говори, Симон если и был мошенником, то мошенником очень симпатичным, даже очаровательным.

Тем временем «Верховный епископ» переключил всю мощь своего очарования на Джилл.

— Только не надо, дочь моя, вставать на колени — мы же тут все друзья, в частной, уютной обстановке.

К полному удивлению Джилл, дальнейшая беседа показала, что Дигби удивительно хорошо осведомлен обо всей ее жизни.

— И знай, дочь моя, что выбранная тобой стезя вызывает у меня глубочайшее уважение. Как учит архангел Фостер, Господь заповедовал нам ублажать плоть, чтобы дух наш мог стремиться к свету безо всяких забот и помех. Знаю, знаю, что ты еще не одна из нас... и все равно служение твое благословенно в Боге. Каждый из нас, странников, восходит к Господу по своей тернистой тропе, но в Его глазах все наши тропы — единый Путь.

— Это и к вам, доктор, относится, — повернулся он к Джубалу. — «Будьте счастливы», — заповедовал нам архангел Фостер... а как часто, утомившись бесконечной заботой о пастве, обессиленно откладываю я свой посох и провожу счастливые минуты над каким-нибудь из ваших рассказов — и получаю

неизмеримое облегчение, встаю из-за стола освеженный, готовый к новой борьбе.

— М-м-м... большое спасибо, епископ.

— Не подумайте только, что я говорю так из пустой, суетной «вежливости». Я проверял ваше Небесное досье... ну это, собственно, не так уж и важно, главное — теперь я знаю, что вы — неверующий. Ничего страшного, Сатана и тот имеет свое место в промысле Господнем. Значит, не пришло еще время вам уверовать. Из горестей своих и боли сердечной вы сплетаете счастье для ближних своих. Это ясно сказано на вашей странице Великой Книги Добра и Зла. Нет, погодите, пожалуйста! Я позвал вас сюда совсем не для богословских споров. Мы никогда и ни с кем не спорим, мы ждем и возносим молитвы, чтобы человек узрел Горний Свет, — а затем, с ликованием сердечным, принимаем его в свои объятия. А сегодня мы просто проведем часок вместе, в радости и веселье.

Нужно отдать Дигби справедливость — принимать гостей болтливый мошенник умел; кофе, закуски и выпивка оказались великолепными. Майк заметно нервничал, особенно когда хозяин дома отвел его в сторону для какого-то тет-а-тета, но кой хрен, подумал Джубал, не может же мальчонка так всю жизнь и быть дичком, пускай привыкает к людям.

Так что адвокат Харшоу благодушеествовал — с ехидным удовольствием наблюдал за Джилл, которую Бун потащил смотреть разложенные под стеклом вещи покойного (или поихнему так говорить нельзя?) Фостера, не забывая при этом намазывать тост паштетом из гусиной печенки. Затем он услышал щелчок закрывающейся двери и обернулся. Ни Майка, ни Дигби в комнате не было.

— А вы не знаете, сенатор, куда это они ушли?

— Вы это про что?

— Епископ Дигби и мистер Смит. Где они?

Казалось, Бун только сейчас заметил, что в гостиной кого-то не хватает. Он посмотрел на закрытую дверь.

— А, ну это они на минутку уединились. Там у Верховного епископа келья для личных бесед. Да вы же сами туда заходили — ну, когда он показывал квартиру.

— М-м-м... да.

В этой комнате имелось ровно два предмета обстановки — стоящее на возвышении кресло (скажем уж лучше — трон, внутренне ухмыльнулся Джубал) и коврик для коленопреклонения. Интересно, кто же это из них усядется на трон, а кто угнездится на полочке? И вот же будет потеха, если этот бу-тафорский епископ втянет Майка в богословскую дискуссию, старика кондрашка может хватить.

— Надеюсь, они пробудут там не слишком долго. Нам действительно пора прощаться.

— Думаю, нет. Наверное, мистеру Смиту захотелось поговорить без посторонних. Этого многим хочется, и Верховный епископ щедро делится своим драгоценным временем. Слушайте, я знаю что сделаю, я скажу, чтобы ваше такси перенесли к концу того коридора, где мы сиделись в лифт, — там специальный личный выход Верховного епископа, вот минут десять и сэкономите.

— Весьма с вашей стороны любезно.

— А торопить мистера Смита было бы неловко, вдруг он хочет исповедаться. Так я выйду на секунду и позвоню на стоянку.

Бун вышел.

— Не нравится мне это, — встревоженно сказала Джилл, как только за ним закрылась дверь, — эти жулики нарочно все подстроили.

— Только сейчас догадалась?

— Они не имеют права! Вот пойду сейчас и скажу Майку, что нам пора идти.

— Как знаешь, — пожал плечами Джубал, — но только не понимаю я, чего это ты так над ним трясешься. Он с эсэсовцами без проблем справился. А эти жулики грубой силы применять не станут, они тоньше работают, лаской да лестью. — Он улыбнулся. — Боишься, что Дигби обратит малое дитяtko в свою дурацкую веру? Так это неизвестно еще, кто кого обратит, — поколебать убеждения Майка не так-то и легко.

— Легко там или нелегко, а мне тревожно.

— А ты расслабься. Поешь вот.

— Не хочу я ничего есть.

— Не хочешь — не надо, но если я откажусь поесть на халву, меня тут же выкинут из Гильдии авторов.

Он положил на хлеб с маслом виргинскую ветчину, нарезанную тончайшими лепестками, навалил сверху еще целую кучу всякой снеди — натуральной, никакой синтетики, — откусил от получившегося зиккурата кусок и стал его трудолубиво пережевывать.

Прошло еще десять минут; Майк и Дигби не появлялись, пропал и «вышедший на секунду» Бун.

— Джубал, — резко сказала Джилл, — все, я забуду о хороших манерах и пойду вытаскивать Майка.

— Валяй.

Джилл встала и решительно двинулась к двери.

— Тут заперто!

— Как я и предполагал.

— Так что же тогда делать? Взламывать?

Джубал окинул дверь оценивающим взглядом.

— М-м-м, имей мы под рукой таран и два десятка здоровых мужиков — можно бы и попробовать. Дверка не хуже, чем в хорошем сейфе.

— И что же делать?

— Постучись, если очень уж не терпится, а я посмотрю, за что там зацепился этот самый Бун.

Открыв ведущую в коридор дверь, Джубал столкнулся с предметом своих поисков лицом к лицу.

— Вы уж меня как-нибудь простите, никак было этого чертова херувима не найти, — начал с жаром оправдываться Бун, — ушел, видите ли, в комнату Счастья, поесть ему, видите ли, захотелось... Но вы не волнуйтесь, такси вас подождет.

— Сенатор, — остановил его Джубал, — нам пора идти. Не будете ли вы добры напомнить об этом епископу Дигби?

— Я могу, — заволновался Бун, — позвонить, если вы так уж настаиваете, но прерывать личную беседу своим появлением — это просто немыслимо.

— Ну так позвоните.

Бун неловко замялся, но тут из неожиданно распахнувшейся двери вышел Майк.

— Майк! — чуть не взвизгнула Джилл, увидев его лицо. — Что они с тобой сделали? Ты в порядке?

— Я сообщу Верховному епископу, что вы нас покидаете, — Бун исчез в соседней комнате, чтобы тут же вернуться. — Никого нет! — развел он руками. — Подобно кошкам и кухаркам, верховные епископы уходят не прощаясь. Шутка. Он говорит, что все эти «до свидания» ничего не прибавляют к счастью. Вы уж, пожалуйста, не обижайтесь.

— Ни в коем случае. Огромное вам спасибо за в высшей степени интересно проведенный день. Нет, не провожайте, мы уж как-нибудь сами.

24

— Ну и что же ты, Майк, обо всем этом думаешь? — спросил Джубал, как только машина поднялась в воздух.

Майк нахмурился:

— Никак не грокнуть.

— Вот и мне тоже. А что там говорил епископ?

Майк молчал; прошли десять секунд, двадцать...

— Брат мой Джубал, мне нужно поразмыслить, чтобы пришло гроканье.

— Валяй, сынок, размышляй.

— Одного я только, Джубал, не понимаю, — горячо заговорила Джилл. — Каким образом все это сходит им с рук?

— Что именно?

— Да все, от начала до конца. Это же не церковь, а какой-то сумасшедший дом.

Тут пришлось помолчать Джубалу. Поразмыслив, он ответил:

— Вот тут-то ты как раз и ошибаешься. Фостеритская лавочка — самая настоящая церковь... а заодно — прекрасный пример современной эклектики, доведенной до логического конца.

— Чего-то я тебя...

— Все эти «новые откровения» — старые погудки, и даже не на очень новый лад. Ни у Фостера, ни у Дигби не было и нет за душой ни одной оригинальной мысли, зато они очень хорошо понимали, что в наше время пользуется большим спросом. Они просто сляпали вместе несколько древних как мир трюков, подкрасили их наново, да поярче, и пошли с этим товаром на рынок. И торговля пошла — зашибись. И какое, собственно, нам дело, только вот не дожить бы мне до того времени, когда эта штука станет обязательной.

— Да нет, уж такого-то никогда не будет.

— Не будет, говоришь? Ты уверена? Гитлер начинал с гораздо меньшего, да и товар у него в лавке был, прямо скажем, заваливающий — ненависть, которая поначалу идет бойко, да быстро надоедает. А здесь покупателю предлагается *счастье*, продукт, имеющий постоянный, устойчивый спрос. Ты уж поверь мнению специалиста, ведь я и сам занимаюсь примерно таким же мошенничеством — о чем, конечно же, не преминул напомнить мне Дигби. Врезать бы ему тогда, конечно, — покачал головой Джубал, — но драгоценный наш «епископ» сумел сделать так, что проглотил я все и не поморщился. Умный мужик, потому-то я его и боюсь. Знает, поганец, чего хотят люди. Счастья. Мир натерпелся вдосталь, целое столетие он не знал ничего, кроме ужаса, вины и страданий, — а тут выходит на сцену такой вот Дигби и заверяет всех присутствующих, что им абсолютно нечего бояться, ни в жизни дольней, ни в горней, что сам Господь Бог настоятельно рекомендует им быть счастливыми. День за днем он вбивает им в головы одно: «Не-бойся, будь-счастлив».

— Ну, — согласилась Джилл, — в общем-то так, и он использует все, какие есть, допустимые способы. Однако...

— Чушь и плешь! Он использует все, какие есть, недопустимые способы.

— Не знаю, на меня лично он произвел впечатление человека искренне верующего, он же пожертвовал буквально всем, чтобы...

— Чушь, как было уже сказано выше, и плешь! Дигби играет на публику. Так называемый «альтруизм» — худшая из всех бесчисленных бессмыслиц, уродующих наш несчастный мир. Каждый человек делает то, что ему нравится, и ничего кроме. Если ему больно сделать выбор, если его выбор выглядит со стороны как жертва — можешь быть уверена, что благородства тут ничуть не больше, чем в затруднениях жадюги, поставленного перед необходимостью выбрать одну из двух вещей, когда ему до смерти хочется иметь обе. Обычный, рядовой мужик, он что, не страдает, когда приходится выбирать — пропить ли ему получку или принести домой, жене и детям, идти утром на работу, которая обрыдла ему по это самое место, или послать ее подальше и сесть на пособие? Вот он и выбирает, что именно принесет ему меньше страданий — или, если хочешь, больше удовольствия. И всю жизнь этим выбором мается. Ровно в той же ситуации находятся и крупный прохвост, и святой, просто *их* выбор несколько масштабнее — что совершенно не меняет его сути. Вот тут-то мы и подошли к нашему «епископу». Прохвост он там или святой, но уж затравленным-то мучеником за веру этого типа не назовешь.

— А как ты думаешь, кто он все-таки такой?

— А что, есть какая-нибудь разница?

— Брось, Джубал, я прекрасно знаю, что весь твой цинизм — напускной. Разница есть, и огромная.

— М-м-м-да, пожалуй, что есть. Будем надеяться, что он негодяй, со святыми мороки еще в сто раз больше. Если хочешь, можешь и это назвать «цинизмом», обозвать чужое мнение нехорошим словом — совсем не значит его опровергнуть. Ладно, скажи мне лучше, что тебе особенно не понравилось в тамошних действиях?

— Н-ну... да *все* не понравилось. Ведь не будешь же ты меня уверять, что это настоящее богослужение.

— Иными словами, там все было совсем не так, как в Маленькой Коричневой Церкви, куда тебя водили сопливой девочкой? Мужайся, Джилл, я сообщу тебе страшную тайну. В соборе Святого Петра тоже все совсем не так. И в Мекке.

— Да, но, как бы то ни было, ни там, ни там нет *такого*! Танец-змейка... игровые автоматы... даже бар! Во всем этом ни грана величия, благородства.

— Думаю, храмовая проституция выглядела тоже не очень величественно.

— Что-что?!

— Можно смело полагать, что животное о двух спинах столь же комично в храме, сколь и при обстоятельствах более ординарных. А что до танца — приходилось тебе когда-нибудь присутствовать на богослужении шейкеров? Я вот тоже не успел, что лишний раз доказывает — церковь, косо глядящая на половые сношения, долго не протянет. А танцы во славу Божью — одна из древнейших в мире традиций. Артистизма там никакого не требуется — вряд ли шейкеров пустили бы на сцену Большого театра, — достаточно иметь энтузиазм. Или, может, тебе и индейский танец дождя кажется кошунственным?

— Это совсем другое дело.

— А любое дело — совсем другое, чем больше оно меняется, тем больше остается тем же самым. Что же касается «одноруких бандитов» — ты не видела, случаем, как в церквях играют в бинго?

— Д-да. Наш приход собирал таким образом деньги на взносы по закладной. Но ведь это только в пятницу, по вечерам, — и уж всяко не во время службы.

— Подумать только, какая праведность. Похоже на ту добродетельную жену, которая спала с другими мужчинами исключительно тогда, когда мужа нет дома.

— Джубал, это даже и сравнивать нельзя!

— Вполне возможно. Аналогия — орудие еще менее надежное, чем логика. И все равно, юная леди, как бы вы...

— Хоть бы улыбнулся, когда такое говоришь.

— Шутка. Да пойми ты, Бун бы стерпел, даже если б ты в него плюнула. Потому что Дигби ему велел сносить любые наши выходки. Джилл, что грешно в воскресенье, то грешно и в пятницу, во всяком случае — мне так грохается. Да и Человеку с Марса, скорее всего, — тоже. Единственная различимая

глазом разница состоит в том, что фостериты дают тебе абсолютно бесплатно — и даже в случае проигрыша — текст из Писания. А вот ваши пятничные игрища — могли они таким похвастаться?

— Липовое писание. Это же тексты из «Нового Откровения». Слушай, начальник, а ты-то читал эту штуку?

— Читал.

— А тогда должен и сам прекрасно все понимать. Грошовая стилизация под Библию. Половина там — сладкие слюни на сахаре, вторая половина — чушь собачья, а встречаются и просто мерзости. И смысла никакого, один разврат.

Джубал замолк так надолго, что Джилл подумала, не заснул ли он.

— Джилл, — сказал он наконец, — а с индуистскими текстами ты знакома?

— Боюсь, что нет.

— А с Кораном? Ну хоть с каким-нибудь из главных нехристианских писаний? Собственно говоря, я могу проиллюстрировать свою точку зрения и библейскими примерами, боюсь только оскорбить твои нежные чувства.

— Ничего ты не оскорбишь.

— Ладно, я воспользуюсь Ветхим Заветом, за него, как показывает опыт, люди дрожат поменьше. Помнишь, как Яхве сокрушил божественной атомной бомбой Содом и Гоморру, эти обители порока, и каким образом спасся оттуда Лот?

— Конечно. А его жена превратилась в соляной столп.

— Ага, из-за радиоактивных осадков. Замешкалась и оглянулась. По-моему, слишком уж суровый приговор, адвоката у нее хорошего не было. Но мы не о ней, а о муженьке, о Лоте. Согласно описанию Петра, Лот — муж справедливый, праведный и богобоязненный, которого вконец достали похабные разговорчики порочных соседей. Трудно спорить с таким авторитетом по части добродетели, как апостол Петр, не зря же ему доверили ключи от Царства Небесного. Однако трудно и понять, что же именно делает Лота таким уж идеалом добродетельности? Поделил, по предложению своего брата, пастбища.

Попал во время битвы в плен. Смылся, спасая собственную шкуру, из обреченного города. Ну, еще приютил и накормил двоих незнакомцев, однако в данном случае все поведение Лота показывает — он прекрасно понимал, с какими крупными шишками имеет дело, а хоть по Корану, хоть по собственному моему соображению, данное гостеприимство стоило бы гораздо большего, считай он их обычными подзаборными бродягами. Кроме этих незначительных фактов и блестящей, словно при представлении к ордену, характеристики, выданной ему Петром, в Библии есть один-единственный момент, по которому мы можем судить о добродетельности Лота — добродетельности настолько ослепительной, что божественное вмешательство свыше спасло ему жизнь. Смотри Книгу Бытия, глава девятнадцатая, стих восьмой.

— И что же там сказано?

— Прочитай сама. Боюсь, ты мне не поверишь.

— Джубал, ты совершенно возмутительный тип!

— А ты — очень хорошенькая девушка и готовишь неплохо, и это извиняет твое невежество. Хорошо, но потом ты все-таки почитай. Соседи Лота начали к нему стучаться, им хотелось посмотреть на этих мужиков, невесть откуда появившихся в городе. Лот не стал особенно возникать, а прямо предложил сделку. У нашего святого были две дочки. Девственницы, если верить его словам. И он сказал этим гопникам, что отдаст им своих девочек, чтобы шобла использовала их по своему разумению; ты и сама прекрасно понимаешь, какое у шоблы бывает разумение. Он буквально умолял: «Я их вам выведу, возьмите их, делайте с ними что угодно, только перестаньте барабанить в мою дверь».

— Джубал... там что, действительно так и написано?

— Язык я немного осовременил, но никаким иным образом эту недвусмысленную, как подмигивание шлюхи, историю не истолкуешь. Взамен на обещание не ломать дверь банда мужиков — «от молодого до старого», как сказано в Библии, — получила двух невинных девушек, с совершенно очевидными для последних последствиями. Па-слушай, — неожиданно просиял

Джубал, — а чего же я-то, дурак! Нужно было и мне последовать доброму примеру, когда эти эсэсовцы ломали *мою* дверь. Может, тоже попал бы в рай, потому что святой Петр меня просто так не пустит. Да нет, — помрачнел он, — в инструкции указано совершенно точно — «которые не познали мужа», так что я бы не знал, кого из вас можно предлагать, а кого нет.

— Вона до чего он договорился! От меня ты не узнаешь ровно ничего, и не надейся!

— Да от вас и так никогда и ничего не узнать! С другой стороны, Лот ведь тоже мог ошибаться. Но обещал он именно это: своих юных, нежных, невинных — и перепуганных, думаю, до смерти — дочек... отдавал их банде погромщиков на растерзание — и все лишь затем, чтобы те оставили *его* в покое! А потом, — презрительно фыркнул Джубал, — Библия называет такого вот ублюдка «праведником».

— Насколько мне помнится, — неуверенно сказала Джилл, — в воскресной школе все это излагали несколько иначе.

— Кой хрен, да ты взяла бы сама и посмотрела! И это — далеко не единственное потрясение, которое ожидает человека, решившего *прочитать* Библию. Вот, скажем, Елисей. Елисей, настолько сочащийся святостью и, я уж не знаю, чем там еще, что мертвец, которого ненароком свалили на его давно побелевшие кости, вскочил как востряпанный. Старый плешивый прохиндей, вроде вашего покорного слуги. И вот однажды детишки начали измываться над его плешью — примерно так же, как вы, заразы, делаете это со мной. И тогда Господь вывел из леса двух медведиц, и сорок два ребенка были разодраны в кровавые ошметки. Смотри вторую главу Четвертой книги Царств.

— Я никогда не измывалась над твоей плешью.

— Да? А кто выслал мой адрес этим шарлатанам, обещающим вырастить шевелюру хоть на бильярдном шаре? Доркас, что ли? Ладно, кто бы из вас это ни сделал — Господь все сверху видит, так что пусть она ходит теперь и оглядывается на предмет медведиц. А я впаду в маразм и буду наслаждаться

божественным вмешательством. Все, хватит с тебя примеров. Такое вот в Библии буквально на каждой странице. Тошнотворнейшие преступления, совершенные, видите ли, по Велению Свыше — либо великодушно Господом прощенные... вперемежку, нужно признать, с хорошими уроками житейского здравого смысла и вполне работоспособными принципами организации общества. Не подумай только, что я как-то там принижаю достоинства Библии. «Священные писания» индуизма — это вообще садистское, порнографическое чтиво, и в подметки не годящееся нашей Книге. То же самое относится и к десяткам других религий. Но я ведь и их ничуть не осуждаю, никак нельзя исключать, что одна из этих мифологий — истинное Слово Господне... что Господь и вправду жуткий параноик, не моргнув глазом разрывающий в клочья детей, малость посмеявшихся над Его служителем. Не спрашивай меня, как там и что в Главной Конторе, я человек маленький. Сижу на своем рабочем месте, делаю что велено, получаю по пятницам зарплату и знать ничего не знаю. Все, чего ты тут сейчас наслушалась, это просто к тому, что, по меркам священных писаний, «Новое Откровение» Фостера, которое тебя так возмущает, — текст абсолютно вегетарианский и вообще — просто конфетка. Божественный патрон епископа Дигби — свой парень; он хочет, чтобы люди были счастливы, обещает им счастье земное плюс вечное блаженство на небесах. И он не требует, чтобы верующие смиряли плоть свою. Ни в коем разе; товар продается «в крупной расфасовке, обеспечивающей хозяйке огромную экономию». Вам нравится пить, играть в азартные игры и тискать баб? Да за ради Бога — Бога с большой буквы, в прямом смысле, а не в переносном, — идите в церковь и развлекайтесь себе на здоровье, под святым патронажем. Не надо никаких угрызений совести. Делайте все это весело и без оглядки! Живите полной жизнью! Радуйтесь!

Однако на лице самого Джубала особой радости не замечалось.

— Ну, конечно же, даром — только за амбаром. Дигбиевский Господь хочет признания и уважения. Человек, отказавшийся

принять счастье на Его условиях, не просто идиот, выгоды своей не понимающий, а *грешник* — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но ведь подобной практики придерживаются и все остальные боги и богини, так что не стоит судить Фостера и Дигби слишком уж строго, не они все это изобрели. Их чепуха на змеином масле ортодоксальна во всех отношениях.

— Да никак они тебя обратили?

— Только не меня! Танцы змейкой вряд ли доставят мне удовольствие, к тому же я не терплю толчею и никогда не позволю каким-то там олухам указывать мне, куда я должен ходить по воскресеньям, а куда не должен. Просто ты критикуешь их совсем не с того бока. В литературном смысле «Новое Откровение» значительно выше среднего уровня — да и как же иначе, они ведь передирали из других писаний самые лучшие куски. Что касается внутренней логики, тут нужно разу заметить, что профанные правила совершенно неприменимы к области сакрального, но все равно, даже и здесь достоинства «Нового Откровения» неоспоримы — оно почти никогда не противоречит само себе. Вот попробовала бы ты согласовать Новый Завет с Ветхим или учение буддизма с буддийскими апокрифами. В смысле морали фостеризм — это фрейдистская этика, покрытая «толстым слоем шоколада» — для нужд людей, не способных заглотнуть горькую пилюлю психологии в чистом виде. Хотя очень как-то сомнительно, чтобы потаскун, накропавший эту книгу — пардон, «написавший ее по озарению свыше», — знал психоанализ; он не имел почти никакого образования. Но зато он имел отличное чутье, он подхватывал идеи, буквально носившиеся в воздухе. Страх, вина, утрата веры — ну как мог он пройти мимо всего этого? И больше не болтай, я буду спать.

— Да кто тут все время болтал?!

— Женщина меня соблазнила.

Джубал закрыл глаза.

Добравшись домой, они обнаружили там Бена и Махмуда, прилетевших на один день. Крайне разочарованный отсут-

ствием Джилл, Какстон мужественно сносил горечь разлуки — в компании Энн, Мириам и Доркас. Доктор Махмуд, чьи визиты преследовали одну-единственную цель — повидаться с Майком и доктором Харшоу, также проявил завидную силу духа, не застав на месте ни того ни другого. Он скромно ограничил свои развлечения садом Джубала, его же выпивкой и закуской, ну и, конечно же, Джубаловыми одалисками. Мириам массировала спину лингвиста, а Доркас — скальп.

Джубал остановился и осмотрел живописную сцену.

— Ты не вставай.

— А я и не могу, она же на мне сидит. Марьям, чуть повыше, пожалуйста. Привет, Майк.

— Привет, брат мой Стинки доктор Махмуд.

Поздоровавшись — столь же серьезно — с Беном, Майк попросил разрешения удалиться.

— Беги, сынок, — махнул рукой Джубал.

— Майк, — спросила Энн, — а ты там что-нибудь ел?

— Я не голоден, Энн, — трагическим голосом отвечивал Майк. — Благодарю.

Он повернулся и ушел в дом.

— Джубал? — удивленно повернулся Махмуд; сидевшая на его спине Мириам с трудом удержала равновесие. — Что это с нашим сынком?

— Во-во, — поддержал его Бен. — Видок, словно его сейчас вытошнит.

— И в самый бы раз. Перебрал по части религии. Его Дигби охмурил. — Джубал вкратце описал утренние события.

— Но неужели, — нахмурился Махмуд, — была такая необходимость оставлять его тет-а-тет с Дигби? Лично мне — ты уж прости меня, брат, — все это кажется несколько легкомысленным.

— Да ничего страшного с ним не случилось. Стинки, ему нужно привыкать к подобным вещам, и как можно скорее. Ты вот пытался впихивать в Майка свое богословие — он мне об этом рассказывал. Ну а почему же тогда отказывать в такой возможности Дигби, есть ли к тому хоть одна мало-мальски

разумная причина? Ты только отвечай как ученый, а не как мусульманин.

— Я мусульманин, а потому могу отвечать только как мусульманин, — пожал плечами Махмуд.

— Извини. Я вполне тебя понимаю, хотя и не могу с этим согласиться.

— Джубал, я использую слово «мусульманин» в самом точном его смысле, а не как сектант, которых Марьям неправильно называет магометанами.

— И дальше буду тебя так называть — пока не научишься правильно произносить мое имя. Мириам, понимаешь? Мири-ам. И кончай елозить.

— Хорошо, Марьям. Ой, да ты что! Женщина не должна быть такой сильной. Так вот, Джубал, как ученый, я считаю Майка наилучшим экспериментальным материалом, какой только может присниться. Как мусульманин, я вижу в нем готовность покориться воле Божьей — и я счастлив за него, хотя есть тут и некоторые трудности, он, например, до сих пор не может прокнуть, что обозначает английское слово «Бог». Или, — пожал плечами Махмуд, — арабское слово «Аллах». Но как просто человек — и раб Божий — я люблю этого парня, нашего с тобой приемного сынка и водяного брата, и не хотел бы, чтобы он подвергался дурному влиянию. А пресловутый епископ Дигби — даже если оставить в стороне его веру — только дурно влиять и может. Я не имею в этом никаких сомнений, а ты?

— О'кей! — захлопал в ладоши Бен. — Это же грязный, скользкий тип, у меня давно руки чешутся приглубить его в своей колонке, только нет смысла и пробовать — Синдикат сразу же наложит в штаны и снимет материал из номера. Говори, Стинки, говори, глядишь, и я засяду за арабский. И коврик куплю.

— Хорошо бы. Только коврик необязательно.

— Верно излагаешь, приемный папаша, — вздохнул Джубал. — Уж пусть бы он травку курил, чем путаться с этими. Но я не думаю, чтобы Майк клюнул на всю их синкретическую белиберду... кроме того, нужно же ему когда-то учиться про-

тивостоять дурным влияниям. Да что там дурные влияния, вот ты влияешь на Майка положительно, тут и спора нет, — и все равно имеешь не больше шансов, чем Дигби с его шайкой-лейкой: воззрения у мальчонки прямо-таки непоколебимые. Вполне возможно, что он — новый пророк и Мухаммеду придется малость потесниться.

— Если будет на то воля Божья, — невозмутимо ответил Махмуд.

— При такой постановке вопроса спорить просто не о чем, — кивнул Джубал.

— Мы тут без вас тоже говорили о религии, — заметила Доркас. — Слушай, начальник, а ты знал прежде, что у женщин есть душа?

— Ну кто бы мог подумать!

— Стинки говорит, что есть.

— Марьям, — объяснил Махмуд, — пожелала узнать, с какой это стати «магометане» считают, будто у женщин нет души.

— Ты бы еще сказал, — повернулся к Мириам Джубал, — что евреи пьют кровь христианских младенцев, одна глупость вполне другой стоит. Согласно Корану, в рай попадают целыми семьями, и мужчины, и женщины, все вместе. Посмотри, например, суру «Украшения», стих, если не ошибаюсь, семидесятый — так ведь, Стинки?

— «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете ублажены!» — процитировал Махмуд. — Лучше, пожалуй, не переведешь.

— А как же, — возразила Мириам, — гурии? Если магометане развлекаются в раю с этими красотками, их законные супруги попадают в не очень ловкое положение.

— Гурии, — терпеливо объяснил Джубал, — существа совершенно особой природы, вроде джиннов или ангелов. Вечные, неизменные и прекрасные, они духовны по своей изначальной сути — а потому, кстати сказать, не нуждаются ни в какой такой «душе». Существуют и гурии мужского пола — или нечто в этом роде. Человеку попасть в рай не так-то и просто, нужно прикладывать уйму стараний, да и тогда — бабка надвое сказала, а гуриям все это ни к чему, они в постоянном штате.

Подают роскошные яства, обносят праведников выпивкой, после которой никогда не бывает похмелья, ну и — развлекают, ежели кто попросит. А души жен работать совсем не обязаны; как, Стинки, я ничего тут не соврал?

— По сути все так и есть, только слова можно бы выбрать и посерьезнее. Гурии... Слушайте! — Он вскинулся так резко, что уронил Мириам на траву. — А может быть, у вас, девицы, и вправду нет души?

— Ах ты паскудный гяур, пес, не помнящий добра, — бросилась на него оскорбленная девушка. — А ну-ка, возьми свои слова обратно!

— Стихи, Марьям. Если у тебя нет души — значит ты и без того бессмертна. Джубал, а может быть так, чтобы человек умер и сам того не заметил?

— Не знаю, никогда еще не пробовал.

— А не могло так случиться, что я умер на Марсе, а обратный рейс и все, что дальше, — только сон? Ты посмотри вокруг! Райский сад, которому позавидовал бы и сам Пророк. Четыре прекрасные гурии, подающие роскошные яства и выпивку в любое время дня и ночи. Даже мужские их аналоги — если, конечно, не быть особенно придирчивым. Так это что — Рай?

— Какой там, на фиг, рай, — грубо вернул его в мир реальности Джубал. — Со дня на день придет налоговая ведомость, я уже и почту боюсь смотреть.

— Но меня-то это не касается.

— А эти твои гурии... тут тоже нет смысла быть особо придирчивым, но даже если условно договоримся, что у них достаточно сносная внешность...

— Сойдут, — великодушно махнул рукой Махмуд.

— А тебе, начальничек, — добавила Мириам, — это еще припомнится.

— ...не нужно забывать об одной обязательной физической особенности, — закончил Джубал.

— М-м-м, — задумался Махмуд. — Этот вопрос не слишком интересен для обсуждения. В Раю упомянутая тобой осо-

бенность будет не преходящим физическим состоянием, а скорее уж неизменным духовным атрибутом. Или ты не согласен?

— А если так, — решительно заявил Джубал, — то я уж точно уверен, что никакие они не гурии.

— Придется, — вздохнул Махмуд, — какую-нибудь из них обратиться.

— Одну? С чего бы такая умеренность, на Земле сохранились еще места, где можно выбирать полную квоту.

— Нет, брат мой. Хотя Закон и позволяет четырех, человек не способен обходиться по справедливости более чем с одной, — и это сказал не я, а Пророк, в бесконечной своей мудрости.

— Ну вот, у меня и от сердца отлегло. Так какую же ты выберешь?

— Это мы еще посмотрим. Марьям, как там у тебя с духовностью?

— А иди-ка ты подальше! «Гурия», тоже мне придумал!

— Джилл?

— И это называется брат, — вздохнул Бен. — Ты что, не знаешь, что это я на нее глаз положил?

— Ладно. Так что, Джилл, вопрос временно откладывается. Энн?

— Ты уж прости, но у меня сегодня randevu.

— Доркас? Ты — мой последний шанс.

— Стинки, — нежно проворковала Доркас, — и насколько, по твоему мнению, должна я быть духовной?

Майк поднялся к себе, закрыл дверь, лег на кровать, принял фетальную позу, закатил глаза, заткнул горло языком и замедлил сердцебиение. Джилл не любила, когда он «впадал в транс» (странное все-таки название) днем, но особо и не возмущалась — если не на людях. Изю всех — очень и очень многочисленных — вещей, которые нельзя делать на людях, эта вызвала у нее наибольший гнев. Майк ждал очень долго, после той, пропитанной жуткой неправильностью комнаты его охватило жгучее, настоятельное желание удалиться и хоть немного прокнуть происходящее.

Ведь он сделал то, что Джилл строго-настрого запретила.

Он чувствовал чисто человеческое желание оправдать себя непреодолимостью обстоятельств — но марсианское воспитание не позволяло отделаться от неприятной проблемы так просто. Он достиг критической точки, требовалось правильное действие, выбор зависел только от него, ни от кого больше. И он грокал, что выбор был правильным. Но брат Джилл запретила делать такой выбор...

Но тогда не осталось бы *никакого* выбора. А это — противоречие, ведь критическая точка — точка выбора. Выбирая, дух взрослеет.

А может быть, не нужно было уничтожать пищу, может, это успокоило бы Джилл?

Да нет, запрет Джилл касался и такого варианта.

В этот момент существо, порожденное человеческими генами и сформированное марсианской мыслью, существо, не способное стать ни человеком, ни марсианином, завершило очередную стадию развития, отбросило ее как пустой кокон и перестало быть детенышем. Майк получил в полное свое распоряжение вечное одиночество свободной воли и — одновременно — марсианскую готовность объять и взлелеять этот дар, сполна и с наслаждением испить всю его горечь, безропотно нести бремя всех его последствий. С трагическим восторгом он понял: критическая точка принадлежала ему, и только ему, Джилл тут совершенно ни при чем. Брат по воде может учить, предостерегать, направлять, но выбор, делаемый в критической точке, неделим. «Собственность», которую не продашь, не подаришь, не отдашь в заклад, нечто обладаемое, неразделимо сгроканное с обладателем. Отныне и присно и во веки веков он — это действие, предпринятое в критической точке.

Теперь, познав себя как «я», он получил возможность сгрокиваться с братьями своими еще теснее, сливаться с ними без помех и опасений. Целостность «я» есть, и была, и пребудет вечно. Майк задержался, чтобы возлюбить и восхвалить «я» всех своих марсианских братьев, воплощенных и бестелесных, числом во многие тройки исполненные, а также совсем немногочисленные «я» братьев земных — и огромные, неизвестные

еще степени тройки тех обитателей Земли, с которыми он сможет слиться, которых он сможет возлюбить — теперь, когда, после долгого ждania, он грокнул и возлюбил себя самого.

Транс Майка продолжался долго, ведь нужно было грокнуть многое, нужно было распутать концы головоломки и вобрать их в свой рост — и то, что он узрел, услышал и прочувствовал в храме Архангела Фостера (а не только в критической точке, когда они с Дигби оказались один на один, лицом к лицу), и то, почему сенатор Бун вызывал у него опасливую настороженность, и почему мисс Дон Ардент казалась братом по воде — хотя и не была братом по воде, — и дух добра, исходивший ото всего этого прыганья вверх и вниз и завывания и столь неполно им грокнутый...

И разговоры Джубала, по пути туда и обратно, — именно эти разговоры беспокоили больше всего. Майк изучал их, сравнивал с тем, чему учили его в родном гнезде, пытался навести мосты между двумя бесконечно далекими языками — тем, на котором он думал, и тем, на котором он только еще учился думать. Наибольшие затруднения вызывало раз за разом повторявшееся Джубалом слово «церковь»; ни одно марсианское понятие ему не соответствовало — разве что взять слова «церковь» и «поклонение», «Бог» и «паства» и еще много других и отождествить их, все вместе, с целостью одного-единственного, известного с самого начала ожидания взросления слова... а затем перевести это понятие назад на английский, сконцентрировать его во фразе, отвергнутой (но — по разным причинам) и Джубалом, и Махмудом, и Дигби.

Ты еси Бог. Получалось некое приближение, довольно приличное, хотя и лишенное однозначности, неизбежности исходного марсианского понятия. Майк одновременно произнес про себя английскую фразу и марсианское слово; ощущение гроканья усилилось. Он начал делать это снова и снова, словно ученик, повторяющий, что драгоценность находится в лотосе, и ушел в нирвану.

Незадолго до полуночи Майк ускорил сердцебиение, начал дышать, мельком пробежался по телу — все ли в порядке, распрямился и сел. Тревоги и усталости как не бывало, их

сменили ясность мыслей и легкая, ничем не замутненная радость; он видел впереди огромное количество дел — и был к ним готов.

Кроме того, Майк почувствовал чисто щенячью потребность в обществе, такую же сильную, как недавняя потребность в одиночестве и покое. Он вышел в коридор — и был несказанно рад наткнуться там на одного из братьев.

— Привет!

— О! Привет, Майк. Ты, смотрю, совсем как огурчик.

— Я чувствую себя отлично. А где все?

— Спят, где же еще. Бен и Стинки улетели, с час уже назад, ну и все расплзлись по койкам.

— А-а... — разочарованно кивнул Майк; ему очень хотелось объяснить брату Махмуду свое новое гроканье.

— Да и мне бы тоже полагалось, только вот захотелось поесть. Ты-то, случаем, не голодный?

— Конечно. Я голодный.

— Еще бы, ты же не ужинал. Пошли, там в холодильнике осталась почти целая курица; пошарим, так и еще что-нибудь найдем.

Они спустились вниз и нагрузили поднос едой.

— Пошли наружу. Воздух сейчас — как парное молоко.

— Хорошая мысль, — согласился Майк.

— Так тепло, что купаться можно. Настоящее бабье лето.

Подожди, я зажгу там свет.

— А не надо, — отмахнулся Майк. — Давай поднос мне.

Он видел в почти полной темноте. Джубал говорил, что это, наверное, из-за условий, в которых он вырос, и Майк грокал, что это правда, и грокал еще, что это не вся правда, — приемные отцы *учили* его видеть. Что касается ночи, сам он чувствовал бы себя вполне хорошо даже нагишом на вершине Эвереста, однако успел уже узнать, что земные братья плохо выдерживают изменения температуры и давления, и относился к этой слабости с сочувственным пониманием. Так что холода Майк не боялся, наоборот — ему не терпелось увидеть снег, собственными глазами убедиться, что — как пишут в книжках — каждый крохотный кристаллик воды жизни обладает

собственной, неповторимой индивидуальностью, походить по этому белому пуху босиком, поваляться в нем...

Но пока что он вполне удовлетворялся теплой ночью и еще более теплым, приятным обществом брата по воде.

— О'кей, бери. А я ограничусь подводными лампами, света хватит, как-нибудь кусок мимо рта не пронесем.

— Хорошо.

Майк любил свет, пробивающийся сквозь зеленоватую воду, дробящийся в вечно изменчивом орнаменте ряби; он не назвал бы, подобно людям, такое освещение таинственным, но зато ощущал в нем красоту, добро.

Поев рядом с бассейном, братья по воде легли на траву и стали смотреть на звезды.

— А вон Марс. Как, Майк, я не ошибаюсь, это правда Марс? А может — Антарес?

— Марс.

— Майк? А что сейчас делается на Марсе?

Майк помедлил; бедность английского языка не позволяла ответить на такой — очень неопределенно поставленный — вопрос.

— На той стороне, что ближе к горизонту, — в Южном полушарии — сейчас весна. Растениям объясняют, как расти.

— Учат растения расти?

Майк снова помедлил.

— Ларри учит растения расти. Я ему помогал. Только мой народ — я хотел сказать: марсиане, — теперь я грокаю, что это *вы* — мой народ, — учит их совсем иначе. А в другом полушарии холодает, и нимф, тех из них, которые пережили лето, собирают в гнезда, чтобы оплодотворить и растить дальше. — Он слегка задумался. — Из людей, которые остались там, у экватора, один развоплотился, а остальные печальны.

— Да, по телевизору говорили.

Майк никаких телевизоров не видел, минуту назад он даже и не подозревал о смерти поселенца.

— Им не нужно быть печальными. Мистеру Букеру Т. У. Джонсу, пищевому технику первого разряда, совсем не грустно, Старики его взлелеяли.

— Ты его знал?

— Да. У него было свое лицо, темное и красивое. Но он тосковал по дому.

— Господи боже! Майк, а вот ты... ты никогда не тоскуешь по дому? По Марсу.

— Сперва тосковал. Мне все время было одиноко. — Майк перекатился со спины на бок и обнял ее. — А теперь мне не одиноко. И я грокаю, что мне никогда уже не будет одиноко.

— Майк, милый...

Они поцеловались — и не смогли друг от друга оторваться.

— Господи... — Голос брата по воде дрожал и срывался. — У меня голова кругом идет, чуть не сильнее, чем в первый раз.

— Брат, с тобой все в порядке?

— Да. Конечно же да. Поцелуй меня еще.

— Майк? — сказала она через долгое, *космически* долгое время. — Ты это, чтобы... я хотела спросить, так ты знаешь...

— Я знаю. Это чтобы взрастить близость. Теперь мы взращиваем близость.

— Я... я готова очень давно — да чего там, мы *все* готовы, но только... ладно, милый, ерунда, ты только повернись немного, я помогу.

И когда они сливались, сгрокивались все полнее и полнее, Майк сказал, негромко и торжествующе:

— Ты еси Бог.

Она ответила ему без слов. А затем, когда сгрокивание стало еще полнее и Майк почувствовал, что почти готов развоплотиться, ее голос вернул его назад:

— О-о!.. О-о! Ты еси Бог!

— Мы грокаем Бога.

25

На Марсе люди сооружали герметичные купола для следующей (на этот раз в ней будут и женщины) партии колонистов. Благодаря помощи марсиан работы заметно опережали гра-

фик. Часть сэкономленного времени была потрачена на предварительные изыскания по долгосрочному проекту: чтобы сделать Марс более пригодным для жизни будущих поколений людей, предполагалось высвободить в его атмосферу часть кислорода, химически связанного в песке.

Этим работам Старики не помогали — но и не мешали; время еще не созрело. Их медитации приближались к критической (очень для данного случая слабое слово) точке, которая определит форму и пути развития марсианского искусства на многие тысячелетия вперед. На Земле проходили выборы; некий очень авангардный поэт издал — очень малым тиражом — сборник стихов, состоявших из знаков препинания, разделенных большими пробелами; рецензент журнала «Тайм» предложил издавать таким образом стенограммы заседаний Ассамблеи Федерации. Поэта пригласили выступить с лекцией в Чикагском университете, что он и сделал, облаченный в парадный фрак, но без штанов и босиком.

Наряду с избирательной кампанией в стране бушевала и рекламная — на этот раз потребителя уговаривали покупать половые органы растений; часто цитировались слова миссис Джозеф («В тени величия») Дуглас: «Обедать за столом, на котором нет цветов? Да это все равно что обедать без салфеток!» В Беверли-Хиллз некий тибетский лама (родом из Палермо) осчастливил мир новооткрытой древней йогической техникой мерцающего дыхания, увеличивающего не только запасы праны, но и космическое межполовое притяжение. Челы — в одежде из тканей ручного изготовления, копирующих древние восточные образцы, — принимали асану «мациендра», гуру читал им отрывки из Ригведы, а тем временем в соседнем помещении помощник гуру обшаривал их вещички. О каком-то там воровстве не было и речи — сицилийский прохиндей строил более серьезные, далеко идущие планы.

Президент Соединенных Штатов объявил первое воскресенье ноября Национальным днем бабушек; отмечать оный праздник предлагалось, естественно, цветами. Некой сети похоронных бюро было предъявлено обвинение в незаконной конкуренции (снижение цен на услуги). Фостеритские епис-

копы провели тайное совещание, а затем оповестили свет о втором Великом Чуде своей церкви — Верховный епископ Дигби вознесся во плоти и тут же был досрочно произведен в архангелы, того же (но все-таки *чуть-чуть* ниже) ранга, что и архангел Фостер. Длительная задержка с оглашением благой вести объяснялась техническими причинами — конклав выбрал новым Верховным епископом Хью Шорта и ожидал, пока Небеса утвердят его в должности (фракция Буна согласилась на эту кандидатуру только после многократного кидания жребия).

«Унита» и «Ой» откликнулись на избрание Шорта возмущенными — и почти одинаковыми — статьями, «Оссерваторе Романо» и «Крисчен сайенс монитор» гордо его проигнорировали, «Таймс оф Индия» презрительно хихикнула, а «Манчестер гардиан» напечатала сообщение без всяких комментариев — не очень многочисленные английские фостериты славились своей воинственностью.

Архангела же Дигби неожиданное повышение по службе отнюдь не радовало. По вине Человека с Марса все его труды остались незавершенными, а этот долбаный придурок Шорт обязательно все испоганит. Фостер с ангельским терпением дождался, пока у Дигби кончится завод, а затем сказал:

— Выговорился? Вот и прекрасно, а теперь послушай меня. Затешь себе на лбу раз и навсегда, что теперь ты — ангел. Ты понимаешь? Ан-гел! А потому — вспомни лучше, каким долбаным придурком был ты сам, — до того, как исхитрился меня отравить. А потом — ничего, справился. Теперь, когда этот ваш Шорт стал Верховным, он будет делать все как надо, у него и выхода-то другого не будет. Это же — ровно как с папами римскими, некоторые из них до избрания были такими дуболомами, что будьте-нате. Не веришь — пойдешь к католикам, спроси, они тебе все расскажут. У нас тут никакой профессиональной зависти, сплошное мирное сосуществование.

Дигби стих, но все-таки высказал самое горячее свое желание.

— Вот уж хрен, — покачал нимбом Фостер. — К этому парню и не подступишься. Ты там по дурости с ним связался — вот и схлопотал. Если не боишься выставить себя еще бóльшим

идиотом, чем ты есть на самом деле, — валяй, подавай прошение о ниспослании чуда. Ты-то эту систему еще не понимаешь, а я знаю ее насквозь, так что должен предупредить — пошлют тебя с твоим прошением куда подальше. У марсиан тут своя отдельная лавочка, совсем не такая, как у нас, и пока он им нужен — мы его и пальцем тронуть не можем. Свои дела они обстряпывают сами и на свой манер. Вселенная, она же вся разная, — факт, о котором вы, представители на местах, обычно забываете.

— Так что же, этот ублюдок может делать со мной что угодно, а я должен облизнуться и сказать ему спасибо?

— А со мной что, не так разве было? И я облизнулся. Да еще помогаю тебе, вот прямо сейчас. И вообще — чушь это собачья, у нас тут дел по горло, а там, глядишь, и очередное повышение подкатит. Главному Начальнику нужна от работников работа, а не склоки. Хочешь отдохнуть и успокоиться — возьми день в счет отпуска; можешь сбежать в Мусульманский Рай, там у них здорово все устроено. Не хочешь — поправь нимб, чтобы не сидел сикось-накось, уложи крылья по форме, грудь вперед и начинай вникать в обстановку. Чем скорее ты начнешь вести себя как ангел, тем скорее почувствуешь себя ангелом. Будь счастлив, стажер.

Дигби тяжело вздохнул:

— Ну, допустим, я счастлив. С чего начинать-то?

Когда Джубал узнал об исчезновении Дигби (произошло это далеко не сразу, первые сообщения он пропустил), у него, конечно же, мелькнула нехорошая мысль о том, кто именно сотворил это чудо. Однако вникать в эту историю не имело смысла — если у Майка и вправду рыльце в пушку, улики против него нет и быть не может, а что там происходит с ихними верховными епископами — пусть разбираются те, кому это интересно, не пристаю — ну и слава богу.

Хлопот хватало и дома — с какого-то момента там все смешалось. Джубал легко сообразил, что именно произошло, но не знал, с кем именно, — и тоже, как в случае с пропавшим епископом, не желал выяснять. И ведь не скажешь, что невин-

ности лишили. И не снасильничали. Как ни крути, Майк уже совершеннолетний и сам отвечает за свои поступки. И пора, уж я-то в его возрасте...

Реконструировать жуткое преступление из поведения девиц не представлялось никакой возможности — картина непрерывно менялась. Сперва АБВ против Г, потом БВГ против А — или АВ против ВГ, или АГ против БВ, и так по всем возможным комбинациям, в которых четыре женщины могут цапаться друг с другом. Началось это сразу после злополучной поездки к фостеритам и продолжалось почти неделю; все это время Майк практически не вылезал из своей комнаты, по большей части пребывая в трансе, настолько глубоком, что, случись это впервые, Джубал давно объявил бы его мертвым. Теперь подобные отключки стали привычными, хочется ему лежать — ну и пусть лежит, так ведь и весь домашний порядок пошел вверх тормашками. Эти красотки чуть не каждую секунду бегали на цыпочках «посмотреть, как там Майк»; за этим занятием у них не оставалось времени даже на приготовление обеда, тем паче на секретарскую работу. Даже непоколебимая, как утес, Энн... кой хрен «даже», да она *хуже* всех. Ничего не видит, все забывает, ежесекундно ревет — по всякому поводу и безо всякого повода. А ведь совсем еще недавно Джубал с легкостью прозакладывал бы свою жизнь против медной пуговицы, что, доведись Энн стать свидетельницей Второго Пришествия, она, и глазом своим голубым не моргнув, запомнит дату, время, действующих лиц, события, одним словом — все, вплоть до атмосферного давления.

Майк вывел себя из транса в четверг вечером; А, Б, В, и Г тут же позабыли свои раздоры, наново сплотились в дружную команду АБВГ — и бросились ему прислуживать, да какое там прислуживать, они выстилались «прениже праха, что под копытами его коня». Вспомнили они наконец и про Джубала, так что тот не стал возникать. Да и какой был, собственно, смысл, — кольнула его неприятная мысль. Начни он сейчас выяснять отношения, Майк без труда утроит — да хоть удесятерит — жалование девиц, всего-то ему и делов, что послать Дугласу

открытку. А главное — они и без этого непременно встанут на сторону мальчонки.

Одним словом, в доме снова воцарились покой и порядок, и Джубалу было, в общем-то, начхать, что маленьким его королевством правит теперь мажордом. Еду подавали вовремя, и она стала даже лучше, чем прежде; по первому же крику «К ногге!» рядом возникала девица, буквально брызжащая счастьем и вполне работоспособная, а ежели так — кой черт, у кого там больше мальчиков на побегушках, а у кого меньше. Или даже девочек на побегушках.

Кроме того, было очень интересно смотреть, насколько разительно переменился Майк. Если неделю назад покорность этого парня казалась даже нездоровой, граничила с неврозом, то теперь он прямо лучился самоуверенностью, Джубал даже сказал бы «наглостью» — не сохрани Майк в полной мере свою безупречную вежливость и постоянную заботу об окружающих.

Он, будто истинный феодальный синьор, принимал омаж девиц как положенный ему по праву рождения, а выглядел теперь не младше своих лет, а старше; голос его стал густым и звонким, и говорил Майк уже не с робостью, а напористо и уверенно. Джубал решил, что пациент готов к воссоединению с родом людским и его можно выписывать.

Правда — напомнил себе Джубал — оставалось одно обстоятельство: Майк так и не научился смеяться. Он улыбался шуткам, иногда даже вроде бы их понимал, во всяком случае не просил объяснить, что же тут смешного, он неизменно выглядел жизнерадостным, почти веселым — но никогда не смеялся.

Ладно, не такое большое это и дело. Пациент здоров физически и духовно, и он — наконец, слава тебе, Господи, — стал человеком. Еще пару недель тому назад Джубал был далеко не уверен в таком результате. Выработанное годами смирение не позволяло ему приписывать заслугу себе, тут, пожалуй, больше поработали девицы. Или лучше сказать «девица»?

С самого первого дня Джубал чуть не ежедневно повторял Майку, что рад видеть его гостем — и что, однако, тот дол-

жен уйти в большой мир, как только почувствует себя на это способным. Так что его не должно было удивить, когда однажды за завтраком Майк объявил, что уходит. Тем не менее Джубал удивился и — к еще большему своему удивлению — обиделся.

Чтобы скрыть столь неподобающие чувства, ему пришлось — без всякой прямой необходимости — воспользоваться салфеткой.

— Да? И когда же?

— Мы уйдем сегодня.

— Ясно. Множественное число. А мы тут трое мужиков как-нибудь и сами суп себе сварим.

— С этим все будет в порядке, — успокоил его Майк, — но ведь мне тоже кто-нибудь нужен. Я еще не знаю, как все у людей делается, — и допускаю ошибки. Лучше всего, если это будет Джилл, она же хочет продолжить занятия марсианским языком, но можно и Дюка или Ларри, если ты не хочешь отпустить ни одну из девушек.

— Да никак у меня есть право голоса?

— Джубал, решать должен ты, и только ты. Мы это понимаем.

(Поздравляю вас соврамши — первый, наверное, раз в жизни. Останови ты свой выбор на Дюке — я и того, пожалуй, не сумел бы удержать.)

— Да, Джилл, пожалуй, самый лучший вариант. Но вы, ребята, не забывайте — здесь ваш дом.

— Мы знаем это — и вернемся. И снова разделим воду.

— Да, сынок.

— Да, отец.

— *Че-го?*

— Джубал, в марсианском языке нет слова «отец». Но недавно я прокнул, что ты мне отец. И Джилл — тоже.

— М-м-м... — Джубал искоса взглянул на Джилл. — Да, я грокаю. Берегите себя.

— Хорошо. Пошли, Джилл.

Они ушли, прежде чем Джубал успел встать из-за стола.

26

Карнавал был самый обычный — карусели, американские горки, колесо обозрения, неременная сахарная вата и — уж конечно — игорные заведения, где тихо и без затей обували лотов. Лекция по сексу читалась в точном соответствии с местными взглядами на взгляды Дарвина, а экипировка девочек из шоу ничуть не нарушала местных представлений о нравственности и местного законодательства. Неустрашимые Неттеры исполняли свое Смертельное Сальто прямо перед последним выступлением зазывалы. В главном павильоне не было экстрасенса, зато присутствовал фокусник, вместо бородатой женщины был (была?) полумужчина-полуженщина, вместо шпагоглотателя — огнеглотатель, а вместо татуированного человека — татуированная женщина, по совместительству — заклинательница змей; в финальном номере — за дополнительную плату в пятьдесят центов с носа — она появлялась «абсолютно голая... облаченная лишь в обнаженную живую плоть, украшенную экзотическими орнаментами». Посетителю, обнаружившему ниже шеи хотя бы один квадратный дюйм без «экзотических орнаментов», обещали ни много ни мало двадцатку.

Претендентов на приз не было. Миссис Пайвонская выступала «облаченная лишь в живую плоть» — свою собственную и четырнадцатифутовой боа-констрикторши по кличке Пышечка, причем змея так надежно прикрывала все стратегически важные возвышенности и долины, что местным блюстителям нравственности было ровно не на что пожаловаться, особенно принимая во внимание, что дочери этих самых блюстителей гораздо откровеннее демонстрировали свои скромные прелести. Наружное охранение — и для живописной дамы, и для Пышечки — обеспечивали кобры, ползавшие по полу брезентового павильона, в количестве двенадцати штук. Иногда какой-нибудь гуляка посмелее решал, что кобры здесь чисто для виду, и пытался проникнуть за ограду, дабы самолично

отыскать неуловимый квадратный дюйм, но при виде змеиных клыков и грозно раздутых капюшонов быстро ретировался

Да и освещение там было, прямо скажем, неважное.

Ну а если бы осветить храбрую даму прожектором? Если бы раскрутить с нее Пышечку? Если бы рассматривать ее в телескоп? Или в микроскоп? Все равно двадцатка осталась бы невостребованной. Покойный муж миссис Пайвонской держал в Сан-Педро татуировочное ателье; случалось, что деловая активность замирала, и тогда супруги тренировались друг на друге — чтобы не терять квалификации. Весь, до последнего клочка, природный холст был использован. Миссис Пайвонская гордилась тем, что она — самая разрисованная в мире женщина и что покрывающие ее картинки принадлежат игле (чуть было не сказал «кисти») величайшего в мире (теперь уже — увы — потустороннем) художника. Так что свои доллары она зарабатывала честно.

Патриция Пайвонская общалась с жуликами и грешниками совершенно безбоязненно и безо всякого риска для своей души — и ее, и покойного ее супруга обратил в Веру не кто иной, как сам Фостер; куда бы ни прибывал карнавал, она первым делом узнавала, где тут ближайшая церковь Нового Откровения, и начинала ежедневно посещать службы. Она с радостью выступала бы *по-настоящему* обнаженной, безо всяких там удавов, прикрытая одним лишь крепким убеждением, что является носительницей религиозного искусства, равного которому не найдешь ни в одном соборе, ни в одном музее, ни даже в Ватикане. Когда они с Джорджем узрели Свет, на теле Патриции оставалось еще что-то около трех квадратных футов неразрисованной кожи; с течением времени эту поверхность покрыл полный комплект иллюстраций к житию архангела Фостера — от колыбельки, над которой тучей (нет, наверное, нужно не «тучей», а «нежным облачком») вьются ангелы, и вплоть до великого дня, когда великий этот святой вознесся и занял на небесах извечно предуготовленное ему место.

К сожалению, по большей своей части священные изображения, долженствующие обратить грешников в веру, были

расположены не совсем удачно, именно в тех местах, которые прикрывала Пышечка. Однако Патриция демонстрировала их в церквях, на закрытых «счастливых встречах» — буде пастырь на это соглашался (противное случалось крайне редко). Увы, истинно верующим счастья и без того хватало, а Патриции больше всего хотелось спасти грешников. Она не умела проповедовать, не умела петь, никогда не обладала даром говорить на языках — зато она сама, собственной своей персоной, была живым свидетельством во славу Света.

Номер Патриции шел предпоследним, оставляя ей вполне достаточно времени, чтобы собрать свои фотографии (черно-белые — по четвертаку за штуку, цветные — по пятьдесят центов, а за пять долларов можно было купить набор фотографий в запечатанном конверте, подписав заявление, что покупатель является доктором медицины, психологии, социологии или иной специальности, дающей ему доступ к сугубо профессиональным материалам, не распространяемым среди широкой публики; покупателям, честность которых вызывала сомнения, Патриция отказывалась продавать снимки даже за десять долларов и требовала предъявить соответствующие документы), а затем скользнуть за кулисы и приготовиться к номеру финальному.

Тем временем на сцене выступал волшебник.

Доктор Аполлон взял со столика большие стальные кольца и попросил добровольцев из зрителей сперва убедиться, что в них нет никаких прорезей и прочих хитростей, а затем сложить эти кольца — не выпуская их из рук — таким образом, чтобы они слегка накладывались друг на друга. Затем он коснулся каждого стыка волшебной палочкой — и получилась цепь. Небрежно отложив палочку (прямо в воздух), он закатал рукава, взял у своей ассистентки большую миску, достал оттуда полдюжины яиц и начал ими жонглировать. Мог бы особенно и не стараться, все внимание присутствующих было поглощено ассистенткой. Вот у нее-то не было никаких татуировок; странным образом, это не вызывало ни малейших сомнений, несмотря даже на одежду, значительно более скромную, чем

у девиц шоу. Никто толком и не заметил, как шесть яиц превратились в пять, затем в четыре... три... два... доктор Аполлон недоуменно посмотрел на последнее яйцо.

— Вот так и остаются без яиц, — сказал он, швырнул его в публику и отвернулся.

В зале прозвучали редкие смешки; никто из зрителей даже не заметил, что яйцо так никуда и не попало, тихо растворилось в воздухе.

Доктор Аполлон со слегка озадаченным видом продемонстрировал еще несколько фокусов, сопроводив их пресными замечаниями, а потом высмотрел в первом ряду мальчика и подождал его к сцене.

— Сынок, — торжественно провозгласил он, — я умею читать мысли. Ты думаешь, что я — не настоящий волшебник. Ты совершенно прав. Вот тебе за это самый настоящий доллар.

Мальчик взял долларовую бумажку — и та сразу же исчезла из его пальцев.

— Ну вот видишь! Крепче надо было держать! — огорченно сказал волшебник. — Ладно, дадим тебе еще один шанс. Держишь? Крепко? А тогда — беги отсюда, да поскорее — тебе давно уже спать пора.

Мальчик рванулся прочь и исчез.

— Послушайте, мадам Мерлин, — нахмурился волшебник, — а мы-то теперь чем займемся?

Ассистентка поднялась на цыпочки и что-то прошептала ему на ухо.

— Да вы что? — недоуменно воскликнул волшебник. — Здесь же люди!

Ассистентка прошептала еще несколько слов.

— Да, друзья, ничего не поделаешь, — обреченно вздохнул волшебник. — Мадам Мерлин хочет лечь в кровать. Ну как, джентльмены, желает кто-нибудь из вас помочь даме? Ой, да не все же сразу, — испуганно попятился он. — Кто тут служил в армии?

И все равно добровольцев оставалось слишком много; доктор Аполлон выбрал двоих и начал их инструктировать.

— Там, под сценой, стоит армейская раскладушка, вот, зайдите с этой стороны и откиньте брезент. Теперь, если вас это не затруднит, поднимите ее и поставьте на сцену. А вы, мадам Мерлин, повернитесь, пожалуйста, сюда.

Мужчины занялись койкой; тем временем доктор Аполлон делал пассы.

— Спать... спать... вам очень хочется спать... вы совсем уснули. Друзья, в настоящий момент моя очаровательная помощница находится в глубоком трансе. Джентльмены — вы, которые ставили раскладушку, — вы не отказались бы уложить мадам Мерлин спать? Только осторожно, осторожно...

Застывшую как труп девушку поместили на раскладушку.

— Ну вот и хорошо. Огромное вам спасибо. Только как же это она, без одеяла? Чем бы ее накрыть?

Волшебник подобрал так и болтавшуюся в воздухе палочку, указал ею на стоявший в глубине сцены столик — и тут же в его руку скользнула сама собой отделившаяся от груды реквизита простыня.

— Вот, джентльмены, накиньте это на нее. Голову, голову тоже прикройте — нехорошо смотреть на даму, когда она спит. Большое спасибо. Отойдите, пожалуйста, чуть подальше... вот так, прекрасно. Мадам Мерлин, вы меня слышите?

— Да, доктор Аполлон.

— У вас был глубокий, *тяжелый* сон. Но теперь вы чувствуете себя легче. Ваше тело стало совсем легким, вы словно спите в облаках. Вы парите...

Прикрытая простыней фигура приподнялась над койкой примерно на фут.

— Здорово! Только не становитесь слишком уж легкой, а то улетите еще.

— Как только положили эту простынь, — громким шепотом объяснил своему товарищу какой-то юнец, — она раз — и спустилась вниз, у них там специальный люк. А это — просто каркас из проволоки. Потом он сдернет простынь, каркас сложится и спрячется. Да такое кто хошь может сделать.

Доктор Аполлон словно и не слышал этих грязных инсинуаций.

— Выше, мадам Мерлин... еще чуть повыше... ну вот, теперь хорошо.

Фигура вместе со свисающей с нее простыней плавно покачивалась на высоте человеческого роста.

— А там есть такая стальная подпорка, только ее не видно, — не унимался настырный разоблачитель. — Вон там, видишь, угол простыни висит до самой койки, это специально так сделано.

Доктор Аполлон попросил добровольцев убрать раскладушку.

— Зачем ей кровать, она же спит в облаках.

Он повернулся к парящей в воздухе фигуре и прислушался.

— Погромче, пожалуйста. Да? Мадам Мерлин говорит, что простыня ей тоже не нужна.

(— Вот сейчас тот каркас и спрячется!)

Волшебник резко сдернул простыню; зрители почти не заметили, что она бесследно исчезла, — все глаза были прикованы к ассистентке, спавшей в той же позе, что и первоначально, но теперь — в шести футах от голых досок сцены, которую с трех сторон обступили зрители.

— А где же подпорка-то? — поинтересовался товарищ малолетнего скептика.

— Ее очень трудно увидеть, это надо специально посмотреть прямо туда, где она, а чтобы туда не смотрели, тут такое специальное освещение, прямо в глаза.

— Ну ладно, спящая красавица, — сказал доктор Аполлон. — Поспала — и хватит. Дай мне руку. А теперь — проснись!

Он повернул ассистентку в вертикальное положение и осторожно опустил ее на сцену.

(— Вон, видел, видел, куда она поставила ногу? Вот туда как раз подпорка и спряталась. Ерунда это все, — с удовлетворением заключил великий специалист по фокусам. — Фокусы.)

— А теперь, друзья, — деловым голосом заговорил волшебник, — я бы попросил вас уделить минутку своего внимания нашему высокоученому лектору профессору Тимошенко.

— Подождите, ребята, не разбегайтесь, — оборвал его конференсье. — Только на этом, сегодняшнем, представлении, по согласованию с Советом Университетов и Департаментом Безопасности вашего прекрасного города, мы предлагаем вот эту новенькую, хрустящую двадцатидолларовую бумажку — абсолютно, заметьте, бесплатно — тому из вас, кто...

Заманчивое предложение перешло в заключительный номер; тем временем подсобники начали складывать хозяйство, готовясь к отъезду. Жилые палатки пока не трогали, их уберут рано утром, прямо перед посадкой на поезд, но все аттракционы нужно было сложить и упаковать заранее.

Триединый конференсье-владелец-управляющий покончил с финалом в темпе вальса, столь же торопливо выпроводил из павильона лохов и тут же вернулся.

— Постой, Смитти, тут дело есть. — Он вытащил из кармана конверт, сунул его волшебнику и добавил: — Слышь, мне самому жутко жаль, но только вы, ребята, не едете с нами в Падуку.

— Я знаю.

— Да ты только не обижайся, тут же ничего такого личного, парень ты хороший, но мне нужно думать о сборах. А тут подвернулись менталисты — они вроде вас, муж и жена. Мысли читают — чистый отпад, а потом предсказывают судьбу, она — по шишкам на голове, по руке и по-всякому, а он — хрустальным шаром. И ты ж помнишь, что я никаких тебе гарантий, что до конца сезона, не давал.

— Помню, — кивнул волшебник. — И я, Тим, совсем не обижаюсь.

— Ну вот и хорошо, вот и слава богу. — Конференсье немного замялся. — Смитти, хочешь я дам тебе хороший совет?

— Я с радостью приму твой совет, — серьезно кивнул волшебник.

— О'кей, значит, так. Фокусы у тебя — зашибись, но фокусы — не единственное, что нужно фокуснику, и даже, пожалуй, не главное. Ты не въезжаешь в профессию. Ну да, ты ведешь себя как настоящий карнавальный, отличный товарищ — не суешь нос куда не просят, не поливаешь чужие номера, всегда

готов помочь. И все равно ты — не карнавальщик. Ну не чувствуешь ты, что нужно лохам, чего они от нас ждут, на что покупаются, не чувствуешь — и все тут. Настоящий волшебник всего-то и делает, что выудит четвертак из воздуха, — а у всех зрителей уже челюсти поотваливались. Вот эта, скажем, твоя левитация, она ведь лучше, чем у Терстона, я в жизни такого не видел, а лохи смотрят в потолок и зевают. Психологии у тебя нет. Ты вот меня возьми, ведь я даже и тот четвертак из воздуха выудить не могу. У меня нет никакого циркового умения — за исключением одного, самого главного. Я знаю нашего посетителя. Я знаю, чего ему позарез хочется, — даже тогда, когда он сам того не знает. Ты же, сынок, фокусник — а значит, должен быть шоуменом — в не меньшей степени, чем политикан, вешающий своим лохам лапшу на уши, или проповедник, долбящий кулаком по кафедре. Ты сумей понять, чего хочет публика, — и тогда смело можешь даже не вынимать половину своего реквизита из чемодана.

— Думаю, ты прав.

— Ты думаешь — а я *точно знаю*. Она хочет секса, крови и денег. Крови мы им не даем, но зато даем надежду — а вдруг огнеглотатель ошибется, или там метатель ножей. Мы не даем лоху денег, но зато поощряем его жадность надеждой на легкий выигрыш — ну и, конечно, малость его на этом вычесываем. Секса мы ему тоже не даем — но как ты думаешь, почему семь лохов из десяти покупают билеты на финальный номер? Бабу им хочется посмотреть голую — вот почему. Ну и двадцаточку срубить, если повезет. Мы и тут их нажигаем — и *все равно* они расходятся вполне удовлетворенные... Кровь, секс, деньги — а что еще? Лоху нужна *тайна*! Ему хочется думать, что наш мир — таинственное, романтическое место, — хотя, если по правде, ни хрена в мире романтического не было и нет. Вот этим-то и должен ты заниматься, только ты не знаешь — как. Ты пойми, сынок, каждый лох прекрасно знает, что все твои чудеса — чистая липа, но ему очень хочется поверить, что это не так, что они *настоящие*, — и ты просто обязан ему помочь. А ты — не умеешь.

— А как это делается?

— Кой хрен, этого не расскажешь, это нужно почувствовать, каждый учится этому сам. Но... ну, вот, скажем, эта твоя идея объявить себя Человеком с Марса. Лох может проглотить не поперхнувшись очень многое — но всё же не всё. Они же видели Человека с Марса, если не на картинках, то хоть по стерео. И я его видел. Да, сходство у вас какое-то есть, но будь ты хоть вылитой его копией, ни одна собака не поверит, что этот, настоящий, будет показывать фокусы в брезентовом балагане, лохи *знают*, что такого не может быть. Это — ну все равно как представить шпагоглотателя президентом Соединенных Штатов. Лох *хочет* поверить — но он не позволит так вот, в открытую, держать себя за идиота. У него все-таки есть какие ни на есть мозги, может, с одной извилиной, но есть. И вот об этом забывать нельзя.

— Я запомню.

— Что-то очень уж я разговорился — у конференсье это входит в привычку. Так как, ребята, я вас не слишком в хреновое положение поставил? Вы прикопили что-нибудь на первые дни? Не мое это, в общем-то, конечно... а может, дать вам в долг?

— Спасибо, Тим, с нами все в порядке.

— Ну ладно, ребята, не давайте себя в обиду. Пока, Джилл.

Тимошенко торопливо ушел — и тут же в балагане появилась Патриция Пайвонская, успевшая уже прикрыть свои нательные фрески халатиком.

— Ребята? Знаю, Тим зарубил ваш номер...

— Ничего, Пэт, мы и сами собирались уйти.

— А я вот тут думаю, не послать ли мне этого сукина сына подальше, прямо зла на него не хватает.

— Слушай, Пэт, ты бы...

— А что, уйду, и пусть он кукарекает без финала! На другие номера исполнителей найдется сколько угодно, только свистни, а вот заключительный — такой, чтобы лохи не забросали его тухлыми яйцами, — это еще поискать и поискать.

— Но ведь он совершенно прав. Ну какой из меня шоумен?

— В общем-то... только мне будет очень без вас скучно. Вы ж мне прямо как родные. Слушайте, знаете, что я придумала, — до утра я свободна, так пойдем ко мне в палатку, посидим, потреплемся, пошли, а?

— Идем лучше к нам, — предложила Джилл. — Полежишь в большой хорошей ванне, отмокнешь как следует.

— Н-ну... только я сбегаю за бутылкой.

— Нет, — остановил ее Майк. — У нас у самих этого добра хватает, я же знаю, что ты пьешь.

— Н-ну... Вы же в «Империале» остановились, да? Только мне все равно нужно сбежать проверить, как там мои крошки, и сказать Пышечке, чтобы не скучала. На полчаса, не больше, а потом словлю такси.

Городишко был маленький, без автоматической системы управления транспортом, так что Майк управлял машиной вручную. Он вел ее точно на максимальной допустимой скорости, проскальзывал в просветы, которых Джилл даже не замечала, пока те не оказывались позади. И все это — без малейших усилий, словно играючи. Джилл такому только начинала учиться; Майк так растягивал свое время, что жонглирование яйцами в воздухе — или машиной в плотном потоке движения — становилось элементарнейшим делом; все окружающее двигалось с черепашьей скоростью, как при замедленном показе фильма. А ведь какие-то месяцы назад, подумала Джилл, этот же самый парень с ботиночными шнурками и с теми не мог справиться. Даже не верится.

Они молчали — очень трудно общаться с собеседником, чьи мысли двигаются совсем не с той, как у тебя, скоростью. Вместо этого Джилл думала о жизни, оставляемой ими позади, вспоминала ее в мельчайших подробностях, возносила ей хвалу — по-марсиански и по-английски. Новая жизнь ей очень нравилась. Раньше, до встречи с Майком, Джилл была рабыней часов, вечно боялась куда-нибудь опоздать, сперва — в школу на урок, потом — в училище на лекцию, потом — в больницу, к началу смены.

Карнавальный быт организован совсем иначе. Там ей почти ничего не приходилось делать в точное, определенное вре-

мая — разве что несколько раз в день покрасоваться на подмостках. Майку было абсолютно безразлично, кормят его один раз в день или шесть и как там Джилл ведет домашнее хозяйство. У них была своя палатка; в некоторых городах они даже не покидали территории карнавала — так и сидели на ней до отъезда. Карнавал был теплым, уютным гнездом, куда не проникали беды и тревоги внешнего мира.

Само собой, территория карнавала вечно кишела посетителями, но Джилл быстро усвоила карнавальную точку зрения: посетители не в счет, все равно что рыбки аквариумные. Теперь она понимала и девушек-танцовщиц, которые, не испытывая ни малейшего смущения, выступали на сцене в весьма откровенных нарядах (а иногда и без них, если удавалось договориться с местными властями), а в свободное время вели себя чинно и скромно. Ведь для них посетители не люди, а лохи, чья единственная жизненная функция — выкладывать наличные.

Золотые карнавалы денечки. А ведь сперва, когда Майк только-только вышел — чтобы получить образование — в большой мир, дело складывалось значительно хуже. Их нередко узнавали и начинали преследовать, иногда репортеры, иногда какие-то люди, которые вдруг решили, что имеют полное право чего-то там от Майка требовать. Приходилось уклоняться, спасаться бегством, прятаться, зачастую с большими трудностями.

Нужно было что-то делать; Майк придумал своему полудетскому лицу более зрелый вид, произвел еще некоторые изменения — благо трудностей это для него не представляло никаких. Новая внешность плюс тот факт, что они с Джилл стали держаться таких мест, где никто и никак не ожидал встретить Человека с Марса, обеспечили благословенный покой. Однажды, когда Джилл звонила Джубалу, чтобы сообщить очередной свой адрес, тот предложил удобную легенду, Джилл охотно согласилась и уже через несколько дней прочитала в газете, что Человек с Марса удалился в некий неназываемый тибетский монастырь.

«Тибетский монастырь» располагался в каком-то богом и людьми забытом городишке, это был гриль «У Хэнка», куда Джилл устроилась официанткой, а Майк — мыть посуду. Работа как работа, ничем не хуже медсестринской. Ноги у Джилл больше не болели, а посуда мылась у него очень быстро, особенно когда хозяин отлучался и Майк мог воспользоваться своими, специфическими методами. Здесь Джилл с Майком просидели неделю, а затем двинулись дальше, иногда работая на новом месте, иногда нет. И почти ежедневно ходили в какую-нибудь местную библиотеку, начиная с того момента, когда Майк узнал об их существовании. Прежде он считал, что у Джубала есть *все* изданные на Земле книги; неожиданная чудесная новость чуть не на месяц задержала их с Джилл в Акроне, штат Огайо. Все это время Джилл ходила по магазинам, тратила от скуки деньги — вцепившийся в книгу Майк был почти недоступен для общения.

Самым, пожалуй, веселым эпизодом этого плутания по стране было «Варьете Бакстера — Полный Оттяг». Джилл даже хихикнула, вспомнив тот раз, когда их — да в каком же это городе? — прихватили. Весь кордебалет, а за что, спрашивается? Ведь шоу всегда работало по точно оговоренным с местными властями правилам — ну там в лифчиках или без, при слабом свете или в сиянии прожекторов, да и все что угодно. И вдруг на тебе, пожалуйста. Невесть откуда взявшийся шериф запрещает представление, волочет девочек к судье, а тот уже вроде и готов их не только оштрафовать, но и упечь в каталажку, якобы за бродяжничество. Карнавал прикрыли, все карнавальщики дружно двинулись в суд, а заодно с ними и те люди, которым очень хотелось посмотреть на «бесстыжих женщин»; Майк и Джилл скромно пристроились в конце зала, у стенки.

Джилл тысячу раз вдалбливала Майку, что он *никогда* не должен делать ничего такого экстраординарного при людях, если есть опасность себя обнаружить. Но Майку вдруг грокнулось, что сейчас — один из критических моментов...

Зал взревел — и шериф, только что дававший (с прямо-таки непристойным удовольствием) показания о «непристойном

поведении в общественном месте», и судья, со столь же непристойным удовольствием эти показания выслушивавший, предстали глазам собравшихся в почти полном (за вычетом фиговых листочков) костюме Адама. Зрелище воистину непристойное.

Началась суматоха, Джилл с Майком быстренько смылись, чуть не угодившие за решетку девочки — тоже; карнавал упаковал вещички и переехал в другой, не такой жульнический городок. Никто так и не связал волшебство с имевшимся под рукой волшебником.

А какие морды были у этой парочки, особенно у шерифа, раз увидишь — век не забудешь. Джилл мысленно окликнула Майка — напомнить, как смешно выглядел тогда провинциальный страж правопорядка, отвисшее волосатое пузо которого явно свидетельствовало о том, что обычно его стягивал исчезнувший корсет, но тут же осеклась; по не совсем ясной причине они могли поддерживать телепатическую связь только на марсианском языке — в котором отсутствовало понятие «смешно».

— (Да, Джилл?) — мысленно откликнулся Майк.

— (Ладно, потом.)

Вот и гостиница; Майк посадил машину на стоянку, и тут же — Джилл отчетливо это ощутила — его мысли потекли медленнее, с обычной скоростью. Жизнь в палатке среди карнавальщиков нравилась ей больше гостиничной во всех отношениях, кроме одного: там не было ванны. Душ — вещь неплохая, но набрать полную ванну горячей воды, забраться туда и *отмокать* — разве можно представить себе большее наслаждение? Поэтому иногда они устраивались в гостинице и брали напрокат машину. В отличие от Джилл, Майк не имел с детства привитой, почти инстинктивной ненависти к грязи. Теперь он был таким же чистым, как и она, — но только потому, что Джилл его перевоспитала. Чтобы поддерживать себя в безукоризненном виде, Майку не нужно было даже умываться, однако прошедшее время ничуть не уменьшило благоговейного восторга, с которым он погружался в воду жизни.

(Кстати сказать, ходить в парикмахерскую Майку тоже не требовалось — достаточно было узнать у Джилл, какую прическу хотела бы она видеть на его голове.)

Гостиница была старая и порядком подзапущенная, «люкс для новобрачных» не отличался особыми удобствами, однако на размеры ванны жаловаться не приходилось. Джилл сразу же пошла наливать воду — и ничуть не удивилась, обнаружив, что раздеваться уже не надо. Как только очередной наряд начал ей надоедать, Майк мгновенно отправлял его в никуда — зная, как любит Джилл ходить по магазинам, он подыгрывал этой ее слабости. Если бы не опасность вызвать у не слишком богатых товарищей подозрения, такое бы происходило ежедневно.

— Спасибо, милый! — крикнула Джилл. — Полезли в воду!

Майк успел уже то ли раздеться, то ли «исчезнуть» свою одежду, скорее первое, — для него посещение магазина было не развлечением, а лишней докукой. Он видел в одежде только нужную людям — но никак не ему самому — защиту от холода и ветра.

Они сели в ванну лицом друг к другу; Джилл сложила ладони лодочкой, зачерпнула воду, чуть тронула ее губами, а затем протянула Майку. Этим — совершенно излишним — ритуалом она напоминала ему и самой себе то, что не нуждалось ни в каких напоминаниях, что пребудет с ними до скончания веков.

— Там, в дороге, я подумала, — сказала Джилл, выплескивая воду из ладони в ванну, — какое смешное лицо было у того голого шерифа.

— Оно было смешное?

— До слез. Я чуть не расхохоталась в голос, только не хотелось привлекать лишнего внимания.

— Объясни мне, пожалуйста, почему? Я не понимаю, где здесь шутка.

— Н-ну... нет, не получится. Какой-нибудь анекдот — его объяснить можно, а тут совсем другое дело, тут слово «шутка» не годится.

— Я не грокаю, что он был смешным. — В голосе Майка слышалось недоумение. — В обоих этих мужчинах — и в шерифе, и в судье — я грокал одну только неправильность. Я точно знал, что убирать их нельзя, ты будешь сердиться, а то обязательно так бы и сделал.

— Милый ты мой Майк, — Джилл коснулась его щеки. — И совершенно правильно. То, что ты придумал, было гораздо лучше. Эти люди никогда не забудут случившегося, а в этом городке никого больше не арестуют за «оголение в общественном месте» — можно смело дать гарантию лет на пятьдесят. Поговорим лучше о другом. Мне очень жаль, что наш номер провалился. Ты же видел, сколько я билась над этой текстовкой — и так пробовала, и этак, — но ведь я-то тоже не шоумен.

— Нет, Джилл, это все я виноват. Правильно Тим говорит — не грокаю я лохов. Но поработать с карнавальщиками было очень полезно... Я грокаю, что теперь я грокаю лохов немного лучше, чем раньше.

— Не нужно называть их лохами — это карнавальщики так говорят, а мы уже не карнавальщики. Люди они, просто люди, а никакие не «лохи».

— Мне грокается, что они все-таки лохи.

— Да, милый, да, конечно, но говорить так невежливо.

— Я запомню.

— Ты уже решил, куда мы дальше?

— Нет. Когда время придет, я буду знать.

И верно, Майк всегда знал. С момента своего резкого, неожиданного перехода от послушания всем и вся к доминантности он день ото дня прибавлял в силе и уверенности. Робкий мальчик, которому было не под силу удержать на весу пепельницу и пресс-папье, повзрослел, окреп и теперь с легкостью поднимал в воздух далеко не субтильную девушку, занимаясь параллельно прочими делами. Создавалось впечатление, что его силы вообще безграничны. Вспомнить хотя бы тот случай, когда пустырь, любезно предоставленный горожанами карнавалу, превратился после дождя в болото, и в этом болоте увяз грузовик; двадцать мужиков его вытаскивали — и не смогли,

а затем подошел Майк, уперся плечом, и застрявшее заднее колесо мгновенно выдернулось из грязи. Майк, конечно же, сделал вид, что имеет к тому самое малое отношение, так что никто ничего даже и не заподозрил.

А еще Джилл вспомнила, как он наконец грокнул, что неодушевленные предметы — в отличие от живых существ — можно «исчезать» безо всякой в них «неправильности». То, прежнее ограничение предназначалось только для детенышей, взрослый мог поступать по своему собственному гроканью. (Например — раздеть шерифа и судью. Или Джилл.)

Интересно, чего еще можно от него ждать? Как бы там ни было, беспокоиться особенно не о чем, Майк — человек умный и добрый.

— Майк, а вот было бы здорово, если бы здесь, в этой ванне, с нами были и Доркас, и Энн, и Мириам. Ну и, конечно, папа Джубал, и ребята, и... ну, вообще, вся семья!

— Ванны не хватит.

— Ничего, в тесноте, да не в обиде. В бассейне, конечно, просторнее. А когда мы снова их навестим? Джубал говорит, что соскучился без нас.

— Грокаю, что скоро.

— «Скоро» — по-марсиански? Или по-земному? Ладно, милый, это будет, когда ждание исполнится. К слову сказать, скоро — по-земному «скоро» — здесь будет тетушка Пэтти. Ты меня помоешь?

Джилл встала. Кусок мыла вылетел из мыльницы, быстро прошелся по всему ее телу и вернулся на место; еще секунда — и мыльная пленка вскипела пеной.

— Ой, ты что, щекотно же!

— Ополоснуть тебя?

— Не надо, лучше окунусь.

Джилл присела на корточки, поплескала на себя водой и снова встала.

— Ну вот, как раз вовремя.

Послышался стук в дверь, а затем — знакомый голос:

— Ребята? Вы как там, в приличном виде?

— Сейчас, Пэт! — крикнула Джилл, вылезая из ванны, и тут же обернулась к Майку: — Подсуши меня, пожалуйста.

Через мгновение даже ее ноги не оставляли на полу мокрых отпечатков.

— Милый, ты только не забудь одеться. Пэтти у нас — леди, не то что я.

— Я запомню.

27

Джилл торопливо накинула халат и бросилась в гостиную.

— Заходи, заходи. Мы тут купались, Майк сейчас оденется и выйдет. Сейчас я налью тебе первую, а вторую примешь прямо в ванной. В большой лохани, до краев наполненной горячей водой.

— Да, перед таким соблазном не устоишь — хотя я успела за это время не только Пышечке сказку на ночь рассказать, но и под душем ополоснуться. Только ты, Джилл, не подумай, я к вам не из-за ванны пришла, у меня просто сердце кровью обливается, что Тим вас прогнал.

— Да нет, все он правильно сделал, — откликнулась Джилл, возившаяся со стаканами и бутылками; гостиница была такой допотопной, что даже в «люксе для новобрачных» не было льда — за ним приходилось отправлять посыльного. — Номер у нас не слишком, дорабатывать надо. Но мы постараемся не терять вас из виду.

— И очень даже хороший номер. Добавить в него пару хохм, чтобы смеялись, и... Привет, Смитти!

Она протянула Майку обтянутую перчаткой руку. За пределами карнавала миссис Пайвонская неизменно надевала перчатки, плотные чулки и платье с глухим воротом, превращаясь таким образом в респектабельную вдову средних лет, бдительно следящую за своей фигурой — то есть фактически в самое себя.

— Я вот как раз убеждала Джилл, что у вас очень хороший номер.

— Не надо, Пэт, — улыбнулся Майк. — Дерьмо это, а не номер.

— Никакое он не дерьмо. Ну, конечно, можно бы его чуть оживить, вставить хохму-другую, а может — Джилл немного подраздеть. А что, Джилл, у тебя же отличная фигура.

— Не-а, — печально покачала головой Джилл. — Не может.

— А вот один мой знакомый фокусник одевал свою ассистентку в стиле веселых девяностых — тысяча восемьсот девяностых, значит. Воротник под подбородок, ноги спрятаны по самые щиколотки — а потом он лущил ее, как луковицу, все эти одежды исчезали, слой за слоем. Знаешь, как лохи балдели? Ты только не думай, я совсем не уговариваю тебя на какую-нибудь неприличность, — в конце номера на этой ассистентке было надето примерно столько же, как на тебе сейчас.

— Да какие там неприличности, — улынулась Джилл. — Знаешь, Пэтти, если бы не легавые, я и вообще выступала бы совсем без ничего. Только они ведь прихлопнут номер — и с приветом, — искренне призналась она и на миг задумалась, как бы отреагировала на это заявление медсестра Джиллиан Бордман, дежурная по этажу. Вот к чему общение с Майком приводит... и ей это нравится.

— И что бы из этого вышло? Лохи к такому не приучены, они бы сами разнесли всю лавочку, не дожидаясь никаких легавых. Но если у тебя есть фигура — отчего бы не использовать ее на все сто? Вот, скажем, я — далеко бы я ушла как татуированная женщина, если бы не заголила все, что только можно, можно — в смысле законов?

— Кстати, о раздевании, — заметил Майк. — С тебя, Пэт, скоро пот начнет капать. Кондиционер в этой ночлежке скис, так что сейчас тут градусов девяносто.

На нем самом был легкий халат — в своей компании карнавальщики одевались достаточно непринужденно, да и вообще жара Майку практически не досаждала, чуть-чуть подрегули-

ровать обмен веществ, и все в порядке. Но вот гостя их при-
выкла выступать почти обнаженной и куталась в одежду толь-
ко среди лохов, пряча от них свои татуировки.

— Между нами, девушками, — ты могла бы и снять с себя
всю эту упаковку, зачем зря париться.

(Первая часть фразы представляла собой шутку, эмфати-
ческий оборот, подчеркивающий, что разговор ведется в тес-
ном кругу знакомых. Согласно объяснению Джубала, оборот
этот мог употребляться не только женщинами, но и мужчина-
ми — Майк не совсем понимал, почему это так, но к сведению
принял.)

— Не стесняйся, Пэтти, — поддержала его Джилл. — Если
у тебя под платьем ничего нет, я могу дать что-нибудь из сво-
его. Ну или велим Майку глаза закрыть.

— Н-ну... да нет, спасибо, у меня там костюм, в котором я
выступаю.

— И нечего тогда стесняться, здесь все свои. Повернись,
я расстегну молнию.

— Ой, дай я сперва сниму туфли и чулки.

Продолжая болтать, миссис Пайвонская лихорадочно ду-
мала, как бы поестественнее перейти на вопросы религии.
Ясно, как божий день, что детишки, благослови их Господь,
вполне готовы стать ищущими, только раньше можно было
вроде бы и не спешить — целый сезон впереди, — а тут вдруг
такое. Уедут — и кто же там приобщит их к Свету?

— В шоу-бизнесе, Смитти, нужно понимать лоха, это са-
мое главное. Ну конечно, если бы ты был *настоящим* волшеб-
ником... нет, лапа, я совсем не хочу сказать, что ты плохо рабо-
таешь, работаешь ты здорово.. А теперь расстегни, пожалуй-
ста — Она засунула чулки в туфлю, аккуратно сняла пояс
с подвязками и повернулась к Джилл спиной. — Я имела в ви-
ду — если бы ты и вправду подписал договор с дьяволом. Но
ведь лохи прекрасно знают, что все это фокусы, ловкость рук
А раз так — надо вести себя повеселее, вроде как подмигивать
им: здорово я вас дурю! Вот ты видел хоть у одного огнеглата-
теля хорошенькую ассистентку? Ни в коем разе, в *его* номере

она была бы совсем не к месту, ведь лохов никогда не оставляет надежда — а вдруг он все-таки загорится.

Пэт бросила стянутое через голову платье на пол.

— Ну вот, тетя Пэтти, такой мы и привыкли тебя видеть. — Джилл наклонилась и чмокнула ее в щеку. — А теперь посиди спокойно и выпей.

— Подожди секундочку.

(Господи, немо взмолилась миссис Пайвонская, укажи мне стезю истинную. Научи вывести к Свету эти заблудшие души.) Ладно, картины скажут все сами без слов — для того Джордж их и рисовал.

— Вот этим-то всем я и привлекаю лохов. Ну а вы, ребята, вы-то рассматривали хоть раз мои картины? Я имею в виду, по-настоящему — рассматривали?

— Нет, — призналась Джилл. — Не хотели пялиться, словно лохи какие.

— А вы пяльтесь, милые, пяльтесь — ведь для того-то Джордж, упокой, Господи, душу его, картины эти и рисовал. Чтобы рассматривать их и изучать. Здесь, под подбородком, рождество пророка нашего святого архангела Фостера — здесь он еще дитя невинное, не ведает еще, не гадает, какую судьбу Господь ему предуготовил. А вот ангелочки знали — видите, как они собрались вокруг? Дальше, вот тут — первое его чудо: юный грешник, учившийся в деревенской школе, он подстрелил бедную маленькую птичку... а потом залился слезами, подхватил ее на руки, погладил — и птичка улетела прочь, целая и невредимая, веселой песнью своей славя Господа. Вот, тут и школа вдалеке видна. Ну, дальше там сколько-то лет перескакиваем, но все священные события из жизни Фостера на мне изображены. Вот теперь я к вам лучше спиной повернусь...

Пэт рассказала, как, принимаясь за величайший труд своей жизни, Джордж страдал от нехватки чистого холста, потому как они в юности были грешниками и у Патриции старых табуировок хватало, но потом его посетило озарение и он превратил «Нападение на Перл-Харбор» в «Армагеддон», а «Си-луэт Нью-Йорка» — в «Град священный».

— Но даже превратив каждый дюйм старых своих работ в картины святые, — продолжила она, — Джордж не остановился, он чувствовал, что должен воплотить — отразить на живой плоти — главные вехи жизненного пути Пророка нашего. Вот тут Он проповедует на ступенях нечестивой богословской семинарии, которая Его отвергла, — как раз там Его и арестовали впервые, с чего и начались гонения. А с другой стороны, у позвоночника, Он низвергает идолов... рядом, чуть дальше, Он в тюрьме, и на Него струится Свет Божественный. А потом Немногие Верные врываются в эту тюрьму...

(Преподобный Фостер ой как хорошо понимал, что в борьбе за свободу совести кастеты, велосипедные цепи и готовность сцепиться с полицией значат гораздо больше, чем пресловутое ненасильственное сопротивление. Церковь его уже с пленок была церковью воинствующей, но он прекрасно понимал тактику и начинал крупное сражение только в тех случаях, когда на стороне Бога была тяжелая артиллерия.)

— ...спасают Его, а нечестивого судью, который заточил Его в узилище, вываливают в смоле и перьях. С другой стороны, спереди... нет, тут вы ничего не увидите, это под лифчиком. А жаль.

— (Майкл, чего она хочет?)

— (Ты ведаешь. Скажи ей.)

— Тетя Пэтти, — осторожно начала Джилл, — ты же хочешь, чтобы мы посмотрели все твои картины, правда?

— Вообще-то... Тим, он же говорит лохам чистую правду: чтобы история была полной, Джордж использовал каждый дюйм моей кожи.

— И если Джордж столько трудился, значит он хотел, чтобы на эти картины смотрели. Сними купальник. Я тут говорила, что совершенно спокойно согласилась бы выступать голкой. В чисто развлекательном номере, а у *тебя* есть предназначение. *Священное* предназначение.

— Ну... если вы так хотите...

Миссис Пайвонская мысленно вознесла хвалу Господу. Это, наверное, архангел Фостер вмешался силой своей небесной.

С его и Божьей помощью — и с помощью Джорджевых картин — она поможет этим милым детям найти дорогу к Свету.

— Повернись, я тебя расстегну.

— (Джилл...)

— (Ты что, Майкл?!)

— (Подожди.)

В то же мгновение ошеломленная миссис Пайвонская лишилась пятнистых (под расцветку Пышечки) трусов и лифчика. Джилл восприняла исчезновение своего халата как нечто совершенно естественное и лишь немного удивилась, когда тем же, не совсем традиционным способом разделся и Майк — скорее всего, это следовало отнести на счет его хороших манер.

Некоторое время Пэтти пребывала в полном ступоре, а затем громко ахнула.

— Успокойся, милая, — ласково обняла ее Джилл. — Все в порядке. Майк, признавайся.

— Хорошо, Джилл. Пэт...

— Да, Смитти?

— Ты говорила, что мой номер — просто ловкость рук. Ты собиралась снять свой костюм, вот я тебе и помог.

— Но *как?* И *где* он?

— Там же, где халат Джилл — и мой. Исчез.

— Только ты, Пэтти, не беспокойся, — вмешалась Джилл. — Мы достанем тебе другой такой. Или два. Даже лучше. Зря ты это, Майк.

— Извини, Джилл. Я грокал, что это правильно.

— Н-ну... может, и так.

(Тетя Пэтти вроде не очень расстроилась, а уж болтать-то она точно никому не станет, карнавальщики умеют держать язык за зубами.)

Миссис Пайвонская ничуть не горевала по двум пропавшим тряпочкам, да и к наготы — что своей, что окружающих — она относилась вполне спокойно. Но вот проблема фундаментальная, можно сказать — теологическая...

— Смитти? Это что — *настоящее* волшебство?

— Думаю, можно назвать это и так, — осторожно согласился Майк.

— А вот я назвала бы это чудом. — Голос Пэт дрожал от еле сдерживаемого возбуждения.

— Называй как хочешь, но только ловкость рук тут ни при чем.

— Знаю. Ты даже близко ко мне не подходил.

Патриция Пайвонская, которая свободно управлялась как с живыми кобрами, так и с обнаглевшими лохами, всегда уповала на Господа, а потому ничего не боялась, даже самого дьявола, зная, что крепка в вере и Сатане неподвластна. Но вот судьба друзей ее волновала.

— Ну-ка, Смитти, посмотри сюда. Ты что, подписал договор с дьяволом?

— Нет, Пэт, ничего подобного.

Она продолжала всматриваться ему в глаза, ища правду.

— Похоже, ты не врешь...

— Тетя Пэтти, он и вообще врать не умеет.

— ...а значит, это — чудо. Смитти... да ты же *святой*!

— Не знаю, Пэт.

— Архангел Фостер узнал о своем даре только в пятнадцать лет, хотя творил чудеса и раньше. Ну точно, ты — святой. Если подумать, я почувствовала это сразу, как тебя увидела.

— Не знаю, Пэт.

— Вполне возможно, что Майк и святой, — согласилась Джилл. — Но сам он этого не знает. Майкл... мы рассказали уже так много, что нет смысла скрывать остальное.

— Майкл! — Глаза миссис Пайвонской расширились. — Архангел Михаил, ниспосланный нам в облике человеческого!

— Не надо, Пэтти! Даже если и так, все равно Майк об этом не знает.

— А почему он должен знать? Чудны и таинственны дела Господа нашего.

— Тетя Пэтти, позволь мне, пожалуйста, вставить хотя бы слово.

Вскоре миссис Пайвонская уяснила себе главный факт: Майк — Человек с Марса. С трудом и не сразу она согласилась

относиться к нему как к нормальному человеку — отнюдь не отказываясь от собственной своей теории, кто он такой и за чем попал на Землю; и то сказать, вот, например, Фостер жил на Земле как обыкновенный человек — и в то же самое время *всегда*, предвечно, пребывал и пребудет архангелом. Ну а если Джилл и Майк не считают себя спасенными, даже на этом настаивают, — ладно, она будет относиться к ним так, как они того хотят. Пути Господни неисповедимы.

— Вот «ищущими» нас, пожалуй, и можно назвать, — помог ей Майк.

— И этого, родные мои, вполне достаточно! Я ничуть не сомневаюсь, что вы спасены, — ведь даже сам Фостер был сперва простым ищущим. И я вам помогу.

Они расположились прямо на ковре, и вскоре Пэт стала не только свидетельницей, но и непосредственной участницей еще одного чуда. Джилл легла на спину, переговорила — мысленно — с Майком, и тот поднял ее — спокойно, безо всякого карнавального трепана и бутафории. Лицо наблюдавшей за ними Патриции сияло благоговейным счастьем.

— Пэт, — сказал затем Майк, — ложись на спину.

Она подчинилась, с абсолютной, нерассуждающей готовностью, словно приказу самого Фостера.

— Майк, а может, ты меня опустишь? — немного встревожилась Джилл.

— Нет, мне совсем не трудно.

Что-то мягкое, нежное — и невидимое — осторожно подняло миссис Пайвонскую в воздух. Страху не было — только ошеломляющий религиозный экстаз, молнией пронизавший ее чресла, заставивший слезы брызнуть из глаз. Такой силы Пэт не ощущала еще ни разу, во всяком случае — с того времени, когда жив был еще святой Фостер. Майк пододвинул Джилл к Пэт, и они обнялись; слезы, катившиеся теперь еще обильнее, перемежались громкими, счастливыми всхлипываниями.

Затем они снова лежали на полу, — а Майк не ощущал ни малейшей усталости, он вообще начал уже забывать, что такое усталость.

— Майк... — окликнула его Джилл. — Нам нужна вода.

— (????)

— (Да.)

— (А потом?)

— (Приятная необходимость. Зачем, думаешь, она сюда пришла?)

— (Я знал. Я не был уверен, что ты знаешь... и что ты одобришь. Брат мой. Мой я.)

— (Брат мой.)

Майк послал стакан в ванную, наполнил его из-под крана, вернул назад и опустил прямо на ладонь Джилл. Миссис Пайвонская наблюдала за всем этим с интересом, но не более. У нее не было уже сил изумляться.

— Тетя Пэтти, — сказала Джилл, — это вроде крещения... или обручения. Это... ну, такая марсианская штука. Это значит, что ты веришь нам, а мы верим тебе... что мы можем все тебе рассказать, а ты можешь все рассказать нам... и что мы теперь вместе — и теперь, и навсегда. Но только обратного хода нет. Если ты нарушишь эту связь, мы умрем. Умрем сразу — спасенные там или неспасенные. А если нарушим *мы*... но мы никогда такого не сделаем. Только ты не подумай, никто тебя не заставляет, если не хочешь — можешь не делить с нами воду, и мы все равно останемся друзьями. Если тебе мешает твоя вера — не надо. Мы не принадлежим к твоей церкви и, возможно, не будем принадлежать никогда. Мы — «ищущие», но никак не более. Ты согласен, Майк?

— Мы грокаем воедино, — кивнул Майк. — Пэт, Джилл говорит правильно. Жаль, мы не можем сказать тебе этого по-марсиански, было бы яснее. Тут все, что есть, когда люди жենятся, и гораздо больше. Нам никто не мешает предложить тебе воду, но если в твоей религии или в твоём сердце есть какие-нибудь препятствия — *не пей!*

Патриция Пайвонская глубоко вздохнула. Однажды она уже приняла подобное решение — прямо на глазах у собственного мужа... и не нарушила его, не отступила. И кто она такая, чтобы отказывать святому? И его благословенной невесте?

— Да, — твердо сказала она. — Я выпью.

Джилл сделала глоток.

— Мы всегда будем возвращать близость, — сказала она, передавая стакан Майку.

— Спасибо за воду, брат мой.

Майк тоже отпил из стакана.

— Пэт, я даю тебе воду жизни. Да пьешь ты всегда водосталь.

Пэт приняла от него стакан:

— Спасибо. Спасибо вам, мои родные. Вода жизни... Как же я вас обоих люблю.

Она пила большими глотками, словно ее давно мучила жажда.

Джилл забрала у нее стакан и допила все, что в нем оставалось.

— Мы стали ближе, братья мои.

— (Джилл?)

— (Сейчас!!)

Майкл поднял своего нового брата; поддерживаемая невидимой силой, Патриция плавно проплыла в спальню и опустилась на кровать.

Валентайн Майкл Смит грокал, что физическая любовь людей — очень физическая и присущая только людям — это не просто оплодотворение яиц, и даже не ритуал, символизирующий возвращение близости, возвращением близости является уже сам ее акт. Он старался грокнуть поразительный феномен во всей его полноте, использовал для этого буквально каждую возможность — чем дальше, тем больше приходя к убеждению (совсем еще недавно — кощунственному, невероятному), что *такой* экстаз неведом даже Старикам: духовные глубины людей превосходили все мыслимые и немыслимые представления. И Майк пытался исследовать эти глубины — с радостью первооткрывателя, а главное — без вины и смущения, порождаемых внушенными с детства запретами.

Земные наставницы Человека с Марса, нежные и беззаветные, не причинили его невинности ни малейшей боли; резуль-

тат получился уникальный, не менее уникальный, чем сам Майк. Разделив с Майком и Джилл — в рамках древнейшего из марсианских ритуалов — воду, Пэт без всяких колебаний приняла последствия этого шага — разделила, теперь уже в ритуале человеческом, с Майком постель (или, если хотите, самого Майка — с Джилл). Не находя в этой безоглядной легкости ничего странного, Джилл несколько удивлялась, что живописная ее подруга (теперь — более чем подруга) воспринимает способность Майка творить чудеса и *здесь тоже* как нечто само собой разумеющееся. Но Пэт была уже когда-то знакома со святым, она ожидала от святых большего, чем от людей обычных..

Джилл радовалась, что критический момент разрешен правильным действием — а потом время созрело, и это тихое, умиротворенное счастье сменилось яростным, экстатическим счастьем возвращаемой близости.

А потом они отдыхали, и Джилл попросила Майка телекинетически обмыть Патрицию, и та визжала и хихикала, и Джилл тоже визжала и хихикала. Сама Джилл познакомилась с таким невидимым мытьем уже давно, постепенно это стало у них вроде как семейной традицией, совсем не марсианской и очень человеческой игрой, — традицией, которая обязательно понравится Пэтти. Было до слез смешно смотреть, какое стало у Пэтти лицо, когда она вдруг почувствовала, что ее скребут невидимые руки, и потом, когда все ее тело вдруг сразу, само собой высохло — и без полотенца, и без воздушной сушилки.

— После такого, — сказала Пэтти, — полагается выпить.
— Само собой, милая.
— К тому же я так и не показала вам остальные мои картины.

Они вернулись в гостиную, и Пэт встала прямо посередине ковра.

— Посмотрите сперва на меня. На *меня*, а не на картины. Что вы видите?

Майк мысленно убрал татуировки и оглядел нового брата по воде в первоизданном, так сказать, виде, безо всяких укра-

шений. Татуировки ему очень нравились, они выделяли Пэт среди всех остальных женщин, делали ее индивидуумом. Они придавали ей нечто вроде как марсианское, с ними Пэт не имела этой одинаковости, отличавшей большинство людей. (Отличавшей — от кого? Скорее уж, *не отличавшей* их друг от друга.) Майк даже подумывал покрыть самого себя татуировками — нужно только грокнуть, что же на них должно быть изображено. Житие его отца, брата по воде Джубала? Об этом стоило подумать. А может быть, и Джилл захочет себе татуировку? Какие картины сделают Джилл еще более прекрасной Джилл?

То, что увидел Майк, глядя на Пэт, лишенную татуировок, понравилось ему несколько меньше; она выглядела как и должна выглядеть женщина. Майк все еще не грокал Дюкову коллекцию; из нее можно было узнать, что бывают женщины самых разнообразных форм, размеров и расцветок и что в акробатике любви тоже возможно некоторое разнообразие — и ровно ничего, кроме этого. Полученное Майком воспитание сделало его идеальным наблюдателем, а заодно лишило его восприимчивости к утонченному наслаждению, испытываемому некоторыми людьми при подглядывании в замочную скважину спальни. И не то чтобы женщины (в том числе, конечно же, и Патриция Пайвонская) его не возбуждали — просто информация, получаемая зрением, способствовала этому возбуждению крайне мало. Основную роль играли здесь обоняние и осязание — следствие смешанной, полумарсианской-получеловеческой природы Майка; марсианский рефлекс, аналогичный нашему половому (и не более утонченный, чем чихание), стимулируется именно этими чувствами, правда только во вполне определенный, весьма непродолжительный период оплодотворения. Марсианская «любовь» не более романтична, чем внутривенное питание.

Зато без татуировок стало еще виднее, что у Патриции есть свое собственное лицо. Лицо, отмеченное красотой прожитой жизни и — как с крайним удивлением понял Майк — еще более *свое*, чем лицо Джубала; в Майке с новой силой вспыхнула

любовь к Пэт (сам он словом «любовь» пока не пользовался, заменяя его более точным марсианским понятием).

И у нее был свой собственный запах и свой собственный голос. Голос Пэт звучал чуть хрипловато, Майку нравилось слушать его — даже тогда, когда смысл слов не грокался. В запахе ее ощущалась горьковатая, мускусная примесь — от работы со змеями. Змеи, как и татуировки, были частью Пэт. Змей Майк тоже любил, он умел общаться даже с ядовитыми — и не только благодаря способности растягивать время, обеспечивавшей ему полную неуязвимость. Змеи с ним сгрокивались, он с удовольствием слушал их невинные, безжалостные мысли, так напоминавшие о Марсе, о доме. Майк был единственным — кроме, конечно же, самой Пэт, — чьи руки любила Пышечка. Огромная удавиха отличалась огромной же флегматичностью, буквально каждый мог делать с ней почти все что угодно, ничего при этом не опасаясь, но любила она только свою хозяйку — и Майка.

Майк вернул татуировки на место.

И зачем только тетя Пэтти позволила себя разрисовать, думала Джилл. Не будь она похожа на ходячий комикс — вид был бы вполне приличный. Джилл любила саму Патрицию, а не то, как та выглядит, — не нужно, кстати, забывать, что эти картины обеспечивают ей пропитание... пока она не постареет настолько, что лохи не захотят больше на них смотреть, кто бы уж их там ни изобразил — хоть Джордж, хоть сам Рембрандт. Будем надеяться, что у нее хватает ума откладывать себе на старость... и тут Джилл с радостью вспомнила, что теперь тетя Пэтти — брат по воде, а значит, надежно обеспечена сказочным состоянием Майка.

— Ну так что? — переспросила миссис Пайвонская. — Что же вы видите? Вот ты, Майк, как ты думаешь, сколько мне лет?

— Я не знаю.

— Угадай.

— Я не могу, Пэт.

— Брось, попробуй.

— Не надо, Пэтти, — вмешалась Джилл, — он же и вправду не может. Не успел еще толком научиться определять воз-

раст, — ты же знаешь, как недолго он здесь, на Земле. К тому же Майк думает в марсианских годах и марсианской системе счисления. Насчет времени и чисел он всегда прибегает к моей помощи.

— Н-ну... а тогда ты, лапа. Только говори по-честному.

Джилл внимательно оглядела Пэтти, отметила и ее стройную, подтянутую фигуру, и предательские морщинки на шее, руках и вокруг глаз, а затем плюнула на честность, обязательную при общении братьев по воде, и скинула пять лет.

— М-м-м, ну, думаю, лет тридцать с небольшим.

Миссис Пайвонская весело расхохоталась:

— Вот видите, милые, что это значит — жить в Истинной Вере. Джилл, лапа, да мне же много за сорок — так много, что я уж и забыла, сколько именно.

— Никогда бы не поверила!

— Вот, милая, что делает с человеком счастье. После первого ребенка я совсем расползлась. Брюхо — как на седьмом месяце, груди обвисли. Ты, кстати, не подумай, я их не подтягивала, можешь посмотреть... конечно, после хорошего хирурга шрамов не видно, но со мной — совсем другое дело, у меня получились бы дырки в картинах. А потом я узрела Свет. Нет, никаких там физических упражнений, никакой диеты — я же не ем, а буквально обжирюсь, ни в чем себе отказать не могу. Нет, милая, это все — Счастье. Совершенное Счастье в Боге — при помощи Благословенного Фостера.

— Потрясающе, — искренне восхитилась Джилл.

Многие ее приятельницы хорошо сохранились (и сама Джилл твердо намеривалась следовать их примеру), но стоило им это больших трудов. А вот тетя Пэтти действительно не занимается спортом, не сидит на диете, никакой скальпель до ее татуировок не дотрагивался, — как медсестра, Джилл кое-что понимала в пластической хирургии.

Майк же без особого удивления принял к сведению, что Пэт научилась думать свое тело, может — с помощью Фостера, может — нет, разница небольшая. Джилл обучалась этой технике, но ей было еще далеко до совершенства — недоставало

знания марсианского языка. Спешить некуда, нужно ждать, и время созреет.

— Я хотела, чтобы вы сами убедились, на что способна Вера. Но настоящие изменения глазом не увидишь, они *внутри*. Счастье. Всеблагой Господь знает, что у меня нет дара говорить на языках, и все равно я попытаюсь вам объяснить. Сперва вы должны осознать, что все эти другие, так называемые «церкви» — ловушки дьяволов. Наш возлюбленный Иисус проповедовал истинную Веру — так говорил Фостер, и я полностью этому верю. Но за многие века тьмы люди извратили слова Иисуса до такой степени, что теперь Он и сам бы их не узнал. И тогда Господь послал нам Фостера — провозгласить Новое Откровение, очистить учение Христа, чтобы оно вновь засияло во всей своей славе.

Патриция Пайвонская указующе воздела палец и мгновенно превратилась в священнослужительницу, осиянную сакральным достоинством, облаченную в мистические символы

— Господь повелел нам быть Счастливыми. Для того Он и преполнил мир дольний вещами, чтобы мы были Счастливы. Без Божьего соизволения сок гроздей виноградных не превращался бы в вино — а значит, Он хочет, чтобы мы пили вино и радовались. Ведь мог же Он повелеть виноградному соку так и оставаться виноградным соком — либо прямо скисать в уксус, от которого никому нет никакой радости. Разве это не верно? Конечно же, Он не хочет, чтобы люди напивались по-свински, а потом били своих жен и забывали о своих детях... Он дал нам вещи для *употребления* — не для злоупотребления. Если тебе хочется выпить стакан — да хоть десять стаканов, кому сколько надо — в компании друзей, узревших Свет, а затем тебе захочется потанцевать и воздать хвалу Господу за бесконечную его милость — почему бы, спрашивается, и нет? Господь дал нам спиртное, и Господь дал нам ноги — он дал нам и то и другое, чтобы мы выпили, потанцевали и *были счастливы*.

Она смолкла — но не надолго.

— Джилл, налей мне, родная, еще — от проповеди всегда горло сохнет. Имбирного много не лей, у вас очень хороший виски. И это, что я говорила, еще не все. Если бы Господь не

хотел, чтобы на женщин смотрели, Он, в бесконечной своей мудрости, сотворил бы их уродливыми страшилищами — разве не так? Господь не мухлевщик, он сам организовал игру — и уж конечно, не мог сделать этого по-жульнически, так, чтобы лохи, мы с вами, никогда не могли бы в нее выиграть — вроде как нельзя выиграть в эту хитрую рулетку, где шарик останавливается на том номере, который выберет крупье. Да и вообще, разве послал бы Он в ад человека, который проиграл ему в такой жульнической игре?

Прекрасно, Господь хочет, чтобы мы были Счастливы, Он сказал нам *как*. «Любите друг друга!» Возлюби змею, если она, бедняжка, нуждается в любви. Возлюби ближнего своего, ежели глаза его отверзлись и сердце воспыало любовью, и покажи кукиш приспешникам Сатаны, которые захотят растлить тебя, увести тебя с пути истинного на дорогу кривую, в конце которой — геенна огненная. И любовь, которой учит нас Господь, — не всякие там ахи и вздохи старой девы, которая боится оторвать глаза от молитвенника, дабы не ввести свою плоть во искушение. Если Господь ненавидит плоть — так зачем же Он сотворил ее, и так много? Господь не слабонервный хлюпик. Он сотворил Большой Каньон, и кометы, полосующие небо, и циклоны, и диких жеребцов, и землетрясения, — так неужели же Он, чьим промыслом все это вершится, описается от ужаса оттого лишь, что какая-нибудь там Бетти или Пэтти наклонится слишком низко и ее сосед увидит сиську? Ты, милая, прекрасно понимаешь, что нет, и я тоже это понимаю. Когда Господь повелел нам любить друг друга, Он сделал это на полном серьезе, безо всяких оговорок и недоговорок. Люби детей, которых каждую минуту нужно перепеленывать, люби сильных, здоровых мужиков, чтобы были дети, которых ты будешь любить, а в промежутке — люби просто так, потому что любить — радость.

Конечно же, это не значит, что нужно торговать любовью, — ровно так же, как бутылка виски, стоящая на столе, не значит, что я должна усосаться вдупель и устроить дебош. Любовь нельзя продать, а Счастье нельзя купить, ни на том, ни на другом нет ценников, а если ты думаешь, что есть, — думай, пожа-

луйста, дорога в ад открыта для всех желающих. Но если ты свободно, с открытым сердцем даешь — и получаешь — то, что у Господа есть в изобилии, дьявол и приблизиться к тебе не сможет. А деньги... — Она посмотрела на Джилл. — Вот скажи, маленькая, стали бы вы вот так, как сегодня, вместе пить воду с кем попало, ну, скажем, за миллион? Или даже за десять миллионов — не облагаемых налогом?

— Конечно нет. (Майк, ты это грокаешь?)

— (Почти в полноте. Нужно ожидание.)

— Вот видишь, лапа! Я же знала, что в этой воде — любовь. Вы — ищущие, почти пришедшие к Свету. А так как вы, движимые любовью, в вас пребывающей, «разделили со мной воду и взрастили близость» — так, кажется, назвал это Майк, — я, пожалуй, могу рассказать вам некоторые вещи, не предназначенные обычно для ушей ищущих...

Преподобный Фостер — священник то ли самозванный, то ли, если верить другим источникам, рукоположенный самим Господом Всевышним — понимал дух своего времени насквозь, не хуже, а даже, пожалуй, и лучше, чем опытный карнавальныйщик понимает деревенского лоха. Сквозь всю историю культуры, известной как «американская», красной нитью проходит повальная шизофрения, а попросту говоря — раздвоение личности. Законы ее были пуританскими, поведение же за закрытыми дверями — сугубо раблезианским; основные ее религии были аполлоническими, а церковные службы — почти дионисийскими. В двадцатом веке (по земному христианскому летоисчислению) не было на Земле ни одного другого места, где секс подавлялся бы с таким, как в Америке, ожесточением, — и не было ни одного другого места, где секс вызывал бы такой острый, всеобщий интерес.

Все крупные религиозные лидеры нашей планеты были сильными, магнетическими личностями, ни один из них не обладал нормальной, как у рядового человека с улицы, сексуальностью; эти же две черты отличали и Фостера (противники Фостера презрительно именовали его «гипнотизером», хотя не гнушались и словечек похлеще). Земные религиозные лиде-

ры бывали, в смысле секса, либо аскетами, либо — ну, скажем для приличия, наоборот. Фостер аскетом не был.

Так же как и его жены. И священнослужительницы — по законам Нового Откровения перерождение обязательным образом включало в себя ритуал, как впоследствии грокнул Валентин Майкл Смит, прямо-таки уникально приспособленный для взращивания близости.

Многие из земных культов прошлого и настоящего пользовались и пользуются той же самой методикой, однако на американской почве такого еще не случалось, во всяком случае — в крупных масштабах. Пока не появились фостериты.

Долгое время все попытки Фостера проповедовать кончались плачевно — его мгновенно вышвыривали из города за пропаганду свального греха; техника, позволившая ему без особых опасений распространять свой, мягко скажем, нетрадиционный культ, сложилась далеко не сразу — но все же сложилась. Что-то он позаимствовал у масонов, что-то — у католиков, что-то — у коммунистов, что-то — из практики рекламных агентств, ровно так же, как раньше он без малейших угрызений совести составлял «Новое Откровение» из обрывков старых религиозных текстов. Во-первых, все это подавалось как возврат к идеалам раннего христианства. Во-вторых, он организовал церковь внешнюю, доступ в которую был открыт каждому желающему и в которой всякий прихожанин мог неопределенно долгое время именовать себя «ищущим». Далее шла церковь средняя, именно она и представлялась неосведомленному наблюдателю настоящей Церковью Нового Откровения. Брызжущие счастьем спасенные исправно платили десятину, пользовались благами постоянно расширяющихся деловых связей своей церкви и проводили чуть не все свое свободное время в бесконечных безумных карнавалах Счастья, Счастья, Счастья! Еще бы, ведь прежние грехи прощены, а теперь почти никакой твой поступок не будет считаться греховным — пока ты платишь церковный налог, честен в деловых отношениях с братьями-фостеритами, ненавидишь грешников и — главное — СЧАСТЛИВ. И нельзя сказать, чтобы Новое Откровение откровенно призывало к далеко не новому разврату,

оно ограничивалось тем, что излагало проблемы сексуального поведения несколько таинственно и невнятно.

Именно из прихожан средней церкви набирались боевики штурмовых отрядов. Фостер пользовался приемом, который еще в начале двадцатого века отработали до совершенства «уоббли»: если какая-либо местная община пыталась подавить на своей территории фостеритское движение, фостериты слетались в этот город в таком количестве, что их не могли сдержать ни копы, ни тюрьмы, — копов мордовали, и по-черному, а тюрьмы разносили по кирпичику.

А если какой-нибудь опрометчивый прокурор выносил обвинительное заключение, оно неизменно и с треском проваливалось; наученный собственным горьким опытом, Фостер организовал действия боевиков таким образом, что — с точки зрения закона — судебное расследование выглядело как внесудебное преследование, а попытка изгнания — как жестокие, ничем не оправданные гонения. Ни Верховный Суд США, ни позднее Верховный Суд Федерации ни разу не поддержали приговор, вынесенный фостериту по обвинению в фостеризме.

Но существовала еще и невидимая постороннему взгляду Внутренняя Церковь — сплоченная группа абсолютно преданных людей, к которой принадлежали все священники, все крупные общественные деятели — фостериты, весь хозяйственный и идеологический аппарат. «Перерожденные», вышедшие за пределы добра и зла и уверенные в своем конечном спасении, они одни и участвовали в высших, строго хранимых от непосвященных таинствах — и им единственным гарантировалась прямая дорога в Рай.

В ранние времена, когда движение еще не очень разрослось, Фостер выбирал этих людей лично и с величайшей тщательностью. Он высматривал мужчин, подобных самому себе, и женщин, подобных своим женам-священницам, динамичных, абсолютно убежденных, упрямых, лишенных чувства ревности — в самом житейском смысле этого слова. По своему темпераменту все они должны были являться потенциальными сатирами и нимфами — ибо внутренняя церковь была там самым

дионисийским культом, которого так не хватало Америке, на который имелся такой большой спрос.

Фостер был до крайности осторожен, женатые и замужние допускались в святая святых его церкви только семейными парами, никак не поодиночке. Первым требованием к холостым кандидатам были сексуальная привлекательность и сексуальная агрессивность; Фостер установил незыблемое правило, по которому мужчины обязательно превосходили по численности женщин. Нет никаких определенных свидетельств, что архангел изучал опыт своих предшественников, пытавшихся организовать в Америке нечто подобное, но он явно знал — либо чувствовал, — что большинство этих попыток провалилось по одной и той же причине: инстинктивное стремление жрецов к единоличному обладанию предметом своей похоти вело к появлению ревности и, как следствие, к разброду и расколу. Фостер такого не допускал: абсолютно все женщины — в том числе и его собственные жены — были, так сказать, общественным достоянием.

И он совсем не спешил расширять группу посвященных — для удовлетворения скромных appetитов большинства людей более чем хватало радостей, предлагаемых средней церковью. Если очередное перерождение выявляло две пары, способные к «небесному браку», Фостер был доволен, если нет — значит всходы еще не окрепли, требуют дополнительной заботы, нужно, чтобы здесь поработали опытные священник и священница.

По возможности он проверял кандидатские пары сам с помощью какой-либо священницы. На уровне средней церкви каждая из этих пар была уже «спасенной», а потому риска почти не было, с женщиной — вообще никакого, а мужчину он тщательнейшим образом оценивал и только потом давал священнице сигнал к началу действия.

В прежней своей, до спасения, жизни Патриция Пайвонская была молоденькой, замужней и «очень счастливой». У нее был ребенок, она очень любила своего довольно пожилого мужа и взидала на него с благоговейным восхищением, снизу вверх.

Человек великодушный и любвеобильный, Джордж Пайвонский имел прискорбную склонность к бутылке (выражаясь точнее — к некоторым разновидностям жидкостей, разливаемых по бутылкам), а потому приходил обычно к вечеру в состояние, не позволявшее ему сколько-нибудь достойно проявить свою любвеобильность. Кроме того, любвеобильность эта выплескивалась зачастую на клиенток, особенно если таковые приходили в первой половине рабочего дня: татуировка — дело тонкое, требует острого глаза, твердой руки и интимной обстановки, проводится сугубо за закрытой дверью, тем более если дело касается дам... Однако Пэтти все равно считала себя верной и счастливой женщиной, относилась к поведению мужа с полной терпимостью, а когда увидела, что тот напивается все чаще и чаще, стала и сама бегать на свидания с клиентами.

И все же было в ее жизни некое пустое место, не заполнившееся даже тогда, когда некий благодарный клиент подарил ей змею, которую не мог больше содержать сам — его сухогруз отправлялся в плавание. Пэтти любила всякую живность и относилась к пресмыкающимся без обычных для людей страха и брезгливости; она устроила змею на жительство прямо в витрине ателье, а Джордж изготовил плакат с четырехцветной змейкой и надписью: «Не наступай на меня!» Рисунок имел большой успех; многие клиенты выбирали его в качестве образца для татуировки.

Пэтти стала прикупать змей, с ними ей было хорошо и спокойно, но чего-то все-таки не хватало. Отец ее был родом из Ольстера, а мать — из Корка; вооруженное перемирие родителей оставило дочь без религии.

К тому времени, как в Сан-Педро приехал сам Фостер, Пэтти уже была ищущей; несколько раз она вытаскивала на воскресные службы и Джорджа, но тот так и не смог увидеть Свет.

Проповедь Фостера отверзла глаза им обоим, они вместе узрели Свет, вместе принесли покаяние. Через шесть месяцев Фостер приехал снова; к этому времени Пайвонские были уже

настолько ревностными прихожанами, что он удостоил их личного своего внимания.

— С того момента, как у Джорджа отверзлись глаза, — рассказывала Пэтти Майку и Джилл, — всем моим несчастьям пришел конец. Он не то чтобы бросил пить, но пил теперь только в храме и не помногу. А к тому времени, как Святой Вождь приехал вторично, Джордж начал уже воплощать свой великий замысел. Естественно, нам захотелось продемонстрировать Фостеру... — Миссис Пайвонская нерешительно смолкла. — Знаете, ребята, зря я, пожалуй, так разболталась. Не стоит об этом.

— Не стоит — значит и не говори, — откликнулась Джилл. — Пэтти, милая, *никогда* не делай для нас ничего такого, что тебя хоть чуть-чуть стесняет. В братстве по воде все должно быть легко и просто.

— Н-ну... но я же *хочу* с вами поделиться! Только все это — внутрицерковные тайны, и вы не должны никому рассказывать... так же как я никому не расскажу про *вас*.

— Да, — кивнул Майк, — мы называем это «тайны братьев по воде». На Марсе такая проблема даже не возникнет, но здесь, на Земле, обстановка совершенно иная. Я уже грокнул, что дела братьев по воде с посторонними не обсуждаются.

— Я... я грокаю. Странное слово, вроде как смешное, но я ему учусь. Хорошо, родные, пусть это будет «тайна братьев по воде». Вы слыхали когда-нибудь, что татуировки есть у всех фостеритов? Я хотела сказать — у настоящих верующих, у тех, кто спасен отныне и навеки — вроде меня. Нет, вы не подумайте только, что они разрисованы, как я, с ног до головы, но... видите, вот это? Вот тут, прямо где сердце? Это — священное лобзание Фостера. Джордж вписал его в картину, так что никто и не догадается. Но все равно это — Его лобзание, и целовал не кто-нибудь там другой, а действительно сам Фостер!

Пэтти прямо сияла гордостью.

Майк и Джилл осмотрели рисунок.

— Слушай, — удивленно воскликнула Джилл, — а ведь и вправду, будто отпечаток губ. Словно кто-то поцеловал тебя

сюда и остался след от помады. А так — вроде как элемент закатного неба.

— Да, это Джордж так придумал и сделал. Потому что ты не должен показывать поцелуй Фостера никому, кроме тех, у кого он тоже есть. И я не показывала, до сегодняшнего дня. Но это не страшно, — добавила (для своего успокоения) миссис Пайвонская, — ведь у вас он тоже будет, у обоих, и скоро, и тогда я хотела бы татуировать вас своей собственной рукой.

— Что-то я не понимаю, — покачала головой Джилл. — А как же это, Пэтти, сможет он нас поцеловать? Ведь он же давно... вознесся на Небеса.

— Да, милая, конечно вознесся. Но ты послушай, я все тебе объясню. Лобзание Фостера можно получить от любого священника или священницы. Это просто значит, что в твоём сердце — Бог. Бог стал твоей частью, отныне и навсегда.

— Ты еси Бог! — встрепенулся Майк.

— Как ты сказал? Вообще-то... я никогда не слыхала, чтобы так говорили, но смысл примерно такой. Господь в тебе, и исходит от тебя, и пребывает с тобой, и дьявол не может к тебе подступиться.

— Да, — согласился Майк. — Ты грокаешь Бога.

Никто еще и никогда не воспринимал его мысль с такой ясностью — за исключением, конечно же, Джилл, но с Джилл все проще, ей ведь можно объяснять по-марсиански.

— Идея тут, Майкл, примерно такая. Бог... ну, грокает тебя, и ты вступаешь в брак с Его Церковью — в брак Святой Любви и Вечного Счастья. Священник — или священница — целует тебя, затем след поцелуя закрепляется татуировкой, чтобы показать, что брак твой — навечно. Татуировка совсем не должна быть большой — моя только повторяет форму и размер благословенных уст Фостера — и может помещаться где угодно, чтобы спрятать ее от грешных глаз. Мужчины иногда обривают голову и наносят татуировку на кожу черепа, она потом обрастает волосами, и ничего не видно. Ее можно сделать в любом месте — лишь бы не было заметно и чтобы не сидеть и не стоять на ней. А показывают ее только на Счастливых Встречах навечно спасенных.

— Я слышала про Счастливые Встречи, — отозвалась Джилл, — но только никогда не могла толком понять, что же это такое.

— Ну, как тебе сказать, — начала объяснять миссис Пайвонская, — они же бывают очень разные. Счастливые Встречи для обычных прихожан, которые вроде и спасены, но могут оступиться, вернуться к греховности, это вроде как большие вечеринки, где немного — в таком количестве, чтобы не надое-ло, — молятся, но в основном резвятся и развлекаются, как на любой хорошей тусовке. Бывает там и настоящая, взаправдашняя любовь — но тоже очень немного, ведь нужно вести себя осторожно, тщательно выбирать — с кем и как, чтобы, упаси Господь, не посеять в среде братьев семя раздора. Всему свое место и время — за этим наша Церковь следит очень строго... А вот Счастливые Встречи для навечно спасенных — там можно оставить страхи и осторожности, ведь вокруг тебя не будет никого, способного согрешить, у каждого грехи остались далеко в прошлом. Хочешь напиться до отключки — милости просим, значит, на то есть воля Божья, иначе ты не захотел бы. А если ты хочешь встать на колени и молиться, или заорать во весь голос песню, или сорвать с себя одежду и пойти в пляс — делай как хочешь, на все воля Божья. А можно явиться и вообще нагишом, никто из собравшихся не посмотрит на тебя косо.

— Весело вы гуляете, — заметила Джилл.

— Да, конечно же, и очень. Знаешь, там тебя преисполняет небесное блаженство. И если проснешься утром в одной постели с кем-нибудь из навечно спасенных братьев, ты понимаешь, он здесь по воле Божьей, чтобы доставить Счастье и тебе, и себе. У них же у всех поцелуи Фостера, они все наши, *твои*. Все это, — задумчиво нахмурилась миссис Пайвонская, — немного вроде как разделить воду. Понимаете?

— Грокаю, — кивнул Майк.

— (Майк????)

— (Подожди, Джилл. Жди полноты.)

— Только вы не думайте, — горячо продолжала Патриция, — что на Счастливую Встречу Внутреннего Храма можно пройти просто так, показал татуировку — и пожалуйста. Заез-

жий, не из этой общины, брат — или сестра... ну вот, скажем, как это со мной. Как только Тим сообщает нам, куда поедет карнавал, я посылаю письмо в тамошний храм и прикладываю отпечатки своих пальцев, чтобы они могли проверить их в храме Архангела Фостера, по картотеке навечно спасенных. И даю им свой обратный адрес — в раскладку нашей доски объявлений. Ну и когда я прихожу к ним — а я посещаю каждую воскресную службу, не пропускаю ни одной Счастливой Встречи, даже если Тиму приходится из-за этого отменить заключительный номер, — когда я прихожу, они легко меня опознают. Мне всегда рады, ведь таких священных картин нет больше ни у кого; бывает, я трачу целый вечер только на то, чтобы дать людям рассмотреть все житие архангела Фостера, от начала до конца, — и мне совсем не скучно, каждая минута полна райского блаженства. Иногда священник просит меня принести Пышечку и разыграть Еву со Змием — ну, для этого, конечно же, приходится гримировать все тело. Кто-нибудь из братьев играет Адама, и нас изгоняют из Сада Эдемского, а потом священник объясняет *истинный* смысл этого эпизода — истинный, а не это вранье, которое потом придумали, — и мы вновь обретаем блаженную невинность, и тут-то веселье и начинается раскручиваться. Здорово!.. И все, — добавила она, — буквально все интересуются моим лобзанием Фостера — ведь он вознесся целых двадцать лет назад и теперь мало у кого есть самое-самое настоящее, безо всяких посредников, лобзание Фостера, и храм Архангела, когда подтверждает мои отпечатки, всегда подтверждает заодно и это. И я рассказываю им, как все было. Э-э...

Немного помявшись, миссис Пайвонская рассказала им (на этот раз — Майку и Джилл), *как все было*, рассказала в мельчайших подробностях.

Странно, думала Джилл, ведь она же иногда краснеет — куда же сейчас-то подевалась эта, пусть и ограниченная, способность? А затем вдруг грокнулось, что Пэтти и Майк в чем-то схожи — невинные милостью Божьей, просто неспособные согрешить, что бы там они ни делали. И ей очень захотелось — ради Пэтти — чтобы Фостер был настоящим святым проро-

ком, чтобы его поцелуй и вправду был залогом вечного блаженства.

Но только — *Фостер!* Господи ты боже ты мой, это же надо придумать такую издевательскую пародию!

И вдруг тут, силой значительно возросшей за это время способности к полным воспоминаниям, Джилл снова оказалась в зале со стеклянной, как витрина, стеной, снова взглянула в мертвые глаза Фостера. И он снова показался ей живым, и она ощутила дрожь и уже совсем не была уверена, как бы поступила *она*, предложи ей Фостер свой священный поцелуй — и священного себя.

Джилл выбросила мысль из головы — но Майк успел уже услышать. И она почувствовала его понимающую, *невинную* внутреннюю улыбку.

Джилл встала:

— Пэтти, милая, а когда тебе надо вернуться?

— Ой, мамочки, да мне же давно пора.

— Зачем? Они никак не снимутся с места раньше половины десятого.

— Да, но только... понимаешь, Пышечке без меня скучно. Когда меня долго нет, она ревнует и начинает дуться.

— А ты не можешь сказать ей, что была на Счастливой Встрече?

— Ну... — Пэтти крепко, благодарно обняла Джилл. — Ну конечно же! И ничего и врать не надо, ведь так оно и есть!

— Вот и прекрасно. А я сейчас ложусь — совсем устала, ноги не держат. Ты когда встаешь?

— Сейчас подумаю. Если я вернусь к восьми, Сэм успеет снять мою палатку, да и мне хватит времени проследить за погрузкой деток.

— Завтракать будешь?

— Поем в поезде. Я же утром не ем, только кофе.

— Это я тебе сварю. Ну вы тут сидите сколько хотите, и ты, Пэт, не бойся, не проспишь, я разбужу. Если, конечно, ты уснешь, — вот Майк, он вообще не спит.

— Вообще?

— Никогда. Ляжет, свернется в клубок и думает — но не спит.

— Все сходится, — торжественно кивнула миссис Пайвонская, — еще один знак благодати. Я точно знаю, — а когда-нибудь, Майк, ты и сам это поймешь. Тебе будет зов.

— Возможно, — легко согласилась Джилл. — Майк, я со всем падаю. Закинь меня, пожалуйста, в постель.

Невидимая сила подняла ее, перенесла в спальню, уложила на кровать и прикрыла простыней. К этому моменту Джилл уже спала.

Проснулась она, как и задумала, ровно в семь. У Майка тоже были внутренние часы, но земное время он воспринимал совсем иначе, в силу каких-то иных потребностей. Джилл соскользнула на пол, подошла к двери и заглянула в гостиную. Свет не горит, окна плотно зашторены, но люди явно не спят.

— Ты еси Бог, — с мягкой настойчивостью сказал Майк.

— Ты еси Бог, — каким-то оцепенелым голосом прошептала Патриция.

— Да. Джилл есть Бог.

— Джилл... есть Бог. Да, Майкл.

— И ты еси Бог.

— Ты — еси Бог! Вот сейчас, Майкл, *сейчас!*

Джилл бесшумно прошла в ванную, почистила зубы, затем сообщила Майку, что проснулась, но тот и сам это знал. Когда она присоединилась к Майку и Пэтти, шторы были уже раздвинуты и гостиную заливали потоки солнечного света.

— Доброе утро, родные!

Джилл поцеловала сперва Пэтти, а затем Майка.

— Ты еси Бог, — ответила Пэтти, негромко и серьезно.

— Да, Пэтти. И ты еси Бог. Бог во всех нас.

Она присмотрелась к Патриции; в резком, безжалостном свете утра та не выглядела усталой, наоборот, словно бы ото-спалась вдосталь и чудесным образом помолодела. Ну что ж, знакомые штучки: если Майк хотел, чтобы Джилл всю ночь бодрствовала, — ей это удавалось без малейших затруднений. Сразу же появилось и второе подозрение, что вся эта вчерашняя сонливость — тоже работа Майка. Майк мгновенно — мысленно — согласился.

— А теперь, ребята, кофе. И у меня вроде где-то припрятан пакет апельсинового сока.

Аппетита не было — огромное счастье не оставляло места ни для каких других чувств. Неожиданно Пэт нахмурилась.

— В чем дело, милая? — всполошилась Джилл.

— Не хочется как-то об этом... только на что вы, ребята, будете теперь жить? У тети Пэтти кое-что отложено на черный день, вот я и подумала...

Джилл весело расхохоталась:

— Прости, не нужно было мне смеяться, но разве ты не слышала, сколько денег у Человека с Марса? Он *жутко* богатый.

— Ну, вроде как и вправду слыхала. Но ты знаешь, если верить всему, что рассказывают по стерео...

— Пэтти, ты просто прелесть. Теперь, когда мы братья по воде, мы взяли бы у тебя не раздумывая, ведь «общее гнездо» — совсем не какие-нибудь там просто красивые слова. Но только тут все как раз наоборот. Если тебе когда-нибудь понадобятся деньги — скажи, и все сразу будет. В любое время. В любом количестве. Напиши нам — а лучше позвони, и не «нам», а мне, — Майк в денежных вопросах ни бум-бум. Да чего там, у меня и сейчас есть на счете тысяч двести. Хочешь?

— Помилуй Бог, — удивилась миссис Пайвонская. — Мне совсем не нужны деньги.

— Как знаешь, — пожала плечами Джилл. — А будут нужны — только свистни. Захочешь яхту — Майк тебе с радостью.

— Конечно же, с радостью. Я никогда не видел яхту.

— Не надо, милые, — покачала головой миссис Пайвонская, — не возводите меня на высокую гору; мне от вас не нужно ничего, кроме вашей любви.

— Мы тебя любим, — улыбнулась Джилл.

— А вот я не грокаю «любовь», — сокрушенно признался Майк. — Но Джилл всегда говорит правильно; если у нас есть любовь — она твоя.

— ...А еще — знать, что вы спасены. Но об этом я больше не тревожусь. Майк рассказал мне про ожидание и почему оно всегда нужно. А ты, Джилл, это понимаешь?

— Грокаю. Теперь у меня не бывает нетерпения, никогда.

— И у меня тут кое-что для вас есть. — Татуированная леди вынула из своей сумочки книгу. — Милые, это «Новое

Откровение» вручил мне сам Блаженный Фостер, в ту самую ночь, когда он освятил меня своим лобзанием. Возьмите, пусть будет у вас.

Глаза Джилл наполнились слезами.

— Но как же это, тетя Пэтти... Пэтти, брат наш! Мы не можем у тебя такое взять. Мы лучше пойдем и купим себе «Новое Откровение», самый обычный экземпляр.

— Нет. Это... это «вода», которой я с вами делюсь. Для возвращения близости.

— Хорошо. — Джилл вскочила на ноги. — От такого не отказываются, теперь эта книга *наша*, и твоя, и моя, и Майка.

Она поцеловала Пэт.

— Ну-ка подвинься, жадный братец, — Майк похлопал Джилл по плечу, — моя очередь.

— А в этом я всегда буду жадной.

Человек с Марса поцеловал своего нового брата, сперва в губы, а затем — в «лобзанье Фостера». Дальше было сложнее, он растянул свое время, выбрал примерно симметричный участок кожи с подходящей татуировкой и поцеловал Пэт в третий раз — обдумывая свои действия тщательно и в мельчайших подробностях; нужно было прокнуть все капилляры...

Со стороны казалось, что Майк едва коснулся кожи губами, однако Джилл почувствовала его усилие.

— Пэтти! *Смотри!*

Миссис Пайвонская опустила глаза — и чуть не потеряла сознание: на ее груди парой ярко-красных стигматов горел поцелуй Майка.

— Да! — воскликнула она, с трудом взяв себя в руки. — *Да!* Майкл...

Через несколько минут на месте татуированной леди чудесным образом появилась невзрачная домохозяйка, одетая в платье с высоким воротом и длинными рукавами, в плотных чулках и перчатках.

— Нет, рыдать я не буду. И прощаться тоже не буду, вечность не знает прощаний. Я буду ждать.

Миссис Пайвонская поцеловала Джилл, поцеловала Майка и ушла не оглядываясь.

28

— *Кошунство!*

Фостер поднял глаза:

— Ты что это, мальчонка? Кусаются?

Это крыло строили в спешке, тяп-ляп, кое-где остались ще-
ли, через которые лезет всякое, чаще всего — стаи мелких, по-
чти невидимых дьяволят... Опасности, конечно же, никакой,
вот только после их укусов начинает противно зудеть эго.

— Да нет, тут совсем другое... расскажу, так вы и не пове-
рите, лучше я прокручу всезнайку немного назад.

— Знаешь, стажер, я давно уже перестал чему бы то ни бы-
ло удивляться и могу поверить во что угодно.

И все же Фостер переместил часть своего внимания. Трое
смертных — отчетливо видно, что это люди, мужчина и две жен-
щины, — рассуждают о вечном. Ситуация вполне заурядная.

— Ну и что?

— Да вы слышали, что она сказала? «Архангел Михаил»!
Тоже мне, архангел выискался!

— А что тут такого?

— Что такого?! Вы что, сами не понимаете?

— Я понимаю, что это вполне возможно.

Нимб Дигби возмущенно задрожал.

— Фостер, вы, наверное, плохо смотрели. Она имела в виду
этого подростка-переростка, гопника хренова, который вышиб
меня из игры. Да вы взгляните еще раз, взгляните!

Фостер прибавил увеличение, отметил, что стажер говорит
верно, отметил кое-что еще и улыбнулся своей (арх)ангель-
ской улыбкой.

— Думаешь, она ошибается? А почему, собственно, ты так
думаешь?

— Че-го?

— Последнее время Майк совсем не появляется в Клубе,
к тому же его имя вычеркнули из программы традиционного
Ежетысячелетнего Концерта, это верный знак, что сотрудник
получил спецзадание, а с Майком и тем более — он же один из
ведущих солипсистов нашего хора.

— Архангел Михаил — и этот шпаненок, такое и помыслить неприлично!

— Ты и представить себе не можешь, как часто лучшие идеи босса кажутся на первый взгляд неприличными, — да нет, что я, как раз ты-то после работы на той стороне и должен прекрасно это себе представлять. А всякое там «неприлично» — чепуха на постном масле, нуль без палочки, понятие, лишенное какого бы то ни было теологического смысла. «Для чистых все чисто».

— Но...

— Не прерывай меня, я не кончил еще Свидетельствовать. В добавление к тому факту, что брат наш Михаил в данное микромгновение *вроде бы* отсутствует — точнее выразиться я не могу, я никогда не следил за Майком, и мы с ним в разных вахтенных расписаниях, — в добавление к этому татуированная леди вряд ли могла допустить в своем пророчестве грубую ошибку, ведь она — смертная тварь очень высокого уровня святости.

— Это что — она сама так считает?

— Не она, а я, и не считаю, а знаю. — Фостер одарил олухастажера еще одной сладчайшей улыбкой.

Патриция, Патриция... вот ведь, даже *здесь* вспомнить приятно. Теперь-то, конечно, не первой молодости, но держится молодцом, все еще сохранила плотскую привлекательность, а главное — сверкает духовным, внутренним светом, ну прямо как подсвеченный солнцем витраж. Он отметил — безо всякой земной гордыни, — что Джордж завершил свой великий замысел, — а вот эта, кстати сказать, картина, где Вознесение на Небеса, она же совсем недурна и вполне реалистична. В смысле Высших Реалий. Не забыть бы навестить Джорджа, похвалить работу, а заодно сказать ему, что вот, видел недавно Патрицию... хм-м... а где же он сейчас, Джордж-то этот? Творческий работник, конструктор миростроительного отдела, сколько помнится — в непосредственном подчинении самого Зодчего... Да какая, собственно, разница, главная картотека мигом его отыщет. Не пройдет и тысячелетия.

Да, Патриция была просто конфетка, а уж какая неистовая проповедница — таких поискать и поискать! Чуть побольше

самоуверенности, чуть поменьше смирения, и получилась бы из нее первоклассная священница. Но Патриция не хотела воспринять Господа иначе, чем в соответствии с собственной своей натурой, а потому не смогла бы отправлять службу, разве что у лингятов, а там и без нее обойдутся. Фостер совсем было решил прокрутить время назад, посмотреть на юную Патрицию, однако мужественно (нет, скорее — *ангельски*) себя сдержал. Некогда, работы по горло.

— Плюнь ты, стажер, на эту всезнайку. Мне нужно с тобой серьезно поговорить.

Дигби послушно выполнил приказ (учитывая, конечно, его метафоричность) и застыл по стойке «смирно». Фостер начал постукивать себя по нимбу — обычный (и очень раздражающий) признак, что он серьезно задумался.

— Ты очень медленно привыкаешь к новой работе. Вот взгляни на себя сам, ну какой из тебя, к черту, ангел?

— Простите. Мне очень прискорбно это слышать.

— В вечности нет места для скорби. Я не могу сказать со всей определенностью, кто этот человек, может, наш брат Михаил, а может, и нет, — но истина состоит в том, что ты слишком уж на нем заиклился. Молчи, не прерывай старших. Первое: какое право имеешь ты судить об орудии, посредством которого Его промысел отозвал тебя сюда? Второе: неужели я не понимаю, что дело тут совсем не в этом парне — ты и познакомишься-то с ним толком не успел, — а в твоей чернявенькой секретарше? Она ведь заслужила Мое Лобзание ой как задолго до того, как тебя отозвали, надеюсь, ты не будешь спорить?

— Я не успел закончить проверку.

— Да? Тогда представляю себе, с какой ангельской радостью ты узнал, что Верховный епископ Шорт провел испытание лично — испытание тщательнейшее, я же говорил, что он справится с новым своим назначением, — а затем передал ее дальше, так что теперь твоя — прости, *бывшая* твоя — секретарша наслаждается более широким счастьем, давно уже ею заслуженным. М-м-м, конечно же, пастырь должен выполнять свою работу с радостью и наслаждением... но это совсем не значит, что он имеет право кукситься, получив повышение по

службе. Так вот, недавно организовали новый сектор, и там все еще нет Хранителя-стажера. Должность несколько ниже твоего номинального ранга, зато получишь совершенно уникальный ангельский опыт. У населения этой планеты... не знаю, можно ли назвать ее планетой, в общем, увидишь и разберешься, так вот, у ее населения не два пола, как обычно, а три. Причем я могу со всей определенностью утверждать, что проявить какой-либо плотский интерес к любому из трех... нет, слово «пол» здесь не годится, к любой из трех разновидностей не под силу даже Дон Жуану. Не подумай только, что это догадка — был проведен прямой эксперимент, так благородный дон волком взвыл и запросился обратно, в одиночный ад, созданный им для себя своими собственными руками.

— Хотите запихнуть меня во Флэтбуш, чтобы не мешал?

— Ой-ой-ой, какие же мы самонадеянные! Помешать никто ничему не может, сие есть та единственная Невозможность, благодаря которой возможно все остальное, да я же тебе с самого начала пытаюсь это вдолбить. Но ты не расстраивайся, пытаться помешать ты можешь, сколько душе твоей... вот, опять неудачное слово... сколько тебе угодно, хоть до скончания вечности. Вместе с приказом о переводе получишь временную петлю, так что сможешь забегать к нам, не отрываясь от работы. Ну, давай, лети на полусогнутых и сразу включайся, тут и без тебя дел невпроворот.

Дигби исчез.

Так на чем я там остановился? Ах, да, эта страстотерпица, обозначенная в плотском существовании как «Алиса Дуглас». Погонять и подстрекать — такого задания и врагу... ну вот, опять, в вечности *нет* врагов... никому не пожелаешь, но она справилась безупречно, ни разу не дрогнула. Теперь ей требуется отдых, даже, пожалуй, реабилитация, как солдату, долго просидевшему на передовой... и начнет она биться и кричать, и полезет у нее эктоплазма не только что изо рта — изо всех отверстий...

Да уж, после такой суровой работенки без экзорцизма не обойтись! Впрочем, легкой работы здесь и не бывает. А «Алиса Дуглас» — опытная, абсолютно надежная оперативница, го-

товая взяться за любое, самое дикое задание, лишь бы оно было по глубинной сути своей девственным. Такую хоть на костре сожги, хоть в монастырь упрячь — она все выдержит и все, что надо, сделает.

Впрочем, Фостер не испытывал к девственницам особо теплых чувств — только уважение профессионала к другому профессионалу, хорошо справляющемуся со своей работой. Он еще раз взглянул на миссис Пайвонскую. Вот с *таким* сотрудником работать одно удовольствие. Ох, Патриция ты, Патриция! Искрящаяся страстной, плотской благостностью...

29

— Ну и что теперь? — спросила Джилл, когда дверь за Патрицией закрылась.

— Уедем, какой смысл здесь засиживаться. Джилл, ты вроде читала кое-что по психопатологии.

— Да. Поменьше тебя, но читала.

— В таком случае ты понимаешь символическое значение татуировки. И змеи.

— Конечно. Все было ясно с самого начала. Я надеялась, что ты сможешь найти к ней подход.

— Я не мог, пока мы не стали водяными братьями. Секс — полезное благо, но не всегда, а только при совместности, при возвращении близости. Если бы я сделал это без возвращения близости... в общем, не знаю.

— Я грокаю, что ты просто не смог бы. Потому-то я тебя и люблю — и не только потому.

— А я все еще не грокнул «любовь». Джилл, я ведь и «людей» не грокаю. Но я не хочу, чтобы Пэт уходила.

— Так удержи ее. Пусть будет с нами.

— (Сейчас ожидание.)

— (Знаю.)

— Сомневаюсь, — добавил Майк, — чтобы мы могли дать Пэт все, что ей нужно. Она хочет отдавать себя всем, все время. Счастливые Встречи, змеи, лохи на карнавале — этого ей

мало. Она хочет возложить себя на алтарь, отдаться всему миру — и сделать счастливыми всех. Вот, это самое Новое Откровение... другие люди находят в нем что-то совсем другое, но Пэт понимает его именно так.

— Да, Майк. Хороший мой.

— Пора уходить. Выбери себе платье, возьми сумочку, а остальное я подчищу.

Джилл хотелось бы сохранить кое-что из вещей, но Майк всегда переезжал налегке, грокал, по всей видимости, что ей тоже так нравится.

— Я надену вон то, синее.

Синее платье выплыло из шкафа — и само натянулось на поднявшую руки Джилл, затем застегнулась молния. Весело ступая по полу, подбежали туфли; она сунула в них ноги.

— Ну все, готова.

Майк уловил общий дух промелькнувшей у нее мысли, но не смысл, смысл этот совершенно не укладывался в марсианские понятия.

— Джилл, ты хочешь, чтобы мы задержались здесь и вступили в брак?

Джилл на мгновение задумалась.

— Ничего не выйдет, сегодня воскресенье.

— А завтра? Я грокаю, что тебе бы понравилось.

— Нет, Майк.

— Почему нет?

— Мы не станем от этого ближе. Мы уже разделили воду — и в марсианском смысле, и в английском.

— Да.

— Так что причины жениться у нас нет, а причина не жениться есть. Не хочется, чтобы Доркас, Энн и Мириам — и Пэт — подумали, будто я хочу отодвинуть их в сторону.

— Джилл, ни одна из них такого не подумает.

— Не подумают, но не хочется и рисковать, тем более что мне этого совсем не нужно. Мы уже поженились, в больничной палате, сто веков тому назад. — Она чуть замялась. — Я бы хотела другого, но самому тебе, конечно же, не догадаться.

— Ты скажи, Джилл.

— Ты мог бы называть меня какими-нибудь ласковыми именами, вроде как я тебя.

— Хорошо, Джилл. А какие бывают ласковые имена?

— Ох, господи, — Джилл клюнула его губами в щеку. — Знаешь, Майк, ты — самый хороший, самый ласковый человек, но ты одновременно и самое занудное на Земле — а может, и на Марсе — существо. Ладно, не знаешь и не знай. Просто называй меня иногда «маленьким братом», у меня от этого дурацкого прозвища мурашки по коже.

— Хорошо, Маленький Брат.

— Ох, господи, идем-ка мы отсюда, пока я не затащила тебя в постель. Встретимся внизу — я пойду, расплачусь за номер.

Джилл торопливо вышла.

Джилл и Майк сели в первый же отправлявшийся «Грей-хаунд», даже не поинтересовавшись, куда это он отправляется. Через неделю они заехали домой, пробыли там несколько дней и исчезли не прощаясь — Майк считал этот обычай бессмысленным и придерживался его только с посторонними.

Вскоре они оказались в Лас-Вегасе; Майк углубился в изучение азартных игр, а Джилл устроилась статисткой в шоу. Ни петь, ни танцевать она не умела, но в этом западном Вавилоне ничего такого и не требовалось, вполне достаточно было дефилировать по сцене, улыбаясь, в роскошном наряде, состоявшем из невероятной высоты цилиндра и узкой золотистой ленточки, которая якобы что-то там прикрывала. Джилл не любила оставаться одна, без всякого дела, а Майк легко устраивал ее на любую приглянувшуюся работу. Сам же он был крайне занят, ведь казино не закрываются ни днем, ни ночью.

Майк строго держался установленных Джилл пределов и много не выигрывал. Выдвоив очередное лас-вегасское казино на несколько тысяч, он тут же его покидал, не позволяя себе играть по-крупному, а под конец попробовал работать крупье. В движение шарика он не вмешивался, а только изучал людей, пытаясь грокнуть, зачем они играют. Он грокал мощное влечение, сходное с сексуальным, но в то же самое время неправильное.

Выходя на сцену в первый раз, Джилл считала, что посетители этого роскошного кабаре — самые заурядные лохи, пустое место, и тут же с удивлением обнаружила, что искренне наслаждается, демонстрируя им свое тело. Пришлось честно — с *марсианской* честностью — разобраться в этом неожиданном ощущении. Собственно говоря, ей и раньше нравились восхищенные взгляды мужчин — не всех, конечно, а привлекательных, до которых хотелось дотронуться. Ну а Майк? Тут история совсем другая. Джилл иногда даже обижалась, насколько мало значит для Майка вид ее тела — тела, которому он служил со всей страстностью, о какой только может помыслить женщина...

...если только не был занят чем-нибудь другим. Но даже и тогда он бывал щедр и отзывчив — позволял вырывать себя из транса, мгновенно, без единой жалобы переключался, снова становился радостным, любящим, настойчивым.

А глаза — словно не видят, еще одна странность Майка, вроде его неспособности смеяться. Так что нетрудно понять, решила Джилл после своего дебюта в кабаре, почему мне нравятся восхищенные взгляды чужих людей, это — единственное, чего я не получаю от Майка.

Но вскоре внутренняя честность не оставила от этой теории камня на камне. Зрители — по большей своей части старые, толстые и лысые — выглядели, мягко говоря, непривлекательно, а ведь она всегда презирала «старых козлов». Именно, напомнила себе Джилл, козлов, а не просто пожилых людей; вот, скажем, Джубал — и глаза пялит, и шуточки отпускает весьма сомнительные, а все равно нет такого ощущения, что он хочет потискать тебя где-нибудь в темном углу. Она была уверена, что Джубал питает к ней платоническую, возвышенную страсть и если они вдруг окажутся в одной постели, то он к ней даже не прикоснется, ну разве что в лоб поцелует и пожелает приятных сновидений.

И тут вдруг выясняется, что старые козлы, сидящие в зале, совсем не действуют ей на нервы. Под их откровенно похотливыми взглядами — Джилл буквально кожей чувствовала эти взгляды — ей становилось тепло и уютно.

До этого момента эксгибиционизм представлялся ей слабостью, достойной презрения или — в лучшем случае — снисходительного сострадания. Теперь Джилл обнаружила нечто подобное у себя и должна была решить: либо эта разновидность нарциссизма является вполне нормальным явлением, либо она сама — неправильная. Ну уж нет, Джилл чувствовала себя абсолютно здоровой, такой здоровой, как никогда прежде. Она и прежде отличалась завидным здоровьем — медсестре некогда болеть самой, — но ведь теперь даже и вспомнить трудно, когда там у нее в последний раз болел живот, или был насморк, или хотя бы ногу сводило.

Ну а если здоровой женщине нравится, что на нее глазек, значит здоровые мужчины должны получать удовольствие, глаза на женщин, иначе получится сплошная чушь. Доказав эту теорему (которой следовало бы, по справедливости, присвоить название «теорема Джилл Бордман»), Джилл Бордман поняла наконец Дюка с его похабными картинками и мысленно попросила у него прощения.

Она поспешила поделиться своими интеллектуальными успехами с Майком, но тот только пришел в недоумение — а какая, собственно, Джилл разница, кто там на нее глядит и как. Вот желание, чтобы тебя никто не трогал, это вполне понятно; Майк по возможности избегал рукопожатий, он не хотел соприкасаться ни с кем, кроме братьев по воде. (Джилл не была вполне уверена, насколько далеко простирается эта неприязнь. Однажды Майк прочитал какую-то книжку про гомосексуализм и ровно ничего не понял; пришлось дать ему разъяснение, а заодно и практические советы — как уходить от нежелательных заигрываний. Молоденький и хорошенький, Майк неизбежно привлек бы к себе благосклонное внимание голубых, поэтому Джилл велела ему изменить лицо, сделать его более суровым и мужественным. Но и тогда оставались большие сомнения — как поведет себя этот красавчик, если пристанет к нему не посторонний человек, а, скажем, Дюк; к счастью, все его водяные братья мужеского пола являлись вполне определенными, без малейших отклонений мужчинами, так же как братья-женщины — женщинами. Кроме того,

Джилл сильно подозревала, что Майк сразу грохнет в несчастных межеумках эту самую свою «неправильность», а потому не разделит с ними воду.)

Не понимал Майк и того, почему это Джилл *приятно*, когда на нее смотрят. Их взгляды на эту (по мнению Майка — несуществующую) проблему совпадали только в первые послекарнавальные дни, когда Джилл вдруг стало совершенно безразлично, смотрит на нее кто-нибудь или нет, и нагота ее больше не тревожила. Но именно тогда и зарождалось теперешнее самоосознание. На самом деле мужские взгляды никогда не оставляли ее равнодушной, она только разыгрывала — бессознательно — это равнодушие. Приспосабливаясь к Человеку с Марса было весьма непросто; Джилл вынужденно отбросила некую часть с детства усвоенных понятий и представлений, ту — пусть и незначительную — долю брезгливого жеманства, которая сохраняется даже у медицинских сестер, при всей специфике их профессии.

Однако Джилл даже и не подозревала за собой какого бы то ни было чистоплюйства — пока его не утратила. И смогла наконец понять — и честно самой себе в этом признаться, — что сидит в ней нечто веселое и абсолютно — как мартовская кошка — бесстыжее.

Она попыталась объяснить все это Майку, познакомить его со своей великой теорией функциональной дополнительности нарциссического эксгибиционизма и вуайеризма.

— Дело в том, Майк, что я тащусь, когда на меня пялятся мужики... много мужиков, и почти все равно каких. Теперь я грокаю, почему Дюку нравятся картинки с голыми бабами — и чем похабнее, тем лучше. И это совсем не значит, что я охотно полезла бы в постель с кем-нибудь из зрителей — ровно так же, как Дюк не ляжет в постель с картинкой, вырезанной из журнала. Но когда все они, вместе, смотрят на меня и говорят мне — *думают* мне, — что они меня хотят, мне становится тепло и хорошо.

Джилл на секунду смолкла и задумчиво свела брови.

— Нужно бы мне сфотографироваться в какой-нибудь совсем уж неприличной позе и послать снимок Дюку... изви-

ниться, что я тогда не сумела грокнуть эту его, как мне казалось, слабость. Если это — слабость, то она есть и у меня, на женский манер. *Если* это слабость — а я грокаю, что нет.

— Хорошо. Я найду фотографа.

— Не стоит, пожалуй, — покачала головой Джилл, — хватит и одного извинения. Не могу я посылать такой снимок, Дюк никогда не делал на меня заходов, и не нужно, чтобы у него появлялись какие-то там мысли.

— А ты не хочешь Дюка?

Джилл отчетливо услышала окончание этой фразы, промелькнувшее в мозгу Майка: «...Дюка? Брата по воде?»

— Хм-м-м... я как-то никогда об этом не задумывалась. По всей видимости — «хранила тебе верность». Но теперь я грокаю, что ты говоришь верно; я не отказала бы Дюку — и получила бы *огромное* удовольствие. А как считаешь ты, милый?

— Я грокаю, что это благо, — очень серьезно ответил Майк.

— Хм-м... хотелось бы сообщить тебе, галантный ты мой инопланетянин, что иногда человеческим особям женского пола нравится ревность, пусть даже и притворная, — хотя вряд ли до марсианской твоей башки дойдет, что же это такое — «ревность». Милый, а как бы ты поступил, начни кто-нибудь из этих лохов ко мне приставать?

Майк слегка усмехнулся:

— Боюсь, он мог бы исчезнуть.

— Вот и я боюсь. Послушай, милый, ты же обещал не делать ничего подобного — разве что при самых крайних обстоятельствах. Вот если ты услышишь, что я закричала, и заглянешь ко мне в голову, и окажется, что мне грозит самая настоящая опасность, — тогда дело другое. Но я умела отшивать козлов уже в те далекие времена, когда ты сидел еще на Марсе, в этом самом твоём гнезде. В девяти случаях из десяти изнасилованная девушка и сама не без вины. А вот в десятом... так и быть, можешь отправить насильника в никуда. Хотя до этого вряд ли дело дойдет.

— Я запомню. И я бы хотел, чтобы ты послала Дюку похабный снимок.

— Зачем, милый? Ладно, пошлю, раз просишь. Но если у меня и вправду появятся какие-нибудь такие мысли — а теперь, с твоей подачи, они очень даже могут появиться, — я уж, скорее, просто схвачу его за плечи, встряхну и спрошу: «Ну как, Дюк, есть у тебя настроение? А то я согласна». Зачем мне уподобляться этим мерзким бабам, которые заваливали тебя своими снимками? Но если тебе очень хочется — за ради бога. Только никакой похабщины — сделаю рекламную фотографию, как у профессиональной танцовщицы кабаре, пошлю ему, спрошу, найдется ли для фото местечко в альбоме. Может, он и не сочтет это за приставание.

Майк сосредоточенно нахмурился.

— Погоди, я не до конца договорил. Если ты хочешь послать Дюку похабный снимок — посылай. А если не хочешь — не посылай. Мне просто хотелось посмотреть, как делают похабный снимок. Джилл, а что это такое — «похабный» снимок?

Майк не мог понять неожиданной перемены, происшедшей с Джилл, — резкое неприятие чужих взглядов сменилось его полной противоположностью, внезапным наслаждением ими, наслаждением почти сексуальным, — точно так же, как он не мог понять, для чего Дюку коллекция картинок. В биологическом смысле марсиане тоже имели половую жизнь, однако эта тусклая, будничная забота о продолжении своего рода ни в чем не напоминала яростной сексуальности людей, не давала никакой основы для гроканья нарциссизма и вуайеризма, застенчивости и эксгибиционизма.

— Я понимал, — добавил он, — что «похабный» — это неправильный, но ведь ты сейчас имеешь в виду не неправильность, а благо?

— Ну, как бы тебе это сказать... теперь, расставшись с прежними своими предрассудками, я понимаю, что похабный снимок может быть и тем и другим. Но и это не все... знаешь, Майк, мне придется прибегнуть к демонстрации, словами тут ничего не объяснишь. Закрой, пожалуйста, окно, не дай бог, кто увидит.

Жалюзи сами собой закрылись.

— Ну вот, — начала Джилл, — эту позу даже и похабной не назовешь — так, немного непристойная, в ней снимется для

рекламы шоу любая из наших девочек. Вот такая — чуть похабнее, на нее решится уже не каждая, но многие. Вот это — откровенно похабная, а такая — *очень* похабная... Ну а если *вот так* — это уж совсем похабень, в такой позе я не стала бы фотографироваться, даже закрыв лицо полотенцем, — разве что ты бы попросил.

— А какой смысл в снимке, если лицо закрыто?

— С такими вопросами обращайся к Дюку, он тебе лучше объяснит.

— Я не грокаю здесь неправильности. Я не грокаю здесь блага. Я грокаю... — Майк использовал марсианское слово, обозначающее нулевое состояние эмоций.

Обсуждение животрепещущей проблемы похабных картинок продолжалось на смеси языка марсианского (способного передавать тончайшие эмоциональные и аксиологические градации) и английского (более приспособленного для описания обсуждаемых реалий). Тем же вечером Майк, полный решимости разрешить загадку, отправился в кабаре, сунул (по совету Джилл) метрдотелю в лапу и получил столик у самой сцены. Недавняя медсестра участвовала в первом же номере; она одарила зал ослепительной улыбкой и еле заметно подмигнула. Неожиданно выяснилось, что в присутствии Майка теплое, приятное ощущение, знакомое по предыдущим вечерам, многократно усиливается: ее тело словно раскалилось, померкни сейчас прожектора рампы — оно светилось бы в темноте.

Девушки рассыпались по сцене; Джилл занимала в живой картине центральное, самое заметное положение и находилась теперь в каких-нибудь десяти футах от Майка. Ответственная эта роль была доверена ей уже на четвертый день (точнее — вечер) работы.

— Уж и не знаю, маленькая, в чем тут дело, — сказал режиссер. — У нас есть девочки с такими фигурками, что закачаешься, а вот поди ж ты, посетители глядят не на них, а на тебя. Есть в тебе, видно, что-то такое.

Джилл приняла боевую стойку и мысленно окликнула Майка.

— (Ну как, чувствуешь что-нибудь?)

— (Грокаю, но не в полноте.)

— (Взгляни на того, вон, на которого я смотрю. Маленький такой. Он же весь дрожит. Он меня хочет.)

— (Я грокаю его желания.)

— (Посмотри на него, видишь?)

Джилл взглянула посетителю прямо в глаза — чтобы дополнительно его распалить, а заодно — чтобы Майк мог воспользоваться ее зрением. С того времени, как она достаточно грокнула марсианский образ мыслей, они с Майком стали сближаться все сильнее и теперь могли уже пользоваться этим, обычным для марсиан приемом. Способная ученица не умела еще управлять зрительной связью; Майк мог посмотреть ее глазами в любой момент, а она глазами Майка — только с его помощью.

— (Мы грокаем его вместе, — согласился Майк. — Огромная жажда к Маленькому Брату.)

— (!!!!)

— (Да. Прекрасное страдание.)

Она стояла неподвижно, как статуя, и внимательно следила за музыкой. Осталось два такта... один... пора. Джилл двинулась по сцене, буквально заливая зал волнами гордой, победительной чувственности; в ответ на эмоции Майка и плюгавого незнакомца в ней самой поднималось острое, почти непреодолимое желание. В какой-то момент спланированное режиссером движение направило ее прямо в сторону незнакомца, и она снова встретила с ним глазами.

Но тут произошло нечто абсолютно неожиданное; Майк ни разу не говорил, что такое возможно. Как и прежде, Джилл принимала эмоции этого человека, дразнила его глазами и телом, передавала свои ощущения Майку..

И вдруг увидела себя чужими — не Майка — глазами, ощутила первобытную жажду, с которой смотрел на нее этот корытшка.

Джилл споткнулась — и упала бы, не вмешайся Майк, который поймал ее, поставил на ноги и опустил только тогда, когда она справилась с собой и вновь обрела способность двигаться без посторонней помощи. «Второе зрение» тут же исчезло.

Процессия ослепительных красавиц удалилась за кулисы.

— Что это с тобой, Джилл? — поинтересовалась одна из девушек.

— Каблук зацепился.

— И как ты только удержалась на ногах-то, просто чудо. Испугалась, наверное? Сильный у тебя же потом видок был — словно марионетка на ниточках.

— (Да ведь так оно, милая, и было!) Нужно сказать, чтобы это место посмотрели. Доска, наверное, расшаталась. Так ведь и ногу можно сломать.

При следующих выходах на сцену Джилл увидела себя глазами еще нескольких мужчин, но теперь Майк опасался заставить ее врасплох и предупреждал о «сеансах» заранее. Изображения были на удивление разными: один видел ноги, и только ноги, другого завораживали плавные, волнообразные движения тела, третьего — высокая грудь. Затем Майк показал ей — своими глазами — других девушек из труппы; Джилл с большим облегчением убедилась, что он видит их точно такими же, как и она, разве что немного отчетливее.

И в то же самое время обнаружила — к огромному для себя удивлению, — что возбуждается, глядя на девочек глазами Майка, самым настоящим образом возбуждается!

Майк ушел во время финального номера, пока толпа не хлынула к выходу; он отпросился с работы только на несколько часов, чтобы посмотреть выступление жены, и собирался вернуться в номер только под утро. Однако, уже подходя к двери, Джилл почувствовала его присутствие. Дверь открылась, пропустила ее и снова захлопнулась.

— Привет, милый! — окликнула Джилл. — Как хорошо, что ты дома.

Майк мягко улыбнулся:

— Теперь я грокою похабные картинки. — Ее одежда испарилась. — Покажи мне похабные картинки.

— Как? Хорошо, милый, пожалуйста.

Джилл повторила те же позы, что и раньше, но теперь она видела себя глазами Майка. И не только видела, но и ощущала его эмоции... и возбуждалась, и возбуждение это многократно

отражалось, становилось все сильнее и сильнее... Приняв очердную, до крайности непристойную позу, Джилл замерла в нерешительности — дальше ее воображения не хватало.

— Похабные картинки — великое благо, — с убийственной серьезностью провозгласил Майк.

— Да! Теперь и я их грокаю! Слушай, ты живой или нет? Чего ты там копаешься?

Они бросили работу и просмотрели все шоу города. Как оказалось, Джилл «грокала похабень», только глядя глазами какого-либо мужчины. Если Майк смотрел — она разделяла все его чувства, от мягкого возбуждения до дикой, яростной похоти, но как только глаза его уходили в сторону, манекенщица, танцовщица или там девочка из стриптиза становилась обычной, не вызывающей особого интереса женщиной. Джилл делалось скучно и хотелось уехать домой — но не очень-то и хотелось, теперь она стала почти такой же терпеливой, как и Майк. Она хорошенько обдумала свои новые ощущения и пришла к выводу, что женщины ее возбуждают только если она глядит на них глазами Майка. Вот мужчины — другое дело. Ну и слава тебе господи; обнаружить вдруг у себя лесбийские наклонности — это уж некоторый перебор.

А так — было очень приятно («было большим благом») смотреть на женщин его глазами. И главное, *огромное* благо: Майк научился смотреть на женское тело и теперь воспринимал так и Джилл, только лучше и больше.

Они переехали в Пало-Альто; Майк попытался заглотнуть Гуверовскую библиотеку, однако задача оказалась неосуществимой — скорость сканеров была рассчитана на нормального человека, да и сам он не мог перелистывать страницы достаточно быстро. А главное — Майку пришлось со вздохом признать, что он не успевает прогнать полученную информацию, хотя и размышляет над ней все время от закрытия библиотеки до ее открытия. К вящей радости Джилл, они переехали в Сан-Франциско, где ненасытный марсианин приступил к систематическим исследованиям.

Однажды Джилл вернулась домой и застала Майка в полной прострации; вокруг него валялись книги, кучи книг. Здесь

были Талмуд, Камасутра, несколько различных переводов Библии, Книга мертвых, Книга Мормона, «Новое Откровение» (тот самый экземпляр, подаренный Пэтти Фостером), разнообразные апокрифы, Коран, полное, без сокращений, издание «Золотой ветви», «Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию», священные тексты доброго десятка прочих религий, больших и малых, — все, вплоть до такой экзотики, как «Книга закона» Кроули.

— Что, милый, никак?

— (Джилл, я ничего не грокаю.)

— (Ожидание, Майкл. Ожидание ведет к наполнению.)

— Не думаю, чтобы здесь помогло ожидание. Я же понимаю, в чем тут дело. Я — не человек. Я — марсианин, марсианин в теле не той, что надо, формы.

— Не знаю, милый, для меня ты самый настоящий человек, и вполне. И форма твоего тела как раз такая, как надо.

— Джилл, ты же прекрасно грокаешь, о чем это я. Я не грокаю *людей*. Я не понимаю бесчисленности их религий. Вот у моего народа...

— Как ты сказал, у *твоего*?

— Прости, Джилл, я хотел сказать, у *марсиан* одна-единственная религия — и она никакая не вера, а твердая уверенность. И ты ее грокаешь. «Ты еси Бог».

— Да, — кивнула Джилл, — я грокаю. По-марсиански. Но дело в том, что и по-английски, и на всех остальных человеческих языках получается нечто совсем другое, не знаю уж и почему.

— М-м-м... на Марсе, если мы хотим что-нибудь узнать, мы спрашиваем у Стариков и можем не сомневаться в правильности ответа. Джилл, а не может быть так, что у нас, людей, нет своих «Стариков»? То есть — у нас нет души? И когда мы развоплощаемся — *умираем*, — мы умираем *до смерти*... умираем полностью, и ничего от нас не остается? Может быть, мы потому и живем в невежестве, что это не имеет ровно никакого значения? Потому что мы исчезаем, исчезаем бесследно, прожив всего лишь крошечный отрезок времени, которого марсианину едва хватило бы на одно серьезное размышление? Скажи мне, Джилл, ведь ты-то — настоящий человек.

Джилл улыбнулась, спокойно и уверенно.

— Ты же сам мне все рассказал. Ты обучил меня вечности, и теперь это со мной навсегда, *навечно*. Майк, умереть нельзя, можно только развоплотиться. Вот это тело... — она указала на себя обеими руками, — это тело, которое я увидела твоими глазами, тело, которое ты так ласкал и любил, оно когда-нибудь исчезнет. Но я-то никуда не исчезну! *Я есть, что я есть!* Ты еси Бог, и я есмь Бог, и мы суть Бог ныне и присно и во веки веков. Не знаю уж, куда я потом попаду и буду ли я помнить, что была когда-то такой Джилл Бордман, которая радостно бегала по больнице с ночными горшками, а потом столь же радостно выставляла все свои прелести под яркий свет прожекторов на всеобщее обозрение. Ну конечно же, я любила свое тело...

С совершенно необычным для себя нетерпением Майк взмахнул рукой, и одежда Джилл исчезла.

— Спасибо, милый. Ничего плохого про него не скажешь — служило мне вполне прилично, нравилось нам обоим. Только вряд ли я буду так уж по нему скучать. Надеюсь, что ты съешь это тело, когда я его покину.

— Да, обязательно — если только не оставлю плотскую оболочку первым.

— А с чего бы это? Ты управляешь своим телом гораздо лучше меня и должен прожить не меньше нескольких веков. Если, конечно, не развоплотишься по собственному желанию.

— Вполне возможно, правда — не в ближайшее время. Джилл, я ведь старался и старался. Сколько церквей мы посетили?

— Думаю, мы перепробовали все разновидности, какие только есть в этом городе, — кроме тех, что сидят в глубоком подполье и не оповещают о себе. Я уж и не упомяну, сколько раз мы посещали службу для ищущих.

— Это — только для спокойствия Пэт, ты же сама говоришь, что она огорчится, если мы бросим, а так — я бы и второй раз не пошел.

— Ей нужно знать, что мы не прекращаем попыток, а со-
врат у нас не получится. Ты не умеешь, а я не смогу.

— Вообще-то у фостеритов что-то есть, — задумчиво добавил Майк. — Только все это перекручено, вывернуто вверх тормашками. Они ищут вслепую — как я, когда работал в карнавале. И они никогда не исправят своих ошибок, потому что в этой вот штуке... — он поднял в воздух драгоценную книгу миссис Пайвонской, — девяносто девять процентов чуши.

— Да, но Пэтти просто не видит этих девяноста девяти процентов, она защищена своей невинностью. Пэтти — Бог и ведет себя соответствующим образом... только она при этом не знает, что она — Бог.

— Вот-вот, — кивнул Майк, — именно так. Она верит в свою божественность только тогда, когда об этом говорю я, и говорю достаточно настойчиво. Но ты, Джилл, послушай. Есть только три пути поисков. Наука — но еще в гнезде, детенышем, я узнал об устройстве Вселенной больше, чем известно всем земным ученым, вместе взятым. Начни я объяснять им хотя бы такой простейший трюк, как левитация, — они меня не поймут. И я не хочу как-то там принизить ученых; они делают все как надо, я полностью это грокаю. Они ищут, но ищут совсем не то, что нужно *мне*. Можно пересчитать все песчинки в пустыне — но пустыню таким образом не грокнешь. Дальше — философия, которая вроде бы способна разобраться в чем угодно. Ой ли? Все философы с чем отправлялись в странствия по просторам своей науки, с тем и возвращались — не считая жертв самообмана, которые доказывали свои исходные предпосылки проистекающими из них следствиями. Вроде Канта и прочих, бегающих по кругу в вечных попытках поймать себя за хвост. Так что ответ должен содержаться *здесь*. — Он махнул рукой в сторону книжных нагромождений. — Только его здесь *нет*. Встречаются отдельные огрызки чего-то вроде бы и правильного — но огрызки эти никогда не складываются в целостную картину, а если целостная картина есть — она ничем не доказывается, в нее нужно поверить. *Вера!* Вот уж поистине неприличное слово, гораздо хуже всего, что пишут на заборах; не понимаю, Джилл, чего это ты упустила веру, когда учила меня, какие слова нельзя произносить в приличном обществе.

— Майк, — улыбнулась Джилл, — а ведь это — шутка.

— Я совсем не намеревался шутить и даже не понимаю, что тут может быть смешного. И даже тебе, Джилл, я не принес ничего хорошего — ведь раньше ты смеялась. Я так и не научился смеяться, а ты — разучилась. Мне необходимо стать человеком — а вместо этого ты превращаешься в марсианина.

— Мне хорошо с тобой, милый. Наверное, я смеюсь, просто ты не замечаешь.

— Я услышу, если ты засмеешься на другом конце города. С тех пор как смех перестал меня пугать, я обязательно его замечаю, особенно — если смеешься ты. Мне кажется, если я грокну смех, то грокну и людей. И смогу помочь таким, как Пэт... научить ее тому, что знаю. Научиться у нее тому, что знает она. А сейчас — нам трудно понимать друг друга.

— Майк, Пэтти нужна одна-единственная вещь: чтобы мы иногда с ней встречались. А чего, кстати, долго откладывать? Туман здешний мне уже осточертел, карнавал распушен на зиму, так что Пэтти должна быть дома. Слетаем на юг, повидаться с ней, а потом... знаешь, я ведь никогда не бывала в Баха-Калифорнии, возьмем Пэтти с собой и двинем в теплые края, здорово я придумала?

— Хорошо, поехали.

Джилл вскочила:

— Давай одеваться. Куда ты денешь все эти книги? Может, отправишь их Джубалу?

Майк щелкнул пальцем, и вся сокровищница человеческой мудрости пропала, за исключением «Нового Откровения».

— Эту придется оставить, а то Пэтти заметит — обиды не оберешься. А сейчас, Джилл, я испытываю острую необходимость сходить в зоопарк.

— Пошли.

— Плюну верблюду в морду и спрошу, чего это он такой кислый и раздражительный. Я вот тут подумал, а вдруг верблюды — как раз и есть Старики этой планеты... и оттого-то все ее и беды.

— Ты только посмотри, какая производительность — две шутки в сутки.

— А я совсем не смеюсь. И ты не смеешься. И верблюд тоже. Возможно, он грокает — почему. Как, это платье подойдет? Белье нужно?

— Да, милый, погода сейчас промозглая.

— Чуть-чуть поднимемся... — Майк приподнял ее на пару футов. — Трусики. Чулки. Пояс. Туфли. О'кей, теперь встанем на собственные ноги и — руки вверх. Какой там еще лифчик, ни к чему он тебе. Платье — ну вот, вид вполне благопристойный. И симпатичный — что бы ни значило это слово. Иначе говоря — выглядишь ты хорошо. Не получится из меня ничего другого — пойду к какой-нибудь даме в горничные. Ванны, шампуни, массажи, прически, штукатурка на лицо, одежда на любой случай жизни — да я ведь даже маникюр научился делать, и не как-нибудь, а на твой вкус. Так как, мадам, справляюсь я с работой?

— Ты — идеальная горничная. Я тебя никуда не отпускаю.

— Да, и я грокаю это с гордостью. Моими стараниями ты выглядишь просто великолепно, так что выкину-ка я эти вещички и устрою тебе небольшой массаж — такой, знаешь, полезный для возвращения близости.

— Да, Майкл!

— Ну вот, а я-то думал, ты научилась жданию. Нет, ты сперва своди меня в зоосад и купи мне мороженое.

— Хорошо, Майк.

Над парком Золотые Ворота носился холодный, до костей пронизывающий ветер, но Джилл умела уже справляться с холодом, а Майк его попросту не замечал. И все равно, расслабиться в теплоте обезьянника было приятно. Вообще-то Джилл не любила обезьян, карикатурные подобию людей приводили ее в мрачное настроение. И ведь она навсегда рассталась с остатками чистоплюйства, научилась находить некую аскетическую, по сути своей — почти марсианскую радость во всех физических проявлениях жизни; прилюдные испражнения и совокупления ничуть ее не смущали — несчастные, загнанные в клетку твари не имели ни понятия о «благопристойности», ни места, куда спрятаться от чужих глаз, винить их в чем-нибудь было бы просто смешно. Джилл смотрела на

обезьян без всякого отвращения, без всякой нужды смирять свою брезгливость — и видела в них «человеческое, слишком человеческое»; каждым своим действием, каждой гримасой, каждым удивленным, озабоченным взглядом они напоминали ей о наиболее неприятных качествах рода людского.

Вот у львов — там гораздо лучше. Огромные, высокомерные даже в заточении самцы, величаво-женственные львицы, а рядом — царственные в своем великолепии бенгальские тигры, из чьих глаз смотрит беспощадная ночь джунглей, и поджарые, стремительные, опасные, как выстрел в упор, леопарды, и надо всем этим — острый, стойкий, никакими кондиционерами не истребимый кошачий запах. Майк разделял пристрастия Джилл, они простаивали здесь часами — или шли к птицам, или к змеям и крокодилам, или к тюленям — как-то он заметил, что если уж существу суждено жить на этой планете, лучшая для него судьба — родиться морским львом.

Первое знакомство с зоопарком Майка расстроило; вознамерившись дать пленникам свободу, он с трудом внял совету Джилл подождать и погрозить. В конечном итоге ему пришлось согласиться, что выпущенные звери просто погибнут и зоопарк для них — нечто вроде гнезда. По возвращении домой Майк на многие часы погрузился в транс и потом никогда уже больше не изъявлял желания уничтожить клетки, решетки и стеклянные стенки. Он объяснил Джилл, что стальные прутья охраняют скорее зверей от людей, чем наоборот, признал, что не сумел грохнуть этого сразу, и в дальнейшем не пропускал ни одного зоопарка.

Но сегодня ничто не могло вывести Майка из подавленно-го настроения — ни мизантропия верблюдов, ни ужимки обезьян. Он стоял перед клеткой капуцинов, мрачно наблюдал, как те едят, спят, занимаются любовью, нянькают детенышей, выискивают друг у друга насекомых и просто без толку слоняются из угла в угол; тем временем Джилл их прикармливала.

Один из самцов замешкался и не успел сунуть за щеку орех, полученный от щедрой посетительницы; тут же подскочил другой, покрупнее, нагло отобрал у товарища по заключению

добычу, несколько раз его ударил и неторопливо удалился. Низкорослый самец даже не пытался догнать своего обидчика; в бессильной ярости он лупил кулаками по полу и отчаянно верещал. Майк внимательно наблюдал за спектаклем.

Неожиданно пострадавший бросился в угол клетки и сорвал злость на совсем уже маленьком, меньше себя самце. Зверски избитый капуцин уполз, скуля и хныча, к самке с детенышем, которая стала его утешать; остальные обитатели клетки не обращали на происходящее никакого внимания.

Майк откинул голову и расхохотался. И продолжал хохотать все громче и громче. Ему не хватало воздуха, его била дрожь, он осел на пол — и все хохотал и хохотал.

— Прекрати сейчас же!

Майк, начавший было сворачиваться в клубок, распрямился — и продолжал хохотать.

Рядом с Джилл появился служитель.

— Вам не нужно помочь?

— Не могли бы вы заказать такси? Воздушное, наземное, все равно какое, главное — увезти его отсюда. Ему плохо.

— А может — «скорую»? Похоже на припадок.

— Все что угодно!

Через несколько минут они уже сидели в воздушном такси. Джилл назвала водителю адрес, а затем встряхнула за плечо все так же хохотавшего Майка.

— Майк, послушай меня! Успокойся, пожалуйста.

Майк немного успокоился, но не совсем; всю дорогу домой он то затихал, то снова хохотал в голос. Джилл достала носовой платок и вытирала текущие из его глаз слезы. Подобно несчастной супруге какого-нибудь алкоголика, она затащила своего недееспособного спутника домой, раздела его и уложила в постель.

— Ну вот, милый, и все. Теперь можешь отключиться.

— Я в порядке. Наконец-то я в полном порядке.

— Надеюсь, — вздохнула Джилл. — Ну и напугал же ты меня.

— Прости, Маленький Брат. Я ведь тоже испугался, услышав свой смех.

— Майк, а что такое, собственно, случилось?

— Джилл... я грокаю людей.

— Что? (????)

— (Я говорю правильно, Маленький Брат. Я грокаю людей.) Теперь я грокаю людей... Джилл... Маленький Братец.. самая моя лучшая... ягодка ты моя волчья... лапочка... кошечка ты моя драная, облезлая. Милая ты моя ..

— Да что это с тобой такое?

— Я же знал, я же все эти слова знал, только не знал, когда их надо говорить и зачем. И не понимал — для чего тебе это надо. Я люблю тебя, милая, — ведь теперь я и любовь грокаю.

— Ты всегда ее грокал. И я тебя люблю... Послушай, а почему говорят «человекообразные обезьяны»? Может, это мы — обезьянообразные люди?

— Обезьянообразные, какие же еще. Иди сюда, обезьянка моя, залезай под мышку, положи голову мне на плечо и расскажи какой-нибудь анекдот или вообще что-нибудь смешное.

— Просто рассказать анекдот — и все?

— И все, ну только я еще обниму тебя крепко-крепко. Расскажи анекдот, которого я еще не знаю, и смотри, буду я смеяться где надо или нет. Я засмеюсь, это точно, а потом расскажу, что там было смешного. Джилл... я же *грокаю* людей.

— Но как это вышло? Можешь ты мне рассказать? Или по-марсиански будет понятнее? А может — мысленно?

— Нет, в том-то и дело. Я грокаю людей. Я теперь *настоящий* человек и могу объяснить тебе все *человеческим* языком. Я понял, почему люди смеются. Они смеются потому, что им больно, и смех — единственное, что может заглушить эту боль.

На лице Джилл появилось недоумение.

— Может, как раз я-то и есть нечеловек. Я тебя не понимаю.

— Да нет, обезьянка, ты человек, и самый настоящий. Просто ты никогда об этом не задумывалась, ты грокаешь такие вещи автоматически. Ты — человек, выросший среди людей, воспитанный людьми, а я — нет. Я — вроде щенка, который вырос среди людей, не видя других собак: стать похожим на своих хозяев он не может, а стать похожим на братьев своих по крови — не умеет. Мне пришлось учиться. Меня учил брат Мах-

муд, меня учил Джубал, меня учили многие и многие люди — а больше всего учила меня ты. Сегодня я сдал последний, самый главный экзамен — я научился смеяться. Бедный обезьян.

— Какой из них, милый? Здоровенный этот, так он просто мерзость, наглый, злой... а тот, который поймал орех, он оказался ничем не лучше, а может, еще и почище. Не понимаю, чего там было такого веселого

— Джилл, дурочка ты моя маленькая! Слишком уж много к тебе прилипло марсианщины. Ну конечно же, там не было ничего веселого, слезы лить впору. Потому-то и приходится смеяться. Я смотрел на сидящих в клетке обезьян — и вдруг увидел всю эту совершенно необъяснимую злобность и жестокость, о которой я столько читал, и мне стало невыносимо больно, и я засмеялся.

— Но... Майк, милый, все ведь, как раз наоборот, смеются, когда видят что-нибудь приятное, хорошее... над ужасами не смеются.

— Ты думаешь? А ты вспомни хотя бы Лас-Вегас. Ваша женская команда выходила на сцену — и что же, вас встречали смехом?

— Н-ну... нет, конечно

— Но ведь вы были самой красивой частью шоу. А зрители не смеялись, они смеялись, когда клоун путался в собственных ногах и падал либо происходило еще что-нибудь далеко не благое. Рассмейся они при вашем появлении — вы бы очень обиделись.

— Но люди смеются *не только* над такими вещами.

— Не только? Возможно, я грокаю еще не во всей полноте, но ты попробуй вспомнить что-нибудь смешное — шутку, анекдот, все что угодно, лишь бы было по-настоящему смешно, вызывало хохот, а не так, легкую улыбку. А потом посмотрим, нет ли там какой-нибудь неправильности, — и не потому ли мы смеемся, что она там есть. — Он немного задумался. — Научись обезьяны смеяться, они стали бы людьми.

— Пожалуй.

Джилл начала копаться в памяти, перебирая самые смешные анекдоты, анекдоты, смешившие ее когда-то буквально до

колик: «...а из шкафа голос „Выносите вещи!“», «А я вас, мамочка, отпускаю...», «И я тоже два раза — с футбольной командой и с батальоном морской пехоты...», «На первое-второе рассчитайсь!...», «Смотри, засранец, как это делается!», «Но имей в виду, для меня этот день будет совершенно испорчен...», «Вы, конечно, будете смеяться, но она тоже умерла...», «Ну и куда он нам такой нужен? Хряп! Хряп! Хряп!», «Будем лечить — или пускай живет?», «Я-то знаю, но петух-то не знает!», «Сказал: „Дзины!“ и помер...», «Где та эскимоска, которой я должен пожать лапу?».

Ну и что? Анекдоты не показательны, они — плод чьей-то фантазии, и не более. А как настоящие происшествия и розыгрыши? С розыгрышами было плохо, все они — даже такие невинные, как подложенная на стул кнопка, — только подкрепляли гипотезу Майка. А уж если вспомнить шуточки интернов... молодых медиков вообще следовало бы держать в клетке. Реальные происшествия? Как у Эльзы Мэй лопнула резинка от трусов? Вот уж смеху-то было... особенно для Эльзы. Или как...

— Судя по всему, тот самый клоун, прилюдно шлепающий-ся на задницу, — высочайшая вершина юмора, — мрачно констатировала Джилл. — Что представляет племя человеческое не в самом радужном свете.

— Да нет, напротив!

— Как это?

— Раньше я думал — мне так говорили, — что «забавное» происшествие — происшествие благое. Но это не так. Забавное происшествие далеко не забавно для того, с кем оно приключилось. Взять, скажем, того же шерифа без штанов. Благо — не в самом происшествии, а в смехе. Я грокаю в смехе отвагу... и участие... и единение против боли, горя и поражения.

— Но... Майк, какое же это благо — смеяться над пострадавшим?

— Над пострадавшим — нет. Но разве же я смеялся над этой маленькой обезьянкой? Я смеялся над нами. Над людьми. И неожиданно понял, что я — тоже человек, и тогда уж не

мог остановиться. — Майк помолчал. — Трудно все это объяснить, ты ведь никогда не была марсианином, а слушать рассказы о другой жизни и испытать ее лично — вещи очень и очень разные. На Марсе *никогда* не бывает *ничего* смешного. Все, что мы, люди, считаем забавным, либо не может там случиться, либо не дозволено. Ты пойми, милая, так называемая «свобода» на Марсе просто не существует. Старики планируют буквально все бытие. Во всем, что происходит там, нет ничего неправильного, а значит, и забавного — даже в том, что нам, по нашим меркам, могло бы показаться смешным. Взять, например, смерть.

— В смерти нет ничего забавного.

— Ничего забавного? А почему же тогда анекдотов про смерть чуть не больше, чем про тещу? Джилл, для нас — для нас, *людей*, — смерть настолько печальна, что нам *приходится* над ней смеяться. А бесчисленные земные религии? Противореча друг другу во всем остальном, каждая из них обязательно предлагает нечто, помогающее людям сохранять храбрость и смеяться даже перед лицом неминуемой смерти.

Майк снова замолк; еще немного, подумала Джилл, и он упадет в транс.

— Джилл? А не может быть так, что я подходил к религиям не с той стороны? А вдруг *каждая из них* истинна?

— Чего? Да как же это может быть? Если одна из них правильная, значит все остальные ошибаются.

— Да? Укажи мне, пожалуйста, направление кратчайшего обхода Вселенной. Куда ни ткнешь пальцем — любой путь кратчайший... и приведет он тебя к тебе же самой.

— Ну и что же это доказывает? Майк, ты же сам научил меня правильному ответу. «Ты еси Бог».

— Да, милая, и ты тоже еси Бог. Однако этот первичный, ни от какой веры не зависящий факт может означать, что *любая* вера истинна.

— Ну... если они и вправду все истинны, мне бы хотелось на время перейти в шиваизм.

Джилл подкрепила свои слова весьма недвусмысленными действиями.

— Язычница ты несчастная, — блаженно зажмурился Майк. — Тебя выкинут из Сан-Франциско.

— А мы поедem в Лос-Анджелес, где всем на все начхать. О! Да ты и вправду — Шива!

— Танцуй, Кали, танцуй.

Ночью Джилл проснулась и увидела Майка у окна. Он смотрел на огромный город.

— (Что-нибудь не так, брат мой?)

Майк резко повернулся.

— Зачем они такие несчастные? Разве это обязательно?

— Успокойся, милый, успокойся. Отвезу-ка я тебя, пожалуй, домой, город плохо на тебя действует.

— Но я же все равно это знаю, это останется со мной. Боль, и болезни, и голод, и взаимная жестокость — всего этого можно избежать. А так... глупо, страшно глупо, как у тех обезьян.

— Да, милый. Но не твоя же вина, что...

— Именно моя!

— Ну... в этом смысле — конечно. Но ведь тут не один город, на Земле пять миллиардов людей, даже больше. Не сможешь же ты помочь пяти миллиардам людей.

— А вдруг — смогу?

Майк отошел от окна и присел на кровать.

— Теперь я их грокаю, теперь я могу с ними говорить. Джилл, если бы я ставил наш номер теперь, все лохи сдохли бы с хохоту. Я точно это знаю.

— Так давай поставим. Пэтти была бы в восторге — и я тоже. Мне и раньше нравилось с карнавальщиками — а теперь, когда мы побратались с Пэтти, это будет все равно что вернуться домой.

Майк молчал. Джилл прощупала его мозг и почувствовала — он размышляет, пытается что-то прогнуть. Значит — нужно ждать.

— Джилл? Я хочу получить сан. Что для этого делают?

ЧАСТЬ IV

ЕГО
СКАНДАЛЬНАЯ
КАРЬЕРА

Первая разнополая группа колонистов прибыла на Марс. К этому моменту из двадцати трех первопоселенцев шестеро умерли, еще шестеро решили вернуться на Землю. Следующая группа проходила срочную подготовку в перуанских Андах на высоте шестнадцать тысяч футов. Однажды ночью президент Аргентины набил два чемодана и уехал в Монтевидео. Новый сеньор президенте подал в Верховный Суд Федерации иск об экстрадиции — если не самого сеньора экс-президента, то хотя бы вышеупомянутых чемоданов вкупе с их содержимым. Алису Дуглас отпевали скромно, по-семейному, почти без посторонних; на службе, устроенной в Национальном Соборе, присутствовало всего две тысячи человек. Комментаторы единодушно восхищались необычной стойкостью, с которой генеральный секретарь воспринял обрушившийся на него удар судьбы. Трехлетка Вексель, бежавший с грузом в сто двадцать шесть фунтов (жокей Чур-меня Дженкинс), выиграл кентукское дерби; выплата составила пятьдесят четыре к одному. В Кентукки двое гостей луисвиллской аэрогостиницы «Колониальная» развоплотились, один — добровольно, другой — от инфаркта.

В один прекрасный день по всей территории Соединенных Штатов распространилось пиратское издание сугубо неканонического биографического исследования «Дьявол и преподобный Фостер». К прекрасному вечеру этого прекрасного дня каждый экземпляр книги был сожжен, а печатные формы — уничтожены; органы охраны правопорядка зарегистрировали

многочисленные случаи причинения ущерба имуществу, движимому и недвижимому, а также массовые беспорядки, сопровождавшиеся нападениями на граждан и членовредительством. Ходили упорные слухи, что экземпляры первого издания имеются в Британском музее (что не соответствовало действительности) и в Библиотеке Ватикана (что соответствовало действительности, однако здесь книгу выдавали исключительно католическим богословам).

В законодательное собрание штата Теннесси было внесено предложение считать число «пи» равным трем; законопроект был одобрен комитетом по народному образованию и морали, единогласно принят нижней палатой и тихо скончался в верхней. Межконфессиональная фундаменталистская группа открыла в Ван-Бьюрене, штат Арканзас, бюро по сбору пожертвований на отправку миссионеров к марсианам; доктор Джубал Харшоу не устоял перед таким искушением и послал им щедрый взнос — от имени редактора журнала «Новый гуманист», страстного атеиста и близкого своего друга.

А так, все это время радостей на долю Джубала доставалось мало — потому что приходило много известий про Майка, и все малоприятные. Доктор Харшоу очень интересовался прогрессом своего пациента (особенно теперь, когда у того появилось чувство юмора) и очень радовался, если Джилл с Майком забегали на пару дней домой. Но визиты эти становились все реже и реже, а последние события не вызывали особого восторга.

Джубал ничуть не встревожился, когда негодующая толпа соучеников изгнала Майка из Единой Теологической Семинарии; некоторые из юных богословов страстно верили, что Бог есть, другие столь же страстно верили, что его нету, однако общая ненависть к Человеку с Марса заставила их временно забыть о таких мелких разногласиях. Умудренный жизнью доктор давно пришел к мнению, что человек, решившийся заняться богословием, не вправе обижаться ни на какую кару — за исключением (может быть!) колесования; да и вообще мальчонка получил полезный урок — будет в следующий раз думать.

Не встревожился Джубал и тогда, когда Майк (с помощью Дугласа и под вымышленным именем) завербовался в вооруженные силы Федерации. Он был уверен — уж такого-то новобранца не сумеет допечь ни один сержант, а что уж там случится с этими самыми очень вооруженными силами — на это Джубалу было и вообще начхать. Неисправимый старый реакционер, Джубал сжег свидетельство об увольнении в запас и прочие свои военные документы в тот самый день, когда Соединенные Штаты отказались от права иметь собственные войска.

Даже удивительно, как мало успел накуролесить «вольноопределяющийся Джонс» и как долго продержался он в армии — чуть не три недели. Венцом его военной карьеры стало выступление на пятиминутке вопросов-ответов, которыми завершаются все проводимые с новобранцами занятия. Майк прочитал страстную проповедь о бесполезности насилия (с небольшим лирическим отступлением о благоприятности каннибализма как средства устранения избыточного народонаселения), а затем предложил себя в качестве подопытного кролика для испытания любого оружия — обещая доказать таким образом, что применение насилия против личности, полностью овладевшей своими внутренними резервами, не только бесполезно, но и *невозможно*.

Вместо того чтобы схватиться за заманчивое предложение обеими руками, вояки попросту вышвырнули нахального придурка из своих кристально чистых рядов.

Кроме того, Дуглас показал Джубалу первый из трех существовавших в природе экземпляров сверхсекретного, копий и выписок не делать, доклада — предварительно предупредив, что ни одна живая душа, даже сомнительная в своем существовании душа Верховного Начальника Штаба, не подозревает, что «вольноопределяющийся Джонс» — это не кто иной, как Человек с Марса. Джубал бегло просмотрел приложение — по большей части противоречивые описания того, что произошло, когда «Джонса» начали обучать обращению с оружием; к полному его удивлению, некоторые свидетели набрались

мужества подтвердить под присягой, как оружие неведомо куда исчезло. На «Джонса» также были поданы три рапорта «за утерю табельного оружия, являющегося подотчетной собственностью Федерации».

Заключительный параграф Джубал прочел особенно внимательно. «Выводы: данный человек обладает врожденной способностью к гипнозу, которой могло бы найтись некоторое применение в разведке, но абсолютно непригоден к службе в каких бы то ни было боевых частях. Однако ввиду низкого коэффициента интеллекта (слабоумный), исключительно низкого коэффициента общей подготовки и параноидальных тенденций (мания величия) мы рекомендуем воздержаться от использования его *idiot-savant*¹ таланта. Рекомендация: увольнение по непригодности к несению службы, без пенсии и льгот».

Армейская служба пошла Майку на пользу, хотя Джубал, пожалуй, предпочел бы, чтобы отважный воин задержался в армии подольше — все это время Джилл сидела дома. Майк вернулся веселенький, он ничуть не был уязвлен бесславным концом своей военной карьеры и гордо хвастался, что ни на вот столько не нарушил наказов Джилл, не исчез *ни одного человека*, а только несколько бездушных предметов... Хотя, если бы не эта прискорбная слабость брата по воде, Землю можно было бы сделать значительно более чистым и удобным для жизни местом. Джубал вспомнил о своем довольно длинном «маленьком листке» — и не стал спорить.

И все же Майк успел порезвиться: в самый последний день службы отечеству (точнее говоря, Федерации), на параде, когда взвод Майка печатал шаг мимо начальства, генерал и вся его шайка-лейка неожиданно оказались без штанов, а у сержанта Майковой роты подошвы примерзли к земле — всего на миг, но этого хватило, чтобы бравый сержант плюхнулся носом в грязь. Да, подумал Джубал, шуточки у Майка еще те, и тут же вспомнил некий инцидент, связанный с деканом медицинского

¹ *Букв* «искусный идиот» (*фр*), то есть человек, имеющий яркий талант в какой-либо одной, узкой области при слабоумии во всех прочих отношениях

факультета и трупом, — еще слава богу, что сам-то он, Джубал, надел тогда резиновые перчатки.

Ну что ж, взрослеет мальчонка, переберется ему надо, а что делается это не совсем обычным образом, так ведь и сам он — мягко скажем — не совсем обычен. Но последняя шуточка — это уж ни в какие ворота не лезет. «Преподобный доктор Валентайн М. Смит, бакалавр искусств, доктор богословия, доктор философии, Основатель и Пастырь Церкви Всех Миров инкорпорейтед» — так прямо на визитке и написано. Тьфу! Уже и то плохо, что парень пошел в священники — забыв, что настоящий джентльмен не должен залезать своему ближнему ни в карман, ни в душу, — так тут еще эти липовые, поточного производства дипломы. Стошнить может.

А для полной радости этот красавец заявляет, что дошел до своей могучей идеи, основываясь на каких-то там его, Джубала, словах насчет того, что такое церковь и чем она должна заниматься. Ну, может, и сказал когда-нибудь что-нибудь, так если всех слушать, кто что говорит, это ж такого натворить можно... пришлось утешаться тем, что Майк, ставший ходячей энциклопедией законодательства, когда-нибудь додумался бы до этого и сам.

Как бы там ни было, а Майк провернул операцию быстро и чисто, любому тертому пройдохе на зависть: несколько месяцев жизни в крошечном, очень бедном сектантском колледже, степень бакалавра, присвоенная без дипломной работы по результатам экзаменов, затем принятие сана в этой вполне признанной — хотя и абсолютно идиотской — секте, научная диссертация по сравнительному богословию (чудеса эрудиции и — полное отсутствие каких бы то ни было выводов); незадолго до защиты диссертации это нищее учебное заведение получило от некоего анонимного благотворителя весьма щедрое пожертвование. Вскоре последовала и вторая научная степень, на этот раз — *honoris causa*¹, за «выдающийся вклад

¹ «По причине заслуг» (*лат.*), ученая степень, присваиваемая без защиты диссертации

в межпланетные познания», от университета серьезного, знающего себе цену; Майк поставил попечительный совет в известность, что за *такую* плату он готов появиться на конференции, посвященной исследованиям Солнечной системы. Человек с Марса успел уже отклонить предложения Калтеха и Института Кайзера Вильгельма, так что Гарвард просто не смог устоять перед искушением.

Ну что ж, ехидно подумал Джубал, теперь этим ребятам впору покраснеть ярче их знамени. Майк прослужил несколько недель в скромной должности помощника капеллана своей *alma mater*, затем разошелся со странноватой сектой во взглядах и образовал новую церковь. Обычный церковный раскол, все чисто и законно, не менее законно, чем прецедент, установленный Мартином Лютером. Одним словом — история тошнотворная, как две недели не чищенная помойка.

— Начальник! — Голос Мириам вырвал Джубала из пучины тоскливых размышлений. — К нам гости!

Он поднял голову и, увидев машину, заходящую на посадку, впервые пожалел о том, что спецслужба наконец-то сняла охрану.

— Ларри, бегом, тащи ружье — я же совсем не шутил, что следующий раздолбай, который плюхнется на розы, схлопочет из обоих стволов картечью.

— Да они вроде на траву.

— Скажи им, чтобы зашли еще раз, — вот тут-то я и вмажу.

— Так это же Бен Какстон.

— А и правда. Пусть живет. Привет, Бен. Что будешь пить?

— Совращаешь малолетних с утра пораньше? Вот возьму и ничего пить не буду. Джубал, мне нужно с тобой поговорить.

— Что ты и делаешь. Доркас, стакан теплого молока нашему гостю, он нездоров.

— Только поменьше содовой, — вмешался Бен. — И надои его из бутылки с тремя ямочками. Джубал, у меня сугубо личное дело.

— Ладно, пошли в кабинет, хотя от этих девулечек вряд ли что утаишь. Если ты умеешь — поделись своим методом со мной.

После того как Бен тепло (и — в трех случаях — антисанитарно) поздоровался со всеми членами семьи, они с Джубалом удалились наверх.

— Кой черт? — удивленно остановился героический борец за свободу слова. — Никак я заблудился?

— А, ты же не видел еще новый флигель. Внизу — две спальни и еще одна ванная, а наверху — моя галерея.

— Да, статуев у тебя, как на хорошем кладбище.

— Фу, Бен, какие слова! «Статуи» — это безвременно почившие государственные деятели, а здесь у меня скульптуры. Ты слышал такое слово? Скульп-ту-ры. И будь добр говорить о них почтительно и благоговейным шепотом, иначе приведешь меня в ярость. Здесь у меня кое-что из величайших скульптур, созданных на нашем поганом шарике, — не оригиналы, конечно же, а копии.

— Ну... вот этот кошмар я уже видел, а остальной-то хлам, откуда он у тебя?

— Не слушай, пожалуйста, *ma petite chere*, — печально улыбнулся Джубал. — Этот человек — варвар и ровно ничего ни в чем не смылит. — Он положил руку на изборожденную морщинами щеку Прекрасной Оружейницы, затем нежно потрогал пустую, усохшую грудь. — Я понимаю, каково тебе сейчас, но ты уж потерпи, осталось совсем немного. А ты, Бен... — Галантный рыцарь повернулся к Какстону. — Придется, пожалуй, преподать тебе небольшой урок, как смотреть на скульптуру, хотя с тем же успехом можно учить пса наслаждаться виолончелью. Ты был груб с дамой — а я такого не потерплю.

— Чего? Что за чушь, Джубал, это ты хамишь дамам — самым настоящим, живым — и по сто раз на дню.

— *Эни!* — заорал Джубал. — Накинь свой балахон — и наверх!

— С той старушкой, которая для этой штуки позировала, я не позволил бы себе ни одного дурного слова — и ты это прекрасно знаешь. А вот как такой, с позволения сказать, художник набрался наглости выставить голышом чью-то прабабушку — этого я не понимаю и не пойму никогда. Да и ты-то сам — ну зачем тебе, спрашивается, такое страшилище?

В дверях появилась Энн в полном боевом обмундировании.

— Вот ты, Энн, скажи, — повернулся к ней Джубал. — Грубил я тебе когда-нибудь? Тебе, а равно и прочим девицам.

— Ваш вопрос связан не с фактами, а с их оценкой.

— Ну да, конечно. Валяй собственное свое мнение, мы же не в суде.

— Ты никогда не грубил ни одной из нас.

— Видела ты когда-нибудь, чтобы я был груб с дамой?

— Я наблюдала, как ты допускал преднамеренные грубости по отношению к женщине. Я никогда не видела, чтобы ты грубил даме.

— Что, опять-таки, зависит от твоей личной оценки. А что ты скажешь об этой бронзе?

Энн взглянула на прославленный шедевр Родена.

— Увидев ее впервые, я подумала, что это ужас. Но затем я пришла к мнению, что это, возможно, самое прекрасное произведение искусства, какое я знаю.

— Спасибо. Это все.

— Ну так что, Бен, желаешь поспорить? — поинтересовался Джубал, когда за Энн закрылась дверь.

— Спорить с Энн? Нашел дурака. Но все равно я этого не понимаю.

— Слушай тогда внимательно. Хорошенькую девушку замечет каждый, как ты верно выражаешься, дурак. Художник может посмотреть на хорошенькую девушку и увидеть, какой она станет к старости. Художник лучше способен увидеть в старухе хорошенькую девушку, которой она была много лет назад. А *великий* художник, каким и был Огюст Роден, может посмотреть на старуху, изобразить ее *в точности* такой, какая она есть, — и заставить зрителя увидеть ту, прошлую, хорошенькую девушку. Более того, он может заставить любого, у кого есть чувствительность хотя бы на уровне носорога, увидеть, что эта очаровательная юная девушка все еще жива, она только заперта в темницу дряхлого, умирающего тела. Он заставит тебя прочувствовать ту негромкую, старую как мир и такую же бесконечную трагедию, что каждая рожденная на

Земле девушка на всю свою жизнь остается восемнадцатилетней — что бы там ни делало с ней безжалостное время. Посмотри на нее, Бен. Для нас с тобой старение значит не слишком-то много, а для *них* старость — трагедия. *Посмотри на нее.*

Бен посмотрел.

— Ладно, — сказал Джубал через пару минут, — вытри сопли и садись. Урок окончен, извинения приняты.

— Нет, — покачал головой Какстон, — подожди. А как насчет вот этой? Я вижу, что это — девушка, но только зачем ее скрючили кренделем?

Джубал посмотрел на «Кариатиду, придавленную камнем».

— Пластику этой фигуры тебе, пожалуй, не оценить, однако ты можешь понять, что говорит нам Роден. Зачем люди смотрят на Распятие, что они при этом получают?

— Я давно не хожу в церковь.

— Но Распятия, живописные и скульптурные, ты видел тысячу раз и прекрасно знаешь, что это обычно такое. Страх божий, причем те, которые в церквях, — хуже всех. Кровь, что твой клюквенный сок, а бывший плотник прямо, прости господи, голубой какой-то. Да разве похожи эти томные страдальцы на настоящего Христа — крепкого мужика, здорового и мускулистого? Но большинству людей все это по фигу, им безразлично, что высокое искусство, что базарная мазня, они не замечают никаких огрехов, они видят только символ, вызывающий глубочайшие эмоции, напоминающий им о Крестном Пути, о Страстях Господних.

— Мне как-то казалось, что ты неверующий.

— А что, отсутствие веры — вернейший признак эмоциональной слепоты? Грошовое, кое-как сляпанное из гипса распятие может вызывать чувства настолько сильные, что люди готовы за них умереть — и умирают. Важен символ, а как уж там изображен этот символ, артистично или не очень, — дело десятое. Но вернемся к нашей кариатиде. Здесь мы имеем другой эмоциональный символ, изображенный с высочайшим искусством. Три тысячи лет архитекторы украшают здания колоннами, выполненными в форме женских фигур, и задумываются, как бы еще сделать их красивее, чтобы они лучше вписывались в архитектуру.

мываются об этом не больше мальчишки, раздавившего муравья, а затем приходит Роден и замечает, что такая тяжелая работа совсем не для девушки. И он не стал орать: «Слушайте, вы, придурки, кончайте это издевательство, замените несчастных девиц здоровыми мужиками!» Нет, он не стал брать на голос — он *показал*. Маленькая кариатида не выдержала непосильного бремени и упала. Очень хорошая девочка — ты только посмотри на это лицо. Бедняжка очень огорчена, она не винит в своей неудаче никого, кроме самое себя... даже богов не винит, и все еще пытается поднять непомерную ношу — ношу, которая почти ее раздавила. И это не просто великое искусство, самым своим существованием отрицающее плохое искусство, — кариатида Родена символизирует каждую из женщин, половину населения планеты, которые тащили и тащат *свою* непомерную ношу. Да и не только женщин, она — символ каждого человека, стойко и без жалоб выносящего все тяготы жизни и падающего от непосильности этих тягот — тоже без жалоб. Она — символ отваги. И победы.

— Победы?

— Победа в поражении — высшая из побед. Ты посмотри, Бен, она же не сдалась, она все еще пытается поднять раздавивший ее камень. Она — безнадежный раковый больной, работающий до последней минуты, чтобы принести домой, в семью, хотя бы еще одну получку. Она — двенадцатилетняя девочка, пытающаяся прокормить младших братишек и сестренку, когда мамочка ушла на небо. Она — телефонистка, покидающая свой коммутатор только тогда, когда ничего не видит из-за дыма и огонь давно отрезал все пути к спасению. Она — все невоспетые герои, не пришедшие к победе, но и не опустившие рук. Отдай ей честь и пошли смотреть «Русалочку».

Бен воспринял приглашение в самом буквальном смысле; Джубал от комментариев воздержался.

— А вот «Русалочка», — гордо сказал Джубал, — моя собственная добыча, ничей не подарок. Я не стал объяснять Майку, почему выбрал именно ее, — каждому ясно, что это — одно из самых очаровательных созданий гения человеческого.

— Да, тут уж и мне не нужно объяснять, девочка — просто прелесть.

— Вполне достаточный *raison d'être*¹, вроде как в случае котят или бабочек. Но тут есть и большее. Она напоминает мне Майку. Она же не совсем русалка — видишь? — и не совсем человек. Она по доброй воле решила остаться на земле — и теперь сидит и вечно смотрит в навсегда покинутое море, вечно тоскует о своей утрате. Ты читал эту сказку?

— Ганс Христиан Андерсен.

— Да. Она сидит в Копенгагенском порту, и она — каждый, кому хоть раз приходилось делать трудный, мучительный выбор. Она не жалеет о своем выборе, но должна сполна за него расплатиться; за каждый выбор приходится платить. И плата тут — не только вечная тоска по дому. Русалочка не стала *совсем* человеком, — заплатив за свои ноги огромную цену, она навсегда обречена ступать ими как по острым ножам. Бен, мне все время кажется, что Майк тоже ступает по острым ножам, — только не передавай ему, ради бога, моих слов. По-моему, он этой сказки не знает, а если и знает, то не догадывается о моих сравнениях.

— Не беспокойся. Но только мне приятнее просто смотреть на нее и не думать ни о каких там ножках.

— Прелесть, правда? Хотел бы, небось, затащить такую в постель? Она же, наверное, резвая, как рыбка, — и такая же склизкая.

— Тьфу, это ж можно так все испоганить! Мерзкий ты все-таки старикашка.

— И с каждым годом все мерзее и мерзее. Ладно, осмотр на сегодня закончен — обычно я ограничиваю свой рацион одной штукой в сутки.

— Не возражаю. Я и так — словно хватил три стакана без передыху. Джубал, а почему я раньше такого не видел? Почему такие скульптуры не ставят там, где каждый мог бы на них посмотреть?

¹ Причина существования, оправдание существования (*фр.*).

— Потому что мир наш сбрендил, а искусство обязательно отражает дух эпохи. Роден умер примерно в то время, когда у мира поехала крыша. Художники, пришедшие позже, заметили, как потрясающе пользовался он светом и тенью, объемом и композицией, заметили и стали копировать. А вот что каждая его скульптура — рассказ, обнажающий саму душу человеческую, этого они не заметили. Они ведь стали шибко умными, они презрительно фыркали на картины и скульптуры, о чем-то там рассказывающие, даже придумали для них специальное ругательство — «литературщина». Они занялись абстрактным искусством.

Джубал отрешенно пожал плечами.

— Ничего не имею против абстрактных орнаментов — когда они на обоях или линолеуме, но *искусство* должно вызывать сострадание или ужас. Все эти теперешние мудрствования — псевдоинтеллектуальный онанизм, в то время как настоящее творчество подобно любви, художник оплодотворяет зрителей своими чувствами. Ребятки, которые не желают — или не могут — удовлетворить свою аудиторию, быстро теряют ее симпатии. Нормальный человек ни в жизнь не купит «произведения искусства», оставляющие его равнодушным. И все равно ему приходится платить за эти кунштюки деньгами, которые правительство вытаскивает из его кармана налогами или еще каким способом.

— Знаешь, Джубал, а я вот всегда мучился, чего это я не понимаю искусства, думал, это какой-нибудь мой личный дефект, вроде дальтонизма.

— М-м-м... ну, вообще-то, смотреть на картину — этому тоже нужно учиться, точно так же, как для чтения на французском надо выучить язык. Но художник должен говорить мал-мала понятным языком, это его прямая обязанность, а не прятать смысл в странных шифрах, как Пипс в своих дневниках. Современные же фокусники *не желают* пользоваться языком, которому могли бы обучиться и мы с тобой. Им приятнее насмехаться над дураками, «не способными» понять глубину их творческих замыслов. Если там вообще есть какие-то глубины

и замыслы. Чаще всего за этой непонятностью скрывается самая обычная некомпетентность. Скажи, Бен, а вот меня — *меня* бы ты назвал художником?

— Чего? В общем-то, ты пишешь довольно ловко

— Спасибо. Я избегаю слова «художник» по тем же причинам, что и слова «доктор». И все же я действительно художник. Большую часть моей стряпни не стоит брать в руки второй раз, — а человеку, знающему то небольшое, что я пытаюсь сказать, она и вообще не нужна. Но я — *честный* художник. Я пишу для читателя, чтобы вызвать у него — если получится — сострадание и ужас, или уж, в крайнем случае, немного его развлечь. Я никогда не прячусь от него в непролазных дебрях заумного языка и не стремлюсь, чтобы другие писатели похвалили меня за «технику», «стиль» и прочую галиматью. Мерилом своего успеха я считаю читательское признание, выраженное в денежной форме, а на все прочие похвалы мне попросту начхать. Поддержка искусства — *merde!*¹ Художник, не способный заработать себе на жизнь, — импотент, художник, живущий на правительственные подачки, — шлюха грошовая. Ну, опять я сел на любимого конька — и это же ты виноват. Ты вроде бы собирался излить свою душу — ну так изливай, но сперва налей.

— Джубал, мне плохо.

— А кому сейчас хорошо?

— У меня новая куча неприятностей, — хмуро сказал Бен и на несколько секунд замолк. — Даже и не знаю, стоит ли о них.

— Не хочешь говорить о своих — послушай тогда о *моих*.

— О твоих? Неприятностях? Знаешь, Джубал, я всегда считал тебя единственным, кто умеет обойти все неприятности.

— Хм-м... как-нибудь я поведаю тебе сагу о моей семейной жизни, ты мне только напомни. Да, у меня есть неприятности. Уехал Дюк — да ты, наверное, уже и сам знаешь.

— Знаю.

¹ Дерьмо (*фр*)

— Ларри хороший садовник, но вот механизмы, которыми нашпигована эта халупа, рассыпаются один за другим. Хорошего механика днем с огнем не найдешь, а уж такого, чтобы вписался в наше семейство, — и подавно. Каждый приезд ремонтников — хлопоты и неудобства, к тому же все они — прожженные хапуги и, по большей части, даже отверткой пользоваться не умеют, того и гляди отхватят себе пальцы. Но я-то тоже не умею, вот и приходится отдаваться им на милость. Или, не дай бог, вернуться в цивилизацию.

— Ну, прямо сердце кровью обливается.

— Шути, шути. Техник и садовник в доме нужны, но секретарши — *необходимы*. И вот — пожалуйста: две из них в положении, а третья собралась замуж.

Ошарашенный Какстон от комментариев воздержался.

— Только не думай, что я сказки рассказываю, — проворчал Джубал. — Знаешь, как эти девицы обиделись, что я увел тебя наверх, не дав им времени похвастаться. Так что, когда услышишь ту же новость от них, — изобрази на физиономии подобающее удивление, ну вроде как сейчас.

— Э-э... а которая из них выходит замуж?

— Неужели сам не догадываешься? Счастливый жених — небезызвестный тебе сладкогласый змий, сын барханов и самумов, наш драгоценный, черти бы его драли, водяной братец Стинки Махмуд. Я сказал ему, что, приезжая в нашу страну, они обязаны останавливаться *здесь*, так этот ублюдок расхохотался и напомнил мне, что получал уже такое приглашение, много месяцев назад. — Джубал обиженно посопел носом. — Хорошо бы, если бы и вправду приехали. Глядишь — и заставил бы ее поработать.

— Ну, это несложно. Работать она любит. Так что, а две другие, значит, беременные?

— Да ты что, слепой? У каждой пузо — до самого носа. А мне в результате приходится освежать свои акушерские познания — девицы, видите ли, желают рожать дома. Ну и как же, скажите на милость, буду я работать, когда в каждой комнате будет пищать по младенцу? Кстати сказать, а с чего это ты взял, что ни одно из этих пуз не принадлежит невесте?

— Ну... я как-то так считал, что Стинки привержен традиционным устоям... а может, просто благоразумен и осторожен.

— При чем здесь Стинки, у Стинки нет права голоса. Бен, я положил на изучение этого вопроса много лет, все пытался понять, какими такими путями бродят мысли в их свернутых набекрень мозгах, и выяснил одну-единственную вещь: если девица решила, что хочет, — так оно и будет, мужику остается только смириться с неизбежным и плыть по течению.

Бен со стыдом вспомнил, как ему несколько раз пришлось спешно уносить ноги, — и согласился.

— Ну хорошо, а какая же из них не выходит замуж и вообще ничего? Мириам? Или Энн?

— Подожди, подожди, я же совсем не говорю, что невеста в положении... к тому же ты вроде бы решил, что эта самая невеста — Доркас. Так вот — ничего подобного, арабским языком занимается Мириам.

— Че-го? Ну, значит, я — папа римский.

— Совершенно верно, Ваше Святейшество.

— Так ведь она всю дорогу на Стинки рывкала...

— И этому человеку доверили газетную колонку! Бен, ты наблюдал когда-нибудь за группой подружек-старшекласниц?

— Да, но... ведь Доркас только что танец живота перед ним не исполняла.

— Обычное, вполне естественное для Доркас поведение. Не забудь удивиться, когда Мириам покажет тебе кольцо, камешек в нем размером с яйцо птицы Рух — и такой же примерно редкости. А что насчет беременности — мне уже надоело разбираться, какая там из них намерена отелиться, а какая нет. Ты, главное, запомни, что девицы от этой перспективы в восторге, я специально тебя предупреждаю, чтобы ты не считал, что *они* чувствуют себя «подзалетевшими». Ничего подобного, все по доброй воле, и теперь эти поганки веселенькие такие и умиротворенные.

Джубал обреченно вздохнул.

— Не в этом я возрасте, чтобы преисполниться умиления от топота маленьких ножек по коридору, однако потерять по какой бы то ни было причине всех своих хорошо вышколен-

ных секретарш — это мне тоже не улыбается, не говоря уже о том, что я попросту привязался к этим девчонкам. С того момента, как Джилл затащила нашего марсианского братца в кусты, все в этом доме пошло наперекосяк, и чем дальше — тем хуже. Не пойми меня превратно, я совсем ее не виню... да и ты, наверное, тоже.

— Конечно, но только... Джубал, ты и вправду уверен, что это Джилл?

— А как же! — удивленно вскинулся Джубал, но тут же вспомнил, что точно никогда этого не знал... просто принял как данность, что это была Джилл. — А кто же тогда?

— Много будешь знать, скоро состаришься. А если серьезно, после разговора с Джилл я совсем перестал понимать, какая из них вышла на финише вперед; похоже, там все зависело от случая.

— М-м-м... да. Пожалуй.

— Вот и Джилл так думает. Она говорит, что Майку крупно повезло, что соблазненная им — ну, скорее, соблазнившая *его* — девушка лучше всего подходила для первого раза. Вот и думай что хочешь. Если бы знать, как работают мозги Джилл, можно бы и угадать.

— Кой хрен, я про свои-то и то не знаю, как они работают. А что касается Джилл, я бы в жизни не подумал, что она станет проповедницей, даже по уши влюбившись в проповедника, из чего следует, что я никогда ее не понимал.

— Да она не то чтобы проповедовала — ладно, об этом потом. Джубал, а что говорит календарь?

— Календарь?

— Не тупи. Если в обоих случаях или в одном из них время совпадает с наездами Майка домой — скорее всего, это его работа. Ты же и сам это подозреваешь.

— Бен, — осторожно возразил Джубал, — я же совсем не говорил, кого я там и в чем подозреваю.

— Он не говорил! Ты сказал, что они обе счастливенькие и умиротворенные, а кто же не знает, как этот хренов супермен воздействует на девиц.

— Спокойнее, сынок, спокойнее. Он же наш с тобой брат.

— Я это помню, — ровным, как школьник на уроке, голосом сказал Бен, — и я его люблю. И тем более понимаю этих убоготворенных девиц. Приспичь мне самому ориентацию сменишь, я б его первым делом выбрал.

— Мало ли, может, они живут надеждой. А ведь знаешь, Бен, — заметил Джубал, задумчиво крутя стакан в руке, — ты сам подходишь на роль подозреваемого даже больше, чем Майк.

— Ты что, слурел?

— Тише, тише. Я ж тебя жениться не заставляю, вон, у меня даже кнут пряничный. Мне чужие койки проверять ни к чему. Господь Всевышний и четыре с лишним десятка мучеников амморийских свидетели, я считал и считаю, что не нужно совать свой нос куда не просят, но глаза-то у меня все-таки есть. И уши. И если по моему коридору прошествует духовой оркестр, я, скорее всего, замечу. Ты ночевал под этой крышей десятки раз. Так вот, скажи: бывало, чтобы ты спал здесь в одиночку? Хоть один раз из этих десятков?

— Ну и паскуда же ты, Джубал! Н-ну, ту, первую ночь я точно спал один.

— Бедняжка Доркас, ей, наверное, очень нездоровилось. Подожди, ты же той ночью был под седативами, так что она не считается. А как все остальные?

— Ваш вопрос несуществен, не относится к делу, и отвечать на него — ниже моего достоинства.

— Ответ засчитан. Заметь, пожалуйста, что эти новые спальни удалены от моей, как только можно. Звукоизоляция никогда не бывает идеальной.

— Джубал, уж если говорить о каких-то там подозреваемых, первым в списке будешь ты.

— *Что?*

— Ну, может, и не первым, может — третьим, после Ларри и Дюка. Всем известно, что у тебя тут самый роскошный гарем со времен султана, не помню уж как его звали. Я-то понимаю, что они тебе просто завидуют, но *они* этого не понимают и считают тебя старым блудливым козлом.

Новоявленный султан побарабанил по подлокотнику кресла.

— Бен, меня ничуть не задевает панибратское отношение молодежи, но в *этом* вопросе я не просто хочу, а требую, чтобы к моему возрасту относились со всем подобающим уважением.

— Прости, пожалуйста, — сухо кивнул Какстон. — Я решил, что могу позволить себе некоторую вольность — после того, как ты тут перетряхнул *мою* личную жизнь.

— Нет, Бен, нет, ты меня не понял! Вопрос твой был по делу, а твои замечания справедливы. Это *девицы* должны относиться к моей старости с уважением, а ты — ты болтай что хочешь.

— А-а...

— Как ты верно отметил, я старый... правда, хотелось бы надеяться, не козел, а человек. Что касается блудливости — счастлив тебе признаться, тут со мной не совсем еще покончено. Только я не могу позволить, чтобы физиология мной командовала. Уж лучше я сохраню свое, какое уж оно есть, достоинство, чем предаваться этим не то чтобы опостылевшим, но насквозь знакомым и не нуждающимся в повторении забавам. Уж в моей-то, поверь мне, жизни их было более чем достаточно. Старая рухлядь вроде меня может затащить к себе в постель молоденькую девочку — и даже, вполне возможно, обрюхатить ее (спасибо, кстати, за комплимент, он не такой уж и незаслуженный) — тремя способами. Деньги. Или их эквивалент в форме завещания, общей собственности и всего подобного. Или... тут мы сделаем паузу и спросим: можешь ты себе представить, чтобы какая-нибудь из этой четверки прыгнула к мужику, пусть даже и к юному красавчику, в постель по одной из вышеуказанных причин?

— Нет. Ни одна.

— Благодарю вас, сэр. Я стараюсь иметь дело исключительно с настоящими леди, очень хорошо, что вы это заметили. Так вот, третий мотив, он — чисто женского свойства. Случается, что юная, прелестная девушка пускает такого вот старпера к себе в постель просто потому, что она к нему немного привязалась, жалеет его, хочет доставить ему хоть какую-нибудь радость. Ну так что, такая причина подойдет?

— М-м-м... да, подойдет. И пожалуй, к любой из них.

— Вот и я так думаю. Однако эта третья причина, достаточная для любой из наших леди, совершенно недостаточна для меня. Я такого не потерплю. У меня, сэр, есть еще гордость, и я скорее сдохну, чем с ней расстанусь, — так что вычеркните меня, пожалуйста, из списка подозреваемых.

— Ну, видели вы таких старых пижонов! — расплылся в улыбке Какстон. — Ладно, уговорил. Надеюсь, я в твоём возрасте таким не буду, не люблю я противиться искушениям.

Джубал тоже улыбнулся:

— Вот доживешь, тогда и посмотрим. Лучше устоять перед искушением, чем сдаться, а потом испытать — и причинить — разочарование. Насчет Ларри и Дюка я ничего не знаю и знать не хочу. Любому человеку, желающему поселиться под этой крышей, я сразу же и без всяких околичностей объясняю, что здесь не казарма, не потогонная мастерская и не бордель, а семья... и наша государственная система — смесь диктатуры с анархией, без малейшей примеси демократии, как и во всякой приличной семье. Например: каждый занимается чем захочет, пока не получит моего приказа, каковые приказы обсуждению не подлежат. На дела интимные моя диктатура не распространяется. Детишки всегда старались держать свою личную жизнь личной, и это им по большей части удавалось. Во всяком случае, — грустно усмехнулся Джубал, — пока марсианское влияние не раскрутилось на полную катушку. Кстати, к тебе это тоже относится. Не знаю, может, Дюк и Ларри себя и ограничивали, а может, только и делали, что затаскивали девиц в кусты, но «Помогите!» никто из этих кустов не кричал.

Бен решил, что к этим словам Джубала не стоит ничего добавлять.

— Так, значит, это все Майк?

— Да, он самый. Здесь-то у нас ничего страшного — я же говорил тебе, что девицы на седьмом небе от счастья... а я далеко не банкрот, не говоря уж о том, что Майк по первому слову расколется на любую сумму. Так что нищета планируемым младенцам не грозит. А вот за Майка мне тревожно.

— Как и мне.

— И за Джилл.

— И совершенно напрасно, сама по себе Джилл не представляла бы никаких проблем. Она — моя проблема, но я это как-нибудь переживу. Все дело в этом новоявленном пророке.

— Кой черт, ну почему бы ему не прекратить свои дурацкие проповеди и не вернуться домой?

— М-м-м... Джубал, ты не совсем понимаешь, чем именно он занимается. Ведь я, — добавил Бен, — только что оттуда.

— Да? А чего же ты не сказал?

— Тебе скажешь, — вздохнул Бен. — Сперва ты заливался соловьем об искусстве, потом плакался в жилетку, а под конец захотел посплетничать.

— Ну, в общем-то... ладно, теперь твоя очередь.

— Я возвращался из Кейптауна с конференции и вдруг решил: дай-ка посмотрю, как они там. Картинка, прямо скажем, еще та, так что я не стал задерживаться в своей вашингтонской конторе, завернул туда на секунду, статейку накропал — и бегом к тебе. Джубал, а не могли бы вы с Дугласом прикрыть все это хозяйство?

— Нет, — покачал головой Джубал. — Меня не касается, что там Майк делает со своей жизнью.

— Посмотрел бы ты, что там творится, сразу бы вмешался.

— Ни в коем разе. К тому же я не могу — и Дуглас тоже не может.

— Джубал, ты же знаешь, Майк согласится с любым твоим решением, касающимся его денег. Скорее всего, он даже не поймет этого решения, но протестовать не станет.

— Поймет, еще как поймет! Майк, к твоему сведению, составил недавно завещание и прислал его мне на отзыв. Один из самых хитрых и дотошных документов, какие я видел. Наш марсианский лопушок осознал, что имеет значительно больше денег, чем может понадобится его наследникам, — и использовал часть этого богатства, чтобы защитить все остальное. В завещании содержатся великолепные средства защиты не только против тех, кто претендует на наследство его биологи-

ческих и юридических родителей (не знаю уж, откуда он узнал, что является не то чтобы незаконно-, а скорее — сомнительно-рожденным), но и против наследников любого члена команды «Посланника». Он указал точную процедуру внесудебного улаживания отношений по любому мал-мала законному иску — и в то же время устроил так, что для отмены завещания потребуются, пожалуй, свергнуть сперва правительство, ни больше ни меньше. Завещание показывает, что он знает свое состояние абсолютно точно, вплоть до последней акции и серебряной ложки. Я не нашел там ни одного слабого места, все сформулировано идеальнейшим образом. — (В том числе, подумал Джубал, и распоряжение в твою пользу.) — Голографические оригиналы завещания он отправил на хранение в несколько надежных мест, а остальные копии оформил в присутствии Честных Свидетелей. Так что и не думай, чтобы я, или кто еще, мог наложить лапу на его деньги.

Бен заметно поскучнел.

— Очень жаль.

— А мне — совсем не жаль. Тем более, это тоже ни к чему бы не привело. Майк не берет со своего счета ни цента, не пользуется им чуть не целый год. Дуглас заволновался и стал звонить мне — мол, наш миллиардер не отвечает на его письма, а денег на расходном счету накопилось до хрена, и не лучше ли их куда вложить. Я Дугласу объяснил, что это его проблемы и что на его месте я бы точно исполнял желания владельца.

— Не берет со счета? Джубал, у него же колоссальные расходы.

— Может, вся эта церковная лавочка дает приличный доход?

— Вот тут-то мы и подходим к самому странному. У них там совсем не церковь.

— А что же еще?

— Ну, в первую очередь нечто вроде языковых курсов.

— Повтори-ка, повтори-ка.

— Курсы по изучению марсианского языка.

— Тогда очень жаль, что он называет это церковью.

— Захотел — и называет. Не знаю уж, насколько это законно.

— Понимаешь, Бен, каток — тоже церковь, если какая-нибудь секта считает, что катание на коньках — необходимый или хотя бы существенный элемент служения Богу. Можно петь во славу Божью — можно с той же самой целью кататься на коньках. Некоторые малайские храмы — не более чем ночлежки для змей, во всяком случае — на взгляд постороннего, и все же Верховный Суд наделяет эти «церкви» такими же правами, как и любую нашу секту.

— К слову сказать, Майк тоже разводит там змей. Джубал, неужели же разрешено *абсолютно* все?

— М-м-м... вопрос довольно скользкий. Кое-какие мелкие ограничения все же существуют. Церковь не имеет права брать плату за предсказание судьбы или за вызывание духов мертвых, но она может принимать пожертвования и может фактически превратить эти «пожертвования» в форму оплаты. А еще — человеческие жертвоприношения, хотя и эта практика кое-где сохранилась; возможно, даже где-нибудь здесь, в бывшей свободной земле и стране храбрецов. Во внутреннем святилище, куда не допускаются профаны, ты можешь делать все что угодно — и ни одна собака ничего не узнает. Но почему ты спрашиваешь? Неужели Майк занимается чем-нибудь таким, за что можно угодить в каталажку?

— Да вроде нет.

— Ну, если он ведет себя осторожно... Брал бы пример с фостеритов. Джозефа Смита за какие-то там невинные детские шалости линчевали, а с этих — все как с гуся вода.

— Майк позаимствовал у фостеритов многое. И это тоже меня беспокоит.

— А что беспокоит тебя *в первую очередь*?

— Только, Джубал, учти: это — «секрет братьев по воде».

— Ну, я так и предполагал. Готовлюсь к дыбе и каленому железу. Может, высверлить в здоровом зубе дырку и носить там яд, чтоб ненароком чего-нибудь не выдать?

— Считается, что посвященные могут при желании развоплотиться и так, безо всякого яда.

— Это надо быть очень уж посвященным, я так не умею. Но у меня есть другие способы. Так что — давай, тебе же самому не терпится.

— Для того чтобы развоплотиться, надо выучить марсианский. Ладно, проехали. Как я уже говорил, наш водяной братец разводит змей, но дело не только в этом. Там у него все какое-то болезненное, извращенное. Храм не меньше, чем у фостеритов. Зал для общих сборов, несколько меньших залов для собраний по приглашению, уйма кабинетов и жилые помещения. Джилл прислала мне радиogramму, заранее все объяснила, так что я не пошел через главные ворота, а свернул в переулок, к служебному входу. Жилые помещения расположены над главным залом, все организовано отлично, ни ты никого не видишь, ни тебя никто не видит, даже забываешь иногда, что находишься в большом городе.

— Хорошая идея, — кивнул Джубал. — Занимайся ты хоть сто раз законными и приличными вещами, все равно любопытные соседи — хуже чумы.

— В данном случае — *очень* хорошая идея. Внешняя дверь сразу открылась; скорее всего, меня узнал сканер, хотя я такового не заметил. Затем еще две такие же двери и — в подъемную трубу, причем в такую, куда целый полк не прорвется. Труба необычная, управляется она не пассажиром, а кем-то там — или чем-то там — невидимым. Лестниц нигде нет, и ощущения совсем не такие — я обычные трубы на дух не переношу, меня от них тошнит.

— Никогда не пользовался этими штуками, — твердо сказал Джубал, — и никогда не буду.

— Ну, в этой-то тебе бы понравилось. Я взлетел легко и плавно, словно перышко.

— Бен, я не верю никаким машинам. Они кусаются. Однако, — добавил Джубал, — мать Майка была гениальным конструктором, а его отец — настоящий отец — весьма толковым инженером. Мало удивительного, что их сын сумел усовершенствовать подъемную трубу, сделал ее пригодной для перевозки людей.

— Возможно. Наверху я остановился, не хватаясь за поручни и не впиливаясь в предохранительную сетку, да там ее вроде и не было. Очередная автоматическая дверь пропустила меня в огромную комнату, обставленную странно и довольно аскетично. Знаешь, Джубал, некоторые считают твои домашние порядки несколько необычными.

— Чушь. Самые нормальные порядки, а главное — удобные.

— Так вот, твой дом — просто пансион для благородных девиц. Знаешь, что я увидел в этой комнате? Я глазам своим не поверил: девица в чем мать родила и — татуированная. Татуировка с ног до головы, без единого просвета. Поразительно!

— А вот я, Бен, поражаюсь на тебя. В большом вроде бы городе вырос, а рассуждаешь как сельский олух. Я вот тоже знал когда-то одну татуированную леди. Очень была милая девушка.

— Ну, если так говорить... эта девица тоже ничего себе, если только привыкнуть ко всем этим иллюстрированным приложениям — и к тому малозначительному факту, что она никуда не ходит без змей.

— Я уж было подумал, не одна ли это и та же. Полностью татуированные женщины — большая редкость. Но леди, с которой я был знаком — сколько же это? — тридцать лет тому назад, панически боялась змей. Сам-то я их люблю... знаешь, Бен, с твоей новой подружкой стоило бы познакомиться.

— Поедешь в гости к Майку — непременно познакомишься. Она там вроде мажордома. И священнослужительница. Патриция — но все называют ее «Пэт» или «Пэтти».

— Ну да, конечно! Джилл эту Пэт всячески нам расписывала — не упоминая, правда, про ее росписи. Наверное, решила, что меня это не касается.

— А по возрасту она почти годится в подружки тебе. Я сказал «девица», чтобы передать первое впечатление. Выглядит Пэтти лет на двадцать с небольшим, но в действительности ее старшему ребенку уже за двадцать, она сама так сказала. В общем, заулыбалась она от уха до уха, подбежала ко мне, обняла, поцеловала и говорит: «Тебя звать Бен. Добро пожаловать, брат. Я даю тебе воду». Джубал, я — старый газетчик, где толь-

ко не бывал и чего только не видал. Но меня *никогда еще* не целовала незнакомая девица, одетая вместо платья в татуировки. Я *смутился*.

— Бедняжка. Прямо сердце кровью обливается.

— Измываешься? Посмотрел бы я на тебя в такой ситуации, ты бы чувствовал себя не лучше.

— Ошибаешься, не забывай, что я уже знал одну татуированную леди. Они считают себя вполне одетыми — во всяком случае, так считала Садако. Она была японка. С другой стороны, японцы вообще не очень стесняются своего тела.

— Вот и Пэтти тоже, — кивнул Какстон. — Она тоже совсем не стесняется — зато очень гордится своими татуировками. Хочет, чтобы после смерти из нее сделали чучело и выставили в голом виде. Во славу Джорджа.

— Джорджа?

— Да, ты же не знаешь. Это ее муж. Пребывающий, к величайшему моему облегчению, на небесах — хотя, послушай ее, можно бы подумать, что он вышел на полчаса, в соседнюю пивную. Но в целом Пэт — леди, и она не дала мне долго смущаться...

31

Бен Какстон охнуть не успел, как на него обрушился ошеломляющий братский поцелуй Патриции Пайвонской. Пэтти сразу же почувствовала его скованность — и удивилась. Майк показал ей (мысленно) лицо ожидаемого гостя и рассказал о нем. Она знала, что Бен — брат во всей полноте, из Внутреннего Гнезда, и что Джилл взрастила с ним близость почти такую же, как с Майком; хотя, конечно, близость с Майком полнее, потому что он — источник всех знаний о воде жизни.

Горя безграничным желанием сделать всех людей такими же счастливыми, как она сама, Патриция органически не могла ставить их в затруднительное положение, а потому сбавила темп. Предложив Бену избавиться от одежды, она не настаи-

вала, чтобы тот разделся *полностью*, а только особо попросила снять обувь — гнездо было мягкое и, благодаря способностям Майка, сияло невероятной чистотой.

Пэт указала, куда повесить одежду, и поспешила за выпивкой — бедняжка Бен выглядел *смертельно* усталым; зная (от Джилл) его пристрастия, она остановила свой выбор на двойном мартини, а не на виски с содовой. К ее возвращению Бен успел уже разуться и снять пиджак.

— Да не испытываешь ты никогда жажды, брат мой.

— Мы разделим воду, — согласился Бен и отпил из стакана. — Да, насчет воды ты совсем не перестаралась.

— Вполне достаточно, — улыбнулась Пэт. — Майк объяснял нам, что вода должна быть в мыслях, главное — разделить ее. Я грокою, он говорил верно.

— И я грокою. А это — как раз то, что доктор прописал. Спасибо, Пэтти.

— Все наше — твое, и ты — наш. Мы рады, что ты пришел домой. Остальные все на службах или преподают. Спешить не надо — они придут, когда ждание преполнится. Ты хочешь осмотреть Гнездо?

— Конечно.

Они переходили из помещения в помещение. В общем, ничего особенного: огромная кухня с баром, но без всяких заумных приспособлений, устланная мягким приятным ковром, библиотека (побогаче, пожалуй, даже, чем у Джубала), роскошные, невероятных размеров ванны, спальни... Собственно говоря, ничто не доказывало, что это спальни, кроватей там не было и в помине — только пол казался каким-то уж особенно мягким. Пэтти захотела продемонстрировать гостю свое «маленькое гнездо».

Гнездышко оказалось еще то: в дальнем его конце по полу ползали змеи. Много змей. Бен проглотил подступивший к горлу комок и сжал зубы, но на кобрах его мужество иссякло.

— Да ты не беспокойся, — махнула рукой Пэтти. — Раньше тут была стеклянная перегородка, а потом Майк им сказал, и теперь они не заползают за эту линию.

— Стекло как-то надежнее.

— О'кей, — с той же легкостью согласилась татуированная леди и опустила спасительное стекло.

Бен глубоко вздохнул, расслабился и даже заставил себя погладить Пышечку — после очкастых исчадий ада огромная удавиха казалась мирной, почти уютной. Затем Пэт провела его в помещение, заметно отличавшееся от прочих. В центре круглого, очень большого зала (пол здесь был такой же мягкий, как в спальнях) располагался круглый же плавательный бассейн.

— Это, — сказала Пэт, — Внутреннее Святилище, где мы принимаем в Гнездо новых братьев.

Она поболтала в бассейне ногой и добавила:

— Хочешь разделить со мной воду и взрастить близость? Или просто поплавать?

— Э-э... когда-нибудь потом.

— Ждание, — кивнула Пэт.

Она проводила Бена в первоначальную гостиную и отправилась смешивать очередной мартини. Бен устроился было на широком диване, но тут же встал. Теплый воздух и крепкий коктейль покрыли его лоб бисеринками пота, мягкий уютный диван, податливо облегавший тело, делал жару почти невыносимой. Да и вообще — стоит ли так уж упорно цепляться за условности, если единственная одежда твоей собеседницы — небрежно накинутый на плечи удав?

Он решил, что в данной ситуации можно ограничиться одними трусами, и повесил остальное свое хозяйство в прихожей. На входной двери красовалась табличка: *Ты не забыл одеться?*

В этом доме подобное напоминание выглядело более чем уместно. И еще одна деталь, не замеченная Беном раньше: по обеим сторонам двери стояли огромные бронзовые чаши, до краев наполненные деньгами.

Какое там до краев — пол вокруг этих чаш и тот был усыпан федеративными банкнотами самых различных достоинств.

Пока он недоуменно рассматривал эту картину, вернулась Патриция.

— Вот твоё питание, брат Бен. Взрасти близость в Счастье.

— А?.. А, спасибо. — Его глаза тут же вернулись к деньгам.

Пэт проследила за взглядом Бена и широко улыбнулась:

— Видишь, какая я никудышная хозяйка. Майк берет на себя и уборку, и все такое, он настолько облегчил мои обязанности, что я их совсем не чувствую, а потому забываю.

Она собрала рассыпанные деньги и запихнула их в менее переполненную чашу.

— Пэтти, я ничего не понимаю. Зачем это? Для чего?

— Ну да, ты же здесь первый раз. Чаши стоят у этой двери, потому что она ведет наружу. Если кто-либо из нас временно покидает Гнездо — вот, скажем, я почти каждый день хожу за продуктами, — ему могут потребоваться деньги. Мы держим их там, где они обязательно попадутся уходящему на глаза, чтобы не забыл взять.

— Так что же, каждый желающий может прихватить отсюда горсть денег?

— Ну конечно, милый. Я понимаю, о чем ты, только на этом этаже не бывает посторонних. Друзей, не принадлежащих Гнезду, а у нас их много, мы принимаем внизу, в помещениях, оставленных более привычным для них образом. Так что слабые духом не подвергаются никакому соблазну.

— Вот оно как! Только я ведь тоже не кремень.

— Ну как могут эти деньги соблазнять *тебя*, если все они твои, — улыбнулась Пэт.

— Э-э... а если вдруг воры?

Бен пытался — и никак не мог — оценить, сколько денег лежит в чашах. Купюры были разные, по большей части крупные. Вон, скажем, бумажка, забытая Патрицией на полу, на ней ясно видны три нуля.

— Залез тут один такой, на прошлой неделе.

— Да? И сколько он украл?

— Ровно ничего. Майк быстро от него избавился.

— Вызвал копов?

— Нет, что ты! Майк *никогда* не сдаст человека копам. Он просто заставил его удалиться. А потом Дюк заделал дыру в стеклянном потолке садовой комнаты — я водила тебя туда?

Да нет, вроде нет. Как это все-таки здорово — травяной пол. У тебя тоже травяной пол, Джилл мне рассказывала. Там-то Майк его и увидел. А как это у тебя, по всей квартире?

— Нет, только в гостиной.

— Если я доберусь когда-нибудь в Вашингтон, можно я по нему похожу? Полежу на нем. Можно?

— Конечно, Пэтти. Э-э... он же твой.

— Знаю, милый, знаю, но это не Гнездо, и Майк говорит, что все равно лучше спросить. Я лягу на траву, почувствую ее всем телом и преполнюсь Счастьем, обязательно, ведь я буду в малом гнезде моего брата.

— Приезжай, Пэтти, я буду очень рад. — Бен напомнил себе, что мнение соседей его не волнует, однако страстно надеялся, что она оставит своих змей дома. — А когда ты будешь в Вашингтоне?

— Не знаю. Когда ждание преполнится. Может быть, это знает Майк.

— Только постарайся предупредить меня заранее, чтобы я не оказался в отъезде. Если не получится — Джилл знает мой дверной код. Слушай, Пэтти, а эти деньги — их кто-нибудь считает, следит, как они расходуются?

— Зачем?

— Ну... все так делают.

— У нас нет такого обычая. Просто бери сколько хочешь, а вернешься домой — положи что осталось на место. Майк возложил заботу об общей казне на меня. Когда денег остается мало, я обращаюсь к нему и получаю новую порцию.

Вот, значит, как это просто, внутренне усмехнулся Бен. Из рассказов Джилл и Джубала он составил некоторое представление о безденежном коммунизме марсианской культуры, а потому отчетливо видел, что Майк организовал здесь нечто вроде ее анклава, — эти чаши были чем-то вроде пограничных столбов на рубеже, разделяющем марсианскую (внутреннюю) и земную экономики. Интересно бы знать, понимает ли Пэтти, что все это липа, поддерживаемая баснословным — и вполне земным — богатством Майка?

— Пэтти, а сколько человек сейчас в Гнезде?

Бен ощутил было смутное беспокойство — много ли братьев по воде появилось без его ведома, — но тут же его отбросил: ну с какой бы такой стати стали они выдаивать *его*? Ну что там возьмешь с несчастного журналиста? Разве что на траве поваляться? Чаш с деньгами в его доме не водилось.

— Сейчас, дай-ка подумаю... Почти два десятка, если считать новообращенных братьев, которые не умеют еще думать по-марсиански и не посвящены.

— А ты посвященная?

— Да, конечно. По большей части я учу. Веду начальный курс марсианского языка, помогаю новеньким и все такое. Кроме того, мы с Дон... ты знаешь, кстати, что Дон и Джилл — верховные жрицы? Так вот, Дон — известная фостеритка, и я тоже, потому мы с ней на пару работаем с фостеритами, убеждаем их, что Церковь Всех Миров ни в чем не конфликтует с Верой, ну вроде как баптисту совсем не возбраняется вступать в масонскую ложу.

Патриция продемонстрировала Бену поцелуй Фостера, а рядом — чудесным образом запечатленный поцелуй Майка.

— Эти ребята знают, — объяснила она, — что такое поцелуй Фостера и как трудно его получить. Они уже видели кое-что из Майковых чудес, так что почти готовы поднапрячься и перейти в следующий круг.

— А это что, очень трудно?

— Конечно трудно — для них. Не забывай, Бен, что тебя, меня, Джилл и немногих других Майк сразу удостоил братства. Всех же прочих он предварительно обучает — не вере, а тому, как воплощать веру в дело. Для этого они должны освоить марсианский язык. Это совсем не просто, мне и самой еще учиться и учиться, но что такое трудности по сравнению со Счастьем работать и познавать? Ты спрашивал про Гнездо, давай-ка подумаем... Дюк, Джилл и Майк... двое фостеритов плюс мы с Дон... один обрезанный иудей с женой и четырьмя детьми...

— Дети в Гнезде?

— Да их тут целая прорва! У птенцов на этом же этаже свое отдельное гнездо, ведь эта мелюзга все время орет и стоит на головах; в такой обстановке просто невозможно медитировать. Хочешь на них полюбоваться?

— Как-нибудь потом.

— Дальше. Одна католическая пара с маленьким сыном, отлученная, к сожалению, от церкви. Не понимаю я пастора, зачем он это сделал? Ребята были просто убиты, без Майковой помощи им бы совсем крышка. Они скрывали, что живут в Гнезде, по воскресеньям вставали ни свет ни заря и шли в свою церковь, но потом ребенок проговорился. Еще одна семья, исповедующая какую-то новую разновидность мормонства, это еще трое взрослых плюс дети. Остальные — протестанты различных конфессий и даже один атеист — ну, то есть этот парень считал себя атеистом, пока не повстречал Майку. Он пришел к нам как в цирк, чтобы посмеяться, а затем прижился в Гнезде, взялся за учебу и скоро получит сан жреца. За все про все девятнадцать взрослых, но полный сбор бывает только на службах, проводимых во Внутреннем Святилище, а так всегда кто-нибудь из братьев в отъезде. Гнездо рассчитано на восемьдесят одного брата — «тройка наполненная», и этого вполне достаточно. Майк грокает большое ждание, прежде чем потребуются другие гнезда, так что мы успеем их построить ко времени. Слушай, Бен, а не хотел бы ты посмотреть, как Майк работает с публикой? Хочешь, так пошли, сейчас внешняя служба в самом разгаре.

— Да, пожалуй, если это тебя не затруднит.

— Вот и ладушки. Только подожди секунду, пока я приведу себя в благопристойный вид.

— А потом, Джубал, она вернулась в мантии на манер свидетельского балахона Энн, только с широкими, вроде ангельских крылышек, рукавами, с глухим высоким воротом и с фирменной эмблемой Майка — девять концентрических орбит вокруг условного солнца — на груди, прямо под сердцем. Позже я выяснил, что это их ритуальное облачение, Джилл и осталь-

ные жрицы одеты точно так же, только воротнички у них открытые, а Пэтти прикрывает свою картинную галерею. Еще она надела длинные носки, а сандалии несла в руке. Я прямо глаза вылупил, как она преобразилась, сплошное достоинство и благородство. Теперь стало заметно, что эта расписная красавица совсем не такая юная, как мне сперва показалось, хотя на полный свой возраст она все равно никак не смотрелась. У нее изумительный цвет лица, и как только можно портить такую кожу татуировками... Я тоже оделся и прихватил из-под вешалки ботинки. Пэтти вывела меня из Гнезда в коридор с нормальным деревянным полом, там мы обулись, затем спустились на пару этажей по пандусу и вышли на галерею главного зала. Майк вещал не с обычной для проповедников кафедры, а прямо со сцены; за его спиной на черной стене сверкала огромная эмблема Всех Миров. Ассистировала ему женщина в такой же, как у Пэтти, мантии. Сперва я принял ее за Джилл, но это была другая Верховная жрица, Дон — Дон Ардент.

— Как, говоришь, ее звали?

— Дон Ардент, урожденная Хиггинс, если ты желаешь полной точности.

— Я с ней как-то встречался.

— И этот кобель еще имеет наглость говорить, что давно вышел в отставку! Я знаю, что ты встречался с Дон. Более того, она питает к тебе большую слабость.

— Нет, — покачал головой Джубал, — упомянутую мною Дон Ардент я видел буквально краем глаза, два года тому назад. Думаю, она меня даже не помнит.

— Помнит, еще как помнит. Она знает чуть не все твои псевдонимы и собрала пленки чуть не всей твоей коммерческой мутотени. Говорит, что под них очень хорошо засыпать, видишь потом изумительные сны. Да что там Дон, они все тебя знают! В этой самой гостинной имеется один-единственный декоративный элемент — цветное изображение твоей головы в натуральную величину. Трудно даже назвать эту штуку портретом, вид такой, словно ее только что срубили с плеч, а уж

ухмылочка на физиономии — просто жуть. Это уж Дюк постарался, сфотографировал тебя втихую.

— Вот же сволочь!

— Его Джилл попросила.

— Сволочь в квадрате!

— Сэр, выбирайте выражения, говоря о женщине, которую я люблю. Впрочем, не я один. А ее навел на эту мысль Майк. Мужайся, Джубал. Ты удостоен чести быть святым покровителем Церкви Всех Миров.

— Они не имеют права на такие штучки! — На лице Джубала появился неподдельный ужас.

— Еще как имеют. Не волнуйся, широкой публике это неизвестно. Майк приписывает тебе честь организации всего этого цирка, но исключительно в Гнезде, среди братьев по воде. Говорит, что только благодаря твоим объяснениям он смог придумать способ ознакомить людей с марсианской теологией.

Джубал взялся за голову и глухо застонал.

— Кроме того, — продолжил Бен, — Дон считает тебя красивым. А ведь если не считать этого странного сдвига, она вполне разумная девушка... и совершенно очаровательная. Но я отклоняюсь. Майк заметил нас, крикнул: «Привет, Бен! Поговорим попозже!» — и продолжил свои песни и пляски... Это надо послушать. Никакого миссионерского пафоса — и никаких, к слову сказать, жреческих мантий, просто элегантный, отлично сшитый белый костюм. Майк смахивал на классного торговца подержанными автомобилями, вот только впаривал религию. Он сыпал шутками и рассказывал притчи, больше смахивающие на анекдоты. Основной упор делался на нечто вроде пантеизма... Одна из его притч была насчет червяка, который высовывает голову из земли, видит рядом другого червяка, улыбается, говорит: «Здравствуй, брат!» и слышит в ответ: «А я не брат, а я твой зад». Старая хохма, ты ее тоже, наверное, слышал.

— Слышал? Я ее сочинил!

— Вот уж не думал, что она *такая* старая. Майк использовал эту хохму на все сто процентов. Идея состоит в том, что,

встречая любую грокающую сущность — мужчину, женщину, драную кошку, — ты попросту натыкаешься на «свой собственный зад». Мы сами создали Вселенную, а затем договорились об этом забыть. Правда, он все это излагает в несколько иных выражениях, чтобы не задеть никого из конкурентов.

— Солипсизм и пантеизм, — кисло поморщился Джубал. — Этим джентльменским набором можно объяснить *все что угодно*. Затушевать любые не устраивающие тебя обстоятельства, примирить между собой любые самые противоречивые теории, включить в сферу рассмотрения любые факты — как истинные, так и иллюзорные. Только это же вроде сахарной ваты: вкус вроде бы и есть, а питательности нуль. Это все равно что разрешить загадки сюжета концовкой: «Но тут он упал с кровати и проснулся».

— Нечего крыситься на меня, это Майковы штучки, вот с ним и разбирайся! Должен сказать, что у нашего водяного братца все это выглядело весьма убедительно. В какой-то момент он прервал свои поучения и сказал: «Только вы, наверное, устали от бесконечной болтовни...», и весь зал буквально взревел: «*Hem!*», я даже не подозревал, что они такие заведенные. Но Майк стал отнекиваться, что у него садится голос и вообще сейчас самое время перейти от разговоров к чудесам. Затем он продемонстрировал потрясающие трюки — ты, к слову сказать, знаешь, что наш братец выступал в бродячем цирке фокусником?

— Я знал насчет цирка, но и только, — Майк никогда не описывал мне это позорище в подробностях.

— Высочайший профессионализм. Даже я не понимал, как он все это делает. Но публике вполне хватило бы элементарных детских фокусов, Майков треп полностью ее загнипотизировал. Закончив представление, он сказал: «От Человека с Марса ожидают чудес, поэтому я и творю их при каждой нашей встрече. В том, что я — Человек с Марса, нет никакой моей заслуги, так уж просто случилось. Чудеса, подобные сегодняшним, всегда в вашем распоряжении — если вы того хотите.

Но чтобы ознакомиться с чем-нибудь более серьезным, нужно вступить в Круг. С теми из вас, кто бы хотел учиться, я поговорю позднее. Пишите заявления, сейчас я пушу по рядам бланки»... Пэтти объяснила мне, что вся эта публика — обычные лохи, пришедшие сюда из любопытства или просто от скуки. Иногда для затравки среди них есть несколько братьев, принадлежащих к одному из внутренних кругов. Я еще не говорил тебе, Джубал, что Майкова церковь состоит из девяти кругов, на манер ступеней посвящения в масонских ложах. Только тут член, скажем, третьего круга не знает даже о существовании четвертого, пока не созреет для повышения. «Майк заговаривает им зубы, — сказала Пэт, — а сам тем временем проводит нечто вроде приемных экзаменов — внимательно прощупывает каждого из присутствующих и решает, кто чего стоит. Вся эта чухня с бланками и заявлениями придумана для того, чтобы Майк сходил к Дюку — Дюк сидит вон там, за решеткой, — и сказал, кто из публики может нам пригодиться, где они сидят и все такое прочее. Вот видишь, Майк туда и пошел... Затем Дюк передаст посадочную схему Дон, и та возьмет окончание службы в свои руки».

— А как они отсеивают агнцев от козлищ? — поинтересовался Джубал.

— Не знаю, Джубал, при том я уже не присутствовал. Но сортировку можно провести десятком различных способов, главное — знать, кто тут кто, так что вся операция держится на Майке. Пэтти считает его ясновидящим — и я, пожалуй, не стал бы отрицать такую возможность. Ну вот, а потом был сбор пожертвований, — потом Майк сказал мне, что это, собственно, ни к чему, но иначе никто бы не поверил, что Церковь Всех Миров действительно церковь. Ты знаешь, в каком стиле проводится оная процедура: тихая, благодатная музыка, чинные служители, обносящие паству чашами для пожертвований. Здесь же просто пустили по рядам корзинки, и не порожние, а чуть не до краев наполненные деньгами. «Мы забыли вытряхнуть их после предыдущей службы, — объяснил публике Майк. — Если кто из вас сидит на мели — берите сколько надо, не стес-

няйтесь, ну а если кто хочет сделать взнос на наше общее дело — кладите сколько не жалко. Хотите — берите, хотите — кладите». Похоже, он придумал способ избавляться от лишних денег.

— Не знаю, не знаю, — покачал головой Джубал. — Этот сценарий, да еще соответствующим образом разыгранный, может привести к тому, что люди будут давать больше, а *возьмут* немногие и совсем понемногу. Скорее всего — *очень* немногие. Обычный человек постесняется деньги *брать*, если все вокруг их *дают*.

— Дальнейшего я не видел, так что врать не буду. Но к сбору пожертвований они относятся так же небрежно, как к грудам денег в Гнезде. В тот момент, когда Майк передавал бразды правления своей очаровательной ассистентке, Пэтти утащила меня в коридор, а затем в малый зал, где как раз начиналась служба для седьмого круга — для людей, вступивших в Майкову церковь много месяцев назад и добившихся значительных успехов. Если это можно назвать успехами... Резкость перехода совершенно меня ошеломила. Внешняя служба была некой смесью лекции с цирковым представлением, здесь же я увидел самый тебе настоящий шаманский ритуал — или нечто, крайне на него похожее. Майк переоделся в мантию и стал вроде как выше ростом, развязный трюкач преобразился во властного, аскетичного священнослужителя. В полутемный зал лилась диковатая, мурашки по коже, музыка, от которой хотелось то ли волком завывать, то ли пуститься в пляс. Мы с Пэтти присели на кушетку, широкую, что твое супружеское ложе. Служба велась по-марсиански, так что ее содержание осталось для меня полной загадкой. Майк обращался к собравшимся с длинной, напевной тирадой, те хором ему отвечали, и — всё по новой. Единственное, что я мог разобрать, это часто повторявшийся распев: «Ты еси Бог! Ты еси Бог!» — после которого обязательно следовало дикое, язык сломаешь и голосовые связки порвешь, марсианское слово.

— Нечто вроде этого? — Джубал издал серию хриплых гортанных звуков.

— Что? Да, похоже, даже с твоим жутким акцентом. Джубал, так ты что, тоже записался в ихнюю лавочку? Слушаешь мои рассказы и посмеиваешься?

— Нет. Этой штуке научил меня Стинки, охарактеризовав ее как тягчайшее богохульство. С его, разумеется, точки зрения. Майк переводит это слово как «Ты еси Бог». Правда, Махмуд утверждает, что такой перевод никуда не годится, что в оригинале вроде как Вселенная объявляет себя самоосознающей... или чистосердечное признание вины при полном отсутствии раскаяния, или десятки прочих вещей. Стинки говорит, что не может до конца понять это слово даже по-марсиански, однако знает, что оно плохое, худшее из всех возможных. Что оно, видите ли, не от Господа, а от Дьявола. Ну ладно, так что же там все-таки происходило? Просто кучка фанатиков истерически вопила марсианскую тарабарщину?

— Ну, как бы это... Понимаешь, Джубал, эти ребята не вопили и ничуть не напоминали фанатиков. Иногда они понижали голос до еле слышного шепота, иногда пели чуть погромче. В их пении чувствовался ритм, глубинная структура, как в церковных хорах, однако у меня не создалось впечатления, что все это заучено наизусть и многократно отрепетировано, — нет, это было так, словно все они — один человек, мурлыкающий себе под нос для собственного удовольствия. Джубал, ты же видел, как фостериты заводят себя своими песнями-плясками?

— Да уж, насмотрелся.

— Здесь все было совершенно иначе — никакого бешенства, никакой истерии. Легкая, непринужденная атмосфера, хотя чувствовалось и некое непрерывно нараставшее напряжение, не знаю даже, с чем это сравнить... ну вот, скажем, тебе случилось участвовать в спиритических сеансах?

— Случалось. За свою долгую жизнь я попробовал на вкус все, до чего дотянулись руки.

— Тогда ты знаешь, как это у них: никто не шевелится, не произносит ни слова, а напряжение растет. Вот и здесь было нечто вроде. Ничего похожего на сектантские бдения или

даже самую степенную церковную службу; снаружи — полная умиротворенность, а внутри все бурлит.

— Аполлонический культ, так это называется.

— Чего?

— В отличие от культов дионисийских. Очень распространено ошибочное представление, что «аполлонический» — это, попросту говоря, «умеренный», «холодный», «спокойный». Однако в действительности аполлонический и дионисийский — две стороны одной монеты. Монахиня, преклонившая колена на каменном полу своей кельи и застывшая как тот же камень, может переживать экстаз куда более острый, чем экстаз служительницы Пана Приапа на оргии весеннего равноденствия. Экстаз пребывает в голове, в мозгу, вне зависимости от способностей его достижения. Нередко считают, что «аполлонический» — это хорошо, а «дионисийский» — плохо, на том лишь основании, что чуть не все наши респектабельные секты — что бы ни означало это слово, но тут разговор особый — являются аполлоническими как по ритуалу, так и по мировоззрению. Глупый предрассудок. Продолжай.

— Ну... тамошняя обстановка не слишком походила на одинокие бдения просветленной монахини. Они пересаживались с места на место, бродили по залу, обнимались, целовались. Дальше дело не заходило, — впрочем, из-за слабости освещения я не могу быть в этом полностью уверен. Одна девица под села было к нам на кушетку, но тут же встала по знаку Пэтти и удалилась — поцеловав нас на прощание. Поцеловав, — Бен ухмыльнулся и сразу стал похож на сытого, довольного кота, — весьма квалифицированно. Все они там были в мантиях, так что я сильно выделялся, но эта девочка словно ничего не заметила... Все происходило вроде бы спонтанно, но в то же время — стройно и координированно, как хороший балет. Майк работал без передыху — то выступал с возвышения, то бродил среди своей паствы. В какой-то момент он молча сжал мое плечо и поцеловал Пэтти — коротко, но неторопливо. За его возвышением громоздилась такая хреновина, вроде большого стереовизора, — с ее помощью он творил свои «чудеса», впрочем, это слово ни разу не было произнесено, во всяком

случае по-английски. Все религии, как одна, обещают чудеса, только вот с выполнением этих обещаний обязательно получается какая-нибудь неувязочка.

— Далеко не обязательно, — покачал головой Джубал. — Многие религии исполняют свои обещания, *exempli gratia*¹ — Христианская наука и католики.

— Католики? Это ты что, про Лурд?

— Да, и Лурд тоже, но вообще-то я имел в виду Чудо Пресуществления Святых Даров, которое каждый католический священник совершает ежедневно.

— М-м-м... тонкость этого чуда далеко превышает мое понимание, и моих языческих проверок оно не пройдет. А что касается этих самых христианских ученых — если я сломаю ногу, то пойду не к ним, а к хирургу.

— Вот и не ломай, — прорычал Джубал. — А если что — ко мне не обращайся.

— Не беспокойся, не обращаюсь — не верю я соученикам Уильяма Гарвея, ну вот хоть что со мной делай.

— Гарвей умел затянуть трещину.

— Он-то умел, а вот как насчет его соучеников? Не будем спорить, Джубал, пускай все, о чем ты говорил, действительно чудеса, однако Майк демонстрирует чудеса совсем иного рода — яркие, зрелищные. Он либо очень умелый фокусник, которому Гудини в подметки не годится, либо потрясающий гипнотизер...

— Либо и то и другое сразу.

— ...либо он сумел довести стереовидение до такого совершенства, что картинка напрочь неотличима от реальности. Ну, или меня развели, как последнего лоха.

— А вдруг это *настоящие* чудеса? Ты не задумываешься над такой возможностью?

— Эта теория не в моем вкусе. Не знаю уж, какие трюки он использовал, но зрелище было сильное. Однажды свет вспыхнул в полную силу, и тут же прямо посреди зала появился лев, величественный, как эти каменные, сторожащие главный вход

¹ Например (*лат*)

Библиотеки Конгресса, а вокруг него копошились маленькие белые ягнята. Лев проморгался от яркого света, а затем широко зевнул. Ну да, конечно, Голливуд может снять и не такие трюки — только я же отчетливо чувствовал львиный *запах*. Хотя, постаравшись, можно сфальсифицировать и это.

— А что ты так заиклился на фальсификациях?

— Кой черт, я же изо всех сил *стараюсь* быть скептическим и бесстрастным.

— Старайся, да не перестарывайся. Вспомни, как это делает Энн.

— Я не Энн. И *там, тогда*, я даже не пытался быть бесстрастным, а просто смотрел и балдел. Майк продемонстрировал уйму потрясающих фокусов, и левитацию, и все что хочешь. Поближе к концу Пэтти наклонилась ко мне и шепнула: «Я тут отлучусь ненадолго, а ты посиди. Майк только что попросил тех, кто не считает себя Готовыми к переходу в восьмой круг, удалиться». «Ну уж мне-то тогда точно нужно уйти», — засуетился я. «Да что ты, милый! — улыбнулась Пэтти. — Ты принадлежишь к девятому кругу, так что сиди где сидишь, а я скоро вернусь». С этими словами она куда-то ускользнула; я не заметил, чтобы кто-либо еще покинул зал. Прошло немного времени, середина возвышения ярко осветилась, и я увидел Джилл!.. Это ничуть не походило на стереовидение. Джилл нашла меня глазами и улыбнулась. Да, да, конечно, если артист смотрит прямо в камеру, его взгляд встречается с твоим — где бы ты ни сидел. Но если Майк сумел отладить это до такого совершенства — ему нужно взять патент. Джилл была в каком-то странном экзотическом наряде. Майк забубнил что-то нараспев, частично по-английски... Что-то такое насчет Праматери Мироздания, единой во многих проявлениях, затем он начал называть ее различными именами, и с каждым новым именем Джилл оказывалась в новом наряде...

Заметив Джилл, Бен Какстон восторгнулся. Несмотря на расстояние, об ошибке не могло быть и речи: кого-кого, а уж еето он узнал бы в любой обстановке. Джилл нашла его глазами

и улыбнулась. «Ну надо же, — думал Бен, вполуха слушая Майковы распевы, — а ведь я-то был полностью уверен, что эта хреновина — хитрый стереовизор». Теперь он не имел ни малейших сомнений в реальности стоящей на возвышении Джилл — хоть подойди и потрогай.

Хорошо бы, конечно, и вправду подойти и потрогать, только неловко как-то мешать Майку. Подождем, пока Джилл освободится...

— *Кибела!*

Одежда Джилл мгновенно изменилась.

— *Исида!*

Снова изменилась.

— *Фригг!.. Гей!.. Девил!.. Иштар!.. Мириам! Матерь Ева! Mater Deum Magna!* Любящая и Возлюбленная, Жизнь Неугасающая...

Майк продолжал говорить, но Какстон уже ничего не слушал, а только смотрел на Джилл, на праматерь Еву во всей ее славе. Световое пятно расширилось, захватив безошибочно угадываемый уголок Эдема, где вокруг древа обвился огромный змей.

Джилл улыбнулась, погладила змея по голове, затем повернулась к аудитории и широко распахнула объятия.

Кандидаты на вступление в восьмой круг устремились к райскому саду.

— Бен... — (Бен почувствовал на своем плече руку, обернулся и увидел Пэтти.) — Пошли, милый.

Какстону хотелось остаться, присоединиться к процессии, подойти к Джилл поближе, однако он встал и пошел к выходу. Оглянувшись, он заметил краем глаза, как Майк встретил с распростертыми объятиями первую из женщин-кандидаток, но Патриция потянула его за рукав, он зашагал за ней следом и так и не увидел, как Майк поцеловал кандидатку и как в тот же самый момент ее мантия исчезла, не увидел, как Джилл поцеловала первого из мужчин и его мантия тоже исчезла.

— Мы погуляем немного, — объяснила Пэтти, — чтобы дать им время вступить во Храм. Нет, мы можем, конечно, су-

нуться в толпу, нам никто ничего не скажет, только Майку потребуется потом дополнительное время, чтобы снова создать у них нужный настрой, а он и так работает на предельном напряжении.

— А куда мы идем?

— За Пышечкой, возьмем ее и тут же вернемся в Гнездо. Если ты хочешь поучаствовать в инициациях — оставайся, но я не вижу в этом особого смысла. Ты еще не выучил марсианского, так что вряд ли что поймешь.

— Инициация инициацией, но я хотел бы увидеть Джилл. Когда она освободится?

— С этим все в порядке. Джилл просила сказать, что обязательно забежит наверх, чтобы поговорить с тобой. Сюда, Бен.

Распахнулась дверь, и Бен оказался в саду, в том самом. Библейский змий заинтересованно поднял голову.

— Здравствуй, малышка, — заворковала Патриция, — ты просто молодец, мамочка очень тобой довольна! — Она смотала удавику с дерева, аккуратно уложила ее в корзину и повернулась к Какстону: — Дюк сделал половину дела, принес Пышечку сюда, а уж затем я расположила ее на дереве и попросила никуда не отлучаться — инициация в восьмой круг происходит очень, *очень* редко. Майк ее проводит только тогда, когда достаточно кандидатов набирается, чтобы настрой не терять. Мы, те, что из внутреннего круга, поначалу ему помогали.

Четырнадцатифутовая удавица оказалась жутко тяжелой, корзина для ее транспортировки скрывала под мягкой оплеткой крепкий стальной каркас.

— Ну все, Бен, ставь ее здесь, — сказала Патриция, когда пандус остался позади. Она сняла мантию, отдала ее Бену, а затем наинула змею себе на плечи.

— Что это ты так торопишься? — удивился Какстон.

— Это награда Пышечке за то, что была паинькой. — В голосе Пэт звучали те же воркующие нотки, как и при разговоре с удавихой. — Пышечка любит обнимать мамочку. Через пару минут у меня начинается урок, вот я и хочу успеть поносить ее хоть немного. Нехорошо разочаровывать змею, они же со-

всем как дети и не могут грокать во всей полноте. А вот Пышечка маму грокает, и Майка тоже.

В конце длинного, ярдов в пятьдесят, коридора Бен разулся сам, а затем разул и свою спутницу, удивляясь, как ей удастся балансировать на одной ноге под тяжестью Пышечки. Он заметил, что Патриция успела избавиться и от носков — наверное, когда готовила змею к выступлению. За дверью, отделявшей коридор от собственно Гнезда, Пэтти остановилась, давая Бену время раздеться. Он внутренне убеждал себя расстаться с трусами, но так и не убедил. Было совершенно очевидно, что в пределах Гнезда любая одежда столь же неуместна (возможно — столь же вызывающе груба), как кованые сапоги на паркетном полу танцевального зала, об этом свидетельствовало буквально все — и предупреждающая табличка на выходе, и полное отсутствие окон, и парниковая атмосфера, и непринужденная нагота Патриции. Вдобавок все эти люди — его братья по воде, хотя он с ними и незнаком.

Пэт сплошь покрыта татуировками, а потому не чувствует себя голой, возразил себе Бен — и тут же разминул у входа в гостиную с мужчиной, чье тело не прикрывали ни татуировки, ни змея. «Ты еси Бог», — вежливо сказал мужчина и проследовал в направлении «малых гнезд», совершенно не стесняясь своей наготы и не выражая ни малейшего удивления тому, что Бен одет. В гостиной на одном из широких диванов непринужденно раскинулась женщина, не прикрытая ни единым клочком материи.

Бен Какстон считал себя человеком, привычным к наготы, — к примеру, плавать нагишом гораздо удобнее. Он слышал, что в некоторых семьях практикуется нудизм, а обитатели Гнезда тоже составляли одну большую «семью» — все они приходились друг другу водяными братьями, так что чего тут вроде бы и удивительного... Да, с детства его к такому не приучали, но одна из его подруг как-то раз пригласила его в лагерь к нудистам, и минут через пять Бен совершенно свыкся с голым телом, хотя и ошарапался, обгорел на солнце и обстрекался крапивой, что большого удовольствия не доставляло. Сейчас он

чувствовал, что элементарная вежливость велит ему снять этот символический фиговый листок, — и одновременно представлял себе кошмарную картину, как в комнате появляются незнакомые, вполне одетые люди. Ужас, это ж от стыда сквозь землю провалишься!

— А вот ты, Джубал, что бы сделал на моем месте *ты*?

— Да никак ты надеялся шокировать меня своим рассказом? — вскинул брови Джубал. — Я за свою жизнь наготы не виделся. Человеческое тело бывает приятным на вид, бывает унылым — но какое все это имеет значение? Ровно никакого. Майк завел в своем доме нудистские порядки — ну и как же должен я на это реагировать? Вопить от радости? Сотрясаться в рыданиях? Мне как-то все равно.

— Кой хрен, Джубал, сейчас-то тебе легко сохранять олимпийское спокойствие. Только что-то я ни разу не видел, как ты прилюдно заголяешь свою дряблую задницу.

— Не видел и не увидишь. А что касается тебя, мне напрочь не верится, что в данном случае твое поведение мотивировалось врожденной стыдливостью. Ты боялся попасть в смешное положение, то есть испытывал приступ некоего невроза, носящего длинное псевдогреческое название.

— Чушь! Я просто не мог выбрать наиболее подобающий образ действий.

— Это вы, уважаемый, городите полную чушь! Нет, Бен, ты прекрасно знал, *что* тебе подобает делать, но боялся — боялся, что на тебя посмотрят как на идиота... или что вид этих обнаженных красоток вызовет у тебя галантный рефлекс. Только как-то мне грокается, что у Майка были очень серьезные причины завести такие порядки — Майк ничего не делает без причины.

— Да, конечно. Джилл просветила меня на этот счет.

Бен все еще судорожно цеплялся за свои трусы, набираясь смелости сделать решительный рывок, когда теплые, мягкие руки обвили сзади его талию.

— Бен, милый! Какая радость!

Через мгновение он уже сам сжимал Джилл в объятиях, усеивал поцелуями ее прекрасное, запрокинутое вверх лицо — и тайно благодарил судьбу, что так и не успел раздеться до конца, удержал последнюю линию обороны. Джилл рассталась со своей недавней ролью и, соответственно, поменяла «наряд Евы» на такую же, как у всех прочих жриц, мантию; впрочем, это ничуть не мешало Бену остро ощущать теплую, податливую упругость ее тела.

— У-ф-ф, — судорожно выдохнула Джилл, прервав поцелуй. — А ведь ты, котюра помоечный, и представить себе не можешь, как я по тебе скучала. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог, — с наигранным энтузиазмом повторил Бен. — Джилл, ты невероятно похорошела!

— Конечно, — кивнула Джилл, — у нас это в порядке вещей. Нет, Бен, как же все-таки я обрадовалась, увидев тебя на параде-алле.

— Парад-алле?

— Джилл имеет в виду, — объяснила Пэт, — заключительную часть службы, где она исполняла роль первоматери, прародительницы всего сущего. Ладно, ребята, мне пора бежать.

— Забываешь заветы, Пэтти. Никогда не спеши.

— Мне надо бежать, чтобы потом не пришлось спешить. Через несколько минут начинается урок, нехорошо, чтобы ученики ждали, а тут еще нужно уложить Пышечку спать. Бен, ты поцелуешь меня на прощание? Ну пожалуйста.

И Бен Какстон впервые в своей жизни поцеловал женщину, обмотанную огромной змеей. Он справился с этой задачей настолько успешно, что под конец самым настоящим образом забыл о присутствии Джилл — и даже Пышечки.

Затем Джилл поцеловала Пэтти и сказала:

— Попроси Майка, пусть потянет время, пока я не вернусь.

— Да, конечно. Пока, ребята, — улыбнулась Пэт и неторопливо ушла.

— Ну, смотри, Бен, какая она все-таки лапушка!

— Да. Хотя по первости я был несколько ошарашен.

— Грокаю. Не из-за татуировок и не из-за змей. Пэтти ошеломляет буквально всех, потому что у нее никогда не бывает сомнений, в любой ситуации она автоматически делает именно то, что нужно, — точно так же, как Майк. Пэт самая продвинутая из всех нас, ей давно предлагали стать Верховной жрицей, а она отказывается принять посвящение. Говорит, что татуировки помешают ей при выполнении некоторых ритуалов, будут отвлекать внимание людей, а об их удалении она и слышать не хочет.

— Да и как можно удалить столько татуировок сразу? Скальпелем? Это ее убьет.

— Нет, милый, с этим-то как раз нет никаких проблем. Майк мог бы свести их быстро и абсолютно безболезненно, только ведь Пэт не считает себя вправе распоряжаться своими картинами, говорит, что она не хозяйка их, а хранительница. Ладно, хватит торчать в прихожей, пошли сядем. Дон сообразит нам что-нибудь на ужин — если я не поем сейчас, то останусь голодной до завтрашнего утра, а это никуда не годится, даже если у нас в распоряжении целая вечность. Ох, я не знала, когда тебя ждать, а ты приехал, как раз когда у нас дел невпроворот. Ну так скажи, какое у тебя создается впечатление? Дон говорит, что ты посетил внешнюю службу.

— Да.

— Ну и как?

— Майк, — вздохнул Какстон, — мог бы продать даже рыбе зонтик.

— Мог бы, но не станет, потому что это неправильно, ведь рыбам зонтики не нужны. Бен, я грокаю, что-то тебя беспокоит. Что?

— Ничто. А может, я сам не знаю что. Понимаешь, я в церковь не ходок, хотя ничего против церкви не имею. Ну, во всяком случае, против этой церкви. Просто я не грокаю...

— Я спрошу тебя еще раз, через неделю-другую. Это не к спеху.

— Через неделю меня здесь не будет.

— У тебя же есть в запасе готовые колонки.

— Три. Но я уеду гораздо раньше.

— А вот я думаю, ты задержишься здесь до последнего предела — и еще дольше. Надиктуешь несколько статей по телефону, скажем, про нашу Церковь. К тому времени у тебя пропадет желание куда бы то ни было уезжать.

— Сомневаюсь.

— Ждание преполняет. Ты понимаешь, что это никакая не церковь.

— Пэтти говорила нечто подобное.

— Вернее сказать, это не религия. В смысле юридическом и этическом Церковь Всех Миров является самой доподлинной церковью, а наше Гнездо — считай, монастырь. Однако мы не пытаемся привести людей к Богу, такая постановка задачи внутренне противоречива, на марсианском языке ее просто невозможно сформулировать. Мы не спасаем души, душу нельзя погубить. Мы не пытаемся вселить в людей веру, мы даем им не веру, а истину — учение, истинность которого они сами могут проверить. Истину, пригодную для использования прямо здесь и сейчас, истину обыденную, как гладильная доска, и полезную, как хлеб... настолько практичную, что она способна сделать войну и голод, ненависть и насилие такими же излишними, бессмысленными, как... ну, как одежда в Гнезде. Но сперва нужно освоить марсианский язык, ведь выразить эту истину по-английски, — улыбнулась Джилл, — так же невозможно, как и Пятую симфонию Бетховена. И это чуть ли не главная трудность — как найти людей, достаточно раскованных, чтобы верить своим глазам, и готовых не жалеть ни сил, ни времени на изучение трудного — *очень* трудного — языка. Но Майк не спешит. Он проверяет тысячи, отбирает из них немногих, затем принимает часть этих немногих в Гнездо и учит их. Когда-нибудь Майк натренирует нас до такого уровня, что мы сможем взять на себя руководство новыми гнездами, тогда процесс пойдет лавинообразно. Но спешить нельзя. Никто из нас, даже здесь, в Гнезде, не получил еще достаточной подготовки, ты согласна со мной, милая?

Бен поднял голову и вздрогнул, увидев прямо перед собой ту самую верховную жрицу, которая ассистировала Майку на

внешней службе. Только теперь она была одета на манер Патриции — за вычетом татуировок и змеи.

— Твой ужин, брат Бен, — улыбнулась Дон, протягивая ему тарелку. — Ты еси Бог.

— Ты еси Бог. Спасибо.

Дон поцеловала Бена в губы, сходила за едой для себя и Джилл, села на диван и весело прощebetала:

— Да, мы еще не готовы. Но ждание преполнит.

Бен не сразу сообразил, что это — несколько запоздалый ответ на вопрос Джилл. Дон сидела справа от него и, к сожалению, *слишком* близко, что не позволяло толком изучить ее божественное телосложение. Божественное? Эта грудь вызвала бы черную зависть у любой из античных богинь.

— Ну вот, Бен, например, — продолжила Джилл. — Я сделала перерыв, чтобы поесть, Майк же не ел с позавчерашнего дня — и не будет, пока не почувствует, что мы можем некоторое время обойтись без его помощи. Тогда он нажрется до отвала и снова будет готов работать как угодно долго. Кроме того, мы с Дон устали — ты согласна, зайка?

— Конечно. Но сейчас я ни капельки не устала. Знаешь, Джилл, давай я закончу эту инициацию, а ты оставайся с Беном. Давай мне свою мантию.

— Да у тебя, зайка, совсем крыша съехала. К твоему, Бен, сведению, эта красавица не отдыхала не знаю с какого времени — почти столько же, сколько Майк. Мы умеем работать подолгу — но все-таки делаем перерывы, чтобы поесть и поспать. Никакой мантии я тебе не дам; к слову сказать, я надела последнюю, больше в Седьмом Храме не осталось. Нужно напомнить Пэтти, чтобы заказала пару grossов.

— Уже сделано.

— Пэтти молодец, обо всем помнит. Что-то мне сегодня в этой хламиде тесно, неужели мы с тобой толстеем?

Джилл длинно, по-кошачьи потянулась. У Бена застучало в висках.

— Самую малость.

— Вот и хорошо, а то ведь не фигура была, а какой-то суповой набор, одни кости. Ты заметил, Бен, что у нас с Дон со-

вершенно одинаковое телосложение? Рост, грудь, талия, бедра, вес, да все что угодно, — плюс цвет кожи, глаз и волос. Мы сначала были очень похожи, а затем, с Майковой помощью, сравнялись почти идеально. Даже лица — но это, скорее всего, потому, что мы с ней делаем и думаем одно и то же. Встань, милая, пусть Бен нас сравнит.

Дон опустила тарелку на пол и встала. Она очень походила на Джилл — и не столько даже внешностью, сколько чем-то другим. Позой? Ну да, конечно, ведь это — в точности поза праматери Евы из сегодняшнего циркового представления.

— Видишь, Бен? — невнятно пробубнила Джилл. — Это ж я, тик-в-тик.

— Нет, Джиллиан, — улыбнулась Дон, — различие все-таки есть, вот такусенькое, а есть.

— И очень плохо. Жаль, что мы с тобой не на одно лицо. Наше сходство — настоящий подарок судьбы. Понимаешь, Бен, нам необходимо иметь по крайней мере двух верховных жриц, иначе за Майком не поспеешь, так что мы во время службы друг друга подменяем. А еще, — добавила она, — мне теперь не надо покупать себе платья — все, что покупает Дон, годится и на меня. Я ненавижу ходить по магазинам.

— Я как-то не был уверен, что вы вообще пользуетесь одеждой — если не считать этих балахонов.

— Да ты что? — изумилась Джилл. — А в чем, по-твоему, мы ходим на танцы? Не знаю, кстати, из-за чего мы больше недосыпаем — из-за работы или из-за развлечений. Садись, милая, и доедай, Бен уже насмотрелся. Так вот, Бен, в сегодняшней группе есть парень, который *сказочно* танцует, а уж ночных-то клубов в этом городе что блох на бродячей собаке. Мы с Дон так уматываем беднягу, что потом, на уроках языка, он совсем как вареный, приходится поддерживать его, чтобы не заснул. Но ничего, он парень крепкий, да и вообще достигшие Восьмого Круга не нуждаются в большом количестве сна. Слушай, а с чего это ты решил, что мы совсем не одеваемся?

— Ну... — Краснея и запинаясь, Бен рассказал о своей дилемме.

Джилл выпучила глаза, хихикнула — но тут же осеклась.

— Понятно, — кивнула она, выслушав Бенову исповедь до конца, — понятно. Ты знаешь, милый, почему я пришла сюда в мантии? Потому что заранее намеревалась самым вульгарным образом набить себе желудок. Грокни я, что это может привести тебя в недоумение, я бы заранее ее сняла. Мы так привыкли одеваться или нет в соответствии с предстоящими занятиями, что от меня полностью ускользнула некоторая двусмысленность ситуации. Одним словом, милый, снимешь ты трусы или не снимешь — дело твое, и ничье больше.

— Ну, если...

— Главное — не дергайся. — Джилл улыбнулась, на ее щеках появились очаровательные ямочки. — Все это напоминает мне тот раз, когда мы впервые вывели Майка на общественный пляж. Помнишь, Дон?

— Такое не забывается!

— Ты же знаешь, Бен, что такое Майк. Мне приходилось учить его буквально всему. Он не мог постичь смысл одежды, пока не грокнул — к величайшему своему изумлению, — что мы нуждаемся в защите от ветра и дождя, холода и палящего солнца — да, считай, от любой погоды. Марсиане не стесняются своего тела, у них и понятия такого нет, а декоративный аспект одежды Майк грокнул только тогда, когда мы с ним начали подбирать костюмы для сценических выступлений. Майк беспрекословно выполнял мои указания, вне зависимости, грокал он их смысл или нет, но только разве все предуготовишь? Прежде я даже не задумывалась, какое огромное количество разнообразнейших *мелочей* делает нас людьми. Мы тратим на освоение этих мелочей два десятка лет, а то и больше, — Майк должен был изучить их в считанные месяцы. В его образовании и до сих пор остаются зияющие пробелы, время от времени он по незнанию допускает оплошности, совершенно невозможные для нормального человека. Мы все его учим — все, кроме Пэтти, истово верящей, что любой поступок Майка — образец для подражания. Он все еще грокает одежду. По глубокому убеждению Майка, одежда — глубочайшая неправильность, она разобщает людей, мешает людям любить друг

друга, возвращать близость. Совсем недавно он грокнул, что человеку необходим некий барьер, защита от посторонних. Но очень долго Майк одевался только по моим указаниям. И вот однажды я забыла дать ему такое указание... Это случилось в Баха-Калифорнии, мы как раз должны были встретиться с Дон. Мы с Майком приехали очень поздно и остановились в прибрежном отеле. Ему так не терпелось увидеть океан, вгрокаться в эту невероятную массу воды, что утром он побегал на долгожданное свидание с океаном один, не дожидаясь, пока я проснусь. А я не сообразила, что Майк не подозревает о необходимости купальных костюмов. Он их видел, конечно, но для чего они — не понимал, или понимал, но не совсем. И уж тем более не предполагал, что в них надо входить в воду, для него это хуже богохульства. Ты же помнишь, у Джубала в бассейне вода была кристально чистой, там все нагишом плескались. Ну, кроме того раза, когда народ в одежде в бассейн швыряли, но на следующий день Джубал велел воду сменить... Затем случилось неизбежное. На пляже Майк сразу же скинул одежду и направился к воде — прекрасный, как античный бог, и столь же независимый от глупых условностей. Последовал жуткий скандал, хорошо еще, я вовремя прибежала, а то сидеть бы нашему красавчику в каталажке.

В глазах Джилл появилось отсутствующее выражение, она смолкла, чтобы через секунду продолжить чуть другим голосом:

— Пора, я ему нужна. Поцелуй меня, Бен, а утром увидимся.

— Так ты что, на всю ночь?

— Возможно. Посвящение в Восьмой Круг — дело длинное, а тут еще и группа большая. Майк их уже почти час в одиночку развлекает, пока мы здесь с тобой беседуем.

Джилл встала, потянула Бена за руку, а затем упала в его объятия.

Через какое-то время она чуть отстранилась и удивленно присвистнула:

— Ого! Бен, милый, да ты прошел серьезный курс обучения!

— Я? Я был верен тебе, как солдат присяге, — на свой собственный манер.

— Как и я — тебе. Не прими мои слова за упрек, просто мне кажется, что твоя манера целоваться носит явные следы обучения у Доркас, так ведь?

— Ну, в общем-то... Больно у тебя нос длинный!

— Знаешь, поцелуй меня еще раз, а ребята подождут, ничего с ними не случится. Я постараюсь быть Доркас.

— Будь лучше сама собой.

— А как я могу не быть? Я это я. Майк говорит, что Доркас целуется более подробно — лучше *грокает* поцелуй, чем кто-либо другой.

— Кончай трепаться.

Что Джилл и сделала.

А чуть позже горестно вздохнула:

— Вот так я и приду к посвящаемой группе — раскаленная докрасна, как кочерга. Не оставь его своими заботами, Дон.

— Ни в коем разе.

— Насчет красного каления это я не просто так говорю, можешь сама проверить. Знаешь, поцелуй его прямо сейчас.

— Что я и собираюсь сделать.

— А ты, Бен, будь паинькой и делай все, что скажет тетя Дон.

Она удалилась, неспешно — но бегом.

Дон мягко прильнула к Бену и положила руки ему на плечи.

— И ты хочешь мне сказать, — саркастически улыбнулся Джубал, — что именно в *этот* момент ты позорно струсил?

— Ну, это как посмотреть... А что оставалось делать? Я — ну, как бы это сказать... смирился с неизбежным.

— Ты был окружен превосходящими силами противника, — умудренно кивнул Джубал. — В какой-то ситуации остается только поднять руки вверх и попытаться выговорить мал-мала благоприятные условия капитуляции. Жаль, конечно, что из-за моих домашних устоев наш мальчик нарушил законы каллифорнийских джунглей.

— Знаешь, Джубал, Майк больше не мальчик.

32

Бен Какстон проснулся, напроочь не понимая, где же это он находится. Темно. Мягко. Тихо. Чья-то кровать? Да нет, не кровать.

Потоком, прорвавшим плотину, нахлынули вчерашние события. Самое последнее воспоминание: он лежит на мягком полу Внутреннего Храма и спокойно, доверительно беседует с Дон. Дон привела его в это святилище, они выкупались, разделили воду, возвращали близость...

Бен протянул руку налево, направо, затем начал отчаянно обшаривать близлежащий участок пола. Безрезультатно.

— Дон!

Темнота превратилась в полумрак.

— Здесь я, здесь.

— А я испугался, что ты ушла!

— Не хотелось тебя будить. — Дон уже успела, к крайнему разочарованию Бена, надеть жреческую мантию. — Мне нужно бежать, сейчас начнется Рассветная Внешняя Служба. Джиллиан еще не вернулась, да ты сам видел, какая там большая группа.

И сразу вспомнилась долгая ночная беседа. То, что рассказывала Дон, попросту не укладывалось в мозг, но мало-помалу ее объяснения — и ее нежность — снимали остроту неприятия... под конец Бен перестал воспринимать нравы Майковой церкви как нечто предосудительное, хотя и не грокал их в полноте. Ну да, Джилл — верховная жрица, сейчас она инициирует группу братьев, вступающих в Восьмой Круг. Дон хотела взять эту почетную — и приятную — обязанность на себя, но встретила отказ. Ему, Бену, надо бы жалеть, что Джилл отказалась...

Но Бен не испытывал ни малейших сожалений.

— Дон... — Он встал и обнял ее за талию. — А тебе что — обязательно нужно идти?

— Я должна присутствовать... Бен... милый. — Она прильнула к нему всем телом.

— Прямо *сейчас*? А куда спешить?

— Любое дело может подождать.

Разделявшая их мантия куда-то исчезла. Куда? Он даже не задавался этим вопросом...

Бен проснулся вторично и встал; в тот же самый момент под потолком «маленького гнезда» вспыхнул свет. Он потянулся, всем телом ощущая блаженную истому, и поискал глазами многострадальные трусы. Это куда же они запропастились? Станным образом Бен не помнил, когда и как он расстался с последним элементом своего туалета. Купался он *точно* без трусов. Может, рядом с бассейном... Ладно, поищем, где здесь ванная.

Ванная обнаружилась в конце коридора. Бен тщательно побрился, принял душ, затем заглянул во Внутренний Храм — и снова не обнаружил своих трусов. Скорее всего, кто-нибудь подобрал этот не совсем соответствующий храмовой обстановке предмет и отнес в прихожую, на вешалку. Ну и хрен с ними, ухмыльнулся Бен, почти забывший о недавней кошмарной дилемме. В чужой монастырь со своим уставом не лезут.

Он не ощущал ни малейших следов похмелья, хотя если вспомнить, сколь вчера было выпито... Нет, он не то чтобы напился в стельку, но выпил много больше, чем обычно, хотя до способности Джубала поглощать бесплатную выпивку ему далеко.

Ну да, он все старался не отстать от Дон, а на нее спиртное словно и совсем не действует. Ах, Дон... Потрясающая девочка. А когда, в самый критический момент, он назвал ее «Джилл», другая бы на стенку полезла, а Дон вроде даже была довольна.

В гостиной не было никого, и Бен задался вопросом, это сколько же сейчас времени? Время-то хрен с ним, а вот есть хочется. Он прошел на кухню с твердым намерением перехватить хоть что-нибудь, не дожидаясь хозяев.

Голый мужчина, стоявший около стола, оглянулся.

— Бен!

— Привет, Дюк! Это сколько же я тебя не видел!

— А чего ты так долго не появлялся? — Дюк стиснул Бена в медвежьих объятьях. — Ты еси Бог. Яичницу будешь?

— Ты еси Бог. А ты что, здесь и за повара?

— Только при крайней необходимости. По большей части этим занимается Тони, а мы, остальные, иногда его замещаем. Все, даже Майк — если Тони не успеет прогнать его с кухни. Наш марсианский братец — худший повар из мне известных.

Сковородка уже прогрелась; Дюк разбил полдюжины яиц и начал взбивать их вилкой.

— А как там насчет кофе и тостов? — поинтересовался Бен, оттирая Дюка от плиты. — И еще — нет ли у вас вустерширского соуса?

— У Пэт есть все. — Дюк протянул Бену банку и добавил: — Я заглядывал к тебе с полчаса назад, но ты еще сопел в две дырки. Давно хотелось с тобой потрепаться, с самого момента, как ты осчастливил нас своим обществом, но все как-то не получалось — то ты занят, то я.

— А чем ты здесь занимаешься?

— Много чем. Во-первых, я дьякон, когда-нибудь дорасту и до жреца. Я же медленный, тугодум, — к счастью, это не имеет большого значения. Марсианский учу, да мы все его учим. Ну, и лудить-паять, как у Джубала.

— Да на такое здание нужна целая бригада ремонтников!

— Как раз наоборот, здесь и делать-то почти нечего. Сантехник здесь фактически не нужен. Ты посмотрел бы только, как расправляется Майк с засоренным унитазом! Ну, а если не считать свет, водопровод и канализацию, девяносто процентов здешней техники сосредоточено в этой самой кухне — у Джубала, к слову сказать, кухонное оборудование гораздо сложнее.

— А храмы, разве там нет всяких хитрых устройств?

— Управление светом и ничего кроме. А моя самая важная работа вообще не требует никаких усилий, — ухмыльнулся Дюк. — Я — пожарный инспектор.

— Чего?

— Точнее говоря, *младший* пожарный инспектор, не веришь — могу показать свидетельство о сдаче экзаменов и лицензию. А заодно — инспектор по технике безопасности и санитарный. Это чтобы не пускать в нашу малину посторонних, на внешнюю службу это ради бога, но дальше — только по личному дозволению Майка.

Они сели за стол.

— Ты здесь остаешься? — поинтересовался Дюк.

— Нет, Дюк. Не могу.

— Да? Я ведь тоже заглянул сюда на пару дней, затем вернулся к Джубалу, подумал-подумал и через месяц сказал ему, что увольняюсь. Ты тоже сюда вернешься, это и к бабке не ходить. Да и вообще сейчас рано о чем-то говорить, вот будет сегодня твое Сопричастие Воды — потом и примешь решение.

— Сопричастие Воды?

— А тебе что, ничего Дон не говорила? И Джилл тоже?

— Да вроде нет.

— Жаль, что я сболтнул, нужно было, чтобы Майк сам тебе объяснил... хотя какая разница, не я, так кто-нибудь другой, люди ж об этом знают и будут говорить. К тому же ты — Первозванный, а значит, грокаешь Причастие Воды.

— Первозванный? А это как? Дон тоже употребляла это слово, я не понял, но спрашивать не стал.

— Первозванные — это те, кто стали водяными братьями Майка, не выучив марсианский, все остальные, как правило, не причащаются воды и не взращивают близость, пока не перейдут в Восьмой Круг, — а к тому времени они начинают думать по-марсиански. Начинают? Некоторые из них владеют марсианским гораздо лучше меня. Никто никому не запрещает — у нас нет *никаких* запретов, — так вот, никто не запрещает разделять воду с человеком, не готовым к вступлению в Восьмой Круг. Да я вот хоть сейчас могу пойти в бар, закадрить телку, разделить с ней воду, затащить ее в постель — а затем привести в Храм. Могу — но не буду, в том-то вся и штука. Мне такое и в голову не придет. Разве что приведу ее на внешнюю службу, чтобы Майк ее проверил. Знаешь, Бен, я могу совершенно точно предсказать твое будущее. Тебе же, наверное, доводилось спать с потрясными телками.

— Ну... бывало.

— Я и сам знаю, что «бывало». Так вот, после сегодняшнего все они вроде как перестанут существовать, останутся только те, которые тебе водяные братья.

— Сомнительно что-то.

— Вернемся к этому через год. А насчет Восьмого Круга, так тут бывают исключения, при случае Майк может разделить воду даже с кем-нибудь, не достигшим и Седьмого Круга. Есть тут одна пара, Майк предложил им воду, как только они вступили в *Третий* Круг, — а теперь он уже жрец, а она — жрица, Сэм и Рут — так их звать.

— Меня с ними не знакомили.

— Вот сегодня и познакомят. Но рассмотреть человека так рано может один Майк. Ну, Дон и Пэтти, они иногда тоже, но уж во всяком случае не в Третьем Круге, — и они обязательно советуются с Майком. Не то чтобы *должны* советоваться, но советуются. А вообще говоря, Причащение Воды и возвращение близости начинается с Восьмого Круга. Затем следует Десятый Круг и само Гнездо, и когда мы говорим «Причащение Воды», то имеем в виду именно инициацию в Гнездо, а так-то тут все разделяют воду каждый день с утра до вечера. В этом Причащении участвует все Гнездо, и новый брат навсегда становится его частью. Твой случай особый, ты и так принадлежишь к Гнезду, но ритуал для тебя не отправлялся, и сегодня мы пустили все остальные дела побоку, чтобы приветствовать долгожданного брата. То же самое было сделано когда-то для меня, и знаешь, Бен, это самое чудесное переживание во всей моей жизни.

— Но я все еще не понимаю, что это такое.

— Ну... самые разные вещи. Ты участвовал когда-нибудь в настоящей лесопилке — такой, что если накроют — всем срока и штрафы и непременно пара разводов?

— Д-да.

— Так вот, братец ты мой, это — невинные детские забавы, на манер загородного пикника воскресной школы. И еще. Состоял ты когда-нибудь в браке?

— Нет.

— А на самом деле ты *состоишь* в браке. После сегодняшнего у тебя не останется в том никаких сомнений. Знаешь, Бен... — на лице Дюка появилась блаженная задумчивость, —

ведь вот я, у меня была когда-то жена. Начиналось все очень мило, но затем превратилось в самый взаправдашний ад. А теперь мне это нравится, и сначала нравилось, и теперь. Да какое там нравится — я в диком, поросячем восторге. И не потому только, что я могу сколько угодно пилиться с целой кучей умопомрачительных девочек, — нет, я же искренне *люблю* их всех, всех моих братьев, вне зависимости от пола. Вот, скажем, Пэтти — Пэтти трясется над нами, как добрая мамочка, а ведь материнская опека нужна не только сопливым ребятишкам, но и любому взрослому. Она напоминает мне Джубала, — к слову сказать, мы ждем не дождемся, когда же этот старый ублюдок удостоит нас своего посещения. Джубал — мужик, Пэтти — баба, пол не имеет тут никакого значения. Нет, я не хочу сказать, что плевать хотел на лоханку, просто...

— Это кто там плюет на лоханку? — прервал его глубокий, сочный голос.

— Уж всяко не я, — ухмыльнулся Дюк. — А ты, ушлая левантийская проститутка, чем подслушивать, подойди лучше сюда и поцелуй братишку Бена.

— В жизни не брала за это денег, — возмутилась незнакомая женщина. — А все потому, что никто мне вовремя не посоветовал, вот и давала, как дура, за так. — Она одарила Бена долгим, подробным поцелуем. — Ты еси Бог.

— Ты еси Бог. Испей сполна.

— Да не жаждешь ты никогда. Не обращай внимания на Дюка — судя по поведению, его слишком рано отняли от груди.

Женщина поцеловала Дюка с еще большим, чем Бена, тщанием, он же тем временем оглаживал ее обширные полушария. Невысокая, пухленькая, с длинной, почти до талии, гривой тяжелых иссиня-черных волос, она имела огромные, чуть навывкате, карие глаза и поразительно смуглую, цвета слабо прожаренных кофейных зерен, кожу.

— Дюк, а ты видел последний номер «Дома и семьи»? Сегодня должен был прийти. — Она отобрала у покорного Дюка вилку и взялась за его яичницу. — М-м-м... вкусно. Это не ты жарил, только не ври.

— Ну да, не я. Бен. Не видел и видеть не хочу. А на фига тебе этот «Дом и семья»?

— Бен, взбей еще пару дюжин, а я их поджарю. На двух сковородах, в пару приемов. Я хочу показать Пэтти одну статью.

— Шас, — кивнул Бен.

— Ты только не выступай со всякими там идейками ремонта и смены «декора», — не на шутку встревожился Дюк. — И оставь мне хоть что-нибудь, не могу же я святым духом питаться!

— Тихо, милый, тихо. Вода разделенная есть вода приумноженная. Для твоего, Бен, сведения, стоны и вопли Дюка не значат ровно ничего: пока этот тип имеет женщин в количестве, достаточном для двоих мужчин, и пищу на троих, он кроток как агнец. — Женщина подцепила на вилку кусок яичницы и засунула его в широко распахнутый рот Дюка. — И не строй рожи, мы с Беном приготовим тебе второй завтрак — или это будет третий?

— Пока что я и первого не ел, ведь ты умяла его почти подчистую. Минуту назад я рассказывал Бену, как вы с Сэмом перескочили с Третьего в Девятый. Он как-то в сомнении насчет сегодняшнего Причастия Воды.

— Дюк, — сказала Рут, подчищая с Дюковой тарелки последние крошки, — забирай свой кофе и мотай отседова, я пришлю тебе что-нибудь попитательнее духа святого. А ты, Бен, не беспокойся. — Она встала и направилась к плите. — Майк никогда не ошибается, по своему опыту знаю. Ты наш, иначе тебя бы здесь просто не было. И ты как, остаешься в Гнезде?

— Э-э... Пока не могу. Первая порция готова.

— Выливай на сковородку. Ничего, скоро вернешься, а там, глядишь, и совсем останешься. Дюк верно сказал, мы с Сэмом не перешли в Девятый Круг, а перескочили. Все это было слишком быстро для пожилой, чопорной и благопристойной домашней хозяйки.

— Пожилой?

— А это, Бен, одно из преимуществ дисциплины — очищая душу, она заодно очищает и тело. В этом отношении Христи-

анская наука совершенно права. Ты видел в наших ваннах хоть одно лекарство?

— Да вроде нет.

— И не увидишь. По своему положению жрицы я регулярно целуюсь с десятками братьев и ни разу ничем не заразилась — в Гнезде нет даже тривиального насморка. Прежде я непрерывно ныла и скулила, страдала от целого букета «женских недомоганий», была сущим наказанием для окружающих — ну и где это все? Теперь я чувствую себя настоящей женщиной. Я сбросила двадцать фунтов, помолодела на много лет, не имею ни малейших оснований жаловаться на здоровье — и мне *нравится* быть женщиной. Та унылая особа превратилась в «левантийскую шлюху» — спасибо Дюку за комплимент — и стала гораздо «пронырливее». Прежде я и согнуться-то толком не могла, а теперь провожу уроки, сидя в позе лотоса. Все это произошло как-то неожиданно, — задумчиво продолжила Рут. — Сэм востоковед, его привел сюда чисто профессиональный интерес к марсианскому языку. Я абсолютно не интересовалась ни какими-то там языками, ни Майковой церковью, но зато была болезненно ревнива и потащилась следом, чтобы присматривать за его поведением... Мало-помалу мы достигли Третьего Круга. Сэм схватывал язык очень быстро, я же буквально грызла его зубами — со все той же целью не терять мужа из виду. А потом случилось чудо. Мы оба начали *думать* по-марсиански, совсем немножко, но начали... Майк это почувствовал и как-то раз задержал нас вечером, после службы... Майк и Джиллиан разделили с нами воду... А затем я увидела в себе самой все то, за что презирала других женщин, и я презирала мужа за то, что он позволяет мне быть такой, ненавидела его за все, что он со мной сделал. Я перемешала английские ругательства с еврейскими и стонала, вконец извела Сэма упреками и жалобами — и не могла дождаться, когда же Майк снова предложит нам разделить воду и взрастить близость... Дальше все было попроще, хотя и нелегко, ведь Майк гнал нас из Круга в Круг с головокружительной скоростью; зная, что мы нуждаемся в помощи, он хотел поскорее

довести нас до спасительного Гнезда. К тому времени, когда было назначено Причаствие Воды, я все еще не научилась сама, без чьей-либо помощи, управлять собой. Я хотела войти в Гнездо, но не была уверена, что смогу слиться воедино с семью другими людьми. По пути сюда я тряслась от страха и почти уговорила Сэма вернуться домой.

Она стояла у плиты, спокойная и умиротворенная, пухленький ангелочек с большой ложкой в руке.

— Мы вошли во Внутренний Храм и сразу попали в круг ослепительного света, наши мантии исчезли... а все они, в купели, по-марсиански призывали нас прийти и разделить воду жизни, и я подошла к воде, нырнула — и не вынырнула по сию пору... У меня и желания такого не появляется, никогда. Не бойся, Бен, все будет хорошо; окруженный любовью и заботой, ты и язык быстро освоишь, и собой управлять научишься. Сегодня ты прыгнешь не просто в купель, а в мои объятия, в нежные, любящие объятия всех твоих братьев, ликующих, что ты вернулся домой. Отнеси Дюку и скажи, что он свинья — хотя и очаровательная. А это тебе... ничего это не много, все ты съешь как миленький! Теперь поцелуй меня и беги, у Рут еще много дел.

Бен поцеловал Рут, передал по назначению тарелку и послание — и обнаружил на одном из диванов спящую Джилл. Он сел напротив, поставил тарелку на колени и с неожиданным для себя самого аппетитом взялся за еду, параллельно рассматривая Джилл — и сравнивая ее по памяти с Дон. Загар Джилл был чуть потемнее и не носил ни малейших следов купальника, в остальном же и фигуры, и даже лица двух девушек почти не отличались.

Содержимое тарелки убывало, но медленно. Бен вздохнул, поднял голову — и встретился взглядом с Джилл.

— Ты еси Бог, милый, — улыбнулась она. — До чего же соблазнительный запах!

— Вот, сижу и люблюсь. Не хотелось тебя будить. — Он пересел к Джилл и скормил ей кусок яичницы. — Это я сам приготовил, ну разве что с малой помощью Рут.

— Да, я знаю. Очень удачная стряпня. Дюк меня предупредил, чтобы я на кухню не совалась, пока Рут излагает тебе краткий курс молодого бойца. И ты не плачься, что разбудил меня, я же просто так, прилегла на минутку после бессонной ночи.

— Так ты что, всю ночь не спала?

— Ни хоть вот столько. И чувствую себя великолепно, только есть зверски хочется. Это такой тонкий намек.

Бен понял намек и кусок за куском скормил Джилл всю оставшуюся яичницу.

— А сам-то ты успел поспать? — поинтересовалась она, когда тарелка опустела.

— Ну, сколько-то успел.

— А сколько спала Дон? Хоть два-то часа ей досталось?

— Да, и даже больше.

— Тогда она в полном порядке. Для нас два часа — все равно что восемь прежде. Я знала, какая чудесная ночь вам предстоит, но немного опасалась, что Дон не успеет отдохнуть.

— Да, — честно согласился Бен, — ночь была сказочная. Хотя, правду сказать, твоя инициатива несколько меня удивила.

— Ты хочешь сказать — *шокировала*. Дело в том, Бен, что я знаю тебя как облупленного. Вчера из тебя прямо буграми выпирала ревность. Надеюсь, теперь она прошла — да ведь, милый?

— Пожалуй, да.

— Вот и славно. У меня тоже была восхитительная ночь — ничем не омраченная, я же знала, что ты в хороших руках. В самых лучших руках — лучших, чем мои.

— Нет, Джилл, как ты можешь такое...

— Вот как? Похоже, не все эти шишки рассосались, придется ими заняться. Ничего, сегодня вода все смоеет. — Джилл села, потрепала его по щеке и протянула руку к дальнему концу дивана; пачка сигарет словно сама прыгнула ей в ладонь.

— Это что же, — прищурился Бен, хватаясь за возможность сменить тему разговора, — ты тоже научилась этим фокусам?

— Так, по мелочам, — улыбнулась Джилл. — «Я всего лишь яйцо», — говоря словами моего учителя.

— А как ты это сделала?

— Позвала ее — по-марсиански. Сперва ты грокаешь предмет, затем грокаешь, что он должен... *Майк!* — она помахала рукой. — Иди сюда!

— Сейчас, сейчас. — Человек с Марса был босиком, но в том же ослепительно-белом тропическом костюме, что и вчера утром; он подошел к Бену, рывком поставил его на ноги и широко улыбнулся. — Дай-ка я рассмотрю тебя получше! Вот уж радость так радость.

— Я тоже по тебе соскучился. И мне у вас здесь нравится.

— А что это ты придумал насчет трех дней? Три дня, чушь какая-то.

— Не забывай, что у меня есть некоторые обязанности.

— Ладно, поговорим об этом позже. По твоей милости в нашем курятнике полный переполох. Девочки прямо визжат от радости, ни о чем, кроме предстоящей церемонии, и думать не могут. Стоит, пожалуй, закрыть лавочку на переучет — все равно от них никакого толку.

— Пэтти уже отменила дневную службу, — вмешалась Джилл, — а Дон, Рут и Сэм взяли все дела на себя. Короче, сегодня ты свободен.

— Отлично! — Майк сел, усадил Бена, обнял его левой рукой, а правой положил голову Джилл себе на колени.

— Бен, — шутовски вздохнул он, — никогда не берись читать проповеди. С утра до вечера я ношусь высунув язык, с одной службы на другую, — чтобы объяснить людям, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не должны спешить. Я обязан тебе, Джубалу и Джилл больше, чем кому бы то ни было на этой планете, — и вот только сейчас нашел наконец время сказать тебе здрасьте. Ну как ты там? С виду так вроде в полной форме. Дон говорит, что ты *действительно* в полной форме.

Бена бросило в краску.

— Ну... в общем-то да.

— Это очень кстати — не забывай, что сегодня хищники выходят на тропу. Ну да ничего, я буду грокать близость и поддержку тебя в трудный момент. В конце ты будешь даже бодрее, чем вначале, — верно, Маленький Брат?

— Да, — кивнула Джилл. — Понимаешь, Бен, Майк передаст тебе свою силу — я имею в виду не моральную поддержку, а самую настоящую физическую силу. Я тоже могу так, только чуть-чуть, а Майк — по-настоящему.

— Не приbedняйся, Джилл, никакое не «чуть-чуть», все у тебя прекрасно получается. — Майк повернулся к Бену. — Маленький Брат — наш оплот и твердыня, неиссякаемый источник силы. Прошлая ночь была тому примером. — Он погладил Джилл по спине и пропел:

Кто с Джилл сравнится красотой?
Кто любит столь же страстно?
На свете нет другой такой
И пылкой, и прекрасной...¹

— Верно, Маленький Брат?

— Глупости, — польщенно ответила Джилл, накрыв его ладонь своей. — Дон точно такая же, и тебе это прекрасно известно.

— Но Дон внизу, беседует с теми, кто ей сегодня приглянулся. Она занята, а ты — нет, это огромная разница — верно, Бен?

— Наверное...

Бен не знал, куда девать глаза, ему хотелось, чтобы эти двое либо перестали тискаться, либо предоставили ему какой-нибудь предлог встать и уйти.

Но не тут-то было: Майк все так же обнимал его левой рукой за талию и все так же оглаживал правой рукой Джилл... и той это явно нравилось.

— Бен, — голос Майка звучал совершенно серьезно, — такие ночи, как прошлая, — когда помогаешь группе перейти в Восьмой Круг — страшно меня заводят. Если ты не против,

¹ Здесь и далее стихи в переводе Б. М. Жужунавы

я изложу тебе вкратце одно из поучений для Шестого Круга. У нас, у людей, есть нечто такое, о чем мой прежний народ не может и мечтать. Огромная ценность... и мне, знающему, что такое жить без этого, особенно ясно, *какая* это огромная ценность. Я говорю о великом счастье быть мужчинами и женщинами. Мужчиной и Женщиной создал Он их, и это величайшее из сокровищ, созданных Нами-Иже-Суть-Бог. Верно, Джилл?

— Ослепительно верно, Майк, — и Бен тоже знает, что это Истина. Милый, сочини еще одну песню, для Дон.

— О'кей...

В глазах красотики Дон
Бен грокал страсти тень,
Которая так много обещает
Дон покупает платья каждый день,
Зато под платье ничего не надевает...

— Ну как?

Джилл звонко расхохоталась:

— А ты ей-то дал послушать?

— Да, и она отблагодарила меня непристойным звуком, а заодно передала Бену пламенный поцелуй. Слушай, там есть кто-нибудь на кухне? Я вдруг вспомнил, что не ел уже минимум пару дней. Или лет.

— Там вроде была Рут, — сказал Бен; он попытался встать, но Майк тут же усадил его на место.

— Эй, Дюк! — крикнул Майк. — Ты там присмотри, пусть кто-нибудь напечет мне оладий, стопку этак с тебя высотой, а к ним галлон кленового сиропа.

— Запросто, — откликнулся Дюк. — Я сам этим и займусь.

Бен Какстон, лишенный предлога удалиться, лихорадочно подыскивал еще одну причину. Он на миг отвел глаза...

— Знаешь, Джубал, — признался Бен, — дальше я бы тебе рассказывать не стал, но без этого никак иначе не объяснить, почему меня все это так беспокоит. Я за них волнуюсь, за всех — и за Дюка, и за Майка, и за Джилл, и за всех остальных,

кто стал жертвой Майковых чар. Тем утром мне сначала показалось, что все в порядке — странно, непривычно, но в общем безобидно. Майк меня зачаровал, я невольно попал во власть его новой ипостаси, уж очень убедительно он все излагает, как истинный торгаш. А потом он, точнее, они оба так меня смутили, что я встал с дивана, отвернулся на секунду — и не поверил своим глазам. Одежда Майка куда-то исчезла — вся, до последнего лоскутка. В комнате были еще пару человек, и вот они прямо у всех на виду начали... ну, как обезьяны в зоопарке. Джубал, меня чуть не вытошнило.

33

— Ну так что, — спросил Джубал, — ты принял их приглашение?

— Еще чего! Да меня пробкой оттуда вынесло! Сумку забыл, ну и черт с ней. Я даже одеваться не стал, похватал свои манатки — и в трубу. Удалился, не прощаясь.

— Резво ты.

— Еще бы не резво. Ну как ты не понимаешь? Я *должен* был уйти. Слава еще богу, что не расшибся насмерть. Ты же знаешь, как это делается в обычной трубе...

— Не имею ни малейшего.

— Да? Так вот, там если не нажать «подъем», то опускаешься медленно и плавно, как гроб любимой тети — в могилу. Здесь же я не опускался, я *упал* — с высоты шестого этажа. И вот, когда я уже приготовился размазаться ровным слоем по бетону, что-то меня подхватило. Не предохранительная сетка, а то ли поле какое, то ли еще что. Ты будешь смеяться, но в этот момент я не обрадовался, а еще больше испугался.

— Никогда не доверяй всяким этим хреновинам. Лично я предпочитаю лестницу, в крайнем случае — лифт.

— Ну, эту хреновину точно не довели еще до ума. Ведь кто там инспектор по безопасности? Дюк. А разве станет Дюк спорить с Майком? Он ему просто в рот смотрит. Да что там Дюк,

Майк их всех буквально загипнотизировал. И у него самого крыша поехала. Если эта лавочка обрушится, шороху будет, куда там какой-то неисправной трубе. Так что же нам делать, Джубал? Боюсь я за них, места себе не нахожу.

Джубал задумчиво пожевал губами.

— Давай-ка разложим все по полочкам. Что тебя, собственно, беспокоит?

— Что?! Да все.

— Ах вот оно как! То есть не что-то одно, так? Значит, вполне естественное и абсолютно безобидное, знакомое нам всем действие... которое, насколько можно судить, примерно два года назад имело место здесь, в моем доме, и против которого я нисколько не возражал, да и ты, помнится, тоже. И я предположил, что в разное время ты и сам занимался тем же с упомянутой тобою юной леди — которая была и остается леди, что бы ты там о ней ни говорил, — и моего предположения ты опровергать не стал, и оно тебя нисколько не смутило. Так вот, сынок, объясни мне, чего тебе сейчас кишки крутит?

— А вот интересно, Джубал, ты бы стерпел, если бы кому-то вздумалось вести себя в твоей гостиной, как макаки в обезьяннике?

— Нет, конечно, — хотя, если подумать, то стерпел, поскольку все происходило не у всех на виду, а ночью, под покровом темноты. Без свидетелей. А значит, мне все это было бы — и продолжает быть — до лампочки. В том-то, Бен, и дело, что ты находился не в *своей* и даже не в моей гостиной. Я же не устанавливаю правила поведения в чужой гостиной. Дело происходило в доме Майка... и его жены — неважно, законной или гражданской, нас это не касается. И ни мне, ни тебе судить об этом не пристало. В чужой монастырь со своим уставом не лезут — это одна из основ цивилизованного поведения.

— По-твоему, такое поведение не возмутительно?

— Тут мы подходим ко второму вопросу. Принародное проявление похоти. Лично мне такие штуки не нравятся, но я грою, что это издержки моего воспитания. А вот значительная часть человечества придерживается совершенно иных взгля-

дов, оргии имеют очень обширную историю. Но что же тут «возмутительного»? Меня, уважаемый сэр, возмущают действия, не соответствующие моим *этическим* нормам, — и только они. А к этическим проблемам применима простая логика. Как известно, о вкусах не спорят.

— Так ты считаешь, что прилюдное совокупление — дело вкуса?

— И никак не более. И мои вкусы, сформированные с раннего детства в традициях трех поколений, закоснели настолько, что теперь вряд ли изменятся, однако они ничуть не более священные, чем вкусы Нерона, при всем их разительном отличии. Даже менее священные: Нерон был богом, а я — увы.

— Ну, чтоб я сдох!

— Все со временем, милый, все со временем. А главное, Бен, тут же не было ничего «принародного».

— Чего?

— Судя по твоим описаниям, эти люди состоят в коллективном браке — групповая теогамия, так это называется. А потому, что бы там ни произошло — или должно было произойти, из твоих обвиняков ничего не поймешь, — мы должны расценивать эти действия как сугубо приватные. Ну как можно говорить об оскорблении чьих-то тонких чувств, если «здесь же нет никого, кроме нас, богов»?

— Но я был оскорблен!

— Твоя божественность оказалась неполной. Ты ввел их в заблуждение. Ты сам на это напросился.

— Я?! Джубал, я не делал ничего подобного!

— Да не строй ты из себя дурака! «Я ударил Томми любимой игрушкой, а она сломалась. Томми бяка! Это он во всем виноват!» Если ты такой уж чувствительный, уходить нужно было сразу, ведь ты сразу увидел, что их обычаи идут вразрез с твоими. Но ты остался и с восторгом воспользовался благосклонностью одной из богинь — и вел себя с ней, как бог. Ты знал обстановку, и они знали, что ты знаешь. Майк ошибся лишь в одном — принял твое лицемерие за чистую монету. Но Майку, как Юпитеру, все позволено, у него своя божественная

слабость — или сила? — он никогда не сомневается в братьях по воде. Это издержки его воспитания, против них он бессилен. Нет, Бен, Майк вел себя вполне корректно, возмутительным было *твое* поведение.

— Кой черт, Джубал, ты всегда все вывернешь шиворот-навыворот. Ну да, верно, я там слишком уж по-ихнему стал себя вести, влился в компанию, но ведь когда я уходил, я не мог иначе! Меня же точно чуть не вытошнило!

— На рефлексы ссылаешься? Любой человек, чей эмоциональный возраст превышает двенадцать лет, сжал бы зубы, сходил в уборную, а затем, малость очухавшись, вернулся бы назад и соврал бы что-нибудь для приличия. А ты что устроил?

— Да пойми же, я вынужден был уйти.

— Понимаю. Но тут не в рефлексах дело. Рефлекс может вывернуть желудок, но он не может указать ногам, куда им идти, не может собрать манатки, вытолкнуть тебя в дверь и заставить прыгнуть в трубу. Ты, Бен, ударился в панику. Вот только почему?

Какстон молчал, долго и уныло. Затем он вздохнул и сказал:

— Вообще-то, если так разобраться, наверное, я — ханжа.

— Нет, — покачал головой Джубал. — Да, ты повел себя по-ханжески, но не потому, что ты ханжа по натуре. Ханжа возводит свои правила приличия в статус законов природы. За тобой такого не замечалось — ни прежде, ни в данном случае. Ты легко приспособился ко многим обстоятельствам, не соответствовавшим твоему коду благопристойности, настоящий же ханжа должен был хлопнуть дверью сразу, при первом же взгляде на эту восхитительную татуированную леди. Копай глубже. Или тебе подсказать, в чем дело?

— Валяй. Я знаю только то, что вся эта история меня крайне расстроила — в частности, из-за Майка. Джубал, я поэтому к тебе и приехал, чтобы во всем разобраться.

— Понимаю, Бен, понимаю и очень тебе сочувствую. Но давай рассмотрим гипотетическую ситуацию. Ты там говорил о леди по имени Рут — вы с ней обменялись братским поцелуем и побеседовали.

— Ну и что?

— Предположим, Джиллиан там не было, предположим, что с тобой были бы тот же Майк и Рут, и они точно так же предложили бы тебе поучаствовать в совместной интимности. Был бы ты шокирован?

— Что? Ну да, конечно. Это же действительно шокирующая ситуация. Я в этом уверен, что бы ты там ни говорил о вкусах.

— Да, но *насколько* шокирующая? До тошноты? До панического бегства?

Какстон смущенно отвел глаза:

— Зараза ты, Джубал. Ну, хорошо. Пожалуй, я нашел бы какой-нибудь предлог, чтобы выйти на кухню или еще куда... ну а потом бы втихую смылся. Но не сломя голову.

— Признавайся как на духу, ты и впрямь начал бы предлог искать? Или тебе все-таки было интересно, что за торжественный прием они там устроили?

— Ну... — протянул Какстон. — Если честно, то не знаю. Мне, конечно, было любопытно узнать, что они там задумали, но я как-то не...

— Прекрасно, Бен. Вот ты и объяснил все свои заморочки.

— Как это?

— Ты подумай, что изменилось.

Какстон окончательно сник и закусил губу.

— Ну да, — сказал он после долгого молчания, — да. Если бы на месте Джилл была Рут, я бы удивился, но не возмущался бы. И шокирован бы не был. Сам знаешь, нас, газетчиков, мало что задевает, только совсем уж откровенное зло. Наверное, от Рут я бы глаз так быстро не отвел, хотя, признаюсь, ретировался бы из комнаты. Все-таки эти вещи — дело глубоко личное. Ну, я так считаю. Все дело в Джилл. Если бы не она, ничего бы этого не случилось. А так... я возмутился и взревновал.

— Ай да Бен.

Бен осекся, помолчал с минуту и продолжил совсем уже иным голосом:

— Ну да, я ревновал. Но честно, Джубал, в тот момент я мог поклясться, что ничего подобного нет и в помине. Я проиграл и давно уже с этим смирился. Но, Джубал, ты все-таки учти *обстоятельства*! Этот гарем коллективного пользования ошарашил бы кого угодно. И пойми меня правильно, я любил бы Джилл, даже будь она двухдолларовой шлюхой. Каковой она *не* является. Со *своей* точки зрения Джилл абсолютно моральна.

— Я знаю, — кивнул Джубал. — Джилл обладает такой непрошибаемой невинностью, что попросту не может быть аморальной. Боюсь, — он слегка помрачнел, — что мы с тобой, Бен, не смогли бы жить в соответствии с идеальной моралью этих людей — нам недостает их ангелической невинности.

— Так ты считаешь все эти штуки *моральными*? Весь этот обезьянник?! — поразился Бен. — Я же имел в виду, что Джилл *не знает*, что делает нечто дурное, — Майк ей совсем голову заморочил, — и Майк тоже этого не знает, он же с Марса, ему в детстве ничего такого не объясняли. Мы для него странные, он нашего поведения никогда не поймет.

— Ох, непростой вопрос ты задал, — вздохнул Джубал, — но я тебе честно отвечу. Да, по моим представлениям, все, что делают эти люди — *все* эти люди в Гнезде, а не только старые наши знакомые, — совершенно морально. Я еще не вдавался в подробности, но... *да*, абсолютно все. Вакханалии, бесстыдный обмен партнерами, коммунальная жизнь, анархические порядки, да все что угодно. И особенно их самоотверженное желание передать свои совершенные моральные принципы всем остальным.

— Джубал, ты меня просто поражаешь. Если ты и вправду так думаешь, почему бы тебе не влиться в эту их коммуну? Они встретят тебя с распростертыми объятьями. Они устроят в твою честь праздник — Дон только и мечтает, что целовать твои ноги и верно тебе служить, я ничуть не преувеличиваю.

— Нет, — вздохнул Джубал. — Вот если бы пятьдесят лет назад... Но теперь? Теперь, брат мой Бен, такая невинность мне недоступна, потенциал иссяк. И не надо цинично ухмыляться,

я не сексуальную потенцию имею в виду. Слишком уж долго жил я в браке с некоей своей разновидностью безнадежности и зла, чтобы омыться живой водой и тут же обрести утраченную невинность. Да и был ли я когда-нибудь невинным?

— Майк считает, что ты и сейчас пренолнен «невинности» — только он не пользуется этим словом. Это мне сказала Дон.

— Тем более, мне не хотелось бы его разочаровывать. Майк видит свое собственное отражение — я по профессии зеркало.

— Струсил, струсил.

— Абсолютно верно, уважаемый сэръ! Но меня беспокоит не их мораль, а опасности, угрожающие им извне. Ты знаешь, Бен, схема, подобная Майковой, предлагалась этому пакостному миру многожды — и каждый раз бывала им раздавлена. Взять, к примеру, ранних христиан — анархия, коммунизм, групповой брак, да даже поцелуй братства — Майк многое у них позаимствовал, в его церкви все ритуалы откровенно синкретические, особенно этот, с праматерью Землей. Хм-м... если он подцепил этот поцелуй именно у них, я бы ожидал, что мужчины целуются не только с женщинами, но и с мужчинами.

— Я не хотел тебе говорить, — смутился Бен. — Они-таки целуются. Но только в этом нет ничего голубого. Меня тоже один раз приложили, а потом я ловко уворачивался.

— Так я и думал. Онеидская коммуна очень смахивала на это их Гнездо, и она просуществовала некоторое время, но это же в глухой местности, никаких тебе любопытных соседей. Были и другие. Раз за разом повторяется одна и та же печальная история: прожекты идеального братства, где всё общее — и все всех любят, прекрасные надежды и высокие идеалы — затем преследование и крах. — Джубал горько вздохнул. — Раньше я боялся за Майка, теперь меня тревожит вся их компания.

— А как, по-твоему, я себя чувствую? Джубал, я никак не могу принять твои благостные теории. То, что они делают, — этого *нельзя* делать.

— Это что, тот самый эпизодик застрял у тебя в горле?

— Ну-у... и не только.

— Но по большей части. Знаешь, Бен, этика секса — проблема очень заковыристая. Каждый из нас вынужден вслепую, на ощупь искать мал-мала приемлемое ее решение — либо жить по нелепым, неработоспособным, пагубным нормам так называемой «морали». Почти все мы знаем, что этот кодекс плох, почти каждый из нас его нарушает. Но мы платим ему отступного — чувством вины и лицемерной болтовней. Так ли, сяк ли, но эта безнравственная «мораль» катается на нас, дохлая и зловонная, альбатросом на шее. Вот так и ты, Бен. Ты считаешь себя свободной личностью и напропалую нарушаешь нормы морали. Но, столкнувшись с новой для себя проблемой сексуальной этики, ты сверяешь ее со все тем же иудео-христианским кодексом — и твой желудок рефлекторно сжимается, из чего ты делаешь вывод, что ты прав, а они не правы. *Фи.* «Божий суд» и тот был бы надежнее. Твой желудок не отражает ничего, кроме предрассудков, вбитых в твою голову еще до того, как в ней появилась хоть капля разума.

— А как насчет *твоего* желудка?

— Он тоже не отличается особым умом — но я не позволяю ему командовать моей головой. Майк пытается сконструировать идеальную этику, его смелость меня восхищает. Он понимает, что для начала нужно выкинуть на помойку общепринятые нормы сексуального поведения, — а это пугает обычных людей, и даже тебя. А меня это восхищает вдвойне. Я дам ему рекомендацию для вступления в Философское общество. Философы — большая их часть — не решаются на такое; они принимают как данность все основы существующих норм — моногамия, устройство семьи, воздержание, телесные табу, общепринятые ограничения на половой акт и так далее, и так далее — и занимаются всякой дребеденью, вплоть до дискуссий: голая женская грудь — это прилично или неприлично? Но по большей части они придумывают, как бы это так половчее заставить нас *соблюдать* эти нормы, не обращая внимания на бесчисленные доказательства того, что чуть ли не все

трагедии, какие они видят вокруг, связаны скорее с самим кодексом морали, чем с его нарушениями... А потом появляется Человек с Марса, смотрит на этот священнейший, руками не трогать, кодекс свежими глазами и препровождает его в мусорное ведро. А то, что он придумал взамен, явным образом нарушает законы практически любой страны и приведет в дикое бешенство благонамеренных обывателей, принадлежащих к любому из главных вероисповеданий — вкупе с большинством агностиков и атеистов. И при всем при том этот несчастный мальчик...

— Проснись, Джубал, он не мальчик, а мужчина.

— Мужчина? Если верить тебе, то этот несчастный эрзац-марсианин говорит, что секс — это путь к счастью. И я под этим подпишусь. Секс *должен быть* путем к счастью. Мы же используем секс, чтобы причинять друг другу боль, превращаем его в орудие пытки. Секс никогда не должен быть мучительным, он должен доставлять счастье — или по крайней мере удовольствие. В заповедях сказано: «Не желай жены ближнего твоего». Результат? Через силу соблюдаемое целомудрие, прелюбодеяние, ревность, побои, а иногда и убийства, разрушенные семьи и изуродованные дети — и жалкое, только бы никто не заметил, заигрывание, унижительное и для мужчины, и для женщины. Ну и соблюдается эта заповедь, хоть когда-нибудь? Если человек поклянется на Библии, что он ни разу не желал жены ближнего своего потому, что это запрещено заповедью, я сделаю вывод, что он либо сам себя дурачит, либо обладает патологически низкой сексуальностью. Любой мужчина, способный зачать ребенка, желал многих и многих женщин, пусть он даже никогда не давал этим желаниям волю... А потом появляется Человек с Марса и говорит: «Нет никакой нужды желать мою жену — *люби* ее! Ее любовь не знает пределов, нам нечего терять — кроме страха и вины, ревности и ненависти, обретем же мы все». Предложение совершенно невероятное. Подобная наивность была свойственна разве что эскимосам, так они ведь тоже жили в полной изоляции — Люди с Марса, да и только. Но это когда-то, а теперь, после зна-

комства с нашей «нравственностью», у них все как у людей — и целомудрие, и разврат. Ну и скажи, Бен, много ли они выиграли?

— Я не хотел бы быть эскимосом.

— И я бы не хотел. Запах тухлой рыбы выводит меня из себя.

— А меня тревожат мыло и вода. Наверное, я неженка.

— И я тоже неженка. В доме, где я родился, было не больше санитарных удобств, чем в иглу; этот, теперешний дом нравится мне гораздо больше. А вот те, кто привык к вони тухлой рыбы, не станут воротить носа от запаха немытого тела. Но, несмотря ни на что, все исследователи называли эскимосов самым счастливым из народов Земли. Эти люди никогда не мучались ревностью, у них слова-то такого не было. Они берут друг у друга жен, из соображений удобства или так, для развлечения, — и доставляют им массу удовольствия. Ну и где же тогда норма, а где ненормальность? Вот, к примеру, мы с тобой групповой любви не понимаем, но это не дает нам права ее осуждать. Взгляни на этот тусклый, мрачный мир и скажи мне: кто счастливее — последователи Майка или прочие, обычные люди?

— Я там мало с кем говорил, но в общем-то... Да, они счастливы. Такие счастливые, что прямо дуреют от счастья. Что-то здесь явно не так.

— А может, это в тебе что-то не так?

— С чего это?

— Жаль, что ты такой зашоренный. К такому обеду — да без ложки. Даже трех дней того, что тебе предложили, хватило бы с лихвой, чтобы вспоминать до самой смерти. А ты, юный кретин, пошел на поводу у своей ревности! Будь мне столько лет, сколько тебе, я бы с радостью подался в эскимосы — подумать только, живи в свое удовольствие, не надо ни в церковь ходить, ни марсианский учить. Господи, да мне так за тебя обидно, что хоть плачь. Но ничего, буду утешаться уверенностью, что скоро ты локти кусать станешь. Возраст не приносит нам мудрости, зато он дает перспективу... и самое, Бен, печаль-

ное — это видеть далеко позади искушения, перед которыми ты устоял. У меня есть такие сожаления, но по сравнению с тем, что предстоит *тебе*, все это семечки.

— Слушай, не трави душу.

— Господи, мужик ты — или мышь? Да я же пытаюсь тебя расшевелить! Скулишь тут, как дряхлая развалина, вместо того чтобы пулей мчаться в это их Гнездо. Кой черт, да будь мне на *двадцать* лет меньше, я бы и сам записался в Майкову церковь.

— Кончай трепаться. И к слову — что ты думаешь об этой самой церкви?

— Ты говорил, что это что-то вроде школы.

— И да, и нет. Это вроде как Истина с большой буквы, полученная Майком от Стариков.

— Старики, говоришь? Не знаю, как ты, а я думаю, все это чушь.

— Майк в них верит.

— Знаешь, Бен, один мой прежний знакомый, крупный промышленник, истово верил, что ему удастся беседовать с духом Александра Гамильтона, и все свои деловые решения принимал только по его советам. И что это доказывает? Однако... Да кой черт, почему именно я должен быть адвокатом дьявола?

— А сейчас ты чего дергаешься?

— Бен, я всегда считал, что самый отвратительный грешник — это лицемер, с жаром рассуждающий о религии. Майк не лицемер, он искренне верит в своих Стариков и проповедует свою, как он ее видит, истину, а для подтверждения своих воззрений заимствует примеры из других религий. Вот этот ритуал праматери, хотя мне он и не по душе, — это же просто иллюстрация универсального женского начала, как его там ни называй. Что же касается этих его Стариков, я *не знаю*, что они не существуют, мне просто трудно в них поверить. Не представляю, чтобы целой планетой могла управлять орда каких-то там бестелесных призраков. А эти его штучки насчет Ты-Еси-Бог правдоподобны ничуть не менее — и не более —

любого другого кредо. В Судный день, если его в конце концов организуют, может выясниться, что всю дорогу главным начальником был Мумбо-Юмбо, конголезский бог... Все эти имена чушь. Человек органически не способен представить себе свою смерть, иначе говоря — убежден в собственном бессмертии; как следствие, он раз за разом изобретает все новые и новые религии. Эта убежденность никак не может считаться *доказательством* бессмертия, однако она порождает крайне серьезные вопросы. Другое дело, можем ли мы на них ответить. Что такое жизнь, что такое эго, как эго связано с телом, почему каждое эго *кажется* центром мироздания, смысл и цель жизни, смысл и цель мироздания — все это вопросы первостепенной важности, они, Бен, никогда не станут тривиальными. Наука их не разрешила, каждая религия отвечает на них по-своему — и кто я такой, чтобы глумиться над этими ответами, даже если они кажутся мне крайне неубедительными? А вдруг старик Мумбо-Юмбо действительно меня сожрет? То, что у него нет роскошных соборов, отнюдь не дает мне права считать его жуликом и самозванцем. Точно так же я не вправе считать самозванцем повернутого на Боге парня, который организовал и возглавил некий сексуальный культ, может быть, он-то и есть Мессия. Что касается религии, я уверен только в одном: самосознание — это *нечто иное*, чем веселая пляска аминокислот!

— Джубал, ну почему ты не стал проповедником? По всем статьям подходишь.

— Мог, но, по счастью, пронесло. Только никому об этом не говори. А в защиту Майка я скажу еще только одно. Если он действительно способен хоть немного улучшить порядки на этой загаженной планете, его половая жизнь не нуждается ни в каких оправданиях. Люди гениальные относятся к гласу народа с вполне оправданным презрением и ни в грош не ставят сексуальные обычаи своего племени, заменяя их другими, собственного изобретения. И это не просто мое мнение, а абсолютный факт, его неопровержимо доказал Арматтоу еще в тысячу девятьсот сорок восьмом году. Майк *несомненный* гений.

Поэтому он распоряжается своим органом по собственному усмотрению, без всякой оглядки на условности. Гениальные личности всегда со справедливым презрением относятся к мнению окружающих. Но с теологической точки зрения его взгляды традиционны, как Санта-Клаус. Майк проповедует, что все живые существа суть ипостаси Бога, — что делает его и его учеников единственными на этой планете богами, осознающими свою божественность, — что дает ему полное право получить членский билет божественного профсоюза и жить по профсоюзному уставу. А этот устав предоставляет всем богам полную, ничем, кроме их собственной воли, не ограниченную сексуальную свободу. Тебе нужны доказательства? А Леда и лебедь? А Европа и бык, Осирис, Изиды и Гор? А невероятнейшие инцесты нордических богов? Я уж не говорю о богах восточных, они вытворяли такое, чего ни один кроликовод не потерпел бы в своем вольере. Но ты присмотришься повнимательнее к Троице единому Богу самой респектабельной западной религии. Эта религия считает себя монотеистической, и чтобы объяснить в ее рамках взаимоотношения частей единого Бога, приходится сделать допущение, что боги размножаются совершенно иначе, чем смертные. Как правило, люди об этом не задумываются, они засовывают скользкую проблему подальше и вешают табличку: «Святое. Руками не трогать»... Все боги обладают исключительными правами — так почему же не Майк? Правила божественной игры просты: единый бог раскалывается на две, как минимум, части — мужское и женское начало, — а потом плодится и размножается. Так поступает не только Иегова, а каждый из них. Боги, изначально множественные, будут плодиться как кролики — и с таким же небрежением людскими приличиями. Эти оргии — прямое и неизбежное следствие того, что Майк занялся божественным бизнесом, и судить их следует не по нравственным понятиям Поданка, а по олимпийской морали. И, между прочим, с этой точки зрения они ведут себя весьма скромно. Я тебе больше скажу, Бен, в этом «взращивании близости» посредством сексуального единения, в этом единстве множественного нет и не может быть места

для единобрачия. Если для их религиозного кредо существенно важно совместное сношение — а я грокаю, что так оно и есть, — с чего бы им держать его в тайне? Ты настаиваешь, что его надо скрывать, но ведь это превратит священный ритуал в нечто постыдное, чем он ни в коем случае не является. Ты просто не понял, что происходит.

— Может, и не понял, — мрачно кивнул Бен.

— Я хочу предложить тебе способ пойти на попятный. Ты там не понимал, как это Майк избавился от одежды. Хочешь, скажу?

— Как?

— Чудо.

— Ради бога!

— Может, и ради Бога. Спорю на тысячу, что это было чудо, совершенное по всем чудотворным правилам. Пойди и спроси у Майка. Пусть он тебе продемонстрирует. А потом пришли мне деньги.

— Слушай, Джубал, мне неловко брать у тебя деньги.

— А ты и не возмешь. У меня сведения надежные. Так что, спорим?

— Джубал, съезди к ним сам и проверь. Я не могу туда вернуться.

— Они примут тебя с распростертыми объятьями и ни разу не спросят, почему ты ушел. Еще одна тысяча, что это предсказание сбудется. Бен, ты пробыл там менее суток — часов пятнадцать, не больше — и половину этого времени спал или развлекался с Дон, а потом смылся. Провел ли ты тщательное расследование всех обстоятельств, на манер тех, которые ты проводишь перед тем, как обнародовать какие-нибудь скандальные факты из общественной жизни?

— Но...

— Да или нет?

— Нет, но...

— Бога ради, Бен! Ты клянешься в своей *любви* к Джилл — и относишься к ней *хуже*, чем к какому-нибудь жуликоватому политикану. Хоть бы один процент усилий, какие приложила

она, чтобы вытащить *тебя* из неприятностей. Где был бы ты сейчас, если бы она действовала так же вяло? Думаю — в аду, на самой большой сковородке. Тебе, видите ли, не нравится свободное любодейство расположенных друг к другу людей, а знаешь ли ты, что тревожит *меня*?

— Что?

— Христа распяли за несанкционированные местными властями проповеди. Подумай лучше об *этом*.

Бен встал:

— Ну, я пошел.

— После обеда.

— Сейчас.

Сутки спустя Джубал получил телеграфный перевод на две тысячи долларов. Еще через неделю он послал Бену на адрес редакции факс: «Какого хрена ты там делаешь?»

Через пару дней пришел ответ: «Зубрю марсианский — аквабратски твой — Бен».

ЧАСТЬ V

ЕГО
СЧАСТЛИВАЯ
УЧАСТЬ

Фостер оторвался от текущих дел:

— Кадет!

— Сэр?

— Этот юнец, которым вы интересовались, — он уже в досягаемости. Марсиане его отпустили.

— Простите, сэр, — смутился Дигби. — Я имею некие обязанности по отношению к некоему юному существу?

Фостер ангелически улыбнулся. Чудеса никогда не были обязательны — в Истине само уже псевдопонятие «чудо» внутренне противоречиво. Но этим молодым ребятам лучше учиться всему на собственном опыте.

— Ладно, пустое, — в его голосе появились отеческие нотки. — Всего-то и дел, что малое мученичество, я займусь им сам. Кадет?

— Сэр?

— Называйте меня просто «Фос» — все эти формальности хороши для полевых условий, здесь же, в центре, они совершенно излишни. И напоминайте, чтобы я не называл вас кадетом — в этой командировке вы показали себя с самой лучшей стороны. Каким именем хотели бы вы называться?

— У меня есть другое имя? — удивился Дигби.

— Тысячи. Какое из них вы предпочитаете?

— В данный эон я как-то не припомню.

— Ну, тогда... вы хотели бы называться «Дигби»?

— Э-э... да. Это очень хорошее имя. Спасибо.

— Благодарите не меня, а себя. Вы вполне его заслужили.

«Не забыть бы, что это дело лежит теперь на мне», — думал архангел Фостер, возвращаясь к прерванной работе. Он начал было строить планы, как бы пронести эту чашу мимо прелестной Патриции, но тут же резко выговорил себе за столь непрофессиональное, почти человеческое побуждение. Ангелам не свойственно милосердие, ангелическое сострадание не оставляет для него места.

Марсианские Старики прямым перебором получили изящное решение своей экстраординарной эстетической энигмы и отставили ее на несколько троек наполненных — дабы породила новые. Тем же временем они неспешно и почти небрежно скачали из чужого птенца, взращенного ими и возвращенного в его естественную среду обитания, все, что он узнал о своем народе, и оставили его — после должного взлелеивания, — ибо он не представлял для них дальнейшего интереса.

С целью проверки удачности недавнего решения давней проблемы Старики взяли собранную птенцом информацию и начали рассматривать возможность рассмотрения возможности изучения, ведущего к исследованию эстетических параметров, связанных с возможностью артистической необходимости уничтожения Земли. Но многое ждanie будет, прежде чем полнота прокнет решение.

Гигантская волна, порожденная сейсмическим толчком, эпицентр которого находился в двухстах восьмидесяти километрах от побережья острова Хонсю, снова захлестнула всемирно известную статую Будды в Камакуре. Волна причинила бесчисленные разрушения, убила около тринадцати тысяч людей и занесла в верхнюю часть внутренних помещений статуи младенца мужского пола, где таковой и был обнаружен уцелевшими монахами и принят ими на воспитание. Младенец, чья семья была в полном составе уничтожена упомянутой катастрофой, прожил девяносто семь земных лет, не оставил по себе потомства никоего пола и не прославился ничем, кроме каждодневных, весьма продолжительных приступов отрешки. Синтия Дюшес с шумом и помпой ушла в монастырь — и ушла из монастыря тремя днями позднее, без шума и без помпы.

Серьезный инсульт частично лишил экс-генсека Дугласа способности пользоваться левой рукой, но отнюдь не способности сберегать вверенные ему активы. «Лунар энтерпрайзес лимитед» объявила о выпуске первого транша облигаций своей дочерней фирмы «Арес Чандлер корпорейшн». Оснащенный лайловским приводом исследовательский корабль «Мэри Джейн Смит» приплутонился на Плутоне. Во Фрейзере, штат Колорадо, был отмечен самый холодный в зарегистрированной истории февраль.

Епископ Окстанг произнес в храме на Нью-Гранд-авеню проповедь по тексту (Мф. 24: 24): «Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великие знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных». Он дал ясно понять, что его диатриба не направлена против мормонов, Христианской науки, католиков и — тем наипаче — против фостеритов, равно как и против прочих попутчиков, чьи добрые дела значат несравненно больше, нежели малосущественные различия в догматах и обрядах, но исключительно против наглых новоявленных еретиков, каковые отвращают верных жертвователей от веры (вернее, от вер) их отцов. В субтропическом курортном городе на юге той же самой страны три истца под присягой уличили священника, троих его помощников, а также Джона Доу, Мэри Роу и т. д. в непристойном поведении в общественном месте, здесь же были упомянуты содержание дома терпимости и соучастие в совращении малолетних. Прокурор графства не проявил к этому делу никакого интереса — за последнее время ему пришлось закрыть с дюжину подобных по причине неявки заявителей на судебное заседание.

На что он и указал. На что представитель заявителей сказал:

— На этот раз у вас будет серьезная поддержка. Верховный епископ Шорт твердо решил положить конец злодеяниям этого антихриста, а то ведь совсем распылся.

Антихристы прокурора не интересовали, однако приближались выборы.

— Ладно, — сказал он, — только вы учтите, что без поддержки я ничего не смогу сделать.

— Будет вам поддержка, будет.

На севере страны этот случай прошел мимо внимания Джубала Харшоу, однако доктор знал слишком уж много других, совершенно аналогичных, чтобы спать не ворочаясь. Он уступил самому коварному из пороков — начал интересоваться новостями. На первый случай он ограничился заказом в службу газетных вырезок по темам «Человек с Марса», «В. М. Смит», «Церковь Всех Миров» и «Бен Какстон». Но кто же не знает, как трудно ограничиться первой рюмкой? Джубал дважды ловил себя на желании приказать Ларри, чтобы тот установил этот идиотский ящик.

Кой черт, ну почему эти гады не могут наговорить чего-нибудь на пленку и прислать — не понимают, что ли, что за них здесь волнуются?

— К ноге!

— Энн, — сказал Джубал, обводя глазами засыпанный снегом двор и пустой бассейн, — арендуй нам тропический атолл, а этот мавзолей выставляй на продажу.

— Есть, начальник.

— Только чтобы именно в этом порядке: сперва долгосрочный контракт на аренду атолла, а уж потом возвращай все это индейцам, я терпеть не могу гостиницы. Когда я последний раз писал коммерческий материал?

— Сорок три дня назад.

— Да будет это для тебя уроком. Итак, начнем. «Предсмертная песнь байстрюка».

Холод тоски леденит мое сердце, лишая покоя.
Осколки разбитой любви рвут усталую душу на части.
Горечи ветры суровые дуют, и плачут, и воют.
Образы прошлого будят печаль об утраченном счастье.
Пусть я разбит, и раздавлен, и шрамы меня покрывают,
Пусть я ослеп, и глазницы засыпал песок,
Пусть меня голод и боль беспрерывно терзают —
Хуже всего, что я брошен и одинок.
Благословенно лицо твое — бедного сердца отрада.
Благословен и твой голос, чей отзвук я слышу порой.
Смерти я не страшусь, хотя знаю — она уже рядом.
Я лишь страшусь бесконечной разлуки с тобой.

— Так вот, — деловито добавил он, — подпиши «Луиза М. Олкотт» и отошли в журнал «Сплоченная семья».

— Начальник, вы что, и вправду думаете, что это и есть «коммерческий материал»?

— А? Ничего, позднее этот стишок хоть чего-нибудь да будет стоить; положи его в архив, поможет моему литературному душеприказчику оплатить счет за похороны. Такова уж судьба всех истинных творцов — их лучшие работы входят в цену, когда автор не может уже этим воспользоваться. Литературная жизнь... *Дрек!* В ней главное — гладить всех по шерстке.

— Бедняжка Джубал! Никто его не гладит, вот ему и приходится переходить на самообслуживание.

— Все сарказмики. А чтобы работать, так на это вас нет.

— Это не сарказм, начальник. Лишь носящий туфлю знает, где она жмет.

— Тысяча извинений. Ладно, вот тебе коммерческий материал. Название: «Посошок на дорожку».

Топор прервет ваши мученья,
Петля подарит вам забвенье,
Но только с ядом вы уснете, как в люльке матери родной.

На время сон даст утешенье,
Свинец развеет заблужденья,
Но только на углу в аптеке вы купите себе покой.

Когда нет сил терпеть мученья,
Подарит церковь утешенье,
Но только яд легко и нежно вам путь укажет в мир иной.

Припев:
Смерть может жечь, терзая плоть, как жало,
Смерть может быть мгновенной и без мук,
Но только смерть как сон — на дне бокала,
Который вам протягивает друг.

— Джубал, — беспокоилась Энн, — у тебя что, несварение желудка?

— Перманентно.

— Это что, тоже для архива?

— Че-го? Это для «Нью-Йоркера». Под обычным псевдонимом.

— Они вышвырнут эти вирши.

— Они их купят. Патология как раз по их части; купят как миленькие.

— Да и размер хромает.

— Само собой! Надо же оставить редактору *хоть что-нибудь*, чтобы не скучал. А так он попишет на твою писанину, приняхается, почует родной запах и купит. Милая моя, я начал отлынивать от честной работы еще тогда, когда тебя и в проекте не было, так что не учи ученого. А может, ты хочешь, чтобы я понянькался с Эбби, пока ты перепечатываешь? Слушай, да тебе же пора кормить! Это ж не ты была «к ноге», это Доркас «к ноге».

— Ничего твоей Эбби не сделается, подождет немного. А Доркас лежит. Утреннее недомогание.

— Не пори чепуху. А чего тогда она ко мне не обратилась? Я любую беременность определяю на две недели раньше, чем какой-нибудь кролик, — и ты это знаешь.

— Слушай, Джубал, отвяжись от Доркас. Она боится, что не подзалетела, и все не оставляет надежду. Да ты хоть что-нибудь понимаешь в женщинах?

— М-м-м... да, пожалуй, и нет. Ладно, не буду ее трогать. А почему ты не прихватила нашего ангелочка с собой? Здесь бы и покормила.

— И хорошо, что не прихватила, а то вдруг она поняла бы, что ты тут несешь.

— Так ты что же, хочешь сказать, что я развращаю младенцев?

— Она слишком юна, чтобы углядеть под твоей грубой оболочкой нежную, тонко чувствующую душу. Когда я прихожу сюда с Абигейл, ты тут же начинаешь с ней нянькаться, а работа стоит.

— Нужно же мне чем-то заполнить свои пустые, мучительно долгие часы. Или ты можешь предложить что-нибудь получше?

— Джубал, я очень рада, что ты без ума от моей дочери, да мне и самой она нравится. Но ведь на что ты тратишь все свое время? Или играешь с Эбби, или хандришь.

— А что, мы скоро сядем на пособие?

— Да не в этом же дело. Когда ты не печешь свои рассказы, у тебя развивается духовный запор. Дошло до того, что все мы, Доркас, Ларри и я, сидим и грызем ногти; когда ты орешь: «К ногге!», мы чуть не пляшем от радости. И каждый раз тревога оказывается ложной.

— Если есть чем платить по счетам, чего же вам еще беспокоиться?

— А о чем беспокоишься ты, начальник?

Джубал задумался. Сказать ей или не стоит? Если у него и были сомнения, кто отец маленькой Эбби, то лишь пока девчонка оставалась безымянной. Энн колебалась между именами Абигейл и Зенобия, а затем взгромодила на невинное дитя и то и другое враз. Она никогда не обсуждала значение этих имен — думает, наверное, что он не знает...

— Да можешь и не отвечать, — продолжала Энн. — И Доркас, и Ларри, и я, все мы знаем, что уж Майк-то как-нибудь за себя постоит. Но ты такой все время вздернутый...

— Вздернутый? Я?

— ...что Ларри поставил у себя этот ящик, и мы теперь смотрим все выпуски новостей, очередь установили. Не потому, что нас что-то там беспокоит, разве что ты сам. Но когда Майк попадает в новости — а он, конечно же, попадает, — мы узнаем это задолго до того, как тебе присылают твои дурацкие вырезки. Бросил бы ты их читать.

— Откуда вы знаете про вырезки? Я же так старался, чтобы все было шито-крыто.

— Начальник, — устало вздохнула Энн, — ведь должен же кто-то избавляться от мусора. Или ты думаешь, Ларри неграмотный?

— Ясно. Как Дюк ушел, так этот проклятый мусоропровод сразу разладился. Кой черт, да тут все разладилось!

— Скажи только Майку, и Дюк тут же прибежит.

— Ты же знаешь, что я не могу. — Слова Энн вызвали у Джубала очень, очень неприятные подозрения. — Энн! А тебя-то что здесь держит? Это что, Майк тебе сказал?

— Я здесь потому, что я этого хочу, — без запинки отпартовала Энн.

— М-м-м... я не уверен, что это такой уж вразумительный ответ.

— Джубал, мне иногда очень хочется отшлепать тебя, как маленького ребенка. Могу я договорить?

— Трибуна в вашем распоряжении.

Да и остальные, остался бы хоть кто-нибудь из них здесь, если бы не... Мириам вышла за Стинки и уехала с ним в Бейрут — сделала бы она такое без Майкова одобрения? Имя Фатима Мишель — это дань уважения новой вере плюс желание Стинки сделать другу приятное — или код, столь же прозрачный, как и двустольное имя маленькой Эбби? А что же тогда Стинки? Даже не догадывается о своих рогах или носит их с благоговейной гордостью, как когда-то Иосиф? Э-э-э... логично считать, что Стинки знал о своей гурии все, вплоть до малейших подробностей, водяное братство не допускало столь серьезного упущения. Если только оно серьезно, в чем Джубал сомневался, и как врач, и как агностик. Но для *них самих* это должно быть...

— Ты не слушаешь?

— Извини. Задумался. — (...И кончай ты эти штуки, пакостный старикашка... это ж надо — высасывать какой-то смысл из детских имен! Дальше ты займешься нумерологией... потом астрологией... потом спиритизмом... а потом впадешь в полный маразм, и твоей тушке потребуются уход сиделки, и у тебя не останется достаточно соображения, чтобы развоплотиться с достоинством. Зайти во врачебный кабинет, открыть в шкафу девятый ящик, код «Лета», и взять два грана, хотя и одно-го бы за глаза хватило...)

— Эти вырезки тебе совершенно ни к чему, потому что мы следим за всеми новостями про Майка... и Бен обещал, что если там что-нибудь серьезное, он сразу с нами свяжется. А глав-

ное, Джубал, Майку *невозможно* причинить вред. Навести Гнездо — и ты сам это поймешь, мы-то там уже были, все трое.

— Меня никто не приглашал.

— А нас тоже никто не приглашал. В свой дом ходят без приглашения. Или чтобы тебя навестить, они должны твоего приглашения дожидаться? И кстати, почему это «не приглашали»? И Бен тебя уговаривал, и Дон писала, и Дюк.

— Меня не приглашал Майк.

— Начальник, Гнездо принадлежит мне и тебе в ничуть не меньшей степени, чем Майку. Майк просто первый среди равных — ну, как ты здесь. А разве для Эбби это не свой дом?

— К слову, — заметил Джубал, — эта собственность уже переписана на ее имя, с сохранением за мной пожизненного права владения. — Зная, что значительная часть Майкова состояния завещана его братьям по воде, Джубал убрал их из числа своих наследников. Однако он не был вполне уверен в «водяном» статусе Эбби — мокрые пеленки не в счет, — а потому сделал в своем новом завещании распоряжение в ее пользу, а также в пользу наследников некоторых других личностей. — Я не собирался тебе говорить, но и скрывать тут, в общем-то, нечего.

— Джубал, я сейчас заплачу, честно. И у меня чуть не вылетело из головы, что я хотела сказать. А скажу я тебе вот что. Майк ни в коем случае не станет тебя торопить, ты сам это знаешь. Я грокаю, он ждет полноты — и ты, наверное, тоже.

— М-м-м... я грокаю, ты говоришь правильно.

— Вот и договорились. И ты не волнуйся, что Майка арестовали, а то с самого утра на тебе лица нет. Такое случалось уже много...

— Арестовали? Я ничего об этом не слышал! Так черта ж ты...

— Джубал, Джубал, успокойся. Бен не звонил, значит там ничего серьезного. Майку не привыкать, его и фокусником арестовывали, и в армии, и где только не... — а за время, как он стал проповедовать, это то ли шестой, то ли седьмой раз. Он подчиняется без малейшего сопротивления, но засудить его

у них никогда не получается, и он выходит на свободу, как только захочет.

— Ну и что ему шьют на этот раз?

— Да все та же обычная чушь — непристойное поведение, половая связь с несовершеннолетними, групповое мошенничество, содержание дома терпимости, вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность, сговор с целью нарушения закона о всеобщем обязательном образовании.

— Это как?

— Их лицензия на содержание приходской школы была аннулирована, а дети не захотели возвращаться в обычную школу. Да ерунда это, Джубал, все это ерунда. Есть одна противозаконная вещь, в которой они виноваты, пусть и формально, — да и ты, начальник, тоже, — но доказать ее невозможно. Жаль, что ты не бывал в Гнезде, а то бы понял, что даже ФОС не под силу подсунуть туда шпионскую камеру. Вся эта свистопляска Майку только на руку — рано или поздно обвинения будут сняты, а прихожан станет еще больше.

— Хм! А не сам ли он и подстраивает все эти гонения?

— Что? — изумилась Энн. — Знаешь, Джубал, я никогда о таком не задумывалась. Да и Майк, ведь он не может лгать.

— А зачем же обязательно лгать? Что, если, скажем, распустить *истинные* слухи? Но такие, что в суде ничего не докажешь.

— Так ты думаешь, он мог такое сделать?

— Я не знаю. Зато я знаю, что самая лучшая ложь — это дозированная, хорошо подобранная правда. А вызывать на себя гонения ради саморекламы, такое бывало сплошь и рядом. Ну хорошо, поверим тебе, что вся эта история — ерунда, и выкинем ее из головы. Ты все еще «к ноге»?

— Я принесу сюда Эбби, но только под обещание, что ты не будешь щекотать ее под подбородком, а также издавать некоммерческие звуки вроде «у-тю-тю-тю-тюшеньки». Иначе придется поднять Доркас.

— Неси девицу сюда. Я честнейшим образом попытаюсь издавать сугубо коммерческие звуки — в моей голове зародился абсолютно новый сюжет. Я бы назвал его «Юноша встречает девушку».

— Ты знаешь, начальник, а это *здорово*. Странно даже, почему никто не подумал о таком раньше. Подожди секунду. — Энн выскочила из комнаты.

Джубал проявил редкую выдержку — некоммерческая деятельность продолжалась менее минуты, до появления на лице Абигейл блаженной улыбки, затем Энн дала дочке грудь, а он начал диктовать.

— Заголовок. «В них больше мужского, чем в мужчинах». Начало. Генри М. Хавершем Четвертый получил хорошую подготовку. Он считал, что существуют только две разновидности девушек: те, которые находятся в одном с ним помещении, и те, которые не находятся. Он безоговорочно предпочитал девушек второй разновидности, особенно если они так и сидят где сидели. Абзац. Он не был представлен молодой леди, которая неожиданно плюхнулась к нему на колени, и вовсе не рассматривал заурядную катастрофу как эквивалент формального зна... Какого тебе хрена? Я работаю, ясно тебе?

— Начальник, — начал Ларри.

— Закрой дверь с той стороны.

— *Начальник!* Майкова церковь сгорела!

Последовал беспорядочный забег с финишем в комнате Ларри. Джубал отставал от Ларри на полкорпуса, Энн с гандикапом в одиннадцать фунтов уверенно сокращала разрыв, задержавшаяся на старте Доркас (она вскочила, услышав шум) безнадежно отставала.

— «...прошлой ночью в полночь. Сейчас вы видите на экране главный вход сектантского храма — вернее, то, что осталось от него после взрыва. Ваш всеведущий ведущий познакомил вас с утренней сводкой новостей от Эн-дабл-ю-эн-дабл-ю. Оставайтесь с нами, на этой программе, все сплетни и скандалы — на нашем канале. А теперь мы с вами перейдем к рекламе». — Перед зрителями предстала прелестная домохозяйка с какой-то коробкой в руках, средним планом. Затем последовал наезд камеры, коробка заполнила весь экран...

— Ну вот вам и пожалуйста! Ларри, тащи эту механизму в кабинет. Энн, — нет, Доркас. Позвони Бену.

— Да как же она может? — возмутилась Энн. — Ты что, забыл, что в храме нет телефона?

— Тогда пусть кто-нибудь туда смотрит... да нет, в Храме никого не осталось... тогда позвони тамошнему шефу полиции. Нет, окружному прокурору. Последнее, что вы слышали о Майке, это что он в тюрьме?

— Да.

— Надеюсь, он там и сидит — и остальные тоже.

— Я тоже надеюсь. Доркас, поддержи Эбби, я сама позвоню.

Телефон в кабинете яростно трезвонил и мигал лампочками, кто-то желал установить приглушенную скремблерную связь. Джубал нехорошо выругался и набрал комбинацию с твердым намерением послать этого «кого-то» очень, очень далеко.

— Привет, Джубал, — сказал Бен Какстон.

— Бен! Какого хрена у вас там делается?

— Слышал уже, значит. Потому-то я тебе и звоню, чтобы не волновался. Ситуация под контролем.

— А как там пожар? Кто-нибудь пострадал?

— Никакого ущерба. Майк просил передать тебе...

— *Никакого ущерба?* Я только что видел снимок, это похоже на полный...

— А, *это*, — пожал плечами Бен. — Джубал, не перебивай, пожалуйста, у меня еще много звонков. Ты не единственный, кого нужно успокоить, но Майк сказал позвонить тебе первому.

— Э-э... ладно.

— Никто не пострадал, даже ни крошечного ожога. Материальный ущерб на пару миллионов, страховки нет, но это ерунда. Здание уже буквально задыхалось от человеческих эмоций, и Майк все равно собирался его оставить. Конечно же, оно считалось пожароустойчивым, но ведь поджечь можно что угодно, было бы достаточно бензина и динамита.

— Поджог, значит?

— Джубал, я же просил... Полиция арестовала восемь человек — все, что они сумели отловить из нашего Девятого Круга,

ордера без указаний фамилий, по большей части. Майк за пару часов организовал освобождение под залог всех, кроме себя самого. Так что он сейчас в каталажке.

— Я еду.

— Спокойно, спокойно. Майк говорит, чтобы ты приезжал, если хочешь, но необходимости в этом нет. Я того же мнения. Последние дни мы отменили все службы из-за арестов, поэтому на момент пожара Храм был пустой — ну, кроме Гнезда. Те из нас, кто сейчас в городе, — кроме, конечно же, Майка — находились во Внутреннем Храме, разделяли Воду в его честь, а тут вдруг взрыв и огонь. Тогда мы перешли в запасное Гнездо.

— Судя по картинкам, большая удача, что вы вообще сумели оттуда выбраться.

— Мы были полностью отрезаны. Понимаешь, Джубал, мы же все погибли...

— *Что?!*

— Мы все числимся погибшими или пропавшими без вести. Дело в том, что с начала этого холокоста никто не покидал здания... ни одним из известных выходов.

— М-м-м... «нора священника»?

— У Майка есть для таких дел свои способы, но я не стану обсуждать их по телефону.

— Так ты говоришь, он был тогда в тюрьме?

— Был и остается.

— Но как же тогда...

— Ладно, хватит. Если ты приедешь, не ходи к Храму. Ему полный капут. Наша лавочка накрылась. В городе нам оставаться нельзя. Считай, нас прихлопнули. Я не скажу тебе, где мы сейчас находимся... и звоню я совсем из другого места. Если ты приедешь — я не вижу в этом никакого смысла, ты все равно ничего тут не сделаешь, — но если ты все-таки приедешь, ни о чем не беспокойся, мы тебя найдем. Вот, пока что все. До свидания, Энн, Доркас, Ларри — ну и ты, конечно же, Джубал, и Эбби. Делитесь водой. Ты еси Бог. — Бен исчез с экрана.

Джубал цветисто выругался.

— Ведь знал же я, что тем оно и кончится, знал! Религия — это вам не игрушки! Доркас, вызови такси. Энн — нет, ты сперва докорми ребенка. Ларри, собери мои вещи. Энн, я возьму почти все наличные, а завтра Ларри получит еще.

— Начальник, — возмутился Ларри, — мы же *все* едем.

— Само собой, — безапелляционно поддержала его Энн.

— Энн, возьми полтоном ниже. И вообще рот закрой. А ты, Доркас, стихни. В такие моменты женщины теряют право голоса. Сейчас этот город — передовая, там может случиться все что угодно. Ларри, ты останешься здесь защищать двух женщин и ребенка. Насчет банка забудь, деньги вам ни к чему, потому что никто из вас и носа отсюда не высунет до моего возвращения. Кто-то начал игру без правил, а связь между этим домом и Майковой церковью лежит на поверхности, так что грубая игра вполне может перекинуться и сюда. Ларри, полное освещение территории всю ночь, ограду под напряжение, и стреляй не задумываясь. При малейшей опасности всех сразу в убежище, кровать Эбби перетащи туда заранее, прямо сейчас. Беги, действуй, а мне еще надо переодеться.

Все занялись делами. Одиночество Джубала длилось не очень долго; через полчаса Ларри распахнул дверь и крикнул:

— Начальник! Такси садится.

— Сейчас, — откликнулся Джубал и снова повернулся к «Упавшей кариатиде», в его глазах стояли слезы. — Ты старалась, малышка? Но камень был слишком тяжелый... неподъемно тяжелый, для чьих угодно плеч.

Он ласково коснулся руки статуи и вышел.

35

Поездка не задалась. Вот и верь после этого технике — роботакси обнаружило в своих внутренностях некую неполадку и полетело ремонтироваться, в результате чего Джубал оказался в Нью-Йорке, еще дальше от цели, чем прежде. Лететь пришлось обычным коммерческим рейсом — чартерный нужно

было ждать, так что получалось еще дольше. Он провел несколько часов в обществе незнакомых людей (внутренне содрогаясь), до тошноты посмотрелся телевизора (содрогаясь еще больше) и добрался до места много позже, чем рассчитывал.

В одной из телевизионных передач Верховный епископ Шорт объявлял священную войну антихристу, то бишь Майку. Затем показали снимки дотла разрушенного здания; Джубал решительно не понимал, как Бен и его компания могли уйти оттуда живыми. Огастус Грейвз, торжественным тоном закаленного липпмана, выражал глубокую озабоченность — отмечая при этом, что в соседских ссорах причиной бывает, как правило, нетерпимое поведение одной из сторон; из его дальнейших разглагольствований становилось более-менее ясно, что в данном случае он возлагает основную вину на так называемого Человека с Марса.

Но все это осталось позади, а теперь Джубал стоял под палящим солнцем на муниципальной посадочной площадке, изнывал от жары в не по сезону теплой одежде, смотрел на пальмы, похожие издали на третьесортные метелки из перьев, какими смахивают пыль с мебели, и на море за ними, мрачно размышляя, какая же все-таки это гадость, что такую огромную массу воды превратили в помойку, в густой настой человеческих экскрементов, приправленный грейпфрутовыми корками, — и абсолютно не знал, что же делать дальше.

— Такси, сэр? — обратился к нему человек в форменной фуражке.

— Э-э... да.

В конце концов, никто не мешал ему остановиться в отеле, дать местным журналистам интервью и тем самым обнародовать свое местонахождение.

— Сюда, сэр. — Таксист отвел его в сторонку, усадил в потрепанную желтую машину и негромко сказал: — Я предлагаю тебе воду.

— Э? Да не мучает тебя жажда.

— Ты еси Бог. — Таксист закрыл за Джубалом дверь и сел в свою кабину.

Машина опустилась не на основную посадочную площадку приморской гостиницы, а на маленькую частную, располагавшуюся на крыше другого крыла огромного здания. Водитель установил на автопилоте программу самостоятельного вождения в ангар и взял с заднего сиденья Джубалову сумку.

— Снизу тут не пройдешь, — объяснил он, — только сверху, потому что фойе нашего этажа кишит разъяренными кобрами. Если тебе потребуется выйти на улицу, обязательно запасись провожатым. Обращайся хоть ко мне, хоть к кому. Меня зовут Тим.

— А я — Джубал Харшоу.

— Я знаю тебя, брат Джубал. Сюда. Осторожно, не споткнись.

Они вошли в большой, царственно роскошный номер; Тим проводил Джубала в одну из спален, сказал: «Это будет твоя», поставил сумку на пол и удалился. Джубал обнаружил на прикроватном столике графин воды, миску со льдом и бутылку своего любимого бренди. Он налил себе бренди с исчезающе малым количеством воды, бросил в стакан пару кубиков льда, отпил, облегченно вздохнул и снял наконец свою зимнюю куртку.

В комнату без стука вошла женщина с подносом бутербродов — горничная, как решил Джубал, потому что ее длинное, с глухим воротом платье резко отличалось от предельно откровенных купальников и саронгов, которыми обитательницы этого курорта не столько скрывали, сколько подчеркивали свои прелести. Женщина улыбнулась и сказала: «Испей глубоко и никогда не жаждай, брат Джубал». Затем она прошла в ванную, открыла краны, вернулась в спальню и спросила:

— Тебе что-нибудь еще нужно?

— Мне? Да нет, все в порядке. А где Бен Какстон? Где-нибудь рядом?

— Да. Он сказал, что ты захочешь сперва вымыться и отдохнуть. Если тебе что-нибудь потребуется, только скажи. Проси кого угодно. Или позови меня. Я Пэтти.

— О! Полная иконография архангела Фостера!

Пэтти улыбнулась; ямочки на щеках мгновенно превратили тридцатилетнюю (как оценил ее возраст Джубал) даму в юную девушку.

— Да.

— Мне бы очень хотелось взглянуть, я давно интересуюсь религиозным искусством.

— Сейчас? Нет, я гроаю, сейчас тебе нужно помыться. Но может, ты хочешь, чтобы я тебе помогла?

Джубал вспомнил, что татуированная японка, давняя его знакомая, в юности работала банщицей и не раз предлагала ему то же самое. Но сейчас он хотел просто смыть с себя вонючую грязь и переодеться в летнее.

— Нет, Пэтти, спасибо. Но я хотел бы посмотреть на них потом, когда тебе будет удобно.

— В любой момент, а спешить нам некуда. — Она вышла из комнаты неспешно, но очень быстро.

Джубал не стал долго разнеживаться в теплой, приятной воде; минут через двадцать он уже перебирал содержимое собранной Ларри сумки и чертыхался, что там нет такой необходимой вещи, как летние брюки; в конце концов ему пришлось удовлетвориться сандалиями, шортами и цветастой рубашкой. Этот наряд выставил на всеобщее обозрение его тощие, густо поросшие волосом ноги и придал ему разительное сходство с заляпанным краской эму, однако Джубал уже несколько десятков лет как перестал волноваться о своей внешности. Ничего, сойдет, если только не придется выйти на улицу... или выступать в суде. Кстати сказать, а имеет ли здешняя коллегия адвокатов соглашение о взаимном признании лицензий с пенсильванской? Он точно не помнил, но всегда можно было пригласить местного адвоката.

Немного поплутав по необъятным просторам номера, он нашел большую, до странности безликую (как то и бывает в отелях любой части света) гостиную. Несколько людей сидели, напряженно уставившись в экран огромного телевизора. Один из телезрителей поднял голову, сказал: «Привет, Джубал» и встал ему навстречу.

— Привет, Бен. Как там дела? Где Майк, еще в тюрьме?

— Да нет, что ты! Он вышел вскоре после нашего разговора.

— Значит, освободили под залог? А что, предварительное слушание уже назначено?

— Все не так, как ты думаешь, — улыбнулся Бен. — Майка никто не отпускал, он сам смылся.

— А вот это уже глупость, — возмутился Джубал. — Теперь это дело будет в десять раз труднее.

— Джубал, я же говорил, чтобы ты не беспокоился. Все мы, остальные, считаемся мертвыми, — а Майк исчез, так что судить им некого. Мы покончили с этим городом и скоро переберемся в какое-нибудь другое место.

— Там его арестуют и экстрадируют сюда.

— Не бойся, ничего они такого не сделают.

— Ну-у... А где он, собственно? Я хотел бы с ним поговорить.

— Майк тоже здесь, неподалеку, но он погрузился в глубокую медитацию. Он просил передать тебе, чтобы ты не предпринимал никаких действий. Если тебе очень уж нужно поговорить, Джилл вызовет его из медитации, но лучше не надо. Спешить некуда.

Джубал, поразмыслив, сообразил, что ему не терпелось поговорить с этим паршивцем серьезно лишь затем, чтобы выдать ему по первое число, ведь это каким надо быть дураком, чтобы вляпаться в такую историю, но беспокоить медитирующего Майка было все равно что будить впавшего в зимнюю спячку медведя — если мальчонка уже «грокнул во всей полноте» какой-то там свой вопрос, он и так выйдет из транса, а если чего-нибудь недогрокал — отключится снова при первой же возможности. Джубал знал по себе, как это неприятно, когда ты, скажем, диктуешь секретарше рассказ, а тебя вдруг отвлекают, хотя, конечно же, это совсем разные вещи.

— Ладно. Но я хочу повидать его, как только очухается.

— Еще посмотришься. А пока расслабься и отдохни с дороги. — Бен направил Джубала к группе, окружавшей телевизор.

— Привет, начальник, — сказала Энн. — Садись.

— А могу я полюбопытствовать, — проворчал Джубал, устраиваясь рядом с ней, — какого черта *ты* здесь делаешь?

— То же, что и ты, — ничего. В ящик пялюсь. Джубал, кончай, пожалуйста, тиранствовать. Мы имеем точно такое же право находиться здесь, что и ты, просто ты был тогда в таком миноре, что не хотелось с тобою спорить. Так что стихни и послушай, что про нас говорят. Поздно ты подошел, а то тут шериф обещал выгнать всех этих шлюх — это нас, значит, — из города. Меня, — улыбнулась Энн, — никогда еще не выгоняли из города. Интересно, как это сейчас делается? Обваливают в смоле и перьях и выносят за городскую черту верхом на жерди, как в старые добрые времена? Или мне придется сматывать отсюда своим ходом?

— Я не думаю, чтобы для этой процедуры имелся твердо установленный протокол. Вы что, все сюда приехали?

— Да, но только ты не дергайся. За домом присматривает Джек Макклинток. Я и Ларри, мы еще год назад договорились с сыновьями Макклинтока — на всякий пожарный случай. Они знают, как работает наш бойлер, где какие выключатели и все такое, так что беспокоиться не о чем.

— Х-м-м! Мне начинает казаться, что я уже не хозяин там, а жилец.

— Так оно и есть. Ты же сам хотел, чтобы мы поменьше тебя беспокоили. И очень жаль, что ты полетел без нас. Мы давно уже здесь, а тебя все нет и нет. Неполадки были?

— Были. Брр, вспоминать не хочется. Вот клянусь, это последняя в моей жизни поездка, вернусь домой и больше отсюда ни на шаг... а телефон оторву и выкину... а говорилку эту вообще разнесу кувалдой.

— Кто бы спорил, начальник.

— На этот раз я вполне серьезно. — Джубал с отвращением взглянул на огромный экран. — Да кончится у них когда-нибудь эта реклама? А где моя крестница? Только не говори, что ты оставила ее на попечение этих придурочных мак-клинчат.

— Еще чего. Она здесь. И даже, слава богу, обеспечена нянькой.

— Я хочу на нее взглянуть.

— С такими вопросами обращаться к Пэтти. Меня эта девица извела окончательно, она же всю дорогу сюда не давала мне ни секунды покоя. Пэтти, милая! Джубал желает полюбоваться на Эбби.

Татуированная леди, единственная из всех присутствующих занятая какими-то делами, прервала на полуслове свой стремительный, неспешный бросок через комнату.

— Ну конечно, Джубал. Я ничем не занята. Пошли.

— Я пристроила девчонок в своей комнате, — объяснила Пэтти едва поспевавшему за ней Джубалу, — там за ними Пышечка присматривает.

Джубал пропустил эти слова мимо ушей — и был несколько ошарашен, когда понял их смысл. Удавиха была уложена на кровати по квадрату, в два ряда, причем часть ее туловища пересекала квадрат по диагонали; каждое из двух треугольных гнезд было застлано теплой пеленкой, в каждом из них лежало по ребенку.

При появлении людей чешуйчатая нянька заинтересованно подняла голову; Пэтти ласково похлопала ее по загривку и сказала:

— Все в порядке, милая. Папочка Джубал просто хочет на них посмотреть. Приласкай ее немного, пусть она тебя грокнет, чтобы узнала в следующий раз.

Джубал пощекотал Эбби под подбородком, а когда та радостно загукала и начала сучить ножками, переключил свое внимание на змею. Это была великолепнейшая представительница семейства ложноногих, он никогда бы не подумал, что в неволе встречаются такие огромные экземпляры. И раскраска тоже изумительная — резко обозначенные поперечные полосы, хвост, как и полагается, более яркий, чем туловище, верное первое место на конкурсе змеиной красоты. Джубал искренне позавидовал Пэтти и пожалел, что у него слишком мало времени, чтобы сойтись с Пышечкой поближе.

Огромная змея потерлась головой о его руку; казалось, еще секунда, и она замурлыкает, как сытая, умиротворенная кошка.

— Пышечка! — воскликнула Пэтти, подхватывая на руки Эбби, — почему ты мне не сказала? Она сразу говорит мне, если кто-нибудь из них запутывается в пеленках или еще что в этом роде, сама-то она ничего сделать не может, только за-талкивает их назад, если пытаются вылезти наружу. Но Пышечка никак не грокает, что мокрого ребенка нужно перепеленать, мокрый себе и мокрый, она не видит в этом ничего плохого. И Эбби тоже.

— Я знаю, мы называли ее мокрицей. А вторая красавица, это чья?

— Это Фатима Мишель.

— Так и эти тоже здесь? Я думал, они в Бейруте!

— Ну да, они прилетели из какой-то иностранной страны, не помню откуда. Мириам говорила мне название, но для меня это пустой звук, я же нигде никогда не бывала. Я грокаю, что все места одинаковые, вся разница в людях. Хочешь подержать Абигейл Зенобию, пока я проверю Фатиму?

Джубал взял Эбби, заверил ее, что она самая прекрасная девушка в мире, а затем заверил в том же самом и Фатиму. И оба раза ничуть не кривил душой, и обе девочки ему поверили — Джубал говорил эти слова бесчисленное число раз (начал он еще при президенте Гардинге) и ни разу не кривил душой, и каждый раз ему верили, поскольку эта Высшая Истина не подчиняется обычной логике.

Он ушел с неохотой и сожалением, приласкав напоследок Пышечку и сказав ей, что и она — самая прекрасная.

И чуть ли не в дверях столкнулся с Мириам.

— Начальничек! — Она расцеловала его в обе щеки и фамильярно похлопала по животу. — Голодом они тебя не морят, это уж точно.

— В общем-то, да. Я тут лизался с твоей дочкой. Чистый ангелочек, да и только.

— Симпатичная девочка? Мы думаем отвезти ее в Рио и продать.

— А разве в Йемене цены не лучше?

— Стинки говорит, что нет. И продавать надо обязательно, чтобы освободить место. Чувствуешь? — Она приложила ладонь Джубала к своему животу. — Мы со Стинки делаем мальчика, так что нам не до девиц.

— Мириам. — Пэтти укоризненно покачала головой. — Ну разве можно так говорить?

— Извини, Пэтти, про твоего ребенка я так не буду. Тетушка Пэтти у нас взыскательная леди, а я — нет, и она это грокает.

— И я это грокаю, хулиганка паршивая. Но если Фатима у тебя продажная, я дам за нее вдвое больше любого другого покупателя.

— Поговори на этот счет с тетей Пэтти, это она тут командует, а я так, иногда забегаю.

— И у тебя совсем нет живота, так что, как знать, может, она и самой тебе понадобится. Впрочем, дай-ка я взгляну на глаза. М-м-м... да, возможно.

— Точно. Майк грокнул это подробнейшим образом и сказал Стинки, что тот сделал мальчика.

— Да как же он сумел? Я и сам-то не вполне уверен, что ты беременная.

— Да точно, Джубал, — вмешалась Патриция, — беременнее не бывает.

Джубал и верил им, и не верил.

— Все еще сомневаешься? — спросила Мириам. — А зря. Майк грокнул это, еще когда мы были в Бейруте, до того, как у нас со Стинки появились подозрения. Грокнул и позволил нам. Тогда Стинки потребовал от университета годичный отпуск для научной работы, или пусть нас сразу увольняют. И привез меня сюда.

— И что вы тут делаете?

— Работаем. У тебя, начальник, мы не слишком перенапрягались, а мой супруг, он же чистый надсмотрщик с хлопковой плантации, только бича не хватает.

— Так что же вы все-таки делаете?

— Они пишут марсианский словарь, — сказала Пэтти.

— Марсианско-английский? Тяжелое занятие.

— Да что ты говоришь? — возмутилась Мириам. — Такое и представить себе невозможно. Толковый словарь марсианского на марсианском. У марсиан никогда не было словарей, им это не нужно. Моя работа тут чисто техническая, они составляют, а я печатаю. Майк и Стинки — по большей части Стинки — разработали фонетический алфавит марсианского языка, из восьмидесяти одного знака. Мы взяли айбизмовскую пишущую машинку и отдали ее в переделку, использовали оба регистра, и верхний, и нижний. Прости, начальник, но секретарша из меня теперь никакая, я научилась вслепую печатать на марсианском, а на английском — разучилась. Ты не разлюбишь меня такую? Ты крикнешь: «К ноге!» — а я и сделать-то ничего не смогу. Правда, я все еще умею готовить... ну и, говорят, у меня есть и другие таланты.

— Я буду диктовать по-марсиански.

— Будешь, обязательно будешь, когда Майк и Стинки хорошенько над тобой поработают. Верно, Пэтти?

— Ты говоришь правильно, брат.

Они вернулись в гостиную, и не успел Джубал сесть, как к нему подошел Какстон с предложением поговорить в каком-нибудь спокойном месте, подальше от проклятого ящика. Спокойным местом оказалась гостиная, вроде предыдущей, но совершенно пустая.

— Похоже, вы оккупируете большую часть этажа, — заметил Джубал.

— Весь этаж, — поправил его Бен. — Четыре номера — генеральносекретарский, президентский, королевский и личный хозяина, соединенные вместе и не имеющие другого входа, кроме той посадочной площадки... можно еще через фойе, но там не совсем безопасно. Тебя предупредили?

— Да.

— Сейчас-то нам не надо особенно много места, но позже потребуется. Люди понемногу подходят.

— Бен, но как же вас никто не засечет? Гостиничный персонал должен был сто раз уже проболтаться.

— Персонал сюда не заходит. Дело в том, что эта гостиница принадлежит Майку.

— На мой взгляд, это еще хуже.

— Нет — если только наш бесстрашный шеф полиции не завербовал мистера Дугласа себе в стукачи. Майк купил гостиницу через цепочку из четырех фиктивных фирм, — а Дуглас никогда не начинает выяснять, почему это Майк приказал сделать то или это. Ко мне Дуглас притерпелся после того, как Оз Килгаллен стал писать мою колонку, но обязанности управляющего слагать не собирается, поэтому делает все, что велит Майк. Гостиница — великолепное вложение капитала, окупается на ура, а формальным владельцем является один из наших тайных братьев, достигший уже Девятого Круга. Хозяин сказал, что на время оставляет весь этот этаж в своем распоряжении, а управляющий не спрашивает, что за гости и почему, потому что дорожит своей работой. Майк ему платит роскошное жалованье. Так что мы отсидимся здесь в полной безопасности — пока Майк не грохнет, куда нам двигаться дальше.

— Ох, сдается мне, что Майк предвидел такую необходимость.

— Само собой. Две недели назад Майк разогнал все гнездо птенцов — кроме Мириам с ее дочкой, она ему нужна. А всех остальных детных родителей он разослал по городам, где планируется открыть новые храмы, так что, когда пришлось спешно сматываться, нас оставалось там чуть больше десятка. Пустое дело.

— Но вы же едва спаслись! И наверняка в чем были, без единой вещички. Гнездо же все выгорело дотла...

— Да нет, все важное мы вынесли заранее. Марсианские пленки, с которыми работает Стинки, хитрую машинку, на которой печатает Мириам, — да даже твой жуткий портрет. Ну а в последний момент Майк прихватил кое-что из одежды и деньги.

— Как это — Майк? — удивился Джубал. — Ты же все время говорил, что он сидит в тюрьме.

— Его тело лежало в тюрьме, свернутое клубком, ну, ты знаешь, как он это делает. А сам он был с нами. Ты понимаешь?

— Что-то я не очень грокаю.

— Рапорт. Майк находился в голове Джилл — по большей части, но мы все были тесно связаны. Джубал, я не могу тут ничего объяснить; чтобы понять, надо это *делать*. Когда грохнуло, он переместил нас сюда. А потом вернулся и подобрал всякую мелочь.

Джубал недоуменно потряс головой.

— Телепортация, что же еще, — нетерпеливо пояснил Какстон. — Ну неужели так трудно грокнуть? Ты же сам говорил, чтобы я отбросил предубеждения и если вижу чудо — верил, что это чудо. Вот так я и сделал. Только это совсем не чудеса — не большие чудеса, чем, скажем, радио. Вот ты — ты грокаешь радио? А стереовидение? А электронные компьютеры?

— Я? Нет.

— Вот и я нет. Я электронике и электротехнике не обучен. Но я могу их грокнуть, если не пожалею времени и трудов на изучение языка электроники, в нем ведь нет ничего чудесного, он просто сложный. Когда выучишь язык, телепортация оказывается совсем простой, а вот язык — он действительно сложный.

— Бен, а ты можешь сам телепортировать вещи?

— Я? В детском саду этому не учат. Я дьякон, но это так, в знак почтения, ведь я из Первозванных. Вообще-то, мое развитие где-то на уровне Четвертого Круга, я только начинаю управлять своим собственным телом. Из нас одна только Пэтти использует телепортацию достаточно регулярно, да и то при поддержке Майка. Майк говорит, что она и сама прекрасно бы справилась, но Пэтти напрочь не понимает своей гениальности, она застенчивая и наивная и чувствует себя полностью зависящей от Майка. Хотя уж ей-то это совсем ни к чему. Джубал, я вот как грокаю: мы совершенно не нуждаемся в Майке. Ты не подумай, я его не критикую. Человеком с Марса мог бы быть кто угодно, ну хоть ты. Или я. Майк, он как первый человек, открывший огонь. Огонь существовал все время, и потом,

после его уроков, пользоваться огнем смог каждый — каждый, у кого хватало здравого смысла, чтобы не обжечься и не спалить все вокруг. Ты понимаешь?

— Я частично грокаю.

— Майк наш Прометей — но не более. Прометей богом не был. Майк сам все время это подчеркивает. Ты еси Бог, я есмь Бог, он есть Бог — Бог все, что грокает. Майк — человек, как и все мы, просто он знает больше. Человек прекрасный, тут уж спорить не приходится. Имея в своем распоряжении все эти марсианские познания, человек поплоше мог бы выставить себя таким грошовым божком. Майк выше подобных искуплений. Он Прометей — но и только.

— Добрые дела не остаются безнаказанными, — вздохнул Джубал. — Прометей принес людям огонь — и заплатил за это очень дорого.

— Майк тоже. Его плата — непомерный, изнурительный труд. Чтобы научить нас играть со спичками, не обжигая пальчики, он работает двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. Как-то раз — задолго до того, как я сюда переехал, — Джилл и Пэтти взяли с Майка обещание, что он будет отдыхать хотя бы одну ночь в неделю. И знаешь, что из этого получилось? — улыбнулся Какстон. — Тут ведь на каждом углу игорные заведения, все больше жульнические, потому что этот бизнес запрещен законами штата. Так вот, Майк все свои свободные ночи играл в этих притонах в заряженные игры — и выигрывал. Десять, двадцать, тридцать тысяч долларов за ночь. Его пытались вышвырнуть, его пытались избить, его пытались убить, его травили снотворным — и он раз за разом подтверждал свою репутацию самого удачливого человека в городе, что привлекало в наш Храм еще больше любопытствующих. Его перестали подпускать к игре — что тоже оказалось ошибкой. Заряженные колоды слипались намертво, рулеточные колеса не крутились, на костях раз за разом выпадали две шестерки. В конце концов хозяева бизнеса сдались — договорились, чтобы он, как обчистит одно заведение на несколько тысяч, кончал игру и перебирался в другое. А Майк

бы и сразу на такое согласился, нужно было только попросить вежливо. А в результате, — добавил Бен, — количество наших врагов увеличилось. К фостеритам и прочим церквям добавились игорный синдикат и городские власти. Мне кажется, что в уничтожении Храма участвовали профессионалы — фостеритские громилы работают куда топорнее.

Тем временем в гостинной появились люди; они входили, выходили, сбивались в небольшие группы, негромко разговаривали. Джубал ощущал в них что-то совершенно необычное, некую напряженную расслабленность, неторопливую стремительность. Никто не проявлял возбуждения, никто не спешил, и в то же самое время ни одно действие этих людей не казалось бесцельным, случайным — даже такие очевидным образом спонтанные жесты, как приветствия и поцелуи при встрече. Они словно исполняли поставленный хорошим хореографом, хорошо отрепетированный балет.

Спокойствие и нарастающее напряжение — нет, не «напряжение», а скорее уж предвкушение чего-то — напоминали Джубалу что-то знакомое, но что? Хирургическую операцию, где вся бригада работает четко и слаженно, без шума и лишних движений? Похоже, но не совсем то.

И вдруг он вспомнил. Много лет назад, когда люди делали свои первые шаги в космосе при помощи ракет на химическом топливе, ему довелось однажды наблюдать в бункере управления предпусковой обратный отсчет. Все было точно так же, как сейчас, — те же негромкие голоса, те же разнообразные, но четко скоординированные действия, то же нарастающее, ликующее предвкушение. «Ждание полноты» — вот что чувствовалось в этих людях, но полноты чего? Почему они такие веселые и довольные? Храм, ставший им ближе родного дома, разрушен, а они не впали в уныние, они похожи на детей в канун Рождества.

Джубал успел уже отметить про себя, что во временном Гнезде вроде бы и не практикуется нагота, о которой так много говорил ему Бен, когда же среди заполнивших гостиную людей стали появляться и нагие, он заметил это далеко не сразу,

потому что втянулся в этот необычно сплоченный семейный настрой.

Он обратил внимание на водопад черных роскошных волос, рассыпавшихся по спине невысокой молодой женщины; женщина вошла в гостиную, послала Бену воздушный поцелуй, внимательно посмотрела на Джубала и удалилась. Джубал проводил ее глазами и лишь секунду спустя осознал, что, кроме волос, на ней не было никакой одежды — и что в гостиной есть немало братьев, «одетых» подобным образом.

— Это Рут, — объяснил Бен. — Новая Верховная жрица. Они с мужем только что вернулись с другого побережья, не иначе как готовили местный храм. Хорошо, что они вернулись; скоро вся семья будет в сборе, как на традиционное Рождество.

— Прекрасные волосы. Жаль, что она так быстро ушла.

— А что ж ты ее не подозвал?

— А?

— Я уверен, что Рут заскочила сюда специально, чтобы посмотреть на тебя, — сразу по возвращении, ведь полчаса назад их здесь еще не было. Ты заметил, кстати, что никто не пытается с нами разговаривать и вообще даже близко не подходит.

— Да, пожалуй да.

Джубал заранее содрогался от перспективы чрезмерно близких контактов со множеством незнакомых людей — и быстро убедился в напрасности своих страхов; Майковы последователи вели себя корректно, дружелюбно, но никак не фамильярно.

— Они в восторге, что ты к нам приехал, и были бы очень рады познакомиться с тобой поближе, но не решаются. Они перед тобой благоговеют.

— Передо мной?

— Да я же тебе еще тогда говорил. Ты для них фигура мифическая, не совсем реальная — и огромная. Майк сказал им, что ты — единственный из людей, кто способен «грокать» во всей полноте», не зная марсианского языка. Многие из них подозревают, что ты читаешь мысли не хуже Майка.

— Что за чушь! Надеюсь, ты вывел их из этого заблуждения.

— Кто я такой, чтобы уничтожать миф? И какими доводами? Ведь если бы ты умел читать мысли, ты бы никогда в этом не признался. Они относятся к тебе с некоторым страхом: ты завтракаешь запеченными в тесте младенцами, твой рык сотрясает землю и небо. Каждый из них с восторгом бросится к тебе по малейшему твоему знаку, но сами они ни за что не решатся навязывать тебе свою близость. Они знают, что сам Майк слушает твои речения, вытянувшись по стойке «смирно».

На этот раз речения Джубала состояли из одного, но очень экспрессивного — и не очень пристойного — слова.

— Ну да, конечно, — согласился Бен, — у Майка есть определенные слабости, ведь он же, в конце концов, человек. Но ты стал их святым покровителем и никуда уже от этого не отвертишься, даже и не надейся.

— Ну, это мы еще... А вот и знакомые! Джилл! Джилл! Хоть повернулась бы!

Женщина неуверенно повернулась.

— Я не Джилл, а Дон. Большое вам спасибо. — Дон подошла к Джубалу, опустила на одно колено и поцеловала ему руку. — Отец Джубал... — Ее голос подрагивал от волнения. — Мы приветствуем тебя и причащаемся твоей близости.

Джубал испуганно отдернул руку:

— Бога ради, девочка! Вставай и присядь с нами. Раздели воду.

— Да, отец Джубал.

— Э? Называй меня просто Джубал. И скажи народу, чтобы не сторонились меня, как прокаженного. Ведь я же в лоне своей семьи — смею надеяться.

— Ты... Джубал.

— И я хочу, чтобы меня называли Джубалом и принимали как брата по воде — ни больше и ни меньше. Первый же, кто выкажет ко мне почтение, останется после уроков в классе. Прокаешь?

— Да, Джубал, — кивнула Дон. — Я им сказала.

— Э?

— Дон имеет в виду, — объяснил Бен, — что она сказала Пэтти — наверное, Пэтти, — а та пересказала это всем, кто обладает внутренним слухом, а они передают, обычным уже способом, сообщение глуховатым, вроде меня.

— Да, — подтвердила Дон, — только я сказала не Пэтти, а Джилл, Пэтти куда-то ушла, ее Майк послал. Джубал, ты смотрел стерео? Здорово это было.

— А? Нет.

— Ты это про взлом тюрьмы?

— Да, Бен.

— Мы еще это не обсуждали, а Джубал не любит стереовизора. Джубал, Майк ведь не просто вырвался оттуда и пошел домой, он настраивал им чудес по полной программе. Понимаешь, его арестовали по обвинению во всевозможных грехах, чуть ли не за изнасилование Статуи Свободы, а Шорт в тот же день объявил его антихристом. Вот Майк, уходя из окружной тюрьмы, и уничтожил там все до последней решетки и двери, а потом проделал то же самое с расположенной неподалеку тюрьмой штата — и разоружил всех полицейских. Частично, чтобы занять их неотложными делами, а частично потому, что ему очень не нравится, когда людей запирают, по какой бы то ни было причине. Он грокает в этом огромную неправильность.

— Все верно, — кивнул Джубал, — Майк, он очень мягкий. Ему больно видеть, как кого-нибудь держат взаперти. Я с ним согласен.

Бен покачал головой:

— Нет, Джубал, Майк совсем не мягкий, убийство для него в порядке вещей. Но он ультрарадикальный анархист, держать человека под замком — величайшая неправильность. Свобода как право личности и высочайшая ответственность как обязанность. Ты еси Бог.

— Так в чем же тут противоречие? Убийство может быть необходимо, но, удерживая человека в заточении, ты нарушаешь его суверенную свободу — и свою собственную.

— Я грокаю, что Майк прав. — Бен посмотрел на Джубала, словно увидел его в первый раз. — Ты действительно грока-

ешь в полноте — на его манер. А вот я не совсем... ладно, я еще учусь. Ну и как они все это восприняли? — повернулся он к Дон.

— Растревоженное осиное гнездо. Мэр буквально брызжет слюной. Он обратился за помощью к властям штата и Федерации и уже ее получает — в город одна за другой прибывают десантно-транспортные машины. Но как только солдаты спускаются по трапу, Майк исчезает их оружие и даже сапоги, а когда машина пустеет, исчезает и ее.

— Я грокаю, — заметил Бен, — он останется в трансе, пока власти не бросят свои глупости. Одновременная работа с таким количеством объектов одновременно требует крайнего напряжения.

— Думаю, ты ошибаешься, — покачала головой Дон. — Мне потребовались бы все силы даже для десятой части этой работы, но я грокаю, что Майка ничуть не затруднило бы шелушить вояк, раскатывая параллельно на одноколесном велосипеде. Стоя на голове.

— М-м-м... раз уж ты говоришь, значит так оно и есть. Я-то что, я еще в песочнице куличики леплю. — Бен встал и потянулся. — Знаешь, лапуля, вы тут все такие великие чудотворцы, что меня иногда мутить от вас начинается. Пойду-ка я посмотрю ящик. — Он чмокнул ее в щеку. — А ты тут развлекай дедулю Джубала, он любит маленьких девочек.

Пачка сигарет, лежавшая все это время на журнальном столике, взмыла в воздух, догнала Бена и нырнула ему в карман

— Это ты сделала? — заинтересовался Джубал. — Или Бен?

— Бен. Я сама не курю, только если предложат. А он постоянно забывает свои сигареты, и они гоняются за ним по всему Гнезду.

— Хм-м... ничего себе куличики лепит он в своей песочнице.

— Бен все время приbedняется, а в действительности он растет очень быстро. Он очень святая личность.

— Да уж. Скажи, Дон, ты ведь та самая Дон Ардент, которую я видел у фостеритов, да?

Дон расцвела, словно Джубал дал ей петушка на палочке.

— О! Ты не забыл!

— Конечно. Но ты заметно изменилась. Мне кажется, ты стала еще прекраснее.

— Так оно и есть, — улыбнулась Дон. — Ты принял меня за Джиллиан. Она тоже стала много прекраснее.

— А где эта девочка? Я думал, что сразу ее увижу.

— Она работает. — Дон замолкла, а затем продолжила: — Но я ей сказала, и она сейчас придет. — Она сделала еще одну паузу. — А я должна занять ее место. Если ты позволишь.

— Беги, маленькая.

— Спешить незачем, — сказала она и ушла.

Рядом с Джубалом появился доктор Махмуд.

— Ты мог бы все-таки сообщить о своем приезде, да и познакомить меня с моей крестницей не мешало бы, не препоручая это змеюке.

— Джубал, а подождать ты уж никак не можешь? У тебя что, в заду свербит?

— Когда вы, уважаемый сэр, будете в моем...

На его глаза легли чьи-то ладони; знакомый смеющийся голос спросил:

— Угадай кто?

— Вельзевул?

— Еще раз.

— Леди Макбет?

— Теплее. Третья попытка, или сдавайся.

— Кончай свои штучки, Джиллиан, отпусти меня и садись.

— Хорошо, отец.

— И кончай называть меня «отцом». Так вот, уважаемый сэр, доживите до моего возраста, тогда вы и сами поймете, что в некоторых делах спешка совершенно необходима. Каждый рассвет будет для вас бесценной жемчужиной — а как же иначе, ведь заката может и не последовать. Мир в любой момент может исчезнуть.

— Джубал, — улыбнулся Махмуд, — ты точно уверен, что если у тебя кончится завод, так и весь мир остановится?

— Всенепременно, уважаемый сэр, с моей точки зрения. — Неслышно подошедшая Мириам села рядом с Джубалом и положила его руку себе на плечи. — Я не так уж и рвался посмотреть на твою уродливую образину — и даже на несколько более приемлемое лицо моей бывшей секретарши, но что касается...

— Начальник, — зловеще прошептала Мириам, — а ногой в брюхо ты не хочешь? Я изумительно прекрасна, о чем свидетельствуют высшие авторитеты.

— Стихи. Свежеиспеченные крестницы выступают в другой категории. Из-за вашей лени написать мне открытку я мог так никогда и не увидеть Фатиму Мишель. В каковом случае мой призрак не давал бы вам ни сна, ни покоя.

— В каковом случае, — заметила Мириам, — ты посмотрел бы заодно и на Микки... как она поливает себе голову морковным соком. Мерзейшее зрелище.

— Я выражался метафорически.

— А я реалистически. Она ест как свинья.

— А что тут такого метафорического? — недоуменно спросила Джилл.

— Э? В моем лексиконе «призрак» — не более чем элемент образных речевых оборотов.

— Но ведь это вполне реальная сущность.

— Может быть, может быть. Но я предпочитаю общаться с малолетними девицами в своем нормальном, телесном качестве.

— Ну и общайся в свое удовольствие, — вмешался Махмуд. — А то расхвастался — «я сейчас помру, я сейчас помру». Майк тебя насквозь грокнул. У тебя впереди еще много лет.

— Нет, — покачал головой Джубал, — я давно уже поставил себе пределом трехзначное число.

— Какое такое трехзначное, начальник? — невинно поинтересовалась Мириам. — У Мафусаила тоже было трехзначное.

— А без непристойностей ты не можешь?

— Стинки говорит, что женщина должна быть непристойной и немой.

— Твой муж говорит правильно. Так что заткнись. В тот день, когда на моих часах появятся три цифры, я развоплюсь, хоть в марсианском стиле, хоть каким-либо из грубых дедовских способов. И никто мне не помешает. После матча нужно идти в душевую, это едва ли не лучшая часть игры.

— Я грокаю, ты говоришь верно, — кивнула Джилл. — Насчет лучшей части игры. Но только не рассчитывай, что это будет так уж скоро. Твоя полнота еще не вызрела. На той неделе Алли составила твой гороскоп.

— Гороскоп? Этого еще не хватало! И кто такая Алли? Как она смеет! Покажи мне эту особу! Ей-же-ей, я сдам ее БЧБ.

— Боюсь, не сможешь, — заметил Махмуд, — потому что она участвует в работе над нашим словарем. А что касается «кто такая», это мадам Александра Везант.

— Бекки? — восхитился Джубал. — Так она тоже здесь, в этой психушке?

— Да, Бекки. Мы зовем ее Алли потому, что у нас уже была другая Бекки. И ты не так уж смейся над ее гороскопами, она обладает Прозрением.

— Придумай чего посмешнее. Астрология — чушь собачья, ты и сам прекрасно это знаешь.

— Кто бы спорил. Алли тоже это знает. А большинство астрологов — бездарные жулики. И все равно Алли занимается астрологией с еще большим, чем прежде, рвением, на основе марсианской арифметики и марсианской астрономии — она куда полнее нашей. Это ее приспособа для гроканья. Она могла бы выбрать и что-либо другое — кофейную гущу, или хрустальный шар, или куриные потроха — вспомогательные средства могут быть любыми. Но Майк посоветовал Бекки работать с привычными ей символами. Главное же то, что у нее есть Прозрение.

— Ты о чем, Стинки? Что это за хрень такая — Прозрение?

— Способность грокать бóльшую часть Вселенной, чем кусочек, непосредственно тебя окружающий. Майк получил ее у марсиан, в процессе многолетнего обучения. Алли — талантливая самоучка, а то, что она использовала в работе бессмысленную астрологическую символику, не имеет ровно никакого

значения. Четки тоже лишены всякого смысла — *мусульманские* четки, конкурентов я не трогаю. — Махмуд достал четки и начал их перебирать. — Если надетая задом наперед шляпа помогает тебе играть в покер, значит помогает, и кому какая разница, что твоя шляпа не обладает волшебными свойствами и прокать не способна?

Джубал взглянул на исламское приспособление и осторожно спросил:

— Так ты что, все еще правоверный? Я-то думал, ты вступил в Майкову церковь.

— И то и другое, — улыбнулся Махмуд, опуская четки в карман.

— Чего? Стинки, они же несовместимы. Или я не грокаю.

— Только при поверхностном рассмотрении; можно считать, что Мириам приняла мою веру, а я — ее. Мы объединились. Я все еще раб Божий, во всем покорный Его воле, — и это не мешает мне говорить: «Ты еси Бог, аз есмь Бог, все, что грокает, есть Бог». Пророк никогда не утверждал, что Он — последний из пророков или что Он сказал все, что можно сказать, — это фанатики начали утверждать, после смерти пророка. Покорность воле Божией не превращает человека в робота, неспособного выбирать, а значит, и грешить. И в Коране этого не сказано. Покорность может включать — и действительно включает — высочайшую ответственность за то, как я и каждый из нас формирует Вселенную. Мы можем превратить ее в райский сад — или разрушить и разграбить. Не я сказал, — улыбнулся Махмуд, — но я повторю: «Богу же все возможно» — за исключением одного невозможного. Бог не может покинуть Себя. Он не может отречься от Своей ответственности за все — Он не может не покоряться Своей собственной воле. Ислам пребудет — Он не может свалить ответственность на кого-либо другого. Она на Нем — на мне — на тебе — на Майке.

— Стинки, — вздохнул Джубал, — теология всегда вгоняла меня в тоску. Где Бекки? Пусть ненадолго бросит свой словарь и бежит сюда. Я не встречался с ней двадцать с чем-то лет, это жуть как долго.

— Увидишь ее, увидишь. Но сейчас она не может оторваться от работы, она диктует. Позволь я тебе объясню, как все происходит. До последнего времени я ежедневно входил в раппорт с Майком — на несколько секунд, хотя казалось, что это полноценная рабочая смена. Затем я сразу же надиктовывал все, что он в меня впихнул, на магнитофон. Другие люди, обученные марсианской фонетике, делали рукописную транскрипцию моих пленок, затем Мириам перепечатывала их записи на специальной пишущей машинке, а кто-нибудь из нас с Майком — лучше Майк, но у него трудно со временем — правил машинопись от руки.

Но теперь, когда весь наш график нарушился, Майк собирается отослать меня и Мириам в какую-то Шангри-ла, чтобы мы там кончали словарь, вернее говоря, он грокнул, что вскоре мы грокнем такую необходимость. Поэтому Майк надиктовывает на пленку огромное количество информации, чтобы я потом все это расшифровал и застенографировал марсианским фонетическим шрифтом, который могут читать специально обученные люди. А еще у нас масса кассет с лекциями Майка на марсианском, их тоже надо будет транскрибировать, когда словарь закончим составлять, — мы в свое время лекции прослушали, с помощью Майка в них разобрались, но их надо будет опубликовать, вместе со словарем.

А теперь, похоже, нам с Мириам скоро придется уехать, потому что Майк решил сменить метод работы. Мы поставили в восемь спален восемь магнитофонов и подключили к работе всех, кому она под силу, — Пэтти, Джилл, меня, Мириам, твою подружку Алли, остальных ты еще не знаешь. С помощью Майка мы входим в транс, затем он закачивает в нас язык — словарь, грамматику, идиомы — за моменты, какие кажутся нам часами; выйдя частично из транса, мы сразу же, по свежим следам, надиктовываем все это на магнитофон. Но для такой работы годятся далеко не все, тут требуется хорошее произношение, способность войти в раппорт, все запомнить и воспроизвести. Сэм, к примеру, подходит по всем статьям, кроме одной: он умудряется, бог уж знает как, говорить по-марсиански

с нью-йоркским акцентом, при транскрипции его пленок получаются бесчисленные ошибки. Вот этим-то и занимается сейчас Алли — диктует. Она пребывает в частичном трансе, необходимом для лучшего вспоминания, и если ее прервать, все, что она не успела еще надиктовать, пропадет.

— Я грокаю, — кивнул Джубал, — хотя мне довольно трудно представить себе Бекки Визи в роли специалистки по марсианскому языку. Правда, Бекки была в свое время великолепной менталисткой, одной из лучших в шоу-бизнесе; она могла выдать лоху такое точное прочтение мыслей, что тот с испугу начинал заикаться и вытряхивал все деньги из карманов. Стинки, если вам нужно для завершения работы мирное, спокойное место, что может быть лучше моего дома? Поезжайте хоть прямо сейчас, в новом крыле сколько угодно свободного места.

— Возможно, мы так и сделаем. Ждание.

— Милый, — загорелась Мириам, — мне бы это очень понравилось — если, конечно, Майк вытолкнет нас из Гнезда.

— В смысле, если мы грокнем необходимость покинуть Гнездо.

— Что одно и то же.

— Ты говоришь правильно, о мать моей дочери. Но когда здесь едят? Я испытываю не по-марсиански настоятельную потребность. В том Гнезде обслуживание было классом выше.

— Ну как можно требовать от Пэтти, чтобы она работала над твоим дурацким словарем, старалась всех поудобнее устроить, была у Майка на побегушках, а заодно и накрывала стол, когда твоя левая нога захочет, о мой повелитель. Джубал, Стинки никогда не дорастет до священнического сана — он раб не столько Господа, сколько своего желудка.

— Аки аз многогрешный.

— А вы бы, девушки, могли ей и помочь, — заметил Махмуд.

— Наглые инсинуации. Мы и так делаем все, до чего она нас допускает, и тебе это известно. А Тони в жизни не позво-

лит никому хозяйничать на кухне. — Мириам встала. — Пошли, Джубал, посмотрим, что там стряпают. Тони будет бесконечно польщен, если ты посетишь его кухню.

Тони встретил их крайне неприветливо, но тут же расцвел и начал с гордостью демонстрировать Джубалу свое царство — срываясь время от времени на английские и итальянские инвективы в адрес мерзавцев, разрушивших «ту, настоящую» кухню. Тем временем большая ложка продолжала сама по себе бороздить просторы кастрюли с соусом для макарон.

Чуть позже Джубал наотрез отказался воссесть во главе обеденного стола и скромно примостился сбоку. Предложенное ему место так и осталось пустым, однако у Джубала было острое ощущение, что там сидит Человек с Марса и что все, кроме него, не чувствуют его, а ясно видят.

А прямо напротив него сидел доктор Нельсон.

— Привет, Свен, — сказал Джубал, неожиданно осознав, что его скорее удивило бы отсутствие Нельсона, чем присутствие.

— Привет, док. Раздели воду.

— Никогда не жаждай. Кем ты здесь? Штатным терапевтом?

— Нет, — качнул головой Нельсон. — Студентом-первокурсником.

— Вот так? И много ты уже выучил?

— Я узнал, что медицина — вещь совершенно излишняя.

— Спросил бы у меня, я бы тебе давно сказал. Вана видишь?

— Он должен появиться сегодня поближе к ночи или завтра утром. Его корабль только-только приземлился.

— Он что, каждый раз сюда приходит? — удивился Джубал.

— Он студент-заочник. Забегает, но не надолго.

— Хорошо, если придет, а то я его уже с год не видел.

За столом царила спокойная, непринужденная атмосфера обеда в большой, дружной семье; люди негромко разговаривали, перебрасывались шутками, однако за их беззаботностью ощущалось то же самое, знакомое уже Джубалу предвкушение,

то же самое, но многократно усиленное. В какой-то момент по кругу пустили стакан с водой; когда стакан достиг Джубала, он немного отпил и передал его налево, девушке с округлившимися от благоговения и любопытства глазами, и сказал:

— Я предлагаю тебе воду.

— Я благодарю тебя за воду, о... Джубал, — пролепетала девушка (все предыдущие попытки Джубала разговорить ее ни к чему не привели; трепетное создание не могло выговорить больше двух слов подряд).

Когда стакан обошел полный круг и оказался перед пустым стулом, в нем осталось еще с полдюйма воды. Он поднялся над столом, наклонился, словно выливал куда-то воду, и снова опустился — совершенно пустой. У Джубала мелькнула догадка, что это и есть «Причащение Воды» Внутреннего Храма, возможно — даже в его честь. Однако ритуал — *если* это был ритуал — не имел ничего общего с вакхическими бдениями, о которых говорил Бен. С чего бы это такая сдержанность? Неужели из уважения к «Отцу»?

Эта ситуация раздражала Джубала, сколько он ни убеждал себя, что нужно радоваться, если его предусмотрительно избавили от необходимости отклонять предложение, которое не понравилось бы ему и полвека назад, такие уж у него вкусы и взгляды.

Но кой черт, что же это получается? «И чтоб никто ни слова о коньках — бабуля старенькая и слабенькая, так что это будет просто невежливо. Хильда, ты предложишь сыграть в домино, и мы все тебя поддержим, бабуля *обожает* домино. А на коньках мы покатаемся как-нибудь в другой раз, верно, ребята?» — так, что ли?

Ну кому, спрашивается, нужна такая заботливость? Джубал почти предпочел бы покататься на коньках — даже ценою сломанной шейки бедра.

Его отвлек от этих невеселых размышлений сосед справа, молодой парень по имени Сэм, который, в отличие от застенчивой соседки слева, отличался бойкостью и разговорчивостью. Вдобавок он оказался человеком высокообразованным,

с нестандартным мышлением, что Джубалу всегда нравилось в беседе.

— Это никак нельзя назвать поражением, — говорил Сэм. — Птенец был давно уже готов вылупиться из яйца, так что теперь мы начнем быстро расширяться. Неприятности у нас, конечно же, будут — ну какое же общество не встанет на защиту своих базовых ценностей? А мы расшатываем буквально все основы, от частной собственности до брака.

— И собственность тоже?

— Собственность в ее существующем виде. До настоящего момента Майк покушался всего лишь на доходы горстки жуликов и шулеров. Но что произойдет, когда появятся сперва тысячи, затем десятки, сотни тысяч и миллионы людей, для которых никакие банковские сейфы не являются преградой, так что одна только самодисциплина сможет помешать им взять все, что их душе угодно? Да, конечно же, эта самодисциплина крепче любых внешних ограничений, но какой банкир сможет это прогнуть, пока он сам не пройдет по тернистому пути самопознания и самоконтроля — в конце которого он перестанет быть банкиром? Что случится с биржей, когда появятся люди, знающие заранее, как будет меняться курс ценных бумаг?

— А ты знаешь?

— Нет, — качнул головой Сэм, — я этим не интересуюсь. Но вот Сол, это мой двоюродный брат, он уделяет рынку некоторое гроканье, на пару с Алли. Майк сказал им действовать поосторожнее, никаких огромных барышей, к тому же они используют с десяток фиктивных банковских счетов, но при желании любой из достаточно развитых может заработать сколько угодно и на чем угодно — на недвижимости, на акциях, на скачках, на азартных играх, список почти бесконечный. Нет, деньги и собственность не исчезнут — Майк считает эти концепции весьма полезными, — но они радикально изменятся, и людям придется либо изучать новые правила (не легким трудом, как это было с нами), либо выпасть в осадок. Что произойдет с «Лунар энтерпрайзес», когда транспортная

связь с Луна-Сити будет осуществляться посредством телепортации?

— Так что же мне, покупать? Или продавать?

— Спроси у Сола. Он может использовать существующие корпорации в своих целях, а может их обанкротить. Или вообще не трогать их еще столетие-другое. Но ты подумай о любой профессии. Что делать учительнице с ребенком, знающим больше ее? Чем займутся врачи, когда люди перестанут болеть? Что произойдет со швейным производством и с профсоюзом текстильных и швейных работников, когда одежда утратит свою обязательность, когда женщины будут меньше увлекаться нарядами (не думаю, чтобы этот интерес исчез когда-либо полностью) и никто не будет стесняться своей голой задницы? Какие формы примет «фермерская проблема», когда сорняки можно будет просто попросить не слишком разрастаться, а урожай можно будет убирать без помощи техники от «Интернешнл харвестер» или «Джон Дир»? Неузнаваемо изменятся все — абсолютно все — сферы человеческой деятельности. Подумаем, к примеру, об одном небольшом изменении, которое сильно затронет и брак — в его теперешнем виде, и собственность. Джубал, ты имеешь хоть какое представление, сколько эта страна тратит в год на мальтузианские снадобья и приспособления?

— Имею, Сэм. Около миллиарда на одни только оральные контрацептивы и еще более полумиллиарда на бесполезные шарлатанские средства.

— Да, конечно, я совсем забыл, что ты медик.

— Только так, между прочим.

— Ну и что произойдет с этой промышленностью — и с визгливыми моралистами, — когда женщине будет достаточно просто решить, хочет она зачать или не хочет, когда она приобретет иммунитет ко всем болезням, когда ее не будет волновать мнение людей, не ставших еще такими же, как она, когда она будет отдаваться близкому человеку с самозабвением, какое Клеопатре даже и не снилось, а любой мужчина, вознамерившийся ее изнасиловать, умрет — если она так решит — на-

столько быстро, что и понять-то ничего не успеет? Когда женщина освободится от страха и вины, обретя взамен неуязвимость? Да чего там фармацевтика — содрогнутся и многие другие отрасли промышленности, вкупе с жизненными установками, традиционными учреждениями и людскими пред-
рассудками.

— Я не грокаю эту проблему в полноте, — признал Джубал. — Она слишком мало меня затрагивает.

— Но есть и учреждение, которое ничуть не пострадает. Брак.

— Даже так?

— Именно так. Он не ослабитя, но окрепнет, очистится, обретет новую яркость. Яркость? Экстаз! Ты видишь эту женщину с длинными черными волосами, там, на том конце стола?

— Да. Я уже успел восхититься их красотой.

— Она знает, что ее волосы прекрасны, и с того времени, как мы вступили в церковь, они отросли еще на полтора фута. Это моя жена. Чуть более года назад мы жили с ней как кошка с собакой. Она меня ревновала, а я не уделял ей должного внимания, она наводила на меня тоску. Кой черт, я ведь тоже наводил на нее тоску, нас удерживали от развода дети — дети и ее неуступчивость, я знал, что она не отпустит меня без скандала, к тому же у меня не было сил, чтобы строить новую семью, возраст не тот. Поэтому я прихватывал по мелочам на стороне, изредка, когда был достаточно уверен, что это сойдет мне с рук, — у профессора много соблазнов и мало безопасных возможностей, — а Рут чувствовала и тихо ярилась. А иногда и не тихо. Затем мы пришли сюда, — Сэм расплылся счастливой улыбкой, — и я влюбился в свою жену. Лучшая из моих подружек!

Сэм говорил негромко, общий шум явно перекрывал звук его голоса, однако Рут подняла голову, улыбнулась и звонко сказала:

— Не верь ему, Джубал! Я у него где-нибудь на шестом-седьмом месте.

— Не лезь в мою голову, красавица, у нас тут мужской разговор. Не отвлекайся от Ларри. — Сэм швырнул в нее булочкой.

Булочка проделала в воздухе пируэт и чуть не угодила в лоб ему самому; Сэм ее поймал и неторопливо намазал маслом.

— Я уделяю Ларри все внимание, какое ему нужно сейчас, а что будет потом, это мы с ним разберемся, — засмеялась Рут. — Джубал, этот гад не дал мне закончить. Шестое место — это прекрасно, этим можно гордиться! Перед тем как мы вступили в церковь, моего имени и вообще не было в списке. А до таких высот, как шестое место, я не поднималась к тому времени лет уже двадцать.

— Дело в том, — негромко пояснил Сэм, — что теперь мы подружились как никогда прежде, благодаря обучению, кульминацией которого стало разделение воды и возвращение близости с другими, прошедшими то же обучение. И мы не одни такие, в группе образовалось несколько прочных пар; как правило, сходятся люди, состоящие в официальном браке. Иногда этого не происходит, но тогда перестройка обходится без страданий, в итоге между «разведенными» устанавливаются теплые, лучшие, чем когда-либо прежде, отношения — как в постели, так и вне ее. Никто ничего не теряет, все только выигрывают. И эти пары необязательно разнополые — вот, скажем, Дон и Джилл, они работают вместе как акробатический дуэт.

— Хм-м... Я как-то думал, что они — жены Майка.

— Ничуть не больше, чем жены любого из нас. Или чем Майк — муж всех остальных. Да и вообще, — добавил Сэм, — Майк слишком занят, он заботится, чтобы разделить себя между всеми остальными, но и только. И если уж говорить о жене Майка, то это, скорее, Пэтти, хотя она тоже настолько занята, что их отношения имеют характер скорее духовный, чем физический. По части постели и Майк, и Пэтти сильно недобирают.

Пэтти, сидевшая еще дальше от них, чем Рут, подняла голову:

— Сэм, милый, мне совсем не кажется, что я чего-то недобираю.

— Видишь? — горько спросил Сэм. — Все бы вроде и хорошо, но в этой церкви просто невозможно спрятаться от любопытных баб.

В ответ на что слабая, она же прекрасная, половина братьев открыла по нему беглый прицельный огонь. Все съедобные снаряды останавливались в воздухе и бессильно падали, но в конце концов солидная порция макарон (с тарелки Доркас, как заметил Джубал) прорвала невидимую преграду и залепила Сэму все лицо:

Какое-то время Сэм походил на жертву тяжелой автомобильной аварии, но затем его лицо мгновенно очистилось; исчезли даже капли соуса, густо забрызгавшие Джубалову рубашку.

— Тони! Не давай ей больше! Она напрасно истратила пищу, вот пусть и ходит теперь голодная!

— На кухне еще много, — вмешался Тони. — А ты, Сэм, отлично смотришься в макаронах. Классный соус, верно? — Тарелка Доркас выплыла за дверь и вернулась наполненной.

Джубал решил, что Доркас своих талантов от него не скрывает — он помнил, какой у нее аппетит, а порция на тарелке была много больше той, что Доркас наложила бы себе сама.

— Хороший соус, — согласился Сэм. — То, что попало мне в рот, я употребил по назначению. Из чего он? Или лучше не спрашивать?

— Мелко нарубленный полицейский, — пожал плечами Тони.

Никто не засмеялся, так что у Джубала возникло сильное сомнение, шутка ли это. Затем он вспомнил, что братья часто улыбаются, но редко смеются, — а с другой стороны, из полицейского и вправду мог получиться отличный соус... Нет, вряд ли, «длинная свинья» потому так и называется, что имеет вкус свинины, а тут, скорее, похоже на говядину.

На всякий случай он сменил тему разговора:

— Но что мне больше всего нравится в этой религии...

— Религии? — удивился Сэм.

— Ну, вы же называете это церковью.

— Да, — кивнул Сэм, — она выполняет все функции церкви, и ее квазитеология вполне сопоставима с некоторыми традиционными религиями. Я пришел сюда убежденным атеистом, а теперь я Верховный жрец и сам уже не знаю, кто я такой.

— Мне казалось, ты был иудаистом.

— Из древней раввинской династии — вот я и стал атеистом. У нас тут только двое настоящих иудаистов — Сол и Рут; побеседуй с Солом, и ты увидишь, что это тоже ничему не мешает. Рут — как только она прорвала барьеры — начала быстро меня обходить, она ведь когда еще стала жрицей, а я жрец совсем недавний. Она личность духовная, понимает все нутром, то бишь яичниками и маткой, мне же приходится напрягать мозги, что много труднее.

— Обучение, — задумчиво сказал Джубал. — Мне нравится такой подход. Вера, в которой меня воспитали, не требовала, чтобы ты хоть что-нибудь знал. Исповедуйся — и будешь спасен, попадешь прямо Христу в объятия. Человек, не способный сосчитать собственные пальцы, относился к числу Божьих избранных, получал гарантию вечного блаженства — на том лишь основании, что он был «обращен». Он мог не знать ровно ничего, не знать даже, что такое Библия. Я грокаю, что эта церковь не признает «обращения».

— Ты грокаешь верно.

— Человек должен начинать с желания познать и пройти затем долгое, трудное обучение. Весьма разумный подход.

— Не просто разумный, а единственно возможный, иначе просто нельзя. Понятия, непредставимые без марсианского языка, и общие знания, находящие массу практических применений: от того, как жить, ни с кем не ссорясь, до того, как ублаготворить собственную жену, — все это основывается на концептуальной логике, на понимании, кто ты такой, почему ты здесь, как ты функционируешь, — и на действиях, соответствующих этому пониманию. Счастье — это когда человек функционирует так, как должен функционировать, потому что его внутренняя организация требует именно такого функционирования... английские слова пусты, тавтологичны. Слова же

марсианские являются фактически прямыми рабочими ин-струкциями. Я говорил тебе, что у меня был рак?

— А? Нет.

— Я ведь, собственно, и сам знал. Майк грокнул мою болезнь и послал меня на всякие рентгены-анализы, чтобы я убедился. Затем мы приступили к работе. «Лечение самовнушением» или, если хочешь, «чудесное исцеление». Врачи называли это «спонтанной ремиссией» — что, насколько я грокаю, означает «ты выздоровел».

— Профессиональное пустозвонство, — кивнул Джубал. — В некоторых случаях рак исчезает сам, по неизвестной нам причине.

— В *данном* случае причина мне прекрасно известна. В то время я еще только начинал управлять своим телом и смог устранить повреждения исключительно благодаря помощи Майка. Теперь я справился бы с этим самостоятельно. Хочешь, я остановлю свое сердце? Вот, пощупай пульс.

— Спасибо, но после Майка меня такими штуками не удивишь. Если бы то, о чем ты рассказываешь, сводилось к «лечению самовнушением», мой уважаемый коллега лепила Нельсон не стал бы здесь с вами сидеть. Это — целенаправленное управление организмом, уж это-то я грокаю.

— Извини. Мы все тут знаем, как много ты грокаешь.

— М-м-м... Я не могу сказать, что Майк врет, потому что он никогда не врет. Но он слишком уж предубежден в мою пользу.

— Нет, — качнул головой Сэм. — Я знаю, я ведь проговорил с тобой весь обед. Майк, конечно же, грокает глубоко, но мне хотелось самому убедиться. Ты грокаешь. Я невольно задаюсь вопросом — что же это будет, если ты дашь себе труд изучить язык?

— Ничего. Я старый человек, и мне нечего дать вам.

— Я не могу с тобой согласиться. Для достижения скольконибудь заметного прогресса всем остальным Первозванным потребовалось сперва ознакомиться с языком. Даже тем троим, кого ты держал при себе, требовалась сильная поддержка.

Всем — кроме тебя, тебе это вроде и ни к чему. Ну разве что ты захочешь вытереть со своего лица соус без помощи полотенца, но это, как я грокаю, не очень тебя интересует.

— Нет, почему же, посмотреть интересно.

К этому времени за столом почти никого не осталось; люди вставали и уходили безо всяких формальностей, кто когда хочет.

— А вы тут что, до ночи сидеть собрались? — спросила подошедшая Рут. — Или вас убрать вместе с грязной посудой?

— Тяжело жить под каблуком, — вздохнул Сэм. — Пошли, Джубал.

В комнате, куда они переместились, люди смотрели телевизор.

— Ну, как там? — поинтересовался Сэм.

— Окружной прокурор, — откликнулся кто-то, незнакомый Джубалу, — пытается возложить всю вину за сегодняшние события на нас — опуская то обстоятельство, что он не знает, как это было сделано

— Бедняжка. Ничего, будет знать теперь, кого хватать за ноги, а кого не стоит, зубы поломать можно, — заметил Сэм и повел Джубала искать комнату потише. — Я сразу говорил, — сказал он, — что нужно ждать неприятностей, и они будут нарастать, пока мы не наладим контроль над общественным мнением, достаточный, чтобы нас если не признавали, то хотя бы терпели. Но Майка это не тревожит. С Церковью Всех Миров покончено. Теперь мы переедем в другой город, организуем Конгрегацию Единой Веры и будем работать — пока нас снова не вышвырнут. Тогда мы откроем в каком-нибудь новом месте Храм Великой Пирамиды — на это название клюнут толпы глупых, жирных женщин, некоторые из которых быстро избавятся у нас от жира и от глупости, — а когда нас начнут хватать за пятки Медицинская ассоциация, местная адвокатская коллегия, газеты и политики, мы откроем где-нибудь еще Братство Крещения. И с каждым разом будет увеличиваться число наших убежденных — и абсолютно неуязвимых — братьев. Майк начал меньше двух лет тому назад, неуверенный в себе

и с помощью всего лишь трех необученных жриц. Теперь же у нас прекрасное, крепкое Гнездо плюс продвинутые пилигримы, с которыми мы держим постоянную связь. Когда-нибудь мы приобретем такое влияние, что наши преследователи поневоле уgomонятся.

— Ну что ж, — кивнул Джубал, — Иисус наворотил больших дел, имея какую-то дюжину апостолов.

— Еврейский парень, — улыбнулся Сэм. — Спасибо, что ты о нем вспомнил. Он добился самого сенсационного успеха в истории моего народа, и мы все это знаем — даже те, кто не любит о нем говорить. Этот еврейский парнишка сказочно преуспел в жизни, и я им горжусь. И заметь, пожалуйста, что Иисус не стремился сделать все к следующей среде, он был терпелив и основал серьезную, способную к самостоятельному развитию организацию. Майк тоже терпелив. Терпение настолько плотно вплетено в учение, что перестает, по сути, и быть терпением, становится автоматическим. Ничего через силу, ничего впопыхах.

— Подход весьма здравый.

— Не подход, а непреложный принцип. Джубал? Я гроаю, ты устал. Ты хотел бы стать неуставшим? Или уж лучше ляжешь? А то ведь иначе наши братья будут развлекать тебя разговорами до самого утра — мы-то спим совсем мало.

— Я предпочитаю... — Джубал сладко зевнул, — хорошенько отмокнуть в горячей воде и поспать часов восемь. А с братьями я пообщаюсь завтра... и в последующие дни.

— Многие, многие дни, — кивнул Сэм.

Как только Джубал добрался до своей комнаты, там появилась и Пэтти; она наполнила ему ванну, откинула на кровати одеяло (и пальцем не шевельнув), расставила на прикроватном столике все для выпивки, налила стакан (с кубиками льда), отнесла его в ванную и поставила на полку. Она пришла во всей красе своего разрисованного тела, и Джубал не торопил ее уйти; имея некоторое знакомство с психологией полностью татуированных людей, он знал, что обидит Пэтти, если не изъяснит желания ознакомиться с картинами из жизни архангела Фостера.

Раздеваясь, Джубал невольно вспомнил рассказ Бена, как тот дергался в аналогичной обстановке, — и кисло улыбнулся, обнаружив, что для него самого это ровно ничего не значит, хотя он невесту уже сколько лет не раздевался в чьем бы то ни было присутствии. Судя по всему, для Пэтти это тоже ровно ничего не значило; она проверила локтем воду, знаком предложила Джубалу залезать в ванну и начала демонстрировать ему свои татуировки, подробно объясняя смысл каждой из них и в какой последовательности нужно их смотреть.

Джубал не мог — да и не хотел — скрыть своего восхищения. Покойный мистер Пайвонский владел иглой с величайшей, почти невероятной виртуозностью; та давняя японка смотрелась бы рядом с Пэтти как дешевый половик рядом с драгоценным бухарским ковром.

— Они немного изменяются, — сказала Пэтти, — вот, к примеру, эта сцена Рождества архангела: дальняя стена начинает изгибаться... а кровать стала похожей на операционный стол. К тому же я и сама изменяюсь. Я уверена, что Джордж не был бы в обиде. С того времени, как он ушел на Небеса, ко мне не прикасалась ничья игла, и если картины претерпевают чудесные изменения, тут наверняка без него не обошлось.

Джубал решил, что Пэтти — девица очень милая. И малость тронутая, но это тоже хорошо — он любил тронутых, люди абсолютно разумные наводили на него тоску. Впрочем, как и *слишком уж* тронутые. Пэтти закинула снятую им одежду в шкаф, не подходя к ней и даже не поворачиваясь в ее сторону; она была зримым свидетельством, что Майково учение доступно не только нормальным — что бы ни обозначало это слово — людям.

Вскоре Джубал почувствовал, что Пэтти хочет, но не решается уйти, и разрешил эту неловкость, попросив ее поцеловать на сон грядущий Эбби и Микки.

— Я был такой вымотанный, — объяснил он, — что совсем забыл о своих крестноотеческих обязанностях.

— Хорошо, — кивнула Пэтти, — а меня как раз зовут работать над словарем. — Она наклонилась и коротко чмокнула его в губы. — Я передам этот поцелуй девочкам.

- И погладь за меня Пышечку.
- Обязательно. Она грокает тебя. Она знает, что ты любишь змей.
- Вот и хорошо. Разделяй воду, брат.
- Ты еси Бог, Джубал.

После ее ухода Джубал с удивлением обнаружил, что мучительная усталость куда-то исчезла... да и кости вроде бы не болят. Ох, не обошлось тут без Пэтти. Такое себе двуногое тонизирующее средство... Эти мысли были ему неприятны, он хотел оставаться таким, какой есть, — сумасбродным, во всем себе потакающим стариком.

Джубал немного полежал в ванне, намылился, принял душ и побрился — чтобы не надо было утром, — затем запер дверь, выключил верхний свет и лег.

В спальне не нашлось ни одной книги, ни даже газеты или журнала — к крайнему раздражению Джубала, — чтение было главной из его пагубных страстей. Отправляться на поиски не хотелось. Он тяжело вздохнул, ополовинил принесенный из ванной стакан, выключил ночник и попытался уснуть.

Но не тут-то было, общение с Пэтти освежило его и взбудило не хуже полноценного сна. Во всяком случае, к тому моменту, когда пришла Дон, Джубал даже не начал задремывать.

- Кто там? — недовольно проворчал он.
- Это я, Дон.
- Какая еще... А.
- Да, Джубал, это я.
- Кой черт, мне казалось, я запер дверь. Нечего тебе здесь делать, кру-гом! И закрой дверь с той стороны... Эй! Да ты что! Убирайся из моей кровати! Кому сказано, убирайся!
- Хорошо, Джубал. Но сперва я хочу тебе что-то сказать.
- Да?
- Я давно тебя люблю. Почти так же давно, как Джилл.
- Да ты что, совсем... Слушай, кончай молоть чепуху, ноги в руки и шагом марш.
- Хорошо, Джубал, — покорно согласилась Дон, — но только ты сперва послушай. Я объясню тебе кое-что про женщин.

— Утром объяснишь.

— Нет, Джубал, сейчас.

— Ну, говори, говори, — вздохнул Джубал, — но только порочее и стой где стоишь.

— Джубал... брат мой возлюбленный. Вас, мужчин, слишком уж заботит, как мы, женщины, выглядим. Поэтому мы стремимся быть прекрасными, и это благо. Ты знаешь, что я выступала когда-то в стриптизе? И это было благо — мужчины могли наслаждаться моей красотой. Это было благо и для меня — я знала, что они получают от меня нужное им. Но женщины, Джубал, отличны от мужчин. Нас заботит, каков мужчина, что он такое. Наш интерес может быть совсем глупым, например — богат ли он? Или: позаботится ли он о моих детях, будет ли он с ними добр? А иногда и так: хороший ли он? Хороший, как ты, Джубал. Красота, которую мы видим в вас, отлична от красоты, которую видите вы в нас. Ты прекрасен, Джубал.

— Бога ради!

— Да, именно так. Ты еси Бог, и я есмь Бог — и ты мне нужен. Я предлагаю тебе воду. Ты позволишь мне разделить с тобой воду и взрастить близость?

— Э-э... слушай, девочка, я не понимаю, чего ты там мне предлагаешь, и не хочу понимать.

— Ты грокаешь, Джубал. Разделить все, что у нас есть. Себя самих.

— Так я и думал. Слушай, радость моя, у тебя-то есть, чем делиться, а вот что касается меня... Короче говоря, ты опоздала на много, много лет. О чем я искренне сожалею. Я тебе благодарен. Глубочайшим образом. А теперь — уходи и дай старому человеку немного поспать.

— Ты уснешь, когда ждание преполнится. Джубал... я могла поделиться с тобой своей силой, но я ясно грокаю, что ты в этом не нуждаешься.

(Черт бы ее побрал — Джубал действительно в этом не нуждался!)

— Нет, Дон. Спасибо, но — нет.

Дон встала на колени и наклонилась над ним:

— Тогда еще одно слово. Джилл сказала, что, если ты не согласишься, мне лучше всего заплакать. Ну так что же мне теперь — оросить слезами отчаяния твою бессердечную грудь? Поделиться с тобою водой на такой оригинальный манер?

— Я отхлещу эту мерзавку розгами!

— Отхлещешь, Джубал, отхлещешь. А пока что я начинаю плакать.

Через секунду на Джубалову грудь упала полновесная слеза... затем вторая... третья... и еще, и еще... Время от времени Дон тихо, почти беззвучно всхлипывала.

Джубал вздохнул, сказал нехорошее слово и смирился перед неизбежным.

36

Джубал проснулся свежим, бодрым и веселым, как никогда за долгие уже годы. Обычно промежуток между просыпанием и первой утренней чашкой кофе был для него сущей пыткой, он пробирался через эту вязкую, безнадежную трясику, неискренне убеждая себя, что завтра будет легче — *может быть, будет хоть немного* легче.

Сегодня Джубал встал, не залеживаясь в постели, и сразу же начал насвистывать. Фальшиво. Он поймал себя на этом, стих, но вскоре засвистел снова.

Он с отвращением посмотрел на себя в зеркале, но тут же широко ухмыльнулся. «Старый ты кобель, за тобой же, того и гляди, труповозку пришлют». Заметив у себя на груди седой волосок, он безжалостно его выдернул, оставил без внимания целые заросли других таких же и продолжил свой туалет, дабы предстать перед миром в мал-мала приличном виде.

Выйдя в коридор, Джубал тут же наткнулся на Джилл. Случайность? Он уже не верил ни в какие такие случайности, в этом доме все было организовано с компьютерной точностью и доскональностью. Джилл упала ему в объятия:

— Джубал! Мы так тебя любим! Ты еси Бог!

Джубал не задумываясь ответил на ее поцелуй — поступить иначе было бы чистейшим ханжеством — и обнаружил, что Джилл целуется чуть иначе, чем Дон; отличие не поддавалось определению, однако ощущалось вполне отчетливо.

В конце концов Джубалу пришлось прервать это увлекательное занятие.

— Тоже мне, малолетняя Мессалина, — проворчал он, задыхаясь. — Ты зачем меня подставила?

— Джубал, милый... ты был *просто чудо!*

— М-м-м... а если бы я *не смог?*

— Как это «не смог»? — Джилл смотрела на него невинными, широко распахнутыми глазами. — У меня не было ни малейших сомнений, с того времени, как Майк и я впервые поселились в твоём доме. Дело в том, что Майк, когда он в трансе, может видеть все вокруг на порядочном расстоянии; когда у него появлялся какой-нибудь вопрос или там еще что, он заглядывал к тебе, проверял, спишь ты или нет.

— Но я же спал один! Всегда!

— Да, милый. Но я не это имела в виду. Мне всегда приходилось объяснять Майку непонятные для него вещи.

— Хм-м! — Джубал решил, что лучше уж не вдаваться в подробности. — И все равно, ты не должна была меня подставлять.

— Я грокаю, что сердцем ты так не считаешь. И грокаю, что ты говоришь правильно. Мы хотели, чтобы ты был с нами, в Гнезде. Весь, без остатка. Ты нам нужен. Но ты очень робкий и застенчивый, причиной чему твоя доброта, поэтому мы сделали все возможное, чтобы приветствовать тебя, без риска причинить тебе боль. И мы не причинили тебе ни малейшей боли — ты и сам это грокаешь.

— Мы? Какие такие «мы»?

— Ты грокнул верно, что это было полное Причастие Воды всего Гнезда. Ради этого Майк пробудился... и он грокал с тобой и объединял нас всех.

Джубал мало что понял, но решил воздержаться от дальнейших расспросов и на эту тему.

— Так, значит, Майк наконец проснулся, — сказал он. — То-то у тебя глазки блестят.

— Не только потому. Мы всегда радуемся, когда Майк с нами, без него не так весело, но если разобраться, он же никогда нас не покидает. Джубал, я грокаю, ты не грокнул в полноте наш способ разделять воду. Но ждание преполнит. Майк, даже он сперва этого не грокнул — он считал, что это, как на Марсе, всего лишь способ оплодотворять яйца.

— Ну... собственно, это и есть основная цель. Дети. А потому для человека, отнюдь не желающего плодотворить, — к примеру, для меня, в моем-то возрасте — такое поведение является крайне глупым.

Джилл энергично мотнула головой:

— Нет, дети являются одним из результатов, но никак не основной причиной. Дети придают смысл будущему, и это — большое благо. Но за всю жизнь женщины ребенок зарождается в ней три-четыре раза — да пусть хоть десять — из тысяч случаев, когда она может поделиться собой, и это и есть первичная причина, почему мы можем делать это так часто. Для продолжения рода хватило бы нескольких раз. Сопричастие и возвращение близости, вот это что, Джубал. Майк грокнул это, исходя из того, что на Марсе две эти вещи — оплодотворение яиц и возвращение близости — совершенно раздельны... и он грокнул, что наш способ лучше. Как это прекрасно — отличаться от марсиан — быть человеком — быть женщиной.

Джубал пригляделся к ней повнимательнее.

— Девочка, да ты никак в положении?

— Да, Джубал. Я грокнула, что ждание завершилось и теперь можно. Остальным братьям ждание ни к чему, а вот мы с Дон были постоянно заняты. Но когда мы грокнули приближение этого перелома, я грокнула, что после перелома наступит ждание, — и так оно и будет. Майк не воссоздаст Храм за неделю, а значит, у Верховной жрицы будет достаточно времени, чтобы неспешно создать ребенка. Ждание непременно преполняет.

Джубал извлек изо всей этой напыщенной чепухи основной факт... ну, факт там или не факт, но Джилл-то в этом уверена. Да и возможностей у нее было предостаточно. Теперь нужно за ней присматривать, а как подойдет время — тащить домой, хотя бы и на веревке. Майковы хитрые методы — это очень хорошо, но иметь под рукой современное оборудование тоже совсем не мешает. А то ведь чего с этими девицами не бывает — и родильная горячка, и все что угодно. Чтобы избавить Джилл от такого риска, можно ее и поприжать, если так не поедет.

У Джубала мелькнула мысль, а не собирается ли рожать и вторая Верховная жрица, но обсуждать этот вопрос ему как-то не хотелось.

— А где Дон? И Майк тоже — где он? Как-то у вас тут слишком тихо.

И действительно, в коридоре не было ни души, даже голосов не было слышно, но, странным образом, то, давешнее, радостное предвкушение ощущалось еще острее. Казалось бы, можно было ожидать, что после ритуала, в котором и он — сам того не зная — принял участие, напряжение спадет, однако воздух казался еще более наэлектризованным. Джубал неожиданно вспомнил, как когда-то, совсем еще маленьким мальчиком, он стоял в толпе людей, ожидавших прохождения цирковой процессии... и кто-то вдруг крикнул: «Слоны идут!»

Сейчас ему казалось, что будь он немного повыше, то смог бы рассмотреть за головами ликующей толпы огромных, мерно шагающих слонов. Только вот толпы никакой не было.

— Дон просила передать тебе поцелуй, сама она занята, освободится часа через три. И Майк тоже занят — он вернулся в транс.

— О!

— Да ты не расстраивайся, Майк ведь специально делает последний, ударный бросок, чтобы освободиться от срочных дел и спокойно с тобой поговорить и чтобы мы освободились. Дюк всю ночь прочесывал город в поисках качественных магнитофонов, которые мы используем при работе над словарем,

и теперь все, пригодные для этого дела, разбрелись по своим комнатам, и Майк набивает их под завязку марсианской лексикой, вот как он кончит, тогда и пообщаетесь. Дон только что начала диктовать, а я закончила один сеанс и сразу к тебе, сказать с добрым утром, а теперь побегу назад, приму от Майка последнюю дозу, надиктую ее и освобожусь — позже, конечно, чем Дон. И вот тебе, кстати: ее поцелуй, тот, предыдущий, был от меня. — Джилл обвила руками шею Джубала, жадно впиалась ему в губы и через головокружительно долгое время сказала: — Господи! Да чего же мы так долго ждали? Пока, я скоро.

В столовой было тихо и малоллюдно. Дюк поднял голову, улыбнулся, помахал Джубалу рукой и вернулся к еде. Он не был похож на человека, который не спал целые сутки, — да и с чего бы? Ведь он не спал уже *двое* суток.

Бекки Визи повела себя более экспансивно. Она радостно закричала: «Привет, старый хрен!», а затем подбежала к Джубалу и громко прошептала ему на ухо: «Я с самого начала знала — только где же ты был раньше, почему не утешил меня после смерти профессора?» И добавила вслух:

— Садись, поешь, а заодно Расскажи мне о своих новейших дьявольских замыслах.

— Секундочку, Бекки, мне тут еще надо поздороваться. Привет, скипер. Как прошел полет?

— Без приключений. Теперь это стало рутиной. Насколько я помню, ты еще не знаком с миссис ван Тромп. Дорогая, позволь тебе представить основателя всего этого цирка, единственного и неповторимого Джубала Харшоу — будь таких двое, одного пришлось бы пристрелить.

У высокой, довольно невзрачной жены капитана были спокойные глаза женщины, привыкшей к долгим бдениям на «вдовьей дорожке». Она встала и поцеловала Джубала:

— Ты еси Бог.

— Хм, ты еси Бог.

Стоило бы, наверное, и привыкнуть к этому ритуалу, привести его на автоматiku... кой черт, если повторять такое каждую секунду, можно ведь и вправду поверить... тем более — в дружеских объятиях фрау капитанши. У Джубала сложи-

лось твердое убеждение, что по части поцелуев даже Джилл и Дон могли бы кое-чему у нее поучиться. Она — как это там выражалась Энн? — отдавала поцелую все свое внимание. Была здесь, и только здесь, и никуда не спешила.

— Думаю, Ван, — заметил Джубал, — я не должен слишком уж удивляться, что встретил тебя здесь.

— Когда постоянно летаешь на Марс, — улыбнулся капитан «Чемпиона», — поневоле приходится мал-мала освоить местную тарабарщину, а то как же общаться с туземцами?

— Для легкого, значит, трепач?

— Есть и другие аспекты. — Кусок хлеба, за которым потянулся ван Тромп, послушно прыгнул ему в руку. — Хорошая еда, хорошая компания.

— Хм. Ну да.

— Джубал, — крикнула мадам Везант, — хлебово подано.

Джубал вернулся на свое место — к яичнице с беконом, апельсиновому соку и прочим деликатесам. Бекки шаловливо похлопала его по бедру:

— Ну что, молодой и красивый, молчать будем?

— Брысь! Занялась бы лучше своими гороскопами.

— Спасибо, что напомнил, мой сладкий. Мне нужен точный момент твоего рождения.

— С этим делом трудно, я рожался три дня подряд. По частям вынимали.

Бекки издала губами непристойный звук.

— Ничего, я и сама узнаю.

— А вот фиг тебе с маслом, наша мэрия сгорела, еще когда мне было три года.

— Ничего, у меня есть свои способы. Спорим?

— Отвяжись, а то возьму да и выпорю, не посмотрю на твой почтенный возраст. Расскажи лучше, как ты тут живешь.

— А ты как думаешь? Ну вот, например, как я выгляжу?

— Нормально. Ну, малость подраздалась в корме. И волосы подкрасила.

— А вот и нет. Я не пользуюсь хной не знаю уж который месяц. Подключайся, парень, и мы мигом изведем этот твой

белый венчик вокруг плечи. Засадим клумбу свежей травкой. Или ты цветочками хочешь?

— Бекки, я совершенно не хочу молодеть. Слишком уж тяжелым трудом досталась мне эта дряхлость, чтобы взять так ее да и выбросить. И вообще, дай человеку поесть.

— Слушаюсь, сэр! Кобель ты драный!

Джубал покончил с завтраком и совсем было собрался уходить, когда в столовой появился Майк.

— Отец! Джубал!

Джубал осторожно высвободился из Майковых объятий.

— Спокойнее, сынок, ты у нас уже не маленький. Садись, завтракай, я тоже с тобой посижу.

— Я пришел сюда не завтракать, я тебя искал. Пойдем куда-нибудь в тихое место, поговорим.

— Ну, пошли.

Майк тянул Джубала по коридору за руку, как пятилетний внук любимого дедушку; свернув в незапертую комнату, он усадил гостя в большое кресло, а сам блаженно раскинулся рядом на диване. Свет из большого окна бил Джубалу прямо в глаза, он встал, чтобы передвинуть кресло, и чуть не обругал Майка, когда то развернулось само собой, легкое, как воздушный шарик. В комнате были еще двое мужчин и женщина, которые вскоре неторопливо ушли, осведомившись, не подать ли Джубалу — обычным способом, то есть вручную — его любимого бренди. Слов нет, все эти марсианские штучки сберегали труд, да и деньги тоже (вот, скажем, стирка: заляпанная соусом рубашка стала такой чистой и свежей, что менять ее было просто грех), все механические устройства казались на их фоне громоздкими, неповоротливыми и безнадежно тупыми. Однако Джубал никак не мог привыкнуть, что вещи двигаются словно по своей воле, без всяких там проводов и радиоволн, и шарахался от них как черт от ладана, а вернее — как надежные, серьезные лошади от самодвижущихся экипажей во времена его раннего детства.

Вошедший без стука Дюк молча выгрузил с подноса бутылку бренди, лед и стаканы.

— Спасибо, Людоед, — ухмыльнулся Майк. — Ты у нас что теперь, за официанта?

— Должен же кто-то об этом позаботиться. Ведь ты, Монстр, приковал чуть не все наше население к своим микрофонам. Сколько там лет дают за использование принудительного труда?

— Ничего, через пару часов они сбросят ярмо, и ты сможешь снова залечь в спячку. Дело сделано, Людоед. Тридцать. Финиш. Конец.

— Весь этот долбаный марсианский язык одним куском? Знаешь, Майк, стоило бы проверить тебя на предмет пробитых кондеров.

— Да что ты, какой там весь! Я и сам-то знаю его на уровне детского сада, вернее — *знал*, но сейчас у меня не мозг, а что-то вроде пустого мешка. Чтобы добрать остальное, высоколобым вроде Стинки придется кататься на Марс сотню, а то и больше лет. Но я свою работу выполнил — шесть недель субъективного времени, хотя начинал вроде бы сегодня в пять утра, — теперь ее завершают упорные, непреклонные труженики, а я могу и побездельничать. С Джубалом поболтать. — Майк потянулся и сладко зевнул. — Хорошо-то как. После работы всегда чувствуешь себя хорошо.

— Ну да, «побездельничать». Сегодня же впряжешься в какую-нибудь новую лямку. Начальник, этот марсианский монстр не умеет так, чтобы поработать и отдохнуть. Два с лишним месяца в постоянном напряжении, и только сейчас вот немного расслабился. Ему надо бы записаться в «Анонимных трудоголиков» — или ты заезжай к нам почаще. Ты на всех хорошо влияешь.

— Господь упаси и помилуй.

— Знаешь что, Людоед, кончай-ка ты врать и мотай отсюда.

— Врать, как же, — проворчал Дюк, направляясь к двери, — ты сделал из меня маниакального правдоруба, а в заведениях, где я ошиваюсь, это огромный минус.

Майк сел и взял со стола стакан:

— Поделится водой, брат мой Отец Джубал.

— Испей глубоко, сынок.

— Ты еси Бог.

— Майк, я уже смирился с вашим здешним выпендрежем и безропотно терплю его от других. Но уж *ты-то* мог бы не доставать меня этой божбой. Я же знаю тебя с того времени, когда ты был «всего лишь яйцо».

— О'кей, Джубал.

— Ну, так-то лучше. И когда это ты начал пить по утрам? Ты же совсем молодой, пристрастишься сейчас — непременно загоришь желудок. Помрешь во цвете лет, так и не узнав, что это такое — быть блаженным старым маразматиком вроде меня.

Майк рассеянно взглянул на свой стакан:

— Я пью только для разделения. Алкоголь абсолютно на меня не действует, и на братьев тоже, ну разве что мы сами того захотим. Как-то раз я поддался его действию до полной отключки. Странное было ощущение. Это не благо, а нечто вроде способа временно развоплотиться. Погружение в себя позволяет мне получить примерно тот же эффект, только ощущение много приятнее и не приходится потом чинить поломки в организме.

— Экономичный способ.

— У-гу, мы считай что не тратимся на выпивку. Да и вообще содержание Храма обходилось нам дешевле, чем тебе — твоего дома. Если не считать начальных капиталовложений, все наши траты сводились к покупке еды и всякой там одноразовой мелочи, а что до развлечений, мы сами себя развлекаем. Мы тратили так мало денег, что я иногда прямо не знал, куда девать все наши поступления.

— А зачем тогда сбор пожертвований?

— Что? Понимаешь, Джубал, с них *непременно* нужно брать деньги. Лохи не ценят то, что достается им бесплатно.

— Да, я только не знал, знаешь ли это *ты*.

— Еще как знаю, я ведь грокаю лохов. Сперва я проповедовал бесплатно, раздавал всем деньги, но от этого было мало толку. Мы, люди, не умеем принимать и ценить бескорыстный дар, и научимся еще не скоро. Так что теперь я работаю бес-

платно только начиная с Шестого Круга, к этому времени они научаются брать. Брать куда труднее, чем отдавать.

— Хм-м. Знаешь, сынок, тебе стоило бы написать статью по психологии человека.

— Я так и сделал, но не по-английски, а по-марсиански. И на бумаге ее нет, только у Стинки на пленках. Собственно говоря, мы *употребляем* алкогольные напитки, некоторым из нас они нравятся — ну, к примеру, мне, — Майк с явным удовольствием отпил из стакана, — Солу, Свену... Я позволяю алкоголю создать у меня легкую эйфорию, а затем ее удерживаю, это помогает возвращению близости. — Он сделал еще один глоток. — Вот так и сейчас — я рад встрече с тобой, а легкое опьянение еще больше обостряет эту радость.

Джубал взглянул Майку в глаза:

— Сынок, а ты ведь неспроста пьешь. Мне кажется, тебя что-то тревожит.

— Да.

— И ты хочешь выговориться?

— Да. Отец, быть с тобой — большое благо, даже если меня ничто не тревожит. Но, кроме того, ты — единственный, с кем я могу говорить о чем угодно, потому что ты все грокаешь и ни от чего не отшатнешься. Джилл... Джилл всегда грокает, но если мне отчего-то больно, она ощутит нестерпимую муку. То же самое и с Дон. Пэтти... Пэтти всегда сумеет снять мою боль, но *в себе* она ее сохранит. Все они слишком ранимы, чтобы делиться с ними чем-то таким, что я сам не могу прокнуть в полноте и взлелеять. — Майк на секунду задумался. — Без исповеди никак нельзя. Католики понимали это с самого начала, у них есть обширный штат сильных людей, способных и умеющих принять ее. У фостеритов исповедь групповая, они ее измельчили, передали в руки многих неумелых людей. Мне нужно ввести исповедь на самых ранних стадиях очищения — ну да, конечно, люди у нас исповедуются, но спонтанно и слишком поздно, когда в этом уже нет особой необходимости. Нам нужны для этого сильные люди — «грех» редко связан с каким-либо действительным злом, но грех — это то, что грешник

грокает как грех, и когда ты грокаешь вместе с ним, тебе передаются его муки. Я это знаю.

Майк все больше распалялся.

— Одной добродетели мало, нужно что-то еще, но я долго этого не понимал, ведь у марсиан добродетель и мудрость — одно и то же. А у нас все иначе. Вот, скажем, Джилл. К моменту нашего с ней знакомства она обладала уже совершенной добродетелью. Но при этом все у нее внутри было скручено и перепутано, в результате я едва не разрушил ее — а заодно и себя, ведь в моей голове была такая же путаница, — и только мало-помалу нам удалось привести себя в какой-то порядок. Только ее бесконечное терпение (вещь на этой планете крайне редкая) провело нас через сложный период, когда я учился быть человеком, а она овладевала моими знаниями... Но одной добродетели мало, катастрофически мало. Чтобы добродетель могла делать добро, ей необходима поддержка ясной, холодной мудрости. Добродетель без мудрости неизбежно творит зло. — Он лучезарно улыбнулся. — И вот поэтому, — добавил он уже более спокойным голосом, — сейчас я *особенно* в тебе нуждаюсь. Я люблю тебя, Отец, и мне нужна вся твоя мудрость, вся твоя сила. Я должен перед тобой исповедаться.

Джубал болезненно скривился:

— Бога ради, Майк, не устраивай ты из этого мелодрамы. Просто расскажи, что там тебя грызет, и мы обязательно найдем выход.

— Хорошо, Отец. — Майк опустил глаза и замолчал.

Джубал подождал минуту, другую, но в конце концов не выдержал:

— Ты что, страдаешь по разрушенному храму? Обидно, конечно, но ты же далеко не банкрот, найди место и построй все заново.

— Да нет, уж это-то меня вообще не волнует.

— Даже так?

— Этот храм был вроде дневника, в котором не осталось ни одной чистой страницы. Жизненный опыт не горит в огне, а если рассуждать прагматически, с дальним прицелом, пре-

следования в такой эффектной, зрелищной форме пойдут нам только на пользу. Гонения и мученичества всегда способствовали расцвету религий, лучшей рекламы и не придумаешь. Правду говоря, события последних дней мне даже нравятся, они внесли некоторое разнообразие в привычную, будничную суету. Так что здесь мы ничего не потеряли. Но вот... — Выражение его лица резко изменилось. — Отец... оказывается, я был шпионом.

— Это в каком же смысле?

— Я работал на Стариков. Они послали меня сюда, чтобы я шпионил за своим народом.

Джубал надолго задумался.

— Майк, — сказал он в конце концов, — я знаю, что у тебя светлая голова. Ты обладаешь силами, недоступными моему пониманию. Но любой гений может заблуждаться.

— Да, конечно. Только давай я тебе все объясню, а потом уж решай, свихнулся я или нет. Ты знаешь, как действуют разведывательные спутники? Ну, те, которые у Сил безопасности?

— Нет.

— Я не о технических подробностях, этим пусть Дюк интересуется, я имею в виду общую схему их использования. Спутники крутятся вокруг Земли и собирают информацию. В нужный момент в нужном месте Небесный Глаз получает сигнал и сливает наземной станции все, что он видел. Они поступили со мной точно так же. Тебе уже известно, что мы, братья из Гнезда, пользуемся так называемой телепатией.

— Мне пришлось в это поверить.

— Пользуемся. Правда, эту нашу беседу я защитил — не говоря уж о том, что никто из наших не решился бы читать твои мысли. Да я и не уверен, что мы смогли бы; даже прошлой ночью связь была через Дон, а не через тебя.

— Утешил, называется.

— Нет, я сейчас не об этом. Я «всего лишь яйцо» в этом искусстве, а Старики — мастера. Они меня долго не трогали, а затем активировали мой мозг и скачали с него все, что я видел и слышал, чувствовал, делал и грокал. Нет, они не очистили

мой мозг от этой информации; фигурально говоря, они воспроизвели пленку и сняли с нее копию. Я почувствовал активацию, но не смог остановить считывание, все произошло слишком быстро. Затем они оборвали связь, я не успел даже что-нибудь возразить.

— Да-а... нехорошо они с тобой обошлись, но в то же...

— По *своим* меркам, Старики не сделали ровно ничего плохого. К тому же, скажи они мне заранее, до отлета на Марс, я бы с радостью согласился. Они оставили меня в неведении по совсем другой причине — для чистоты собранной мною информации.

— Я хотел добавить, — недовольно пробурчал Джубал, — что, хотя подобное вторжение в частную жизнь кажется мне отвратительным, ничего особо страшного не произошло, тем более что теперь ты свободен. Да ходи марсиане все эти два с половиной года за тобой по пятам, ну что бы они такого увидели? Так что брось-ка ты воображать себя страшным космическим шпионом.

— Нет, Джубал, — покачал головой Майк, — все гораздо сложнее — и хуже. Послушай меня, пожалуйста, не перебивая.

Он рассказал о давнем уничтожении Пятой планеты, тяжело вздохнул и спросил:

— Ну и что теперь ты скажешь?

— Это напоминает мне миф о Всемирном потопе.

— Нет, Джубал, насчет потопа ты не уверен, был он или нет. А вот как насчет Помпей и Геркуланума? Ты уверен в их гибели?

— Да, конечно. Это непреложный исторический факт.

— Так вот, Джубал, разрушение Стариками Пятой планеты — исторический факт не менее непреложный, чем то извержение Везувия. Даже *более*, ведь о нем известно гораздо больше. Одним словом, это не миф. Факт.

— Допустим. Насколько я понимаю, ты опасаясь, что марсианские Старики обойдутся с нашей планетой таким же образом. Уж как ты хочешь, но я *не верю*, что у них хватит на это сил.

— Да что ты, Джубал, для этого и Стариков не надо. Тут требуется только знание физических законов, как устроена материя, что ее скрепляет, — плюс тот самый контроль над пространством и объектами, который я тебе несколько раз демонстрировал. Для начала нужно просто грохнуть то, с чем ты собираешься работать, я могу это сделать хоть сейчас. Возьмем, скажем, кусок земного ядра диаметром миль в сто, можно бы и гораздо меньше, но мы хотим провести все быстро и безболезненно — хотя бы для того, чтобы поменьше расстраивать Джилл. Прочувствуем его форму и положение, тщательно грохнем структуру...

Лицо Майка замерло, утратило всякое выражение, его глаза начали закатываться вверх...

— Эй! — испугался Джубал. — Кончай свои штучки! Я не знаю, чего ты там можешь, чего не можешь, но проверять как-то не хочется!

Майк послушно очнулся.

— Да что ты, — виновато сказал он, — ну как бы я мог такое сделать? Для меня это была бы неправильность — я же человек.

— Для тебя, но не для них?

— Да. Старики могут грохать разрушение Земли как красоту. Может быть. Не знаю. У меня есть все необходимые для этого познания, но нет и никогда не будет желания. Тут справилась бы и Джилл — если бы придумала правильный метод. Но она никогда *не захочет*, ведь она тоже человек, это ее планета. Чтобы пробудить в себе эти силы, необходимы, во-первых, самосознание, во-вторых, самоконтроль. К тому времени как человек получит способность уничтожить планету, не прибегая к таким неуклюжим штукам, как кобальтовая бомба, необходимое для этого желание станет для него невозможным. А если он все-таки попытается захотеть, то мгновенно развоплотится.

— М-м-м... сынок, раз уж мы тут проверяем тебя на предмет тараканов в голове, объясни-ка ты мне еще одну вещь. Эти самые «Старики», ты поминаешь их на каждом шагу и с такой

небрежностью, как я — соседскую кошку, а мне это странно. Ну не верю я в призраков, никогда не верил и сейчас не верю. Как они выглядят?

— Как? Точно так же, как и любые другие марсиане... только взрослые марсиане отличаются друг от друга больше, чем люди.

— А откуда же ты тогда знаешь, что это Старик, а не просто взрослый марсианин? Он что, через стенки проходит и все в таком роде?

— Через стенку может пройти любой марсианин. А вообще-то и кто угодно, вот я вчера проходил.

— Так он что, дрожит и переливается? Или что?

— Нет. Ты их видишь, слышишь, можешь пощупать — все что угодно. Это вроде как изображение в стереовизоре, но только идеальное, и образуется оно прямо у тебя в мозгу. А главное... слушай, Джубал, на Марсе весь этот вопрос был бы совершенно бессмысленным, хотя я понимаю, что на Земле все иначе. Если бы ты присутствовал при развоплощении — смерти — своего друга, затем поучаствовал бы в съедании его тела и *после этого* увидел бы его призрак, поговорил бы с ним, потрогал, — вот как тогда, поверил бы ты в призраков?

— Ну, или да, или решил бы, что у меня крыша съехала.

— Хорошо. Здесь это может быть галлюцинацией — если я грокою верно, что мы после развоплощения не ошиваемся на прежнем месте. Но в случае Марса выбор простой: либо вся планета, вся ее развитая цивилизация страдает массовыми галлюцинациями — либо очевидное объяснение, объяснение, которому меня учили и которое подтверждалось всем моим личным опытом. На Марсе «призраки» составляют подавляющую — и наиболее влиятельную — часть населения. Те, кто еще «жив», воплощенные, используются Стариками для черной работы — рубят дрова, таскают воду и так далее.

— О'кей, — кивнул Джубал, — я никогда не боялся резать Оккамовой бритвой. Весь мой опыт восстает против, но он же у меня провинциальный, нигде дальше родной планеты не бывал. Хорошо, сынок. Так, значит, ты боишься, что они нас уничтожат?

Майк покачал головой:

— Нет, не очень. Я думаю — это не гроканье, а лишь предположение — что возможны два варианта. Либо они нас уничтожат, либо попытаются покорить нас культурно, переделать по своему образцу и подобию.

— И тебя не волнует возможность, что они нас взорвут? Какая-то слишком уж отстраненная позиция.

— Нет, не волнует. Ну да, они могут принять такое решение. По их меркам, наше племя сплошь больное и увечное: то, что мы делаем друг с другом, наше почти полное неумение грокать друг с другом, наши войны и болезни, голод и зверства — все это покажется им полнейшим безумием. Я это *знаю*. И я думаю, они решат нас уничтожить — из чистого милосердия. Но это всего лишь догадка. Я не Старик. Однако, Джубал, если они *действительно* так решат, пройдет... — Майк надолго задумался, — пройдет как минимум пять веков, а скорее — пять тысячелетий, прежде чем что-либо будет предпринято.

— Малость долговато для заседания присяжных.

— Джубал, главное различие между нашими расами состоит в том, что марсиане никогда не спешат — люди же спешат всегда. Они уж скорее подумают лишнюю сотню — или тысячу — лет, чем оставят хоть какую возможность, что проблема не грокнется во всей полноте.

— В таком случае нам, сынок, и вправду не стоит беспокоиться. Если и через пять сотен лет люди все еще будут бесильны перед соседями, мы с тобой ничем не сможем им помочь. Однако мне сдается, что уж как-нибудь они там справятся.

— И я так грокаю, хотя и не в полноте. Я говорил уже, что не слишком беспокоюсь на *этот* счет. Меня тревожит вторая возможность, что они попытаются нас переделать. У них *ничего не получится*. Любая попытка заставить людей вести себя по-марсиански убьет их так же надежно — но далеко не так безболезненно — как и взрыв планеты. Это будет огромная неправильность.

Теперь надолго задумался Джубал.

— Сынок, а разве не это самое пытался сделать *ты*?

Майк виновато опустил глаза:

— Да, начинал я именно с этого. Но сейчас я пытаюсь сделать совершенно другое. Отец, я знаю, что ты тогда очень за меня огорчился.

— Твоя каша, тебе и расхлебывать.

— Да. Личная ответственность. Я должен сам грохнуть каждый свой решительный шаг. Так же и ты — и каждый. Ты еси Бог.

— Я не согласен на эту должность.

— Ты не можешь от нее отказаться. Ты еси Бог, и я есмь Бог, и все, что грокает, есть Бог, и я есмь все, что я когда-либо видел, чувствовал или переживал. Я есмь все, что я грокаю. Отец, я видел, в каком чудовищном состоянии находится эта планета, и я грокнул, хотя и не в полноте, что я могу здесь многое изменить. Знания, которые я нес, невозможно преподавать в школах, мне пришлось протащить их контрабандой, под видом религии, каковой они не являются, и впарить эту «религию» лохам, играя на их любопытстве и жажде развлечений. Все получилось как я и ожидал: знания, полученные мною в марсианском гнезде, оказались вполне доступными и для других. Наши братья прекрасно ладят между собой — ты видел это своими глазами, ты разделял — они живут в счастье и в мире, без горечи и ревности... Уже одно это было огромным успехом. Разделение на мужчин и женщин — наш величайший дар; вполне возможно, что наша планета — единственная, где существует романтика физической любви. Если это так, Вселенная гораздо тусклее и скучнее, чем могла бы быть... и я смутно грокаю, что мы-иже-суть-Бог сбережем это бесценное изобретение и распространим его повсюду. Слияние тел и душ в одном неделимом экстазе, брать и отдавать, наслаждаться друг другом — ничто марсианское и близко с этим не сравнится; я грокаю в полноте, что здесь и находится источник всего, что делает нашу планету такой богатой и чудесной. И знаешь, Джубал, пока человек — мужчина ли, женщина — не окунулся в самые глубины этого блаженства, где умы сплетаются столь

же тесно, как и тела, все его совокупления не в счет, он остается, по сути, девственником, он один в мире. Но я грокаю, что к тебе это не относится, чему свидетельством твоя боязнь получить нечто меньшее... да к тому же я знаю это непосредственно. Ты грокаешь. И всегда грокал. Не нуждаясь в языке гроканья. Дон рассказала нам, что ты проникал в ее сознание так же глубоко, как и в тело.

— Хм-м... леди несколько преувеличивает.

— Для Дон невозможно говорить об этом иначе, чем правильно. И — ты уж прости меня — мы там присутствовали. В ее мозгу, но не в твоём, — и ты тоже был там, вместе с нами.

Джубал не стал уточнять, что если он и мог когда-нибудь читать чужие мысли, то только в подобных ситуациях... да и то скорее уж не мысли, а эмоции. Он только пожалел, безо всякой горечи, о своем возрасте. Будь ему лет на пятьдесят меньше, он рискнул бы — несмотря на многие шрамы — жениться еще раз, и Дон перестала бы именоваться «мисс». И еще он подумал, что не променял бы предыдущую ночь на все свои предстоящие годы, сколь уж там их осталось. По сути Майк был прав.

— Продолжайте, сэр.

— Вот так это и должно быть. *Должно* быть, но бывает редко, я грокнул это очень не сразу. Чаше встречаются безразличные и механически проводимые действия, соблазнение, как азартная игра, вроде рулетки, но менее честная, и насилие, проституция и безбрачие — добровольное или недобровольное, страх, вина и ненависть, и дети, с ранних лет приученные считать, что секс — это нечто «гадкое», «стыдное» и «животное», что его надо скрывать, надо опасаться. Прекрасная, совершенная вещь выворачивается наизнанку, ставится с ног на голову, превращается в кошмар. И каждая из этих неправильностей является непосредственным логическим следствием «ревности». Джубал, я не мог поверить, что такое возможно. Я все еще не грокаю «ревность» во всей полноте — она кажется мне безумием. Когда я познал этот восторг, моим первым желанием было поделиться им, сию же минуту поделиться со

всеми моими братьями по воде, с женщинами — прямо, с мужчинами — опосредованно. Сохранить этот неиссякаемый источник для себя одного — такая мысль привела бы меня в ужас. Она просто не могла прийти мне в голову. И, как неизбежное следствие, я не имел ни малейшего желания попытаться повторить это чудо с кем-либо, кого я ранее не взлелеял, к кому не проникся доверием. Джубал, я физически не способен на акт любви с женщиной, которая не разделила до того со мною воду. И так со всеми братьями из Гнезда. Психологическая импотенция — если духовное слияние не предшествует слиянию плоти.

Прекрасная система, для ангелов так в самый раз, невесело подумал Джубал и тут же заметил краем глаза заходящую на посадку машину. Едва он повернул голову, как машина коснулась полозьями площадки — и исчезла.

— Что, неприятности? — поинтересовался Джубал.

— Нет, — качнул головою Майк. — У них уже появляются подозрения, что мы здесь, — не мы, вернее, а я, они считают, что все остальные погибли. В смысле, что все из Внутреннего Храма, тех, что из остальных Кругов, они не трогали. И все наши последователи уехали из города. А что, — улыбнулся он, — может, заработать? Мы можем получить за номера в этой гостинице очень приличные деньги, город кишит штурмовиками епископа Шорта.

— Слушай, а не пора ли тебе перевести семью в другое место?

— Да нет, спешить нам некуда. Эта машина не успела никому ничего доложить, даже по радио. Я держу оборону. Теперь, когда Джилл избавилась от своих заморочек насчет «неправильности» развоплощения людей, содержащих в себе неправильность, это стало совсем простым делом. Раньше мне приходилось прибегать ко всяким сложным приемам, а теперь Джилл знает, что я никогда никого не исчезну, не грокнув ситуацию в полноте. Прошлой ночью, — Человек с Марса широко ухмыльнулся и сразу стал похож на мальчишку, — она и сама помогала мне в грязной работе. И не в первый раз.

— В какой работе?

— Да так, некоторые дополнения ко взлому тюрьмы. Там сидело несколько человек, которых я не мог освободить, очень злобные и опасные. Этих-то я устранил еще до того, как снес решетки, но были и другие. Я многие месяцы постепенно грокал этот город; многие из худших его обитателей находились не в тюрьме, а на свободе. Я не спешил, составлял список, каждый случай грокал во всей полноте. Теперь же, когда мы собираемся покинуть город, они здесь больше не живут. Мы их развоплотили и послали в конец очереди, ждать следующей попытки. К слову сказать, именно гроканье заставило Джилл сменить свою излишнюю щепетильность на горячее одобрение; она наконец грокнула, что убить человека *невозможно*, что мы поступаем подобно спортивному судье, временно удаляющему игрока с площадки за «чрезмерную грубость».

— А ты не боишься играть роль Бога?

— Так я же и *есмь* Бог, — весело ухмыльнулся Майк. — Ты еси Бог... и любой из подонков, которых я удаляю, он тоже Бог. Сказано, что Бог замечает каждого падающего воробья. И так оно и есть. Чтобы описать это по-английски, следует, наверное, сказать, что Бог не может не заметить воробья, потому что Воробей есть Бог. И когда кошка выслеживает воробья, оба они суть Бог, несущий Божии мысли.

Еще одна воздушная машина зашла на посадку — и тоже исчезла; Джубал воздержался от комментариев.

— Ну и скольких ты вывел из игры за прошлую ночь?

— Да что-то около ста пятидесяти — я не вел учета. Большой же все-таки город. На какое-то время он станет на удивление пристойным. Это, конечно же, не решение вопроса, полного решения нет и не может быть — кроме, возможно, нашего учения. Вот об этом я и хочу поговорить с тобою, Отец. Не ввожу ли я наших братьев в заблуждение?

— Каким образом?

— Они слишком оптимистичны. Они видят, какую пользу приносит учение нам, видят и знают, как они счастливы, какие они сильные, здоровые и просветленные, как глубоко

любят они друг друга. Им начинает казаться, что пройдет какое-то время, и все люди достигнут того же блаженства. Нет, не завтра и не на той неделе, некоторые из них думают, что и две тысячи лет — лишь краткий миг, если разговор идет о столь великом свершении. Не сразу, но в конечном итоге.

И я, Джубал, я тоже сначала так думал. Я их в этом и убедил.

Но я, Джубал, упустил главное.

Люди — не марсиане.

Я повторял эту ошибку раз за разом, поправлял себя — и ошибался снова. То, что годится для марсиан, может оказаться непригодным для людей. Да, конечно же, концептуальная логика, сформулировать которую можно только на марсианском языке, *может* применяться обеими расами. Логика инвариантна, но исходные данные различны. А потому различны и результаты.

Когда у людей голод, почему некоторые из них не вызовутся добровольцами на убой — чтобы остальные поели и выжили? Я не мог этого понять, ведь на Марсе такое поведение самоочевидно, там отдать свое тело братьям — почетное право. Я не понимал, почему здесь так ценят детей. На Марсе двух наших девочек выкинули бы за дверь, выживут так выживут, умрут так умрут — и девять из десяти нимф погибают в первый же год. Моя логика была верна, но я ошибался в исходных данных — здесь конкурируют не дети, а взрослые. На Марсе взрослые никогда не конкурируют, отбор происходит в детстве. Конкуренция и отбор могут осуществляться разными способами, но совсем без них нельзя, иначе раса деградирует. А я пытался устранить конкуренцию, полностью. Грубая ошибка, но дело даже не в этом; последнее время я начал грохать, что люди такого не допустят, ни при каких условиях.

В комнату заглянул Дюк:

— Майк? Ты наблюдаешь, что творится снаружи? У гостиницы собирается толпа.

— Я знаю, — кивнул Майк. — Скажи остальным, что ждание еще не препонилось. — Он снова повернулся к Джуба-

лу. — «Ты еси Бог». Это не благая весть, вселяющая радость и надежду. Это вызов — бесстрашное, безоговорочное принятие личной ответственности за все. Но мне редко удается донести эту мысль до людей. Очень немногие — только те, кто сейчас здесь, с нами, — сумели понять меня, приняли как сладкое, так и горькое, испили его до дна, грокнули. Другие — сотни и тысячи других — либо упорно воспринимали безжалостную истину, что Они суть Бог, как некий приз без соревнования, «обращение», либо столь же упорно ее игнорировали. Что бы я ни говорил, эти последние продолжали считать Бога чем-то внеположным себе. Кем-то таким, кто страстно мечтает прижать к своей груди каждого ленивого тупицу, дать ему покой и блаженство. Они не хотели, а может, и не могли уяснить себе, что никто ничего за них не сделает, что им придется *самим* прилагать усилия — и что все их беды и невзгоды суть дело их собственных рук.

Майк безнадежно покачал головой:

— Число моих неудач настолько превосходит число успехов, что поневоле возникает вопрос, а не покажет ли гроканье во всей полноте, что я встал на ложный путь — что *эта* раса *должна* быть разобщенной, что люди *должны* ненавидеть друг друга, быть несчастными, постоянно воевать, и не только с другими людьми, но и с самими собой, для того чтобы удалять из своих рядов слабейших, без чего не может существовать ни одна раса. Ответь мне на этот вопрос, Отец. Ты должен мне сказать.

— Майк, да какого хрена ты уверовал в мою непогрешимость!

— Возможно, ты в чем-то и ошибаешься. Но до сих пор ты отвечал на все мои вопросы — и каждый раз гроканье в полноте показывало, что ты говорил верно.

— Кой черт, я совсем не хочу, чтобы ты меня обожествлял! Но я, сынок, вижу одно важное обстоятельство. Ты упорно убеждаешь всех и каждого не спешить — «ждание преполнит», так это у тебя называется.

— Да, это правда.

— А теперь ты нарушаешь свое собственное правило. Ты чуть-чуть подождал — если по марсианским меркам, то прошло совсем пустячное время, — и тут же готов выбросить полотенце на ринг. Ты доказал, что твоя система работает для маленькой группы — я с радостью это засвидетельствую, потому что никогда еще не видел таких счастливых, здоровых, веселых людей. Если учесть, как мало времени ты потратил, этого более чем достаточно. Вот когда у тебя будет народу раз этак в тысячу больше, и все они будут трудиться, все будут счастливы, и ни в ком не будет ни капли ревности — вот тогда приходи. И мы поболтаем. По-моему, это честно.

— Ты говоришь правильно, Отец.

— Я еще не кончил. Ты тут дергаешься, что девяносто девять из ста срывались с твоего крючка, спешешь сделать вывод, что люди не могут существовать без своих теперешних пороков, что это такая прополка, иначе грядка зарастет сорняками. Но кой черт, ты же *сам* занимался прополкой — точнее говоря, ее осуществляли те самые олухи, не прислушиваясь к твоим словам. Ты собирался упразднить деньги и собственность?

— Нет, ни в коем случае! Внутри Гнезда они нам не нужны, однако...

— Как и в любой дружной семье. Но снаружи они нужны всем, чтобы строить отношения с другими людьми. И наши братья отнюдь не витают в облаках — Сэм говорил мне, что они стали страсть какими ухватистыми по части денег. Это правда?

— Да, да. Если ты грокаешь, делать деньги проще простого.

— Похоже, ты добавил новую заповедь блаженства: «Блаженны богатые духом, ибо они зашибут деньгу». Ну а как отличаются наши братья в других областях? Лучше или хуже среднего?

— Лучше, конечно же лучше. Понимаешь, Джубал, у нас ведь не вера, а метод эффективного осуществления любых действий.

— Вот ты и ответил на свой вопрос. Если все, сказанное тобой, верно, — ты заметь, я ни о чем не сужу, я просто спраши-

ваю, а ты отвечаешь, — то конкуренция не то что не устраняется, а принимает невиданную прежде остроту. Если хоть одна десятая процента населения способна воспринять благую весть, тебе всего-то и нужно, что *показать* им, — и через сколько-то там поколений глупые благополучно вымрут, а твои последователи наследуют Землю. И тогда — через тысячу или там десять тысяч лет — будет самое время погнать их на какое-нибудь новое препятствие, чтобы не обленились. И ты не падай духом, что пока что тебе удалось слепить всего лишь крошечную горстку ангелов. Я никак не ожидал, что у тебя *хоть с кем-то* получится. Я думал, что все это твое священничество — беспросветная глупость.

Майк вздохнул и улыбнулся:

— Я уже начинал бояться, что... я беспокоился, не подвели ли я своих братьев.

— Мне до сих пор жаль, что ты не назвал свою церковь как-нибудь повеселее — ну, скажем, «Церковь Всех Коров» или «Церковь Будь Здоров». Но не в названии дело. Если у тебя есть истина, ты можешь ее продемонстрировать. Показать людям. Разговоры не доказывают ровно ничего.

Человек с Марса встал:

— Вот теперь, Отец, ты мне все объяснил. Я готов им показать, прямо сейчас — я грокаю во всей полноте. — Он повернулся к двери. — Да, Пэтти, слышу. Ждание закончилось.

37

Насколько мог судить Джубал, в этой комнате собралось все Гнездо. На экране огромного стереовизора была площадка перед входом в гостиницу; немногочисленные полицейские без особого успеха сдерживали густую, распаленную толпу. Лицо Майка светилось спокойной, умиротворенной радостью.

— Они пришли. Теперь наступила полнота.

Ликующее предвкушение, еще вчера замеченное Джубалом, достигло почти невыносимой остроты, хотя никто из братьев не выказывал внешних признаков возбуждения.

— Да, милый, — кивнула Джилл, — лохов собралось немерено.

— Самое время для чеса, — добавила Пэтти.

— Для такого случая я, пожалуй, переоденусь, — заметил Майк. — Пэтти, в этой ночлежке есть что-нибудь из моего тряпья?

— Сейчас, Майк.

— Сынок, — встревожился Джубал, — эти люди кажутся мне опасными. Ты уверен, что сейчас подходящий момент для общения с ними?

— Конечно, — улыбнулся Майк. — Они пришли посмотреть на меня, и сейчас я к ним выйду. — Тем временем доставленная Пэтти одежда сама собой на него одевалась; несколько женщин пытались поучаствовать в процессе, однако их помощь была явно излишней. — Эта профессия налагает определенные обязанности: артист должен выходить на всеобщее обозрение, демонстрировать публике, на что он способен. Грокаешь? Лохи его ждут.

— Успокойся, начальник, — сказал Дюк, — Майк знает, что делает.

— Ну... толпа штука капризная, я ее всегда опасался.

— Эта толпа состоит по преимуществу из любителей поглядеть на что-нибудь необычное, да таких и всегда большинство. Конечно, тут есть сколько-то там фостеритов и прочих, у кого на Майка зуб, — но он совладеет с любой толпой. Верно, Майк?

— Будь спок, Людоед. Собрать аудиторию, показать свой номер — всех и делов. Где моя шляпа? Не могу же я разгуливать под палящим полуденным солнцем без шляпы. — Шикарная соломенная шляпа с веселенькой цветастой лентой вокруг тульи вылетела из шкафа и наделась Майку на голову; он лихо сбил ее набекрень. — Вот и она! Ну, как я выгляжу? Все путем?

Он был одет как на каждую внешнюю службу — франтоватый, безукоризненно отглаженный белый костюм, белые туфли, снежно-белая рубашка и роскошный, ослепительный галстук.

— Портфельчика не хватает, — заметил Бен.

— Ты грокаешь, мне нужен портфель? Пэтти, есть у нас что-нибудь на этот счет?

— Да не слушай ты Бена, — вмешалась Джилл. — Вечно он ваяет дурака. Ты смотришься на все сто. — Она поправила Майку галстук и коротко его поцеловала; странным образом, Джубал тоже ощутил на губах поцелуй. — Иди, потолкуй с ними.

— За мной не заржавеет. Лохи созрели, самое время их обуть. Энн, Дюк?

— Майк, мы готовы.

Мантия Честного Свидетеля придавала Энн благородство и величие, Дюк же был ей прямой противоположностью — неряшливо одетый, с дымящейся сигаретой в уголке рта, тип, сплошь обвешанный фотоаппаратами; за лентой его засаленной шляпы торчала карточка с надписью «ПРЕССА».

Майк, Энн и Дюк направились к двери, выходившей в холл, общий для всех четырех номеров верхнего этажа; их примеру последовал только Джубал — все остальные братья, человек тридцать — тридцать пять, остались у телевизора. У самой двери на небольшом столике стояли кувшин воды, стаканы и блюдо с фруктами; рядом с блюдом лежал фруктовый нож. Майк подошел к столику и оглянулся.

— Ты бы не ходил дальше, — посоветовал он Джубалу, — а то Пэтти придется конвоировать тебя назад, там же ее живность.

Майк налил стакан воды, немного отпил и сказал:

— Проповедников всегда мучает жажда.

Затем он передал стакан Энн, взял фруктовый нож и отрезал кусочек яблока.

Джубалу показалось, что тем же самым движением Майк отхватил один из своих пальцев, но толком разглядеть ничего не удалось, в тот же самый момент Дюк передал ему стакан. Крови вроде бы не было, к тому же Джубал успел уже попривыкнуть к Майковым фокусам. Он отпил из стакана — и только теперь заметил, что его собственное горло тоже пересохло.

Майк встряхнул Джубала за локоть и улыбнулся:

— Кончай мандражировать. Все займет считанные минуты. До скорой, Отец.

Трое вышли в кишачий сторожевыми кобрами холл, и дверь за ними закрылась. Джубал вернулся к телевизору; кто-то взял у него стакан, но это прошло мимо его внимания, он не мог оторвать глаз от экрана.

Толпа заметно выросла; безоружные (не считать же оружием дубинки) полицейские едва сдерживали ее напор. Сквозь глухой, неопределенный ропот прорывались отдельные истерические выкрики.

— Где они сейчас, Пэтти? — спросил чей-то голос.

— Уже спустились вниз. Майк чуть впереди. Дюк остановился, ждет отставшую Энн. Они выходят в фойе. Майка узнали, фотографируют.

В стереовизоре появилась огромная голова; ведущий лихо подмигнул зрителям и затараторил:

— А теперь ваш комментатор Гарри Гуляка познакомит вас с последними сообщениями выездной корреспондентской бригады Эн-дабл-ю-эн-дабл-ю — где пахнет жареным, там и наши камеры. Мы только что узнали, что пресловутый якобы мессия, известный под кличкой Человек с Марса, действительно скрывался в одном из номеров одной из гостиниц Санкт-Петербурга, упоительного города, где жизнь хороша и поет душа. Несколько минут назад он выполз из своего логова. Создается впечатление, что Смит намеревается сдать властям. Вчера он совершил побег из тюрьмы, используя при этом взрывчатые вещества, тайно переданные ему его фанатичными последователями. Судя по всему, он намеревался скрыться из города, но оказался не в силах преодолеть плотное оцепление, установленное полицией и войсками. Это все, что известно нам на настоящий момент. Следите за дальнейшим развитием событий по сообщениям нашего канала — сколько ни смотришь, все мало, а теперь мы уступим микрофон нашему местному спонсору, который дал вам взглянуть на всю эту жуть.

— Спасибо, Гарри Гуляка, спасибо, дорогие телезрители, глядящие на мир глазами Эн-дабл-ю-эн-дабл-ю! Почему нынче рай? До смешного дешево! Приходите и убедитесь в этом сами на Елисейских Полях, где несколько дней назад началась продажа застроенных участков для избранной клиентуры. Земля, возникшая на месте, где лишь недавно плескались ласковые волны нашего сказочного Залива, каждому участку гарантировано по меньшей мере восемнадцать дюймов превышения над средним уровнем приливов. Смехотворно малый задаток... Гарри?... Да, конечно... пока, друзья, договорим потом — звоните нам по телефону Залив девять-два-восемь-два-восемь.

— И спасибо тебе, Джик Моррис, и всем девелоперам Елисейских Полей. Ребята, там уже чего-то делается. Ну да, точно...

(— Они выходят наружу, — сказала Пэтти. — Толпа все еще не заметила Майка.)

— Ну, может, еще и нет, но скоро. Вы видите на своих экранах главный вход великолепной гостиницы «Сан-Суси», по праву именуемой жемчужиной побережья, чья администрация ни в малой степени не ответственна за объявленного в розыск беглеца и все время находилась в контакте с органами охраны правопорядка, что засвидетельствовано в заявлении, только что сделанном шефом полиции Дейвисом. А пока мы ждем дальнейшего развития событий, мне хотелось бы вкратце познакомить вас с некоторыми эпизодами странной судьбы этого пришельца, чудовищного получеловека-полумарсианина, бо́льшая часть жизни которого прошла на Марсе...

Ведущий расплылся и исчез, на экране пошли архивные кадры. Давний огненный старт «Посланника», плавно и бесшумно взмывающий к небу «Чемпион», марсиане на Марсе, триумфальное возвращение «Чемпиона», маленький обрывок первого, сфальсифицированного, интервью с «Человеком с Марса»: «А тебе нравятся наши, земные девушки?» — «Ага!» — совсем уже крошечный обрывок конференции в Правительственном Дворце и наделавшее много шума присвоение докторской степени по философии — все это сопровождалось короткими пулеметными очередями комментариев.

— Так что там, Пэтти?

— Майк на верхней ступеньке, толпа ярдах в ста, полицейские не пускают ее на территорию гостиницы. Дюк сделал несколько снимков, Майк ждет, пока он сменит объектив. Все спокойно, без спешки.

На экране появилась толпа, средним планом. Камера медленно пошла слева направо, время от времени останавливаясь на отдельных лицах.

— Как вы и сами, друзья, понимаете, — трещал Гарри Гуляка, — население этого чудесного города находится сейчас в несколько взвинченном состоянии. Эти люди стали свидетелями странных событий, теперь они настроены более чем серьезно. Их законы были нагло попорчены, их силы безопасности были поставлены в унижительное положение, так что не приходится удивляться их справедливому возмущению. Фанатичные последователи человека, принимаемого многими за антихриста, не остановятся ни перед чем, есть все основания предполагать, что они организуют беспорядки в тщетной попытке дать своему вожаку уйти от законной ответственности. Можно ожидать чего угодно — абсолютно чего угодно!

Голос комментатора изменился, стал срываться на крик:

— Да, он выходит, он уже вышел, он идет к людям!

Изображение переключилось, теперь Майк шел прямо на камеру. Энн и Дюк держались сзади и все сильнее отставали.

— Вот оно! Вот оно! Мы являемся свидетелями финальной сцены!

Майк неторопливо приближался к толпе, его изображение в огромном стереовизоре выросло до натуральных размеров, он словно находился здесь, в комнате, рядом со своими братьями по воде. На самом краю принадлежавшей гостинице лужайки он остановился, расстояние между ним и толпой сократилось до нескольких футов.

— Вы звали меня!

Толпа взревела.

И тут в бежавших по небу облаках образовался разрыв, на Майка упал узкий сноп солнечного света.

Его одежда исчезла. Он стоял перед озверевшими людьми, золотой юноша, одетый в одну лишь свою красоту — красоту, от которой перехватывало дыхание, болезненно сжималось сердце. Был бы жив Микеланджело, думал Джубал, он бросил бы все другие дела, чтобы запечатлеть это чудо для не рожденных еще поколений.

— Взгляните на меня, — мягко сказал Майк. — Я сын человеческий.

Далее пошла десятисекундная рекламная врезка; шеренга девиц лихо отплясывала канкан под веселую песенку:

Налетайте, леди, и хватайте, леди,
Умывайтесь, леди, — покупайте, леди,
Чудесное, мягкое, нежное мыло!
И к тому же, леди, под оберткой, леди,
Вы найдете, леди, наш купон, леди.
Бесплатный подарок — вот это мило!

Экран заполнился хлопьями мыльной пены, плеснул заливистый женский смех, реклама кончилась, и снова пошел репортаж.

— Да будь ты Богом проклят!

Половинка кирпича угодила Майку прямо в грудь. Он повернулся к бросившему кирпич человеку:

— Но ведь ты сам и есть Бог. Ты можешь проклясть лишь себя — и ты никогда не уйдешь от себя.

— *Богохульник!*

Метко брошенный камень ударил Майка чуть повыше левого глаза, хлынула кровь.

— Сражаясь со мной, ты сражаешься с самим собой, — спокойно сказал Майк. — Ибо ты еси Бог — и аз есмь Бог — и все, что грокает, есть Бог — и нет иного Бога.

Еще камень... и еще... и еще... с каждым ударом на теле Майка появлялась новая кровоточащая рана.

— Услышьте Истину. Вам нет нужды ненавидеть, нет нужды враждовать, нет нужды бояться. Я предлагаю вам воду жизни... — стакан, появившийся в его руке, сверкал, подобно

огненному алмазу. — И вы можете испытать от нее, буде того возжелаете, и жить впредь в мире и любви, и преполниться счастьем.

Удар камня разнес стакан вдребезги. Следующий камень ударил Майка прямо в рот.

Его разбитые, сочащиеся кровью губы продолжали улыбаться, он смотрел на людей с нежностью и состраданием; какая-то причуда освещения образовала вокруг его головы золотой, сверкающий нимб.

— О братья мои, как я вас люблю! Испейте глубоко. Разделяйте воду и возвращайте близость без конца. Ты еси Бог!

Джубал шепотом повторил эти слова. На экране пошла пятисекундная рекламная врезка.

— *«Пещера Кауэнга»!* Ночной клуб, где вы можете вдохнуть *подлинный* лос-анджелесский смог, доставляемый *ежедневно*. Шесть экзотических танцовщиц.

— Линчевать его! Наденьте этому ублюдку негритянский галстук!

Выстрел из крупнокалиберного дробовика перебил руку Майка в локте; рука плавно опустилась на прохладную зеленую траву и застыла ладонью вверх, словно поднося невидимый дар.

— Врежь ему из второго ствола, плюгавый, да целься лучше! — Толпа разразилась хохотом и аплодисментами. Кирпич раздробил Майку нос; еще несколько камней, и на его голове образовался кровавый венец.

— Истина проста, но Путь Человеческий многотруден. Сперва вам нужно научиться властвовать над *собой*. Остальное приложится. Блажен знающий себя и управляющий собой, ибо ему принадлежит весь мир, любовь же, покой и счастье сопровождают его, куда бы он ни пошел.

Гулко ударил выстрел из дробовика, затем — два револьверных. Пуля сорок пятого калибра попала Майку чуть выше сердца, перебила шестое ребро около самой грудины и образовала большую, зияющую рану, вторая пуля перебила правую ногу пятью дюймами ниже коленной чашечки, заряд картечи

перебил Майку левую ногу; из рваных ран торчали обломки кости, неправдоподобно белые на красном, кровавом фоне.

Майк пошатнулся, негромко рассмеялся и заговорил снова:

— Ты еси Бог. Познай это, и тебе откроется Путь. — Слова падали неторопливо, ясно и звонко.

— Да какого черта! Заткните ему пасть, чтобы не поминал Имя Господа всуе!

— Давайте, ребята! Кончай его!

Некий смельчак с дубиной в руках шагнул вперед, за ним хлынула и вся толпа. Майка били кулаками, камнями и палками, а когда он упал — ногами. Ему ломали ребра и кости, превращали золотое тело в кровавое месиво, отрывали уши, но он говорил все так же спокойно, в его голосе звенело все то же бесконечное сострадание. Потом кто-то крикнул:

— Отойдите малость, ребята, мы его сейчас бензинчиком!

Толпа несколько расступилась, камера выхватила крупным планом лицо и плечи Человека с Марса. Он улыбнулся, глядя прямо на своих братьев, и еще раз сказал, мягко и отчетливо:

— Я люблю вас.

Беззаботный кузнечик с треском взмыл в воздух и опустился на траву в нескольких дюймах от его лица. Майк повернул голову, взглянул на него и радостно возгласил:

— Ты еси Бог!

И развоплотился.

38

Взметнулось пламя, весь экран заполнили клубы грязно-серого дыма.

— Вот это да! — восхищенно пробормотала Пэтти. — Это ж самый блестящий финал в истории жанра.

— Да, — рассудительно согласилась Бекки. — Сам профессор и мечтать не мог ни о чем лучшем.

— Со вкусом, — негромко согласился ван Тромп. — Сильно, зрелищно и со вкусом — вкус у парня просто изумительный.

Джубал обвел глазами своих братьев. Неужели никто из них не испытывает никаких чувств? Джилл и Дон сидели рядом, тесно обнявшись, — но они всегда так, когда находятся в одной комнате. И ни одна из них вроде бы не взволнована. И Доркас тоже, веселенькая и спокойная, хоть бы слезинка в глазу.

В стереовизоре пылающий ад резко сменился улыбкой Гарри Гуляки.

— А теперь, ребята, — сказал неунывающий ведущий, — я предлагаю вам провести несколько секунд в обществе наших друзей с Елисейских Полей, которые любезно согласились...

Пэтти выключила телевизор и сказала:

— Энн и Дюк возвращаются. Я проведу их через фойе, а потом можно и поесть.

Она встала и направилась к двери.

— Пэтти? — окликнул ее Джубал. — Так вы что, *знали*, что задумал Майк?

— А? — удивленно обернулась Пэтти. — Да конечно же нет. Нужно было ждать полноты. Никто из нас ничего не знал.

Она вышла из комнаты.

— Джубал, — осторожно начала Джилл. — Джубал, отец наш любимый. Перестань, пожалуйста, мучаться и грокай в полноте. Майк не мертв. Как может кто-нибудь быть мертвым, если никого нельзя убить? И он не может покинуть нас, которые уже грокали вместе с ним. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог, — тускло повторил Джубал.

— Вот так-то лучше. Иди сюда, посиди со мною и Дон, мы дадим тебе место в серединке.

— Нет. Когда-нибудь потом, а сейчас вы меня не трогайте.

Он кое-как добрался до своей комнаты, заперся на ключ и тяжело обвис, вцепившись руками в спинку кровати. Сынок, ну как же это, как же это, сынок? Почему я не умер вместо тебя? Тебе бы жить да жить, ты сделал бы еще так много... если бы старому идиоту, которого ты незаслуженно уважал, не вздумалось распустить язык и подбить тебя на бессмысленное, никому не нужное мученичество. Вот если бы ты дал им нечто

серьезное, осязаемое — вроде телевизора или игорного автомата, — они были бы в поросячем восторге, так нет же, ты дал им Истину. Или часть Истины. А кому она нужна, эта твоя Истина? Он рассмеялся сквозь всхлипы.

Через некоторое время он прекратил и то и другое, и горестные рыдания, и горький смех, и начал рыться в своем саквояже. Удар, частично парализовавший Джо Дугласа, послужил Джубалу зловещим напоминанием, что всякая плоть — трава; с тех пор он хранил все необходимое под рукой, в несесере с туалетными принадлежностями.

Теперь удар постиг и его, удар, с которым он не мог справиться. Он прописал себе три пилюли, чтобы быстро и наверняка, запил их глотком воды и торопливо лег на кровать. Через несколько минут боль отступила.

Издалека, с огромного расстояния, до него донесся голос:

— Джубал...

— Я отдыхаю. Не надо меня беспокоить

— Джубал! Ну *пожалуйста!* Отец!

— Ч-что?.. Майк? В чем дело?

— Проснись! Полнота еще не наступила. Дай я тебе помогу

— О'кей, Майк, — вздохнул Джубал

Он позволил поднять себя с кровати и отвести в ванную, затем его тошнило и он позволял придерживать свою голову над раковиной, затем он принял стакан воды и прополоскал рот.

— Ну, как теперь, о'кей?

— О'кей, сынок. Спасибо.

— Тогда я побежал, у меня еще уйма дел. Я люблю тебя.

Ты еси Бог.

Джубал собрался с силами, привел себя в божеский вид, переоделся, выпил рюмку бренди, чтобы отбить горьковатый вкус во рту и неприятное ощущение в желудке, а затем вернулся в гостиную, пообщаться с братьями.

Но там не было никого, кроме Пэтти. Телевизор был выключен.

— Ну что, — улыбнулась она, — покормить тебя?

— Да, если будешь так добра.

— Вот и хорошо. — Пэтти встала и подошла к Джубалу. — Эти-то все уже поели и смылись. Каждый из них оставил тебе поцелуй. Я постараюсь цементировать весь этот ворох братской любви любовью собственной.

Поцелуйный концентрат оказался великолепным тонизирующим средством; Джубал снова почувствовал себя сильным и бодрым, недавняя горечь исчезла без следа, изо рта и из мыслей.

— Пошли на кухню, — предложила Пэтти. — Там сейчас много наших, пользуются тем, что Тони ушел. Впрочем, они и так не больно-то боятся его воплей. — Она повернула голову, пытаясь разглядеть что-то у себя на спине. — Тебе не кажется, что финальная сцена чуть-чуть изменилась? Дыма стало побольше.

Джубал сказал, что да, пожалуй, что и так. Никаких изменений вроде бы и не было, однако спорить ему не хотелось.

— Как я и думала, — кивнула Пэтти. — Я умею уже смотреть сразу во все стороны, но только не на себя. Чтобы рассмотреть свой затылок, мне, как и прежде, нужны два зеркала. Майк говорит, что со временем я и это освою. Да в общем-то и важность невелика.

На кухне, за столом и по углам, обреталось человек десять; Дюк стоял у плиты и что-то там стряпал.

— Привет, начальник, — обернулся он, не переставая помешивать в маленькой кастрюльке. — Я заказал двадцатиместную машину, ничего большего наша площадка не примет. Хозяйство у Пэтти большое, и ползунковая эта команда, и живность, но как-нибудь уж поместимся.

— Поместимся. А они что, все собрались домой?

Если не хватит спален, девицы могут организовать лежанки в гостиных, или там еще где, такой ораве все равно придется спать попарно. Может случиться, его тоже уплотнят... ну да ладно. Да и то сказать, это даже приятно, когда рядом с тобой в кровати лежит кто-то теплый... даже если у тебя и нет никаких таких намерений... «Даже?» Ты что, забыл, *насколько* это приятно! Возращивание близости...

— Не все. Тим нас довезет, а потом слетает ненадолго в Техас. А Шкипера с Беатрис и Свена мы скинем в Нью-Джерси.

— А нам с Рут, — добавил Сэм, — нужно в наш старый дом, у нас там дети. И Сол тоже с нами.

— А может, заедете домой на пару дней?

— Может. Только я должен сперва переговорить с Рут.

— Начальник, — вмешался Дюк, — а когда можно будет наполнить бассейн?

— В общем-то, мы никогда не набирали воду раньше апреля, но с этими новыми нагревателями можно вроде бы когда угодно. Только это как-то не по погоде, — добавил Джубал. — Вчера вот еще снег лежал.

— Не бойсь, начальник, эта шобла пройдет телешом через сугробы, где жирафу по горлышко, пройдет и глазом не моргнет, а уж ради того, чтобы лишний раз выкупаться, они вообще на все готовы. А воду греть можно и без этих мазутных печек, есть способы подешевле.

— Джубал!

— Да, Рут.

— Мы заедем на день, а может, и на больше. Дети скучать особенно не будут, да и вообще, пусть сперва Пэтти познакомит их малость с учением, а потом уже я вернусь к исполнению материнских обязанностей. Джубал, тебе *необходимо* посмотреть, как струятся мои волосы по воде во время купания, и вся я — ну чистая миссис Поступай-с-другими-так-как-хочешь-чтобы-поступали-с-тобой, а так ты, считай, меня и не видел.

— Заметано. Слушай, а где этот нордический тип, да и голландец тоже? Беатрис никогда еще не бывала дома, могла бы и найти время, куда ей спешить?

— Так я им и скажу.

— Пэтти, а смогут твои змеюки какое-то время перекантоваться в чистом, теплом подвале? Недолго, пока мы не придумаем что-нибудь получше. Пышечка будет с нами — что она, не человек, что ли, но вот чтобы кобры по дому ползали, это уже малость перебор.

— Конечно, Джубал.

— М-м-м... — Джубал обвел кухню глазами. — Дон, ты умеешь стенографировать?

— Ей это ни к чему, — заметила Энн. — Ровно как и мне.

— Да, мог бы и сам догадаться. А на машинке стучать умеешь?

— Если надо, мигом научусь.

— Считай себя принятой на работу — пока где-нибудь не откроется вакансия Верховной жрицы. Джилл, мы никого не забыли?

— Нет, начальник, никого. Если не считать всех остальных, они тоже могут как-нибудь нагряться. И не только могут, но *непременно* нагрывают.

— Как я, собственно, и думал. Гнездо номер два. — Джубал подошел к плите и заглянул в Дюкову кастрюльку; там побулькивало нечто вроде бульона. — Хм-м... Майк?

— Ага. — Дюк зачерпнул немного бульона, подул на ложку и попробовал. — Соли маловато.

— А Майк и раньше был немного пресноват. — Джубал отобрал у Дюка ложку и попробовал бульон. Все верно, соли действительно не хватало. — Ладно, грокнем его как есть. Кто еще не получил свою долю?

— Только ты. Тони оставил меня у плиты со строгими указаниями помешивать ручным способом, добавлять при необходимости воду и ждать тебя. И чтобы ни в коем случае не выкипело.

— Тогда тащи сюда пару чашек. Мы разделим его и грокнем вместе.

— Верно, начальник. — Две чашки сорвались с полки и мягко приземлились рядом с кастрюлькой. — Вот Майк и остался в дураках, он ведь всегда божился, что переживет меня — и накормит ребят мною на день Благодарения. А может, это я в дураках — мы же с ним заложились на этот счет, а с кого теперь брать выигрыш?

— Это не боевая победа, а так, из-за неявки противника. Разливай поровну.

Что Дюк и сделал. Джубал поднял свою чашку:

— Поделимся!

— Взрастим близость!

Они пили бульон медленно, растягивая наслаждение, восхваляя, взлелеивая и грокая дарителя пищи. Джубал с удивлением обнаружил, что в обильно нахлынувших на него чувствах не было ни капли горечи, ни капли сожаления, а лишь спокойное, мирное счастье. Каким странным, смешным и неуклюжим был Майк первое время, ну прямо слепой шенок... как он старался, чтобы все были им довольны, как стеснялся своих наивных оплошностей — и до какой гордой, величественной мощи вознесся он, ничуть не утратив своей ангельской невинности. Я грокою тебя, сынок, наконец-то грокою — и не жалею ни о чем.

Пэтти уже сообразила ему обед. Джубал сел за стол и жадно накинулся на еду — ему казалось, что завтрак остался где-то в незапамятном прошлом.

— Я тут говорил Солу, — сказал сидевший рядом Сэм, — что прежних планов не нужно менять, так я грокою. Мы будем продолжать, словно ничего не случилось. Главное, чтобы товар был хороший, тогда бизнес продолжает расти и после смерти основателя фирмы.

— Да я же, собственно, и не возражал, — обиделся Сол. — Вы с Рут организуете новый храм, ну и остальные — тоже, в других местах. Только нам потребуется некоторое время, чтобы подкопить денег. Это же не проповедь на городском перекрестке, и не какая-нибудь занюханная секта, которой только и надо, что снять какой-нибудь пустой магазин или склад и устроить там молельный дом. Тут и помещение нужно подходящее, и оборудование, так что денег потребуется уйма. И ты подумал, во сколько нам встанет послать Стинки и Мириам на Марс? И не в туристскую экскурсию, а на год, лучше на два. Это ничуть не менее важно, чем храмы.

— Да хорошо, *хорошо*, кто с тобой спорит! Мыждемся полноты, а потом продолжим свой путь.

— С деньгами нет никаких проблем, — заметил Джубал.

— Да откуда они возьмутся?

— Как юристу, мне не нужно бы вам этого рассказывать, но как брат по воде я делаю то, что грокается мне верным. Подождите секунду. Энн?

— Да, начальник.

— Купи это место. То, где они угробили Майка. Мне нужен круглый кусок земли с радиусом футов в сто.

— Да ты что, начальник? Этот круг включает кусок общественного бульвара и кусок земли, принадлежащей гостинице.

— Не пререкайся со старшими.

— Я не пререкаюсь, а ставлю тебя в известность.

— Извини. А с покупкой проблем не будет. Бульвар мэрия сдвинет, дело небольшое. Кой черт, да если Джо Дуглас прижмет их посильнее, они *подарят* нам эту землю. А еще скажем Дугласу забрать из морга то, во что превратили Майка эти живодеры, и мы его похороним на этом самом месте, где-нибудь через год... и весь город будет скорбеть, а копы, не защитившие его сегодня, будут тянуться по стойке «смирно».

Что поставить на его могилу? Упавшую Кариатиду? Нет, Майк был достаточно силен для своей ноши. Русалочку, вот это было бы в самый раз, но никто ведь не поймет. Может быть, изображение самого Майка, когда он сказал: «Взгляните на меня. Я сын человеческий». Если даже Дюк не успел сфотографировать этот момент, в архивах NWNW снимки точно найдутся, а вот что касается скульптора с хоть малой долей роденовского дара... ну что ж, будем надеяться, что со временем среди братьев появится и такой человек.

— Мы зароем Майка в землю, — продолжил Джубал, — без гроба, чтобы его грокали черви и ласковый дождь. Я грокаю, ему бы это понравилось. Энн, как только доберемся до дома, свяжи меня с Джо Дугласом.

— Хорошо, начальник. Мы грокаем с тобой.

— А теперь вернемся к нашим мутонам. — Он рассказал им про Майково завещание. — Так что каждый из вас стал по меньшей мере миллионером, а насколько уж там больше, я давно

не оценивал... да нет, много, много больше, даже после уплаты налогов. Никаких обязательных условий, но я грокаю, что вы будете тратиться в первую очередь на храмы и все такое. А если хотите — покупайте себе яхты и дворцы, никто вам не возразит. Да, еще. Для тех, кто не хочет сам заниматься своим капиталом, Джо Дуглас остается на должности управляющего, с прежним гонораром... но я грокаю, что Джо долго не протянет, после чего управление переходит к Бену Какстону. Бен?

— Да пусть хоть и на меня, — пожал плечами Бен. — Мне грокается, я найму себе в помощь настоящего бизнесмена по имени Сол.

— Так что с этим вопросом все ясно. Завещание вступает в силу не сразу, а через некоторое время, но я думаю, никто не решится его опротестовывать, у Майка все продумано до тонкостей, комар носа не подточит. Ну и когда же мы отсюда сматываем? По счету расплатились?

— Джубал, — мягко напомнил Бен, — это *наша* гостиница.

Вскоре они были уже в воздухе, без всяких препятствий со стороны полиции, — город успокоился так же быстро, как и возбудился. Джубал сидел впереди, рядом со Стинки Махмудом; он не ощущал усталости, а только смутную печаль, не радовала даже перспектива близкого возвращения домой, в привычное, надежное логово. Они обсуждали предстоящую поездку Махмуда на Марс для более глубокого изучения языка — после, как с удовольствием узнал Джубал, завершения работы над марсианским словарем. Стинки считал, что на проверку всех фонетических транскрипций уйдет не меньше года.

— А ведь теперь, — брюзгливо заметил Джубал, — придется и мне учить эту жуткую тарабарщину, а то ведь не буду понимать, о чем вы все говорите.

— Ты грокаешь верно, брат...

— Только вот же хрен я соглашусь учиться, как школьник, по расписанию и делать в тетрадочке уроки! Я буду работать по своему личному усмотрению, как я всегда это делал.

Махмуд немного помолчал и улыбнулся:

— Джубал, если в Храме у нас были уроки и расписания, так это потому, что мы работали с группами. Но кое-кто получал индивидуальную подготовку.

— Вот это мне и нужно.

— К примеру, Энн продвинулась гораздо дальше, чем можно бы подумать из ее слов. Абсолютная память позволила ей, в раппорте с Майком, выучить марсианский за буквально никакое время.

— Ну и что? У меня-то нет такой памяти, да и Майка у нас тоже нет.

— Майка нет, но есть Энн. И при всем твоим ослиным упрямстве Дон сможет поставить тебя в раппорт с Энн — если ты ей позволишь. А начиная со второго урока и Дон не понадобится — Энн сделает все сама. Ты начнешь думать по-марсиански в считанные дни — это по календарю, по субъективному времени получится гораздо дольше, но это, собственно, и неважно. А уж подготовительные упражнения, — широко ухмыльнулся Махмуд, — тебе точно понравятся.

— Ты низкий, порочный, развратный араб, — ошетинился Джубал. — И ты украл у меня секретаршу, одну из лучших.

— За что я пред тобою в неоплатном долгу. Но ты не совсем ее лишил, она тоже будет тебя учить. Это ее собственная идея.

— Ладно, пересядь куда-нибудь. Мне нужно подумать.

Минут через пятнадцать Джубал встрепнулся и рявкнул:

— *К ноге!*

В ту же секунду рядом с ним появилась Доркас с блокнотом и карандашом. Джубал окинул ее внимательным взглядом:

— И с чего бы ты это такая радостная? Прямо сияешь.

— Я назову его Деннисом, — мечтательно проворковала Доркас.

— Подходящее имя, — кивнул Джубал, — очень подходящее.

(А если ты не совсем уверена в отцовстве, подумал он, то и тем более подходящее.)

— А как ты себя чувствуешь? В состоянии работать?

— Да, конечно! Я чувствую себя просто *роскошно*.

— Начало. Сценарий телевизионной постановки. Набросок. Предполагаемое название: «Марсианин Смит». Заставка: наезд на Марс с использованием архивных материалов, непрерывная последовательность, наплывом переходящая в студийную декорацию действительного места посадки «Посланника». Средним планом виднеющийся в отдалении космический корабль. Марсиане, анимация по архивным снимкам — или по новым. Наплывом крупный план: внутреннее помещение космического корабля. Пациентка лежит на...

39

Хотя вердикт по третьей от Солнца планете и не был еще вынесен, его характер не вызывал ни малейших сомнений. Старики четвертой планеты не только не обладали божественным всеведением, но даже не отличались особой широтой суждений; собственно говоря, они были такими же провинциалами, как и люди, разве что на иной манер. И что толку, что их логика гораздо совершеннее земной? Грокая по своим захолустным меркам, они неизбежно усмотрят в торопливых, непоседливых, неуживчивых обитателях третьей планеты неизлечимую «неправильность», неправильность, которую следует грокнуть, взлелеять, возненавидеть — и устранить.

Но пока Старики будут копать со своим гроканьем, уничтожение этой фантастически сложной расы выйдет — практически наверняка — далеко за пределы их возможностей. Опасность представлялась настолько малой, что те, кто отвечал за третью планету, не задумывались над ней и на долю зона.

— Дигби! — окликнул Фостер.

— Да? — вскинул голову его ассистент.

— Я отбываю на несколько зонов по спецзаданию, а потому хотел бы представить тебя твоему новому начальнику. Майк, это архангел Дигби. Он знает, где тут что и что к чему, и будет надежным помощником во всех твоих начинаниях.

— Я уверен, что мы с ним прекрасно сработаемся, — кивнул архангел Михаил. — Скажите, Дигби, а мы с вами нигде не встречались?

— Да нет, что-то не припоминаю, — пожал крыльями Дигби. — Хотя, конечно же, при такой необъятности пространственно-временного континиума...

— В общем-то, это и не важно. Ты еси Бог.

— Ты еси Бог, — откликнулся Дигби.

— Да бросьте вы эти формальности, — поморщился Фостер. — Я оставляю на вас уйму дел, так что не тратьте времени зря, не думайте, что у вас в запасе вся вечность. Ну Боги вы, Боги, — а кто не Бог?

Как только он удалился, Майк сбил свой нимб на затылок и приступил к работе. Он уже видел, что многое здесь безнадежно устарело...

Примечания

Название романа в оригинале, *Stranger in a Strange Land*, взято из Библии короля Иакова (Исход, вторая книга Пятикнижия Моисеева, 2: 22), то есть, в соответствии с Синодальным переводом Священного Писания, «Пришелец в чужой земле»¹. Следует отметить, что до публикации автор намеревался дать роману название *The Heretic*, то есть «Еретик», а ранее рассматривал рабочие версии *A Martian Named Smith* («Марсианин Смит») и *The Man from Mars* («Человек с Марса»).

С. 10. *Джубал* означает «отец всех», Майкл — «Кто как бог?». — Несколько неточные значения имен: Джубал, он же Иувал — «отец всех играющих на гусях и свирели» (Быт. 4: 21); Майкл, он же Михаил, Михаэль (*ивр.*) — «кто как бог», «тот, кто подобен Господу».

С. 18. ...*Бетесдинского медицинского центра*... — Комплекс медицинских научно-исследовательских институтов и организаций здравоохранения, расположенный в гор. Бетесда, штат Мэриленд, в непосредственной близости от Вашингтона, округ Колумбия. Назван по упоминаемой в Библии иерусалимской купели («купель у Овечьих ворот» или Вифезда в каноническом русском написании), где Иисус Христос исцелил расслабленного (см. Ин. 5: 1–16).

С. 22. *Криббедж* — карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США.

С. 37. *Флоренс Найтингейл* (1820–1910) — английская медсестра, особенно прославившаяся во время Крымской войны; впоследствии сделала очень много для коренной реорганизации госпиталей и больниц.

С. 38. *Александрия* — пригород Вашингтона.

¹ «Моисею понравилось жить у сего человека; и он выдал за Моисея дочь свою Сепфору. Она [зачала и] родила сына, и [Моисей] нарек ему имя: Гирсам, потому что, говорил он, я стал пришельцем в чужой земле».

С. 39. *...уинчеллы, липпманы...* — Нарисательное употребление фамилий американских журналистов: скандально известного репортера Уолтера Уинчелла (1897–1972) и влиятельного политического обозревателя Уолтера Липпмана (1889–1974).

«*Нью-Мэйфлауэр*» — имеется в виду излюбленное место встреч политиков и журналистов — фешенебельный вашингтонский ресторан в гостинице «Мэйфлауэр», открытый в 1925 г. и названный в честь корабля, на котором в 1620 г. пересекли Атлантику «отцы пилигримы», основатели английской колонии, ставшей впоследствии Соединенными Штатами.

...я бы не рисковал идти с тобой в ресторан ближе чем в Луисвилле. — Луисвилл — крупнейший город в штате Кентукки, находится в 500 милях от Вашингтона.

...Муху приглашал Паук. — Цитата из стихотворения «Паук и Муха» английской детской писательницы, поэтессы и переводчицы Мэри Хауитт (1799–1888).

С. 46. *Миастения* — патологическая мускульная недостаточность. *...кроме разве что воды в колене.* — Аллюзия на роман Джерома К. Джерома «Трое в одной лодке, не считая собаки». Там главный герой, изучая медицинский справочник, обнаруживает у себя симптомы всех мыслимых и немыслимых болезней, за исключением той же самой «воды в колене».

С. 48. *...Научному фонду.* — Имеется в виду Национальный научный фонд (*National Science Foundation*), независимое агентство при правительстве США, созданное в 1950 г. и отвечающее за развитие науки и технологий.

С. 59. *Habeas corpus* — закон о правах личности, принятый английским парламентом в 1679 г. (название — первые слова текста). Этот закон, декларирующий недопустимость содержания человека под арестом без постановления суда, лег в основу аналогичных уложений в большинстве стран мира.

С. 65. *Хагерстаун* — город в сотне с лишним километров от Вашингтона, на границе с Пенсильванией.

С. 67. *...курс по оцепиванию комаров и поглощению верблюдов.* — Парафраз Евангелия от Матфея: «Вожди слепые, оцепивающие комара, а верблюда поглощающие!» (Мф. 23: 24).

...сошлутся на Блэкуэлла, Наполеона или даже на Юстиниана. — Имеются в виду прецедент английского фидуциарного законодательства (разбирательство Блэкуэлл против Блэкуэлла, 1929 г.), Наполеоновский кодекс (принятый в 1803 г. фундаментальный свод гражданских законов Франции) и кодекс византийского императо-

ра Юстиниана Великого — утвержденная в 529 г. компиляция императорских конституций, где устанавливаются нормы имущественного права.

С. 68. *Сквоттерские права* — права на недвижимость, землю, возникающие у человека, занявшего ее первым и пользовавшегося ею в течение установленного минимального срока.

С. 71. ...*«руки, что качает колыбель»*... — Название и рефрен широко известного стихотворения американского поэта Уильяма Росса Уоллеса (1819–1881), более полно: «Рука, что качает колыбель, правит миром».

С. 74. — *Что ты Гекубе, что тебе Гекуба?* — *переврал Шекспира Какстон*. — Парафраз слов Гамлета из одноименной трагедии У. Шекспира, акт II, сцена 2: «Что ему Гекуба, что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?» (перев. М. Лозинского). Гекуба — жена царя Приама, мать Гектора и Париса, олицетворение несчастной матери и жены, символ женского горя.

С. 77. *Поконские горы* — часть Аллеганского плато, холмистая местность на северо-востоке штата Пенсильвания.

С. 79. ...*обучался полному запоминанию у великого доктора Сэмюэла Реншоу*... — Сэмюэл Реншоу (1892–1981) — известный американский психолог, исследователь и экспериментатор, разработавший успешные методики скорочтения, а также укрепления и развития памяти.

...*гипнотическому кодированию — в Исследовательском центре Райна*. — Джозеф Бэнкс Райн (1895–1980) — американский ботаник и психолог, основоположник школы научной парапсихологии, основатель Института фундаментальных исследований человеческой природы, впоследствии получившего название Исследовательский центр Райна.

С. 95. ...*пока я не постучу «Дай закурить»*. — Фраза, употребляемая для запоминания буквы «Б» по азбуке Морзе: тире-точка-точка-точка.

С. 99. ...*«жизнь, состояние и незапятнанную честь»*... — Парафраз заключительных слов Декларации независимости США: «...мы клянемся друг другу поддерживать настоящую Декларацию своей жизнью, своим состоянием и своей незапятнанной честью» (перев. О. Жидкова).

С. 107. *Рейтеоновский замок* — от названия американской компании *Raytheon*, основанной в 1922 г., крупного производителя электронного оборудования и поставщика военного ведомства.

С. 121. *Согласно заявлению... верховного епископа Церкви Нового Откровения (попросту говоря — фостеритов), он поручил ангелу Азраилу направлять сенатора Федерации...* — Азраил — ангел смерти в мусульманской мифологии. Название придуманной автором церкви — Церковь Нового Откровения — подразумевает, что некий Фостер объявил себя четвертым — после Моисея, Христа и Магомета — великим пророком и одарил мир новым — после Ветхого Завета, Нового Завета и Корана — откровением.

С. 122. *Вест-Пойнт* — старейшая военная академия США.

Сканер, разработанный компанией «Сперри»... — «Сперри» (*Sperry*) — американская компания по производству радио-, электро- и электронных приборов и аппаратуры, основанная в 1910 г.; просуществовала до 1986 г. и после ряда слияний и поглощений стала частью корпораций *Unisys* и *Honeywell*.

С. 126. *Наибольшее благо для наибольшего числа людей...* — Выражение употребляет в своих трудах Иеремия Бентам (1748–1832), английский юрист и философ, приписывая его Джозефу Пристли (1733–1804), английскому естествоиспытателю, хотя на самом деле впервые оно встречается в неопубликованном труде Фрэнсиса Гетчисона (1694–1746), ирландского философа, ставшего одним из основателей Шотландского просвещения.

...мадам Везант... — Фамилия астролога созвучна фамилии Анни Безант (1847–1933), английского теософа и спиритуалиста, борца за права женщин.

С. 127. *...когда же упадет второй ботинок.* — Аллюзия на известный анекдот.

Агнес считала Эву Перон священным образцом для подражания... — Эва (Эвита) Перон (1919–1952) — первая леди Аргентины, жена президента Хуана Перона.

С. 128. *...как Черная Королева, обладала счастливой способностью верить в то, что ей самой было угодно.* — Имеется в виду персонаж сказки Льюиса Кэрролла «Сквозь зеркало, и Что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье».

С. 129. *...звезды не принуждают, а лишь склоняют.* — Точнее, «Звезды склоняют, но не принуждают» — пассаж из трактата Роберта Бертона (1577–1640) «Анатомия меланхолии».

С. 130. *...листы бумаги, испещренные цифрами и диаграммами, а также затрепанный навигационный справочник наглядно свидетельствовали о серьезности выполненной работы.* — В навигационных справочниках всегда есть астрономические таблицы.

...профессора Симона Магуса, крупного знатока древних тайн... — Симон Магус (в русских текстах Симон Волхв) — родоначальник гностицизма и, по преданию, основатель секты симониан, обращенный в христианство апостолом Филиппом (Деян. 8: 9–24).

С. 135. ...позвонила своему биржевому брокеру и приказала продавать «Лунар энтерпрайзес», без покрытия. (...) ...прикрой меня... — Бекки продает «без покрытия», то есть акции, которых у нее еще нет. «Прикрыть» ее — значит купить для нее акции, которые она должна своим покупателям.

С. 136. ...«Дочерей Второй революции»... — намек на консервативно-патриотическую организацию «Дочери Американской Революции», основанную в 1890 г. и допускающую в свои ряды исключительно женщин, чьи предки принимали непосредственное участие в американской революции.

С. 142. ...Рединг... Ланкастер... Скрантон... — Все упоминаемые здесь городки — в стокилометровой окрестности Филадельфии, из них Скрантон — совсем недалеко от Поконских гор.

С. 152. *Нимфы весело резвились...* — Метаморфический цикл земных насекомых состоит из стадий яйца, личинки, нимфы (неподвижная нимфа называется куколкой) и взрослой особи (имаго).

С. 155. ...во времена земного цезаря Августа... — Имеется в виду император Октавиан Август (27 до н. э. — 14), внучатый племянник Юлия Цезаря и основатель Римской империи.

С. 156. *Плимутский Камень* — прибрежная скала в Плимуте, штат Массачусетс, на которую, по преданию, высадились первопоселенцы, прибывшие в Америку в 1620 г. на борту «Мэйфлауэра».

С. 162. «*Ай-Ти-Ти*» — имеется в виду IT&T (*International Telephone and Telegraph*) — телефонная и телеграфная компания, основанная в 1920 г., в настоящее время производит продукцию оборонного назначения и электронное оборудование.

С. 166. ...«все, как ни вьются, реки». — Цитата из стихотворения английского поэта А. Ч. Суинберна (1837–1909) «Сад Прозерпины»: «Все, как ни вьются, реки — вольются в океан» (перев. М. Донского).

«*Я радостно жил и легко умру*» — цитата из стихотворения Р. Л. Стивенсона «Завещание» (перев. А. Сергеева).

С. 173. ...налоговую базу не уменьшаешь. — Налогообложение прибыли работодателя снижается за счет заработной платы, которую он выплачивает работникам.

С. 175. *...обличий Ангра-Майнью...* — Ангра-Майнью (Ахриман, Ариман) — верховный предводитель сил зла, смерти и тьмы в зороастризме.

С. 176. *«Ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет...», Иоанн, глава такая-то — стих такой-то — Иисус Никодиму.* — Ин. 3: 20.

С. 184. *«Есть список небольшой... убрать их всех долой!»* — цитата из оперетты У. Ш. Гилберта (1836–1911) и А. С. Салливана (1842–1900) «Микадо» (перев. Г. Бена).

С. 186. *...в комиссию по расследованию антимарсианской деятельности.* — В момент написания романа американцы еще живо помнили возглавлявшуюся сенатором Джо Маккарти (1909–1957) Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности.

С. 187. *...«длинной свиньи»...* — так полинезийские каннибалы именуют человеческое мясо.

С. 197. *Я обедаю с мытарями и грешниками... Но я никогда не преломлю хлеба с фарисеями.* — Евангельская аллюзия: «Увидевши то, фарисеи сказали ученикам Его: для чего Учитель ваш ест и пьет с мытарями и грешниками?» (Мф. 9: 11).

С. 202. *Автоматическая камера «Митчелл» снимала изображение на четырехмиллиметровую звуковую киноплёнку Лэнда, которую потом просматривали в небольшом настольном стереовизоре «Ясинон»...* — Имеется в виду *Mitchell Camera Corporation*, известная американская компания по производству кинокамер и кинопроекторов, основанная в 1919 г., просуществовала до конца 1960-х гг. Эдвин Лэнд (1909–1991) — американский ученый и изобретатель, основатель компании *Polaroid*. «Ясинон» (*Yashinon*) — один из брендов фирмы *Yashika*, японской компании по производству фотоаппаратов и кинокамер, основанной в 1949 г.

С. 204. *...мистеру Квадрату из Флатландии...* — персонаж научно-фантастического романа Эдвина Эббота (1838–1926) «Флатландия», опубликованного в 1884 г.

С. 208. *...нечто вроде конфирмации или бар-мицвы...* — Бар-мицва — иудейский обряд, совершаемый над тринадцатилетними мальчиками; по смыслу своему он похож на конфирмацию.

...принимая участие в символическом каннибализме... — имеется в виду Святое Причастие.

С. 210. *Жалкие останки принципа свободного доступа граждан к правителям были мумифицированы в первой и девятой поправках к Конституции Соединенных Штатов...* — Первая поправка запрещает, в частности, издание законов, ограничивающих право народа

обращаться к правительству с петициями; девятая поправка провозглашает, что перечисление в Конституции конкретных прав граждан совсем не означает отрицание других прав, там не перечисленных.

С. 211. *Пятипроцентник* — человек, лоббирующий какой-нибудь контракт за вознаграждение в сумме пяти процентов его стоимости, в переносном смысле — просто влиятельный лоббист.

С. 212. *Кубла-Хан*, он же Хубилай (1216–1294) — самый знаменитый из потомков Чингисхана, основатель монгольской династии в Китае. Фантастическое описание его дворца — а вернее, окружающей этот дворец природы — дано в стихотворении С. Т. Кольриджа (1772–1834) «Кубла-Хан» (перев. К. Бальмонта).

С. 220. *...старший философункулист действительной службы*. (...) *Вы что, не проходили амфигорию?* — Амфигория — примерно то же самое, что и абракадабра, ахинея; очень к месту, если иметь в виду, что чин философункулиста, то есть философа-дилетанта, — чистая абракадабра.

С. 225. *Телеология* — учение о высшей, объективной цели бытия.

С. 226. *Христианская наука* — религиозная, а заодно и оздоровительная система, созданная в 1866 г. Мэри Бейкер Эдди.

С. 227. *...бритва Оккама...* — Уильям Оккам (1310–1349) — английский схоласт, знаменитый своей «бритвой Оккама», а точнее, «принципом бережливости», утверждающим, что «бесполезно делать посредством многого то, что может быть сделано посредством меньшего».

С. 228. *Коронер* — чиновник, в чьи обязанности входит удостоверить факт смерти и определить ее причину.

Хороший фостерит — мертвый фостерит. — Парафраз высказывания американского генерала Филипа Генри Шеридана (1831–1888): «Хороший индеец — мертвый индеец».

С. 229. *Как в начале, так и ныне и присно и во веки веков*. — В русском варианте этой молитвы просто «ныне и присно и во веки веков».

С. 234. *Человек, рожденный от женщины и рожденный на страдание...* — Аллюзия на: «Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх» (Иов. 5: 7).

С. 235. *Ты еси Бог!* — Точная аналогия индуистской логической формулы «Тат твам аси» (санскр., см. «Чхандогья-упанишада», 6.8.7., перев. А. Сыркина: «Ты — одно с Тем», букв. «То ты еси»).

Установи на пульте «посмертное срабатывание»... — То есть срабатывание при отпускании, в частности — при гибели оператора.

С. 252. *Билль о правах* — первые десять поправок к Конституции США, принятые в 1791 г. (то есть через четыре года после принятия самой Конституции) и декларирующие права народа.

С. 257. *Эгегей, простофиля!* — Кличем «Hey, Rube!» в США с середины XIX в. работники странствующих цирков, карнавалов и т. д. звали на помощь, когда возникали потасовки со зрителями.

С. 262. *Оксюморон* — в буквальном переводе с греческого слово означает «острая глупость»; название стилистической фигуры речи, состоящей из намеренного сочетания противоречивых понятий, типа «живой труп» или «красноречивое молчание».

С. 265. *...взвод «Чарли»...* — То есть взвод «си», третий взвод (по первой латинской букве слова «Charlie»).

...мэрилендском гарнизоне анклава... — Здесь читателю неявно сообщается, что на территории США есть анклав Федерации, не попадающий под юрисдикцию местных властей.

С. 269. *...новомодным «умиротворением».* — Подписав в 1938 г. Мюнхенские соглашения, содержавшие колоссальные уступки Гитлеру, западные державы называли это «политикой умиротворения».

С. 271. *Ни о каких звездных палатах не может быть и речи.* — Звездной палатой иносказательно именовали тайный гражданский и уголовный суд в Англии XV–XVII вв., по названию палаты Вестминстерского дворца, разукрашенной звездами; в переносном значении — тайное судилище.

С. 282. *...расправой Илиш над пророками Вааловыми...* — 3 Цар. 18: 17–46.

С. 284. *«Анатомия меланхолии»* — философский трактат английского священника Роберта Бертона (1577–1640).

С. 286. *...свободное серебро...* — Право свободной для всех чеканки серебряной монеты.

С. 287. *Отсытался в Соноре...* — В данном случае речь идет об одном из штатов Мексики, на самом севере страны, у границы с США. *Ногалес* — город на самой границе США и Мексики.

С. 288. *«И делу бы конец».* — Цитата из трагедии У. Шекспира «Макбет», акт I, сцена 7 (перев Б. Пастернака).

С. 294. *«С кафедры»* — в первоначальном смысле выражение относилось к кафедре в Риме, с которой папа оглашал свои энциклики; в смысле переносном — непререкаемо, авторитетно.

С. 295. *...вроде убийства Хьюи Лонга...* — Хьюи Пирс Лонг (1893–1935) — американский политик-популист, губернатор Луизианы, сенатор США; намеревался участвовать в президентских выборах 1936 г., но был застрелен в Капитолии штата Луизиана. Явился прототипом Вилли Старка — главного героя романа Р. П. Уоррена «Вся королевская рать» (1946).

С. 296. *...очень плохая система правления...* — так охарактеризовал демократию Уинстон Черчилль.

...со времен дела Фолла—Дохини... — Альберт Бэкон Фолл (1861–1944) — министр внутренних дел в администрации Уоррена Гардинга; Эдвард Лоренс Дохини (1856–1935) — один из крупнейших американских нефтепромышленников. Речь идет о так называемом типот-доумском скандале (1922), когда Фолл получил крупную взятку от предпринимателей за право на лизинг ресурсов нефтехранилища «Типот-Доум» в штате Вайоминг. Во время написания романа — до Уотергейтского скандала (1972) — этот инцидент называли самым сенсационным разоблачением в истории американской политики.

С. 297. *«Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда»*. — Евангельская цитата (Лк. 9: 58).

С. 300. *Так и не найдя собачьей упряжки, Джубал заказал «Летающий Грейхаунд»*. — В настоящее время «Грейхаунд» (букв. «гончая») — всеамериканская автобусная сеть.

С. 306. *...трактата Эли «О наследовании и завещании»*. — Ричард Теодор Эли (1854–1943) — известный американский экономист, профессор кафедры политэкономии Висконсийского университета в Мэдисоне, один из основателей Американской экономической ассоциации.

...о разделе наследуемого имущества per stirpes и per capita... — Юридические термины имущественного права: раздел имущества между родственными группами (*per stirpes*) и между отдельными наследниками (*per capita*).

С. 312. *И если примете вы их в свои, они вам станут братья*. — Коран, сура 2 («Корова»), стих 219 (перев. В. Прохоровой Ар-Рашид).

С. 315. *...девиз скаутов*. — То есть «Всегда готов».

С. 316. *...«Симфонию десяти планет»?* — Аллюзия на «Планеты», симфоническую сюиту английского композитора Гюстава Холста (1874–1937), первая часть которой носит название «Марс, вестник войны».

С. 317. *«Музыкальные стулья»* — знакомая всем с детства игра, участники которой бегают под музыку вокруг стульев и пытаются занять эти стулья, когда музыка прекращается.

С. 319. *...«сенатор» совсем не обозначает «Старик», как можно было бы подумать...* — Буквальное значение слова «сенат» — совет старейшин.

С. 325. *Подобно отважным принцам... пересекавшим безжизненные пустыни и неизведанные морские просторы...* — Джубал сравнивает Майку с героями новеллы английского писателя Горация Уолпола (1717–1797) «Три принца из Серендипа», основанной на одном из эпизодов персидской эпической поэмы «Восемь райских садов». Р. Хайнлайн очень любил эту новеллу.

С. 334. *Мепробамат* — успокаивающее средство.

С. 335. *Стинки — букв. «Вонючка»*; слово, употребляемое и в пренебрежительном смысле, и в ласковом, дружественном.

С. 338. *Язык уже сам по себе определяет структуру основных понятий человека.* — Отсылка к гипотезе лингвистической относительности (она же гипотеза Сепира—Уорфа), предполагающей, что структура языка влияет на мировосприятие и воззрения его носителей.

С. 339. *Американская полевая служба* — имеется в виду *American Field Service*, добровольная молодежная организация, основанная в 1914 г. для транспортировки раненых с европейских фронтов.

С. 340. *...«пиджин-марсианский»..* — Пиджин-языки (от китайского произношения английского слова «бизнес») — языки межкультурного общения, чаще всего представляющие собой сильно упрощенный вариант одного из взаимодействующих языков с элементами второго («сiju фанза пью чай»).

С. 344. *Энн, не прерывай размеренное течение глубоких мыслей. Ты что, родом из Порлока?* — Порлок — город в Англии. По преданию, когда английский поэт С. Т. Кольридж (1772–1834) в деревушке неподалеку от Порлока записывал на бумагу увиденную в наркотическом сне поэму «Видение Кубла-хана», к нему явился гость из Порлока. Поэт отвлекся, а вернувшись к поэме, уже ничего не мог вспомнить, и поэма так и осталась незаконченной.

С. 349. *...не прикупать к паре мелких.* — Речь идет об игре в покер.

Морской Старик — персонаж из пятого путешествия Синдбада-морехода, усевшийся Синдбаду на шею и не желавший слезать.

С. 352. *...с грифом «сдохнуть до прочтения»?* — Парафраз шутки Р. Фейнмана, утверждавшего, что во время работы над атомной бомбой он видел документ с грифом «сжечь до прочтения».

Tuше! — фехтовальный термин, обозначающий «касание», укол (от фр. *toucher*).

С. 353. *Дерзай, всегда дерзай.* — Вольное цитирование Жоржа Жака Дантона (1759–1794), призвавшего в одной из своих речей: «Дерзновение, и опять дерзновение, и всегда дерзновение!»

...побасенку о доле венценосца... — Аллюзия на крылатое выражение из пьесы У. Шекспира «Генрих IV», ч. II (акт III, сц. 1): «Да, тяжела ты, доля венценосца» (перев. П. Каншина).

С. 357. *Вы знакомы с классификацией культур на «аполлонические» и «дионисийские»?* — Антропологическая классификация, восходящая к Ницше; аполлонические культуры — упорядоченные, консервативные (классический пример — многие племена американских индейцев), а дионисийские (дионисические) — индивидуалистические, несдержанные, беспокойные. В греческой мифологии Аполлон — бог света, музыки, поэзии, пророчеств, исцелений и мужской красоты, а Дионис (латинский Вакх) — бог плодovitости, вина и драмы.

...марсиане назвали бы дионисийской даже культуру зуни. — Зуни — индейское племя, обитающее в США, на западе штата Нью-Мексико.

А если в языке нет слова, обозначающего некое понятие, значит культура никогда не сталкивалась с его референтом. — Референт — внеязыковый объект, на который указывает имя либо именная группа слов.

С. 367. *...почта... поступала рассортированной на первый, второй, третий и четвертый классы...* — В американской почтовой системе первый класс — нечто вроде заказной корреспонденции, второй и третий — бандероли (до половины фунта и от половины до целого фунта), открытые для осмотра, четвертый — посылки весом свыше фунта, а также аналоги второго и третьего класса, закрытые от осмотра.

С. 377. *...максимальная величина общих расходов — что-то чуть поменьше общей суммы на счете, деленной на тройку наполненную...* — По всей видимости, было велено тратить не больше одного процента банковского счета (напомним, что «тройка наполненная» — это три в четвертой степени, то есть восемьдесят один). (См. с. 301.)

«Маршалл Филдс» (Marshall Field's) — сеть универмагов и торговых компаний, названная по имени владельца, американского предпринимателя и филантропа Маршалла Филда (1834–1906); в 2005 г. вошла в состав группы торговых компаний *Macy's*.

«*Сирс и Монтгомери*» — вымышленная торговая сеть, образованная слиянием названий двух известных американских компаний, *Sears* и *Montgomery Ward*, торгующих по почтовым заказам.

С. 378. *Источник, так и не найденный Понсе де Леоном?* — Хуан Понсе де Леон (1460–1521) — испанский путешественник, один из многих, искавших источник вечной молодости, находящийся, по индейским легендам, то ли на Багамских островах, то ли во Флориде.

С. 380. ...«*Та, что была прежде Прекрасной Оружейницей*». — Прекрасная Оружейница — персонаж «Большого заветания» Франсуа Вийона, от чьего имени написаны входящие в это произведение «Жалобы Прекрасной Оружейницы» и «Баллада-завет Прекрасной Оружейницы гуляющим девкам» (названия в переводе Ф. Мендельсона).

...*хотя братья по воде и говорят правильно, бывают случаи, когда один из них говорит правильнее, чем другие.* — Аллюзия на «Скотный двор» Дж. Оруэлла: «Все животные равны, но некоторые животные равнее других».

С. 383. *Лидия Пинкхэм* (1819–1883) — первая удачливая бизнес-женщина США. В 1875 г., после смерти мужа, организовала производство тонизирующей настойки, «незаменимой против болезненных недугов и слабостей, столь хорошо знакомых лучшим представительницам нашего женского населения». Настойка имела крепость 20° и пользовалась огромной популярностью; введение сухого закона подняло эту популярность до заоблачных высот. Стоит отметить, что одновременно Лидия Пинкхэм страстно боролась с пьянством.

С. 385. *И по жалким лохмотьям Конституции Соединенных Штатов, и по Федеративному договору все церкви в равной степени неприкосновенны — особенно те из них, которые располагают приличным количеством голосов избирателей.* — Снова, как и выше, аллюзия на «Скотный двор» Дж. Оруэлла.

С. 388. «*Но чрево грешника преполнено грязью.* — Н. О. XXII, 17». — Н. О. — здесь сокращение фостеритской священной книги «Новое Откровение».

С. 395. ...*был когда-то в «Рэмсах» левым крайним.* — Имеется в виду «Лос-Анджелес рэмс», профессиональный клуб американского футбола, выступающий в Национальной футбольной лиге.

С. 396. *Виски-сауэр* — коктейль из виски (бурбона), лимонного сока и сахара.

Дон Ардент — букв. «заря пламенная» (англ. Dawn Ardent).

С. 398. *Баха-Калифорния* — Baja California (*исп.*) — Нижняя Калифорния, Калифорнийский полуостров (полностью принадлежит Мексике).

С. 402. *Входные призы* — призы, разыгрываемые по номерам полученных при входе билетиков.

С. 408. *Гильдия авторов* — старейшая в США профессиональная организация писателей, основанная в 1912 г., в частности занимается защитой авторских прав.

С. 411. *...все было совсем не так, как в Маленькой Коричневой Церкви, куда тебя водили сопливой девочкой?* — Имеется в виду церковь у провинциального городка Бадфорд, штат Айова, постройки 1864 г., исторический памятник, ставшая пасторальным символом; о ней сложена очень популярная — и очень благостная — песня про «маленькую коричневую церковь в лесу» («Little Brown Church in the Vale»).

С. 412. *...животное о двух спинах...* — выражение из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Шейкеры (shakers, *англ.*, *букв.* «трясуны») — протестантская религиозная секта, основанная в Англии в 1747 г. и официально именуемая Объединенное сообщество верующих во второе пришествие Христа; в конце XIX в. секта пришла в упадок и зачахла.

С. 413. *Согласно описанию Петра, Лот — муж справедливый, праведный и богобоязненный...* — См. 2 Петр. 2: 6–8.

С. 415. *Елисей, настолько сочащийся святостью... что мертвец, которого ненароком свалили на его давно побелевшие кости, вскочил как встрепанный.* — См. 4 Цар. 13: 21.

С. 417. *Женщина меня соблазнила.* — Аллюзия на Быт. 3: 12–13. «Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. И сказал Господь Бог жене: что ты это сделала? Жена сказала: змей обольстил меня, и я ела».

С. 424. *...драгоценность находится в лотосе...* — Буквальный перевод основополагающей буддийской мантры «Ом-мани-падмехум».

С. 431. *...«прениже праха, что под копытами его коня».* — Неточная цитата из стихотворения «Прениже пыли», входящего в сборник «Индийская любовная лирика, или Сад Камы» английской поэтессы Адель Флоренс Николсон (1865–1904), писавшей под псевдонимом Лоренс Хоуп.

С. 432. *Омаж* — служба и почтение вассалов своему сеньору.

С. 441. *...твоя левитация, она ведь лучше, чем у Терстона...* — Имеется в виду Говард Терстон (1869–1936), профессиональный

фокусник, прославившийся номером под названием «Левитация принцессы Карнак».

С. 451. *...градусов девяносто* — По Фаренгейту, примерно тридцать два по Цельсию.

С. 454. *...начинал крупное сражение только в тех случаях, когда на стороне Бога была тяжелая артиллерия.* — Переиначенная фраза Вольтера: «Бог всегда на стороне больших батальонов».

С. 468. *Фостер пользовался приемом, который еще в начале двадцатого века отработали до совершенства «убобли»...* — Речь о международной (скорее по претензиям, чем в действительности) анархо-синдикалистской организации «Индустриальные рабочие мира», созданной в Чикаго в 1905 г. и просуществовавшей до 1920-х; многие бывшие ее члены перешли потом в коммунистическую партию США. Члены ИРМ известны либо как «Ай-дабл-дабл-ю» (по английской аббревиатуре IWW), либо как «убобли» — от второй, упрощенной аббревиатуры WOW (Рабочие мира).

С. 470. *...плакат с четырехцветной змейкой и надписью: «Не наступай на меня!»* — Этот девиз и гремучая змея на желтом фоне изображены на так называемом Гадсденовском флаге, исторически одним из первых официальных флагов США, созданном Кристофером Гадсденом (1724–1805), лидером патриотического движения в Южной Каролине во время Американской революции; служит символом патриотизма, поддержки гражданских свобод и разногласий с властью.

Отец ее был родом из Ольстера, а мать — из Корка; вооруженное перемирие родителей оставило дочь без религии. — Ольстер — город в Северной Ирландии, по преимуществу протестантской, Корк — второй по значению город католической Ирландской республики.

С. 477. *...не возводите меня на высокую гору...* — То есть «не соблазняйте меня»; см. Лк., 4: 5.

С. 480. *«Для чистых все чисто».* — См. Тит. 1: 15.

С. 481. *Лингаяты* — шиваистская секта, объектом особого почитания которой является лингам.

С. 482. *Хотите запихнуть меня во Флэтбуш, чтобы не мешал?* — Флэтбуш — во время написания романа бедняцкий район Нью-Йорка, населенный ирландскими, итальянскими и еврейскими иммигрантами.

С. 491. *...аксиологические градации...* — Аксиология — раздел философии, изучающий этические, эстетические и религиозные ценности.

С. 494. *Пало-Альто* — город на тихоокеанском побережье США, чуть южнее Сан-Франциско.

С. 495. *Книга мертвых* — неясно, имеется в виду египетская или тибетская Книга мертвых.

Книга Мормона — священная книга американской секты мормонов, или «святых последнего дня», по преданию — переписанная и переведенная основателем этой секты Джозефом Смитом (1805–1844) с золотых скрижалей, полученных им несколько таинственным образом.

«*Золотая ветвь*» — самое знаменитое из сочинений шотландского антрополога сэра Джеймса Гордона Фрэзера (1854–1941), подробное исследование первобытных верований, в том числе и магии.

«*Наука и здоровье с Ключом к Священному Писанию*» — главная работа Мэри Бейкер Эдди (1821–1910), американской религиозной деятельницы, основавшей движение «Христианская наука».

...*вплоть до такой экзотики, как «Книга закона» Кроули*. — Алистер Кроули (1875–1947) — известный английский оккультист, нередко обвинявшийся в сатанизме. «Книга закона» (1904) — одна из «Святых книг Телемы», основа телемистского учения.

С. 500. ...*видела в них «человеческое, слишком человеческое»*... — Отсылка к трактату Фр. Ницше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» (1878).

С. 509. «*Дьявол и преподобный Фостер*» — аллюзия на выпущенный в 1937 г. сборник фантастических рассказов американского писателя Стивена Винсента Бене (1898–1943) «Дьявол и Дэниел Уэбстер».

С. 510. «*Новый гуманист*» — британский литературно-философский журнал, основанный в 1885 г.

С. 511. ...*о благоприятности каннибализма*... — Аллюзия на знаменитый памфлет Дж. Свифта «Скромное предложение», где предлагается ввести в Великобритании каннибализм.

С. 514. ...*из бутылки с тремя ямочками*. — Имеется в виду дорогой виски «Димпл делюкс» компании «Джон Хейг», с 1893 г. выпускавшийся в бутылке характерной формы, с тремя ямочками.

С. 516. ...*юная девушка все еще жива*... — Джубал явно находится под воздействием известного двустушия Уолта Уитмена «Красивые женщины»: «Женщины сидят или ходят, молодые и старые, / Молодые красивы, но старые гораздо красивее» (перев. К. Чуковского).

С. 520. ...*прятать смысл в странных шифрах, как Пипс в своих дневниках*. — Сэмюэл Пипс (1633–1703), английский чиновник морского ведомства, прославился дневником о повседневной жиз-

ни лондонцев времен Реставрации, который был записан стенографическим шифром Томаса Шелтона и расшифрован лишь в 1825 г.

С. 530. *...свободной земле и стране храбрецов.* — Парафраз последней строки национального гимна США — песни «Звездно-полосатое знамя»; текст написан в 1814 г. Фрэнсисом Скоттом Ки на мелодию «Анакреонтской песни» (1780) английского композитора Джона Стаффорда Смита.

Ну, если он ведет себя осторожно... Брал бы пример с фостеритов. Джозефа Смита за какие-то там невинные детские шалости линчевали, а с этих — все как с гуся вода. — Джозеф Смит — уже упоминавшийся в тексте основатель секты мормонов. Первоначально эта секта практиковала многоженство, что придает сравнению их с фостеритами — и с «религией» Майка — дополнительный смысл.

С. 547. *Уильям Гарвей* (1578–1657) — английский врач, открывший кровообращение.

С. 556. *Гросс* — дюжина дюжин.

С. 580. *Онеидская коммуна* — религиозная община, организованная Джоном Хамфри Нойесом в Онеиде (штат Нью-Йорк). Проявлялась с 1848 г. по 1881-й (после чего была преобразована в акционерное общество).

С. 581. *...катается на нас, дохлая и зловонная, альбатросом на шее.* — Отсылка к поэме С. Т. Кольриджа «Сказание о Старом Мореходе».

С. 584. *...мужик ты — или мышь?* — Отсылка к стихотворению Р. Бёрнса «Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом».

Александр Гамильтон (1757–1804) — американский государственный деятель, первый министр финансов США.

С. 585. *Арматтоу*, Рафаэль Эрнест Грейл (1913–1953) — антрополог, политический деятель Ганы, философ и поэт, номинировавшийся на Нобелевскую премию в 1949 г. за деятельность по объединению британского и французского Тоголенда, борец за права народности эве.

С. 586. *...судить их следует не по нравственным понятиям Поданка, а по олимпийской морали.* — Поданк — слово из языка индейцев-алгонкинов, идиоматически обозначает любой захолустный городок.

С. 593. *Джон Доу, Мэри Роу* — обобщенные имена безликих, рядовых граждан.

С. 595. *...подпиши «Луиза М. Олкотт» и отошли в журнал «Сплощенная семья».* — Луиза Мэй Олкотт (1832–1888) — американская писательница, автор предельно слащавых и нравоучительных рома-

нов («Маленькие женщины» 1868 г. и т. д.). «Сплоченная семья» — имеется в виду «Макколлс», популярный ежемесячный глянцевого журнала для домохозяек, основанный в 1873 г.; в 1954–1962 гг. выходил под названием «Макколлс: журнал для всей семьи».

С. 596. *Я любую беременность определяю на две недели раньше, чем какой-нибудь кролик...* — Во время написания романа тест по определению беременности проводился на подопытных грызунах — кроликах, мышах или крысах.

С. 597. *Энн колебалась между именами Абигейл и Зенобия, а затем взвзгромозила на невинное дитя и то и другое враз. Она никогда не осуждала значение этих имен...* — Абигейл (библ. Авигея) — букв. «отец — моя радость». Зенобия (греч.) — букв. «жизнь от Зевса».

С. 600. *ФОС* — Федеральная охранная служба, вымышленная организация, исполняющая роль службы безопасности.

С. 603. *...«нора священника»?* — Во времена гонений на католиков английские аристократы, сохранявшие верность католической вере, устраивали в своих особняках тайники, куда мог, в случае опасности, спрятаться домашний священник.

С. 611. *...еще при президенте Гардинге...* — Уоррен Гамалиель Гардинг (1865–1923) был двадцать девятым президентом США в 1921–1923 гг.

С. 624. *БЧБ* — Бюро честного бизнеса — некоммерческая организация по защите рынка и потребительских прав, организованная в 1912 г.

С. 625. *...«Богу же все возможно»...* — см. Мф. 19: 26.

Ислам пребудет... — Буквальный перевод слова «ислам» — покорность, подчинение.

С. 646. *...женщины, привыкшей к долгим бдениям на «вдовьей дорожке».* — «Вдовья дорожка» — помост на крыше дома, с которого наблюдали за морем, не идет ли корабль. Характерная особенность прибрежных городов Новой Англии XVIII–XIX вв.

...фрау капитанши. — В данном случае слово «фрау» не немецкое, а голландское, но смысл его тот же.

С. 649. *Дело сделано... Тридцать. Финиш. Конец.* — «Тридцать» — печатный знак (30 или XXX), отмечающий конец цельного газетно-журнального материала.

С. 661. *...Бог замечает каждого падающего воробья.* — Евангельская аллюзия, см. Мф. 10: 29 и Лк. 12: 4–7 («Не две ли малые птицы продаются за ассарий? И ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего»).

С. 668. *...одной из гостиниц Санкт-Петербурга...* — Имеется в виду Санкт-Петербург во Флориде.

С. 669. *...гостиницы «Сан-Суси»...* — Гостиница названа в честь дворца Фридриха Великого в Потсдаме, построенного в середине XVIII в. в одноименном парке по проекту самого короля.

С. 672. *Кауэнга* — древнее поселение индейцев тонга в Калифорнийской долине.

С. 675. *...всякая плоть — трава...* — См. Исх. 40: 6–7.

С. 677. *...Поступай-с-другими-так-как-хочешь-чтобы-поступали-с-тобой...* — См. Лк. 6: 31 и Мф. 7: 12; по утверждению лорда Честерфилда (1694–1733), «самый верный способ нравиться людям».

С. 682. *Я назову его Деннисом...* *Подходящее имя...* — Деннис — от греч. Дионис.

М. Пчелинцев, А. Питчер

Хайнлайн Р. Э.

X 15 Чужак в стране чужой : роман / Роберт Э. Хайнлайн ; пер. с англ. М. Пчелинцева, А. Питчер. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2018. — 704 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-13571-0

Полная авторская версия легендарного романа. Культовой книги, ставшей настольной у поколения «детей цветов» и всей нарождающейся контркультуры. «Библия сексуальной революции» настолько опередила свое время, что, во избежание шквала протестов от фанатиков и ханжей, автор был вынужден сократить рукопись под рабочим названием «Еретик» почти на четверть, убрав наиболее «откровенные» и «идейно сомнительные» эпизоды, — и только тогда «Чужак в стране чужой» увидел свет. Это одно из немногих жанровых произведений, включенных Библиотекой Конгресса в список «книг, сформировавших Америку». И если «Властелин Колец» раскрепостил фантазию миллионов, то «Чужак в стране чужой» научил их «грокать во всей полноте». Итак, познакомьтесь с Валентайном Майклом Смитом — «марсианским Маугли». Воспитанный негуманоидными «стариками», он возвращается на Землю, где, принаравливаясь к чуждым ему нравам и тяготению и обретая новых «братьев по воде», ускоренно проходит все этапы взросления: от порочного происхождения — к несуразному наследию, от эксцентричного воспитания — к скандальной карьере и счастливой участи.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ Э. ХАЙНЛАЙН
ЧУЖАК В СТРАНЕ ЧУЖОЙ

Ответственный редактор Александр Гузман

Редактор Александра Питчер

Художественный редактор Вадим Пожидаев

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Елены Долгиной

Корректор Наталья Бобкова

Подписано в печать 05.09 2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная Тираж 2000 экз. Усл. печ. л 44. Заказ № 7584/18.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29 12 2010 г.)

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака «Издательство Иностранка»
115093, г Москва, ул Павловская, д 7, эт 2, пом III, ком № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г Санкт-Петербург, Воскресенская наб , д 12, лит А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г Киев, Московский пр , д 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail sales@atticus-group.ru, info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел (812) 327-04-55, факс (812) 327-01-60 E-mail trade@azbooka.spb.ru

В Киеве ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел /факс (044) 490-99-01 E-mail sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу www.azbooka.ru/new_authors/

Y-BRM-21755-02-R

Полная авторская версия легендарного романа. Культовой книги, ставшей настольной у поколения «детей цветов» и всей нарождающейся контркультуры. «Библия сексуальной революции» настолько опередила свое время, что во избежание шквала протестов от фанатиков и ханжей автор был вынужден сократить рукопись под рабочим названием «Еретик» почти на четверть, убрав наиболее «откровенные» и «идейно сомнительные» эпизоды, — и только тогда «Чужак в стране чужой» увидел свет. Это одно из немногих жанровых произведений, включенных Библиотекой Конгресса в список «книг, сформировавших Америку». И если «Властелин Колец» укрепостил фантазию миллионов, то «Чужак в стране чужой» научил их «грокать во всей полноте». Итак, познакомьтесь с Валентайном Майклом Смитом — «марсианским Маугли». Воспитанный негуманоидными «стариками», он возвращается на Землю, где, принаравливаясь к чуждым ему нравам и тяготению и обретая новых «братьев по воде», ускоренно проходит все этапы взросления: от порочного происхождения — к несурзному наследию, от эксцентричного воспитания — к скандальной карьере и счастливой участи.

В настоящее время по «Чужаку в стране чужой» готовятся снимать сериал. Это будет совместная постановка студий «Парамаунт» и «Юниверсал»; именитые продюсеры Брэд Фишер («Зодиак», «Остров Проклятых») и Скотт Рудин («Девушка с татуировкой дракона», «Старикам тут не место») обещают крайне бережно отнестись к классическому первоисточнику, называя его «историей, не имеющей срока давности».

Этот удивительный бестселлер повлиял на умы нескольких поколений — и продолжает влиять. В полной, восстановленной версии романа взгляды автора на феминизм и геополитику, религию и вопросы сексуальности звучат особенно современно.

Boston Globe

Если вам покажется, что книга стала толще, а слов в ней больше, чем в ранее опубликованных изданиях «Чужака в стране чужой», то вы правы. Это издание — полный текст рукописи, в том виде, в котором Роберт Хайнлайн задумал и написал свой роман.

Вирджиния Хайнлайн

